СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Исполняется 100 лет со дня рождения великого мыслителя и революционера, вождя всех трудящихся, гениального учителя рабочего класса Владимира Ильича Ленина. Весь советский народ и весь прогрессивный мир отмечает эту дату. Создатель нашей Коммунистической партии, основатель Советского государства, В. И. Ленин стоит у начала почти всех наших дел. Нельзя назвать почти ни одной области общественной, экономической, политической и научной жизни, которая так или иначе не была бы связана с этим великим именем.

С первых дней существования Советской власти В. И. Ленин выступил как знаменосец мира. «Декрет о мире» — вот с чего начало молодое советское государство на международной арене, где дрались в кровопролитной схватке капиталистические хищники. Кризис империализма и его колониальной системы, подъем национальной борьбы, конечное освобождение труда от власти капитала — все это предвидел В. И. Ленин на основе великого марксистского учения, и его прогнозы сбываются и во многом уже сбылись.

Творчески обогатив марксизм, В. И. Ленин создал теоретический и идеологический фундамент нашей партии, заложил основы всего советского мировоззрения.

Нельзя идти вперед в изучении общественной жизни, в выявлении ее законов, перспектив и в восстановлении ее прошлого, не обращаясь к марксизму-ленинизму и непосредственно к замечательным трудам В. И. Ленина. Если мы забудем его указания, его идеи, мы неизбежно свернем с пути марксистско-ленинского понимания истории на путь буржуазного позитивизма или идеализма, будем увлечены потоком многочисленных школ современной буржуазной истории — миграционизма, циклизма, расизма, диффузионизма и т. п.

Вот почему с такой силой звучат сейчас слова В. И. Ленина, сказанные им в его философском труде «Материализм и эмпириокритицизм»: «*Ни единому* из этих профессоров (В. И. Ленин имел в виду буржуазных идеологов), способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собр. соч, т. 18, М., 1961, стр. 363, 364.

Но чтобы уметь отсечь эту реакционную тенденцию, чтобы бороться с враждебной идеологией, надо все глубже и глубже проникать в богатство ленинских мыслей об основных закономерностях исторического процесса.

В. И. Ленину принадлежит определение сущности государства. Он видел важнейший признак государства в наличии особого класса лиц, в руках которого сосредоточена власть. Первобытные эпохи, дающие нам общинно-родовой строй, являются эпохами догосударственными. Переход от общинного строя к государству — сложный и длительный процесс, проходивший и в условиях энеолита, и в бронзовом веке, и в эпоху железного века. Изучение реальных условий этого процесса, его темпов, выделение археологических критериев наличия государства, определение уровня социальной дифференциации — важная задача советских археологов. В. И. Ленин называл вопрос о государстве самым запутанным вопросом истории, объясняя его запутанность классовой заинтересованностью верхов антагонистического общества в сокрытии от народов истинной природы эксплуататорского государства. В. И. Ленин писал: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое» [2]. Вскрыть детали этого процесса, нарисовать конкретную картину этого перехода от первобытного строя к классовому государству — задача советских историков и археологов в частности.

Согласно ленинской теории отражения, познание — сложный процесс приближения и притом бесконечного приближения мышления к объективной действительности, при котором человечество познает мир все полнее и полнее, создавая при этом определенного типа абстракции, понятия, выводя законы. «Археологическая культура» является такого рода абстракцией в археологической науке. В ней заключен комплекс данных и генетического порядка, и географического, но самое главное, в ней содержатся явления производственной деятельности людей. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами», — писал К. Маркс в «Немецкой идеологии» [3]. Археологическая культура — именно то средство, при помощи которого археолог определяет жизнедеятельность древних людей и на основании этого определяет их самих. Таков путь к марксистско-ленинскому теоретическому осмыслению основных понятий археологии, ее основных абстракций.

Для любого ученого навсегда чрезвычайно важными останутся слова В. И. Ленина, сказанные им в лекции «О государстве»: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [4].

Изучая множество культур древних людей, имея дело с бесчисленным количеством фактов и мнений, мы не должны терять этой основной исторической связи, как учил нас В. И. Ленин, не забывать, а применять

---

[2] В. И. Ленин. О государстве. Полное собр. соч., т. 39, М., 1963, стр. 70.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, М., 1955, стр. 19.
[4] В. И. Ленин. Ук. соч., стр. 67.

марксистско-ленинский диалектический метод, развивать и применять идеи диалектического материализма. Историзм, который пронизывает марксизм-ленинизм, требует историзма и в археологии, тесного сближения археологии с историей.

Археология была бы мертвой наукой без диалектики. Исследование единства противоположностей в развитии древнего общества, в развитии его орудий труда, исследование скачков, качественных сдвигов, приведших к образованию современного человека, родового общества, государства, классов и т. д., технических скачков и революций — все эти проблемы могут быть правильно решены только в свете марксизма-ленинизма.

Для археологов и историков, занимающихся самыми древними эпохами человеческой истории, важнейшее значение имеют мысли В. И. Ленина об общественном строе дородового периода. Он высказал эти мысли в письме к А. М. Горькому. Упрекая последнего в том, что тот считал, будто зоологический индивидуализм был обуздан идеей бога, В. И. Ленин писал: «В действительности „зоологический индивидуализм" обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна» [5]. В этих словах заключена четкая формулировка безрелигиозного периода в истории людей и дан термин, которым мы теперь пользуемся для обозначения раннего периода в истории человеческого общества — период «первобытного стада». Археологические открытия все более и более подтверждают тезис о наличии раннего безрелигиозного периода в истории человечества, что имеет важное значение в борьбе с буржуазной реакционно-клерикальной идеологией и наукой.

Рабовладельческое общество изучено в значительной мере благодаря археологическим открытиям XIX и XX вв. Но после периода накопления фактов настает период идейного и методологического обобщения. Многочисленные дискуссии о рабовладельческом строе, ставившие порой под сомнение само его наличие, споры о вариантах и этапах развития рабства привлекают и историков и археологов. Нельзя забывать в этих спорах о ясных указаниях В. И. Ленина о том, что рабство было господствующим строем в Европе 2000 лет назад, что разделение общества на рабовладельцев и рабов было первым крупным делением на классы. Археология дает возможность изучать виды рабовладельческого общества у разных народов, вскрывать закономерности развития этой формации.

Даже такие, казалось бы, далекие от археологии труды В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», содержат замечательные мысли и положения, которыми мы, советские археологи, должны руководствоваться и которые можем применить в нашей работе. Например, ленинское определение феодального натурального хозяйства: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению» [6]. Изучение средневекового сельского хозяйства — традиционная тема советских археологов. В этой работе они опираются на ленинские определения и идеи. Так же обстоит дело и с изучением средневекового ремесла, о развитии которого В. И. Ленин высказал важные мысли в ряде своих работ, в том числе и в «Развитии капитализма в России».

Изучение вещей, орудий труда — важнейшая задача археологии. В. И. Ленин подчеркивал, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли,

---

[5] В. И. Ленин. А. М. Горькому. Полное собр. соч., т. 48, М., 1964, стр. 232.

[6] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полное собр. соч., т. 3, М., 1958, стр. 21, 22.

науки и техники» [7]. Диалектическая обработка истории человеческой техники — это и есть изучение истории техники, истории различных производств, сельского хозяйства, путей сообщения, ремесла с позиций диалектического материализма. Важную роль в этом изучении играет археология. В. И. Ленин, цитируя Гегеля, писал: «В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой...» [8]. Именно так должны советские археологи подходить к изучению тех древних орудий труда, которые остались нам от погибших и ушедших в небытие цивилизаций.

В изучении древней техники и орудий труда необходима интеграция наук — процесс, который идет сейчас очень интенсивно. Археология привлекает к решению своих задач математику, физику, химию, геологию, почвоведение и многие другие науки.

Но археологи не могут ограничиваться только изучением вещей, технологии и орудий труда. Они неизбежно приходят к выводу о необходимости анализа социального строя. И в этой области ими руководят марксистско-ленинские идеи об обществе. Здесь особенно важны определения В. И. Ленина о соотношении общественного бытия и сознания, кратко и необыкновенно четко выражающие сущность вопроса:

«Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*. Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития,— объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей „теорией“ Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить *к ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» [9].

Советские археологи и историки должны, следуя этим заветам, направить свои усилия на то, чтобы понять и конкретно изучить логику общественно-экономического развития, его законы, познание которых В. И. Ленин называл самой высшей задачей человечества, видя в них мощное средство революционного преобразования мира и «критического приспособления» к этой логике общественного сознания передовых классов.

Советская археология работает в тесном контакте с органами советского государства по охране памятников. Разрушаемые природой или неотложными строительными работами археологические объекты непременно изучаются специалистами и тем самым спасаются для науки. В. И. Ленин много раз говорил о ценности культурного наследия и необходимости беречь его и изучать. В первые же дни Октябрьской революции Петроградский военно-революционный комитет назначил комиссаров

---

[7] В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Наука логики». Полное собр. соч., т. 29, М., 1963, стр. 131.

[8] Там же, стр. 172.

[9] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 345.

по охране музеев, дворцов и художественных ценностей. В. И. Ленин был инициатором многих работ по спасению и реставрации памятников старины. 14 апреля 1918 г. Совнарком принял декрет «О памятниках республики», разработанный по инициативе В. И. Ленина и им подписанный.

18 апреля 1919 г. В. И. Ленин, в тяжелых условиях гражданской войны и интервенции, подписал декрет о создании Российской Академии истории материальной культуры, позднее переименованной в Государственную академию истории материальной культуры, которая со временем стала Институтом истории материальной культуры, а затем — Институтом археологии. С именем великого вождя связана сама организационная форма существования советской археологии, так как эта академия, а затем и институт были и остаются головными советскими археологическими учреждениями. В первом разделе упомянутого декрета говорилось, что академия учреждается «для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных как монументальных, так и бытовых памятников, предметов искусства и старины, и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Республики».

Неизмеримо выросла с тех пор армия археологов, расширилось поле их деятельности. Созданы новые археологические учреждения, кафедры и институты по всей нашей стране. Активно ведется археологическая работа на грандиозных стройках коммунизма. Накоплены колоссальные фонды археологических источников. Но слова декрета, подписанные Лениным в 1919 г., актуальны для советских археологов и сегодня, когда мы отмечаем столетие со дня рождения нашего великого вождя и учителя.

POUR LE CENTIEME ANNIVERSAIRE DE V. I. LÊNINE

Résumé

L'article fait ressortir de façon approfondie l'importance considérable des idées de Lénine pour le progrès de toutes les sciences sociales, l'archéologie y compris.

Статьи

Ю. Н. ЗАХАРУК

ЛЕНИНСКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма...

В. И. Ленин

Ленинское теоретическое наследие огромно. Особенно велико революционизирующее значение этого наследства для прогресса науки, научного познания и творчества. Огромно его значение и для развития археологической науки. Становление советской археологии было бы немыслимым без глубокого овладения ленинским наследством, без творческой разработки величайшего богатства научного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Большая заслуга первых советских археологических учреждений и их сотрудников состоит в марксистском методологическом перевооружении нашей науки, в творческом овладении материалистическим пониманием истории, марксистско-ленинской теорией исторического процесса. Специальное внимание уделялось изучению закономерностей развития общественно-экономических формаций, исследованию специфических особенностей и закономерностей развития первобытнообщинного строя, социальных структур переходного периода к раннеклассовым государственным образованиям, а также античного и раннефеодального обществ. Много усилий было приложено, чтобы выработать марксистскую периодизацию первобытного общества. Естественно, что этот период становления советской археологической науки не мог не протекать в условиях острых дискуссий, борьбы мнений, преодоления неизбежных при этом ошибок и заблуждений. Без осуществления этой огромнейшей работы [1], без напряженной творческой разработки теоретических основ советской археологии невозможны были бы ее последующие достижения и успехи.

Однако следует заметить, что ленинское наследие изучалось и разрабатывалось главным образом по линии социологической теории исторического процесса. Это вполне естественно, ибо именно эта сторона ленинского теоретического наследства представляла огромный научный интерес и имела решающее значение для развития и разработки методологических основ всех общественных наук, и в частности наук исторического профиля.

Значительно меньше внимания уделялось специалистами различных отраслей общественных наук, в том числе и археологами, не менее важ-

[1] См. опубликованные в 1930-е годы монографии и статьи, главным образом в изданиях ГАИМК, ИГАИМК, ПИМК, ПИДО и др. А. Н. Бернштама, Б. Л. Богаевского, С. Н. Быковского, П. П. Ефименко, М. П. Жукова, Е. Ю. Кричевского, С. И. Ковалева, В. И. Равдоникаса, А. В. Шмидта и др.

ной в методологическом отношении области ленинского теоретического наследия, которая касалась философских проблем развития науки, разработки теоретических основ познания и науки вообще.

Сейчас, когда методологические проблемы общественных наук приобретают решающее значение, обращение к этой исключительно ценной и важной стороне ленинского наследства представляется более чем своевременным и актуальным.

Как известно, В. И. Ленин высоко оценил как «...гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [2] вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в дело переработки всей философии, естествознания и обществоведения на основе материалистической диалектики. Глубоко понимая «решающее в марксизме» значение диалектики, В. И. Ленин, в свою очередь, сделал новый шаг вперед в ее развитии. Диалектика — драгоценнейшая жемчужина в философской сокровищнице ленинского теоретического наследства. Каждая ленинская мысль, каждый оттенок подхода к исследуемым объектам имеют непреходящее значение и являются источником глубоких и всесторонних исследований [3].

Обращая внимание на выдающуюся роль диалектики в марксистской системе мировоззрения и в революционной практической деятельности, В. И. Ленин всегда подчеркивал особое ее значение для развития собственно научного знания. Глубокой заботой о судьбах науки проникнут ленинский призыв о необходимости «...*диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [4]. Этот ленинский призыв и в наши дни остается величайшим заветом творческого марксизма. В. И. Ленин не только поставил вопрос о дальнейшей разработке материалистической диалектики как науки, как теории, но и раскрыл ее богатейшее содержание, универсальность, многогранность. Огромнейшей заслугой В. И. Ленина является то, что он в своих произведениях обосновал и развил положение о единстве диалектики, логики и материалистической теории познания. Сущность диалектики, по В. И. Ленину, в том, что она «есть теория познания марксизма». Этими словами В. И. Ленин указывал на то, что в содержание диалектики входит не только исследование объективных законов, их проявление в природе и обществе, но и законов отражения объективной диалектики в мышлении, в науке. Подчеркивая важное значение диалектики как теории познания, В. И. Ленин имел в виду, что диалектика должна быть раскрыта не только как учение о сущности познания, но и как учение о развитии познания. «В теории познания, как и во всех других областях науки,— говорил Ленин,— следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и непзменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [5]. В. И. Ленин, таким образом, ставит вопрос и о логике научного познания, о логике науки. «Всякая наука есть прикладная логика»,— заключает В. И. Ленин, конспектируя сочинения Гегеля [6]. В свою очередь: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания» [7], «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту» [8]. Ленинская диалектика, логика и теория познания, следовательно, есть учение о сущности познания, учение о том, как оно должно развиваться,

---

[2] В. И. Ленин. Переписка Маркса с Энгельсом. Полное собр. соч., т. 24, М., 1961, стр. 264.

[3] М. М. Розенталь. Ленин и диалектика. М., 1965.

[4] В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Наука логики». Полное собр. соч., т. 29, М., 1963, стр. 131.

[5] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собр. соч., т. 18, М., 1961, стр. 102.

[6] В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля..., стр. 183.

[7] Там же, стр. 163.

[8] Там же, стр. 177.

какими должны быть понятия и суждения, чтобы они правильно могли отражать сложную, полную противоречий действительность, предмет познания.

Диалектика, логика и теория познания, не выходя за пределы науки, способны объяснить особенности развития современного знания, правильно определить его тенденцию, формы и методы обогащения новыми результатами. Они определяют общее направление, общие методологические установки научного исследования вообще. Они как бы выполняют роль стратегии научного исследования, постулируют ее основополагающие, универсальные, обязательные для каждой науки принципы. Диалектика, логика и теория отражения помогают правильно ставить методологические проблемы каждой науки и определяют истинные пути их решения.

Постановка и выдвижение на первый план методологических, философских проблем каждой науки становятся актуальными и возможными лишь при условии достижения данной наукой определенного, сравнительно высокого уровня.

Каким же представляется в настоящее время уровень развития советской археологической науки?

Археология переживает сейчас сложный период перехода от эмпирического этапа к этапу синтетическому. В этом отношении археологическая наука не является каким-либо исключением. Каждая наука в своем историческом развитии проходит эти два этапа[9]. Об эмпирическом естествознании и его стихийном переходе на путь теоретического развития писал Энгельс[10]. Эмпирический период развития наук связан прежде всего с накоплением массового эмпирического материала, его классификацией и систематизацией. На этом первоначальном этапе развития науки, как правило, преобладают аналитические методы исследования, поэтому нередко этот этап именуется «аналитическим».

Прежде чем археологами овладело чувство глубокого беспокойства за развитие своей науки, прежде чем их начал мучить «демон проблем», главное их внимание было обращено на тщательное накопление и скрупулезное аналитическое изучение разнообразных археологических объектов, фактов. Понадобились долгие годы упорного труда, прежде чем удалось выявить великое разнообразие форм, видов и типов археологических находок и объектов, и перед исследователями раскрылось изумительное богатство археологических источников. Овладение этим огромным богатством потребовало не только выработки специальных приемов описания, но и формирования соответствующего языка науки, специфической археологической номенклатуры и терминологии. Формирование такого языка, равно как и само исследование множества разнообразных археологических объектов, не могло не носить вначале стихийного характера. Оно определялось прежде всего потребностями самой практики каждого археолога. В ходе исследования разнообразных объектов создавались соответствующие номенклатура, термины, понятия. В это время мало беспокоились об их согласованности. Но в развитии каждой науки наступает такой период, когда стихийно создаваемая терминология оказывается несогласованной, неоднозначной и пользование ею становится затруднительным, а то и просто невозможным. Вот тогда проблема унификации терминологии и становится неотложным делом.

Нет нужды приводить примеры и специально обосновывать положение о том, что вопрос об унификации археологической номенклатуры и терминологии представляет сейчас одну из важнейших задач нашей нау-

---

[9] Сб. «Диалектика и логика научного познания». М., 1966, стр. 81—82; А. С. Арсеньев, В. С. Бибилер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия. М., 1967, стр. 333—335.

[10] Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961, стр. 511.

ки. Аналогичную ситуацию переживали и другие науки[11]. Отсутствие единой археологической терминологии, как известно, является все еще серьезным препятствием для формализации данных нашей науки, крайне затрудняет внедрение в нее статистических методов обработки и анализа массового материала.

Известный шведский археолог Матс Мальмер определяет существующий терминологический разнобой и крайний субъективизм археологической номенклатуры как «импрессионизм»[12]. По его словам, для современной археологии типично отсутствие точной терминологии, которую предстоит еще создать. Унификация археологической терминологии будет важным шагом вперед на пути перехода нашей науки на более высокий, теоретический этап развития.

Не менее показательно для оценки уровня развития любой науки состояние ее системы понятий. В. И. Ленин, как известно, придавал этому важному компоненту исключительное значение. Он писал: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий...»[13]. Являясь узловыми пунктами познания, понятия выполняют роль средства познания. В предельно лаконичной и строго философской форме В. И. Ленин так формулирует значение понятий в научном познании: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность... таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономии* [и истории]»[14].

В какой мере археологические понятия отвечают этим требованиям ленинской теории отражения? Насколько они в действительности служат средством обобщения эмпирических данных нашей науки? Как наши понятия раскрывают историческую сущность исследуемых археологических источников?

В ходе углубленного исследования различных археологических объектов, особенно в связи с их классификацией и систематизацией, выяснилось, что археологические памятники и их вещественные комплексы оказываются составной частью более крупных совокупностей, какими, в частности, являются комплексы археологических культур. Введение в научный оборот нашей науки нового, емкого и структурно сложного понятия, каким является понятие археологической культуры (АК), в свою очередь, знаменовало собой новый важный шаг вперед в развитии археологической науки[15]. Начался период стремительного открытия многочисленных АК — период, который продолжается и в настоящее время. Количество новых культур непрерывно растет. Иногда этот рост кажется прямо-таки угрожающим, и в связи с этим даже поговаривают о «кризисе», «тупиковом состоянии» нашей науки. Однако процесс открытия новых АК закономерен и неотвратим.

Понятие АК, возникшее в ходе эмпирического исследования и освоения археологических источников, относится к числу фундаментальных,

[11] Смутным периодом в истории химии называли середину прошлого века. Этот период характеризовался невероятной терминологической и номенклатурной неразберихой. Достаточно сказать, что одних только обозначений уксусной кислоты было около двух десятков. Химики фактически говорили на разных языках. Издатель одного химического журнала того времени жаловался, что для того чтобы понять содержание публикуемых в его журнале статей, к каждой из них прилагалась особая смысловая отмычка. Положение было настолько критическим, что потребовалось специально созвать первый Международный химический конгресс в Карлсруэ (1860), на котором главное внимание было уделено унификации химической терминологии и номенклатуры. О. Писаржевский. Дмитрий Иванович Менделеев. М., 1951, стр. 112—120.

[12] M. P. Malmer. Jungneolithische Studien. Lund, 1962, стр. 881—882.

[13] В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля..., стр. 163—164.

[14] Там же, стр. 298.

[15] Ю. М. Захарук. Проблеми археологічної культури. «Археологія», XVII, Київ, 1964, стр. 12—42.

основополагающих понятий нашей науки. Археологи, естественно, не могли не заинтересоваться и вопросом о том, что же отражают эти АК, каково же их историческое и социологическое содержание. Сама постановка такой проблемы — свидетельство вступления археологической науки в ее теоретическую область.

А это, как известно, всегда наталкивается на неизбежные противоречия. Они проявляются, в частности, в формировании одинаково право-

Таблица 1

Точки зрения на содержание понятия «археологическая культура»

Содержание понятия «археологическая культура»	
Общность хозяйства и географических условий древнейшего населения	М. Е. Фосс (1952)
Историко-этнографические области и хозяйственно-культурные типы	К. Г. Отто (1953)
Этнические общности	А. Я. Брюсов (1956) А. П. Смирнов (1964) Ю. Н. Захарук (1964) М. Ю. Брайчевский (1965)
Социально-экономические области	И. Германн (1965)
Разное содержание, в том числе — этнические общности	Е. И. Крупнов (1964) А. Л. Монгайт (1967) И. С. Каменецкий (1969)

мерных, с точки зрения эмпирических методов, но исключающих друг друга положений. Убедительной иллюстрацией к этому может служить современное состояние проблемы содержания понятия АК в нашей науке (табл. 1). В таблице указаны авторы и соответствующие точки зрения. В скобках — дата их опубликования. Несмотря на выборочность приведенных данных, их неполноту, эта таблица все же отражает общее состояние наших знаний по затронутому вопросу. Не трудно заметить, что существующие точки зрения относятся к довольно ограниченному периоду и в этом смысле могут рассматриваться как практически одновременные. С другой стороны, бросается в глаза исключительный разнобой и взаимоисключаемость указанных взглядов. Они несут в себе различную информационную нагрузку, отражая совершенно разные по значению и содержанию социально-исторические явления. Одно дело — общность хозяйства и географических условий, другое — историко-этнографические области и хозяйственно-культурные типы, третье — этнические общности или социально-экономические области. Особой является точка зрения, предполагающая различное содержание понятия АК, и только как одно из них — этническое.

Анализируя указанную таблицу с точки зрения логико-философской, не трудно заметить явное несоответствие понятия АК тем требованиям, которые предъявляет к научным понятиям материалистическая диалектика. Согласно ленинской теории познания, различные объекты действительности должны отражаться в форме различных понятий. Понятия же, имеющие различное содержание, отражающие «...все, что угодно», по Ленину, обнаруживают свою бессодержательность[16]. Научные понятия поэтому должны обладать строгой определенностью. Этой определенностью, как мы видим, понятие АК пока еще не обладает. Тем самым оно теряет важное научное качество понятия — быть средством, орудием познания. Из-за нерешенности этой проблемы мы практически лишаемся единственной возможности «пробиться» сквозь мертвые, отчужденные формы нашего источника к живой истории человечества.

[16] В. И. Ленин. Еще одно уничтожение социализма. Полное собр. соч., т. 25, М., 1961, стр. 44.

Когда многогранность и многозначность понятий велика, это указывает на то, что они — эти понятия — сырые, не установившиеся. Их надо уточнять, расчленять на более определенные и четкие. Единственный выход из создавшегося положения — в установлении однозначного понятия АК, в теоретическом обосновании его исторического и социологического содержания.

Таблица 2

Точки зрения на этническую принадлежность черняховской культуры

Этническая принадлежность черняховской культуры		
Моноэтническая	Славянская	В. В. Хвойко (1901) М. Ю. Смишко (1940) Б. А. Рыбаков (1943) Е. В. Махно (1949) М. Ю. Брайчевский (1950) Э. А. Сымонович (1953)
	Германская	Б. Митриа (1953) Ю. В. Кухаренко (1965) М. А. Тиханова (1966)
	Не славянская	П. Н. Третьяков (1968)
Многоэтническая	Готская	М. И. Артамонов (1962) В. В. Крапоткин (1966)
	Славянская, гето-дакская, сарматская	Г. Б. Федоров (1967)
	Частично славянская	В. Д. Баран (1965)

Предположим, что мы уже имеем разработанную теорию АК, согласно которой доказано ее этническое содержание. Достаточно ли этого для решения вопросов об этнической и этнолингвистической атрибутации конкретных археологических культур? По-видимому, нет! Мало знать, что АК действительно отражает древние этнические общности, необходимо выработать строгие научные приемы и методы их атрибутации. Без этого вообще невозможно решение конкретных задач, касающихся этногенетических проблем древнейшей истории.

Совершенно излишне доказывать, например, исключительную важность для науки проблематики славянского этногенеза. Известно также, что одной из актуальнейших и остро дискуссионных проблем нашей истории является проблема этнической атрибутации черняховской культуры. Невозможно переоценить значение окончательного решения вопроса об этническом содержании этой культуры, являющейся важным звеном в цепи исторического процесса непосредственно, или почти непосредственно, предшествующего достоверным раннеславянским памятникам.

Рассмотрим таблицу, иллюстрирующую современное состояние взглядов на этническую принадлежность черняховской культуры (табл. 2). За некоторыми исключениями (например, взглядов самого В. В. Хвойки) таблица отражает точки зрения по этому вопросу, которые горячо дискутировались на специальной конференции, посвященной проблемам черняховской культуры (Львов, 1967). Как видим, сегодня черняховская культура рассматривается и как славянская, и как не славянская, и как преимущественно готская, и как преимущественно германская и, наконец, как многоэтническая, с различным сочетанием входящих в нее этнических элементов. И это для периода истории, по которому кроме археологических источников имеются в немалом количестве источники письменные.

Чем же объяснить, что начиная со времени открытия и исследования первых памятников черняховской культуры, проблема ее этнической, славянской или неславянской принадлежности остается столь дискуссионной? Отсутствием необходимых источников? Возможно, если говорить о времени Хвойко. Вряд ли, если говорить о современном состоянии их изученности. Мы не ошибемся, если скажем, что причина в отсутствии единых выработанных научных принципов и методов решения этой важной проблемы, в отсутствии разработанной теории и методики этногенетических исследований вообще.

Приведенные таблицы с подборкой различных точек зрения по важнейшим принципиальным вопросам нашей науки свидетельствуют о серьезных трудностях, с которыми сталкивается исследователь при попытках историко-социологической интерпретации археологических источников. Эти трудности, закономерно возникающие при вступлении нашей науки на синтетическую ступень, неотложно требуют разработки единой теории предмета нашей науки, общего методологического подхода и специальных методов решения ее животрепещущих проблем, совершенствования понятийного аппарата и языка нашей науки. Успешная разработка методологических проблем немыслима без глубокого проникновения в сущность и закономерности развития знания вообще и каждой конкретной науки — в частности. Наивны и тщетны надежды на решение этих актуальных методологических проблем археологии чисто эмпирически, непосредственно, само собой, только ее средствами, в ходе самого исследования, без серьезной опоры на общеметодологическое значение философии и ее руководящих принципов.

Однако одного признания значения философии и ее принципов для развития отдельных наук еще недостаточно. Равно и формальные ссылки на диалектику не приносят никакой пользы. «Но одно дело признавать ее (диалектику.— *Ю. З.*) на словах,— писал Ф. Энгельс,— другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования» [17]. Чтобы творчески использовать философские принципы, категории и понятия, в каждом научном исследовании необходимо уметь их диалектически конкретизировать. Это, в свою очередь, предполагает не только философский подход к вопросам науки, но и глубокое понимание и проникновение в специальные проблемы каждой науки.

Успешное внедрение философских принципов в науку возможно лишь при условии учета ленинского требования о своеобразии их применения в каждой области знания, учета специфики последней. Недаром К. Маркс усматривал основную задачу науки в раскрытии специфической логики специфического предмета.

Выдающимся образцом творческого применения диалектики к конкретной науке, как известно, В. И. Ленин считал «Капитал» Маркса. Эпохальное значение этого классического труда для дальнейшего развития науки и философии состоит в том, что важнейшие философские проблемы рассмотрены применительно к специальной проблематике одной конкретной науки — политической экономии. «В „Капитале“,— указывал В. И. Ленин,— применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма...» [18]. Для этого потребовалось разработать специальную диалектику предмета политической экономии «...(ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)» [19]. Применительно к предмету политической экономики К. Маркс выработал специфическую логику, которую Ленин, в отличие от логики философской, диалектической называл логикой Капита-

---

[17] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 302.

[18] В. И. Ленин. План диалектики (логики) Гегеля. Полное собр. соч., т. 29, стр. 301.

[19] В. И. Ленин. К вопросу о диалектике. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

ла [20]. В этой обязательной ориентации на специфичность самого объекта исследования, предмета данной науки, — ленинский ключ к диалектической «переработке» каждой конкретной науки.

Невольно возникает вопрос: чем же объяснить индифферентное, а порой и скептическое отношение некоторых исследователей к философии, философским проблемам своей науки? В ряде случаев этот «философский индифферентизм» объясняется нечетким пониманием роли философии в развитии конкретных наук. Об этом говорят сами философы. «Функция философии в науке в конечном счете сводится к развитию метода мышления. Неправильно было бы представлять себе философию в качестве универсального и абсолютного критерия всех выдвигаемых научных теорий» [21]. «Представление философии в качестве всеобщего арбитра всех споров в современной науке наносит вред и специальным наукам и еще более самой философии» [22]. Нельзя, следовательно, требовать от философии того, что она не дает и не может дать. Равно не менее ошибочно отрицать общеметодологическое значение философии для развития конкретных наук вообще. Неоспоримо огромное значение философии для развития естественных наук, которые, в отличие от общественных, широко пользуются методами экспериментальной проверки своих положений и, казалось бы, поэтому меньше нуждаются в помощи философии. Общеизвестно, что без философского осмысления достижений современной физики невозможно было бы и ее небывалое стремительное развитие.

О тесной, неразрывной связи философии, теории познания и конкретных наук хорошо сказал А. Эйнштейн: «Достойно внимания взаимоотношение теории познания и науки. Они зависят друг от друга. Теория познания без контакта с наукой становится пустой схемой. Наука без теории познания, поскольку она вообще возможна, без нее примитивна и беспорядочна» [23]. Замечательны слова А. И. Герцена о пагубности разрыва философии и науки: «Совершенная отрезанность естествознания и философии часто заставляет целые годы трудиться для того, чтобы приблизительно открыть закон давно известный в другой сфере, разрешить сомнение давно разрешенное: труд и усилия тратятся для того, чтобы во второй раз открыть Америку — для того, чтобы проложить тропинку там, где есть железная дорога» [24]. Значение философии, по Герцену, в том и состоит, что она помогает ученому понять, что феодальная чеканка собственных научных положений и истин в отрыве от огромного мира науки, простирающегося за узкой полоской земли его специальности, неизбежно толкает исследователя на бесплодное блуждание по давно заброшенным тропинкам науки, в то время когда в ней уже проложены и действуют мощные магистральные дороги.

Еще более сжато, как афоризм, как предупреждение, звучат для исследователей слова Ф. Энгельса о том, что «презрение к диалектике не остается безнаказанным» [25].

В связи с вопросом о взаимоотношении философии и частных наук, о значении философии, философского мировоззрения в творческой деятельности ученого, нельзя не обратить внимание на одну весьма любопытную выписку, которую сделал В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля. «Логика похожа на грамматику тем, что для начинающего это — одно, для знающего язык (и языки) и дух языка,— другое». «Она есть одно для того, кто только приступает к ней и вообще к наукам, и не-

---

[20] Там же, стр. 301.
[21] «Логика и методология науки». М., 1967, стр. 11.
[22] Там же, стр. 15.
[23] М. М. Розенталь. Ленин и диалектика. М., 1963, стр. 345.
[24] А. И. Герцен. Письма об изучении природы. 1, М., 1948, стр. 113—114.
[25] Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 382.

что другое для того, кто возвращается к ней от них»[26]. Эта тонкая и глубокая, как отмечал В. И. Ленин, гегелевская мысль обращает наше внимание на то, что подлинное овладение философской и логической наукой возможно лишь с позиции ученого, глубоко знающего свой предмет, познавшего «дух» своей науки, умудренного ее опытом. При ученическом, не творческом подходе к овладению великим богатством философии последняя остается бесплодной, чем исключается достижение каких-либо положительных результатов. Здесь кроется еще один примечательный аспект ленинской идеи о неразрывной связи философии и науки, имеющей важное методологическое значение в научном творчестве.

Диалектическая переработка науки предполагает ее переработку соответственно последним достижениям философии и конкретных наук. В. И. Ленин особо подчеркивал положение о необходимости постоянного совершенствования и взаимного обогащения философии и науки как закономерности развития научного знания.

В. И. Ленин, как известно, не оставил систематического изложения диалектики, логики и теории познания. Он определил и творчески разработал их основополагающие принципы, вскрыл их сущность и взаимосвязь, указал пути их построения и развития. За время, прошедшее после выхода в свет ленинских философских работ, существенно обогатилась и развилась далее марксистская философия. Много сделано советскими и зарубежными философами-марксистами для дальнейшей творческой разработки ленинского учения о диалектической логике, углубления ленинской теории познания. Успешно развивается за последние годы чрезвычайно важная для каждой науки философская область — логика научного исследования и познания, опирающаяся на ленинские принципы диалектической логики и теории отражения. В марксистской философии развиваются также такие чрезвычайно важные ее направления, как эвристика — наука о творческом мышлении, исследующая философские принципы, методы и приемы получения нового знания, семиотика — наука о знаках, о языке науки. На все области научного знания, и на философию в том числе, все большее влияние оказывает кибернетика, исследующая принципиально важные вопросы, касающиеся информативности в природе, обществе и науке, в частности. Выполнение ленинского завета о диалектической переработке конкретных наук, в том числе, естественно, и археологии, возможно лишь при условии глубокого овладения неисчерпаемым богатством ленинского теоретического наследия, а также и важнейшими достижениями современной марксистской философии.

Говоря о философских проблемах нашей науки, мы тем самым говорим о ее важнейших актуальных методологических проблемах. Речь идет о том, какой должна быть наша наука, чтобы успешно решать постоянно возникающие перед ней новые и более сложные задачи. Методологические проблемы археологической науки, проблемы ее структуры и основ, руководящих принципов, понятийного аппарата и методики — вот та новая, непривычная еще для нас область исследования, которая вызвана к жизни самой внутренней логикой развития нашей науки.

Д. И. Менделеев, который всегда проявлял глубокий интерес к философским проблемам своей науки и благодаря этому много преуспевший на ее поприще, писал: «Здание науки требует не только материала, но и плана, воздвигается трудом, необходимым как для подготовки материала, так и для кладки его, или выработки самого плана, для гармонического сочетания частей, для указания путей, где может быть добыт наиполезнейший материал»[27]. Эта менделеевская характеристика образно и точно выражает содержание методологических проблем каждой науки. Сама наука должна стать предметом постоянного глубокого теоретического беспокойства ее ученых.

---

[26] В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля..., стр. 90.

[27] О. Писаржевский. Дмитрий Иванович Менделеев. М., 1951, стр. 205.

Величайшее значение ленинского философского наследства в том и состоит, что оно обращает внимание на эту исключительно важную для нас сторону археологической науки, определяет надежный общеметодологический каркас, на котором должно строиться здание каждой науки. Вместе с тем ленинское наследие, указывая пути построения подлинного здания науки, призывает к большому, упорному, созидательному труду. Перед археологами открывается непочатый край работы по изучению сущности и специфики археологического знания, по раскрытию его внутреннего механизма, сложнейшего познавательного процесса нашей науки. Предстоит выработать и установить также принципы археологической науки, которые бы гарантировали ее объективный характер, соответствие археологических знаний внутренним закономерностям развития исследуемого археологией предмета. Задача состоит в раскрытии конкретного содержания противоречивого характера нашей науки, тенденций ее развития. Сложный комплекс проблем касается изучения сущности и возможностей методов и приемов археологического исследования, которые призваны обеспечить более глубокое проникновение в сущность предмета нашего познания — археологических источников и кроющихся за ними конкретных сообществ далекого прошлого.

Пока главное внимание исследователей было обращено на эмпирическое изучение самого источника, такое положение могло казаться естественным и терпимым. Радикально меняется положение тогда, когда на первый план выдвигаются вопросы историко-социологической интерпретации археологических источников, когда методологические проблемы нашей науки приобретают решающее значение [28]. Ленинское теоретическое наследие и само имманентное развитие нашей науки безотлагательно требуют самого пристального внимания к методологическим проблемам, объединения творческих усилий всех археологов для построения единого здания археологической науки.

Глубокое осознание важности и неотложности этих задач, успешное творческое их осуществление откроют перед археологией еще более величественные перспективы.

Ju. N. Zakharouk

LE LEGS THEORIQUE DE LENINE ET CERTAINES QUESTIONS DU DEVELOPPEMENT DE LA SCIENCE ARCHEOLOGIQUE

Résumé

L'article donne l'analyse du chapitre du legs théorique de Lénine concernant les problèmes philosophiques de la science et la connaissance scientifique ce qui a une grande valeur méthodologique pour le développement de toute la science moderne l'archéologie y compris. Le caractère d'actualité des problèmes philosophiques de la science arhéologique est défini par l'étape moderne de son développement qui est celle de transition de l'empirique au synthétique. L'état actuel de la nomenclature et de la terminologie archéologiques ainsi que de ses notions scientifiques le confirme. L'application des principes de la logique dialectique et de la théorie matérialiste de connaissance à l'archéologie permettre de réaliser un travail important et volumineux visant à faire ressortir l'essence et le spécifique de la connaissance archéologique, à étudier son mécanisme interne et les tendances de son évolution; cela contribuera également àlaborer d'une manière créatrice la théorie de l'objet de l'archéologie et les méthodes scientifiques de ses investigations.

---

[28] Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки и ее проблемах. СА, 1969, 3, стр. 11—20.

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Термин «культура» употребляется в нашей литературе в двух значениях: 1) «совокупность достижений общества в области просвещения, науки, искусства и в других областях духовной жизни»[1] и 2) определенная общность археологических памятников. В последнем случае термин «культура» является сокращением термина «археологическая культура». Понятие это можно считать общепринятым всеми археологами, а не только советскими[2].

Однако и термин «археологическая культура» употребляется для обозначения двух разных понятий. В первом случае он равнозначен терминам «эпоха», «время», «этап» и т. п. Во втором случае он обозначает по преимуществу территориально различающиеся группы археологических памятников. Несмотря на то, что еще В. А. Городцов предупреждал об опасности смешения «классификации культур с классификацией археологического времени»[3], несмотря на то, что неправомерность употребления термина «культура» в значении «эпоха» ясна всем исследователям, он по традиции используется и сейчас[4]. В предлагаемой статье «археологическая культура» рассматривается во втором значении этого термина.

По мнению ряда советских археологов[5], существование культур ограничено во времени. Палеолит, особенно палеолит нижний, по-видимому, не знает деления на культуры. Исследователи предпочитают говорить пока о «локальных» различиях, или «локальных вариантах»[6]. Действительно, выделяемые ими области так огромны, что отождествление их с археологи-

---

[1] БСЭ, 24, М., 1953, стр. 30, «Культура».

[2] K. H. Otto. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkerschaften EAF, *1*, Berlin, 1953; N. Vlassa. Contributii la cunoaşterea culturii Bodrogkeresztúr în Transilvania, SCIV, **15**, 3, 1964, Bucureşti; L. Hájek. Kostěná industrie otomanské kultury z Barce. SA, VII-2, 1959, Bratislava, и т. д. Предпринимавшиеся ранее попытки отрицать закономерность этого термина (С. Н. Быковский. К пересмотру археологической терминологии. ПИМК, 1933, 5—6, стр. 11) имеют в настоящее время лишь исторический интерес.

[3] В. А. Городцов. Археологическая классификация. В кн. В. К. Никольский. Очерк первобытной культуры. М.— Пг., 1924, стр. 18.

[4] В. С. Сорокин. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита. СЭ, 1953, 3; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ Д1—10, М., 1963. Так как общий смысл термина четко осознается, то двойное его значение обычно не приводит к ошибкам. Впрочем, А. Д. Удальцов не делал различия между этими понятиями (А. Д. Удальцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 14 сл.).

[5] В предлагаемой статье рассматриваются точки зрения только советских археологов.

[6] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ИЭ, нов. сер., 16, 1951: В. С. Сорокин. Ук. соч.; А. А. Формозов. Этнокультурные области Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

ческими культурами в обычном смысле не представляется возможным. Это явления одного порядка, но разного масштаба. Возможно, они соответствуют «культурным общностям», а может, и еще шире [7]. Теоретически мы должны предполагать существование культур и в палеолите, но выделению их мешает скудость и фрагментарность материала. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что археологических культур в обычном понимании в палеолите быть не может. При этом исходят из того, что в это время просто не существовали столь крупные объединения, как союзы племен или группы родственных племен. А. Я. Брюсов характеризовал это состояние следующим образом: «...до неолита на территории Европейской части СССР мы находим древние племена или роды в еще сильно разобщенном состоянии... еще нет типичных для последующего времени признаков подлинного историко-культурного единства более или менее крупных этнических групп. Нет... четких археологических культур. Такие культуры ясно прослеживаются только с раннего неолита» [8]. В языкознании такой постановке вопроса соответствует более четко выраженная теория «первобытной лингвистической непрерывности» [9]. Принципиальные разногласия имеются и в отношении верхней границы. Так, А. П. Смирнов полагает, что выделение культур оправдано только для первобытного общества и не должно иметь места при изучении обществ классовых [10]. Это мнение находится в тесной связи с утверждением, что понятие «археологическая культура» играет чисто служебную роль [11]. Таким образом, предполагается, что это категория условная, и ставится под сомнение объективное существование культур [12]. Мне, как и многим другим, трудно согласиться с таким определением. Общности, соответствующие археологическим культурам, выделяются не только в границах ранних государств (Боспорское царство, Хазарский каганат и т. п.), но и в более поздних, более развитых образованиях. Конечно, в этих условиях различия культур имеют тенденцию сглаживаться под влиянием того общего, что можно назвать господствующей или государственной культурой и что иногда не очень удачно, как мне представляется, называют цивилизацией. Но отдельные культуры все же сохраняются и доживают даже до наших дней в виде историко-этнографических областей [13]. Поэтому следует думать, что культуры не имеют верхней даты. И, конечно, они существуют реально.

«Археологическая культура» занимает определенное место в ряду таких понятий, как «памятник», «группа памятников», «локальный вариант»,

---

[7] Отметим, что для верхнего палеолита некоторые ученые выделяют весьма узкие группы памятников, вполне сопоставимые с культурами (А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957).

[8] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 18. (В последней своей работе А. Я. Брюсов пришел к выводу, что культуры складываются в позднем палеолите. А. Я. Брюсов. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР. СА, 1968, 4, стр. 6.) См. также А. Д. Удальцов. Ук. соч., стр. 14. Некоторые думают, что культуры возникают в мезолите (М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный ров на реке Десне. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 53).

[9] С. П. Толстов. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии. СЭ, 1950, 4; А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко-археологических исследований). «Народы Азии и Африки», 1967, 1, стр. 66 сл.; Д. В. Бубрих. О древней прибалтийско-финской речи. Изв. Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР, 1, Петрозаводск, 1949, стр. 55.

[10] А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, 4, стр. 3.

[11] Там же, стр. 3, 10.

[12] Отметим, что в своих практических работах А. П. Смирнов исходит из факта реального существования археологических культур (А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961; его же. Об археологических культурах Среднего Поволжья. СА, 1968, 2, и др.

[13] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, 4.

«культура», «культурная общность», и относится к фундаментальным понятиям археологии, на которых базируются исторические построения. Очень важно иметь ее четкое определение, и надо сказать, что в определениях нет недостатка. Дискуссия по этому вопросу фактически никогда не затухает, стимулируясь потребностями интерпретации того или иного материала [14].

Не все составные части определения культуры подвергаются в настоящее время обсуждению. Споры идут в основном по поводу значимости тех или иных признаков для выделения культур и о том, какую же общность считать культурой. Но разногласия существуют и по другим вопросам. Рассмотрим основные из существующих определений.

В. А. Городцов в 1924 г. определил археологическую культуру как «некий организм, подлежащий измерению во времени и пространстве», который «слагается из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культа и знания» [15]. Многие советские археологи и сейчас принимают это определение, формулируя его в иных словах или не формулируя, но используя в своих работах.

Мне представляется весьма существенным уточнение, которое сделал несколько лет спустя В. С. Жуков, указав, что культуру следует понимать и изучать «как сочетание и изменчивость типичных элементов» [16]. Это указание на изменчивость культур почему-то не включалось в более поздние определения, хотя на практике это явление не вызывало сомнений и пристально изучалось. Очевидно, что теория разошлась с практикой. И только А. Я. Брюсов, много занимавшийся вопросами теории, указал, что единство памятников, входящих в культуру, заключается между прочим и в «однообразном изменении их (составных частей культуры. — *И. К.)* форм с течением времени» [17], хотя и не ввел изменчивость как признак в основную часть определения культуры.

В определениях, появившихся в советской литературе за последние два десятилетия, комплекс признаков, характеризующий культуру, именуется по-разному. У одних археологов это «совокупность этнографических признаков» [18], у других — «комплекс памятников» [19], у третьих — совокупность вещественных памятников» [20], «локальные образования» [21] и т. д. Преимущественно это терминологические различия, не имеющие существенного значения.

Более важны те требования, которые предъявляются к данному комплексу. В одном из своих определений А. Я. Брюсов указывал, что объединяемые в культуру памятники должны быть связаны между собой и отличаться от памятников других культур [22]. С этим трудно спорить. Можно

---

[14] В последнее время она вновь развернулась на базе культур Прикамья и Приуралья. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. ВАУ, 5, Ижевск, 1963; его же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э. АЭБ, 2, Уфа, 1964; А. П. Смирнов. Рец. В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. СА, 1964, 4; Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. АЭБ, 2; С. М. Васюткин. Рец. «Археология и этнография Башкирии. 2», СА, 1966, 4; А. П. Смирнов. Об археологических культурах...

[15] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 19.

[16] В. С. Жуков. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп. «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области». М., 1929, стр. 34.

[17] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 20.

[18] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 10.

[19] М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, XXIX, стр. 47.

[20] А. Д. Удальцов. Ук. соч., стр. 14.

[21] А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956, стр. 6.

[22] Там же, стр. 7: «Археологическое изучение культур неолитического периода всегда и без исключения устанавливает, что внутри этих культурных общностей существуют самые тесные связи... в противоположность отношению этих культурных общностей к другим им подобным».

только указать, что второе требование выражено излишне категорично. Ближе к истине, по-видимому, В. А. Городцов, который писал: «Совершенно самобытных культур, по-видимому, не существует ...о культурах как обособленных явлениях приходится говорить только условно, разумея, бóльшую обособленность, бóльшую самобытность тех или других из них»[23].

А. Д. Удальцов полагал, что «совокупность вещественных памятников» должна обладать определенной устойчивостью и быть «исторически сложившейся на данной территории»[24]. На практике первое приводит к превращению отдельных этапов развития одной культуры в самостоятельные культуры, а второе — к отрицанию миграций населения. Очевидно, что указанные требования не могут быть приняты. Близки к точке зрения А. Д. Удальцова те ученые, которые думают, что культуру могут характеризовать лишь устойчивые («этнографические») черты[25]. При несомненной ценности медленно изменяющихся черт для выяснения вопросов этногенеза сводить к ним характеристику культуры, конечно, нельзя[26].

Некоторые археологи думают, что культуры могут выделяться на основании различий социального порядка. Так, В. Ф. Генинг[27] полагает, что хронологическая граница между пьяноборской и азелинской культурами определяется массовым распространением железа и распадом рода, хотя и признает, что обе культуры представляют одну линию развития. Здесь мы сталкиваемся с типичным случаем смешения понятий «культура» и «этап», не говоря уже о том, что такой признак, как распад рода, не может входить в определение культуры, ибо относится уже к области интерпретации материала, входящего в археологическую культуру[28].

Наконец, ряд исследователей вводит в определение культуры указание на связь ее с определенной этнической категорией. М. Е. Фосс полагала, что «культура» — это комплекс памятников, представляющий собой результат территориального обособления племенных групп населения на определенном отрезке времени[29]. Наиболее четко это сформулировал Ю. Н. Захарук: «Археологическая культура является совокупностью территориально и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (комплексов) определенного типа, которые отражают территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка»[30]. Такое прямолинейное отождествление археологической культуры с этнической единицей, не говоря уже о языке, не разделяется большинством исследователей и во всяком случае не может быть принято как универсальное для всех эпох, особенно поздних. К разбору этого вопроса мы еще вернемся.

Даже по необходимости беглый обзор определений археологической культуры убеждает в том, что в данном вопросе существуют различные точки зрения. В ряде случаев присутствуют неверные, а следовательно, и излишние требования. Вместе с тем в практической работе археологи ру-

---

[23] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 19.

[24] А. Д. Удальцов. Ук. соч., стр. 17. Требование устойчивости входит и в определение, данное Е. И. Крупновым (Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 141).

[25] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 72—73.

[26] А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 13 сл.; Ю. М. Захарук. Проблеми археологичної культури. «Археологія», XVII, Київ, 1964, стр. 17.

[27] В. Ф. Генинг. Азелинская культура..., стр. 18.

[28] Выступивший с критикой В. Ф. Генинга А. П. Смирнов по существу согласился с возможностью выделения археологических культур на такой основе (А. П. Смирнов. Об археологических культурах..., стр. 71).

[29] М. Е. Фосс. О терминах..., стр. 47. См. также М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный ров..., стр. 42, 52.

[30] Ю. М. Захарук. Проблеми..., стр. 39.

ководствуются более широким и более полным представлением об археологической культуре. Иными словами, в определениях культуры отсутствуют некоторые существенные моменты [31]. Формулировка этих взглядов представляет несомненный интерес. Какие же признаки определяют понятие археологической культуры?

1. Учитывая мнение А. П. Смирнова, следует указать, что культуры являются объективной реальностью, они существуют в действительности. Мы, несомненно, имеем серии памятников, представляющих собой некие общности, более или менее отличающиеся от других подобных общностей. Эти внутренние связи и внешние отличия мы можем оценивать не только по впечатлению, как это делается в большинстве случаев сейчас, но и вполне объективно, выражая степень сходства в цифрах. В настоящее время в нашем распоряжении имеются соответствующие методы [32].

2. Различия между общностями людей существуют на всем протяжении истории человечества вплоть до наших дней. Они проявляются в различных сторонах жизни, в том числе и в комплексе, который археологи обычно называют материальной культурой. Следовательно, «археологические культуры», выражающие эти комплексы, также существуют на всем протяжении истории человечества. На позднем этапе они служат предметом исследования этнографов. Естественно, что в различные периоды степень обособленности культур различна, различны и общности людей, стоящие за ними.

3. Теоретически можно предположить существование культуры, представленной одним памятником, точнее, комплексом поселение — могильник, хотя такие примеры мне неизвестны. Обычно же достаточно исследованная культура представлена серией памятников и, следовательно, занимает определенную территорию. При этом следует оговорить три момента.

а. Ряд исследователей полагает, что границы культуры должны быть четкими [33]. Иногда границы действительно достаточно резкие. В некоторых районах в эпоху неолита между отдельными культурами находилась «нейтральная полоса», не заселенная территория [34]. Аналогичное явление встречается и в более поздние эпохи. В качестве примера можно привести меотские поселения по течению Кубани, непрерывная полоса которых заканчивается несколько выше г. Кропоткина. В районе г. Армавира начинаются памятники другой, родственной, но не меотской культуры, недавно выделенной Н. В. Анфимовым [35]. «Нейтральная зона» составляет здесь около 50 *км*. Другой случай — это совпадение границы культуры с границей культурной общности. Степень отличия здесь гораздо выше, и памятники отличаются сравнительно легко, например граница между теми же меотами и сарматами, между ямной культурой и культурами северного

---

[31] Мне представляется неполным даже наиболее развернутое определение, данное А. Я. Брюсовым: «Под археологической культурой я понимаю единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени... Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках... в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени...» (А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 20).

[32] W. S. Robinson. A Method for Chronologically Ordaring Archaeological Deposits. «American Antiquity», 16, 4, 1951; D. G. Lehmer. Robinson's coefficient of agreement. — A critique. «American Antiquity». 17, 2, 1951; Б. И. Маршак. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов. Сб. «Археология и естественные науки», М., 1965.

[33] А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 4. Критику «резко очерченных границ» см. А. Я. Брюсов. Археологические культуры..., стр. 23 сл.

[34] А. Д. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований. Изв. АН СССР, сер. ист. и фил., 1, 6, 1944, стр. 254; М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 34.

[35] Н. В. Анфимов. Исследование памятников раннежелезного века на Кубани. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 71—72.

неолита, между русскими поселениями и половецкой степью и т. д.[36] Наконец, четкие границы могут иметь место при наличии естественных рубежей. Чаще всего это берега морей, реже крупные реки[37]. Однако не менее типичны и постепенные переходы от одной культуры к другой. На стыках культур могли возникать и возникали контактные зоны. В этом случае границы носят расплывчатый характер, и культурное определение пограничных памятников представляет большие трудности[38]. Такое положение следует считать наиболее типичным. Следовательно, при определении понятия «культура» мы можем говорить в лучшем случае о более или менее четких ее границах.

б. Говоря о территории культуры, по-видимому, нельзя ограничиваться указанием на ее «определенность»[39]. Общеизвестно, что границы культур могут изменяться: расширяться, сужаться, носители культуры могут, наконец, переселяться на новые территории[40]. Следовательно, территория культуры определенна лишь для каждого данного отрезка времени.

в. Ряд археологов полагает, что территория культуры должна быть сплошной[41]. Это условие представляется мне не совсем правильным. В археологии хорошо известно явление так называемой сегментации, когда часть носителей культуры переселяется на новое место, отрываясь при этом от основной массы своих сородичей. Такое деление приводит обычно к тому, что через некоторое время культура переселившейся группы начинает отличаться от культуры населения, оставшегося на месте, если не исчезает совсем в результате ассимиляции. При отсутствии тесных контактов они развиваются различными путями, возникает новая культура[42]. Но может возникнуть ситуация, когда новая культура не возникает. Приведем пример. На рубеже нашей эры часть меотского населения Приазовья переселилась в устье Дона, основав здесь ряд поселений вокруг Танаиса. В 40-х годах III в. эти поселения были уничтожены, как предполагают, нашествием готов. За два с половиной века эта группа в культурном отношении не успела обособиться как из-за сравнительной краткости раздельного с остальными меотами существования, так, вероятно, и из-за продолжавшихся контактов (обе территории входили в состав Боспорского царства)[43]. Несмотря на отсутствие общности территории, у нас нет никаких оснований выделять донскую группу памятников в отдельную культуру. Их следует рассматривать лишь как локальный вариант единой меотской культуры. Сошлюсь и на такой пример, как греческая колонизация, хотя в данном случае речь идет уже не столько о культуре в обычном понимании слова, сколько о «цивилизации». Приведенные соображения заставляют изъять требование единства территории из определения археологической культуры.

---

[36] Сходное явление наблюдается в этнографии и антропологии. П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. Тр. ИЭ, нов. сер., XV, М., 1951, стр. 26 сл.; Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. «Совещание по методологии этногенетических исследований. 1951 г. Тезисы докладов и выступлений», М., 1951, тезис 6.

[37] П. И. Кушнер полагает, что этнические границы в древности могли определять берега морей, горы, леса и болота (П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 22 сл.).

[38] Об этом пишет А. П. Смирнов, вступая в противоречие с данным им же определением (А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 4, 8); см. также А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 17.

[39] В. С. Жуков. Вопросы методологии..., стр. 34; М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный ров..., стр. 52, и др.

[40] А. Я. Брюсов. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. СА, XXVII, 1957.

[41] М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 6; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 20; Ю. М. Захарук. Проблеми..., стр. 39.

[42] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 10 сл.

[43] И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965.

4. Культура живет во времени. Это значит, что в культуру объединяются разновременные памятники. Время существования культур различно и колеблется в значительных пределах. Черняховская культура существовала два или, по оценке других исследователей, три-четыре века; протяженность во времени сарматской культуры определяется приблизительно тысячелетием, а меотской — даже больше. В некоторых случаях, правда не очень частых, мы можем вполне объективно и точно установить время возникновения или гибели культуры. Обычно же эти моменты довольно неопределенны, и рамки существования культуры устанавливаются исходя из возможности проследить ее преемственное развитие. В подтверждение сказанного достаточно напомнить о дискуссиях по вопросу о возникновении таких культур, как скифская, черняховская и пр. Причина такой неопределенности кроется либо в недостатке материала, либо в резких изменениях облика культуры. Мы часто вынуждены выделять ряд хронологически последовательных культур, так как не можем установить их преемственность, или, как принято говорить, генетическое родство. Но коль скоро единая линия развития таких культур прослежена, мы обязаны объединить их в одну культуру, сохранив первоначальное деление в виде этапов [44]. Никакие различия в материальной культуре, вызванные ее развитием, и тем более изменения социального порядка не могут служить основанием для выделения двух самостоятельных культур. При всей кажущейся очевидности этого тезиса на практике мы с такими ошибками встречаемся [45]. В качестве примера правильного решения вопроса можно привести сарматскую культуру, которая, несмотря на достаточно резкое изменение облика (в конце савроматского и сусловского этапов), рассматривается как единая.

Однако кроме слабой изученности существуют, по-видимому, и объективные причины, мешающие нам проследить преемственность. Советские археологи по-разному объясняют существование перерывов в развитии культур. Тут и уже упоминавшаяся теория «первобытной лингвистической непрерывности» в археологическом варианте, и случаи ассимиляции, и интеграции, и предположения о переоформлении племенных объединений, связанном с резкими социальными изменениями [46], и ряд более частных гипотез, которые мы здесь рассматривать не будем, так как они не имеют прямого отношения к вопросу продолжительности существования археологических культур.

5. По поводу комплекса, определяющего культуру, разногласия наиболее сильны. Если пренебречь нюансами, то спор сводится к следующему: должны ли учитываться все слагаемые культуры или только те, которые свойственны данной культуре и не имеют повторений в других культурах. Во втором случае споры ведутся о конкретных категориях материала, определяющих культуру, о так называемых этнических или этнографических чертах. Наиболее известно выступление М. Е. Фосс, ко-

---

[44] А. Я. Брюсов. Что надо понимать под этническими общностями в археологии и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов. VII МКАЭН (Москва, август 1964 г.). М., 1964, стр. 5.

[45] В. Ф. Генинг. Азелинская культура.... Закономерность выделения генетически связанных, хронологически последовательных культур признавал А. Д. Удальцов и признает А. П. Смирнов (А. Д. Удальцов. Роль археологического материала..., стр. 16; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 9 сл.); А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 12.

[46] А. Д. Удальцов. Теоретические основы..., стр. 258, 260 (отметим, что у А. Д. Удальцова вопрос о переоформлении в известной мере был связан с теорией стадиальности); М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 9; П. Н. Третьяков. Этногенический процесс и археология. СА, 1962, 4, стр. 13—16; Н. Н. Чебоксаров. Проблема происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме). VII МКАЭН, стр. 12; М. Ю. Брайчевський. Теоретичні основи досліджень этногенезу. УІЖ, 1965, 2, стр. 48, 53—55; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 10—13; А. Л. Монгайт. Археологические культуры..., стр. 66 сл.

торая полагала, что для определения культуры главнейшим источником является керамика, точнее, только орнаментальные сюжеты на сосудах[47]. Нередко можно встретить в литературе утверждение, что М. Е. Фосс считала орнаменты на керамике единственными определителями культуры. Это не совсем так. Прежде всего следует напомнить, что речь шла только о выделении неолитических культур, на памятниках которых кроме обломков керамики и кремневых орудий мало что находят. Затем она признавала, что и орудия в известных условиях могут служить этническим признаком[48]. И наконец, объявляя орудия второсортным источником, М. Е. Фосс имела некоторые объективные основания. По ее наблюдениям, ареалы орнаментов керамики не совпадали с ареалами кремневых орудий[49]. В последнее время этот вывод поддержан исследованиями В. П. Третьякова[50]. Таким образом, ареалы выделяемых культур могли бы получиться различными в зависимости от того, положены ли в основу их выделения орудия или керамика. Исходя из меньшей территориальной дифференциации орудий, М. Е. Фосс избрала керамику. Нетрудно заметить, что наблюдения М. Е. Фосс и В. П. Третьякова имеют принципиальное методологическое значение и потому должны быть подвергнуты самой тщательной и всесторонней проверке.

Позиция М. Е. Фосс встретила решительные возражения ряда археологов. Однако, отстаивая право орудий считаться этническим признаком, А. А. Формозов по существу пришел к тем же выводам — большей ограниченности возможностей орудий по сравнению с керамикой[51]. Из других примеров «выборочного» подхода к признакам культуры можно сослаться на Е. И. Крупнова, который, указывая на возможность использования орудий труда и украшений, отдает явное предпочтение погребальному обряду[52]. Несколько иную комбинацию признаков выдвигает А. П. Смирнов, а именно: погребальный обряд, керамика и ее орнамент, украшения, имеющие узкий ареал[53]. Число подобных точек зрения можно увеличить, но в этом нет необходимости. Большинство археологов, по-видимому, полагает, что для характеристики культуры необходимо использовать весь комплекс находок[54].

Мне представляется, что указанные разногласия возникли по недоразумению, из-за неточного определения предмета спора. Надо четко разграничить два вопроса: 1) что характеризует культуру и 2) что отличает одну культуру от другой. По-видимому, на первый вопрос мы можем ответить только так: культуру характеризует весь комплекс материальных и нематериальных черт. При монографическом описании культуры так всегда и поступают. Следует оговорить, что для характеристики важны предметы не только местного производства, но в равной мере и привозные. Действительно, черняховская культура выглядела бы иначе, если бы из ее характеристики мы исключили римские монеты; скифская культура без греческого импорта также представляла бы что-то качественно иное. Иногда указывают, что культуру характеризуют «ведущие» типы вещей[55]. Такое ограничение тоже неверно. Для сармат «ведущим»,

---

[47] М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 6, 64—77.

[48] Там же, стр. 69.

[49] Там же, стр. 18 сл.

[50] В. П. Третьяков. Культура ямочно-гребенчатой керамики на севере и северо-западе Европейской части СССР. СА, 1968, 3, стр. 15.

[51] А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, 4, стр. 74; его же. Этнокультурные области..., стр. 20.

[52] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, 1, стр. 63, 69.

[53] А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 7.

[54] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 13; А. Д. Удальцов. Роль археологического материала..., стр. 15; М. Ю. Брайчевський. Ук. соч., стр. 47.

[55] А. Я. Брюсов. Археологические культуры..., стр. 21.

т. е. преобладающим, является положение погребенных с вытянутыми ногами. Во II—III вв. у них появляется некоторый процент (7,8% для Поволжья) [56] погребенных с перекрещенными ногами. Несмотря на малый удельный вес, эту группу погребений никак нельзя исключить из характеристики культуры. Вообще культуру характеризуют не только отдельные признаки, но и процентные соотношения однородных признаков.

Следовало бы привести список признаков культуры, но сделать это затруднительно. Мы не располагаем выработанной на единой основе классификацией археологических материалов. Существующее деление представляет собой пеструю смесь двух классификаций: одной, базирующейся на функциональном назначении вещей, и другой, исходящей из материала предметов. В неизвестном отношении к ним находятся нематериальные признаки. Поэтому я ограничусь только разъяснением термина «материальные и нематериальные черты».

К «материальным» я отношу все вещественные находки (вместе с их признаками), которые обычно поступают в наши коллекции (орудия, оружие и т. п.), а также и те, которые не поступают из-за своей громоздкости, но в принципе могли бы поступать (жилища, очаги, хозяйственные ямы, погребения и пр.). Особо отмечу весьма редко включаемые в списки признаков категории: остатки флоры и фауны [57], предметы искусства [58], технологические следы и результаты технических анализов. Сюда же, по-видимому, должны быть отнесены и антропологические материалы.

К «нематериальным» я отношу три группы признаков: а) явления, которые реально наблюдаются только в процессе раскопок: взаимное расположение погребений и жилищ, их ориентировка, топография памятников и т. д.; б) значительную группу «нематериальных» черт составляют различные количественные показатели: всевозможные подсчеты, процентные соотношения типов и признаков, данные о количественном распределении в слое и т. п.; в) к «нематериальным» относятся и простейшие однозначные выводы, делаемые при изучении материала, например, вывод о наличии имущественной дифференциации на основании обнаружения богатых и бедных погребений, дворцов и хижин; об использовании гончарного круга на основании находок изготовленной на круге местной керамики; о торговых связях на основании массовых находок импортных изделий и т. д. Очевидно, что заключения, полученные путем сложной интерпретации (например, «специфика культа» [59] или «уровень развития производительных сил» [60]) сюда входить не могут.

Обратимся теперь ко второму вопросу: что отличает одну культуру от другой. Я уже говорил о спорах по поводу выделения «этнографических» черт. Отметим в связи с этим несколько моментов. Оказывается, что список «этнографических» черт у этнографов часто значительно шире, чем у археологов. Достаточно сравнить вышеприведенные точки зрения М. Е. Фосс, Е. И. Крупнова и А. П. Смирнова с перечнем этнических признаков, даваемых этнографами [61], чтобы убедиться в излишней

---

[56] И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона..., стр. 14.

[57] Ю. М. Захарук. Проблеми..., стр. 20.

[58] Там же. Обычно предметы искусства относят к «духовной культуре».

[59] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты..., стр. 7.

[60] А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 7.

[61] В работе П. И. Кушнера мы находим среди прочих следующие «археологические» черты: формы поселений и жилищ, орудия труда, средства транспорта, связанный с приготовлением и хранением пищи инвентарь, предметы обихода, произведения искусства, планировка усадьбы, тип хозяйственных построек, система отопления, формы местной посуды (П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 7, 10, 67, 70). В другом списке имеем: типы хозяйственных орудий, поселений, жилищ, средств передвижения, утвари, одежды, народное изобразительное искусство, орнамент, женские украшения и др. (С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания. СЭ, 1951, 4, стр. 13). Отметим, что широта взгляда

придирчивости первых. Далее отметим, что, по мнению некоторых археологов, между этническими и неэтническими признаками нет четкой границы [62]. Наконец, часть археологов и этнографов довольно давно пришла к выводу, что составить твердый список четких «этнических» черт вообще нельзя [63]. С этим следует согласиться. Действительно, если бы мы попытались составить такой универсальный список, то должны были бы отказаться от таких определителей, как керамика, предметы конской сбруи и т. п., на том основании, что в палеолите и докерамическом неолите они отсутствуют. И именно поэтому М. Е. Фосс считала, что ее признаки действительны только для неолита, точнее, северного неолита, а А. П. Смирнов считает свой список действительным лишь для бронзы и последующих эпох.

Мне думается, прав М. Ю. Брайчевский, заявивший, что дело не в отдельных элементах, а «во всем комплексе культуры как системы, которая всегда и всюду специфична» [64]. Но это в общем плане, в каждом же конкретном случае задача несколько проще. Для разграничения двух культур достаточно выделить только отличающие их черты. Следует считать при этом нормальным, если для определения южной границы мы будем оперировать одной группой признаков, а для определения северной — другой. Более того, при размежевании необязательно использовать даже всю сумму отличающихся черт, хотя это и желательно (имея в виду надежность выводов). Например, для установления границы между меотской и сарматской культурами почти достаточно одного признака — наличия или отсутствия поселений. Естественно, что в других условиях, он не играет никакой роли. Следовательно, можно утверждать, что выбор признаков для выделения культур диктуется в каждом конкретном случае имеющимся материалом. Описанные выше разногласия возникли в результате попытки систематизировать то, что систематизации не поддается. Если же говорить об относительной ценности конкретных разграничительных признаков, то она определяется прежде всего массовостью. Поясним это на примере. На Подазовском городище в устье Дона найдены два примитивных глиняных идола. Они несомненно характеризуют меотскую культуру населения городища и столь же несомненно помогают отличить ее от сарматской. Но, базируясь только на этом признаке, большинство меотских памятников мы вынуждены были бы приписать сарматам, так как вероятность обнаружения таких идолов очень невелика, особенно учитывая небольшие площади раскопок. Именно этим объясняется то обстоятельство, что почти все археологи в качестве главных признаков отмечают керамику, погребальный обряд и т. п. «Этнографичность» признаков, т. е. в конечном итоге широта их ареалов, играет, как мне думается, второстепенную роль.

6. Общеизвестно, что облик культуры меняется с течением времени. хотя это не всегда отмечается в определениях культуры. Сменяют друг друга хронологические варианты одного типа, сменяются и сами типы, постоянно изменяется процентное соотношение типов. Когда эти смены происходят разновременно, то облик культуры меняется постепенно, эволюционирует. Когда происходит смена нескольких типов более или менее одновременно, то культура меняется резко. Обычно именно на таких

в этом вопросе присуща и некоторым археологам (Х. А. Моора. Рец. М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. СА, XX, 1954, стр. 388; П. Н. Третьяков. Этногенический процесс, стр. 6—7).

[62] А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 19. Имеются и противники этого тезиса (А. В. Арциховский. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 69; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты..., стр. 6).

[63] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 10 сл.; П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 7; А. Я. Брюсов. Археологические культуры..., стр. 21.

[64] М. Ю. Брайчевський. Ук. соч., стр. 47.

изменениях основано выделение этапов в развитии культуры. Даже постепенные изменения могут привести к тому, что облик культуры оказывается несопоставимым (без учета промежуточных звеньев) с исходным. Поэтому ни о какой «устойчивости» или «определенности» набора признаков говорить нельзя. В качестве примера сошлемся на неоднократно упоминаемые сарматскую и меотскую культуры, первая из которых делится на четыре этапа[65], а вторая — на шесть[66]. Изменения в культуре могут вызываться как внутренними, так и внешними причинами. Первыми объясняются преимущественно эволюционные изменения, вторые приводят, как правило, к изменениям резким. Так, переход от савроматской к прохоровской стадии сарматской культуры исследователи объясняют включением в состав сарматов новой группы населения[67].

7. Культуру нельзя рассматривать как простую сумму разнообразных признаков, как более или менее случайный набор вещей и нематериальных черт. Материальные и нематериальные черты первой группы находятся в определенной для данной культуры взаимосвязи, определяемой нематериальными признаками второй группы. Вместе они образуют единую сложную систему. Сложность ее состоит между прочим и в том, что входящие в нее черты группируются двумя независимыми друг от друга способами. Обе эти группировки имеют реальную основу в жизни обществ, оставивших нам те или иные культуры.

Первый тип группировки — это обычная классификация материала, которая проводится археологами постоянно как для отдельных памятников, так и для целых культур. К сожалению, до последнего времени эти классификации строятся на разной основе. Это приводит к тому, что материал различных культур оказывается трудносопоставимым. Проведение сравнений между двумя и более культурами оказывается чрезвычайно трудоемким, ибо требует выработки новой, общей для сравниваемых культур классификации. Археологи находят выход в искусственном сокращении числа признаков или в разработке только одной группы материала, что приводит к неполноте сравнения. Выйти из этого положения можно путем создания общих принципов описания археологических материалов, создания единой универсальной классификации. Работы в этом направлении уже ведутся[68].

Наметившийся новый подход к классификации отличается прежде всего тем, что первичной единицей нашего исследования становится не тип, а признак. Эти признаки, как во всякой научно построенной классификации, должны быть взаимоисключающими, выделенными на одной основе, дискретными и существенными. Тип в этом случае определяется как устойчивое сочетание признаков[69]. Более высокие ступени классифи-

---

[65] Б. Н. Граков. Γυναικοκρατούμενοι (пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, 1947, 3; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», V, М., 1947.

[66] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951; К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952; Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник с. Николаевского. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961.

[67] К. Ф. Смирнов. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964, стр. 286 сл.

[68] Особо следует отметить разработки Centre d'analyse documentaire pour l'archéologie (руководители Henri Seyrig, Jean Claude Gardin). См. J. Christofhe, J. Deshayes. Index de l'autillage — Ontils en métal de l'âge du bronze des Balkans à l'Indus. Paris, 1964) и подготовленный тем же Центром код для описания керамики.

[69] Следует иметь в виду, что не все предметы принадлежат к определенному типу. Хорошо знакомые всем археологам «переходные» экземпляры являются выражением отсутствия устойчивых сочетаний признаков. Они точно описываются в терминах классификации, но тем не менее типа не образуют.

кации строятся на основе иерархии отдельных признаков, высшие из которых должны определять функциональное назначение предметов или нематериальных черт первой группы[70]. Классификация материалов отдельных памятников или культур отражает реальное явление. Общую же классификацию следует, по-видимому, рассматривать как абстракцию, созданную для удобства исследования, ибо никакой реальной общности она не отражает.

В пределах частной классификации материал находится в определенных взаимосвязях, которые могут быть количественными и качественными. К первым относятся различные соотношения между вариантами, типами, группами и т. д., определяемые для каждого отрезка времени, а также данные о распределении во времени. И те и другие служат основанием для датировок[71]. Качественные связи должны отображать степень однородности или остильности внутри различных групп, категорий и отделов, а также и в пределах всей частной классификации. Изучение их основывается на вышеуказанном принципе выделения типов. Один и тот же признак может относиться к нескольким типам. Чем больше таких общих признаков, тем больше сходство, остильность предметов. Это взаимное переплетение признаков, если оно охватывает всю рассматриваемую совокупность, свидетельствует о ее однородности. Выделение двух и более групп, совсем не связанных или мало связанных между собой общими признаками, указывает на различные слагаемые изучаемой совокупности.

Данную группировку, основанную на частной классификации, логически завершает совокупность отделов, но приравнять ее к комплексу материальных и нематериальных черт культуры мы еще не можем, так как необходимо учесть еще второй тип группировки, отображающий взаимовстречаемость отдельных черт. Первичными единицами этой группировки являются комплексы, которые подразделяются на закрытые (погребение, клад) и открытые (штык или слой на площади квадрата). Далее следуют обобщенные комплексы (группы погребений на могильнике, слой на площади раскопа, стратиграфическая колонка и т. п.), памятники (могильник, поселение), группы памятников (территориально обособленные «гнезда» памятников), локальные варианты культуры и сама культура как совокупность всех памятников, материальные и нематериальные черты которых образуют единую систему, основанную на частной классификации.

На основании всего вышеизложенного можно попытаться прибавить к уже существующим еще одно определение: археологическая культура — это группа памятников, занимающих сплошную территорию (или территории), границы которой могут меняться, и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков, образующих сложную, внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие культуры.

Как мне представляется, такое определение вместе со всеми сделанными к нему примечаниями достаточно полно отражает то представление об археологической культуре, из которого исходят археологи в повседневной работе. И все же считать такое определение удовлетворительным нельзя. В нем ощущается отсутствие меры. Руководствуясь данным опре-

---

[70] Можно предложить такое деление: отдел (оружие), категория (мечи), группа (железные мечи), тип (железные мечи с кольцевидными навершиями), вариант (железный меч с кольцевидным навершием и подтреугольным клинком). Среди вариантов я различаю хронологические, производственные и мерные.

[71] И. С. Каменецкий. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965.

делением, мы можем с равным успехом получить (и получаем) не только культуру, но и локальный вариант и культурную общность[72]. Это обстоятельство уже давно беспокоит исследователей[73]. При этом обычно идут по пути сравнения занимаемых культурами территорий[74]. Несовершенство такого метода ясно всем, так как оказывается, что территории культур, оставленных оседлым населением, меньше, чем у оставленных кочевым населением, что площадь культур имеет тенденцию увеличиваться от эпохи к эпохе и т. д.

Решение, по-видимому, должно быть найдено путем разработки мер сходства и различия памятников. Общеизвестно, что нет двух полностью тождественных памятников. При несомненном сходстве они отличаются либо отдельными чертами, либо соотношением имеющихся черт. Известны также некоторые закономерности этих отличий. Так, памятники периферии отличаются от памятников внутренних районов культуры присутствием черт, заимствованных от соседних культур. Вопрос, по-видимому, должен быть поставлен следующим образом: насколько могут различаться памятники, чтобы оставаться в пределах одной культуры? Этот же вопрос можно сформулировать иначе: насколько должны они различаться, чтобы были основания отнести их к разным культурам? Подобные же вопросы следует поставить и в отношении локальных вариантов.

Очевидно, что образцом для сравнения должен быть некий «средний», не обязательно реальный памятник, нечто вроде эталона. Ибо сравнение двух соседних памятников даже при наличии более или менее отчетливой границы между культурами может показать их значительную близость. Очевидно также, что степень сходства для памятников локального варианта должна быть больше, чем для памятников культуры. Этим, пожалуй, и ограничиваются наши конкретные знания о данном предмете. Можно только приблизительно наметить пути поиска. Один из возможных — это оценка значимости признаков. Обязательны ли все признаки или только часть их? И если не все, то какое число признаков может быть утрачено? Второй и, как я полагаю, более перспективный путь — это разработка точных критериев сходства памятников. Здесь предстоит разработать сам метод сопоставления, а также определить размах вариаций нематериальных черт второй группы. Математическая статистика дает нам средства для решения подобных вопросов[75]. Имея точные, т. е. выраженные в цифрах, данные о сходстве памятников, мы сможем если не установить объективно, то договориться о возможных допусках в различиях между памятниками для локальных вариантов и культур. Значение таких критериев трудно переоценить.

Я столь подробно остановился на определении археологической культуры потому, что оно теснейшим образом связано с вопросом об ее интерпретации, т. е. об ее связи с этносом. Ясно, что эта связь будет определяться различно в зависимости от того, что понимать под археологиче-

---

[72] Культурную общность я считаю понятием равнозначным принятому у этнографов понятию историко-этнографической области (см. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч.).

[73] А. Я. Брюсов Очерки по истории племен..., стр. 13; его же, Археологические культуры..., стр. 6, 15; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч., стр. 15 сл.; А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 9; П. Н. Третьяков. Этногенический процесс..., стр. 7, и др.

[74] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 10; его же. Археологические культуры..., стр. 12; А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 115; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 8.

[75] Для решения первого, по-видимому, можно использовать критерий сходства Робинсона (см. сноску 32), приспособив его для решения этой более широкой задачи. Размах вариаций может быть определен при помощи какого-либо показателя меры рассеяния (см. В. Б. Ковалевская (Деопик). Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. Сб. «Археология и естественные науки»).

ской культурой. Предложенное определение позволяет нам в дальнейшем исходить только из него. В противном случае перед нами стояла бы совершенно непосильная задача: выяснение отношения одного неизвестного к другому, так как определение этноса в науке тоже не однозначно.

Большинство археологов, писавших и пишущих об этногенезе, полагают, что этнос в определении не нуждается, поскольку всем известно, что такое народ (русское соответствие термину «этнос»[76]). Поэтому в поисках научного определения следует обратиться к трудам этнографов.

С. А. Токарев определяет этнос следующим образом: «Этническая общность есть такая общность людей, которая может быть основана на разных видах социальных связей — общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии. Исторически обусловленное соотношение между этими видами связи порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»[77]. Очень важно даваемое разъяснение: «Нельзя определять этническую общность путем перечисления в с е х „видовых" признаков... ибо н и о д и н из этих признаков не оказывается обязательным»[78]. Именно поэтому в качестве основного определителя указан такой совершенно неуловимый на археологическом материале признак, как этническое самосознание.

Несколько более обнадеживающе звучит для археологов определение Н. Н. Чебоксарова: «Этнической общностью можно считать всякую общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке, сохраняют, как правило, на протяжении всего своего существования известную специфику и сознают себя отдельной самостоятельной общественной группой»[79]. Но и к этому определению дается разъяснение: «Ни один из... признаков, взятый в отдельности, не может быть критерием, достаточным для выделения или обязательным для сохранения этнической общности на всем протяжении ее существования». И дальше говорится о том, что фактор этнического самосознания является в конечном счете решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности[80].

Оба определения близки между собой, но не тождественны. У Н. Н. Чебоксарова указано меньше признаков: отсутствует общность происхождения[81]. Но у него выделены три признака, без которых невозможно формирование этноса, — общность территории, социально-экономические связи и общий язык. После оформления этноса сохранение этих трех признаков уже не обязательно. На их основе, вероятно, складывается культурная специфика, о длительном сохранении которой говорит Н. Н. Чебоксаров.

Рассмотрим мнения относительно определяющих признаков этноса. Здесь мы располагаем уже высказываниями и археологов и лингвистов[82].

---

[76] Н. Н. Ч е б о к с а р о в. Проблема происхождения древних и современных народов. VII МКАЭН, стр. 1; впрочем, П. И. Кушнер думает, что этнос тождествен не народу, а лишь совокупности специфических отличий в быту народа (П. И. К у ш н е р (К н ы ш е в). Ук. соч., стр. 6).

[77] С. А. Т о к а р е в. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этногенеза). «Вопросы философии», 1964, 11, стр. 53.

[78] Там же, стр. 43.

[79] Н. Н. Ч е б о к с а р о в. Проблема происхождения..., стр. 5.

[80] Там же.

[81] Социально-экономические связи у Н. Н. Чебоксарова, вероятно, соответствуют экономическим связям и государственной принадлежности у С. А. Токарева. О религии и культурно-бытовых особенностях Н. Н. Чебоксаров говорит особо (Н. Н. Ч е б о к с а р о в. Проблема происхождения..., стр. 3, 4).

[82] Высказывания археологов мне, естественно, известны лучше, и поэтому ссылки на них будут преобладать.

Почти все исследователи наиболее важным признаком считают язык[83]. Не менее общим можно считать и убеждение, что этнос не определяется одним языком[84]. На второе место по частоте упоминания следует поставить культуру, разделяемую обычно на материальную и духовную[85]. Далее идет религия[86]. Приблизительно одинаково часто упоминаются общность территории[87] и особенности быта[88]. Несколько реже фигурируют единство происхождения[89] и самосознание[90]. Из других признаков упоминаются экономические связи[91], государственная принадлежность[92] и хозяйственные навыки[93]. Нельзя не отметить, что после работ С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова[94] как будто вырабатывается общая точка зрения, что нашло отражение в вышедших позднее статьях М. Ю. Брайчевского и А. Л. Монгайта[95].

Выводы этнографов, а частично и археологов, опираются на данные о современном состоянии этнических образований. Попытаемся определить, какие же из них можно зафиксировать, пользуясь методами археологии. Очевидно, что общностей, основанных на одном языке, нам выделить не удастся. Известно, что в рамках одной культуры могут существовать два и более языков (в качестве примера обычно приводят Дагестан) и что в рамках одного языка могут существовать две и более культур (вспоминают обычно приморских и оленных чукчей). Выделение этнических общностей, основанных на единстве материальной культуры, а частично и духовной (если относить к ней прикладное искусство), целиком в сфере возможностей археологов. При этом надо, разумеется, учитывать, что археолог располагает по сравнению с этнографами весьма неполным комплексом материальной культуры. Различия религиозного характера также вполне доступны археологам (по предметам культа и остаткам храмов). Сложнее обстоит дело с примитивными религиями, ибо количество материальных остатков здесь меньше, они не столь стандартизо-

---

[83] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 10, 12; С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза. СЭ, 1949, № 3, стр. 22, 36; П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 8; М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 6; П. Н. Третьяков. Произведения И. В. Сталина о языке и языкознании и некоторые вопросы этногенеза. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 20; Т. С. Пассек. О марровских ошибках в изучении трипольских племен. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», стр. 116; Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин..., стр. 142—143; О. І. Попов. До найдавнішої історії слов'янства. «Археологія», IX, 1954, Київ, стр. 54; В. В. Мавродин. Рец. П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. СЭ, 1954, 3, стр. 155; А. Я. Брюсов. Археологические культуры..., стр. 5—6; Ю. М. Захарук. Проблеми..., стр. 15; Н. Н. Чебоксаров. Проблема происхождения..., стр. 3; С. А. Токарев. Проблема типов..., стр. 43, 44, 46; М. Ю. Брайчевський. Ук. соч., стр. 46; А. Л. Монгайт. Археологические культуры..., стр. 57, и др. О связи языка и этноса см. А. Г. Агаев. Функции языка как этнического признака. «Язык и общество», М., 1968.

[84] Из перечисленных в предыдущей сноске ученых только специалист по топонимике А. И. Попов придерживается противоположного мнения.

[85] Культуру как важный признак этноса называют археологи М. И. Артамонов, Ю. Н. Захарук, М. Ю. Брайчевский, А. Л. Монгайт, а также этнографы С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, П. И. Кушнер; А. Я. Брюсов называл только материальную культуру, а М. Е. Фосс — лишь отдельные ее черты.

[86] М. И. Артамонов, П. И. Кушнер, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, М. Ю. Брайчевский, А. Л. Монгайт.

[87] С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, М. Ю. Брайчевский, А. Л. Монгайт.

[88] С. А. Токарев, П. И. Кушнер, Н. Н. Чебоксаров, М. Ю. Брайчевский.

[89] С. А. Токарев, Х. А. Моора, А. Я. Брюсов. Против этого признака выступал М. И. Артамонов. (М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 8).

[90] С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, П. И. Кушнер, т. е. только этнографы.

[91] М. И. Артамонов, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров.

[92] М. И. Артамонов, С. А. Токарев и, по-видимому, Н. Н. Чебоксаров.

[93] П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 67; А. Я. Брюсов говорит о форме хозяйства (А. Я. Брюсов. Археологические культуры..., стр. 6).

[94] С. А. Токарев. Проблема типов...; Н. Н. Чебоксаров. Проблема происхождения...

[95] М. Ю. Брайчевський. Ук. соч.; А. Л. Монгайт. Археологические культуры....

ваны и определение их отношения к культу затруднительно. Недоступно археологии выделение общностей, основанных только на единстве территории или только на особенностях быта (если понимать под этим обряды, традиции, обычаи). Единство происхождения, часто понимаемое как единство антропологическое [96], устанавливается антропологами [97] и может быть использовано в археологии. Археолог не может уловить и таких народов, существование которых определяется самосознанием или государственной принадлежностью. Экономические связи мы можем фиксировать лишь частично, когда в обмене, хотя бы с одной стороны, участвуют предметы, хорошо сохраняющиеся в земле. Можно сказать, что если мы и не в состоянии определить полный объем экономических связей, то зафиксировать их наличие мы в большинстве случаев можем. Почти полностью удается устанавливать и хозяйственные навыки, особенно если их понимать как форму хозяйства.

Из вышеприведенного следует, что в тех случаях, когда этнос определяется материальной культурой, религией, экономическими связями и хозяйственными навыками, археолог в состоянии его выделить. Более того, мы можем выделить общности, определяемые группой признаков, если среди этих признаков будет хотя бы один «археологический». Все это при условии, что «археологический» признак будет характерен только для данного этноса. Последняя оговорка необходима, так как, например, одна культура может быть характерна для двух народов, а экономические связи могут выходить за границы этноса. В результате, если бы мы попытались на основании «археологических» данных составить карту современных народов, то получили бы нечто аморфное, не совсем похожее на действительность [98]. Таким образом, возможны следующие варианты: а) археологическая культура соответствует этносу; б) культура соответствует двум или более этносам; в) культура соответствует части этноса; г) культура соответствует частям двух или более этносов. Иными словами, для современности мы имеем такое положение, когда «за археологическими культурами скрываются разные исторические явления, среди которых лишь одно из возможных — наличие этнической общности» [99].

Естественно встает вопрос: всегда ли так было? То, что современное состояние этнических общностей значительно отличается от положения дел в древности, ни у кого не вызывает сомнений. Периодизация этих изменений достаточно подробно разработана, хотя и здесь, естественно, не обходится без некоторых разногласий. Начинать надо с племени, ибо все исследователи выделяют этот этап в развитии этноса [100]. Ряд ученых думает, что племя и было первым типом этнической общности [101]. В противоположность этому другие утверждают, что племени предшествовал род,

---

[95] Этнографы различают действительное и мнимое единство происхождения. Естественно, что второе не может быть установлено без знания преданий народа.

[97] Говоря точнее, антропологи уверенно устанавливают в ряде случаев отсутствие единства.

[98] О степени искажения судить трудно, так как мы не располагаем данными о частоте выделения этноса по тем или иным признакам. Если судить по количеству приводимых в литературе примеров и по их повторяемости, то случаев выделения народов на основании «не археологических» признаков не так уж и много.

[99] А. Л. Монгайт. Археологические культуры..., стр. 56. Повторим еще раз, что вероятность этой «возможности» нам, к сожалению, неизвестна.

[100] Обычно племя рассматривается как некое единство этнической общности и политической организации. Кажется, только С. А. Токарев отмечает несовпадение этих двух характеристик племени, указывая, что племя как политическая единица возникает только на грани перехода к классовому обществу (С. А. Токарев. Проблема типов..., стр. 47).

[101] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 8 сл.; М. О. Косвен. Об историческом отношении рода и племени. СЭ, 1951, 2, стр. 182—186; П. П. Ефименко. По поводу статьи А. А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации». СА, 1957, 1, стр. 24 сл.; Н. Н. Чебоксаров. Проблема происхождения..., стр. 6; С. А. Токарев. Проблема типов..., стр. 47.

что родовая организация возможна вне рамок племени [102]. О разногласиях по поводу времени возникновения племени я уже говорил выше. Родо-племенная организация существует на всем протяжении первобытнообщинного строя и в некоторых случаях сохраняется, как справедливо отмечает С. А. Токарев, вплоть до феодализма [103]. В течение этого огромного промежутка времени племя не остается неизменным. А. Д. Удальцов различал мелкие племена и союзы племен [104]. Кроме того, он выделял группы родственных, но политически не объединенных племен или союзов племен, которые называл народностями [105]. Сходной точки зрения придерживался и А. Я. Брюсов, но он не делил племена на мелкие и крупные и считал группы родственных племен предшественниками союзов племен [106]. Часть исследователей называют кроме племени только союзы племен [107] или вообще не называют ничего [108]. Н. Н. Чебоксаров предлагает такое деление: племена, этносы (соответствуют группе племен), группы этносов (этнические общности типа славянских или тюркских народов). Эти общности не носят политического характера и одновременны [109]. Наконец, А. С. Токарев выделяет два типа племени [110]. Все перечисленные типы этноса отличаются от последующих тем, что в основании их, как правило, лежит единство происхождения, действительное или мнимое. На смену им приходят общности, основанные уже на территориальном принципе. С. А. Токарев отмечает, что образования такого типа могут возникнуть еще в первобытном обществе [111], а А. Д. Удальцов считал, что они обычно образуются во время перехода к классовому обществу, в условиях военной демократии. При этом, называя эти общности «народами», он предлагал различать еще и объединения более широкого порядка — «народности» [112]. В целом же для советских ученых всеобщим можно признать убеждение, что территориальные общности, именуемые, как правило, «народностями», характеризуют уже классовое общество [113]. При этом обычно различают народности рабовладельческих и феодальных государств [114]. Территориальные по преимуществу, они могут, как уже говорилось, длительно сохранять в качестве пережитка и родо-племенное деление. Наконец, наше время характеризуется сложением наций, одновременно с которыми продолжают существовать и некоторые народности.

Не вдаваясь в обсуждение разногласий, отметим наиболее общие тенденции в развитии этноса. Для всего периода господства первобытнообщинного строя преобладает этнос, основанный на единстве происхождения. Как следствие этого у этнических общностей должны были существовать сходные формы культуры и единый язык или близкие языки. Можно отметить

---

[102] П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 42 сл.; М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 18; П. Н. Третьяков. Произведения..., стр. 20, 50; А. А. Формозов. О времени и исторических условиях сложения племенной организации. СА, 1957, 1, стр. 13.

[103] С. А. Токарев. Проблема типов..., стр. 48. Речь, резумеется, идет не о включении отсталых народов в рамки развитых государств.

[104] А. Д. Удальцов. Теоретические основы..., стр. 257.

[105] Там же, стр. 254. Позднее А. Д. Удальцов изменил свои взгляды (А. Д. Удальцов. Роль археологического материала..., стр. 9, 14).

[106] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 13. На той же точке зрения стоит сейчас и А. Л. Монгайт (А. Л. Монгайт. Археологические культуры..., стр. 56—57).

[107] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 8 сл.; П. И. Кушнер (Кнышев). Ук. соч., стр. 42—48.

[108] А. Д. Удальцов. Роль археологического материала..., стр. 9, 14; П. Н. Третьяков. Произведения..., стр. 20, 50.

[109] Н. Н. Чебоксаров. Проблема происхождения..., стр. 6, 7.

[110] См. сноску 100.

[111] С. А. Токарев. Проблема типов..., стр. 48.

[112] А. Д. Удальцов. Теоретические основы..., стр. 254—255.

[113] См., например. А. Г. Агаев. Функции языка.., стр. 133.

[114] С. А. Токарев предлагает для первых термин «демос» (С. А. Токарев. Проблема типов..., стр. 52).

постоянный рост размеров этнических объединений, являющийся, по-видимому, результатом сегментации древних племен. Одновременно с этим происходит рост политических объединений (союзы племен), базирующихся преимущественно на этническом родстве, хотя на позднем этапе здесь могли быть исключения. Несомненно, что политическое объединение в свою очередь способствовало сближению языков и культур. Таким образом, в первобытном обществе язык, культура, антропологический тип и в меньшей степени политическая организация, по-видимому, как правило, совпадали. Также не подлежит сомнению, что все такие образования возникли на единой территории. Мы должны при этом отметить, что с образованием государств и переходом к территориальным объединениям картина значительно усложняется, приближаясь к современной, но большинство народов и в этих условиях продолжает сохранять единство языка и культуры, особенности быта и хозяйственных навыков.

Для понимания общих тенденций очень важно отметить, что значение тех или иных этнических признаков неодинаково для разных этапов. С. А. Токарев [115] считает, что общность происхождения была важнейшим признаком для всего первобытного общества, но уже на пороге классового общества ее значение резко падает. Важность культурного единства также постепенно уменьшается, но не столь стремительно. Важность политических связей, наоборот, с течением времени возрастает, особенно в наше время. С религией дело обстоит несколько сложнее. С. А. Токарев полагает, что «первобытное общество вообще не знало выделения человеческих групп по религиозному признаку». Нет этого и сейчас. Но в рабовладельческом и феодальном обществе такие случая бывали. Что касается языка и территории, «то эти два признака остаются существенными на всех стадиях этнического развития — существенными по крайней мере как факторы о б р а з о в а н и я этнических групп, если не как факторы их сохранения» [116]. Я могу только присоединиться к данной оценке.

После всего вышеизложенного нам остается рассмотреть один вопрос: в каком соответствии находится археологическая культура к этносу? Мы не будем останавливаться на разногласиях о том, что соответствует археологической культуре — племя, группа племен и т. п. Очевидно, что при различных определениях культуры и отсутствии меры в этих определениях такие споры носят в значительной мере отвлеченный характер. Ясно, что если археологическая культура соответствует этносу, то в разные эпохи она соответствует разным типам этноса. Рассмотрим только самый главный вопрос: отражает ли культура этнос или нет? При этом будем исходить из предположения, что археологические культуры выделены правильно [117]. Большинство археологов думают, что культура соответствует этносу. И уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе, даже те, кто выступал или выступает против такого отождествления [118].

Учитывая все сказанное выше об особенностях развития этноса, я считаю наиболее верной позицию тех, кто полагает, что вероятность соответ-

---

[115] С. А. Т о к а р е в. Проблема типов..., стр. 45—46.

[116] Там же, стр. 46.

[117] Правильность выделения культур вызывает сомнение многих ученых (М. И. А р т а м о н о в. К вопросу об этногенезе..., стр. 14; А. Л. М о н г а й т. Археологические культуры..., стр. 55).

[118] М. Е. Ф о с с. Древнейшая история..., стр. 6, 19; Е. И. К р у п н о в. Об этногенезе осетин..., стр. 142; А. Л. М о н г а й т. Археологические культуры..., стр. 56, 59. Последний исходит преимущественно из современного состояния выделения культур, примыкая здесь к точке зрения антропологов и этнографов. М. Г. Л е в и н и Н. Н. Ч е б о к с а р о в. Ук. соч., стр. 16; С. А. Т о к а р е в. К постановке..., стр. 20, 35; Г. Ф. Д е б е ц, М. Г. Л е в и н, Т. А. Т р о ф и м о в а. Антропологический материал..., стр. 8. Думаю, что скептическое отношение к вопросу о соответствии культуры и этноса объясняется у последних неверным отождествлением археологической культуры и историко-этнографической области. Культура — понятие более узкое.

ствия между археологической культурой и этносом повышается с древностью культур [119]. По моему мнению, в условиях первобытного общества вероятность эта настолько велика, что практически можно отождествлять культуру с этносом [120], хотя мы, разумеется, не застрахованы и здесь от ошибок [121]. В результате мы приходим приблизительно к тем же выводам, что и сторонники прямого отождествления культуры с этносом, но с одним существенным отличием. У них это соответствие обязательно, а у нас оно выражено вероятностно, лишь с определенной степенью надежности, с учетом других возможностей. Это отличие, как легко понять, приобретает особое значение, когда мы обращаемся к культурам, существовавшим в период разложения родо-племенного строя и позднее, вероятность совпадения которых с этносом понижается. В частности, длительная дискуссия по поводу этнокарты Геродота, возможно, вызвана к какой-то мере и этим обстоятельством, и уж во всяком случае не вызывает сомнения, что теоретическая разработка этой проблемы специально для поздних периодов настоятельно необходима.

I. S. Kaménétsky

LA CULTURE ARCHÉOLOGIQUE, SA DÉFINITION ET SON INTERPRETATION

Résumé

Notant le caractère incomplet et parfois même erroné des définitions scientifiques modernes, l'auteur definit de la manière suivante la culture archéologique qui, selon lui, sert de directive aux archéologues soviétiques dans leur activité pratique: une culture archéologique est un groupe de matériaux qui occupent un territoire ou des territoires unis aux limites changeables et dont les indices matériels ou non-matériels possèdent une affinité objectivement existante formant un système complexe aux rapports internes qui se modifie uniformément dans le temps et varie dans l'espace en certaines limites d'une maniere restrictive et se distingant sensiblement du type analogue de systèmes propres aux autres cultures.

Toutefois, cette définition ne peut être estimée satisfaisante. La question du degrée indispensable pour l'affinité des matériaux qui font une seule culture ainsi qu'aux caractéristiques susceptibles de différencier les documents se rapportant aux cultures différentes est à résoudre. Probablement, il faut chercher la solution dans le domaine des méthodes statistiques. Les indices quantitatifs ainsi obtenus seront à inclure dans la définition d'une culture archéologique.

Analysant le probléme de la conformité d'une culture arcéologique à l'éthnos, l'auteur tire la conclusion que la probabilité de leur coïncidence aux premières étapes est très grande, puis elle diminue. A l'Age du Bronze et aux époques antérieures, probablement la culture et l'éthnos coïncident en pratique. A partir du premier Age du Fer, les chercheurs devraient prendre en considération la non-coïncidence probable d'une culture et des données éthniques.

[119] Н. Н. Чебоксаров. Проблема происхождения..., стр. 14; П. Н. Третьяков. Этногенетический процесс..., стр. 7—11; А. Л. Монгайт. Археологические культуры..., стр. 62.

[120] Отметим, что в условиях дописьменной истории у нас и нет другого выбора.

[121] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе..., стр. 11; Х. А. Моора. Рец. М. Е. Фосс, стр. 387.

Л. С. КЛЕЙН

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах.

(В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Наука логики». Полное собр. соч., т. 29, М., 1963, стр. 216).

Достаточно пролистать наугад несколько книг или статей по археологии, чтобы убедиться, что археологи в своих конкретных исследованиях постоянно имеют дело с археологическими культурами. Археологическая культура, вероятно, принадлежит к числу основных понятий этой науки. Однако при более близком знакомстве станет ясно, что единого и четкого представления об этом понятии у археологов нет, что под одним и тем же термином каждый исследователь понимает нечто свое. Это впечатление еще более усугубляется, если обратиться к теоретическим разработкам и определениям данного понятия. Удручающий размах расхождений констатируют многие археологи [1]. С другой стороны, некоторые археологи полагают, что содержание обсуждаемого понятия «достаточно ясно» и что «спор идет лишь о частностях» — таково мнение А. П. Смирнова [2]. С ним солидаризовался Е. И. Крупнов, который даже высказал убеждение, что почти все археологи согласны с определением археологической культуры, выдвинутым А. П. Смирновым» [3]. А как обстоит дело в действительности?

Поскольку в специальных статьях, посвященных этой проблеме [4], обычно предлагается очередной вариант определения и не рассматриваются все остальные, будет полезным сопоставить все основные предложения, вошедшие в науку, выяснить, что между ними общего, в чем различия. Это позволило бы сгруппировать предложения по главным критериям выделения, надежнее оценить достоинства и недостатки основных версий, определить перспективное направление дальнейшей разработки.

При таком сопоставлении, опирающемся на краткий обзор истории вопроса, необходимо избежать двух обычных в этом деле ошибок. Первая состоит в том, что вместо истории понятия прослеживается история лишь одной его версии, в частности территориальной (картографической). Вторая ошибка заключается в подмене истории понятия историей термина «археологическая культура». Именно из-за этих смещений историографические

---

[1] См., напр., А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко-археологических исследований). «Народы Азии и Африки», 1967, 1, стр. 55; Д. А. Аврусин. Археология СССР. М., 1967, стр. 19, и др.

[2] Обсуждение статьи А. Л. Монгайта «Народы Азии и Африки», 1967, 1, стр. 72.

[3] Там же, стр. 71.

[4] L. Kilian. Zum Aussagewert von Fund- und Kulturprovinzen. «Swiatowit», XXIII, 1960, стр. 41—85; Ю. М. Захарук. Проблеми археологічної культури. «Археологія», XVII, Київ, 1964; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, 4, стр. 3—17.

экскурсы не идут далее Коссины (заменяемого иногда ввиду одиозности Монтелиусом). А. П. Смирнов утверждает, что первым стал выделять археологические культуры Монтелиус, а у нас — Хвойко и Спицын, позднее — Городцов и Теплоухов [5].

По А. Л. Монгайту, «со второй четверти XIX века было замечено, что определенные типы вещей, жилищ, погребений встречаются на определенных территориях, и комплексы таких находок были обозначены термином „культура“» [6].

Между тем территориальное распределение типов, наличие определенных ареалов у каждого сорта керамики, у каждого вида оружия, у каждой разновидности могил само по себе не требовало введения нового понятия сверх существующих понятий «тип» и «ареал». И пусть рано (хотя и не со второй четверти XIX в.) начали говорить о «народе» такой-то керамики или такого-то топора, все же это еще не было введением понятия «культура». Возможность же совпадения ареалов разных категорий археологического материала первым в *широком масштабе* установил Коссина (констатации его предшественников были сугубо локальными). На этой основе он выдвинул новое понятие, которое в границах определенной территории охватывало уже целую группу памятников, объединяемую многими категориями материала. Но это понятие в основном было лишь новой, территориальной (или картографической) версией уже бытовавшего в обиходе археологов понятия [7].

Очень верна и ценна в статье А. П. Смирнова мысль о том, что выделение культур относится к первой стадии археологического исследования — к стадии систематизации материала [8]. Но, систематизируя материал, археологи уже задолго до Коссины стали выделять группы схожих памятников, хотя тогда хронологические границы этих групп больше интересовали археологов, чем территориальные. Это, собственно, была эволюционистская, хронологическая, или периодизационная, версия понятия археологической культуры. Точнее, не одна, а две версии: в первой, стратиграфической, критерием служило одинаковое стратиграфическое распределение «руководящих древностей» (так выделял свои «индустрии» Мортилье), во второй, корреляционно-хронологической, критерием служила связь типов в замкнутых комплексах (по ним выделяли свои периоды Ворсё, Монтелиус, С. Мюллер и др.). Эта версия могла быть обусловлена не только эволюционистскими воззрениями, но нередко просто невозможностью проследить территориальные границы из-за недостаточной обследованности края. Так, еще в знаменитых донецких отчетах В. А. Городцова (изюмском 1903 г. и бахмутском 1905 г.) выделение групп, позже, в 1916 г., названных культурами (ямной, катакомбной, срубной и т. д.), было произведено в плане периодизации, а не территориального ограничения. И естественно: серия погребений была хорошо растянута во времени (раскопаны курганы с разновременными погребениями), но сугубо обрывочна в пространстве — вокруг оставались сплошные белые пятна. Такой же была и схема Теплоухова. Обе могут рассматриваться как поздние конкретные образцы, в которых реализована старая корреляционно-хронологическая версия понятия археологической культуры.

В основе выделения лежало то, что осталось в основе и всех последующих версий — многообразное, многократное, комплексное сходство памятников. Постепенно хронологические версии эволюционистов, страдавшие

---

[5] Там же, стр. 3—4.

[6] А. Л. Монгайт. Археологические культуры..., стр. 53.

[7] Это можно заметить в кратких историографических экскурсах по данному вопросу у Г. Даниела и М. Е. Фосс (G. E. Daniel. A Hundred Years of Archaeology. London, 1950, стр. 149, 239—247, 318—319; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 17).

[8] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 3.

схематизмом и односторонностью (хотя и полезные в определенных границах применения), были заменены территориальной. В средиземноморской археологии это сделали Г. Шлиман и А. Эванс, очертив Микенскую, Минойскую, Кикладскую и другие «цивилизации». Севернее, для неолита и более поздних эпох, это осуществил Г. Коссина, а для палеолита — А. Брейль и Г. Обермайер.

Термин же «культура» не сразу и не везде утвердился за данным понятием. В пору господства хронологических версий на равных правах с ним употреблялись термины «эпоха» и «период» (солютрейская культура и солютрейская эпоха и т. п.). Позже, в результате утверждения территориальной версии, во Франции более употребительным для этой цели оказался термин «цивилизация» (civilisation), в Германии — «культурная провинция», «культурная группа» и «культурный круг» (Kulturprovinz, Kulturgruppe, Kulturkreis), в США — «культурный ареал» (culture area) и др. Различия в определениях разных терминов не превышают различий в определениях термина «культура»; подчас трактовки разных терминов совпадают, а одного и того же расходятся.

Г. Коссина, вопреки распространенному мнению, не дал определения своим «Kulturprovinzen» или «Kulturgruppen», он лишь указал, при каких условиях они, по его мнению, совпадают с народами [9]. Кроме того, он в одной из ранних работ указал, что выделяет «культурные провинции» на основании учета разностороннего материала, а не по одному признаку, не «идентифицируя горшки с народами» [10]. Однако этот грех, от которого он так открещивался, позже пышным цветом расцвел в его работах, где опять же ни определений, ни обоснования дано не было.

Определение сформировал его ученик Э. Блюме: «Характер находок одного времени не везде одинаков — выделяются группы, своеобразные по погребальным обрядам, одежде, оружию, поселениям и т. п.... Географически резко ограничиваются культурные области (Kulturgebiete)» [11]. В другом месте Э. Блюме определяет «культурную группу» (Kulturgruppe) как «сумму одинаково распространившихся форм культуры» [12].

Другой ученик Коссины, Мартин Ян, определяет «культурную группу» или «культурную провинцию» так: «Выберем только те находки, которые принадлежат одному и тому же периоду... Если области распространения целого ряда своеобразных форм совпадают и ограничиваются главным образом... территорией А, тогда эта территория А содержит особую культурную группу А, тогда эта территория образует в исследуемом периоде, по определению Коссины, «культурную провинцию» [13].

Наиболее разработанной эта версия выглядит у Л. Килиана: «... Мне представляются,— пишет он,— две вещи решающими для сути культурной провинции. Это, во-первых, общая территория и, во-вторых, количество и вид сохранившихся на ней типов находок, причем „типы находок“ понимаются здесь в самом широком смысле. Как правило, для культурной провинции только те типы находок должны приниматься во внимание, распространение которых в основном совпадает» [14]. Килиан обозначает ареал распространения определенного типа термином «провинция находок» (Fundprovinz). Совпадение ареалов дает «провинции находок» второй, третьей и т. д. степеней — по числу типов, совпадающих в своем распро-

---

[9] См. об этом: M. Jahn. Die Abgrenzung von Kultugruppen und Völkern in der Vorgeschichte. Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl., 99, 3, 1953, стр. 14—17.

[10] G. Kossinna. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Mannus-Bibliothek, 6, Würzburg, 1922, стр. 11.

[11] E. Blume. Die germanischen Stämme und ihre Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Mannus-Bibliothek, 8, Würzburg, 1912, стр. 1—2.

[12] Там же, стр. 3.

[13] M. Jahn. Ук. соч., стр. 9.

[14] L. Kilian. Ук. соч., стр. 45.

странении. «Культурная провинция», по Килиану, это «провинция находок» высокой степени при условии, что совпавшие своими ареалами типы «отражают существенные элементы культуры» [15].

Из советских археологов сходное по смыслу определение дает А. Л. Монгайт. Археологическую культуру Монгайт разъясняет как «термин, употребляемый для обозначения общности археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории» [16]. Выделение культур, по А. Л. Монгайту, происходит так: картографируя однотипные археологические объекты, мы замечаем, что кроме объектов широкого распространения можно обнаружить вещи, погребения, постройки, типические для замкнутого района и позволяющие отличить этот район от соседних [17].

Для всех этих четырех определений общим является картографический подход: объединяющим элементом культуры служит совпадение ареалов отдельных типов. Отмечая главную слабость таких определений, Р. Гахман сказал: «Культура для них все еще как для Коссины — сумма отдельных самодовлеющих элементов культуры, которые одинаково непрерывно развиваются... Часто не хватает понимания сложных функциональных связей внутри культуры» [18]. Правда, у всех этих авторов оговаривается условие предварительного установления синхронности типов, а синхронность эта должна быть установлена прежде всего по взаимовстречаемости в замкнутых комплексах. Однако эта связь элементов культуры (через замкнутые комплексы) получается вторичной, косвенной.

Внутренние связи попытался уловить К. Шухардт, выдвинувший в качестве критерия для выделения своих «культурных кругов» стилистическое единство — принципы тектоники форм, основные черты орнаментации и т. п. «Я хотел показать,— писал он,— именно стиль в культурах и типах; ибо по нему раньше всего можно выявить крупные линии развития: дуализм древней Европы» [19]. Однако его разработки этой идеи очень расплывчаты, а четких формулировок понятия у него и вовсе нет. Стилистическая версия осталась лишь намеченной.

Отмеченная Р. Гахманом слабость территориального подхода устранена в определении, которое в 1929 г. предложил Г. Чайлд: «Мы находим определенные типы останков — ямы, орудия, украшения, погребальные обряды, формы домов — постоянно встречающимися вместе. Такой комплекс регулярно соединяющихся останков мы называем „культурной группой“ или просто „культурой“» [20]. Мы предполагаем, что такой комплекс является материальным выражением того, что мы сегодня называем «народом». Через год Чайлд повторил свое определение в несколько более развернутой формулировке: «Отличительные типы изделий из металла, кости, камня и керамики, постоянно находимые комплексом в могилах и поселениях на определенной территории, вместе с особенностями строения жилищ и могил, в которых они встречаются, образуют то, что называется культурой. Предметы считаются объединенными в комплексе, если они найдены вместе в обстоятельствах, свидетельствующих об одном употреблении, т. е. как инвентарь одного погребения или в развалинах одного жилища» [21].

---

[15] Там же, стр. 48.
[16] А. Л. Монгайт. Культура археологическая. СИЭ, 8, М., 1965, стр. 278.
[17] А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности..., стр. 55.
[18] R. Hachmann. Besprechung: E. C. Graf Oxenstierna. Die Urheimat der Goten. «Germania». Jahr. 29, 1951, 1/2, стр. 100.
[19] K. Schuchhardt. Alteuropa. Eine Vorgeschichte unseres Erdteils. 2. Aufl. Berlin und Leipzig, 1926, стр. X.
[20] G. Child. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929, стр. V—VI.
[21] G. Child. The Bronze Age. Cambridge, 1930, стр. 41—42.

Еще через несколько лет Чайлд определял археологические культуры как «объединения специфических типов орудий, оружия и украшений, повторяющихся в могилах и поселениях одного рода и отличающиеся от находок, обнаруживаемых в могилах и поселениях другого рода» [22]. В одной из последних своих книг Чайлд определял культуру как «совокупность находок (artifacts), регулярно появляющихся совместно в поселениях одного типа с могильниками одного и того же ритуала» [23].

Таким образом, Чайлд, заимствовав из старой корреляционно-хронологической версии ее преимущество (критерий выделения, учитывающий внутреннюю связь элементов культуры — через замкнутые комплексы) и отказавшись от хронологической односторонности (так что не упущены и достижения территориальных разработок), ввел новую версию определения. В ней за основу принята внутренняя связь элементов культуры — связь, имеющая определенные границы и во времени, и в пространстве. Эту версию можно было бы назвать корреляционно-типологической или комплексной.

В советской археологической литературе эта версия представлена структурно менее ясными определениями. Одно из них принадлежит А. Д. Удальцову: «Под археологической культурой мы понимаем исторически сложившуюся на данной территории, более или менее устойчивую на протяжении известного периода времени совокупность вещественных памятников, объединенных общими признаками, отличающуюся от других устанавливаемых в археологии культур» [24]. Что, собственно, сказано в этом определении? Что культура — это группа памятников, что она занимает какую-то территорию и определенный хронологический отрезок и что эти памятники объединены и отличаются от других общими признаками. Какими? В каком количестве? А если, например, двумя — елочным мотивом в орнаменте керамики и лепной техникой? Определение дано в столь общей, приблизительной и расплывчатой формулировке, что определяемое понятие расплывается и становится бессодержательным. В одной из своих первых работ автор настоящей статьи сформулировал (со ссылками на предшественников) более пригодное к практике, но весьма эклектичное определение: «Археологическая культура — это совокупность археологических памятников, объединенных близким сходством типов орудий труда, утвари, оружия и украшений (особенно же сходством деталей в формах вещей, сходством керамической орнаментации и приемов техники), сходством типов построек и погребального обряда». Автор отмечал далее, что это лишь качественная характеристика понятия. «Но остается совершенно неясной количественная характеристика — сколько специфических признаков, объединяющих определенную группу памятников и отличающих эти памятники от соседних групп, следует считать достаточным для того, чтобы можно было констатировать самостоятельную культуру» [25]. Попытке установить на конкретном примере количественный критерий и была посвящена цитируемая статья. Строже и ближе к трактовке Чайлда оказалось определение, предложенное недавно В. С. Сорокиным: «Под археологической культурой мы понимаем совокупность археологических памятников, сходных между собой по ряду устойчиво повторяющихся признаков и отличающихся по этим признакам от других совокупностей археологических памятников» [26].

В недавнее время логико-математическое обоснование комплексной версии дал Я. А. Шер. Этот исследователь констатировал: археологи давно

---

[22] G. Child. Changing Methods and Aims in Prehistory. PPS, 1936, стр. 3.

[23] G. Child. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo. 1950, стр. 2.

[24] А. Д. Удальцов. Роль археологических материалов в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 14.

[25] Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур. СА, 1962, 2, стр. 31.

[26] В. С. Сорокин. Андроновская культура. I, САИ, В 3—2, 1966, стр. 5.

подметили, что как особенности отдельных находок и сооружений не распределены хаотически, а регулярно сочетаются в них, образуя типы, точно так же и совпадения находок в замкнутых комплексах не беспорядочны, а характеризуются известным постоянством в определенных границах, повторяются, т. е. также образуют нечто вроде типов. Вот эти более сложные образования, структурную родственность которых типам вещей и сооружений уловил Я. А. Шер, и образуют основу для понятия «археологическая культура». По Я. А. Шеру, понятие культуры «нужно для описания некоторой исторически сложившейся и реально существовавшей во времени и пространстве совокупности материальных объектов, ставших для нас археологическими памятниками... Оно выявляется на основе устойчивого сочетания существенных признаков; ...логически сводимо к понятию системы. Культуру, видимо, следует понимать... как систему типов памятников, объектов и предметов» [27].

Многие советские археологи относятся к этой версии определения археологической культуры критически, полагая, что в ней формально-типологический анализ археологических материалов оторван от живых явлений истории.

Эти исследователи видят главное в том, чтобы внести в определение понятия археологической культуры непременное условие ее соответствия конкретной этнической общности племени или народу, а в ряде случаев понимают это как соответствие также языковой общности. Исходный принцип этих исследователей четко выразил М. Ю. Брайчевский: «Под археологической культурой мы понимаем такие ассоциации археологических явлений, которым безусловно соответствуют определенные этнические единства. Культуру, которой бы не отвечала одна и только одна этническая общность людей, мы не признаем культурой» [28].

Решив усовершенствовать таким способом старые определения археологической культуры, одни исследователи избрали исходным объектом для усовершенствования территориальную (картографическую) версию, другие — комплексную. Так возникли две новые версии: этнотерриториальная (или этнокартографическая) и этнокомплексная.

Первая из них в сущности означала возвращение к трактовке старших учеников Коссины — Э. Блюме и М. Яна, с одним лишь (но существенным) отличием: обязательное соответствие этносу, прежде лишь подразумевавшееся и учитывавшееся, здесь было введено в само определение. Ведь еще Блюме отмечал, что совпадение границ распространения типов не может иметь иного объяснения, кроме этнической (языковой) общности. Племенное родство и единство языка облегчало культурный контакт, а их отсутствие — затрудняло; поэтому этническая граница большей частью оказывалась препятствием для распространения типов. Значит, где совпадают границы распространения многих типов, там — этническая (соответственно языковая) граница. Это рассудочное построение, безупречное с точки зрения формальной логики и «здравого смысла», не выдержало столкновения с фактами этнографии — науки, кооперацию с которой Коссина отвергал. Уже один из старейших учеников Коссины, М. Ян, был вынужден недавно признать реальность контактов на стыке различных первобытных групп, расплывчатость культурных границ, наличие переходных зон, смешанных культур и т. п.[29]. Накопление исторических и этнографических свидетельств того, что очень многие ареалы типов (даже совпадающие) не имеют этнического значения [30], побудило современных сторонников картографической

---

[27] Я. А. Шер. Типологический метод в археологии и статистика. VII МКАЭН, стр. 264.

[28] М. Ю. Брайчевский. Теоретичні основи досліджень етногенезу. УІЖ, 1965, 2, стр. 31.

[29] M. Jahn. Ук. соч., стр. 19—27.

[30] М. Г. Левин и Н. П. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса). СЭ, 1955, 4, стр. 3—17, и др.;

версии (Л. Килиана, А. Л. Монгайта) отказаться от принципа обязательного соответствия культуры этносу.

Возвращение к этому принципу оказалось мыслимым только при существенной перестройке самого понятия археологической культуры — на базе учета всех указанных осложняющих обстоятельств. Поэтому этнокартографическая версия нового времени строится на отсеивании элементов, не имеющих этнического характера. В основе понятия стараются оставить только те элементы, которые непременно должны иметь этническое значение. Поиски таких элементов привели к полнейшему разброду: что ни исследователь — то свой выбор «этнических признаков». Примером этнокартографического подхода может служить статья А. П. Смирнова. Он исходит из картографического определения, приведенного со ссылкой на общее мнение: «Большинством археологов термин культура применяется в отношении памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры» [31]. Далее автор уже от себя подчеркивает, что главным способом выделения должно служить картографирование. Но какие же «своеобразные черты» при картографировании надо выделить как характеризующие этнос и, **следовательно,** археологическую культуру?

Перебрав ряд элементов культуры, исследователь останавливается на лепной керамике (имея в виду, очевидно, ее формы), потом с колебаниями и сомнениями добавляет к этому погребальный обряд [32]. У других исследователей на роль основного, а то и единственного «этнического признака» претендуют другие элементы культуры: только керамическая орнаментация (М. Е. Фосс, В. Н. Чернецов) [33], техника выделки керамики (П. М. Кожин) [34], кремневые орудия труда и произведения искусства (А. А. Формозов) [35], устройство жилищ (П. Н. Третьяков, К. В. Сальников) [36], способ погребения (М. И. Артамонов, Е. И. Крупнов) [37] и т. д. Защитники этой

E. Wahle. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl., 1940/41, Abh. 2, стр. 67; J. Eggers. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. Wahle-Festschrift. Heidelberg, 1950, стр. 49.

[31] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 4.

[32] Впоследствии А. П. Смирнов возражал против отнесения его к сторонникам чисто этнического истолкования культуры: «Автор настоящей статьи нигде не говорил, что археологическая культура характеризует только этнос» (А. П. Смирнов. Об археологических культурах Среднего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 70, сноска 38). Действительно, в самой статье 1964 г. у него есть оговорка о том, что для первобытного общества культура — показатель не только этноса, но и языка (между тем для большинства археологов язык — один из главных признаков этноса) и что позже обязательность совпадения исчезает (но ведь он только первобытным обществом и ограничивает существование культуры). Во всяком случае, по общему смыслу статьи 1964 г. (поиск «этнических признаков» для выделения культуры) ее приходится понимать именно как пример этнокартографического подхода.

[33] М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 65, 69—77; В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 25.

[34] П. М. Кожин. О технике выделки фатьяновской керамики. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 53—58.

[35] А. А. Формозов. Этнокультурные области территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 20—21; его же. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, 4, стр. 66—74; ср., однако, М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера...

[36] П. Н. Третьяков. Бологовское городище. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 41; К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, стр. 251; ср., однако, М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., стр. 66; Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956, стр. 4; А. А. Формозов. Этнокультурные области, стр. 21.

[37] М. И. Артамонов. Этногеография. Скифии. Уч. зап. ЛГУ, 85, сер. истор. наук, 13, Л., 1949, стр. 133, 142; Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 69.

версии делают в данном вопросе шаг назад от определений М. Яна, Л. Килиана и А. Л. Монгайта к трактовке самого Г. Коссины, которую даже тот не защищал открыто, а лишь de facto реализовал в своих поздних работах. Отличие их позиции в этом вопросе от позиции Коссины заключается в том, что тот исходил из принципиального совпадения всех форм культуры между собой и с этносом и поэтому считал возможным выявлять этнос по любому ее элементу (то по типу вооружения, то по форме сосуда, то по боевым топорам и т. д.), а современные исследователи выбирают какой-нибудь один признак, отсеивая остальные как не этнические. Но в такой трактовке понятие археологической культуры по сути сводится к понятию ареала того или иного типа, т. е. исчезает право на введение какого-то особого, принципиально нового понятия сверх понятия «ареал типа». Логически последовательной в этом вопросе приходится признать ту оригинальную позицию, которую заняла М. Е. Фосс. Она считала возможным и единственно правильным выявлять первобытные этносы только по керамической орнаментации, но термин культура к выявленным ареалам не находила нужным прилагать: зачем, когда для них подходят термины «ареал типа» и «этнос»? Термин же «археологическая культура» она оставляла за более сложным и общим понятием, не имеющим непременного этнического значения. «За последнее время,— указывала М. Е. Фосс,— под археологической культурой стал подразумеваться определенный комплекс археологических предметов, бытовавших в пределах ограниченной территории, на определенном отрезке времени и сложившийся в результате обособленного существования населения» [38]. Рассмотрев возможности этнической трактовки этой обособленности и решив его отрицательно, М. Е. Фосс резюмировала: «В итоге выяснения значения термина «культура» приходим к заключению, что под ним следует подразумевать общность, которая возникает в материальной культуре в силу самых различных причин и которая наблюдается в археологических памятниках, бытовавших на определенном отрезке времени и объединенных общей территорией» [39]. Однако, если отвлечься от терминологического вопроса, то в части выделения этносов по одному признаку позиция М. Е. Фосс разделяет все недостатки с другими вариантами концепции «этнических признаков», а в части выделения археологических культур в общем совпадает с комплексной версией определения и должна получить ту же общую оценку, что и вся эта версия (конечно, если иметь в виду только основной критерий выделения и не оценивать частности, детали формулировки и т. п.).

Концепция «этнических признаков» подверглась острой и справедливой критике в статьях Г. С. Кнабе и особенно Ю. Н. Захарука [40]. Отмечались: методологическая порочность отождествления части с целым (pars pro toto); разрушение логической основы для самого понятия «археологическая культура» с ликвидацией комплексного подхода; внутренняя противоречивость в самой позиции сторонников этой версии, обычно считающих необходимым (дань времени) оговорить свое теоретическое согласие с принципом учета всего комплекса данных [41]. К этому необходимо добавить два существенных обстоятельства, сводящих на нет правомерность концепции «этнических признаков».

Во-первых, само понятие «этнос» оказывается чрезвычайно неопределенным. Одни считают этнос по сути своеобразной модификацией языковой

[38] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., стр. 17.

[39] Там же, стр. 19.

[40] Г. С. Кнабе. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. СА, 1959, 3, стр. 249; Ю. Н. Захарук. Ук. соч., стр. 15.

[41] Ср. М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении восточных славян. ВИ, 1948, 9, стр. 97—98; его же. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 11—12; А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 18—19; П. Н. Третьяков. Этногенетический процесс и археология, СА, 1962, 4, стр. 3—16 и др.

общности; другие отождествляют этнос с общностью биологического происхождения; третьи считают этнос чисто культурной общностью, оставляющей точный сколок в материальной культуре (в этом случае тезис о совпадении археологической культуры с этносом означает просто тавтологию). Наконец, в недавнее время распространилось мнение, что этнос вообще не имеет четкого и постоянного смысла, являясь отражением разных типов общности в коллективном сознании: в одних случаях — одного (скажем, языка), в других — другого (скажем, политического единства), в третьих — третьего (скажем, религии) и т. д.[42].

Во-вторых, какой бы из этих признаков этноса ни взять (кроме, разумеется, самой материальной культуры), его совпадение с элементами культуры также не подчиняется постоянным правилам. Каждый из исследователей, выдвигавших тот или иной элемент культуры на роль этнического показателя, мог привести некоторое количество этнографических примеров в пользу своего предложения, но не больше. Всегда находятся и контрпримеры. Суть дела, очевидно, в том, что с этническими признаками (скажем, с языком) в одних случаях действительно совпадает в своем ареале керамическая орнаментация, в других — техника выделки керамики, в третьих — устройство жилищ, в четвертых — способ погребения и т. д. В каждом отдельном случае приходится искать этот показатель (или показатели — они могут и совпасть) заново, особым исследованием, сопоставляя с письменными источниками, если есть, с данными лингвистики, с археологическими и антропологическими свидетельствами о миграциях, автохтонности и т. п. Но это уже следующий этап работы — интерпретационный, а не тот ранний, классификационный, на котором мы приступаем к выделению археологических культур. Действительность оказывается гораздо сложнее желанных для нас схем. Хозяйственные общности, обязанные своим возникновением приспособлению к географической среде, затем могут закрепиться, стать традиционными, утратить адаптивное значение, распространиться в иную географическую обстановку вместе с языком или без него, снова подвергнуться изменению и выйти из традиции и т. д. В этой действительности нет места постоянным, единообразным и всеобщим «этническим признакам».

Исходный пункт другой современной версии, увязывающей археологическую культуру с этносом, как будто был намечен уже у самого Чайлда в его первом определении. Однако это лишь на первый взгляд. Чайлд только предполагал за «культурой» «народ», и данное предположение никак не было выражено в самой структуре понятия «культура» и в методике выделения культур (точно так же, как оно присутствовало, но не было выражено у ранних сторонников территориальной версии — Блюме, Яна и др.). Иное дело — этнокомплексная версия. Для нее основополагающим и классическим является определение А. Я. Брюсова, которое поэтому целесообразно привести здесь целиком: «Под археологической культурой, — писал этот ученый, — я понимаю единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже — к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках (поселение, могильник, жертвенное место, клад и т. д.), в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преемственность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению). Это сходство не может ограничиваться только общими чертами, которые нередко возникают в

---

[42] Ср. В. И. Козлов. Некоторые проблемы теории нации. ВИ, 1967, 1, стр. 88—99; его же. О понятии этнической общности. СЭ, 1967, 2, стр. 100—111; М. Н. Росенко. Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации. ВИ, 1968, 7, стр. 85—100; Сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», 3, Л., 1967. Этнография (дискуссия об этносе — статьи В. А. Белявского, Л. Н. Гумилева и др.).

силу близости ступени развития производительных сил общества и формы хозяйства, а отчасти вследствие однообразия окружающей природной среды. Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей — орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники. Археологические культуры, понимаемые таким образом, отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен, в процессе их конкретного исторического развития, начиная со ступени полного расцвета родового строя в неолитическую и бронзовую эпохи» [43].

Оставаясь на базе комплексного понимания археологической культуры и введя в определение принцип непременного соответствия с этносом, А. Я. Брюсов почувствовал необходимость реализовать этот принцип в отыскании формальных гарантий такого совпадения, т. е. в выдвижении ограничивающих оговорок — своего рода логического эквивалента «этнических признаков». Такой эквивалент он открыл в условии, что «сходство не может ограничиваться только общими чертами», а должно проявляться «в деталях форм вещей — орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники». Но ведь это то же, что выдвигали М. Е. Фосс, П. Н. Третьяков и др. Таким образом, «этнические признаки» все-таки проскользнули в его определение, только не по отдельности, а все вместе. Считается абсолютно неизбежным, что уж в таком узком понимании археологическая культура непременно совпадет с этносом (по крайней мере, для неолита и бронзового века). Но оба обстоятельства, приведенные мною выше в опровержение концепции «этнических признаков», полностью, и даже в еще большей мере, относятся и к этому ее варианту. Кроме того, приходится констатировать, что при столь резком сужении понятия «археологическая культура», общности, не столь монолитные, выявляемые по более важным показателям, чем орнамент и детали форм, признаются недостойными названия археологической культуры, а так как иных понятий не предложено ввести, то эти общности оказываются за бортом и выпадают из классификационного рассмотрения, да и вообще из сферы интересов археолога. Подобным определением одного из фундаментальных понятий археологии неминуемо сужаются задачи и рамки археологического исследования (что не раз отмечалось относительно концепции отождествления археологической культуры с этносом вообще). Этим трактовка А. Я. Брюсова невыгодно отличается от трактовок Л. Килиана, А. Я. Монгайта и М. Е. Фосс [44].

Ю. Н. Захарук предпринял интересную попытку усовершенствовать данную версию определения археологической культуры, освободив ее от указанных недостатков [45]. Объективную основу его исследования составляет детальная — пожалуй, наиболее детальная из всех существующих — разработка комплексного понимания культуры в духе тех, что представлены у Чайлда и А. Я. Шера. Главной структурной ячейкой формирования археологической культуры Ю. Н. Захарук предлагает считать «археологический комплекс памятников» (АКП), под которым понимается как можно более полный набор остатков жизни и деятельности конкретной первобытной общины, представленный на ее поселении и связанном с ним могильнике (орудия труда и оружие, керамика, остатки фауны и флоры,

---

[43] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 20.

[44] Отмечавшаяся выше эклектичность моего прежнего определения археологической культуры проистекает из того, что это определение появилось не как непосредственное продолжение традиции Чайлда, а как попытка очистить этнокомплексную версию А. Я. Брюсова и других от этнизации (при этом упор на «детали форм» был мною тогда оставлен в определении).

[45] Ю. Н. Захарук. Ук. соч., стр. 21—22, 26.

украшения, предметы искусства и культа, формы поселений и жилища, погребальные сооружения и погребальный обряд) [46]. Не совсем понятно, почему сюда не включены остатки древних мастерских, поля древнего земледелия, дороги, святилища, укрепления и т. п., но это уже частности, не имеющие принципиального значения. В принципе АКП Ю. Н. Захарука многим напоминает то, что современные американские ученые считают исходной единицей археологической классификации и по-разному именуют: у приверженцев «Средне-западного таксономического метода» Мак-Керна — это «компонент» (component) [47], у калифорнийских археологов — «поселок», «колония» (settlement) [48], в системе П. Филлипса и Дж. Уилли — «округа», «резиденция» (locality) [49]. У Мак-Керна однотипные «компоненты» объединяются в «фокус» (focus), родственные «фокусы» группируются в «аспект» (aspect), близкие «аспекты» — в «фазу» (phase), а «фазы» — в «композицию» (pattern). У калифорнийцев в соответствующем порядке за «поселком» следуют «фация» (facies), «провинция» (province) и «горизонт» (horizon). Ряд, начатый «округой», продолжают «регион» (region) и «ареал» (area). Есть и другие системы. В последнее время у ряда американских ученых появляется тенденция сделать «округу» единственным и конечным законным объектом изучения [50]. Для Ю. Н. Захарука его АКП служит структурной ячейкой более значительной общности. Ю. Н. Захарук констатирует наличие однотипных АКП, близко схожих (во всем существенном — тождественных) по своему облику, по всему составу. Совокупность АКП одного типа выступает как определенная культурная группа (у американцев — это «фокус», «фация» или «регион»), возможность применения к которой термина «археологическая культура» Ю. Н. Захарук обсуждает [51], но отвергает, исходя из отношений, представленных в исходной для его анализа трипольской культуре, весьма монолитной на огромных территориях. Ю. Н. Захарук предпочитает считать культурные группы, соответствующие типам АКП, лишь вариантами археологической культуры, а последний термин относить к более обширной общности, но принцип объединения в эту общность остается тем же. Каждый тип АКП имеет определенные территориальные и хронологические границы и определенные отношения к другим типам АКП. В ряде случаев эти связи настолько тесны, что могут трактоваться как генетические (очевидно, следовало бы еще добавить в качестве критерия выделения резкое отличие от каких-то других типов АКП, ибо только в сопоставлении познается степень близости объединяемых типов АКП). Эти связи простираются как по горизонтали, объединяя родственные синхронные типы АКТ, так и по вертикали, соединяя типы АКП, являющиеся последовательными этапами трансформации одного и того же. Совокупность таких взаимосвязанных типов АКП и является археологической культурой по Ю. Н. Захаруку. Предусматривается и возможность дальнейшего «укрупнения» («культурные провинции»).

До этого места изложенные рассуждения Ю. Н. Захарука вполне соответствуют чистому комплексному пониманию культуры, и в этой части

---

[46] Там же, стр. 18—22.

[47] W. C. McKern. Certain Culture Classification Problems in Middle Western Archaeology. Nat. Res. Council, Circular. Ser. 17, 1934; его же. The Mid-Western Taxonomic Method as an Aid to Archaeological Culture Study. American Antiquity, 4, 1939, стр. 301—313.

[48] R. F. Heizer (ed.). A Guide to Archaeological Field Methods. Palo Alto, Calif., 1959, стр. 98—99.

[49] P. Phillips and G. R. Willey. Method and Theory in American Archaeology: an Operational Basis for Culture-Historical Integration. American anthropologist, 55, 1953, стр. 615—633.

[50] Kwang-Chin Chang. Major Aspects of the Interrelationship of Archaeology and Ethnology. «Current anthropology», 8, 1966, стр. 231.

[51] Ю. Н. Захарук. Ук. соч., стр. 39—40.

его построение действительно свободно от недостатков версии А. Я. Брюсова. Этническая интерпретация, не вошедшая в это построение Ю. Н. Захарука органичным компонентом, присоединена к нему механически, как внешняя пристройка.

Дальнейший ход рассуждений Ю. Н. Захарука таков.

Археологический комплекс памятников (АКП) должен быть моноэтничным, так как оставлен жителями одного родового поселка. Культурная группа, состоящая из однотипных АКП, обладая общностью территории и культуры, очевидно, оставлена племенем, фратрией или племенной группой. «Если же конкретные территориальные группы однотипных памятников действительно отражают племенную организацию населения, которое их оставило, то тогда, очевидно, вся совокупность таких территориальных локальных групп однотипных памятников отражает **межплеменную** организацию и структуру группы родственных племен. Что же касается языка, то, очевидно, язык каждой конкретной племенной группы следует рассматривать как диалект одного языка» [52]. Отсюда и определение археологической культуры: «археологическая культура представляет собою совокупность территориально и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (комплексов) определенного типа, которые отражают территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка» [53].

Между тем моноэтничность АКП не безусловна: в первобытном родовом поселке могли жить иноплеменники и иноплеменницы, прибывшие благодаря экзогамным бракам (племя не всегда эндогамно) [54], усыновленные пленники; бродячие кузнецы; гости, прибывшие издалека для обмена, для приобретения дефицитных изделий или сырья; военные союзники и т. д. [55]. Соответствие культурных групп подразделениям одной племенной организации также не достоверно хотя бы потому, что роды переводились из одного племени в другое, союзы племен изменяли свой состав, да и вообще племенная организация на манер американских индейцев — не всеобщий и обязательный стандарт, а лишь одна из разновидностей первобытнообщинной социальной структуры [56]. Еще менее неизбежно соответствие культурной близости типов АКП этническому (и языковому) родству племен и племенных групп — этнография поставляет множество противоположных примеров, когда родственные племена резко различаются в культурном отношении, а неродственные обладают очень сходной культурой [57].

Ю. Н. Захарук, кажется, единственный из всех сторонников этнического истолкования культуры, кто выдвинул методологическое возражение против исследователей, скептически относящихся к этой идее и отстаивающих более широкие возможности интерпретации культуры. «Не останавливаясь детально, — пишет Ю. Н. Захарук, — на разных концепциях исторического содержания археологических культур (это может и должно быть предметом отдельного исследования), считаем необходимым подчеркнуть, что указанные концепции имеют существенную ошиб-

---

[52] Ю. Н. Захарук. Ук. соч., стр. 36.

[53] Там же, стр. 39.

[54] R. Thurnwald. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosoziologischen Grundlagen. Berlin, 1935, II, стр. 141, 153, 176; IV, стр. 93; R. Wenskus. Stammesbildung und Verfassung. Köln — Graz, 1961, стр. 23—25.

[55] Бывают и более разительные казусы. См. С. Н. Артановский. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967, стр. 14 (двуэтничные поселки племен хопи и тано).

[56] Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 30—108; Н. А. Бутинов. Проблема экзогамии (по австралийским материалам). Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., XIV. М., 1951; П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., XV, М., 1951, стр. 43—44.

[57] М. Г. Левин и Н. П. Чебоксаров. Ук. соч.; А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности..., и др.

ку методологического порядка. Она заключается в том, что социальные, религиозные, хозяйственные и другие «группировки» рассматриваются как равнозначные с этническими. История человеческого общества никогда не знала чисто хозяйственных, религиозных, расовых или политических общественных группировок, которые бы существовали отдельно и наряду с этническими общностями. Они являются лишь отдельными сторонами функционирования человеческих общностей, которые всегда выступают в соответствующей этнической форме» [58].

Нетрудно заметить, что «ошибку методологического порядка» делает в данном случае сам критик, когда полагает, что **форма** человеческих общностей может быть **только** этнической. Возьмем, например, религиозные группировки. У таких реально существующих религиозных группировок, как христианские (католическая, православная, протестантская и др.), мусульманские, буддийская и пр., религиозное содержание (зачастую весьма схожее) облечено в различную форму и эта исторически сложившаяся форма не только не является этнической, но и, как правило, **не совпадает** в своих территориальных границах с этническими. История человеческого общества «никогда не знала чисто хозяйственных, религиозных, расовых или политических общественных группировок, которые бы существовали отдельно и наряду с этническими общностями», но ведь она никогда не знала и чисто этнических общностей, которые бы существовали «отдельно и наряду» с хозяйственными, политическими и т. д. История человеческого общества не знала таких «чистых» группировок, но наука их выделяет из среды и «очищает» для исследования. И в этом смысле вполне правомерно рассматривать «социальные, религиозные, хозяйственные» и иные группировки как равнозначные с «этническими».

Упрек в формализме, который сторонники отождествления археологической культуры с этносом обращают против противников этой идеи, также неоправдан. Во-первых, у нас нет иных путей постигать внутреннее содержание, кроме как через внешнюю форму. Во-вторых, методически правильные исследования осуществляются поэтапно, и этап формального анализа (критика источников, классификация и систематизация материалов) исторически и методологически предшествует этапу интерпретации. Понятия, которые необходимо вводить на первом этапе, не должны зависеть от результатов, которых можно достичь только на втором этапе. Казалось бы, это азбучные истины...

Версии определения археологической культуры, основанные на идее о ее обязательном совпадении с этносом, приходится признать несостоятельными. Означает ли это необходимость вернуться к комплексной версии Чайлда как наиболее удачной и перспективной?

Безусловно нет, поскольку и она нуждается в доработке. Прежде всего, в определении Чайлда все излишне конкретизировано: связь, объединяющая типы, сведена к одной форме — через замкнутые комплексы. Пусть эта форма отражает наиболее существенные, глубинные связи в реальном мире,— можем ли мы принять ее за единственно возможную, единственную реально существовавшую, а если нет, то вправе ли мы отбросить все другие, вывести их из сферы изучения? Например, стилистическую связь (через стилистическое единство форм и орнаментации) или территориальную связь одинаково датированных вещей (через совпадение ареалов), на которой строили свои «культуры» сторонники территориальной версии? Есть немало областей и периодов, в обильном материале которых замкнутые комплексы пока немногочисленны,— значит ли это, что в таких случаях связи между типами нельзя выявлять?

Очевидно мы нуждаемся в более общем определении по отношению к которому территориальная, стилистическая и комплексная версии будут

---

[58] Ю. Н. Захарук. Ук. соч., стр. 13—14.

лишь частными случаями, ибо каждая из них отражает и генерализует лишь часть истинно существовавших связей. Согласно этой новой версии — корреляционно-синтетической (или генеральной), мы должны будем определить искомое понятие на базе совокупности ряда взаимосвязанных типов явлений материального мира, данных нам в археологических остатках, т. е. типов вещей и сооружений и типов отношений между вещами и сооружениями. Определенное таким образом понятие будет достаточно всеобъемлющим, чтобы гарантировать полноту охвата связей в материале, но слишком общим, чтобы удовлетворять всем нуждам конкретных исследований. Напрашивается мысль о необходимости его членения, дифференциации различных видов таких общностей.

Здесь мы подходим к существенному недостатку всех доселе предлагавшихся версий — к общему недостатку всей постановки вопроса об археологической культуре. За последние полвека археология пережила колоссальные усложнения материала и исследовательских интересов, а соответствующего усложнения системы понятий не последовало. Мы остались с тем же набором понятий, которым оперировали археологи во времена наших дедов. На месте понятия «археологическая культура» должна вырасти целая система взаимно координированных понятий.

Здесь должны быть, во-первых, разновидности определенной выше совокупности, даже группы разновидностей — дифференцированные по разным признакам: а) по главной связи, легшей в основу выделения (территориальная, стилистическая, комплексная), б) по охвату компонентов, их количественной и качественной оценке (одно дело — корреляция нескольких типов украшений, другое — керамики, типов могил и жилищ, и т. п.— с этим связан вопрос о культурах и вариантах), в) по виду размещений (сплошным ли, замкнутым ли ареалом или рассредоточенно, с взаимопроникновением в другие ареалы), г) по силе корреляции и т. д.

Во-вторых, надо выделить и обозначить специальными терминами постоянные части и компоненты общего понятия; один термин должен употребляться для определяющего комплекта типов, другой — для группы охваченных этим комплектом памятников, третий — для структурной схемы их взаимоотношений, четвертый — для всей совокупности материала этих памятников, пятый — для занятого ими ареала (или ареалов: отдельно для поселений, погребений, отдельных находок) и т. д.

Нужда в таком умножении понятий в какой-то мере отразилась в одной особенности того разнобоя, который царит в накопленных наукой определениях археологической культуры. Дело в том, что они различаются не только критерием выделения, но и выбором той или иной основы для конструирования понятия, т. е. того, что по этому критерию выделяется. У одних авторов археологическая культура — это совокупность типов: «сумма... форм культуры» (Блюме), «определенные типы останков», «комплексы... останков», «типы изделий... вместе с особенностями строения жилищ и могил» (Чайлд), «системы типов» (Шер). У других — совокупность памятников: «общность археологических памятников» (Монгайт), «единство археологических памятников» (Брюсов), «совокупность археологических памятников» (Клейн, Сорокин, Захарук). У третьих — территория: «территория... (культурной провинции.— *Л. К.*) содержит... культурную группу» (Ян, также Килиан). У четвертых — совокупность находок: «определенный комплекс археологических предметов» (Фосс), «комплексы... находок» (Монгайт). У пятых — неопределенная общность: «ассоциация археологических явлений» (Брайчевский). По сути — это стихийный поиск системы понятий, который можно сравнить с попыткой одним пальцем взять на рояле аккорд. Аккордом и будет развернутая система понятий.

За каким из понятий этой большой системы лучше закрепить термин «культура» (если вообще есть смысл его сохранять, против чего высказы-

вались возражения [59]), очевидно, не самый важный вопрос в рассматриваемой проблеме. Его решение связано с отысканием во всей системе понятий такого понятия, к которому ближе всего подходит современное наиболее употребительное применение термина «культура» в исследовательской практике.

Возможно, что в *основу* такого понятия удобно было бы положить *систему, состоящую из значительного ряда существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся по крайней мере к нескольким из важнейших категорий археологического материала (керамика, способ погребения, облик жилища и поселения, набор орудий, оружия и украшений* и т. п.). Приняв эту систему за «культурный комплекс», мы могли бы определить *совокупность памятников, объединенных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением этого комплекса (или даже отдельных, но характерных только для него сложных компонентов)*, как «культурную группу» или «культуру». Но могли бы и счесть «культуру» более общим понятием, включающим в себя «культурный комплекс» и «культурную группу», а следовательно, применимым взамен любого из них, когда детализация не требуется.

L. S. Klein

LE PROBLÈME DE DÉFINITION DE LA CULTURE ARCRÉOLOGIQUE

Résumé

L'auteur groupe toutes les définitions de la notion «culture archéologique» existant dans la science actuelle en six séries:

1) chronologique ou par périodes (proposé par les évolutionistes); 2) cartographique ou territoriale (Schliemann, Kossinna et autres); 3) stylistique (Schuchhardt); 4) par corrélations des types ou par ensembles (Childe); 5) ethnoterritoriale ou ethnocartographique (A. P. Smirnov et autres); 6) par ensembles ethniques (A. Ya. Brussov). Ces deux dernières sont refutées par l'auteur qui trouve impossible de considérer la communauté ethnique comme indice caractéristique obligatoire d'une culture. Toutes les autres versions ne traduisent qu'une partie des rapports ayant existé en réalité et l'auteur tente d'établir une nouvelle dèfinition de caractère plus général de la culture archéologique dite «de corrèlation et de synthèse».

L'auteur appelle «ensemble culturel» tout système constitué d'une vaste série de types essentiels ayant une forte corrélation (reliés par aires, par l'affinité stylistique et par la fréquence des parutions communes dans les ensembles et autres) et qui se rapporte au minimum à plusieurs catègories les plus importantes du matériel archéologique (céramiques, modes de sépulture, aspect d'habitats et de sites, outillages, armes, parure etc). Dans ce cas, un «groupe culturel» serait un l'ensemble de documents réunis et se distinguant de autres ensembles par des caractéristiques faisant une révélation exclusive ou prédominante dans cet ensemble ou bien dans les composants complexes isolés qui ne sont propres qu'à cet ensemble.

---

[59] G. Daniel. A Hundred Years of Archaeology. London, 1950, стр. 246, 319 (со ссылками на высказывания Р. Брейдвуда и У. Тэйлора); J. Korošec. Kultura in Kulturna skupina v predzgodovini. «Archeološki vestnik», VIII, 1957, 2, стр. 95—98.

А. М. ХАЗАНОВ

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ САРМАТСКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Значительная роль, которую довелось сыграть в истории различным сарматским племенам, общеизвестна. Особенно велика она для кочевников евразийских степей и для Северного Причерноморья с прилегающими областями, для Восточной Европы вообще. Не случайно применительно к этим территориям исследователи часто говорят о сарматской эпохе, наступившей в последних веках до нашей эры и длившейся до конца IV в. н. э.

Сарматские племенные союзы: сираки, аорсы, язиги, роксоланы и аланы из Поволжья и Приуралья расселяются на обширных пространствах — от Аральского моря на востоке, до Румынии и Венгрии на западе, одолевают скифов, поддерживают тесные связи с Боспором, предпринимают далекие походы в Закавказье и Переднюю Азию, ведут борьбу с Парфией и Римом, участвуют в великом переселении народов.

С того времени, когда они впервые попали в поле зрения греческих авторов, и до сокрушительного поражения от гуннов, положившего конец их самостоятельному существованию, сарматы находились на различных этапах эпохи классообразования. Этот последний период первобытнообщинного строя знаменуется разложением всех прежних форм общественных отношений, усиленной социальной дифференциацией, выделением классов, в конечном счете появлением государства. Роль войны в эту эпоху особенно возрастает, и сарматская история не составляет исключения. Она заполнена непрерывными межплеменными столкновениями и далекими походами.

Сарматская эпоха открывает также новый этап в развитии военного дела у различных племен и народов евразийских степей и юга Восточной Европы. Сарматское вооружение и военное искусство, развивавшиеся в тесной связи с достижениями окружающих народов, находились на весьма высоком для своего времени уровне и оказали сильное влияние на соседей: на поздних скифов, боспорцев, различные народы Северного Кавказа и Закавказья, кочевые племена евразийских степей и племена оседлых культур лесостепной и лесной полосы. Этого влияния не избежали даже два сильнейших в военном отношении государства того времени: Рим и Иран.

Между тем, военное дело сарматов изучено крайне неравномерно. Если сравнительно хорошо исследовано их вооружение, особенно раннее, то вопросам, связанным с сарматским военным искусством и организацией войска, не уделялось должного внимания [1]. А ведь именно у сарматов, благодаря сочетанию большого археологического материала с данными пись-

[1] Исключение составляют только тщательное исследование военного дела савроматов, проделанное К. Ф. Смирновым (К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 209 сл.), и общий, хотя по необходимости краткий и основывающийся преимущественно на данных письменных источников, очерк сарматского военного искусства, принадлежащий перу В. Д. Блаватского (В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 113—123).

менных источников и иконографии, можно установить его основные этапы, проследить особенности и характерные черты. Этому и посвящена данная статья.

В истории сарматского военного искусства выделяются два больших периода. Первый охватывает VI—II вв. до н. э., второй — I в. до н. э.— IV в. н. э. Между ними имеется переходный период (I в. до н. э.— I в. н. э.), когда сарматское войско, вооружение и военное искусство претерпевают кардинальные изменения. Эти периоды характеризуются не только специфическими типами вооружения и особенностями военного дела, но и присущими только им принципами организации войска, вытекающими из характера социальных отношений внутри сарматского общества.

Первый период. В это время все сарматские племена вступают в эпоху классообразования. Выделяется и постепенно усиливается аристократическая родо-племенная верхушка. Война становится постоянным занятием, и общество максимально к этому приспосабливается. Все взрослое мужское население было одновременно и воинами. Косвенное подтверждение этому мы находим у античных писателей, сообщавших иногда о численности сарматского войска. Так, по Лукиану, в одном из савроматских набегов на Скифию приняло участие десять тысяч всадников и тридцать тысяч пехоты [2]. А ведь это лишь набег, а не большая война. В конце II в. до н. э. только один из сарматских племенных союзов — роксоланы смогли выставить против Диафанта пятьдесят тысяч всадников [3]. Возросшая роль военных столкновений в жизни общества и участие в них всего взрослого населения археологически подтверждается тем, что количество вооружения в погребениях заметно возрастает на протяжении всего этого этапа. Оружие находят почти во всех мужских погребениях IV—II вв. до н. э.

Особенностью сарматов было широкое участие в военных действиях женщин, особенно незамужних. В литературе этому уже уделялось достаточно внимания [4]. Оружие часто встречается и в женских погребениях.

Большое количество исторических и этнографических параллелей говорит о том, что у кочевников родо-племенная структура является одновременно и формой войсковой организации. Тем более должны были сохраняться родо-племенные деления в войске сарматов — ведь они находились только в начале эпохи классообразования. Родо-племенные вожди, составлявшие аристократическую верхушку общества, были, как правило, и военными предводителями. Помимо общих для всего племени войн, они могли, в погоне за добычей, предпринимать свои собственные походы и набеги. Среди варваров не было недостатка в желающих принять участие в таких набегах. Лукиан оставил интереснейшее описание о том, как легко и просто набирались войска для грабительских походов у скифов, и об их юридическом статусе [5]. Если отбросить этнографические детали, точно так же могли собирать свои войска и военные вожди сарматов.

Вероятно, в таких отрядах и дружинах собирались ради грабежа выходцы из разных родов и даже племен, и обычная родовая структура войска не могла соблюдаться в них с большой строгостью. Здесь старый принцип организации войска уже уступал место личным отношениям предводителя с присоединившимися к нему воинами.

Из подобных, группировавшихся от случая к случаю отрядов, вырастали постоянные дружины, формировавшиеся вокруг наиболее удачливых вождей. «Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерар-

---

[2] Лукиан. Токсарис, 39.

[3] Страбон. VII, 3, 17.

[4] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 106 сл.; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 209.

[5] Лукиан. Токсарис, 48, 49.

хию между ними; для малых походов они служили ему отрядом телохранителей и всегда готовым к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом» [6].

Такие дружины хорошо известны у скифов как по письменным источникам [7], так и по данным археологии [8]. Известны они и у других кочевников евразийских степей, в частности у гуннов III—II вв. до н. э. [9].

Можно с уверенностью говорить о существовании таких дружин у сарматов в III и II вв. до н. э., когда социальная и имущественная дифференциация общества зашла уже достаточно далеко. Материалы прохоровских и других курганов демонстрируют, насколько уже выделилась всадническая аристократия из массы рядовых соплеменников. К выводу о наличии таких дружин приводит и анализ сарматского вооружения.

Вполне возможно, что такие дружины появились еще в савроматское время. К. Ф. Смирнов устанавливает их существование у приуральских савроматов на основании своих раскопок на Илеке в 1960 г. [10] Однако значение этих дружин у савроматов не следует переоценивать. Ведь даже у скифов процесс выделения военной аристократии с ее дружинниками завершился лишь в IV—III вв. до н. э. [11], а савроматское общество в этом отношении заметно отставало от скифского.

Судя по письменным источникам, в сарматском войске рассматриваемого периода было представлено оба рода войск: и конница, и пехота, иногда довольно многочисленная, как явствует из уже приводившихся слов Лукиана. Однако в целом пехота играла меньшую роль, чем у скифов и меотов. Никакого специфически пехотного вооружения не было. Да и само разделение войск было, вероятно, условным. Вчерашний пехотинец завтра легко мог сесть на коня и влиться в общую массу легковооруженных всадников.

Основную массу войска составляла легковооруженная конница, применявшая «скифскую» тактику [12]. Главным ее оружием были лук и стрелы. Такая конница, подвижная и маневренная, внезапно атаковала противника и быстро отступала в случае неудачи. В. Д. Блаватский установил, что у скифов наиболее распространенным боевым строем была лава [13]. Атакующие всадники осыпали противника дождем стрел и пытались расстроить его ряды еще до перехода в рукопашный бой, который не получил широкого применения. Но отборные части стягивались вместе в конный кулак для нанесения решающего удара по противнику [14].

Сарматское войско и его тактика в первый период должны были походить на скифское, однако отличались от него целым рядом особенностей. Об этом говорит более широкое распространение наступательного оружия, прежде всего мечей.

Количество мечей в погребениях, в том числе и рядовых, растет от века к веку. Из известных нам нижневолжских савроматских памятников мечи содержат до 20% погребений [15]. В работе М. Г. Мошковой приведены

---

[6] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства; К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, М., 1961, стр. 143.

[7] Геродот. IV, 71, 72.

[8] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. Вестн. ЛГУ, 1947, 9; И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. М., 1959, стр. 112; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1-4, М., 1964, стр. 82—83.

[9] Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 74.

[10] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 213—214.

[11] И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 112.

[12] В. Д. Блаватский. О стратегии и тактике скифов. КСИИМК, XXXIV, 1950; его же. Очерки военного дела..., стр. 6—29; А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, XXXIV; ее же. Вооружение скифов, стр. 82—85.

[13] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 22.

[14] В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, 1946, 1 (15), стр. 101—106; его же. Очерки военного дела..., стр. 23—24.

[15] Е. К. Максимов. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, 3, Саратов, 1960, стр. 95.

сведения о 542 прохоровских погребениях [16]. В них найдено 129 мечей и кинжалов различных типов. Если учесть, что этот вид оружия редко встречается в женских и детских погребениях, то получается, что мечи и кинжалы находились не менее, чем в 40—50% мужских погребений [17].

Уже с конца VI в. до н. э. появляются всаднические мечи длиной 70—110 *см*, которыми рубились непосредственно с коня. Они широко распространяются, начиная с IV в. до н. э. Однако создается впечатление, что в погребениях IV—II вв. до н. э. их количество постепенно уменьшается. В 46 погребениях IV в. до н. э. найдено 7—9 длинных мечей (всего найдено 22 меча и кинжала), в 71 погребении IV—III вв. до н. э.— 6—7 (всего 23), а в 425 погребениях III—II вв. до н. э.— 12—14 (всего 84). Быть может, это связано с постепенным распространением копья в качестве главного ударного оружия.

Массивные всаднические копья, достигавшие длины в 3,5 *м*, известны с савроматского времени [18]. Их держали обеими руками, наподобие пик позднейших катафрактариев, и предназначались они исключительно для нанесения сильного удара с коня. Такие копья заметно отличались от скифских коротких полуударных, полуметательных копий. Но широкого распространения в это время они не получили, быть может, потому, что в качестве ударного оружия ближнего боя их в какой-то мере заменял длинный меч. Количество их стало увеличиваться лишь в конце описываемого периода.

Особенности сарматского оружия указывают на некоторое своеобразие применявшейся ими тактики. Так, бóльший удельный вес наступательного оружия ближнего боя определенно указывает, что рукопашная схватка играла в их действиях более важную роль, чем у скифов. Частично это могло быть вызвано слабым распространением оборонительных доспехов, отсутствие которых менее заметно в ближнем бою. Да и сам бой протекал у сарматов по-иному. Акинак мог успешно применяться только пешими воинами или спешившимися всадниками. Длинные сарматские мечи и копья давали возможность вести рукопашный бой непосредственно с коня. Это обеспечивало определенное преимущество против пехоты и не имеющей такого вооружения конницы.

Эти отличия заметно сказались с усилением роли аристократических дружин в войске. Хотя в IV—II вв. до н. э. в нем, судя по набору оружия, которое клали в погребения, еще не было той четкой дифференциации, как в последующую эпоху, отдельные контингенты различались уже достаточно сильно. Часть воинов, и в их числе большинство воительниц, имела на вооружении только луки со стрелами. Основной костяк войска составляли всадники, вооруженные, наряду с луком, мечом или кинжалом. Основным оружием знати были длинные мечи, иногда копья, хотя и она еще не полностью рассталась с луком [19].

Аристократия с ее дружинниками составляла ударную силу войска. Они не спешивались для ведения рукопашного боя, а рубились непосредственно с коня. В сражениях они врезались в боевые порядки противника и этим часто решали исход боя. Первый этап боя, когда войско сближалось с противником, осыпая его стрелами, в этих случаях носил лишь подготовительный характер.

---

[16] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, М., 1963, стр. 15—18.

[17] Интересно отметить, что из 116 погребений с мечами и кинжалами стрелы имеются в 67—70, т. е. не менее чем в 2/3. Рядовой воин, даже вооруженный мечом, не переставал быть лучником.

[18] В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Работы в Нижнем Поволжье. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 87.

[19] Примером может служить погребение знатного воина из кургана № 7/6 могильника у с. Верхне-Погромное (раскопки В. П. Шилова, 1957 г.). Наряду с длинным мечом, кинжалом и металлическим панцирем в нем находился колчан с 40—45 наконечниками стрел.

Но в рукопашной схватке все войско принимать участие не могло. Воины, вооруженные коротким мечом или кинжалом, должны были составлять нечто вроде второго эшелона, шедшего за ударным кулаком аристократических дружин. Те из них, которые были вооружены только луком и стрелами, в рукопашной были вообще бесполезны. Они могли составлять прикрытие, готовились преследовать отступающего противника или выполняли другие задачи. Любопытно, что стрелы решительно преобладали в женских погребениях с оружием. Женщины участвовали в сражениях, обстреливая противника из луков, но в рукопашный бой все же, как правило, не вступали.

Все особенности, отличающие военное дело сарматов в его первый период: наличие сильных аристократических дружин, вооруженных длинными мечами и копьями и практиковавших ближний бой,— в полной мере проявляются не раньше IV — III вв. до н. э. Для более раннего времени можно говорить только о тенденциях развития. В VI—V вв. до н. э.[20] и вооружение и тактика сарматов еще меньше отличались от скифских, чем в последние века до нашей эры. Аристократические дружины находились в процессе становления, длинные мечи не получили сколько-нибудь широкого распространения. К. Ф. Смирнов опубликовал 70 савроматских мечей и кинжалов[21]. Из них лишь 12 имеют длину свыше 70 *см*, причем только 3—4 относятся ко времени ранее IV в. до н. э.

К последнему веку до нашей эры сарматы уже смогли выработать вооружение и тактику, лучше приспособленные к ведению ближнего боя, что давало им определенные преимущества в войнах с соседями. В частности, наличие сильных дружин, практиковавших ближний бой, явилось, очевидно, главной военной причиной относительно легкой победы над скифами. Но когда сарматы столкнулись с тяжелой пехотой греко-римского мира, всего этого оказалось недостаточно, что наглядно показала война с Диофантом. «Против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское войско оказывается бессильным. И действительно, роксоланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под начальством митридатова полководца Диофанта, и большинство их погибло»[22]. Античный мир в лице Страбона отлично понимал, в чем тут дело. Должны были понимать это и сами сарматы, готовившиеся к выходу на тогдашнюю мировую арену, где их столкновение с греко-римскими армиями было неизбежным. Против легиона и фаланги требовалось найти контроружие, требовалась реформа войска. И она была проведена довольно быстро и основательно, в основном в I в. до н. э.— I в. н. э.

Переходный период. В это время дифференциация в сарматском обществе значительно углубилась. У отдельных племенных союзов, прежде всего сираков, уже виден рубеж, знаменующий появление первых «варварских» государств. Сарматские цари и племенная верхушка довольно свободно распоряжаются массой рядовых соплеменников. Царь аорсов Евнон поставляет силы своего племени Котису и его союзникам римлянам для борьбы с братом Котиса Митридатом[23]. Предводители язигов, «в руках которых находилось управление народом», предлагают свое войско борющемуся за трон Веспасиану[24].

Возросшая социальная дифференциация общества, естественно, отразилась и на войске. Правда, рядовой сармат все еще был одновременно и

---

[20] Я начинаю первый этап с VI в. до н. э., потому что только с этого времени мы располагаем достаточным количеством материалов по сарматскому военному делу. Но и в VIII—VII вв. до н. э. его «скифские» черты, конечно, были достаточно устоявшимися. Об этом можно судить по немногим известным нам погребениям с оружием. Вообще же корни военного дела кочевников евразийских степей I тысячелетия до н. э., вероятно, уходят в эпоху поздней бронзы.

[21] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 9—27.

[22] Страбон. VII, 3, 17.

[23] Тацит. Летопись, XII, 15.

[24] Тацит. Истории, III, 5.

воином, всегда готовым сесть на коня и участвовать в сражении. Оружие, хотя бы в виде символизирующих его нескольких наконечников стрел, находят даже в самых бедных погребениях. Поэтому численность сарматского войска в случае необходимости могла быть весьма велика. Страбон пишет, что в царствование Фарнака на Боспоре (63—47 гг. до н. э.) «царь сираков Абеак ... выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов Спадин — даже двести тысяч, а верхние аорсы еще больше» [25]. Для того, чтобы выставить такие контингенты, требовалось провести нечто вроде всеобщей мобилизации.

Но женщины, как правило, уже не участвуют в военных действиях. Оружие в их погребениях встречается редко и обычно сводится к нескольким наконечникам стрел. Однако отдельные воительницы еще были. В их погребениях находят полные колчаны стрел и даже мечи и кинжалы.

В отдельных походах принимала участие только аристократия со своими дружинниками. Таким был роксоланский набег на Мезию в 69 г. [26] В целом значение аристократических дружин в сарматском войске должно было усилиться. Такие дружинники постепенно становились профессиональными воинами, забросившими мирные занятия. Их вооружение, боевой опыт и выучка были значительно выше, чем у рядовых воинов; соответственно возрастала их роль в боевых действиях.

Рядовые воины, как и в предшествующее время, были легковооруженными всадниками. Их оружием были лук со стрелами да короткий меч или кинжал. Мечи и кинжалы в погребениях встречаются очень часто. Поэтому и рядовые воины могли вступать в рукопашный бой, но спешившись, так как мечи были короткими [27]. Отдельные воины могли иметь копье. Оборонительных доспехов у них, как правило, не было, за исключением кожаных или костяных панцирей. Красочное описание таких воинов оставил Овидий [28].

О пехоте источники не упоминают. Она не играла в сарматском войске большой роли, за исключением сираков, у которых могла быть довольно сильная пехота, вербовавшаяся из меотского земледельческого населения, особенно копейщики.

Не случайно основные реформы, происходящие в это время в сарматском войске, коснулись не столько массы легковооруженной конницы, сколько аристократических контингентов. Главным здесь было появление и становление тяжеловооруженной конницы катафрактариев. Под катафрактариями понимается определенный, хронологически ограниченный строй тяжеловооруженной конницы, атакующий противника (прежде всего пехоту) в определенном боевом порядке — в тесно сомкнутом строю и с определенной тактической целью, имеющий особое вооружение, состоящее из металлического доспеха, пики как главного оружия наступления и конского доспеха, хотя последний был не обязательным.

Здесь не место подробно касаться причин, вызвавших появление катафрактариев у различных народов, в том числе и у сарматов [29]. Тут сказались и развитие тяжелой аристократической конницы в предшествующую эпоху, и обмен военными достижениями с соседями и, не в последнюю очередь, потребности борьбы с тяжеловооруженной пехотой греков и римлян.

Точное время появления катафрактариев у отдельных сарматских племен все еще является предметом споров. Так, по мнению К. Ф. Смирнова,

---

[25] Страбон, XI, 5, 8.

[26] Тацит. Истории, I, 79.

[27] А. М. Хазанов. Сарматские мечи с кольцевым навершием. СА, 1967, 2.

[28] Овидий. Печальные песни. III, 10; 50—65; IV, 1, 75—86; V, 7; Письма с Понта, 1, 2, 15—25, 84—86.

[29] Подробно о вооружении и тактике катафрактариев и причинах, вызвавших их появление, см.: А. М. Хазанов. Катафрактарии и их место в истории военного искусства. ВДИ, 1968, 1.

катафрактарии появляются у сарматов Поволжья в конце II в.[30], а в сарматском мире в целом они сформировались в I—II вв.[31] Того же мнения придерживается В. Д. Блаватский[32]. Напротив, В. П. Шилов относит время появления катафрактариев в Поволжье к рубежу эр, а может быть, даже к I в. до н. э.[33]

Письменные источники в разное время отмечают наличие катафрактариев у отдельных сарматских племен. Тацит свидетельствует о том, что у роксоланов они были в середине I в. Катафрактарии аланов предстают перед нами в тактическом уставе Арриана (II в.), а язигских катафрактариев упоминает Дион Кассий (начало III в.). Но они пишут о катафрактариях только в связи с интересующими их событиями. Поэтому нельзя считать, что эти писатели зафиксировали их первое появление у того или иного сарматского племени.

На помощь приходят данные археологии. Кубанские погребения дают довольно ранние комплексы с длинными и массивными копьями, мечами, оборонительными доспехами[34]. На Северном Кавказе катафрактарии вообще могли появиться ранее всего. Меотская и сиракская аристократия еще в последние века до н. э. создала сильные конные дружины, а участие северокавказских сарматов и меотов в митридатовых войнах с Римом и их связи с Закавказьем, эллинизированной Малой Азией и Ираном могли способствовать раннему появлению там катафрактариев.

Но и у других сарматских племен они должны были появиться немногим позднее. О роксоланах уже говорилось. В последнее время и в Поволжье становятся известными погребения, относящиеся еще к сусловскому времени и содержащие комплект вооружения, предназначенного для катафрактариев[35]. Боспорские фрески из склепов I—II вв.[36] также свидетельствуют о распространении катафрактариев у сарматов и о том, что по образцу последних боспорцы создают свою тяжеловооруженную кавалерию.

Имеются косвенные данные о том, что в сусловское время у сарматов широко распространяется пика, применение которой неразрывно связано с вооружением и тактикой катафрактариев. Помимо упоминаний античных писателей, довольно многочисленных[37], в пользу этого говорит наблюдающееся в I в. до н. э. укорочение сарматских мечей, скорее всего связанное с тем, что меч уступил пике место главного наступательного оружия[38].

Все это указывает, что катафрактарии появляются и распространяются у сарматов уже в I в. до н. э.— I в. н. э., и к концу I в. н. э. они уже имелись у всех или большинства сарматских племен.

Соответствующие изменения претерпевает и сарматская тактика. Хотя и внезапная атака, и быстрое отступление по-прежнему были в арсенале сарматского войска, решающую роль окончательно приобрел рукопашный бой с противником. Тацит писал про сарматов этого времени, что «у них

---

[30] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, стр. 110.

[31] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, М., 1954, стр. 203.

[32] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 114.

[33] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 462.

[34] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС, I, М., 1905.

[35] См., например, Калиновский мог., кург. № 55/14 — В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 406.

[36] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. LXIV, *1*; LXXVIII, *1*; LXXIX; см. также табл. XXXIV, *3*.

[37] Страбон. VII, *3*, 17; Овидий. Ибис, 135; Катий Силий Италик. Пуническая война. XV, 685; Публий Папиний Стаций. Ахиллеида. II, 130—134; Валерий Флакк. Аргонавтика. VI, 162; и др.

[38] А. М. Хазанов. Из истории сарматского наступательного оружия. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

все подстрекают друг друга не допускать битвы метанием стрел, говоря, что следует предупредить ее быстрым ударом и рукопашной схваткой»[39]. Именно в таких схватках сказывались преимущества катафрактариев. Но и легковооруженные воины должны были принимать в них участие чаще, чем раньше. Об этом говорит широкое распространение коротких мечей. Рядовые воины, вооруженные луком со стрелами и коротким мечом, вероятно, также завязывали битву и преследовали разбитого противника.

Но успешное использование катафрактариев и тяжеловооруженной конницы вообще возможно только при ее взаимодействии с легкой. При действиях лавой, когда отдельные контингенты вообще не расчленены или расчленены довольно слабо, такое взаимодействие затруднено.

В этой связи особый интерес приобретает донесенное до нас Тацитом описание битвы соединенного сармато-иберийского-албанского войска с парфянским в 35 г.[40] Сражение с обеих сторон открыли лучники. При этом парфяне попытались применить характерный для них прием, заключавшийся в охвате неприятельского войска и в дальнейшем расстреливании его из луков. В битве при Каррах он оказался очень эффективным, но против сарматов не удался. Сарматы, луки которых были не столь дальнобойными, как парфянские, предпочли перейти в рукопашную, бросившись на парфян с пиками и мечами. При этом дело не ограничилось одним ударом. Сарматы атаковали несколько раз то отдельными отрядами, то в сомкнутом строю. Пехота иберов и албанов только довершила дело; главная заслуга в победе принадлежала сарматской коннице.

Тацит ничего не пишет ни о катафрактариях в составе сарматского войска, ни об оборонительных доспехах сарматских всадников. Поэтому можно думать, что их еще не было у тех сарматов, которые победили парфян. Тем более примечательно, что они прибегают ко многим приемам, столь характерным для катафрактариев.

I в. до н. э.— I в. н. э. являются переломными в развитии сарматского военного искусства. Появляются первые катафрактарии. Вырабатываются новые тактические приемы. Исход сражения решает рукопашный бой. Соответственно изменяется наступательное и оборонительное оружие. В целом сарматское войско оказывается уже достаточно сильным, чтобы на равных воевать и с римлянами и с парфянами, не говоря уже о другом противнике.

Второй период. В первые века новой эры в сарматском обществе происходят значительные изменения, отразившиеся на организации войска. Впервые за много веков значительная часть сарматских племен предстает теперь объединенными под главенством алан. Со второй половины I в. мы уже не слышим о войнах между отдельными сарматскими племенами. Вероятно, аланское объединение было гораздо более прочным и сплоченным, чем это может показаться на первый взгляд. Оно просуществовало около трех веков и, по словам Аммиана Марцеллина, сарматы в это время «приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение»[41]. Археологически это подтверждается исключительным однообразием позднесарматской культуры на широких пространствах Поволжья, Подонья, Северного Кавказа и Украины.

Решить вопрос о характере этого объединения очень трудно. Внутри него могли существовать сложные отношения господства и подчинения между отдельными родами и племенами, столь характерные для варвар-

---

[39] Тацит. Анналы, VI, 35.

[40] Там же, 33, 35. Какие именно сарматские племена участвовали в этих событиях, Тацит не сообщает. М. И. Ростовцев (M. Rostovtzeff. The Sarmatae and Parthians. CAH, XI. Cambridge, 1954, стр. 94—95) видит в них аланов, В. Б. Виноградов (В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный. 1963, стр. 149 сл.) — аорсов.

[41] Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 17.

ских обществ в эпоху великого переселения народов. Вполне возможно, что аланское объединение приближалось к известному типу примитивных кочевнических полугосударств, в которых родо-племенные отношения еще далеко не были изжиты, а внутренние противоречия частично сглаживались за счет успешных войн, захватов и набегов. Впрочем, и процесс классообразования зашел уже у сарматов достаточно далеко. Можно предполагать, что наряду с обособлением аристократической верхушки дальнейшая дифференциация происходила внутри родов и больших семей. По сравнению с предшествующим временем увеличивается количество бедных погребений и даже погребений без какого-либо инвентаря, причем все они принадлежат тем же сарматам с деформированными черепами.

Все это сказывается на организации и структуре сарматского войска. Его ядро составляла тяжеловооруженная аристократическая конница. Катафрактариями могли быть не только представители сарматской знати, но и вооруженные ею дружинники. Основную массу войска по-прежнему составляли рядовые свободные сарматы — легковооруженные всадники. Но это был уже не прежний народ-войско, и не каждый сармат был воином. Хотя, по словам Аммиана Марцеллина, в войне не участвуют те, кто не пригоден к ней по полу и возрасту [42], можно думать, что беднейшие слои сарматского общества не часто принимали участие в военных действиях, а когда принимали, то лишь во вспомогательной роли. Во II—IV вв. гораздо чаще, чем раньше, встречаются мужские погребения, лишенные всякого оружия.

Женщины не участвуют в войнах. Только следы выродившегося обычая класть оружие в их погребения иногда прослеживаются в их могилах в виде одного-двух наконечников стрел [43]. Впрочем, во II в., возможно, еще встречались последние воительницы. Для этого времени известно несколько женских погребений с колчанами, полными стрел, кинжалами и мечами.

По-прежнему очень мало сведений о сарматской пехоте. Очевидно, она вербовалась из самых неимущих слоев сарматского общества и играла второстепенную роль. Так, пехотинцами по преимуществу были сарматы-лимиганты, зависимое от язигов на дунайском левобережье племя, которое Аммиан Марцеллин называет рабами. Они были вооружены копьями, дротиками и щитами, в то время как сарматская конница щитов не имела [44]. Между тем, Тацит отмечает, что вся сила язигов заключается в их коннице [45].

Ряд новшеств появляется в вооружении, что связано с изменениями в тактике. Не случайно новые типы оружия по большей части появляются у сарматов еще в предшествующее время, одновременно с первыми катафрактариями, хотя их широкое применение падает уже на II—IV вв. Постепенно распространяется более мощный лук с костяными накладками [46] и сопутствующие ему крупные наконечники стрел. Короткий меч с кольцевым навершием сменяется длинным мечом без металлического навершия.

Меньше всего новшеств произошло в вооружении катафрактариев. Пика по-прежнему оставалась главным оружием наступления. Вторым по степени важности становится длинный рубящий меч, удобный в рукопашных схватках. Лук со стрелами мог оставаться вспомогательным оружием. Сарматские катафрактарии должны были применять его наподобие пар-

---

[42] Там же, 2, 20.

[43] Например, погребение из кургана № 34/1 Калиновского могильника.

[44] Аммиан Марцеллин. XVII, 12, 9; XVII, 13, 7; XIX, XI, 10.

[45] Тацит. Истории. III, 5.

[46] А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 37 сл.

фянских — перед вступлением в рукопашный бой или когда надо было расстреливать окруженного противника.

Изменения больше коснулись рядовых сарматских воинов. Мощный лук и крупные наконечники стрел позволяли вести не только массовую, но и прицельную стрельбу. Теперь воин уже не нуждался в столь большом количестве стрел, как раньше. И действительно, в позднесарматских погребениях они встречаются реже и в значительно меньших количествах. Наряду с кинжалами, и в рядовых погребениях часто находят длинные мечи. Следовательно, легковооруженная конница тоже участвовала в ближнем бою и, не спешиваясь, рубилась с коня. О том, что такая конница доспехов не имела, сообщает Арриан [47].

Сарматская тактика должна была строиться на координированных действиях тяжелой и легкой конницы, при решающей роли первой. Благодаря Арриану мы знаем, что сарматские катафрактарии применяли в атаке клинообразное построение [48], которое у них переняли римляне [49]. Построенные клином катафрактарии на карьере [50] опрокидывали вражеский строй и разрезали его надвое. Рубка мечами в конном строю при необходимости довершала дело. Недаром Арриан, сам испытавший, будучи прокуратором Каппадокии, сокрушительную силу атак аланской конницы, рекомендует строить против них фалангу поглубже [51]. Мощность таких атак увеличивалась еще и тем, что теперь в случае необходимости катафрактариев в рукопашном бою могла поддержать и легкая конница, имевшая длинные мечи.

Роль легковооруженной конницы была достаточно велика. Катафрактарии наиболее успешно действовали только тогда, когда их поддерживала легкая конница. Она начинала сражение, преследовала противника и во взаимодействии с катафрактариями участвовала в самом бою. Прием ложного отступления, все еще практиковавшийся сарматами, также выполнялся ею. Именно к такой коннице относятся слова Аммиана Марцеллина: «Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля, или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый еще ведет в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстанавливать их бодрость» [52].

Сарматам приходилось иметь дело не только с тяжелой пехотой римлян. Они сталкивались с парфянскими катафрактариями, а также с катафрактариями и клибанариями позднеримского войска. Сражались они и с конницей соседних кочевых народов. В таких случаях исход сражения решал не только рукопашный бой тяжеловооруженной конницы, но и превосходство в подвижности и маневре, что в значительной степени должно было обеспечиваться за счет легковооруженной конницы [53].

В этих условиях сам характер военных действий претерпевает значительные изменения. Атака производилась не сплошной лавой и не массированным конным кулаком, а отдельными крупными отрядами, координировавшими свои действия. Как уже отмечалось, первые следы такой тактики наблюдаются в I в. Сражение в таком случае должно было протекать как синхронные действия отдельных отрядов тяжелой и легкой конницы, выполнявших в бою самостоятельные тактические задачи, и управление ими требовало большого искусства. По словам Арриана, оно облегчалось специальными значками, которые имел каждый такой отряд. «Скифские

---

[47] Арриан. Диспозиция против аланов. 31.
[48] Арриан. Тактика. 16, 6.
[49] Аммиан Марцеллин. XVII, 13, 8.
[50] В. Д. Блаватский. Битва при Фате..., стр. 122.
[51] Арриан. Тактика. II, 1—2.
[52] Аммиан Марцеллин. XVII, 12, 3.
[53] Представляется, что сарматские катафрактарии из-за специфических условий степной кочевой среды в целом были вооружены легче, чем иранские. Так, у них меньшее распространение получил конский доспех.

(т. е. аланские.— *А. Х.*) военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой» [54].

Уменье действовать отдельными отрядами дает косвенное указание на то, что сарматам в это время были известны многие приемы, применявшиеся парфянской конницей: обход и охват, хотя источники об этом и молчат.

Существует мнение, что к концу IV в. под влиянием гуннской конницы у аланов происходит реорганизация кавалерии, и тяжелая конница уступает место легкой [55]. При этом ссылаются на Аммиана Марцеллина, который пишет, что аланы «очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов» [56]. Однако вряд ли эти слова следует понимать буквально.

Прежде всего, вопрос о характере гуннского войска и его вооружения к моменту его появления в Восточной Европе далеко не ясен ввиду отсутствия надежного археологического материала. Судя по китайским источникам, гуннам была известна и одетая в доспехи тяжеловооруженная конница [57]. Те комплексы из Центральной и Западной Европы, которые связывают с гуннами, дают вооружение, обычное для тяжеловооруженного всадника IV—V вв. [58]. Современники, наряду с луками и арканами, называют в составе гуннского вооружения копья [59], мечи [60], упоминают о доспехах всадников [61], пишут о том, что конница употребляла клинообразное построение [62], а оно могло быть эффективным только при наличии тяжеловооруженной конницы. Поэтому, хотя гуннская конница была быстрее и подвижнее, чем римская и, возможно, аланская, и славилась своими лучниками, в целом она должна была включать и тяжелые и легкие подразделения и не так уж сильно отличаться от позднесарматской.

Что касается аланов, то у нас нет никаких данных о замене у них тяжелой конницы легкой. Напротив, Иордан, описывая битву племен при Недао с наследниками Аттилы в 453 г., отмечает: «можно было видеть... алана, строящего ряды с тяжелым... оружием» [63]. Его слова хорошо согласуются с немногочисленными пока материалами восточноевропейских погребений IV—V вв., в которых представлено оружие тяжеловооруженных всадников: длинные мечи, копья, кольчуги.

Конечно, изменения в это время были — вооружение стало более легким и удобным. Но они не носили принципиального характера. И в

---

[54] Арриан. Тактика. 35, 3. Изображения таких значков имеются на арке Галерия в Салониках. Римляне, сперва считавшие их варварскими, заимствовали драконов у сарматов в качестве знаков когорт (Вегеций. II, 13).

[55] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 159—160; Л. Н. Гумилев. Ук. соч., стр. 247.

[56] Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 21.

[57] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, М.— Л., 1956, стр. 40. Это подтверждается данными археологии — см. B. Thordeman. The Asiatic Splint Armour in Europe. AAKbh, IV. 2—3, 1933, стр. 137.

[58] I. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 56.

[59] Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 7—9.

[60] Приск Панийский. Фр. 8, 10; Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 7—9.

[61] Вегеций. I, 206.

[62] Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 7—9.

[63] Иордан. Гетика, 261.

IV—V вв. в аланской коннице, как и в позднеримской, византийской и сасанидской, решающую роль играли тяжелые контингенты. Подлинная реформа кавалерии начинается не ранее VI в. с появлением в евразийских степях жесткого седла, стремян и сабли [64].

A. M. Khazanov

LES TRAITS CARACTÉRISTIQUES DE L'ART MILITAIRE DES SARMATES

Résumé

On peut éliminer dans l'histoire de l'art militaire des Sarmates deux grandes périodes qui sont caractérisées non seulement par un armement spécifique et par certaines particularités de cet art, mais aussi par des traits distinctifs dans l'organisation de l'armée. La première période embrasse les siècles VI—II avant notre ère, la deuxième commence au I siècle avant notre ère et finit au IV s. de notre ère. Le mérite principal des Sarmates dans le domaine de l'art militaire consiste en ce qu'ils ont pu créer une cavalerie entièrement spécialisée, ayant un armement lourd et des procédés tactiques tout spécifiques; ce type de cavalerie remplace dans les steppes la cavalerie légère scythique et signifie par son apparition une nouvelle étape dans le développement de l'art militaire chez les nomades.

---

[64] С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, 3, стр. 62 сл.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

СКИФСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Данные о скифских племенах дошли до нас в легендарной или полулегендарной форме. Сообщаемые Геродотом и другими авторами имена и факты нуждаются во взаимной проверке.

Как при изучении вещественных и художественных памятников нельзя пренебрегать никакими формально-стилистическими аналогиями, постепенно сжимая и ограничивая их круг пределами определенной культурно-географической среды, которая иной раз сама определяется лишь через подобные аналогии, так и при изучении древних имен, в особенности этимологически не ясных и единичных, крайне ценны любые сопоставления, из которых, посредством их соответствующей классификации и отбора, может быть получен достоверный материал для их исторического осмысления и географического опосредования.

Рассказанная Геродотом легенда о происхождении скифов нередко используется для иллюстрации мифических представлений приднепровских скифских племен о их прошлом. Но содержащиеся в рассказе Геродота ономастические данные, поскольку они почти не фигурируют ни в остальных частях «Скифского рассказа», ни у других древних авторов, обычно удается прокомментировать лишь очень скупо.

Некоторые же аналогии имен, звучащих в легенде о происхождении скифов, имеющиеся в ономастике, этнонимике и топонимике других районов Причерноморья или Прикаспия, обычно отбрасываются как случайные и не относящиеся к делу, хотя вопрос о случайности (и, значит, бесполезности) или закономерности (и, следовательно, плодотворности) этих аналогий может быть решен только при их возможно более полном взаимном сопоставлении и изучении.

В науке на этот счет имеются многочисленные предостерегающие примеры. Приведем лишь один из них: в поэме Гесиода «Теогония» фигурирует титан Иапет. Очень долгое время считалось заведомо невозможным ассоциировать его с библейским Иафетом, сыном Ноя. Сходство этих имен представлялось совершенно случайным. Однако установление глубоких связей раннегреческой культуры с культурой Сирии, обнаружение древневосточного происхождения некоторых греческих космогонических и вообще мифологических представлений позволило Э. Мейеру высказать предположение об отнюдь не случайной идентичности имен Иапета и Иафета и о заимствовании первого из них с востока через Крит и Микены, вместе с самой легендой о происхождении богов и о смене веков [1].

Имея это в виду, постараемся учесть все аналогии именам, фигурирующим в рассказе Геродота о происхождении скифов, и посмотрим, не проливают ли эти аналогии дополнительный свет на происхождение и локализацию самой легенды.

---

[1] E. Meyer. Geschichte des Altertums, I, 2, Stuttgart, 1954. § 522, стр. 798 сл.

Уже обращалось внимание на то, что имя родоначальника скифов, отца первых царей трех скифских племен, сына Зевса-Папая и местной богини, дочери р. Борисфен, Таргитая (Herod., IV, 5) очень напоминает имя меотской царевны Тиргатао из рассказа Полиена (VIII, 55), восходящего к какому-то эллинистическому источнику. Так как в рассказе о Тиргатао присутствует некоторый историко-этнографический элемент, то имя это можно было бы считать местным скифо-меотским женским именем в несколько огреченной форме. Однако вряд ли можно усомниться в том, что имя Тиргатао также чрезвычайно близко к Деркето — имени богини Аскалонского храма, якобы ограбленного скифами во время их сирийского похода, соответственно рассказу того же Геродота (IV, 67). Богиня Деркето, по его словам, имела облик полуженщины-полурыбы. Это обстоятельство заставляет сопоставить ее со скифской богиней — полуженщиной-полуехидной, т. е. змеей,— матерью Скифа, Агафирса и Гелона из эллинизированного варианта легенды о происхождении скифов (Herod., IV, 9).

Получается, таким образом, что Тиргатао — Деркето — это возможная женская ипостась скифского мужского божества родоначалия и плодородия — Таргитая. Не приходится особенно удивляться тому, что у этого мужского божества имелась идентичная ему по имени женская ипостась. У Геродота (I, 131) божество Митра фигурирует в женском роде, что не является ошибкой, как думали некоторые историки митраизма, и не исключает одновременно существования также и одноименной мужской ипостаси.

Однако установление идентичности имен Таргитай — Тиргатао — Деркето сразу же значительно расширяет их культурный ареал и заставляет усомниться в местном приднепровском происхождении как самого имени Таргитай, так и связанных с ним религиозных представлений.

Божества родоначалия и плодородия соотносились во многих античных религиях с солярными культами и являлись ипостасями солнечных божеств. Не удивительно поэтому, что имя Таргитай — Тиргатао сопоставляется и почти идентифицируется с именем скифского Аполлона-Тиргета, в форме этого имени, зафиксированной эпиграфически. У Геродота в перечне скифских божеств это имя фигурирует в перевернутом виде — Гетосир. И опять-таки эпиграфически засвидетельствована женская форма этого имени, приданная в качестве эпитета женскому лунному божеству (θεᾶ Σηλήνῃ Οἰτοσκύρα, т. е. Гетосира. IG, XIV, 114*).

Бог-носитель этого имени может быть признан эпонимом племени тиргетов. С другой стороны, в его имени звучит и имя индо-иранского солнечного божества Suriaš (Сириас), известное в Передней Азии по письменным памятникам второй половины II тысячелетия до н. э.[2]

Таким образом, приходится констатировать, основываясь пока на анализе одного лишь имени скифского прародителя Таргитая, что легенда о происхождении скифов в той форме, в какой ее передает Геродот, услышавший ее в Ольвии, наряду с некоторыми подробностями, предполагающими местные ассоциации (главным образом топографического свойства — наличие дочери р. Борисфена и нахождение пещеры змееногой богини в Гилее, близ Ольвии), имеет также ассоциации, весьма широко связывающие ее с представлениями о мужских и женских солнечных божествах и божествах плодородия ирано-скифского и переднеазиатского круга[3].

Известные изображения змееногого женского божества относятся ко времени несколько более позднему, чем рассказ Геродота. Древнейшие

---

[2] Там же, стр. 899, § 573 и 753, § 456.

[3] Справедливость этого утверждения основывается еще и на том, что богиня Деркето (сирийская Targ-ata или знаменитейшая Атаргатис), соответственно ассирийской легенде, сохраненной у Диодора (II, 4, 2—4), является матерью легендарной царицы Семирамиды. В качестве же ее мужской ипостаси должен быть принят Деркетад — мифический царь Ассирии и потомок Семирамиды, а через нее и все той же Деркето (у Александра Полигистора, F. H. G. III, 210, Lr. 1, 2).

из них при этом найдены, видимо, не в Скифии, а во Фракии, и именно в Олинфе, на мозаике раннеэллинистического здания и на металлическом фризе с повторяющимися варваризованными изображениями змееногого существа, возникшими под воздействием фракийских культовых представлений. Так что диапазон распространения соответствующих культовых образов, связанных со змееногим божеством, и созданных на основании этих представлений изображений опять-таки несколько шире того круга, какой можно было бы очертить на основании Геродотова рассказа, и вряд ли местом возникновения как самих представлений о змееногом женском божестве, так и иконографической традиции была Приднепровская Скифия. Скорее всего они возникли во Фракии.

М. Ф. Болтенко в одной из своих последних работ показал, что личное имя Таргитай (в форме Таргутай) засвидетельствовано в позднее время у аваров и еще позже в закаспийском тюрко-монгольском мире [4].

Таргитай назван у Геродота отцом трех царственных братьев: Арпоксая, Липоксая и Колаксая. Окончания этих имен показывают, что речь идет о царях (вождях) племен — тех, этнонимами которых являются первые части этих имен. Но несмотря на то, что данные имена содержат явные этнонимы, они до сих пор с этой точки зрения рассмотрены почти не были.

Имя Арпоксай, которое Кристенсен [5] истолковал как «царь племени Арпа», племени, однако, нигде неназванного, может быть сопоставлено с именем одного из сыновей Сима — Арфаксада, упомянутым в этнико-генеалогической таблице I книги Бытия (10, 22). Соответственно библейской же книге Юдифь (1, 13), этот Арфаксад был мидийским царем в Экбатане, с которым воевал Навуходоносор в 588 г. до н. э. Он идентичен упомянутому Ктесием (фр. 20) мидийскому царю Арбаку, царствовавшему 28 лет (с 615 по 588 г.). Кениг [6] считает Арбака вождем киммерийцев (Умман-ма́нда), в связи с чем двадцативосьмилетний период его царствования в Мидии может быть принят во внимание при истолковании Геродотова сообщения о том, что скифы господствовали в Азии именно 28 лет.

Имя Липоксай имеет в рукописях Геродота разночтение Нитоксай, принимаемое некоторыми издателями в текст. Оба эти имени, не являющиеся, по-видимому, вариантами одно другого, могут рассматриваться как самостоятельные и параллельные. Имя Липоксай может быть сопоставлено с племенным наименованием лупении (предполагаемая греческая форма — липении), засвидетельствованным Плинием (NH, VI, 29) для Северного Кавказа. Нитоксай звучит в западнокавказском топониме Нитика. Пункт этот был, по сообщению Арриана (PPEux., 18, 2), центром области кавказских будинов, которых он называет фтейрофагами (вшеедами).

Имя третьего сына Таргитая и царя племени царских скифов Колаксая сопоставляется с родственными между собой племенными именами Западного Кавказа — колы, колхи, кораксы. Поскольку имя сколоты тоже может быть возведено к этим же кавказским племенным именам, то имя Колаксай должно быть признано некоторой параллелью имени Сколопейт, засвидетельствованного Юстином (II, 4, 1).

Нельзя не упомянуть и о том, что имя Таргитай, подобно именам его сыновей, имеет свою параллель в легендарных именах Кавказа: Картлис

---

[4] М. Ф. Болтенко. Herodoteanea. Матеріали археології Північного Причерномор'я. III, Одесса, 1960, стр. 33 сл. В форме же Деркетай (Δερχεταιος) имя это свидетельствуется и для позднеэллинистического времени Плутархом (M. Ant., 78). Так звали телохранителя триумвира Марка Антония, и человек этот был, вероятно, азиатского происхождения.

[5] A. Christensen. Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des iraniens. I, Stockholm, 1918, стр. 137.

[6] F. W. König. Älteste Geschichte der Meder und Perser. Leipzig, 1934, стр. 41.

Цховреба (§ 6) упоминает Таргамоса — внука библейского Иафета (вспомним, что Арпоксай-Арфаксад назван в Библии сыном Сима). Таргамос был, соответственно этой версии, родоначальником кавказских племен. Следовательно, скифского Таргитая связывает с кавказским Таргамосом не только сходство имен, но и полное соответствие легендарных функций.

Таким образом, исследование личных имен, связанных с легендой о происхождении скифов, привело нас к области Кавказа, в широком смысле слова, чему отнюдь не приходится удивляться, поскольку скифы в ранний период их истории засвидетельствованы на Кавказе Геродотом, клинописными текстами и материальными памятниками.

С каждым из сыновей Таргитая легенда связывает некое племенное наименование: от сыновей Таргитая произошли авхаты, катиары, траспии и паралаты (Herod., IV, 6). Если согласиться с тем толкованием этого текста, которое позволяет объединить катиаров и траспиев, переводя «катиары они же траспии», то на каждого царя приходится по одному племени [7]. Следует думать, что речь идет о каких-то племенах, объединенных царскими скифами, но названные Геродотом в этой связи четыре племенных имени в его «Скифском рассказе» более не упоминаются. Из этого можно заключить, что легенда о происхождении скифов не стоит в органической связи с теми источниками Геродота, на основании которых он производил свое описание Скифии. Нет этих имен и среди названных Гекатеем, чье «Землеописание» следует предполагать в основе «Скифского рассказа» Геродота.

Весьма вероятно, что авхаты, катиары-траспии и паралаты звучат в авхатах, котиерах, атарнеях и азампатах книги IV, 89 Плиния, локализуемых им на Северном Кавказе, при этом первое из названных племен помещено у верховьев р. Гипанис — Кубани. В книге же VI, 22 ахваты и котиеры упоминаются им вторично, со ссылкой на полководца Антиоха Великого Демодаманта, в числе закаспийских племен. Есть все основания думать, учитывая передвижения закаспийских киммерийско-скифских племен в области Прикавказья в VIII—VII вв. до н. э., что последняя из упомянутых локализация авхатов и катиаров — наиболее древняя.

Если имя траспии действительно служит вторым наименованием племени катиаров, то тем более правдоподобной и любопытной представляется его этимология, выясняющаяся из иллирийско-этрусских параллелей: thras — молочный продукт, pio — пить, т. е. «млекоеды» [8]. В этом имени, несомненно не являющемся самонаименованием племени, можно видеть прозвище, данное этому племени какими-либо его оседлыми сосе-

---

[7] В. Бранденштейн (W. Brandenstein. Abstammungssagen der Skythen. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlanes. 52, 1953, 1—2, стр. 183) показал, что речь должна идти в сущности о трех предметах: плуге с ярмом (поскольку ἀροτρόν τε καὶ ζυγόν он при этом ссылается на D. Labéy. Manuel des particules grecques.., P., 1950, § 162 — должно переводиться как «плуг и относящееся к нему ярмо»), секире и чаше, которые, по его мнению, символизируют скифскую военную аристократию (чаша), пастухов-номадов (секира) и землевладельцев (плуг и ярмо) соответственно характеру скифских племен — земледельческих, кочевническо-пастушеских и стоящих над ними царских скифов. Соответственно такому толкованию геродотова синтаксиса, катиары должны быть идентичны траспиям — κατιάραι τε καὶ Τράσπιες καλέονται, т. е. «называются катиарами и одновременно траспиями». Таким образом, на каждого из сыновей Таргитая приходится по одному племени, с которыми и связаны упавшие с неба дары. Толкование Бранденштейна отличается логичностью и стройностью, но оно не снимает вопроса об иранском влиянии, сказавшемся в изложении легенды, удостоверяемом также и самими племенными именами. В этой связи любопытно, что Э. А. Грановский в докладе «Индо-иранские касты у скифов», прочитанном на XXV Международном конгрессе востоковедов (М., 1960), прямо указывает на геродотовы ἀροτρόν τε καὶ ζυγόν, и соответственно κατιάραι τε καὶ Τράσπιες как на вероятные переводы с древнеперсидского.

[8] З. Майями. Этруски начинают говорить. М., 1966, стр. 152, 158, 180.

дями. Прозвище это могло послужить основой Гомеровых галактофагов, что тоже означает «млекоеды». Вероятнее всего, оно было воспринято греками через иранцев. Подобным же прозвищем является, возможно, и имя паралаты, этимология которого выясняется из древнеиранского парадата (paradata), искажением которого является греческая форма (Παραλάται) как «первозданный» (по Маркварту) [9], что отнюдь не противоречило бы представлению о племени, подчиненном Колаксаю, как представлению о главном племени царских скифов.

Вариант легенды о происхождении скифов, сохраненный Диодором Сицилийским (II, 43, 3 сл.), убеждает во множественности подобных вариантов, возникавших, вероятно, всякий раз там, где обнаруживалась тенденция к образованию «царского» племени, стремившегося к господству над другими племенами.

Соответственно Диодору, сыновьями первого человека и царя — Скифа были Пал и Нап. Эти имена соответствуют племенным именам палеев и напеев, опять-таки фигурирующих у Плиния дважды: в «Естественной истории» (VI, 21—22) они сначала помещены в области Кавказа под именем напры, напеи, и сообщается о том, что авхаты и атарнеи истребили танаитов и напеев. Несколько далее, при перечислении племен, живущих на р. Яксарте (VI, 50), говорится о том, что палеи были истреблены напеями.

Перед нами отголосок легендарной интерпретации борьбы скифских племен, приводившей к порабощению одних племен другими. Именно эта борьба и могла породить сохраненную Диодором легенду.

Геродотова легенда о происхождении скифов содержит еще рассказ о падении с неба золотых священных предметов, символизирующих социальный строй скифского общества. Предметов этих четыре, по числу племен, названных перед тем легендой. И как в случае с племенами, когда два имени (катиары и трапсии) должны были быть отнесены к одному племени, которых, таким образом, оказывается всего три, по числу царей, детей Таргитая, также и священные предметы распределяются между этими тремя племенами: плуг и ярмо, объединяемые в греческом тексте в нечто целое, характеризуют земледельческое племя (или племена), тогда как обоюдоострая секира (σάγαρις) и чаша относятся к племенам, выполняющим военные и жреческие функции.

Эта идеализирующая скифский общественный быт символика, как и сама легенда, варьировала от места к месту. Мы находим ее, например, в речи послов закаспийских скифов, обращенной к Александру Македонскому (у Курция Руфа, VII, 8, 34): «нам даны богами дары — ярмо, плуг, копье и чаша. Добытые с помощью труда быков плоды мы отдаем друзьям, вместе с ними совершаем мы возлияние богам из чаши; врагов поражаем издали стрелой, а вблизи копьем». Подобная же символика наличествует и в рассказе Ферекида о дарах скифского царя Иданфирса Дарию, которые состояли из мыши, лягушки, птицы, стрелы и плуга — предметов, символизирующих скифские пожелания персам (Theog., fr. 113).

Символика легенды о священных дарах — воспроизведение древнеиранского представления о членении общества, выраженного в Авесте: жрецы, воины, земледельцы и ремесленники. Эти представления, применительно к Ирану, необходимо признать почти столь же идеальными, как и применительно к скифам, поскольку в древнем Иране племенные начала чувствовались весьма ощутимо.

Но иранское влияние на легенду о происхождении скифов не исчерпывается только этой ее стороной, как бы освящающей общественную

[9] J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. II., Berlin, 1905, стр. 76.

структуру скифского царства. Совпадения простираются и на ее генеалогическую сторону, притом не только в отношении построения фабулы, но и по части самих легендарных персонажей. Герой Авесты Хошанг имеет прозвище Парадата (первородный, Яшт, 5, 21), позволяющее предположительно связывать его с Геродотовыми паралатами. Средневековая арабская генеалогия Табари называет библейского Арфаксада, которого мы сопоставили с мидийским Арбаком и через него со скифским Арпаксаем, предком Хошанга [10]. Таким образом, между скифами и иранцами по линии мифической генеалогии их царей устанавливается связь через мидийских царей, а в мидийской среде также и исторически и археологически отчетливо прослеживается смешение местных и ирано-скифских элементов.

Иранский герой и царь-прародитель Фредон, как и Таргитай, разделил земли между тремя своими сыновьями — Эуриком, Салемом и Тором, символизирующими арийские (Airiu), савроматские (Sairima) и туранские (Tuirja) племена. По мнению Маркварта, эта последняя легенда содержит в себе попытку осмысления этнографии всего ираноязычного мира, разделенного между арийскими (ирано-скифскими), сарматскими и туранскими (т. е. сако-гуннскими) племенами [11].

Легенда о происхождении скифов в том виде, как она представлена у Геродота, а также иранские легенды о происхождении ираноязычного племенного конгломерата представляют собой некоторый мифологический синтез — попытку скифского и иранского жречества осмыслить процесс объединения племен, происходивший при создании персидского и скифского царства. Однако на восточноиранской почве, а также у сибирских народов сохранялись легенды о происхождении отдельных племен и племенных вождей, которые в нашей связи могли бы быть использованы в качестве материала для изучения той мифологической среды и почвы, из которой выросла рассмотренная нами скифская легенда. При этом мы бы сразу же натолкнулись на связи этих племенных героев-прародителей с миром звериных тотемов, от которых производили себя те или иные племена. Для примера упомянем лишь о трех таких героях-прародителях ирано-скифских племен, имена которых зафиксированы в памятниках древнеиранского фольклора.

Первым человеком и племенным прародителем является герой древнеиранской мифологии Гайомард, имя которого не может быть оторвано от племенного наименования мардов (амардов), звучащего по обоим берегам Каспия. Гайомард — герой и прародитель мардов — ассоциируется с быком. Имя его этимологизируется как «человек-бык». Культ его был широко распространен и в более позднее время. Его могилу помещают близ Ходжейли в Хорезме. С ней были связаны скотоводческие обрядовые действия, направленные против эпизоотий [12]. В этом отношении он мог бы быть сопоставлен с такими героями-целителями западноскифского мира, как Анахарсис, Абарис и Зальмоксис.

Подобные же представления и связи обнаруживаются при рассмотрении образа иранского героя-прародителя Сиявуша. Более древняя форма его имени, зафиксированная Авестой, Сияваршана означает «черный жеребец». В этой своей, видимо, наидревнейшей ипостаси бог-прародитель Сиявуш связывается с представлением о водяном коне Аспи-оби и возникает из тотемических представлений о коне как о прародителе [13].

---

[10] A. Christensen. Ук. соч., стр. 140 сл.

[11] J. Marguart. Eranšahr. Berlin, 1901, стр. 155 сл.

[12] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 87; соответственно «Хронологии» Аль Бируни, древние хорезмийцы именовали сына и дочь Гайомарда Мард и Марданех; A. Christensen, Ук. соч., стр. 69 сл.

[13] М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, XI, 1951, стр. 42; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 204 сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 83 сл.

Герой-прародитель нартского эпоса Урызмаг, именем своим связывающийся с древнеиберийским Саурмагом и скифским Савроматом, имеет своего эпического двойника в образе Вархага, имя которого Абаевым сопоставляется с древнеиранским varka — волк, что позволяет сопричислить его к именам и образам тотемно-волчьего происхождения [14].

Имеется целый ряд данных — этнонимических и из области скифского изобразительного искусства, которые позволили бы значительно углубить тему о тотемических пережитках. Однако это увело бы нас очень далеко. Легенду о происхождении скифов нельзя считать исчерпанной, поскольку мы еще не коснулись греческого варианта этого мифа, рассказанного опять-таки Геродотом (IV, 8 сл.). В этом варианте паредром змееногой богини (дочери р. Борисфена в скифском варианте) выступает Геракл, а сыновья их названы Скиф, Агафис и Гелон.

В скифском Геракле Б. Н. Граков в свое время угадал Таргитая [15] и указал несколько его предполагаемых скифских изображений (навершие из кургана Слоновской Близницы, на золотом медальоне из Херсонеса и др.). Однако поскольку эллинизированный вариант легенды о происхождении скифов не является простым переложением скифского ее варианта, хотя он и содержит местные черты (упоминание Гилеи), то, может быть, и не обязательно отождествлять с Гераклом именно Таргитая, тем более что в северопричерноморской эпиграфике упоминается местное божество, а точнее герой (θειός) Санерг (Σανὲργης, JOSPE, II, 346), имя которого связывается с малоазийской ипостасью Геракла — Сандоном (Nonn., Dionys., XXXIV, 192), чей культ очень популярен, а имя звучит уже в имени киммерийского вождя Сандакшатра клинописных текстов. Звучит оно и в эллинизированном имени легендарного скифского царя Санэвна (Hellan., Pap. Oxyr. X, 1241, стб. 2 сл.), которого греки, по Гелланику, считали изобретателем железа.

Греческий вариант легенды о происхождении скифов называет братьями Скифа Агафирса и Гелона (Herod., IV, 10), из которых каждый является эпонимом одноименного племени. Если агафирсы символизируют в этой легенде северофракийский мир, весьма близкий, по словам Геродота (IV, 104) к фракийскому и скифскому миру, то несколько менее ясно, кого же здесь представляют гелоны и где их к тому же искать?

Известно, что у Геродота о гелонах (IV, 108) говорится много такого, что заставляет подозревать смутность его представлений об этом племени. Геродот резко отличает гелонов от будинов и в то же время замечает, что греки нередко называют будинов гелонами. Одни гелоны говорят на скифском языке, а другие — на греческом. В стране будинов находится деревянный город Гелон, жители которого живут по греческим обычаям и совершают дионисийские празднества. Меланхленов, гелонов и будинов Геродот (IV, 20 сл.) помещает к северу от скифов. Впрочем будины обладают у него двойной локализацией: сначала он располагает их за Танаисом (IV, 21), а позднее говорит, что будины на западе граничат с неврами (IV, 105), живущими в верховьях Гипаниса-Буга и Днестра и признаваемыми многими учеными за протославянское племя.

Мало принимается во внимание и почти не комментируется кавказская локализация названных племен у древних авторов, хотя некоторые из них связаны с Кавказом весьма древней этнонимической и исторической традицией. Так, в частности, при мысли о будинах должны быть приняты во внимание Плиниевы удины (NH, VI, 48), в более раннее время известные еще под именем утиев или витиев (Strab., Geogr., IX, 8, 8), которых, вероятно, уже и сам Геродот (I, 101) имеет в виду под именем будиев в качестве одного из шести основных мидийских племен.

---

[14] В. И. Абаев. Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957, стр. 25.
[15] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, 34, 1950, стр. 7 сл.

Прослеживающиеся в Западном Прикаспии к северу вплоть до р. Кумы, эти удины выступают в качестве потомков кутов или гудеев древневосточных клинописных источников, локализующих их тоже в Прикаспии [16].

Связывать удинов с будинами Геродота понуждает еще и то обстоятельство, что в непосредственном соседстве с первыми мы находим у Птолемея и Геродотовых герров, помещаемых также на севере Скифии. Будинов на Западном Кавказе локализуют Страбон и Арриан, которые называют их также фтейрофагами, последний при этом ссылается на Геродота, у которого будины, как известно, тоже названы фтейрофагами.

Гелонов на Западном Кавказе знает перипл Скилака (§ 80), а некая древняя традиция, сохраненная схолиастом Вергилия, помещает на Кавказе и город Гелон, связывая его эпонима Гелона с Ханией — нимфой р. Хана (Strab., Geogr., XI, 3, 2), которую Томашек отождествляет с р. Каныk (PW, RE, III, 1899, стб. 2110). Кавказских гелонов позволительно видеть в гелах Страбона (IX, 8, 8), которых Плиний объединяет с большим прикаспийским племенем кадусиев — соседей, а вероятно, также и родственников удинов (Plin., NH, VI, 48) [17].

Дионисийство гелонов, вероятнее всего, связано с кавказским виноградарством и относящимися к нему культами; сообщение Аристотеля (у Элиана Hist. anim., XV, 33) о том, что, по сведениям танаитов, существует будинское поселение Кариск, где разводятся грубошерстные черные овцы, тоже необходимо связывать с Прикавказьем. Деревянные жилые и оборонительные сооружения на Кавказе неоднократно упоминаются древними авторами. Сообщение о взятии и разрушении города Гелона войсками Дария (Herod., IV, 123) тоже заставляет локализовать этот пункт, вероятнее всего, где-нибудь в Прикаспии или на Западном Кавказе, куда без труда могли проникнуть персидские отряды.

Северная локализация меланхленов, гелонов и будинов могла бы легко быть объяснена тем, что вследствие хорошо прослеживающейся в античной литературе географической аберрации Кавказ в древности, будучи не отделим от Рипейских гор, помещался к северу, а не к востоку от Черного моря. Это мифико-географическое представление, особенно отчетливо выступающее у Эсхила (Prom. vinct., 705 сл.), Геродот пытался отбросить, но не мог сделать этого с необходимой последовательностью. Хотя Рипеев у него нет, но есть анонимные северные горы, за которыми живут гипербореи (IV, 25). Допустить подобную передвижку прикавказской этнонимики к северо-западу, в область донской и приднепровской лесостепи, тем легче, что совершенно несомненно перенесение Геродотом из Прикавказья в Приднепровье таких гидронимов, как Гипакирь и Гипанис.

Однако северная локализация будинов связывается еще с локализацией невров, которые в Прикавказье неизвестны. Хотя связи невров и будинов легендарны, все же это касается более причин, чем самого отмечаемого Геродотом факта — проникновения невров к востоку от верх-

---

[16] И. М. Дьяконов. История Мидии. Л., 1955, стр. 104 сл.

[17] Необходимо обратить внимание и на то, что, видимо, уже для V в. до н. э. может быть отмечено наличие одних и тех же племенных имен на Восточном и Западном Кавказе. И там и тут мы находим не только будинов и гелонов, но также и кадусиев, имя которых звучит несомненно в наименовании поселения (и реки) Хадисия близ Темискиры, в области лейкосиров и амазонок. Пункт с этим именем известен еще Гекатею (St. Byz., s. v.), а также и Ферекиду (под именем Хадесия, Schol. Apoll. Rhod., II, 373; Plin, NR, VI, 8; Apoll. Rhod., II, 1000). Известна и одноименная амазонка, в качестве эпонима этого города (Schol. Apoll. Rhod., II, 373; 999). Нахождение названного имени в области амазонок и лейкосиров указывает на киммерийскую и савроматскую принадлежность племени гелов-кадусиев. Пункт Хадас (Tab. Peut.; Geogr. Rav., II, 12, p. 74, 9) в Западной Армении, на дороге из Артаксаты в Саталу, известный позднеримским географам, свидетельствует о долговременном бытовании имени кадусиев на Западном Кавказе.

него Днепра в земли будинов (IV, 105). Было высказано вполне правдоподобное предположение, что имя будинов возникло в этой связи, ввиду смешения его с именем гораздо позже засвидетельствованных бодинов или водинов — протославянского племени, как и невры.

Уже говорилось, что р. Герр и племя герров также имеют у Геродота северную локализацию. А у Птолемея эти имена получают двойную локализацию (Ptol. Geogr., III, 5, 4; V, 8, 85), т. е. они показаны на его карте и в Прикавказье и в Приднепровье. Потому, может быть, что и ту и другую локализацию этих имен он нашел уже в своих источниках, по причине упомянутой мифико-географической аберрации.

Подобную же двойную локализацию имеют у Плиния и такие племенные имена, как авхаты, катиары, палеи, напеи,— в Прикавказье и Закаспийской Скифии. Объяснить эту двойственность можно тоже двояко: во-первых, приложением имени Танаис одновременно и к Дону, и к большим среднеазиатским рекам, что заставляло соответственным образом локализовать также и связанные с Танаисом племена. А во-вторых, и реальным перенесением закаспийских племенных имен в Прикавказье вследствие перекочевок и переселений самих носителей этих имен. Подобное же объяснение может быть предложено и для распространения имени будинов и гелонов из Прикавказья в Приднепровье и Придонье.

В свое время Городцов, Иессен, Крупнов и другие авторы отмечали присутствие в степных и лесостепных скифских комплексах значительного количества металлических и керамических изделий северо-кавказского происхождения [18]. Находки эти далеко не всегда массового, а скорее индивидуального характера (в частности, ониксовая ахеменидская печать, найденная близ Смелы [19]), что свидетельствует в пользу перенесения их с Кавказа в Приднепровье не посредством обмена, а вследствие переселения самих их владельцев. Таким способом имя удинов-будинов и гелов-гелонов могло распространиться из Прикавказья по всему степному и лесостепному Причерноморью.

Во времена, близкие к началу новой эры, имя гелонов несомненно широко распространилось по Восточной Европе. Настолько широко, что в устах латинских поэтов, таких, как Вергилий (Acn., VIII, 725) и Гораций (Od., II, 80; III, 4), имя гелонов синонимично имени сармат и употребляется вместо последнего. А Помпоний Мела объявляет будинов-гелонов племенем савроматского происхождения (Mela, I, 116).

Из всего сказанного следует, однако, что Геродот понимал под гелонами совсем не то, что другие греческие, а позднее латинские авторы. Греки смешивали имена будинов и гелонов, вероятно потому, что реальные племена, которым они давали эти наименования,— будии-удины и гелы-кадусии — также были для них почти неразделимы. Геродот же прилагает имя гелонов к тем эллинизированным варварам, которые изъяснялись и по-скифски, и по-гречески и восприняли греческие обычаи.

Таких варваров несомненно было немало в Колхиде, где во времена Геродота существовало эллинизированное царство, чеканившее на греческий манер анепиграфические монеты (колхидки) [20].

И. В. Фабрициус [21] локализовала гелонов в районе тясминских городищ, некрополи которых также свидетельствуют о весьма глубокой эллинизации тамошнего скифского быта. Так что, если по соображениям

---

[18] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки. КСИИМК, XVIII, 1947. стр. 21; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 344; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. II, Киев, 1899, табл. XXXIV, 75 сл.

[19] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 480 (курган № 19 близ Холодного Яра).

[20] Н. В. Хоштария. Вани. СИЭ, 2, М., 1962, стр. 956 сл.

[21] В. Фабриціус. До питання про топографізацію племен Скіфії. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 50 сл.

военно-стратегического характера, тот город Гелон, который был разрушен персами, находился в Прикавказье, то на это же имя могли претендовать и другие скифские городища, при соответствующей степени эллинизации их культуры.

Сопоставив эпонима города и племени гелонов Гелона с Ханией — нимфой кавказской р. Хана, причерноморские греки создали тем самым еще один вариант легенды о происхождении племени гелонов в дополнение к тому, что сообщает Геродот. Так же и эпиграфическое (на Tabula Albana) упоминание о связи Геракла с нимфой р. Аракса позволяет предположить о существовании еще одного варианта подобной же легенды применительно к племенам, локализованным на р. Араксе.

Ранее было отмечено вскользь, что наблюдения над генеалогией племенных родоначальников приводят к обнаружению тотемных представлений. Было показано, как в основе образа родоначальника находится бык, конь, волк.

В скифском искусстве имеются излюбленные формы териоморфных изображений, с определенными тенденциями к их антропоморфизации. Во всяком случае, некоторые из них могут быть соотнесены с представлениями о племенных родоначальниках.

Б. Н. Граков видел в навершии из кургана Слоновской Близницы изображение Таргитая, борющегося с чудовищем, хватающим лань [22]. Поскольку верхняя часть человеческого туловища с трудом отделима от туловища грифонообразного зверя на упомянутом предмете, может быть, в этом случае, как и во многих других (например, как на ножнах из Мельгуновского кургана), речь идет об антропоморфизированных чудовищах типа грифонов (сфинксов).

Культ предков-родоначальников у всех древних народов сочетался с культом божеств плодородия и в конечном счете с солярным культом. Грифоны и другие подобные им фантастические животные тоже сочетались с культом солярных божеств, на греческой почве — с культом богалучника Аполлона. Антропоморфизированные грифоны представляли, видимо, именно вождей-родоначальников, поскольку такому антропоморфизированному грифону на ковре из V Пазырыкского кургана приданы, если не портретные, то достаточно точные в этническом отношении черты [23].

Скифская легенда о грифообразных существах имеет локальные особенности, связывающие ее с областями, находящимися у границ Бактрии и Индии. Именно там локализуются этнонимы и топонимы, связанные с легендарным племенем аримаспов (ариаспы, аригпы и др., Arr., Anab., III, 24, 4; Ind., 4, 9), отнимающих золото у грифонов. Древнейшее изображение борьбы аримаспов с грифонами (на зеркале из Келермесского кургана) относится к первой половине VI в. до н. э. Эта специфическая черта — борьба аримаспов с грифонами из-за золота — связывает данную легенду с индо-иранскими преданиями о муравьином золоте племени дердов, известными Геродоту и Ктесию (Herod., III, 102; Ctes., Ind., 26) и впервые упомянутыми Скилаком из Карианды, поскольку в рассказе об этом золоте фигурирует та же северо-индийская местность Пактиика, что и в рассказе о плавании Скилака по р. Инду и Эритрейскому морю по приказанию Дария (Herod., IV, 44).

У Ктесия сохранилось описание индийских грифонов: «они имеют, подобно львам, по четыре ноги, с очень острыми когтями, также подобными львиным когтям. Они крылаты, и оперение у них на спинах черное, а на груди красное, в то время как крылья их не этих цветов, а бе-

---

[22] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, 34, 1950, стр. 7.

[23] С. И. Руденко. Культура Горного Алтая в скифское время. Л., 1953, табл. CXIV.

лые. Шея их покрыта темно-синими перьями, как на голове орла, а лики их похожи на скульптурные (человеческие) изображения» (Ctes., Ind., 26; Ael. Nat. anim., IV, 27).

Совершенно ясно, что грифон, изображенный на ковре V Пазырыкского кургана, представляет собой вариант «индийского грифона». От Аристотеля, опирающегося на того же Ктесия, мы узнаем местное название индийского грифона — мартихорас (этимологизирующееся как «людоед», Philostr., V. Apoll., III, 45). Аристотель добавляет, что «индийский зверь» имеет на челюстях по три ряда зубов и что хвост его подобен хвосту скорпиона [24].

В одной из своих последних работ В. В. Чарнолуский [25] показал, что еще 50 лет тому назад на Кольском полуострове происходили религиозные церемонии, в которых принимали участие обнаженные мужчины с оленьими рогами на головах, имитировавшие Мяндаша — человека-оленя — божество плодородия и родоначалия.

Культ оленя и оленьи изображения настолько широко представлены у скифов, что об этом говорить нет никакой необходимости. Нередки и разнообразные сочетания оленя и грифона (например, олени с грифоньими головами на концах рогов). Все эти изображения, в особенности же грифон V Пазырыкского кургана, должны быть связаны с культами родоначальников племени (и племенных объединений), таких как Таргитай и его дети, как Гелон, Сиявуш, Хошанг и др.

L. A. Ielnitsky

LES LÉGENDES SCYTHIQUES COMME UN OBJET DE L'HISTOIRE DE LA CULTURE

Résumé

Le légende sur l'origine des Scythes dans l'exposé d'Hérodote (IV, 5 ss.) se rapporte au bassin du Dniéper, à en juger d'après les données toponymiques. Cependant les noms du premier Scythe (ou de l'Héraclès scythique) et de ses fils nous mènent en Asis Antérieure. Ainsi, le nom Targitaos (forme féminine grécisée est Tyrgatao) ne peut être séparé du nom Derketades (nom d'un roi mythique d'Assyrie), selon Alexandre Polyhistor (FHG, III, 210, fr. I). La forme féminine de ce nom — Derketo — ets une des variantes du nom de la divinité féminine Targ-ata — Atargatis; qui figure chez Diodore (II, 4, 2) en qualité de déesse ayant une queue de poisson au lieu des jambes, ce qui est le doublet de la divinité scythique qui a une queue de serpent pour jambes (Echidna) et dont les images, assez fréquentes dans l'art scythique présentent cependant leurs plus anciens modèles en Thrace.

Le nom Targataos, de même que les noms de ses enfants, se rapprochent des noms des tribus et des rois qui existaient au Caucase et à l'Iran Nord. Les variantes de la légende sur l'origine des Scythes, conservées part Hérodote, de même par Diodore et par le scholiaste de Virgile Servius (Ad. Georg., II, 117), permettent de la rapporter à plusieurs tribus du littoral de la mer Noire et de celui de la mer Caspienne, qui prétendaient jouer le rôle de «tribns royaux). Les éléments structuraux et le contenu de la légende d'Hérodote sur l'origine des Scythes la rapproche des autres légendes ethiologiques des peuples irano-scythiques, que l'on trouve fixées dans des sources de l'ancienne Perse; leurs personnages sont des shefs fondateurs de tribu, dont les noms sont reliés, les homs des tribus â part — à ceux des animaux-totems (cerf, boeuf, loup, etc.), par suite de quoi ces légendes peuvent être rapprochées de la tradition de l'art plastique des Snythes et en particulier, de certaines images thériomorphes-anthropomorphes (homme-cerf, homme-carnassier etc.).

[24] Грифон (сфинкс) V Пазырыкского кургана имеет голубое туловище, покрытое 11 светло-коричневыми кружками, внутри которых розетки с тремя и четырьмя лепестками. Крылья разноцветные, они имеют малиновые, золотисто-желтые, голубые и оранжевые части. Концы крыльев (три длинных пера) черные. Хвост малиновый и золотисто-желтый. Лицо цвета темной охры. Такие же ноги и руки. На ногах голубые когти. Рога на голове, как и хвост, малиновые и золотисто-желтые.

[25] В. В. Чарнолуский. О культе Мяндаша. «Скандинавский сборник», XI, Таллин, 1966, стр. 301 сл.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ВИНОДЕЛИЕ В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ БОСПОРА

Виноградарство и неразрывно связанное с ним виноделие играли очень важную роль в экономике средиземноморских античных государств. Это хорошо известно по сведениям древних писателей, памятникам изобразительного искусства и другим источникам. Однако памятники, непосредственно связанные с производством вина, т. е. винодельни, с территории древнегреческих государств исследованы пока очень мало. Открытие большой группы северопричерноморских (боспорских) виноделен (рис. 1) важно для изучения этой отрасли производства не только данного района, но и всех античных обществ. Разработка вопросов сельскохозяйственного производства, и в частности виноградарства и виноделия, в античных государствах Северного Причерноморья — большая заслуга советских антиковедов. Это хорошо иллюстрируется тем, что открытая в XIX в. на Темир-горе винодельня [1] не нашла в свое время правильного определения. Назначение памятника было раскрыто только советскими археологами.

При планомерном исследовании античных, и в частности боспорских, городов, начиная с 1930-х годов, удалось обнаружить ряд виноделен, впервые бесспорно доказавших наличие на Боспоре собственного виноделия в относительно широких масштабах [2]. В 1958 г. была опубликована обстоятельная работа В. Ф. Гайдукевича о боспорском виноделии [3], в которой автор, сам раскопавший наибольшее количество виноделен, систематизировал все известные к тому времени факты.

За истекшее десятилетие, особенно в результате работ Таманской экспедиции, получены новые данные по истории виноделия Боспора в его азиатской части, что особенно важно, поскольку подавляющее количество материалов, связанных с производством вина, ранее встречалось только на Керченском полуострове, т. е. в европейской части Боспора. При этом невольно возникал вопрос о соотношении виноделия в двух основных частях государства, и в большинстве случаев предпочтение в данном аспекте отдавалось европейской стороне.

Из 29 виноделен, перечисленных в работе В. Ф. Гайдукевича, только четыре относятся к Таманскому полуострову:

1) винодельня (ПТ1) II—III вв., обнаруженная в Патрасии в 1931 г. [4]; 2) винодельня (ПТ2) II в., также открытая в Патрасии в 1948—1949 гг. [5]; 3) остатки винодельни (ПК1) II—III вв., раскопанные в 1953 г.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, 1941, стр. 45 сл.

[2] Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, XXVIII, 1, стр. 93—128; Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, 2, стр. 225—237. В Херсонесской надписи III в. до н. э. говорится о размежевке виноградников Агасиклом (IOSPE, I², № 418).

[3] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, 85, 1958, стр. 352—457.

[4] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. СГАИМК, 7—8, 1932, стр. 68; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 355, 432, рис. 77—80.

[5] А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. Уч. зап. МГПИ, XIII, 2, М., 1949, стр. 22 сл.,

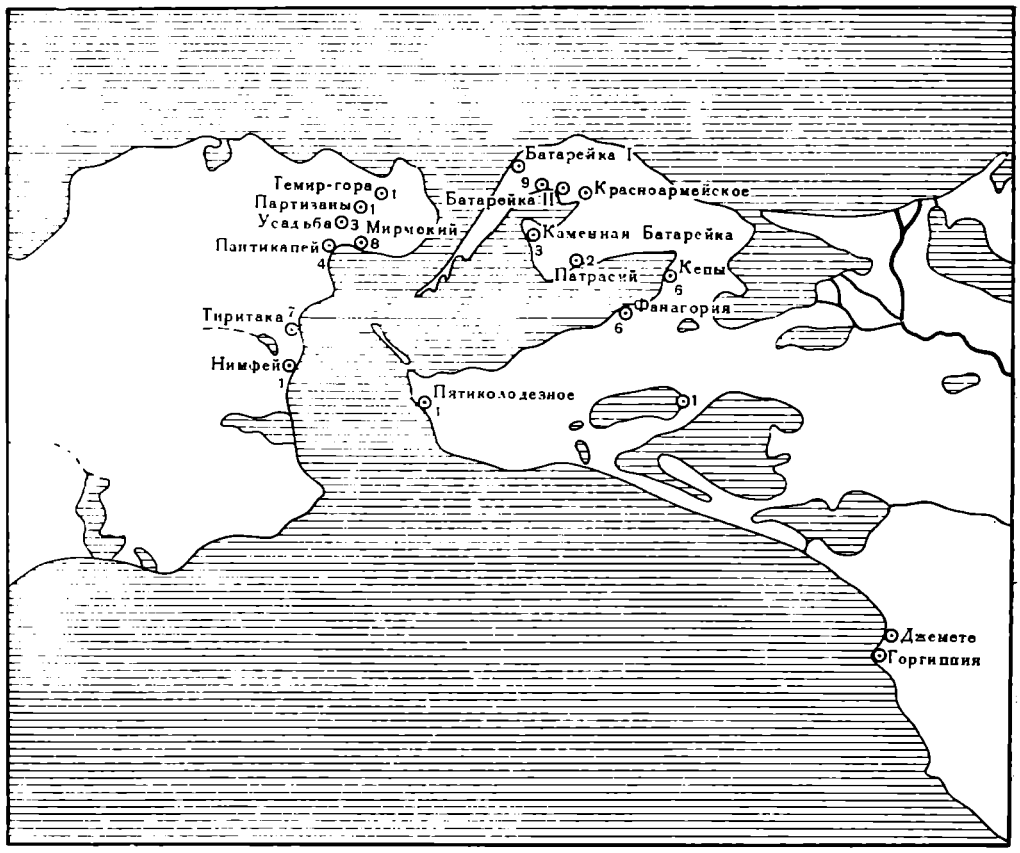


Рис. 1. Размещение обнаруженных виноделен на Боспоре; цифры указывают количество виноделен

на Пятиколодезном городище[6]; 4) остатки винодельни II—III вв., обнаруженные в Фанагории в 1955 г. (Ф1)[7]. Все четыре винодельни состояли из трех давильных площадок и трех цистерн.

Пятая винодельня Таманского полуострова — сооружение, остатки которого в виде двух цистерн были открыты в 1940 г. в Фанагории[8], эту винодельню В. Ф. Гайдукевич упоминает[9], но непонятно почему не вводит в основной список боспорских виноделен. В. Ф. Гайдукевичем не учтены и другие известные к тому времени находки трех фанагорийских виноделен[10]. Так, И. Е. Забелиным в 1870 г. открыты на берегу залива две цистерны одной винодельни, а в другом месте — еще одна цистерна[11]. Две давильные площадки винодельни I в. н. э. были обнаружены в том же районе в 1948 г.[12]. В 1965 г. при раскопках юго-восточной части фанагорийского городища удалось найти днище цистерны винодельни IV в. размерами 1,40 × 1,21 *м*[13].

рис. 37, 41 сл.; его же. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг. Уч. зап. Ярославского пединститута, XXII (XXXII), Ярославль, 1957, стр. 331 сл., рис. 30—36; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 359, 432.

[6] В. Д. Блаватский. Четвертый год работы в Синдике. КСИИМК, 70, 1957, стр. 126—129, рис. 48; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 457.

[7] М. М. Кобылина. Новые данные о фанагорийских винодельнях. КСИИМК, 54, 1959, стр. 21—24, рис. 7, 8; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 360—361.

[8] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, 1941, 1, стр. 221. В 1948 и 1954 гг. этот винодельческий комплекс был доследован (М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 88; ее же. Новые данные о фанагорийских винодельнях, стр. 20—21).

[9] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, стр. 361, примеч. 1.

[10] М. М. Кобылина. Новые данные о фанагорийских винодельнях, стр. 20.

[11] Письмо И. Е. Забелина от 7 сентября 1870 г. Архив ЛОИА, д. № 19, 1870 г.

[12] М. М. Кобылина. Новые данные о фанагорийских винодельнях, стр. 20.

[13] М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1965 г., стр. 15—16; Альбом рисунков, рис. 34, 36, Архив ИА.

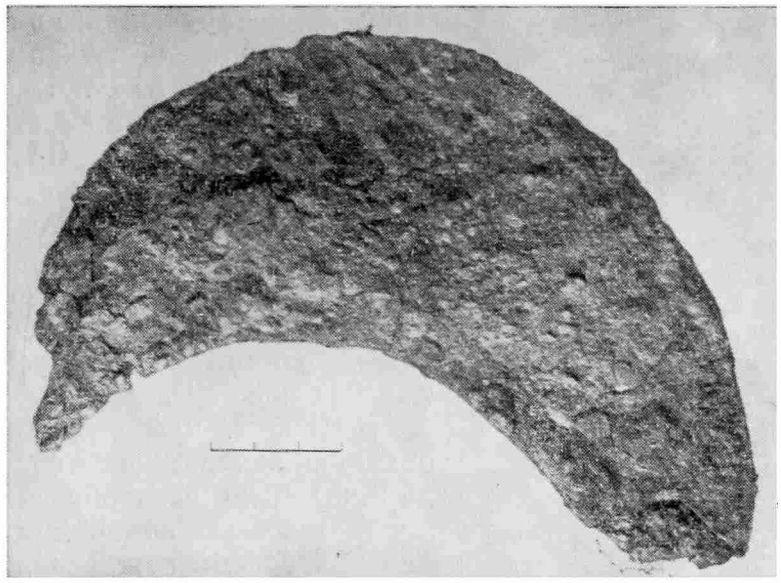


Рис. 2. Железный нож виноградаря второй половины IV в. до н. э. Кепы

Таким образом, в Фанагории обнаружены остатки шести виноделен I—IV вв. Несмотря на плохую сохранность, они дают новые материалы по технике устройства. Особо отметим винодельню 1955 г., стенки цистерн которой были сложены из обожженного кирпича. Можно предполагать, что в первые столетия нашей эры Фанагория была значительным центром по производству вина. И вряд ли следует сомневаться в том, что расцвет здесь обширного гончарного производства, зафиксированный открытием многих печей для обжига крупномерных сосудов, стимулировался в первую очередь развитием виноделия. Характерно, что пять из шести фанагорийских виноделен группируются в северном районе городища.

Прямых данных о виноградарстве и виноделии в азиатской части Боспора до второй половины IV в. до н. э. у нас нет.

Большое количество разбитых (изредка и целых) амфор VI—V вв. до н. э. из различных средиземноморских, а с IV в. до н. э. и южнопричерноморских центров, их абсолютное преобладание над амфорным материалом местного производства указывают на интенсивный ввоз вина, а тем самым косвенно на слабое развитие собственного виноградарства. Однако следует думать, что греки-переселенцы в Северном Причерноморье с первых же шагов своей деятельности должны были разводить виноград, прочно вошедший в обиход греческой жизни в метрополии. Об этом можно догадываться исходя из того, что на монетах Нимфея уже в V в. до н. э. изображалась виноградная гроздь, в Мирмекии в слое V в. до н. э. найдены виноградные зерна, а в Пантикапее производились уже собственные амфоры. В период VI—V вв. до н. э., видимо, происходил процесс все более успешной культивации и акклиматизации виноградной лозы [14]. В этом плане не лишним будет упомянуть о том, что один из городов азиатской стороны Боспора уже с VI в. до н. э. носил название Кепы (Κῆποι), т. е. «сады»; под этим термином нередко подразумевались не только фруктовые сады, но и виноградники. И видимо, не случайно, что в дальнейшем виноделие получает широкое развитие именно в этом городе. Наиболее ранними свидетельствами развития виноградарства в этом районе являются находки зерен винограда в слое IV в. до н. э. на фанагорийском городище [15] и виноградарского железного ножа

[14] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 87.

[15] М. М. Кобылина. Новые данные о фанагорийских винодельнях, стр. 20.

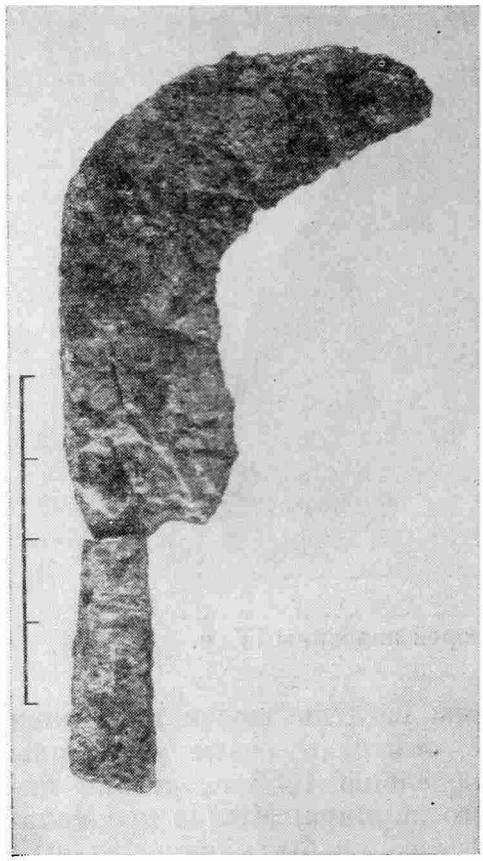


Рис. 3. Вотивный железный нож виноградаря, Кепы; II в. до н. э.

(рис. 2), обнаруженного в подкурганной сырцово-кирпичной гробнице второй половины IV в. до н. э. в Кепском некрополе [16]. Этот нож, широкий и массивный (длина без рукояти 0,17 *м*, ширина 0,07 *м*), с очевидностью свидетельствует о специальности усопшего, подобно тому как херсонесские надгробия с изображением виноградарского ножа говорят о главном занятии погребенного [17]. Это самый ранний из боспорских виноградарских ножей [18].

В 1963 г. при раскопках в Кепах остатков святилища Афродиты (II в. до н. э.) среди разнообразных вотивных предметов были обнаружены железный виноградарский нож (рис. 3) и половина мраморного тарапана [19] (рис. 4). По форме этот нож совершенно аналогичен нантикапейскому [20]. Однако кепский экземпляр более миниатюрен: его общая длина вместе с рукояткой составляет только 0,09 *м*, и для практической работы на винограднике он мало пригоден, т. е. нож был специально изготовлен для вотивных целей. Такой же характер имеет и половина мраморного тарапана, общие размеры которого составляли 0,36 × 0,36 *м*. Судя также по очень мелким желобкам, обегающим тарапан по краю верхней плоскости и сливу, он был мало пригоден для практических целей. Вотивный характер ножа и тарапана придает им особую ценность, поскольку это свидетельствует о существовании многих ножей и тарапанов, моделью которых и были данные вотивы.

Тарапаны, т. е. каменные корытца или плиты с углублениями, желобками и сливами для обработки (отжима) мезги, широко применялись в раннюю эпоху, до распространения виноделен, оборудованных прессами с каменным ложем [21]. В эллинистических винодельнях с прессами каменное ложе было обычно подобием тарапана и представляло собой большую плиту (круглую, квадратную или иной формы), снабженную по краям верхней плоскости желобками для стока сусла [22]. Именно к этому типу и относится кепский вотивный тарапан. Он скорее всего имитирует не переносный тарапан, а большое каменное ложе — тарапан винодельни с прессом.

Ранее тарапан для прессования винограда был найден в районе Джемете, под Анапой [23].

---

[16] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1962 г. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 113.

[17] Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, 2, стр. 235—236, рис. 12.

[18] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, стр. 361; В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 112—113.

[19] Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепах. СА, 1964, 4, стр. 108, 110, рис. 8, *2*.

[20] В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 112—113, рис. 41; длина ножа 0,188 *м*.

[21] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, стр. 376—377.

[22] Там же, стр. 377 сл., рис. 2, 3, 22, 88.

[23] Н. В. Анфимов. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. ВДИ, 1952, 4, стр. 86.

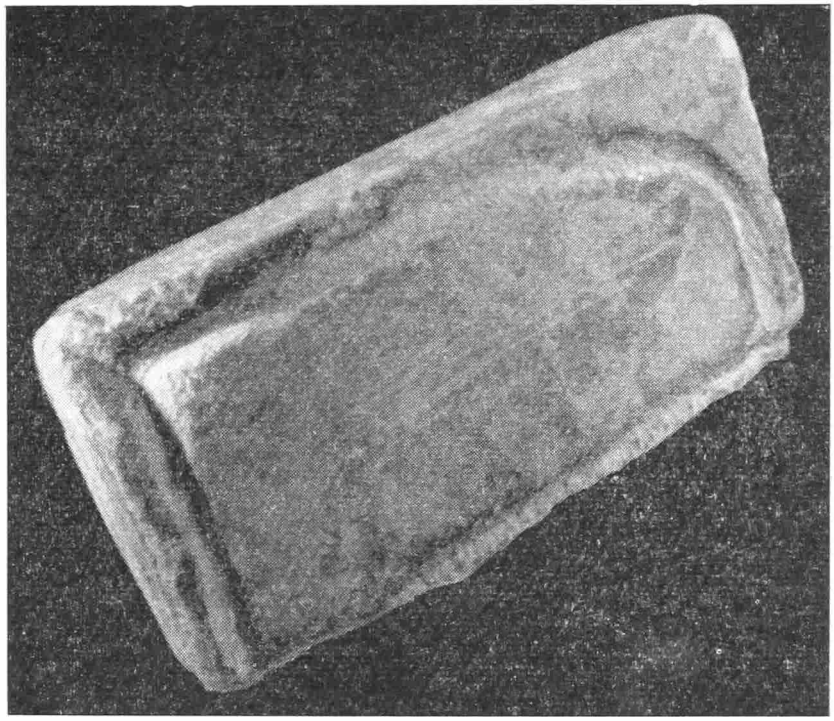


Рис. 4. Вотивный мраморный тарапан. Кепы; II в. до н. э.

В 1967 г. переносный тарапан простейшего типа обнаружен при случайных земляных работах в парке пос. Ильичевка. Он представляет собой плиту из известняка-ракушечника размером 0,60 × 0,55 *м*, толщиной 0,15 *м* с округленными углами. Сверху в плите сделана выемка, по краям которой возвышаются бортики высотой 0,05—0,06 *м* (рис. 5). В одном из углов прорезан желобок-слив. По дну выемки пробиты две неглубокие узкие бороздки, облегчавшие сток виноградного сока в направлении слива. К сожалению, определить время изготовления этого тарапана пока точно не удается, но, исходя из того, что наиболее интенсивная жизнь поселения у Ильичевки относится к периоду I—IV вв., этот тарапан также следует датировать первыми веками нашей эры. Для периода I—IV вв. мы располагаем уже более обширными материалами. Помимо ранее открытых, за последние годы ряд виноделен обнаружен Таманской экспедицией.

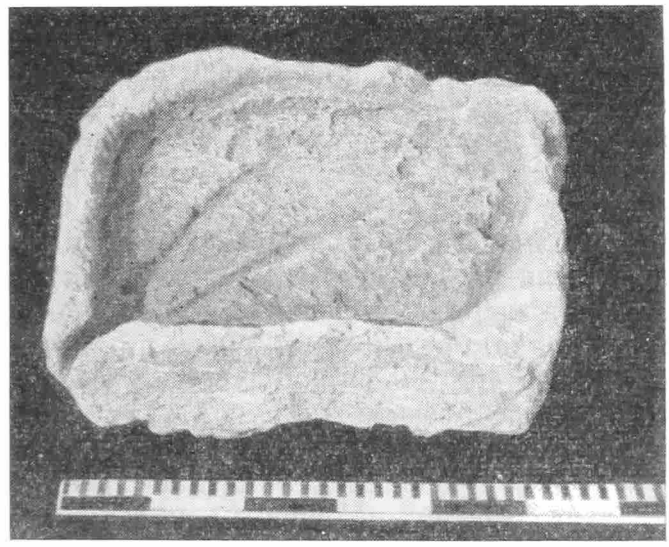


Рис. 5. Тарапан из известняка, найденный в 1967 г. у пос. Ильичевка

Винодельня, исследованная в Кепах в 1960[24] и 1961 гг.[25] на северном участке раскопа «А» (Кеп-1), пока является, видимо, самой ранней на

[24] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1960 году. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 83—85, рис. 34, *1*.

[25] Н. И. Сокольский. Раскопки городища Кепы в 1961 г. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 54.

Рис. 6. Кепская винодельня 1960—1961 гг. (Кеп-1)

Таманском полуострове (рис. 6). Она относится к первой половине I в. н. э. Несмотря на ряд разрушений позднейшими ямами, устройство винодельни в целом прослеживается вполне ясно (рис. 7). Она состоит из трех больших давильных площадок, трех малых и трех цистерн.

Первоначально площадь всех давильных площадок представляла собой прямоугольник размером 3 × 5,7 *м*. Площадки разделены пазами, имеющими ширину 0,05 *м*.

Крайние, восточная и западная, большие площадки имели форму трапеции: длина их внешних сторон составляла примерно 3 *м*, ширина 2 *м*. Средняя, прямоугольная имела размер 2 × 1,5 *м*. Площадки имеют наклон в северном направлении, к цистернам. Особенность этой винодельни состоит в наличии трех малых площадок, расположенных между большими площадками и цистернами. Все площадки, большие и малые, узкими протоками соединены с центральной малой площадкой, которая, несомненно, играла роль регулятора; через нее виноградное сусло с любой площадки могло по желанию направляться в любую из цистерн. Каждая из трех цистерн в плане представляет собой прямоугольник размерами 1,30×0,96, 1,30×1,12 и 1,30×0,87 *м*. Глубина цистерн 1,80 *м*, не считая чашеобразного приямка в северо-восточном углу каждой цистерны. Общая вместимость трех цистерн составляла около 6000 литров.

Малые площадки соединялись с цистернами каменными желобами-сливами, о чем говорит находка в центральной цистерне двух обломков упавшего слива. По бокам цистерн существовали вспомогательные рабочие площадки.

Существенной особенностью винодельни является отсутствие каменного ложа, что в свою очередь указывает на отсутствие рычажного пресса. Неясно, как производился отжим мезги, поскольку тонкие площадки на глиняной основе не могли выдержать большого давления. Для этой цели, видимо, пользовались переносными тарапанами. Описанная винодельня по своему устройству занимает промежуточное положение между боспорскими винодельнями эллинистической эпохи и винодельнями первых столетий нашей эры, что вполне согласуется с переходным временем, к которому она относится. Отсутствие стационарного пресса и частичное применение бело-

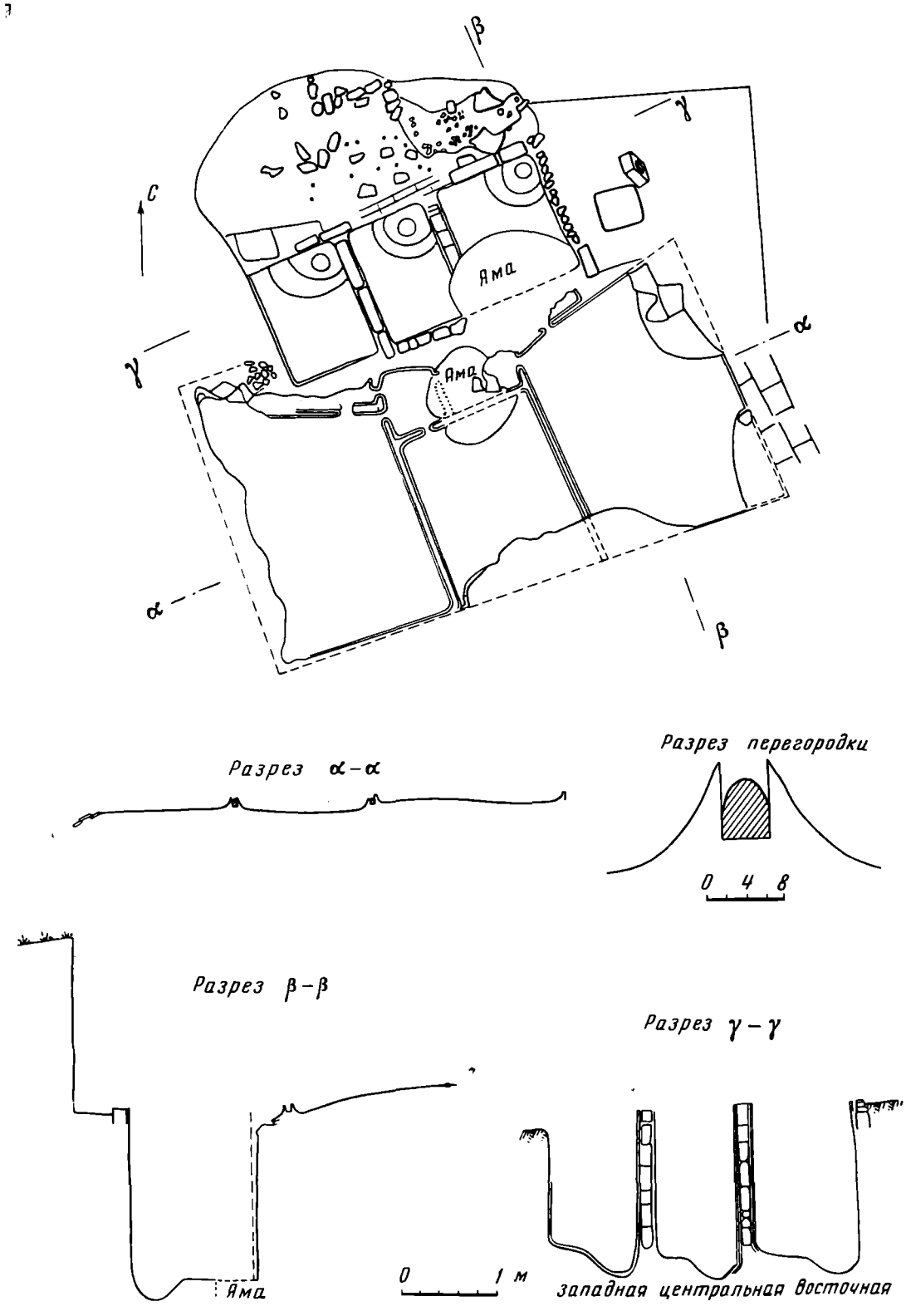


Рис. 7. Кепская винодельня 1960—1961 гг. (Кеп-1)

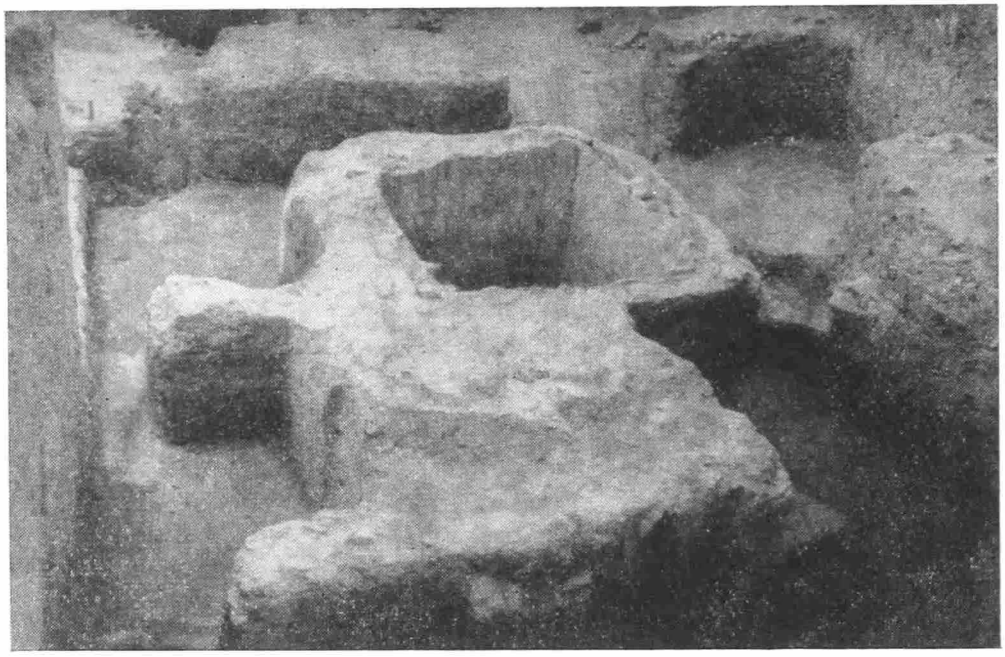


Рис. 8. Остатки кепской винодельни II в. (Кеп-2)

го раствора связывают ее с более ранними винодельнями [26], а наличие трех площадок, трех цистерн и розово-красный раствор характерны для виноделен первых столетий нашей эры.

К югу от винодельни располагалось помещение, служившее местом хранения вина. Оно разрушено, но сохранились нижние части трех пифосов; причем на дне одного из них обнаружен темно-розовый винный осадок.

В 1961 г. в Кепах, на расстоянии 4 *м* к востоку от винодельни Кеп-1, но в вышележащем слое II в. открыты остатки другой винодельни (Кеп-2) [27]. От нее сохранились цистерна, небольшая часть давильни и остатки рабочей площадки перед цистерной, замощенной мелким камнем, черепками и печинами (рис. 8). Сколь ни фрагментарны остатки, они все же указывают на большое отличие данной винодельни от Кеп-1. Вместо трех здесь имелась лишь одна цистерна: в плане это четырехугольник (1,40 × 1,16) с округленными углами. Глубина ее не превышала 1,10 *м*. Стенки цистерны не вертикальны, как у прочих виноделен, а немного наклонны. Судя по остаткам и наличию одной цистерны, винодельня имела одну давильную площадку, но значительных размеров. С восточной стороны сохранился завал сырцово-кирпичной стенки здания винодельни.

Винодельня Кеп-3 (рис. 9) открыта в Кепах в 1967 г. на том же раскопе «А», но в южной его части. Это одна из интереснейших боспорских виноделен. По времени она близка Кеп-1 и относится к первой половине I в. н. э., хотя и сильно отличается от нее. Здание винодельни имело размеры 6,40 × 4,50 *м*. От него сохранилась часть каменного цоколя восточной стены шириной 1,20 *м*, одновременно служившей опорой для террасы, и большая часть цоколя северной стены, в которой имелся дверной проем шириной 1,65 *м*, ведущий в соседнее складское помещение. На цоколе уцелела часть сырцово-кирпичной кладки стены. Верхний край цоколя совпадал с горизонтом давильных площадок, несколько приподнятых над земляным полом. Давильня, состоявшая из трех площадок и двух цистерн, в целом вписывалась в прямоугольник размером 4,50 × 4,20 *м*. Вследствие сильной осадки грунта по откосу площадки и сливы получили заметный

[26] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, стр. 372 сл.

[27] Н. И. Сокольский. Раскопки городища Кепы в 1961 г., стр. 54—55, рис. 20, *4*.

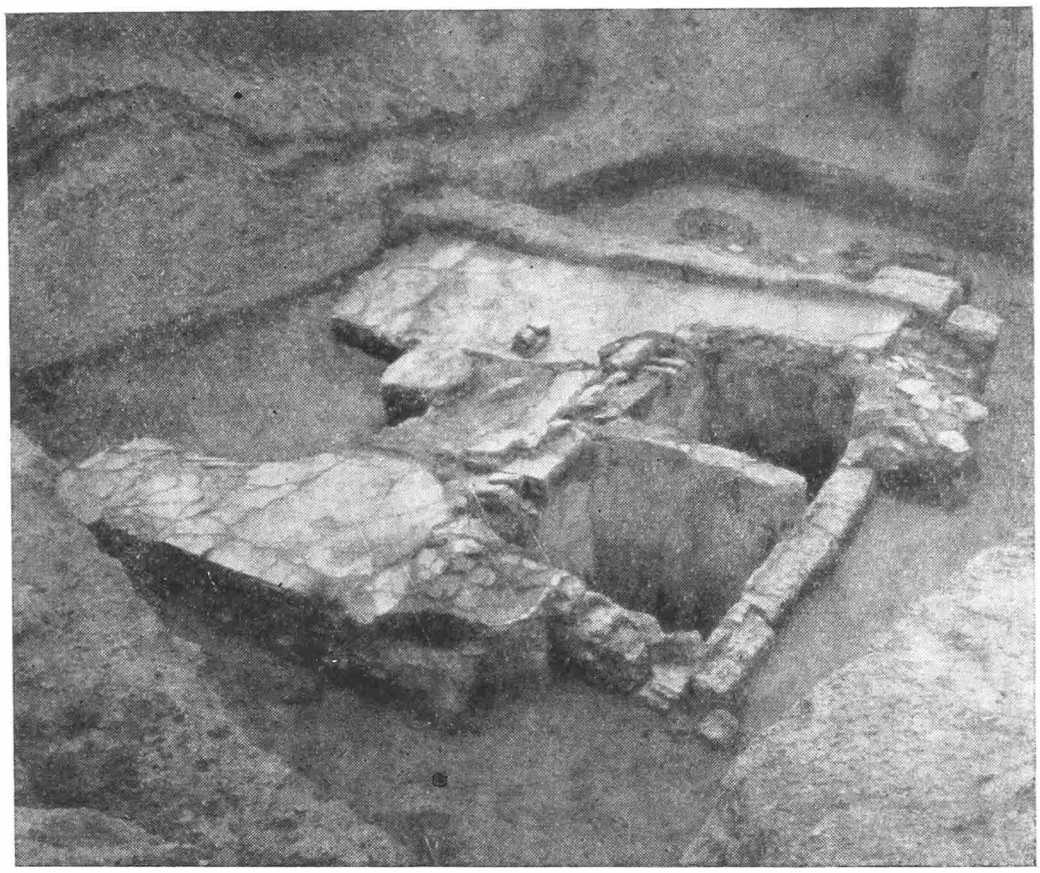


Рис. 9. Винодельня Кеп-3 (1-я половина I в. н. э.).

наклон в западном направлении. Основанием для площадок служили глиняная подушка и настил из мелкого камня, на который положен ровный и толстый (0,025 *м*) пласт прочной крупнозернистой красно-бурой цемянки. По основному слою нанесены дополнительные две-три более тонкие прослойки менее прочной цемянки. Площадки примыкали вплотную к стенкам винодельни; в местах примыкания углы были скруглены цемянковыми накладками, поднимавшимися на стену до высоты 0,20 *м*. Между площадками существовали перегородки, сложенные из мелких плиток и необработанных камней, поставленных на ребро и обмазанных с обеих сторон цемянкой.

Северная и южная площадки одинаковы по форме и размерам: длина их по внешним краям 3,95 *м*, ширина 1,55 *м*. С каждой из крайних площадок сквозь перегородку в цистерну вел проток диаметром 0,07—0,08 *м*.

Средняя площадка имела длину 2,35 и ширину 1,30 *м*. В западной ее части вмонтировано прямоугольное каменное ложе для пресса. От него сохранилась только часть плиты. Расчеты показывают, что ширина ложа составляла 1,18 *м*, толщина — 0,18 *м*. Оно было, видимо, квадратным и состояло не из одной плиты, а из точно пригнанных двух частей. По краю ложа имелся уступ глубиной 0,02 и шириной 0,11 *м*, что сближает его с прессами виноделен первых столетий нашей эры.

Со средней площадки по ее углам устроены протоки, ведущие в небольшие отсеки перед каждым из сливов; в отсеки выходили протоки и с крайних площадок. В результате со средней площадки сусло могло направляться в любую из цистерн, а с крайних — только в одну цистерну. Таким образом, система стока у этой винодельни более проста, чем у Кеп-1. Несомненно, что вначале виноград давился ногами на всех трех площадках и заполнял обе цистерны. Затем сусло из мезги, отжимавшейся прессом на ложе средней площадки, направлялось в одну из цистерн. Загрузка площа-

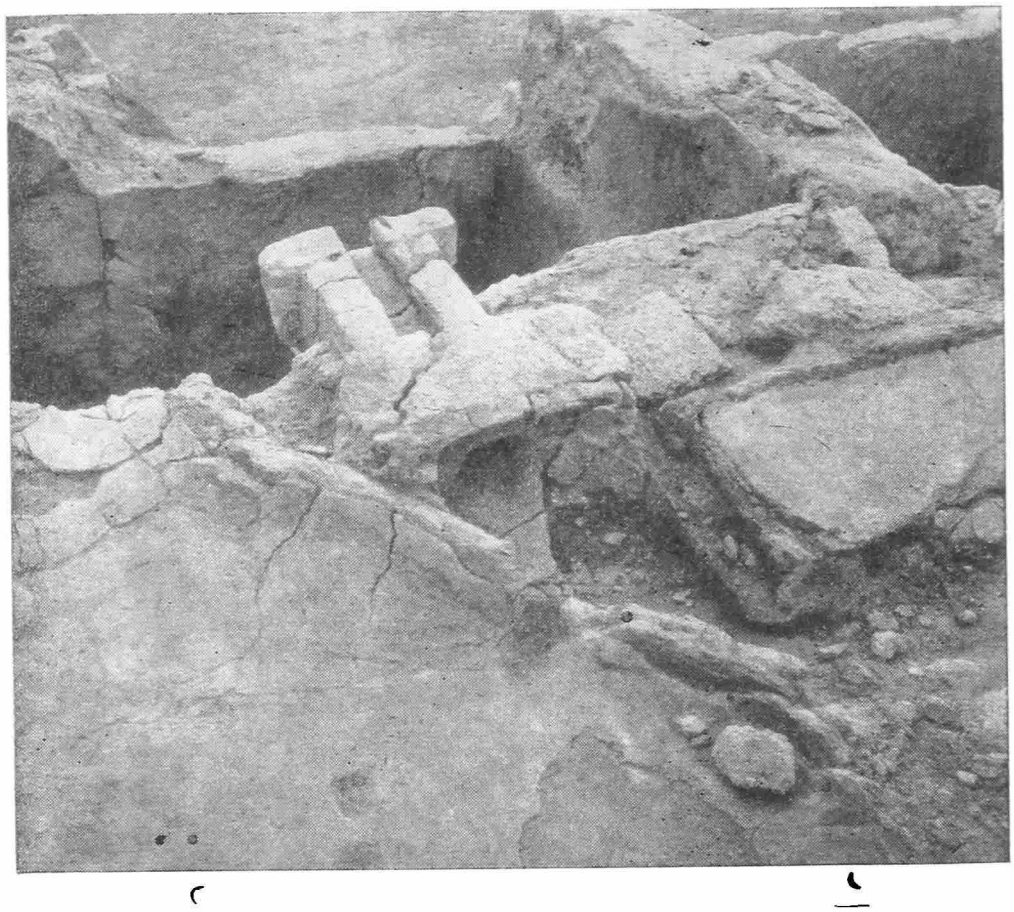


Рис. 10. Винодельня Кеп-3. Система слива

док виноградом происходила через суженные концы крайних площадок. Между площадками и цистернами существовала стенка шириной 0,30 *м* из тесаных камней, от которой сохранился лишь нижний ряд. По-видимому, эта стенка не была высокой и служила для предохранения цистерны с суслом от засорения.

Сливы представляли собой тщательно отесанные желоба из плотного ракушечника с расширяющимися, красиво оформленными концами, нависавшими над каждой из цистерн на 0,15 *м* (рис. 10).

Хорошо сохранившиеся цистерны подчеркивают общую монументальность всей винодельни. В плане они прямоугольны и имеют размеры 1,35 × 1,16 *м* при глубине 1,90 *м*. Емкость каждой из них составляет 2,8 $м^3$. Стенки толщиной 0,24—0,25 *м* сложены из отесанных плит ракушечника, поставленных на ребро в один ряд по ширине, и затем покрыты двумя слоями цемянки общей толщиной 0,03—0,04 *м*. Немного покатые днища в восточной части имели углубления в форме опрокинутого усеченного конуса с диаметрами 0,28 *м* (нижний) и 0,60 *м* (верхний), глубиной 0,28 *м*.

Как явствует из наличия каменного ложа, винодельня была снабжена прессом, вероятно рычажно-винтового типа. Скорее всего, гиря здесь была иной конструкции, чем у других боспорских виноделен, о чем можно судить по камню, найденному сверху на краю северной цистерны. Этот прямоугольный камень размером 0,38 × 0,37 × 0,18 *м* имел сквозное отверстие, переходившее с одной стороны в коническую выемку

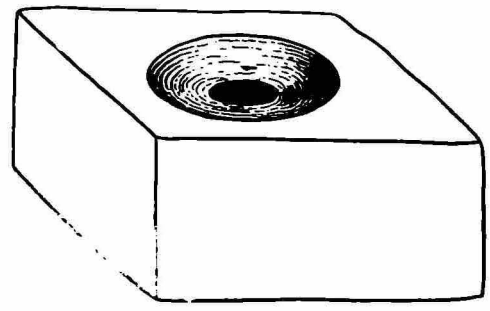


Рис. 11. Каменная гиря пресса от винодельни Кеп-3

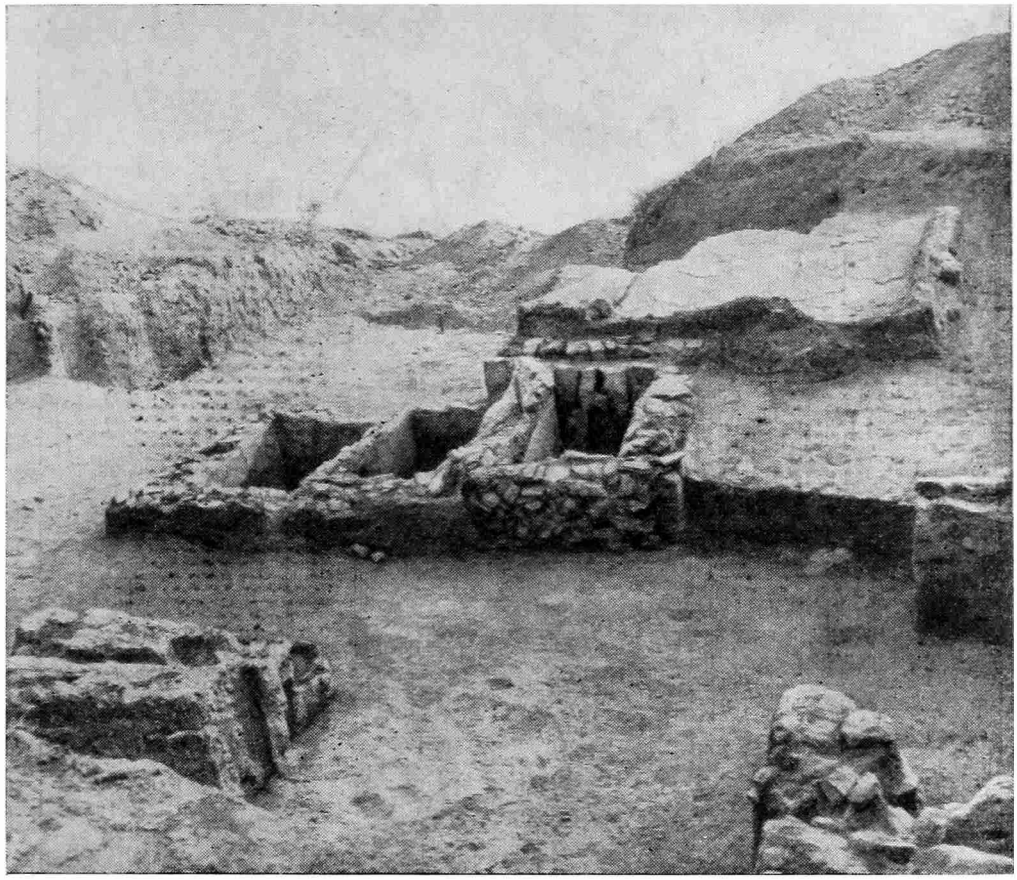


Рис. 12. Кепская винодельня III в. н. э. (Кеп-4)

(рис. 11). Несколько таких камней могли нанизывать на деревянный стержень, связанный с винтом, вмонтированным в свободный конец рычага. Гири подобной конструкции обнаружены в Херсонесе [28].

С северной стороны винодельни раскопана часть совершенно разрушенного складского помещения. Здесь обнаружен завал битых пифосов, а под ними — днища шести пифосов, размещенных в шахматном порядке. Если складское помещение имело размеры хотя бы такие же, что и винодельня, то в нем должно было помещаться примерно 20—25 пифосов — количество, близкое числу пифосов одной из херсонесских виноделен [29].

Винодельня Кеп-4 (рис. 12) раскопана в том же 1967 г. рядом с Кеп-3, но построена двумя столетиями позднее, т. е. в III в. В целом она типичное для Боспора сооружение I—IV вв. Устройство ее наиболее близко двум мирмекийским (М2; М3) и тиритакской (Т3) винодельням, описанным В. Ф. Гайдукевичем [30]. Кепская винодельня сильно разрушена, но сохранившиеся части дают о ней полное представление. Она была заключена в обширное здание с каменным фундаментом и сырцово-кирпичными стенами: ширина здания 6,20 *м*, длина — около 10 *м*. Западная часть его была занята давильными площадками и цистернами. Восточная имела земляной пол: сюда выходил конец рычажно-винтового пресса. Винодельня состояла из трех давильных площадок и трех соответствующих им

---

[28] Г. Д. Белов. Ук. соч., стр. 234, рис. 10.
[29] Там же, стр. 231, рис. 4.
[30] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, стр. 409 сл., рис. 54, 55, 56, 62, 63.

Рис. 13. Северная цистерна Кеп-4

цистерн, соединенных каменными сливами. Относительно хорошо сохранилась северная площадка длиной примерно 3 *м* и шириной 2 *м*. Судя по ее расположению, все площадки были равновеликими и прямоугольными. По наличию каменной гири, обнаруженной в 2 *м* к востоку от средней цистерны, можно предполагать, что здесь было некогда вмонтировано каменное ложе. Винодельня, видимо, эксплуатировалась длительное время и подвергалась неоднократному ремонту. Глубина всех цистерн, не считая пологих углублений, одинакова — 1,5 *м*. В плане они прямоугольны и имеют длину 1,50 *м*, но ширина их различна (0,66 и 0,74 *м*). Вместимость всех цистерн составляет 4,8 $м^3$. На месте сохранился только слив северной цистерны размером 0,50 × 0,35 × 0,22 *м*. Он выступает из стенки внутрь на 0,10 *м*. Видимо, для рассеивания мощной струи сусла на торце слива прорезаны два расходящихся к низу желобка, что составляет особенность данной винодельни (рис. 13). Особенность этой винодельни — наибольшая простота в системе стока сусла: здесь нет промежуточных отсеков, и каждая площадка связана только с одной цистерной. О наличии здесь рычажно-винтового пресса говорит огромная каменная гиря, в виде грубо отесанного параллелепипеда из плотного ракушечника (размером 1,43 × 0,70 × 0,70 *м*) с врезами для деревянной рамы. Реконструкцию прессов с гирями такого рода приводит Б. Ф. Гайдукевич[31].

С юга от давильни обнаружены остатки мощеного обширного помещения с несколькими пифосами для хранения вина.

Помимо четырех раскопанных виноделен можно предполагать наличие в Кепах, в том же районе, еще по крайней мере двух виноделен. Одна

---

[31] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, стр. 401 сл., рис. 47—49, 76.

из них (пятая) находилась рядом с винодельней Кеп-4 в период между I—III вв. и была разрушена, вероятно, во время постройки этой последней. Дело в том, что мощение подсобного помещения с северной стороны винодельни Кеп-4 в значительной степени было сделано из фрагментов цемянки, которая не могла принадлежать ни одной из раскопанных виноделен. Шестую винодельню предположительно следует поместить примерно в 60 *м* к востоку, на огороде В. Н. Лебедя, где есть место, примерно равное по величине давильным площадкам. Здесь не приживаются деревья, и при земляных работах в 1961 г. был случайно найден каменный массивный слив от винодельни (рис. 14), отличающийся формой от уже известных из раскопок.

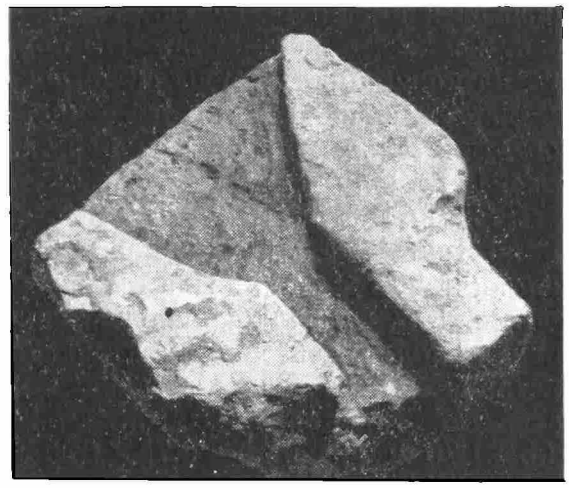


Рис. 14. Каменный слив винодельни. Кепы

На основании вышесказанного можно предполагать, что в Кепах с эллинистической эпохи виноделие развивается как ремесленное производство, т. е. не только для собственного потребления в семье виноградаря, но и для сбыта на рынке. С I в. до н. э. производство вина увеличивается. Винодельни сосредоточиваются на западном краю верхнего плато городища. Здесь в течение I в. до н. э. — III в. н. э., а возможно, и в IV в. существовал винодельческий квартал, кепский Ленайон [32].

Производство вина для вывоза на далекие расстояния требовало значительного производства амфор. Между тем в Кепах, хотя и встречен тип местной амфоры, большого количества подобной тары не производилось. Поэтому следует думать, что кепские винодельни обслуживали в основном местный городской рынок. Вино хранилось на складах в пифосах, количество которых в городе, судя по материалам раскопок, было очень большим, а разливалось в амфоры, поступавшие с вином и маслом из других античных центров, или же в амфоры, изготовленные в других боспорских городах.

В 1964 г. к югу от Фанагории, в районе станицы Стеблиевской, на берегу лимана была случайно обнаружена и частично исследована винодельня.

Важным виноградарско-винодельческим районом была северо-западная часть Таманского полуострова (Фанталовский полуостров). Помимо упомянутых выше двух виноделен Патрасия здесь, на обширном городище Батарейка I, зафиксирована целая серия виноделен (рис. 15). Еще при разведках 1957 г. на краю берегового обрыва был обнаружен угол давильной площадки винодельни [33] площадью 1,5 $м^2$. Сооружение было разрушено при обвале берега, размываемого волнами Денского залива. Эта винодельня (Бт. I-1) относилась к позднеантичной эпохе (III—IV вв.). В 1961 г. поле, на котором расположено городище Батарейка I, подверглось вспашке плантажным плугом на глубину 0,80—0,90 *м*, а в некоторых местах до 1 *м*. При этом были разрушены в основном позднеантичные слои городища. Поле покрылось вывороченными камнями фундаментов и вымосток, желтыми комьями разрушенных сырцово-кирпичных стен, огромным количеством фрагментов керамики и других вещей, среди которых преобладали куски

[32] Квартал виноделов Ληναιον существовал в Афинах (W. Judeich. Topographie von Athen. München, 1931, стр. 295); название происходит от греческого слова ληνός означающего чан или виноградную давильню.

[33] Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, 1, стр. 179.

пифосов и амфор I—IV вв.[34]. Но наиболее важным было обнаружение восьми виноделен. Плантажный плуг задел давильные площадки и вывернул на поверхность груды обломков цемянки. Одна из виноделен, которой мы даем шифр Бт. I-2, расположенная в 110 *м* к северо-востоку от крепости и в 15 *м* к северу от берега Денского залива, была раскопана[35] (рис. 16).

Судя по остаткам фундамента, винодельня Бт. I-1 представляла собой прямоугольное здание размером 5 × 10,40 *м* (рис. 17). Северо-восточная половина, где должна была находиться гиря пресса, сохранила остатки вымостки. Юго-западная половина занята давильней, состоящей из трех давильных площадок, двух малых боковых вспомогательных площадок и двух цистерн. Хотя площадки значительно повреждены, их план, размеры и устройство вполне ясны: они прямоугольны, крайние имеют размеры 3,05×1,70 *м*, средняя — 2,75×1,30 *м*. Площадки разделены стенками толщиной 0,14—0,15 *м*, сложенными из мелких подтесанных кусков известняка, обмазанных цемянковым раствором. Перегородки сохранились только в своей нижней части. Винодельня была оборудована прессом и, вероятнее всего, рычажно-винтовым, хотя гири от него не обнаружено. Это неудивительно, поскольку весь полезный камень из винодельни выбран. Между средней площадкой и цистернами перед сливами располагались две маленькие (0,60×0,20 и 0,55×0,20 *м*) углубленные площадки, напоминающие корытца; между этими корытцами сделана глухая стенка, и каждое из них сообщалось только с одной цистерной. Проемами в перегородке средняя давильная площадка соединялась с обоими корытцами, а следовательно, с обеими цистернами (рис. 16, *2*), в то время как крайние давильные площадки соединялись только с одной ближайшей цистерной. Таким образом, система отжима винограда и стока сусла в цистерны аналогична системе

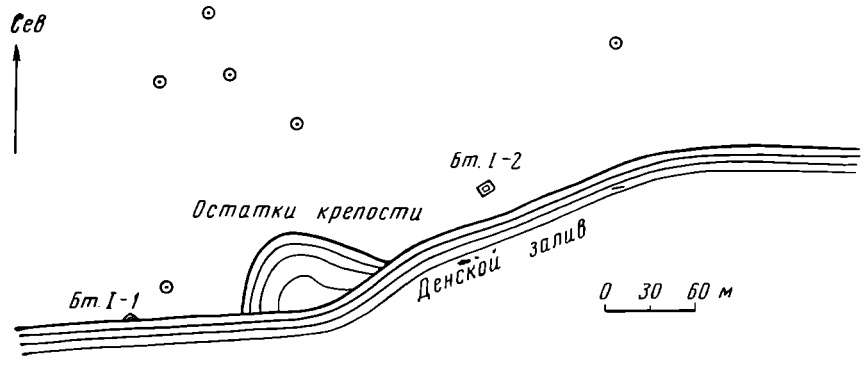


Рис. 15. Схема расположения виноделен на городище Батарейка I

винодельни Кеп-3. Эти корытца, как и в винодельнях Кеп-1 и Кеп-3, играли роль распределителей и фильтров. Сусло поступало в цистерны через каменные сливы, вмонтированные в край стенки цистерны в наклонном положении так, что конец слива нависал над цистерной на 0,14 *м*. Слив сделан из плотного известняка и имеет желоб фигурного сечения. Обе цистерны имели одинаковые размеры (1,65×1,40 *м*), глубина их 0,90 *м*. Покатое

[34] Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1961 г. Архив ИА АН СССР, стр. 59—61.

[35] Там же, стр. 61—68; нераскопанным виноделням шифра пока не присваивается.

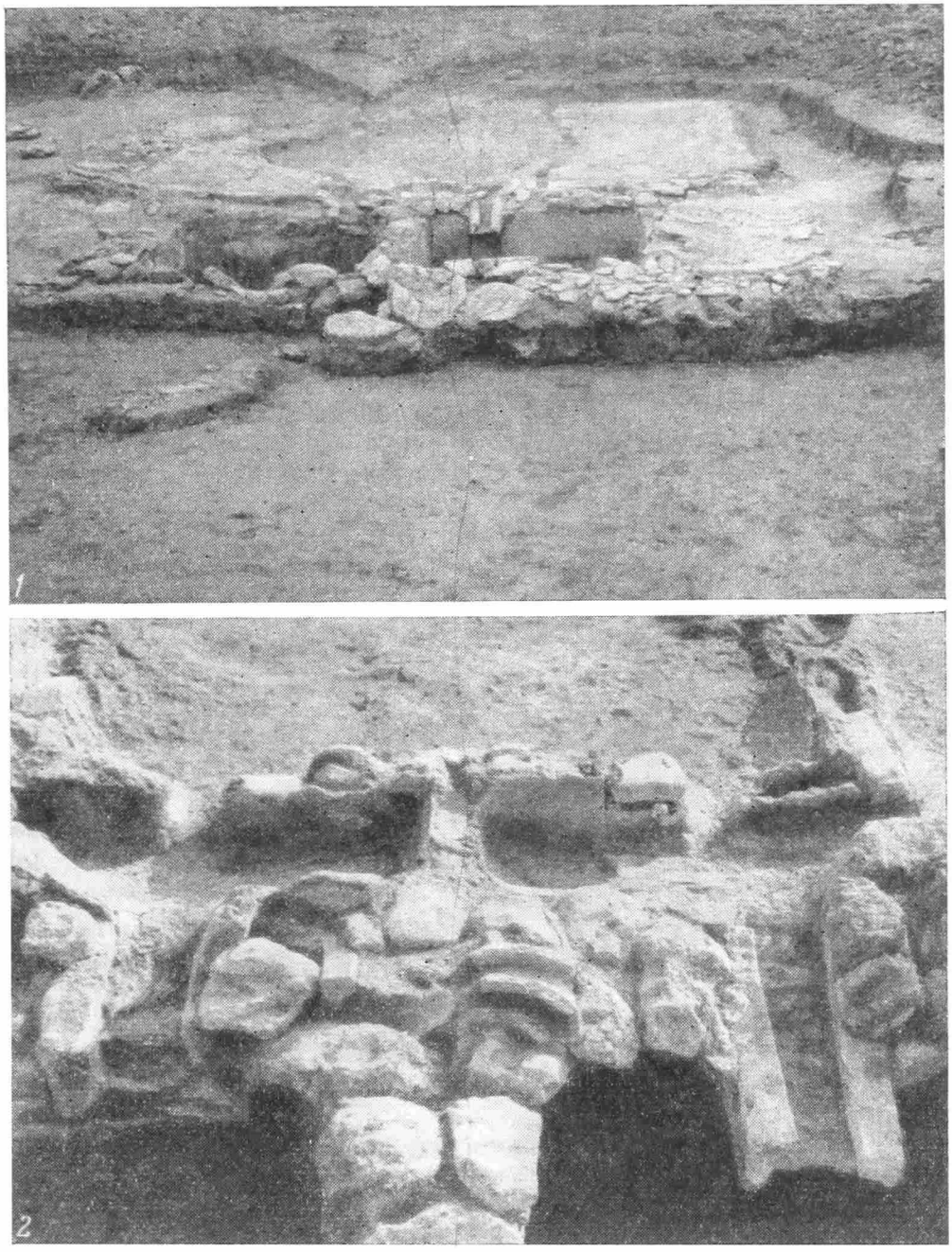


Рис. 16. Винодельня I в. н. э. Бт. I-2
1 — общий вид остатков; *2* — система сливов

дно плавно переходило в углубление (0,13 *м*). Цистерны обеспечивали единовременный сбор 4140 *л* сусла. Хорошая сохранность их помогла выявить важную конструктивную деталь: по внутреннему краю цистерн проходил небольшой выступ, создававший сверху «площадку» шириной 0,04 *м*, служившую, видимо, для опоры деревянной крышки.

Давильные площадки были отделены от цистерн каменной перегородкой, проходившей от одной стены винодельни до другой. Если общая схема устройства винодельни Бт. I-2 очень близка с Кеп-3, то в этом пункте у них значительное различие, ибо в Кеп-3 вспомогательные рабочие площадки не выделены. На Бт. I-2 они имели размеры 2,00×0,90 *м*. Подобные площадки известны и у ряда боспорских виноделен на Керченском полуострове. Особенностью же описываемой винодельни является то, что ее боковые площадки переходили в узкую (0,60 *м*) площадку, протянувшуюся вдоль всего восточного края цистерн. Таким образом, вокруг цистерн существовала сплошная цемянковая платформа, что для боспорских виноде-

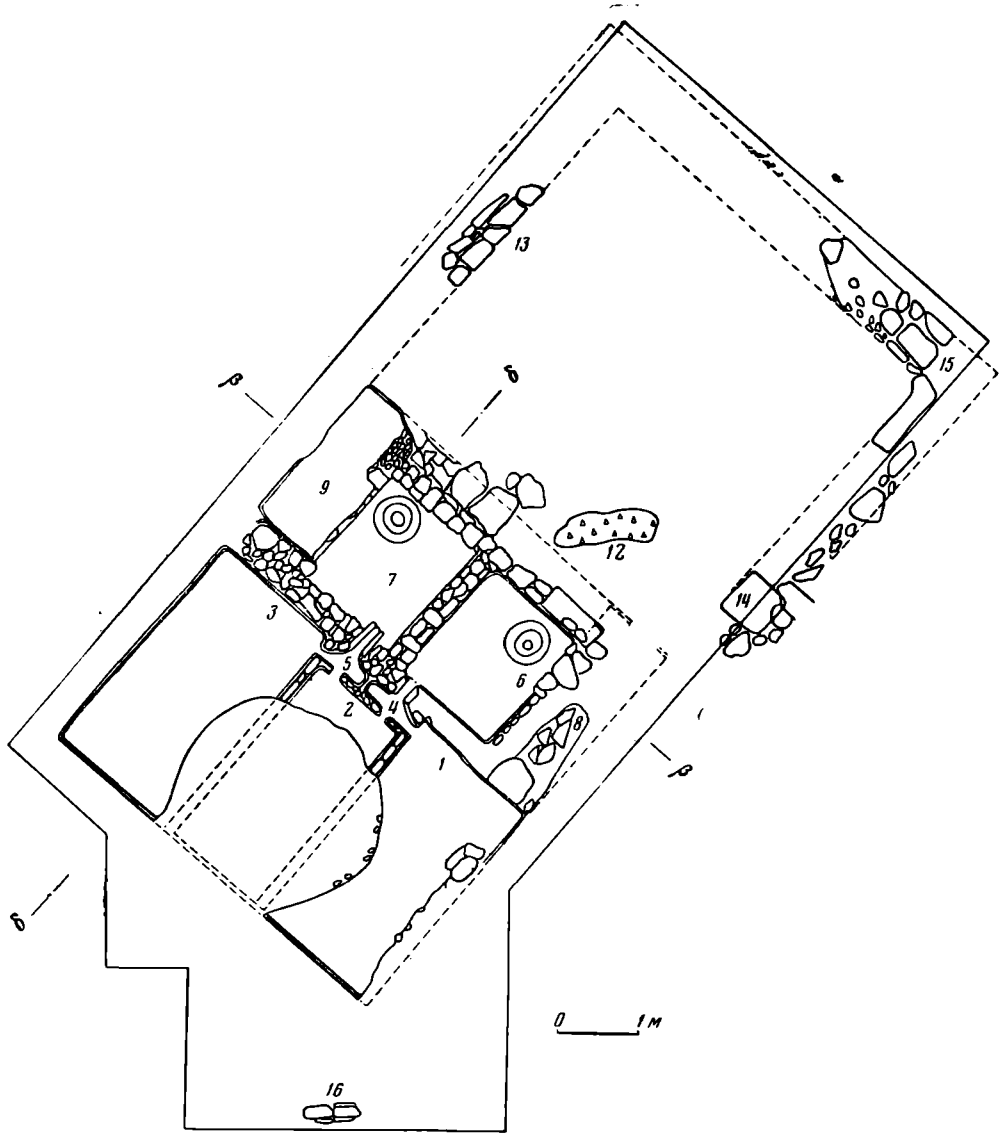


Рис. 17. Винодельня Бт. I-2. План

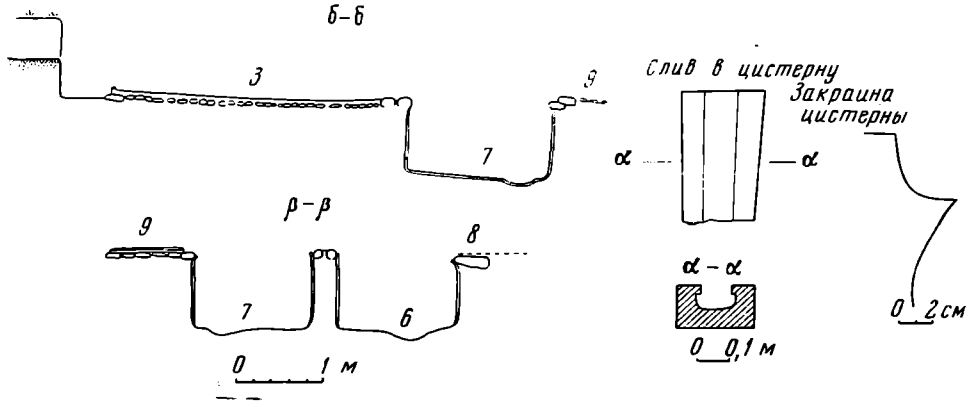


Рис. 18. Винодельня Бт. 1-2. Сечение

лен фиксируется впервые. Видимо, и у некоторых других виноделен было аналогичное устройство, о чем говорит, например, тот факт, что края боковых площадок у них выходят за линию цистерн[36].

Винодельня относится к I в. н. э. Это подтверждается близостью ее устройства винодельне Кеп-3, хотя последняя имеет более монументальный вид и лучшее качество конструкции.

Таким образом, из 9 виноделен городища Батарейка I одна относится к I в. н. э., другая — к III—IV вв.; остальные не исследованы, но, судя по глубине залегания и фрагментам керамики, часть из них также датируется позднеантичной эпохой. Следует сказать, что на этом городище интенсивная жизнь имела место с конца I в. до н. э. до IV в. н. э. И в течение всего отмеченного времени здесь процветали, вероятно, виноградарство и виноделие, игравшие значительную роль в экономике данного района.

Добавим, что на городище Каменная Батарейка, расположенном в 4 *км* к югу от городища Батарейка I, за Денским заливом, при плантажной вспышке также были разрушены три винодельни первых столетий нашей эры (две в южной части городища, одна в северной)[37], а на городище Красноармейское, вблизи станицы Запорожской, куски розовой цемянки от виноделен встречались во всех слоях, от I в. н. э. до средневековья[38]. Отдельные фрагменты розовой цемянки попадались и при раскопках крепостей на городище Батарейка II[39], где помимо того, в одном из помещений обнаружены обуглившиеся, но сохранившие форму плоды винограда[40]. К сожалению, это городище за пределами крепости еще не раскапывалось.

О виноделии в этом районе до I в. до н. э. нам почти ничего не известно, поскольку поселения раннего времени здесь исследованы мало. Интенсивное развитие виноделия с I в. н. э. в северо-западной части Таманского полуострова, видимо, было основной причиной, вызвавшей развитие собственного гончарного производства. В 1965 г. на городище Патраэй (или Патрасий) была раскопана большая печь для обжига керамики III в. Главной продукцией для обжига в этой печи были амфоры[41]. При раскопках городищ северо-западной части Фанталовского полуострова выделены местные типы амфор I в. н. э., производство которых, видимо, сосредоточивалось на поселении Батарейка II, где обнаружены большое количество стенок обжигательных печей и керамических шлаков, а также фрагменты подставок для обжига амфор[42].

Приведенные материалы расширяют наши представления как о размахе боспорского виноделия, так и о его технической стороне. Вновь раскопанные памятники дают новые сведения о деталях устройства виноделен и различных вариантах. Несмотря на сходство ряда виноделен определенного времени, все они имеют те или иные особенности. Наиболее полно раскопанные сооружения показывают, что винодельня не ограничивалась только зданием давильни, а представляла собой целый хозяйственный комплекс, включающий обслуживающие помещения, в том числе хранилища с пифосами. Важно отметить, что винодельни группируются на определенных участках городов и поселений, что наводит на мысль о профессиональных объединениях виноделов.

---

[36] В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, рис. 54 (винодельни М2 и М3).

[37] Н. И. Сокольский. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1962 г. Архив ИА, стр. 106.

[38] Там же, стр. 58, 60, 62.

[39] В. С. Долгоруков. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 122.

[40] Н. И. Сокольский. Крепость на поселении Батарейка II. КСИА АН СССР, 109, стр. 114, рис. 42, *1*.

[41] Н. И. Сокольский. О керамическом производстве в азиатской части Боспора. КСИА АН СССР, 116, 1969, стр. 63—66.

[42] Н. И. Сокольский. Крепость на поселении Батарейка II, стр. 114; В. С. Долгоруков. Ук. соч., стр. 122—123.

На территории азиатской части Боспора к настоящему времени исследовано или обнаружено 29 виноделен, относящихся к периоду I—IV вв. н. э., не считая находок, указывающих на наличие виноделен на городищах Красноармейское и Батарейка II. Это превышает число всех виноделен, открытых на Керченском полуострове [43]. Но если мы учтем, что 10 виноделен Керченского полуострова относятся к эллинистической эпохе (III—I вв. до н. э.), то количество виноделен азиатского Боспора I—IV вв. н. э. почти вдвое превосходит показатели его европейской стороны в тот же период. В районе Горгиппии о наличии виноградарства свидетельствуют находки виноградарских ножей I в. до н. э. [44] и уже упоминавшегося тарапана. В 1969 г. в Горгиппии (Анапа) обнаружена и винодельня.

Понимая всю относительность этих цифр, можно тем не менее сделать некоторые предварительные выводы. Виноградарство и виноделие в азиатской и европейской частях Боспора начинает развиваться еще в VI в. до н. э., но до начала эпохи эллинизма они не занимают большого места в хозяйстве и экономике греческих колонистов. На первых порах развитие этой отрасли деятельности европейская часть государства обгоняет азиатскую. В эпоху эллинизма, несмотря на явные успехи виноградарства и виноделия в обоих районах Боспора, превосходство все же остается за его европейской стороной [45]. Видимо, виноделие на Керченском полуострове стимулировалось расположением здесь столицы, Пантикапея.

С I в. до н. э. положение стало меняться. Центр тяжести в производстве вина переместился в азиатский Боспор. Это не вызывалось конкуренцией между двумя частями государства, а было обусловлено общей экономической направленностью обоих районов. В целом же интенсивное развитие виноградарства и виноделия на Боспоре, начиная с эпохи эллинизма, было вызвано сокращением торговли со Средиземноморьем, в частности торговли хлебом, что привело к уменьшению импорта вина и соответственно к необходимости более усиленного развития собственного виноградарства и виноделия, а вместе с ними и керамического производства.

N. J. Sokolsky

L'INDUSTRIE VINICOLE DANS LA PARTIE ASIATIQUE DU BOSPHORE

Résumé

Dans son travail publié en 1958 et consacré à l'industrie vinicole au Bosphore, V. F. Gaidoukévitch a considéré 29 ateliers de vinification dont 25 ont été découverts dans la Péninsule de Kertch. A l'heure actuelle 29 ateliers pour le moins ont été mis au jour dans la Péninsule de Taman seulement. Ges ateliers tout comme les autres matériaux (amphores, couteaux de vendange, cuves en pierre dans lesquells le foulage du raisin était mécanisé, etc.) permettent de conclure que dans les parties asiatique et européenne du Bosphore, la culture de la vigne et l'industrie vinicole ont commencé à se développer à partir du VI-e siècle avant notre ère; mais ce n'est qu'à partir de l'époque hellénique que ces branches ont commencé à jouer un sérieux rôle dans l'économie. Le rôle principal revenait alors à la région de Panticapée. Au cours des premiers centenaires de notre ère, la partie asiatique du Bosphore devenait probablement la plus importante quant à la production des vins.

Les ateliers bien conservés de Kepoï, sur la gorodichtché Bataréïka I et autres, montrent que c'étaient des productions importantes pour l'Antiquité. Les ateliers se distingaient par des détails de construction. Les plus répandus étaient les ateliers à trois terrains de foulage et à trois (parfois à deux) citernes qui pouvaient contenir de 4000 à 6000 litres de moût; les fouloirs étaient munis de presses à levier et à vis. Dans les villes et les grandes agglomérations, les ateliers de vinification étaient situés en des points déterminés formant ainsi des quartiers industriels.

[43] Помимо 25 виноделен, перечисленных в работе В. Ф. Гайдукевича, две винодельни были открыты в Пантикапее в 1959—1960 гг., т. е. всего 27.

[44] Ю. С. Крушкол. Античное здание в районе Горгиппии. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 214, 216, рис. 2, *2*.

[45] Отметим, что в Мирмекии была найдена надгробная надпись IV—III вв. до н. э. в честь винодела Гекатея (КБН, № 117).

И. К. ЛАБУТИНА

ЛЕТОПИСНЫЕ ДАННЫЕ XIV в. О КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ПСКОВА

Фактически мы не знаем ранней истории псковских укреплений, хотя попытки археологического их изучения и предпринимались [1]. Нуждается в дальнейшей детализации и история оборонного зодчества Пскова XIV—XVI вв.

В предлагаемой статье делается попытка систематического обзора летописных свидетельств XIV в., касающихся объектов крепостного строительства в Пскове. Этот обзор дается главным образом с точки зрения топографии указанных объектов, что в свою очередь может способствовать решению ряда общих вопросов истории фортификации Пскова.

Первые записи о городском строительстве в псковских летописях относятся к XIV в., хотя летописание в Пскове, как установлено А. Н. Насоновым, началось еще в XIII в. [2]. С 1309 г., когда «Борис посадникъ съ плесковичи заложи стеноу плитяну от св. Петра и Павла к Великой реке» [3], летописцы старались регулярно отмечать каждый акт крепостного строительства.

Однако нельзя быть уверенным в том, что даже подробные свидетельства летописи являются исчерпывающими. В записях XIV в. не зафиксирована, например, постройка деревянной стены вокруг посада, о которой мы узнаем лишь при упоминании о строительстве новой, каменной стены в 1380 (1375) г. [4]. Нет данных и о возведении каменных стен вдоль рек Великой и Псковы, о ремонте которых имеются, однако, сообщения за 1401—1402 [5] и 1404 гг. [6]. И все-таки летописный материал позволяет восстановить общие контуры псковской крепости в XIV в. и отдельных ее частей.

XIV век не был веком рождения псковской крепости. К этому времени она успела уже приобрести достаточно прочную славу. О существовании крепости Пскова в XI—XIII вв. можно судить по косвенным данным и кратким упоминаниям ряда источников:

---

[1] С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, XXXV, стр. 28. Остатки предполагаемых крепостных укреплений VIII — первой половины XIII в. были вскрыты на сравнительно небольшом участке, что заставляет интерпретировать их с осторожностью. П. А. Раппопорт и Г. П. Гроздилов на основе работ С. А. Таракановой считают, что в X в. крепость в Пскове уже существовала. П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, МИА, 105, 1961, стр. 81; Г. П. Гроздилов. К вопросу о топографии древнего Пскова. АСГЭ, 6, Л., 1964, стр. 141.

В конце 50-х — начале 60-х годов экспедицией Гос. Эрмитажа обследовались крепостные сооружения в юго-западной части Домантовой стены. Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 148, рис. 7, а позднее — в юго-восточной ее части; В. Д. Белецкий. Работы Псковской археологической экспедиции 1967 г., Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1967 г., Л., 1968.

В 1968 г. новые данные о крепостных укреплениях Крома были получены при археологических раскопках, связанных с реставрацией его восточной стены (рук. М. Х. Алешковский).

[2] А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. ИЗ, 18, 1946, стр. 288, 292.

[3] ПЛ, М., 1941, стр. 14; II, М., 1955, стр. 22, 88.

[4] Там же, стр. 23; II, стр. 29, 105.

[5] Там же, стр. 26—27; II, стр. 31, 110.

[6] Там же, стр. 27; II, стр. 31, 110.

1065 г.— «... Князь полотьскыи Всеславъ, събравъ силы своя многыя, прииде ко Пскову, и много тружався съ многыми замыслении и пороками шибавъ, отъиде ничтоже оуспевъ» [7].

1240 [8] — «...Братья-рыцари разбили свои палатки перед Псковом на красивом поле... Русские заметили то, что многие отряды намереваются штурмовать как замок (burc), так и посад (stat)» [9].

1269 — «... русские собственными руками дотла сожгли город (stat) и в тот же час вошли в свой замок (burc), который был хорош и русскими прекрасно охранялся» [10].

Уже эти данные позволяют говорить о наличии укреплений детинца в середине XIII в. Во второй половине XIII в. была, вероятно, построена и Домантова стена — следующий пояс укреплений псковской крепости, о котором сообщало устное псковское предание [11].

Были ли эти укрепления к началу XIV в. каменными? Н. Н. Воронин писал о существовании каменного кремля в Пскове к началу XIV в. (Древнерусские города, 1945, стр. 47), а М. Н. Тихомиров — о существовании каменной Довмонтовой стены во второй половине XIII в. (Древнерусские города, 1956, стр. 390).

Полностью исключать такую возможность, как это делают некоторые авторы [12], на наш взгляд, нельзя. Гипотеза о наличии каменной крепости в Пскове в XIII в. подкрепляется примерами каменного крепостного зодчества в Новгородской земле во второй половине XIII в. [13], в немецких и датских владениях, в соседней с Псковом Прибалтике [14]. Большое значение для решения этого вопроса имеют дальнейшие археологические раскопки. Некоторую ясность может внести и ретроспективный анализ летописных известий XIV в. о крепостных сооружениях.

В летописных известиях, относящихся к XIV в., встречаются следующие топографические наименования, связанные с крепостными стенами [15]:

стена плитяна от святого Петра и Павла к Великой реке — 1309 [16],

---

[7] ПЛ, II, стр. 18; в 1066 г. Всеслав взял Новгород. НПЛ, М.— Л., 1950, стр. 17. Первоначальный источник сообщения неизвестен. Язык сообщения, очень близкий другим описаниям осад Изборска и Пскова (1323 г., 1369 г. и др.) выдает позднюю редакцию. Об этом же говорит и упоминание пороков. Но сам факт обороны Пскова, упомянутый и Новгородской 4-й летописью (ПСРЛ, IV, I, в. 1, стр. 122) сомнения не вызывает.

[8] Эта дата, как и следующая — 1269 г., устанавливается при сравнении с русскими источниками.

[9] Ю. К. Бегунов, И. Э. Клейненберг и И. П. Шаскольский. Письменные источники о Ледовом побоище, Ледовое побоище 1242 г., Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, М.— Л., 1966, стр. 206—207, V. 2139—2140, 2149—2151

[10] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 84. Западные источники замками обычно называют детинцы (кремли) русских крепостей. П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 228; Ю. К. Бегунов и др. Ук. соч., стр. 207, прим. 34; Путешествие Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы, «Университетские известия», 8, Киев, 1873, стр. 23, 27.

[11] M. Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystskiey Rusi, Warszawa, 1846, 1, стр. 323.

[12] В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в., М., 1962, стр. 92, 189.

[13] В 1280 г. тесть Довмонта — князь Димитрий Александрович строит каменную крепость в Копорье (НПЛ, стр. 323, 456), позже разрушенную и возобновленную в 1297 г. (ПСРЛ, IV, 1, 1, Пг., 1915, стр. 249).

[14] A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat, 1942.

[15] Соблюдается хронологический порядок наименований, как и в дальнейшем, при толковании их. За основу берутся хронология и написание I псковской летописи, варианты двух других летописей отмечаются в применении, варианты в хронологии отмечены обычными скобками.

[16] 1309 — ПЛ, I, стр. 14; II, стр. 88; стена камена от святого Петра и Павла к Великой реце — ПЛ, II, стр. 22.

детинец — 1320, 1337, 1386 [17],
Застение — 1320, 1336 [18],
Городец — 1336, 1339 [19],
город, град — 1337, 1386 [20],
перси — 1337, 1393, 1394 [21],
два костра камена в Торгу — 1377 [22],
старая стенка — 1380 (1375) [23],
4-я стена каменная — 1380 (1375 [24]),
Домантова стена — 1383, 1385, 1388, 1395, 1396, 1398 [25],
старый костер — 1384 [26],
новая стена на приступе — 1387 [27],
три костра каменных у новой стены на приступе — 1387 [28],
Крем (Кром) — 1393, 1394 [29],
костер на Василиеве горке — 1396 (1397) [30],
приступная стена — 1397 [31],
костер на приступной стене с Великой реки — 1397 (1398) [32],
костер на приступной стене на Лужищи — 1397 (1398) [33],
костер на приступной стене на Пскове на оугле — 1397 (1398) [34],
старая стена на приступе — 1399 (1400) [35],
новая стена к старой стене на приступе — 1399 (1400) [36],
костер на Незнанове горке — 1399 (1400) [37],
костер Лужких (Лускых) ворот — 1399 (1400) [38],
костер у Куминых ворот — 1399 (1400) [39].

Стена плитяная (каменная) от Петра и Павла к Великой реке, заложенная посадником Борисом и псковичами в 1309 г.,— первый объект крепостного строительства, о сооружении которого упоминают псковские летописи. В сообщении 1309 г. содержится важная информация о строительном материале и местоположении стены. Плитой и сейчас псковичи называют светло-серый девонский известняк, добываемый в окрестностях Пскова. Сохранившиеся крепостные стены сложены из обработанных плит

[17] 1320 — ПЛ. I, стр. 14; II, стр. 22, Детинец — II, 88; 1337—I, стр. 17, II, стр. 24, 92; 1386—I, стр. 24, Детинец — II, стр. 29, Детинец — II, стр. 106.

[18] 1320 — ПЛ, I, стр. 14; II, стр. 22, Застенье — II, стр. 88; 1336 — ПЛ, I, стр. 17; II, стр. 24, Застенье — II, стр. 92.

[19] 1336 — ПЛ, I, стр. 17; II, стр. 24; Горотеч — II, стр. 92; 1339 — ПЛ, II, стр. 24.

[20] 1337 — ПЛ, I, стр. 17; II, стр. 24, 92; 1386 — ПЛ, I, стр. 24; II, стр. 29, 106.

[21] 1337 — ПЛ, I, стр. 17, персии — II, стр. 24, персе (персеи) — II, стр. 92; 1393 — перси..., стеную — ПЛ, I, стр. 25, перси..., стеноу каменоу — II, стр. 29, перши..., стеноу каменоую — II, стр. 107; 1394 — ПЛ, I, стр. 25, перши — II, стр. 107.

[22] 1377 — ПЛ, I, стр. 24; II, стр. 106.

[23] 1380 — ПЛ, I, стр. 23; 1375 — II, стр. 105, старая стена — II, стр. 29.

[24] 1380 — ПЛ, I, стр. 23; 1375 — II, стр. 29, четвертая стена плитяная — II, стр. 105.

[25] 1383 — ПЛ, I, стр. 24, Стена — II, стр. 29, стена — II, стр. 106; 1385 — ПЛ, I, стр. 24, стена —II, стр. 106; 1388 — ПЛ, I, стр. 24; II, стр. 29, стена — II, стр. 106; 1395—ПЛ, I, стр. 26; II, стр. 30, 108; 1396—ПЛ, I, стр. 25; II, стр. 30, Домонтова стена — II, стр. 108; 1398 — ПЛ, I, стр. 26; II, стр. 30, Домонтова — II, стр. 109.

[26] 1384 — ПЛ, I, стр. 24; II, стр. 106, Старый — II, стр. 29.

[27] 1387 — ПЛ, I, стр. 24; II, стр. 29, 106.

[28] Там же.

[29] 1393 — ПЛ, I, стр. 25; II, стр. 29, 107; 1394 — ПЛ, I, стр. 25; II, стр. 107.

[30] 1396 — ПЛ, I, стр. 25, на Васильеве горке — 1397 — II, стр. 30, 108.

[31] 1397 — ПЛ, I, стр. 25; II, стр. 108.

[32] 1397 — ПЛ, I, стр. 25, с Великие рекы — II, стр. 108; 1398 — на оугле с Велпкыя реки — II, стр. 30.

[33] 1397 — ПЛ, I, стр. 25, на Лоужищи (Лужицы) — II, стр. 108; 1398 — II, стр. 30.

[34] 1397 — ПЛ, I, стр. 25, со Пскове на оугле — II, стр. 108; 1398 — от Псковы на оугле — II, стр. 30.

[35] 1399 — ПЛ, I, стр. 26; II, стр. 109; 1400 — II, стр. 30.

[36] 1399 — ПЛ, I, стр. 26; II, стр. 109; 1400 — стр. 30.

[37] 1309 — ПЛ, I, стр. 26, на Незнанове горе — II, стр. 109; 1400 — II, стр. 30.

[38] 1399 — ПЛ, I, стр. 26, Лоужьских (Лужских) — II, стр. 109; 1400 — Лужскых, II, стр. 30.

[39] 1399 — ПЛ, I, стр. 26, Коуминых — II, стр. 109; 1400 — II, стр. 30.

такого известняка. В начале XIV в. в Пскове имелась, по-видимому, лишь одна церковь св. Петра и Павла, упомянутая впервые под 1299 г. в связи с разгромом возле нее немцев [40]. В 1373 г. церковь Петра и Павла была перенесена в другое место [41], где находится и сейчас. Можно предполагать, что нынешнее ее местонахождение — на краю надпойменной террасы левого берега р. Псковы — отстоит недалеко от первоначальной церкви Петра и Павла, стоявшей, как известно, «на брезе» (1299 г.). Следовательно, стена 1309 г., проходя от левого берега Псковы до правого берега Великой, защищала посад с напольной стороны. Летописи не сообщают о сооружении стен вдоль берегов рек, между стеной 1309 г. и Домантовой стеной, но первые известия об этих стенах, относящиеся к началу XV в., позволяют говорить, что они были выстроены из камня в XIV в. [42]. О кострах в стене 1309 г. мы имеем скудные сведения. Это упоминание старого костра под 1384 г. (см. ниже). О существовании других костров (наугольных), определенно построенных еще в XIV в., известно из свидетельства 1401 г. о Бурковских воротах и костре на берегу Великой [43] и 1433 г. — о разборке старого костра у церкви Петра и Павла [44]. Направление стены 1309 г. передано на плане 1740 г. цепочкой улиц, проходящих от Бурковских ворот к берегу р. Псковы, рис. 1, *I* от № 99 (церковь Петра и Павла) к № 53 (Плоские-Бурковские ворота) [45]. По-видимому, все три названных костра стояли у ворот. Не исключена возможность существования четвертого костра [46]. Остатки фундамента стены 1309 г. были обнаружены при земляных работах на нынешней Профсоюзной улице [47].

Одним из наиболее ранних в летописных записях XIV в. является топоним «детинец». Принятой в псковских летописях формулой под 1320 и 1386 гг. сообщается об избавлении его от пожара: «толко детиньца святая троица оублюде въ вижу» [48], «толко сущи богъ святая троица детиньца оублюде» [49].

Под 1337 г. помещено известие об устройстве персей и детинца («оучиниша» — I псковская летопись [50], «приделаша» — II псковская летопись [51], «починиша» — III псковская летопись [52]). Ничего не сказано о строительном материале, характер которого не выясняется и анализом примененных глаголов. Однако термины «приделаша», «починиша» позволяют говорить о размерах работ: в 1337 г. происходило не новое строительство, а крупный ремонт персей, возможно, сооружение приклада. Употребление глагола «учинити» для обозначения строительства приклада или обновления постройки не раз встречается в летописи [53].

---

[40] ПЛ, I, стр. 14; II, стр. 22.

[41] ПЛ, I, стр. 23; II, стр. 28, 105.

[42] 1401 — «...заложиша к старой стене новую, тлъще и выше, возле Великую реку, от Бурковых ворот от костра и до Крому» — ПЛ, II, стр. 31. О том, что была приложена стена каменная,— ПЛ, II, стр. 110. Подобное сообщение под 1404 г.— о стене вдоль р. Псковы «от Крому и до Бродъ» — ПЛ, II, стр. 31. Эти сообщения говорят также о существовании в XIV в. каменных стен Домантовых укреплений (вдоль Псковы и Великой) и каменной стены у Псковы между стенами 1309 г. и 1380 (1375) г.

[43] ПЛ, II, стр. 31; И. К. Голунова. К топографии средневекового Пскова, СА, 1963, № 4, стр. 105—106.

[44] ПЛ, I, стр. 41; II, стр. 44, 128.

[45] О сложении кольцевой системы улиц — см. Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в., Л.— М., 1953, стр. 124.

[46] Возможно, Глухой костер, упомянутый в известии о пожаре 1454 г. ПЛ, I, стр. 51—52.

[47] А. К. Янсон. Псков в его прошлом. Псков, 1927, стр. 6; И. Ларионов. По Пскову и области. Псков, 1955, стр. 21.

[48] ПЛ, I, стр. 14.

[49] ПЛ, I, стр. 24.

[50] ПЛ, I, стр. 17.

[51] ПЛ, II, стр. 24.

[52] ПЛ, II, стр. 92.

[53] ПЛ, I, стр. 26, 1399; стр. 33, 1412.

Термином «перси» псковские летописи обозначали южную поперечную стену детинца, как это убедительно показал П. А. Раппопорт [54]. Под 1393 и 1394 гг. они упоминаются вновь как каменная стена, заложенная и свершенная «оу Крема» (Крома) [55]. Тем самым термин «перси» как бы связывает два самостоятельно употребляемых понятия — детинец и Крем (Кром) и позволяет их идентифицировать. Исследователи топографии

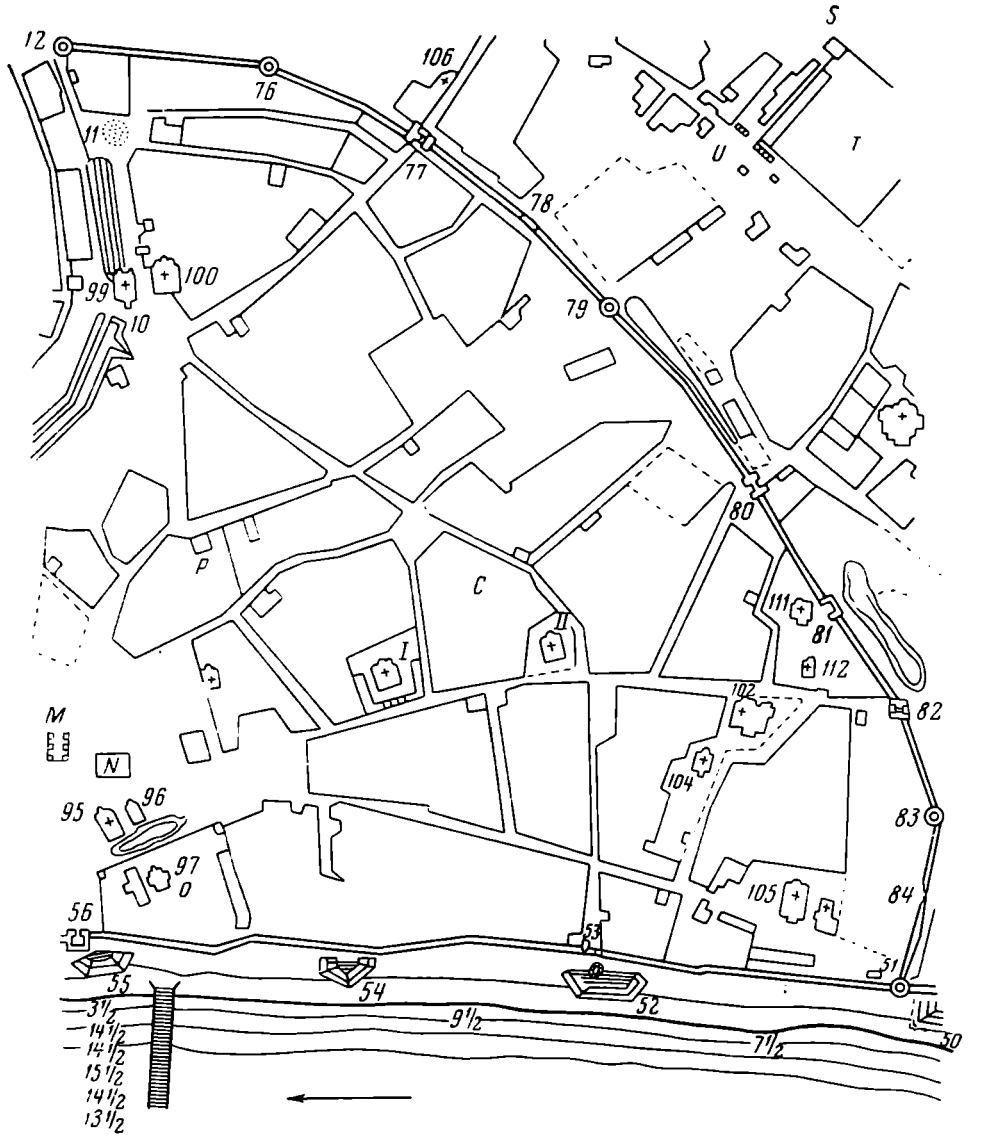


Рис. 1. Выкопировка с плана псковской крепости 1740 г. в публикации Н. Ф. Окулича-Казарина с изображением стены 1380 (1375) г. с кострами в ней (*12, 76—84, 51*) — ТПАО, в 11, Псков, 1915, вклейка

I — церковь Михаила и Гавриила архангелов; *II* — церковь Спаса Преображения у Старого Костра. Римская нумерация введена автором статьи

Пскова не сомневались в равнозначности этих терминов, подтверждаемой в летописи многократно.

Термин «Крем» (Кром) появился в псковских летописных записях конца XIV в. и почти вытеснил определение «детинец». В I псковской летописи в записях XV в. он встречается уже 14 раз [56], а «детинец» — лишь 2 раза [57]. Итак, термины «детинец» и «Кром» равнозначны, но должны употребляться дифференцированно. Привлечение топонима «детинец» оправдано для всего периода XIV — XV вв.; наименование «Кром» при-

[54] П. А. Раппопорт. Перси псковского Крома. КСИИМК, 62, 1956, стр. 57.
[55] ПЛ, I, стр. 25; II, стр. 29, 107.
[56] ПЛ, I, стр. 26, 33, 34 (2), 35, 41, 50, 55, 56, 62, 65, 71, 80, 82.
[57] ПЛ, I, стр. 50, 71.

менимо к периоду не ранее конца XIV в. Из летописи известно о двух периодах крепостного строительства в детинце (Крому) в XIV в.: в 1337 и в 1393—1394 гг. Оба раза строительство касалось только персей, первоначальное возведение которых восходит, вероятно, ко времени до 1337 г.

Детинец имел и другой синоним — «город», встречающийся в летописи под 1337 г., в известии о проложении пути к святой Троице — «на город» [58]. В данном случае термин «город» имеет узкоопределенное значение. В свидетельствах XIV в. встречается также употребление термина «град» для обозначения всей территории внутри городских стен. I псковская летопись под 1386 г. сообщает: «Град Псковъ весь погоре, и церкви священныя, и посадь около града, толко сущи богъ святая троица детинца оублюде» [59].

И, наконец, этот термин — «город», «град» употреблялся в обобщенном значении для обозначения всего Пскова не как крепости, а как определенной географической единицы (1368 г.— «тогда бо не бысть въ граде князя Александра, ни посадниковъ, но по селом в разъезде») [66].

Другой топоним, встречающийся в известиях начала XIV в. наряду с детинцем,— Застение (Застенье). Он имеет косвенное отношение к крепостным укреплениям и обозначает пространство за стеной. Анализ его употребления в летописи показывает, что в XIV в., с 1309 г. вплоть до постройки четвертой крепостной стены 1380 (1375) г. [61], Застеньем называлась территория внутри стены посадника Бориса 1309 г. [62].

Городец упоминается летописью дважды. В 1336 г. «загорелося в нощь оу Городца от Воронца; и погоре Застение все» [63]. Под 1339 г. в Спнодальном списке записано: «...заложена бысть делати церковь камена святого архангела Михаила и Гавриила в Городце» [64]. Из сравнения этих двух известий вытекает, что Застение включало в себя Городец, а в Городце строилась (и была построена) церковь архангелов Михаила и Гавриила. «Воронец» представляется именем собственным, обозначавшим какого-то домохозяина в Городце [65]. Местоположение церкви Михаила и Гавриила архангелов известно [66] (рис. 1, *1*), однако это не позволяет еще очертить территорию Городца. Мы можем лишь утверждать, что последний находился в Застенье, точнее — в его южной части, где была построена названная церковь [67]. В Застенье XIV в. помещает Городец и Ф. Ушаков, хотя он и расширяет необоснованно его территорию [68].

---

[58] ПЛ, I, стр. 17; II, стр. 24, 92.

[59] ПЛ, I, стр. 24. Аналогичные по содержанию сообщения — во 2-й и 3-й псковских летописях — ПЛ, II, стр. 29, 106.

[60] ПЛ, II, стр. 27.

[61] Может быть, несколько ранее, до постройки деревянной стены — предшественницы каменной 1380 (75) г.

[62] И. К. Голунова. Ук. соч., стр. 111.

[63] ПЛ, I, стр. 17.

[64] ПЛ, II, стр. 24.

[65] И. И. Василёв считал, что «Воронец» — название Городца. И. И. Василёв. Историко-статистический указатель г. Пскова. 1889, стр. 81: его же. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. ЗРАО, X, 1—2 (Нов. сер.) СПб., 1898, стр. 220.

[66] И. К. Голунова. Ук. соч., рис. 2, стр. 109.

[67] И. И. Василёв и вслед за ним Н. Ф. Окулич-Казарин помещали Городец в районе стены Окольного города, где когда-то находился монастырь с церковью Михаила Архангела. И. И. Василёв. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей; Н. Ф. Окулин-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков. 1913, стр. 229. Однако церковь Михаила Архангела в женском монастыре была построена лишь в 1398 г. и помещалась в Поле или в Песках — ПЛ, I, стр. 26; II, стр. 30, 109, 231—232, Писцовая книга по Пскову № 358, л. 45 — ЦГАДА, ф. 1209; И. И. Василёв не анализировал термина «Застенье» и связь его с «Городцом» (по сообщению 1320 г.). Авторы последних работ по Пскову не сомневаются в положении Городца в районе церкви Михаила Архангела в Застенье. Ю. П. Спегальский. Псков. Л.— М., 1963, стр. 25.

[68] Ф. Ушаков. Псковский Городец и Мирожь, как места первых псковских поселений. СПб., 1902, стр. 13—14.

Название «Городец» должно обозначать укрепление, но нет оснований для уверенности, что оно существовало в XIV в. В нем не было практической необходимости после постройки стены 1309 г. Однако это укрепление могло существовать до сооружения упомянутой стены и сохраниться в первой половине XIV в. Итак, Городец — топоним отмирающий, связанный с предшествующими периодами крепостного строительства. Показательно в этом отношении отсутствие его в последующих записях летописи. От Городца ведет свое название Городецкий конец, упоминаемый летописью под 1459 (1460) г.[69]. Если же учесть, что культурный слой вокруг церкви Михаила Архангела в нижней своей части датируется X — началом XI в.[70] и что городские концы складываются рано, по мере образования общей городской территории[71], Городец мог быть древним укреплением[72], вошедшим в X—XI вв. в состав растущего города[73] и давшим название одному из его концов. Возможно также, что он был построен в X—XI вв., но едва ли позже.

Под 1375 г. во II и III летописях и под 1380 г. в I летописи говорится о постройке четвертой стены каменной (плитяной) на месте «старой стенки» (рис. 1). Итак, четвертая стена каменная — это стена 1380 (1375) г. Интересна отмеченная летописью очередность этой стены, она — четвертая. Это лишний раз доказывает существование первых двух стен — детинца и Домантовой стены и заставляет предполагать, что они были каменными до XIV в., так как кроме починки персей в 1337 г. летопись не отмечает никаких строительных работ в детинце и Домантовой стене до 1380 (1375) г.

Четвертая каменная стена была заложена «по старой стенки, что была ту стенка со доубом мало выше мужа, около всего посада»[74]. Следовательно, и старая стенка и четвертая каменная стена защищали «весь посад». Старая стенка была, судя по сообщению, немного выше человеческого роста. Выражения «со дубом», «зделана з дубомъ» позволяют говорить о преобладании деревянных конструкций. Время постройки этой старой деревянной стены неясно. Она уже, вероятно, существовала к 1368 г., когда немцы подходили к Пскову и пожгли Полонище и Запсковье[75].

Постройка двух каменных костров в Торгу упоминается под 1377 г. В XIV в. Торг располагался к югу от Домантовой стены[76]. О каких же двух кострах в Торгу может идти речь в летописи? Ясно, что они должны были укрепить собой стены. Ближайшие, выходящие на Торг стены — южная, поперечная стена Домантовых укреплений, и северные части стен вдоль рек Великой и Псковы, входивших в состав укреплений 1309 г. На одном из наиболее достоверных планов псковской крепости — плане 1694 г.— изображены две надвратные башни, примыкающие к Домантовой стене с южной стороны: одна со стороны р. Великой (№ 22, Власьевская), другая — со стороны р. Псковы — вероятно, башня над Рыбницкими (Запсковскими) воротами, упомянутыми в летописи[77]. Известно изо-

---

[69] ПЛ, I, стр. 56; II, стр. 50, 144.

[70] Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. АСГЭ, Л., 4, 1962, стр. 28.

[71] Б. Д. Греков. Новгородский Дом святой Софии. СПб., 1914, стр. 291; А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. ИЗ, 16, 1945, стр. 12; Б. Л. Янин. Новгородские посадники, М., 1962, стр. 9—10.

[72] Пока это не подтверждено археологически.

[73] Предположение о существовании Городца до X в. высказывал Ф. Ушаков, считая его даже местом древнейшего поселения на месте Пскова (Ф. Ушаков. Ук. соч., стр. 14). О Городце как одном из ранних дофеодальных поселений пишет Ю. П. Спегальский. Ук. соч., стр. 10.

[74] ПЛ, I, стр. 23; II. стр. 105, «зделана з дубомъ» — II, стр. 29.

[75] ПЛ, I, стр. 23; II, стр. 27, 104.

[76] И. К. Голунова. К топографии Пскова XIV в. ПГПИ. Материалы X научной конференции, 2, Истор. науки. Псков, 1968, стр. 26—27.

[77] ЗОРСА РАО, II, прилож., XXXV; ПЛ, II, 274. Эти же ворота и башня над ними обновлялись в 1469 г.— ПЛ, II, стр. 167.

бражение третьего костра с напольной стороны Домантовых укреплений[78] (рис. 2). Но существовали ли эти костры в XIV в., сказать трудно. Если — да, то с двумя кострами в Торгу можно связывать лишь какие-то два из них[79]. Постройка двух костров в Торгу говорит о значении, которое во второй половине XIV в. придавали псковичи старым частям крепости.

В записях XIV в. трижды упоминается Домантова стена: под 1383, 1385 и 1388 гг. И каждый раз — в связи с постройкой храма в ее пределах. Топоним «Домантова стена» применялся для обозначения пространства, ограниченного с севера стенами детинца — Крома, с запада, востока и юга — крепостными стенами, построенными до XIV в., видимо, в XIII в.— в период княжения Довмонта. По счету псковского летописца она являлась вторым укреплением, второй стеной Пскова.

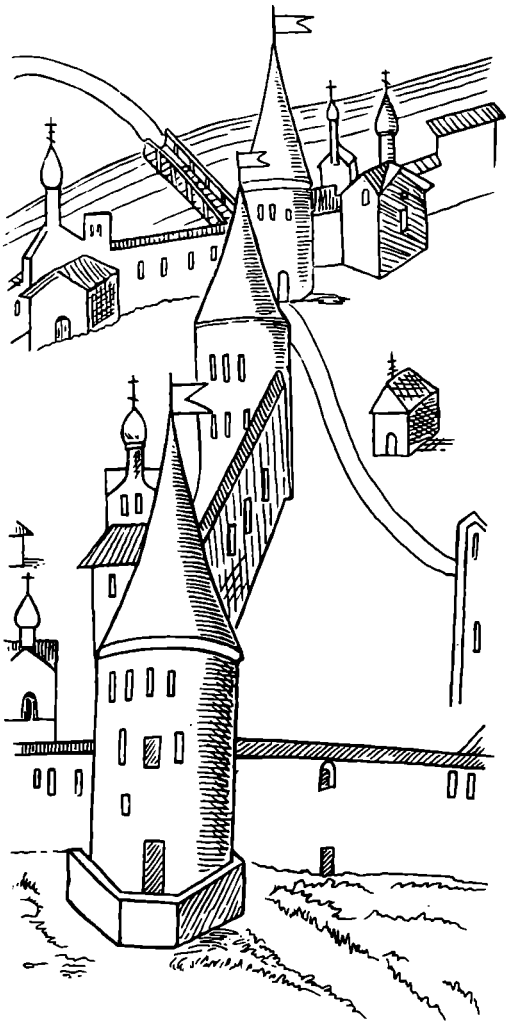


Рис. 2. Выкопировка с копии иконы из Псково-Печерского монастыря с изображением южной стены Домантовых укреплений с кострами. Вид с запада (ПИХМ, ф. № 1808/480)

Топоним «Старый костер» употреблен в летописи под 1384 г. и больше в записях XIV в. не встречается. Положение этого старого костра нетрудно определить благодаря каменной церкви Спаса Преображения, поставленной возле него в 1394 г. Хотя сама постройка не сохранилась до нашего времени, сравнение планов Пскова 1740 и 1857 гг. позволяет определить ее местонахождение на пересечении Великой улицы и линии стены 1309 г.[80] (рис. 1, *П*). Здесь же в составе стены 1309 г. стоял Старый костер. В данном случае мы имеем единственное для XIV в. свидетельство о наличии костров в составе стены 1309 г.

К 80—90-м годам XIV в. относится упоминание целого ряда топонимов, связанных с постройкой и укреплением стены, заложенной в 1380 (1375) г. Рассмотрим их в той хронологической последовательности, в какой они расположены в летописи.

Под 1387 г. читаем: «Поставиша три костры камены оу новыя стены на приступе»[81]. Новой стеной в это время могла быть только стена 1380 (1375) г. Летописец имел в виду построение костров в центральной, поперечной части стены, в отличие от боковых ее частей, вдоль рек Великой и Псковы, и подчеркнул это указанным уточнением «на приступе». Названия костров неизвестны и местоположение их определить трудно.

[78] На копии с иконы из Печорского монастыря с изображением видения Пресвятой Богородицы. ПИХМ, ф. № $\frac{1808}{480}$; Изображение на иконе может быть датировано концом XVI в.— половиной XVII в. (по архитектуре Троицкого собора и сопоставлению с описанием сметных книг 1655 г. и 1699 г., где 3-й костер не упоминается).

[79] Ушаков считал, что два костра в Торгу — костры в составе стены 1309 г., исходя из неверного положения о территории Торга (Ф. Ушаков. Ук. соч., стр. 8).

[80] И. К. Голунова. К топографии средневекового Пскова, стр. 108.

[81] ПЛ, I, стр. 24; II, стр. 29, 106.

Под 1396 г. в I летописи и под 1397 г. во II и III летописях говорится о построении костра на Василиеве горке посадником Ефремом и псковичами[82]. Василиева (Васильева) горка сохранила свое название до нашего времени. Происхождение названия связано с местонахождением здесь церкви Василия. Точная дата постройки церкви неизвестна. Первое упоминание относится к 1377 г., когда «Василья на горке подписаша»[83]. Васильева горка и церковь на ней располагались в непосредственной близости от центральной части стены 1380 (1375) г., с внутренней стороны[84]. Здесь же был поставлен костер (рис. 1, *81;* рис. 3, *VI*).

В 1397 (1398) г. «князь Иван Ондреевич и князь Григорий Остафиевич и посадник Захария и мужи псковичи поставиша три костры на приступной стене: первой костер с Великой реки[85], другии костеръ на Лужищи, третии на Пскове на оугле»[86]. Форма сообщения напоминает текст 1387 г., где также сообщалось о постройке трех костров на приступе. Топоним «приступная стена», без сомнения, обозначает стену 1380 (1375) г. Но в данном случае указано местоположение костров. Легче всего определяется положение костров первого и третьего: оба они находились в углах стены при повороте к центру города на берегах рек Великой и Псковы (рис. 3, *I, IX*). Лужища — топоним, встречающийся в летописи лишь однажды (1397—1398 гг.).

Концентрация однокоренных топонимов в определенной части города позволяет искать Лужищу вне стены 1380 (1375) г., на участке между позднейшими Кузнецкой (Кузнецы) и Петровской улицами[87].

Следовательно, и башня на Лужище находилась в составе стены между Кузнецами и Петровской улицей (ср. ниже определение Лужских ворот).

В летописных известиях 1399 г. (I и III летописи) и 1400 г. (II летопись) сообщаются дополнительные данные о топографии стены 1380 (1375) г. Все летописи содержат свидетельство о поновлении стены и постройке трех костров. Сообщение II летописи наиболее подробное. Приведем его текст: «...князь Григорей Остафиевич и Захариа посадник и всь Псковъ заложивши зделаша новую стену к старой стене на приступе от Великой реце до Пскове, тлъще и выше, и постави 3 костры: 1 на Незнанове горке, 2 в Лужских ворот, 3 оу Куминых»[88]. «Новая стена к старой стене на приступе» представляется нам прикладом к стене 1380 (1375) г., последняя названа «старой»[89]. Действительно, к 1399—1400 гг. она могла нуждаться в обновлении, тем более что Пскову угрожало немецко-литовское нападение. Текст содержит указание на приклад к определенной части стены — к поперечной ее части от Великой до Псковы. Следовательно, боковые стороны стены вдоль рек в 1399—1400 гг. не укреплялись.

Два костра, упомянутых в приведенном тексте, были надвратными или при воротах, устройство третьего, на Незнанове горке, неизвестно. Положение Незнановой горки не определяется. Сам топоним «Незнанова горка» в летописи применен только один раз и в других источниках не встречен. И. И. Василёв и Н. Ф. Окулич-Казарин помещали Незнанову горку в районе Спасской (современной Детской) улицы[90], но основания

---

[82] ПЛ, I, стр. 25; II, стр. 30, 108.

[83] Там же, стр. 24.

[84] План 1740 г.— Н. Ф. Окулич-Казарин. Новые данные по топографии и истории Пскова. ТПАО, 11, Псков, 1915, вклейка № 81.

[85] «...на оугле с Великыя реки». ПЛ, II, стр. 30.

[86] ПЛ, I, стр. 25, «от Псковы на оугле» — ПЛ, II, стр. 30, «со Пскове на оугле» — ПЛ, II, стр. 108.

[87] И. К. Голунова. К топографии Пскова XIV в., стр. 38—39.

[88] ПЛ, II, стр. 30.

[89] Здесь хорошо видно, как изменилось понятие «старая стена» за 25 лет; в 1375—80 гг. так называлась деревянная стена — предшественница каменной.

[90] И. И. Василёв. Археологический указатель г. Пскова..., стр. 218; Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову, стр. 69.

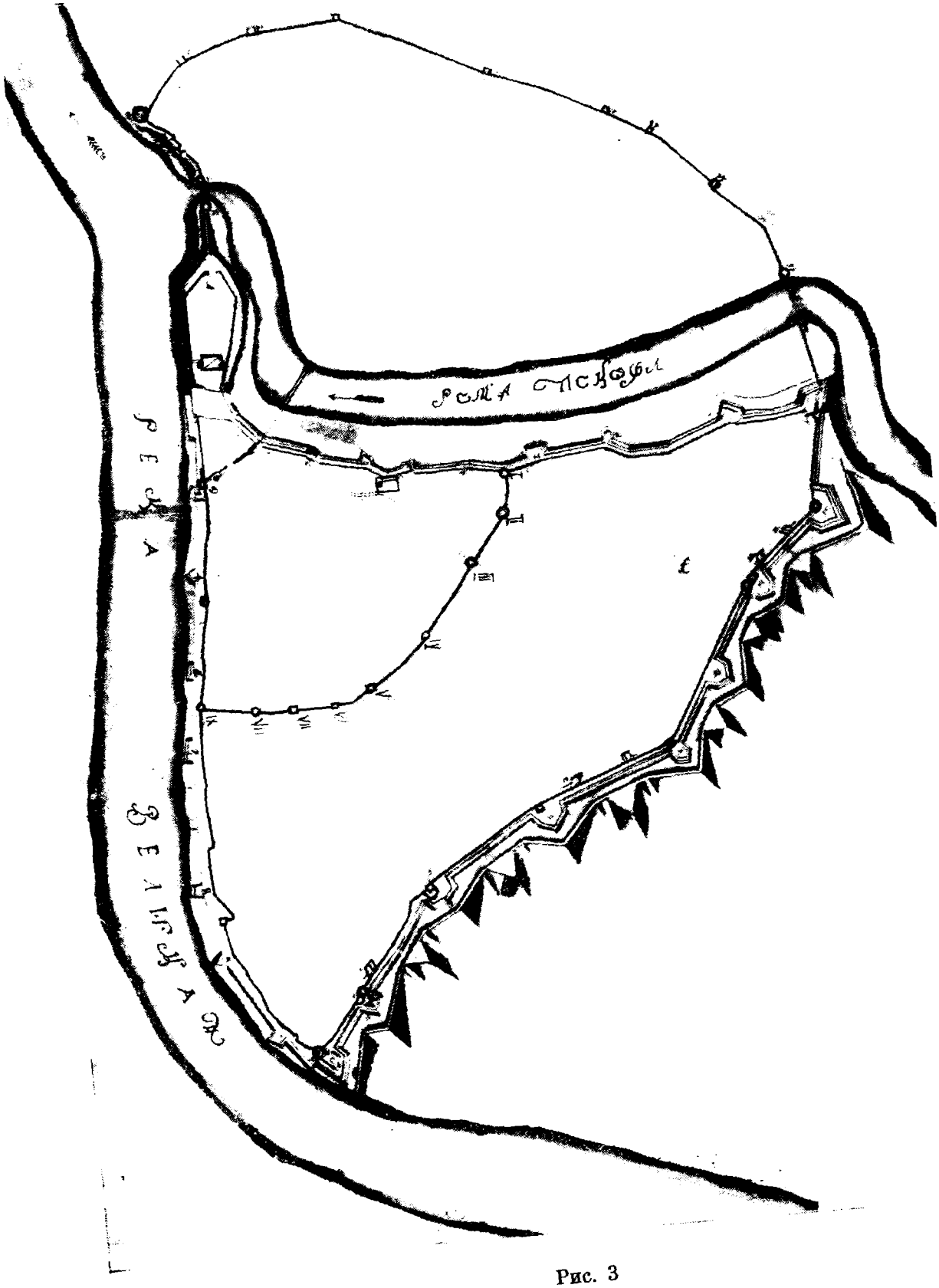


Рис. 3

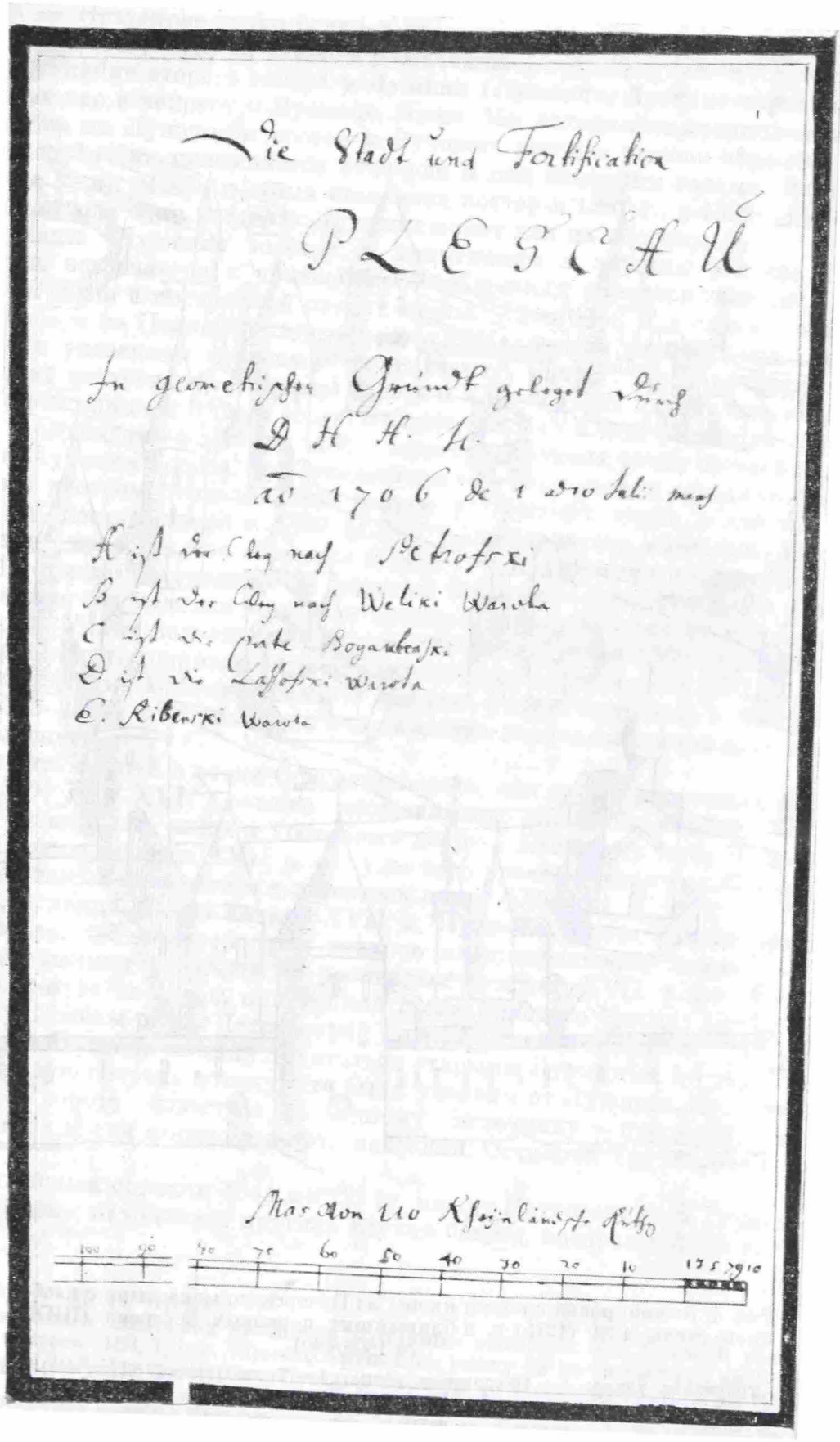


Рис. 3. План города и крепости Пскова 1706 г. (ЦГАДА, ф.9, отд. 1, кн. 66, № 20). Римская нумерация костров Среднего города 1380 (1375) г. введена автором статьи

Рис. 4. Выкопировка с копии иконы из Печерского монастыря с изображением стены 1380 (1375) г. и ближайших церковных построек (ПИХМ, ф. № 1808/480)

1 — Трупехова улица; *2* — Петровская улица; *3* — Трупеховские (Лужские) ворота; *4* — Костер на Лужище

подобной локализации нам неизвестны. Если же она оправдает себя, то костер на Незванове горке следует размещать в западной части приступной стены 1380 (1375) г., ближе к р. Великой.

Упоминание второго костра у Лужких (Лужских, Луских) ворот снова приводит нас к вопросу о Лужище, Луже. Мы исходим из предположения, что костер на Лужище и костер у Лужских ворот — разные объекты, так как постройка их упоминается отдельно и под близкими годами. Видимо, в той же части стены, где был поставлен костер в 1397 г., в 1399—1400 гг. построили еще один костер у Лужских ворот для их обороны.

Топоним «Лужские ворота» в применении к воротам в стене 1380 (1375) г. встречается в позднейших сообщениях летописи трижды: под 1453 г. в связи с постройкой прясла стены [91], под 1466 г. в связи с описанием пожара на Полонище, начавшегося от Кузнецкой улицы [92], под 1510 г. в связи с указанием местоположения Нового торга [93]. Из перечисленных сообщений следует, что Лужские ворота в XV—XVI вв. находились вблизи Трупеховой улицы и Нового торга. Видимо, и в XIV в. они стояли на том же месте. В сообщении о пожаре 1466 г. одной из крайних точек пожара называют то Лужские ворота, то Лужский костер. Вероятно, в середине XV в. Лужским костром считали лишь башню у Лужских ворот, а «костер на Лужищи», поставленный в 1397 (1398) г., имел другое название. Трупехова улица, известная по летописи с 1426 г. [94], изображена и надписана на иконе Сретения Богородицы из часовни Владычного Креста [95]. Подобное изображение без надписи есть и на копии с иконы Печерского монастыря (рис. 4, *1*). Улица подходит к воротам с башней в стене 1380 (1375) г.

Петровская улица, известная по ряду летописных известий XVI в., дала имя Петровским воротам Среднего города, упоминающимся в писцовой книге 1585—1587 гг. [96]. Было ли это название первоначальным, еще предстоит выяснить.

«Луцкие» ворота в стене Среднего города, как стала называться стена 1380 (1375) г. в XVI в., тоже упоминаются писцовой книгой 1585—1587 гг. От них шла улица к Гостиному двору и Большому торгу [97]. В описаниях Среднего города XVII в. мы уже не встречаем Лужских (Луцких) ворот, нет такого названия и в легенде к плану 1740 г.

Итак, в конце XVI — начале XVII в. Лужские ворота или перестают существовать, что маловероятно, судя по их центральному положению в стене, или меняют название. В росписных списках XVII в. приводится четверо ворот во внешней, приступной стене Среднего города: Кстовские, на углу у Псковы-реки, Петровские, Трупеховские и Великие [98]. Из них Кстовские и Великие не могут считаться старыми Лужскими по ряду причин и в первую очередь потому, что были удалены от Лужищи. Петровские и Луцкие ворота известны по одному источнику — писцовой книге XVI в.— и не могли взаимозаменить названия. Остаются Трупеховские ворота.

По росписным спискам 1644 и 1655 гг. между Петровскими и Трупеховскими воротами находилась круглая глухая башня, которая к 1655 г. «вся

---

[91] ПЛ, I, стр. 51; II, стр. 140.

[92] По записям в псковских летописях Полонище выгорело: «от Великой реки и по Лужкей костер» (ПЛ, I, стр. 73); «по Трупехову улицу да по монастырь по Рожество Христово» (ПЛ, I, стр. 71); «от Лузских ворот и до Рожества святого на Поли» (ПЛ, I, стр. 54); «и погоре все Полонища и до Рожества святого до манастыря... а горело от Великиа реки по Лужкии костеръ...» (ПЛ, II, стр. 163).

[93] «И даша место, где торгъ ставити новои, вонъ стены, противоу Лужьских ворот за рвом...», ПЛ, I, стр. 96.

[94] ПЛ, I, стр. 35; II, стр. 121.

[95] ЗОРСА РАО, т. II, прилож., табл. XXXVII.

[96] Сб. МАМЮ, 5, стр. 60, 68.

[97] Сб. МАМЮ, 5, стр. 27.

[98] По росписному списку 1644 г.— Сб. МАМЮ, 6, стр. 91.

рассыпалась до подошвы»[99]. Развалины этой башни мы встречаем еще на плане псковской крепости 1694 г.[100]. Но изображение на иконе Сретения Богородицы не передает и таких подробностей (возможная причина — в подновлении иконы в 1784 г.), а ворота Петровские показаны рядом с башней и воротами, к которым подходит Трупеховская улица. Итак, следует предположить, что Лужским воротам XIV—XVI вв. соответствуют позднейшие Трупеховские ворота, получившие свое название от улицы[101] (рис. 1, *80*, рис. 3, V, рис. 4). Костром на Лужище 1397 (1398) г. могла быть круглая глухая башня, упомянутая в росписных списках между Трупеховскими и Петровскими воротами (рис. 1, *79*; 3, IV; 4).

Кумины ворота, укрепленные башней в 1399 (1400) г., неизвестны в последующем летописном тексте. Ворота с таким названием не отмечены в описаниях Среднего города XVII в. и на плане 1740 г. Либо они были заложены, либо к XVII в. разрушились, либо переменили название. Последнее вероятнее всего. Н. Ф. Окулич-Казарин без видимых оснований считает наследницей Куминых ворот Козью башню годовых смет XVII в. и плана 1740 г.[102] (рис. 1, *76*). Однако ни разу в описаниях Среднего города Козья башня не названа проезжей или башней с воротами[103]. Глухой же она показана на плане крепости 1694 г. и плане 1740 г. (76).

Сравнение планов 1694 и 1706 гг. (рис. 3) показывает, что в Среднем городе в XVII в. башни стояли над четырьмя воротами: на углу у Псковы, Петровскими, Трупеховскими и Великими[104]. Угловые ворота и башня не могут быть соотнесены с Куминым, так как под 1397 г. постройка башни «на Пскове на оугле» отмечена особо. Трупеховские ворота, как установлено, соответствуют Лужским XIV в. Остаются Петровские и Великие ворота. Возможно, одни из них и назывались Куминым в XIV в. Но к версии этой нужно отнестись с большой осторожностью, так как с XIV по XVII вв. могли произойти изменения и в составе стены 1380 (1375) г.

Подытоживая сказанное об укреплении стены 1380 (1375) г., можно отметить, что летопись сообщает в основном о строительстве и усилении приступной, поперечной стены в 80—90-е годы XIV в. и ничего не говорит о строительстве участков стены вдоль рек Псковы и Великой. Однако стены там были. Мы судим об этом по известию 1397 г. о постройке наугольных костров над Великой и Псковой и по сообщению начала XV в.[105]. В 80—90-х годах, по летописным данным, приступная стена была укреплена прикладом (1399 г.) и в ней было поставлено десять костров, из них два у ворот (Лужских и Куминых). Наверняка были и другие костры с воротами. Строительство костров велось во вторую очередь, после постройки стены.

---

[99] Сб. МАМЮ, 6, стр. 91, 127.

[100] ЗОРСА РАО, II, прилож., XXXV.

[101] На плане Пскова 1821 г., изданном Евгением Болховитиновым (Евгений, митрополит Киевский. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова, Киев, 1831, ч. III—IV), Лужскими или Сергиевскими воротами названы ворота в Окольном городе недалеко от ц. Сергия на Луже (VI). Их называл Лужскими и другой автор — Павел, епископ Псковский и Порховский. Летописное разъяснение о владычных палатах в Пскове, построенных архиепископом новгородским и псковским Макарием, Псков, 1881, стр. 5. По источникам XVII—XVIII вв. прослеживается следующая особенность в наименовании ворот Среднего города и Окольного города. Как правило, наименование ворот Среднего города передается тем воротам Окольного, к которым подходит улица, выходящая из ворот Среднего города. Таковы Петровские ворота в Среднем и Окольном городе, Великие ворота и Трупеховские ворота в той и другой линиях укреплений (по росписным спискам — Сб. МАМЮ, 6, стр. 41, 91, 127 и плану 1740 г.). Возможно, название Лужских ворот Окольного города на плане 1821 г. как анахронизм передает название Лужских ворот Среднего города, через которые проходила Трупехова (Сергиевская, 1821 г.) улица.

[102] Н. Ф. Окулич-Казарин. Новые данные..., стр. 112.

[103] Сб. МАМЮ, 6, стр. 127, 225.

[104] ЗОРСА РАО, т. II, прилож., т. XXXV; ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 66, № 20.

[105] ПЛ, II, стр. 31.

Большинство костров сохранило свое положение до XVII—XVIII вв. хотя, очевидно, перестраивалось и меняло названия. Интересно отметить, что на планах 1694, 1706 (рис. 3) и 1740 гг. (рис. 1) в этой стене показано девять башен. Такое же число их прослеживается и по росписному списку 1644 г., годовой сметной книге 1655 г. и годовой смете 1699 г. [106]. Можно полагать, что состав стены 1380 (1375) г. после постройки башен в 80—90-х годах XIV в. в основном сохранился и в последующие столетия, так как для

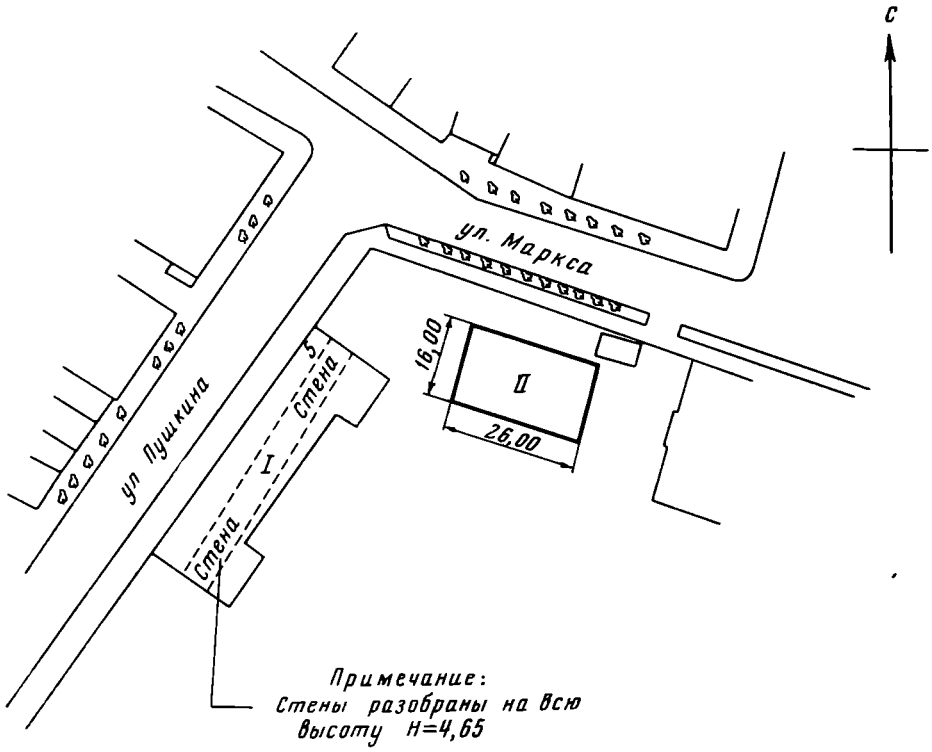


Рис. 5. Выкопировка современного плана г. Пскова с указанием мест обнаружения стены 1380 (1375) г.— *I* и раскопа 1967 г.— *II* (Архив ИА АН СССР, Отчет И. К. Лабутиной о раскопках в Пскове в 1967 г. ф. 1)

XV — первой половины XVI в. нам неизвестно строительство новых костров в этой стене, хотя сообщается о ее ремонте. Для второй половины XVI в. дополнительное укрепление стены Среднего города, при наличии Окольного города, было нерационально, и, думается, изменения в Среднем городе выражались лишь в ремонте старых костров и, возможно, в устройстве дополнительных ворот без костров (Куричьи ворота годовой сметы 1699 г. [107] и плана 1740 г. (рис. 1, *7*). Некоторое расхождение в числе башен между летописными данными XIV в. (10) и источниками XVII—XVIII вв. (9) объясняется скорее всего какой-то неточностью летописи (повторное упоминание о строительстве).

Большая часть рассмотренных топонимов относится к различным частям стены 1380 (1375) г. В настоящее время от этой стены сохранились лишь участки между Советской улицей и Мстиславской башней на р. Великой (единственный уцелевший костер) и в глубине улицы Красных Партизан. Фундамент стены шириной около 5 *м* был обнаружен при строительстве дома № 15 по Пушкинской улице на протяжении 52 *м* (рис. 5) [108].

---

[106] Сб. МАМЮ. 6, стр. 91, 127, 224—225.

[107] Сб. МАМЮ. 6, стр. 225.

[108] Архив Института «Псковгражданпроект». Дополнения к проекту привязки д. № 15 по ул. Пушкинской. Псков, 1958, д. № $\frac{76—2}{57}$, черт. № 132.

Небывалое по размаху и интенсивности крепостное строительство последних десятилетий XIV в. обеспечило Псков надежной защитой в условиях трудной внешнеполитической обстановки и определенно повысило его военно-политический потенциал.

I. K. Laboutina

LES DONNÉES DES ANNALES DU XIV SIÈCLE SUR LES FORTIFICATIONS DE PSKOV

Résumé

On donne dans cet article la liste des noms de différentes parties de la forteresse de Pskov dans l'ordre chronologique et leur analyse. L'étude des toponymes du XIV siècle au point de vue de la topographie historique permet de définir l'emplacement, de même que l'histoire des parties séparées de la forteresse de Pskov (Détinets, Zasténié, Gorodets et d'autres).

Au cours du XIV s. les citadins ont érigé deux lignes de fortifications en pierre — les murs des années 1309 et 1380 (1375) — et continuaient le perfectionnement de la fortification de Krom et du mur Domantova. L'histoire de l'édification du mur de l'année 1380 (75) se rétablit avec la plus grande plénitude. Le mur en pierre a remplacé le mur antérieur en bois. Pendant les années 70—90, il a été fortifié par 10 tours spéciales et par un maçonnage épaississant le mur. Certaines tours se trouvaient près des portes de la ville (Loujskiié, Kouminy). La construction des tours en pierre s'effectuait, comme règle, après l'élévation du mur. La direction et la composition du mur de l'année 1380 (75) n'ont pas changé aux XIV—XVI ss.

La construction de la forteresse au cours des derniers vingt ans du XIV siècle a assuré à Pskov une défense sûre dans les conditions de la situation difficile de la politique extérieurs.

Публикации

И. М. ЧЕЧЕНОВ

ГРОБНИЦА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В г. НАЛЬЧИКЕ

После исследования Агубековской неолитической стоянки, Нальчикского энеолитического могильника, Долинского поселения и нескольких курганов эпохи бронзы [1] окрестности г. Нальчика в археологическом отношении продолжают быть одним из интересных районов Центрального Кавказа. В 1968 г. здесь открыт еще один памятник — уникальная подкурганная гробница, сооруженная по всем признакам для вождя племени или рода.

Стоявший на юго-западной окраине Нальчика сильно оплывший курган периодически разрушался при строительно-земляных работах. К моменту нашего исследования его очертания имели в плане овальную форму. Вершина его представляла собой плоскую площадку диаметром 16—18 *м*, выровненную для тригонометрической вышки. Современные размеры кургана были: продольный диаметр (по оси СВ — ЮЗ) 103 *м*, поперечный диаметр 55, высота с восточной стороны около 10, с западной — 8 *м* (рис. 1) [2].

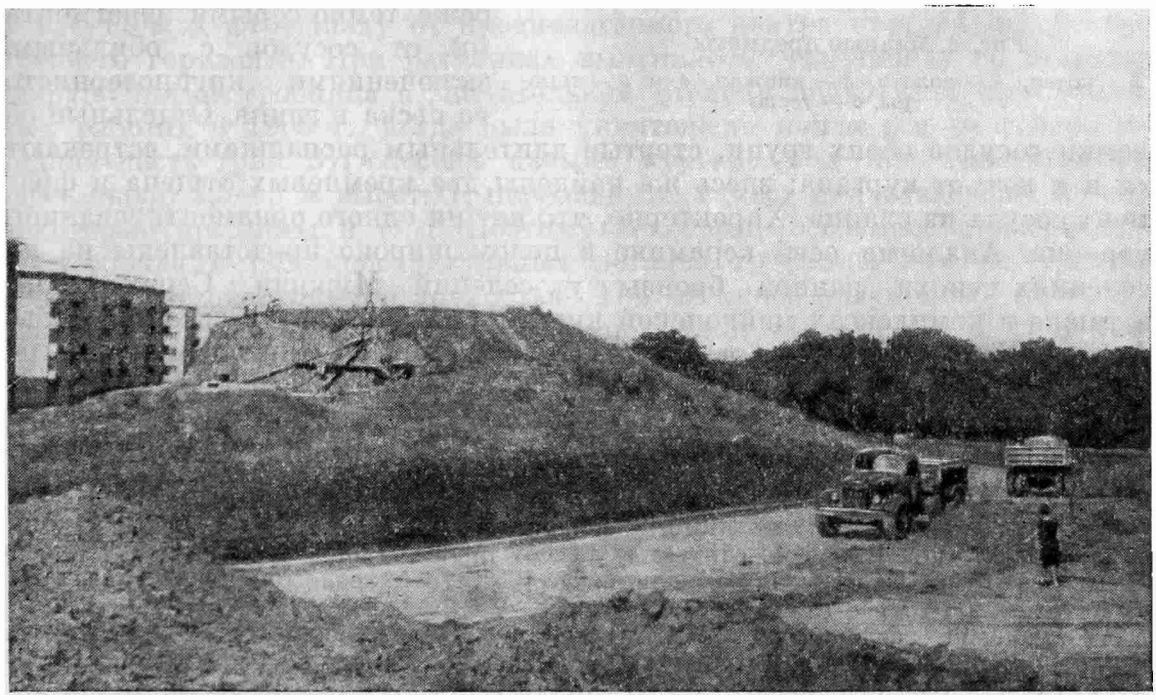


Рис. 1. Вид кургана с юга

В 1966 г. западная часть кургана была снесена для постройки дворца культуры. При этом среди десятка крупных обломков туфовых плит, вывороченных экскаватором, были обнаружены верхняя часть массивной

[1] Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941.

[2] Ряд признаков указывает на то, что в неразрушенном виде курган имел округлую форму диаметром не менее 100 *м* и высотой до 11—12 *м*.

антропоморфной стелы из туфа[3], обломки большого красноглиняного сосуда с пачкающей поверхностью и котел из кованой листовой меди (рис. 2, *1*)[4]. Последний является самым крупным из числа известных котлов майкопской культуры; на тулове его сохранились остатки тонкой льняной ткани, которой он был обернут в несколько слоев, а на дне — четкие отпечатки и остатки искусно плетеной циновки из какого-то волокнистого растения. На всех этих находках и вблизи них отмечено большое количество ярко-красной краски. Помимо этого, в обнаженной части насыпи были собраны фрагменты сосудов, которые можно распределить на две группы: а) подавляющую часть составляют обломки высококачественных сосудов красного цвета, изготовленных из хорошо отмученной и очищенной глины без всяких примесей (черепок в изломе светло-серый). В этой группе посуды в свою очередь различаются два вида сосудов, от которых найдены толстостенные черепки с пачкающей или лощеной поверхностью и обломки тонкостенных сосудов, изредка со светло-охристым и черным лощением; б) вторая группа представлена светло-коричневыми и реже темно-серыми фрагментами от сосудов с обильными включениями крупнозернистого песка в глине. Отдельные обломки сосудов обеих групп, стертые длительным распашками, встречаются и к югу от кургана; здесь же найдены два кремневых отщепа и фрагмент сосуда из сланца. Характерно, что нет ни одного орнаментированного черепка. Аналогии всей керамике в целом широко представлены на поселениях эпохи ранней бронзы у селений Мужичи, Сержень-Юрт, а также в комплексах майкопской культуры в курганах у селений Новый Аршти, Бамут, Бачи-юрт и ст. Мекенской (Чечено-Ингушетия)[5]; в гроте Шау-Легет (Северная Осетия)[6]; на Урухском и Долинском поселениях, в курганах у селений Старый Урух, Старый Лескен и у хутора Соломенка (Кабардино-Балкария)[7]; в курганах у станиц Усть-Джегутинская, Костромская, Тбилисская, на поселениях Мешоко, Хаджох (Прп-

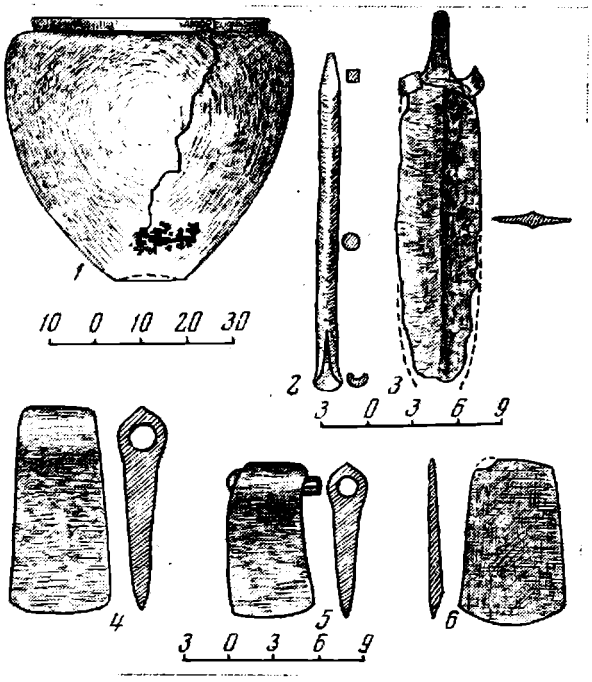


Рис. 2. Медные предметы

1 — котел, *2* — долото, *3* — кинжал, *4* и *5* — топоры, *6* — тесло

[3] А. М. Лесков ошибочно считает эту стелу происходящей из района г. Майкопа; А. М. Лесков. Керченская экспедиция в 1967 г. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.», Киев, 1968, стр. 8.

[4] Основные сведения об этих находках опубликованы; Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА АН СССР, 115, 1969, стр. 54—57.

[5] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 101—104, табл. IV, *2*, XII, его же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3, стр. 180—181 и 191—196, рис. 13; В. М. Марковин. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 63, рис. 23, *2*; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у ст. Мекенской, сб. «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 40, рис. 6, *9*.

[6] В. П. Любин. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 51.

[7] Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев. Поселение раннебронзового века на р. Урух. АО, 1968, М., 1969, стр. 104; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское по-

Рис. 3. Общий вид гробницы с северо-востока

кубанье)[8] и др. За пределами Северного Кавказа образцы подобной керамики известны в Закавказье (пещера Сагварджиле)[9] и на юге Украины (курганы у Одессы[10] и у сел Михайловка и Грушевка[11]). Очевидно, вблизи от описываемого кургана располагалось поселение второй половины III тысячелетия до н. э., уничтоженное при интенсивных строительных работах.

Гробница, заключавшаяся под насыпью кургана, полностью раскопана нами в 1968 г. Она была сооружена из массивных туфовых плит[12], в 15—17 *м* к юго-западу от предполагаемого центра кургана, на уровне древнего горизонта. При раскопках выяснилось, что наряду со старыми разрушениями гробница в значительной степени пострадала при земляных работах в 1966 г., когда была уничтожена почти вся ее северо-западная часть (рис. 3), снесена насыпь кургана над ней (достигавшая здесь около 2,5—3 *м* высоты), передвинуты с мест или извлечены из нее некоторые предметы и т. д. Поэтому некоторые особенности погребального обряда и ряд конструктивных деталей гробницы нам не удалось установить с необходимой точностью. Тем не менее полученный материал представляет необычайный интерес и позволяет отнести гробницу к числу выдающихся памятников Северного Кавказа.

Несомненно, что плиты, образующие гробницу, представляют собой вторично использованные монументальные стелы, первоначально связан-

селение у г. Нальчика. МИА, 3, стр. 185—190 и 197, табл. VIII—XI; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 56—66, рис. 12.

[8] Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, 3, стр. 147—148; ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 54—57; ОАК за 1900 г., стр. 42; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 75—76, 78—80.

[9] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 134.

[10] А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. 300 ИД, XXXII, 1915, стр. 134, табл. II, *1*, *2*.

[11] Д. Э. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. Тр. XIII АС, т. 1, М., 1907, стр. 141—142; Д. У. Бліфельд. Курган епохи бронзі в с. Грушівка. АП, X, Київ, 1961, стр. 47, табл. 1, *1*.

[12] Большие запасы такого же серого и розового вулканического туфа, довольно плотного и тяжелого, но относительно легко поддающегося обработке, имеются в 4—5 *км* к западу от кургана. Из этого же материала, в частности, изготовлено несколько терочников и другие предметы, найденные на Агубековском и Долинском поселениях и в Нальчикском могильнике: Материалы по археологии Кабардино-Балкарии, стр. 60—61, 112, 183; М. И. Ермоленко. Редкая археологическая находка в Кабардино-Балкарской автономной области. Нальчик, 1929, стр. 2 (краткая заметка).

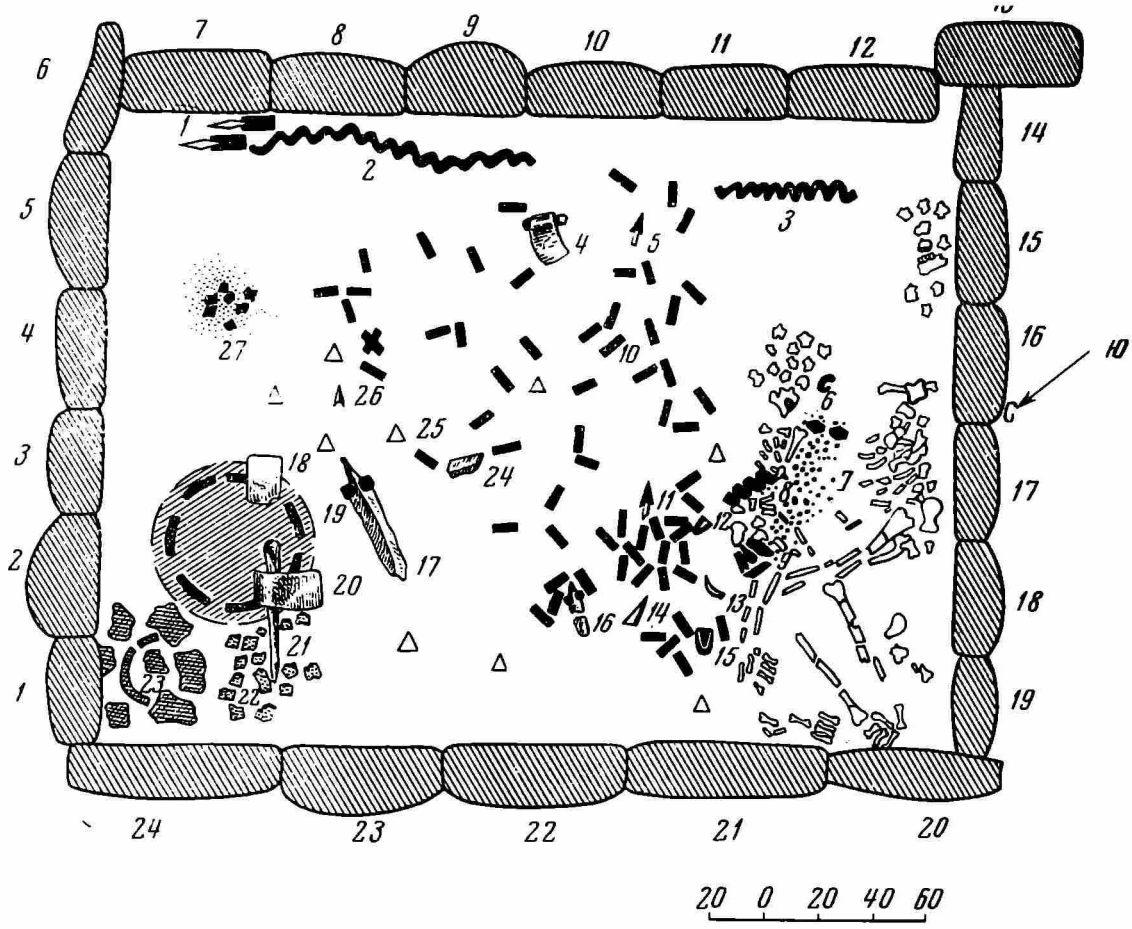


Рис. 4. План гробницы

1 — шилья; *2, 3, 8* — ленты, свернутые в спираль; *4, 20* — топоры; *5, 11* — стрелы с золотыми наконечниками; *6* — височные кольца; *7* — бусы; *9* и *10* — пластинки; *12* — конусовидный наконечник; *13* — клык кабана; *14* — проколка; *15* — пластинчатая обкладка ножен; *16* — двулезвийный ножик; *17* — кинжал; *18* — тесло; *19* — предполагаемое местонахождение котла; *21* — долото; *22* — фрагменты миски; *23* — фрагменты красноглиняного сосуда; *24* — обломок точила; *25* — кремневые предметы; *26* — обсидиановый наконечник стрелы; *27* — угли и зола (*2—3, 6—12, 15* — золото; *1, 4, 17—22* — медь; *5, 11, 14* — кость)

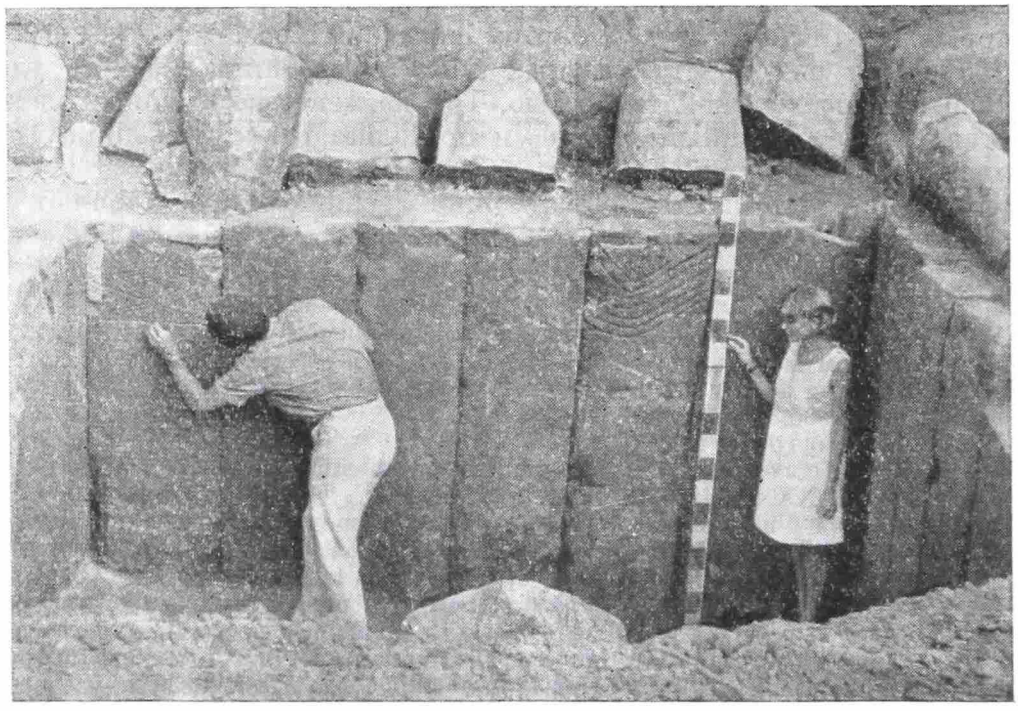


Рис. 5. Юго-восточная стена гробницы

ные с памятником совершенно иной конструкции. По всей вероятности, стелы вертикально стояли по отдельности на грунтовых могилах или на курганах (?). Правомерность такого предположения прежде всего аргументируется характером обработки плит и конструктивными особенностями гробницы.

Стены гробницы составляли 24 вертикально установленные плиты, которые ограждали прямоугольник, ориентированный с северо-востока на юго-запад (рис. 4—6). Сверху гробница была перекрыта шестью такими же плитами [13]. Площадь гробницы 313 × 234 *см*, высота камеры 105 — 110 *см*. Обращают внимание значительные различия в размерах плит, образующих стены: длина их варьирует от 165 до 227 *см*, ширина — от 36 до 75, толщина — от 15 до 31 *см*. Верхние края всех плит стен «срезаны» ровно, под прямым углом; возможно, это результат дополнительной (вторичной) обработки стел при сооружении гробницы. Основания более коротких плит стен совпадают с уровнем материка, а плиты большей длины углублены в материковый грунт с таким расчетом (иногда до 50 *см*), что их верхние части находятся почти на одном уровне. Для закрепления плит в вертикальном положении гробница со всех сторон была обложена крупным речным булыжником в два-три слоя, а внутри на 60—65 *см* заполнена утрамбованной темно-серой глиной. Все стены и потолок гробницы обильно окрашены красной краской, пол выложен мелким галечником в один-два слоя. Скопления такого же галечника прослежены и вокруг гробницы, почти на уровне верхнего уровня стен. Особенно много гальки обнаружено вдоль юго-восточной стены, где мощность слоя достигала 20—25 *см* при ширине до 170 *см*. На этой площадке из гальки и лежали обломившиеся концы перекрывающих плит, выступавшие за юго-восточную стену.

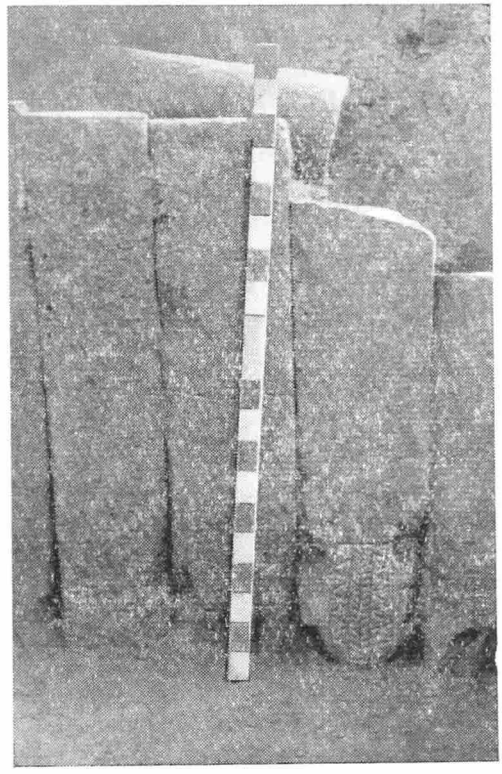


Рис. 6. Часть юго-западной стены гробницы с перевернутой антропоморфной стелой № 4 (плита № 18)

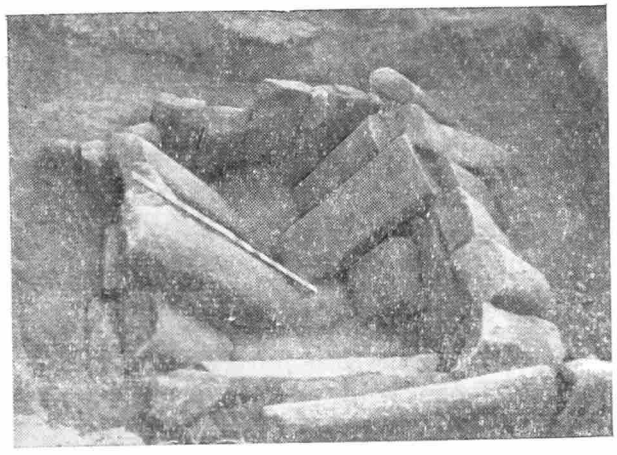


Рис. 7. Обломки перекрывающих гробницу плит; вид с юго-запада

Перекрывающие плиты, судя по характеру излома, переломились в двух-трех местах (по середине и у опирающихся на стену участков) еще в древности (рис. 7). Кроме того, они значительно повреждены экскаватором в 1966 г., а выступавшие за северо-западную стену концы их, как и верхние части плит этой же стены, были тогда же вывезены и утеряны,

[13] Плиты стен, начиная от северной угловой плиты, в юго-восточном направлении и далее, обозначены арабскими цифрами (1—24), а перекрывающие плиты с северо-востока на юго-запад — римскими цифрами (I—VI).

из-за чего теперь трудно получить полное представление о плитах кровли. Но по сохранившимся обломкам можно определить, что при ширине 50—70 *см* и толщине 20—33 *см* длина плит перекрытия достигала от 350—360 *см* до 400 *см*, т. е. превышала ширину гробницы. Перекрытие было плоским [14].

Одна из плит лежала торцом с внешней стороны юго-западной стены на булыжной забутовке, выступая над верхним уровнем стены на 20—25 *см*. По-видимому, она прикрывала боковую щель у стыка стены и крайней перекрывающей плиты. Следует полагать, что такая же плита, разрушенная в 1966 г., была установлена вдоль северо-восточной стены. Следовательно, можно подсчитать, что для сооружения гробницы использовано не менее 32 стел.

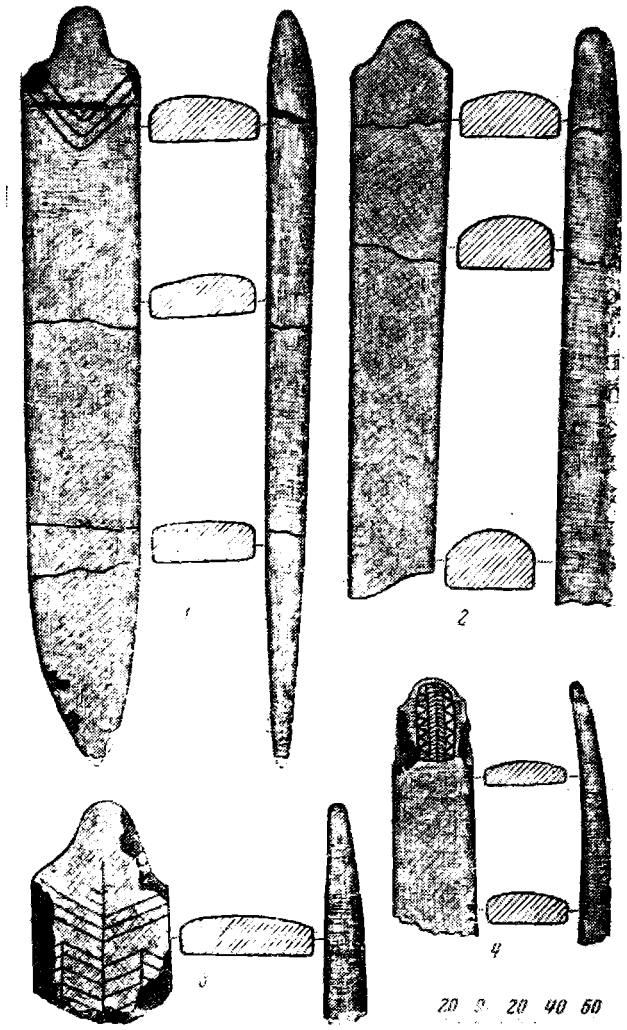


Рис. 8. Антропоморфные стелы (плиты II, IV, 24 и 18)

Одни плиты в поперечном сечении подпрямоугольные, другие — с лицевой стороны плоские, с оборотной — округлые (рис. 4). Все они плоскими сторонами обращены вовнутрь гробницы, образуя ровные стены и потолок. Плиты со всех сторон, в том числе и с торцовых, тщательно обработаны и имеют равномерно сглаженную поверхность, образовавшуюся как бы в результате длительных выветриваний. Только основания у них на 10—30 *см* грубо оббиты, слегка заострены и зачастую имеют клиновидную форму. Важно отметить, что не только основания, но и хорошо обработанные и сглаженные части плит, образующих стены, вкопаны на 50—70 *см* ниже уровня пола гробницы.

Одной из интереснейших особенностей гробницы является использование при ее сооружении четырех антропоморфных стел и порядок их размещения. Они представляют собой примитивные изваяния, у которых черты лица, шея и конечности совершенно не выражены. Головы трех стел сделаны в виде скруглых выступов с плоскими лицами; расширяясь книзу, они плавно соединяются с непропорциональными, но четко подчеркнутыми плечами (рис. 8, *1*, *2*, *4*); голова одной стелы — в виде миндалевидного выступа, плавно переходящего в едва намеченные непропорциональные плечи (рис. 8, *3*).

Друг от друга антропоморфные стелы отличаются рядом признаков. Первая из них перекрывала гробницу сверху; она лежала второй с краю

[14] Первоначально мы ошибочно считали крышу гробницы двускатной; И. М. Чеченов. Тайны Нальчикской гробницы. Газета «Кабардино-Балкарская правда» от 16 ноября 1968 г., № 299; его же. Гробница майкопского периода в Кабардино-Балкарии. АО, 1968, стр. 97.

(плита II), лицом вниз, головой на северо-запад. Стела была переломлена в нескольких местах [15], но восстановлена из обломков почти полностью (к сожалению, она единственная целая) (рис. 8, *1*). Примечательны ее необычайно большие размеры: длина не менее 422 *см*, ширина от 60 до 64, толщина от 20 до 26 *см*. Стела имеет грубо обработанное клиновидное основание. С плеч ее опускаются две группы желобков (по 3 параллельные линии с каждой стороны), которые плавно соединяются на груди (имитация ребер — ?). Не вызывает сомнений, что до использования стелы как строительного материала для гробницы она стояла вертикально, возвышаясь над землей, судя по характеру обработки, почти на 3 *м*.

Вторая антропоморфная стела (плита IV) также перекрывала гробницу и лежала лицевой стороной вниз, головой на юго-восток. Книзу стела сужается, а толщина увеличивается. Она переломлена в трех местах, основание утеряно в 1966 г. (рис. 8, *2*). Длина сохранившейся части — 324 *см*. По всем признакам длина стелы в целом виде была не менее 370—380 *см*. Это единственная неорнаментированная антропоморфная стела.

Весьма любопытны условия обнаружения третьей антропоморфной стелы (плита № 24). Она была установлена в стенке у северного угла гробницы вниз «головой», причем голова и частично орнамент были вкопаны ниже уровня пола. Нарезной орнамент, изображенный на ее груди, напоминает дерево с симметрично размещенными ветвями. От стелы сохранилась незначительная часть длиной 122 *см* при ширине 75 и толщине 21 *см* (рис. 8, *3*).

Четвертая антропоморфная стела (плита № 18) была установлена в юго-западной стене (рис. 6). «Голова» и орнамент ее также были полностью вкопаны ниже уровня пола. Желобковый орнамент, выбитый на «лице» стелы, представляет собой комбинацию из прямых и ломаных линий и насечек (рис. 8, *4*). Длина сохранившейся части стелы 151 *см*, ширина 44, толщина — 17 *см*. В продольном сечении она изогнута.

Антропоморфные стелы нальчикской гробницы пока не имеют прямых аналогий в памятниках бронзового века Закавказья и Северного Кавказа. Отдельные антропоморфные изваяния эпохи бронзы, известные на Кавказе [16], не похожи на нальчикские антропоморфные стелы. Не имеют ничего общего последние и с менгирами Северо-Западного Кавказа [17]. Наконец, они существенно отличаются от антропоморфных изваяний раннежелезного века [18] и тем более от средневековых каменных «баб» Северного Кавказа и южнорусских степей [19]. С какими же памятниками следует сравнивать нальчикские стелы?

К настоящему времени в Северном Причерноморье и в Крыму известно около 50 каменных антропоморфных стел эпохи ранней бронзы [20] (число это растет с каждым годом) [21], которые зачастую имеют значительное

---

[15] Верхняя часть именно этой стелы и была найдена в 1966 г.; Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Ук. соч., стр. 56—57, рис. 22.

[16] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини (по раскопкам 1947—1958 гг.). Ереван, 1961, стр. 69—84, рис. 31—36; В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебаини. ИАН АрмССР, 5, 1951, стр. 72—82; его же. Следы древнейшего поселения у Кармир-Блура. СА, 1958, 2, стр. 155—156.

[17] Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, табл. XVII.

[18] В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1, стр. 158—164, рис. 1—2.

[19] В. М. Сысоев. Археологические экскурсии по Закубанью. МАК, IX, стр. 164, рис. 70; Т. М. Минаева. Археологические памятники на реке Гиляч, в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, рис. 4; Д. Я. Телегин, В. Ф. Пешанов. Стела нового типа на юге Украины. АО, 1968, стр. 316—317; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 207—212, рис. 28—37; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 166—193, рис. 25—29.

[20] А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 6.

[21] Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Раскопки курганов на Ингульце. АО, 1968, стр. 252.

сходство с каменными изваяниями Западной Европы (Южная Франция) и Передней Азии (Алалах, Тель-Рифат) [22]. Подавляющая часть их, как и в нальчикской гробнице, при сооружении могил ямной и так называемой кеми-обинской культур использованы вторично или же стояли на курганах [23]. Отличаясь от более совершенных и сложных причерноморских изваяний, нальчикские стелы в то же время проявляют определенную близость с наиболее примитивными из них, выделенными А. А. Щепинским в «очень архаичный» 1-й тип [24]. В сложном эволюционном ряду классификации стел, состоящем, по А. А. Формозову, из 11 групп, они занимают от начала 2-е и 3-е места [25]. Так, стелы ямного времени, найденные близ городов Никополя и Преслава, как и 3-я стела из нальчикской гробницы, представляют собой «отесанные плиты миндалевидных очертаний без выступа, обозначающего голову, но как бы с намеченными плечами». А плиты с выступом головы, но с необозначенными чертами лица, шеи и конечностей (Белозерка, Первомаевка № 15, Одесса, Мамайский курган, Ново-Емельяновка, Чокурча, Ново-Филипповка) [26], судя по описанию, явно напоминают нальчикские 1, 2 и 4-ю стелы. Кроме того, орнаменту на последних есть ближайшие аналоги в погребальных памятниках ранней бронзы Причерноморья. Так, желобковые линии на 1-й нальчикской стеле явно напоминают имитацию ребер на новочеркасской стеле, впрочем, в известной мере совпадают у них и приемы изображения головы, плеч, а также и то, что не отмечены черты лица, хотя у новочеркасской стелы выправированы руки, пояс и посох [27]. А на плите подкурганного каменного ящика в Крыму, как и на 3-й нальчикской стеле, выбито схематическое изображение дерева [28].

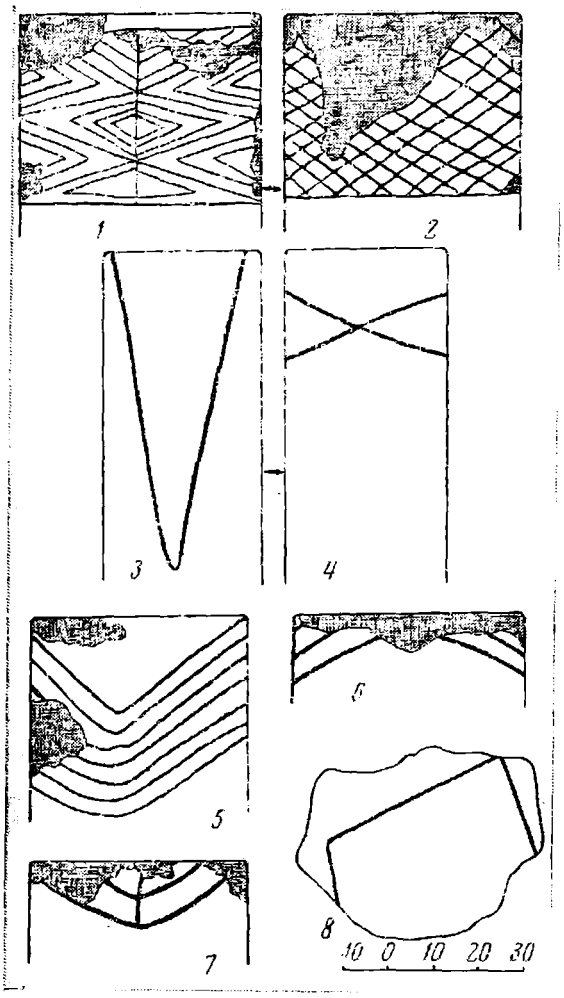


Рис. 9. Прорисовка орнамента на плитах № 5 (*6*), 7 (*1—2*), 10 (*7*), 11 (*5*) и 14 (*3—4*)

Кроме этих трех антропоморфных стел, желобковый орнамент выбит на верхних концах еще восьми плит нальчикской гробницы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во взаиморасположении орнаментированных плит не соблюдается почти никакой последовательности. На плитах № 7, 11, 14, 18 и 24 орнамент изображен на лицевой стороне, т. е. обращенной внутрь гробницы, а на плитах № 5, 7, 10 и 14 — на оборотной стороне (плиты № 7 и 14 имели

[22] А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 1965, 6, стр. 179—180; А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 7.
[23] А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 178—179.
[24] А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, 2, стр. 145—146.
[25] А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 179.
[26] Там же.
[27] Там же, рис. 1.
[28] А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 3—4.

двусторонний орнамент). Кроме того, характер узоров на плитах № 5 и 10 (рис. 9, *6—7*) создает впечатление, что верхние края их с продолжением изображений на них отбиты после нанесения орнамента. Эти детали, наряду со всем изложенным выше, лишний раз указывают, что, сооружая гробницу, ее строители мало обращали внимания на декоративные особенности плит; все стелы, как антропоморфные и орнаментированные, так и обычные, их интересовали прежде всего как удобный строительный материал, который по мере необходимости лишь слегка дообрабатывался.

Среди орнаментированных стел весьма интересно изображение на лицевой стороне плиты № 7 (рис. 9, *1*); оно отдаленно напоминает вписанные ромбы на плитах № 18, 20 и 22 кромлеха кургана ямной культуры у с. Вербовка (Северное Причерноморье) [29], а частично — черно-красную роспись на стенах подкурганных ящиков так называемой кеми-обинской культуры в Крыму (селения Дуванкой, Украинка, Белогорск, Чокурча и др.) [30]. В Крыму же известны ящики с росписью в виде ромбов в сочетании с треугольниками (с. Кояш) и просто вписанные ромбы или квадраты (г. Бахчисарай) [31].

Орнамент из диагонально пересекающихся линий на оборотной стороне нальчикской плиты № 7 (рис. 9, *2*) проявляет определенное сходство с расписными полосами «в косую клетку» на ящике из кургана у г. Симферополя [32], а также со знаками в виде решеток, выгравированных на скале у ст. Самурской в Прикубанье [33].

Косой крест на оборотной стороне плиты № 14 (рис. 9, *4*) аналогичен нарезному кресту каменного ящика из кургана у с. Баратовка (Северное Причерноморье) [34] и росписи на стене ящика у с. Ново-Софиевки (Крым) [35].

И наконец, узоры на плитах № 5, 10, 11 и 14 в принципе просты и однотипны: это от одной до семи пар слегка вогнутых желобковых линий, наклонно направленных от граней плиты к ее середине и образующих округлые углы (рис. 9, *3, 5—7*) [36]. Прямых аналогий этим изображениям также не удалось подобрать. Но в какой-то мере они (особенно узоры на плите № 11; рис. 9, *5*) напоминают отдельные детали орнамента, выбитого в камере малого Геленджикского дольмена (Северо-Западный Кавказ) [37], а также черные расписные полосы на каменном ящике из кургана близ Симферополя [38]. Впрочем, в росписи стен ящиков кеми-обинского типа наиболее характерен орнамент в виде черных и красных полос, идущих «от краев плит углами, вершины которых направлены к центру» [39].

Таким образом, несмотря на определенное своеобразие, узоры нальчикской гробницы (как и антропоморфные стелы) обнаруживают большее сходство (особенно по сюжету) с орнаментом погребальных памятников эпохи ранней бронзы Северного Причерноморья и Крыма, чем дольменов соседнего Северо-Западного Кавказа, хотя по технике орнаментации явно отличаются от черно-красных расписных линий на ящиках кеми-обинской культуры. И, по всей видимости, это сходство не случайное. При решении

[29] А. А. Формозов. Изображение на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки. КСИА АН СССР, 5, 1955, стр. 72, рис. 3—4.

[30] А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963 3, стр. 40, рис. 2.

[31] Там же, стр. 40—41, рис. 4, *16*.

[32] Там же.

[33] В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 123, табл. XVII.

[34] Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 252.

[35] А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 41, рис. 4, *17*.

[36] Еще один обломок плиты с сохранившейся частью орнамента (ромб —?) найден среди плит, разбитых экскаватором в 1966 г., см. рис. VIII, *8*.

[37] А. Лещенко. Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі, «Антропологія», IV, Київ, 1931, стр. 244—246, рис. 4 и 7.

[38] А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 40—41, рис. 3.

[39] Там же.

вопроса, из какого района и каким путем распространялись стелы и подобный орнамент, немаловажное значение имеет максимальное уточнение датировки нальчикской гробницы. С этой целью кратко проанализируем обряд погребения и разнообразный инвентарь, найденный в ней.

В западной части гробницы выявлены остатки двух костяков, придавленные обвалившимися сверху плитами V и VI. От них в основном сохра-

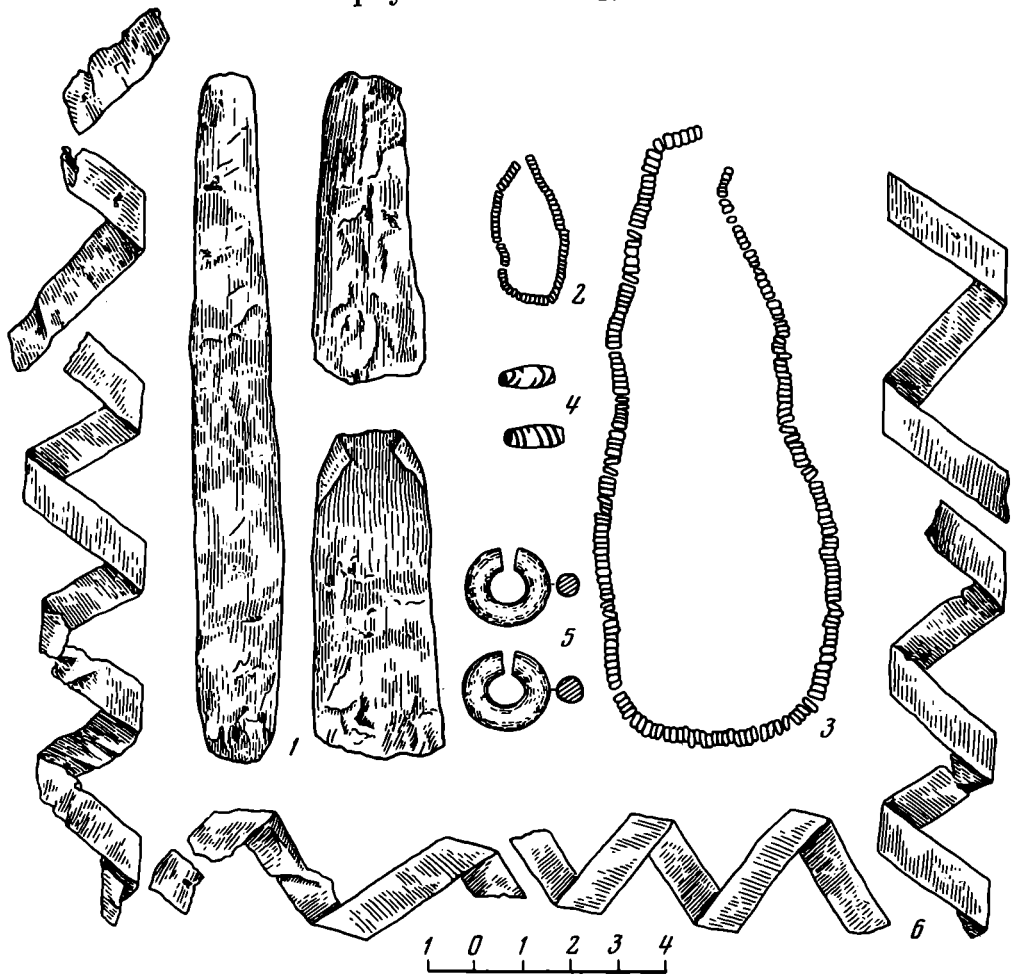


Рис. 10. Золотые вещи, найденные при втором погребенном:
1 — листовидные пластинки; *2* и *3* — мелкие бусинки; *4* — биконические бусины; *5* — височные кольца; *6* — ленты, свернутые в спираль

нился лишь тлен и определить пол погребенных не представляется возможным. Но все же прослежено, что костяки лежали близко друг к другу, в умеренно скорченном положении, головой на юго-восток (рис. 4). Они обильно окрашены, особенно в головах, красной краской. Один из погребенных, ростом не менее 170—175 *см*, лежал вплотную к стене, на правом боку. Кости черепа находились близ южного угла гробницы, в 35—40 *см* от туловища (?); положение рук не удалось определить. Вещей нет.

Второй погребенный (судя по общим очертаниям костяка и тонким обломкам костей, это была невысокая женщина или подросток, ростом не более 150—155 *см*) лежал на левом боку; руки согнуты в локтях. Близ костей черепа обнаружены два массивных золотых височных кольца с несмыкающимися концами (рис. 10, *5*), аналогичные найденным в дольмене ст. Новосвободной (Прикубанье) [40], в кургане у ст. Мекенской (ЧИАССР) [41], а также в Закавказье и Передней Азии [42]. Вблизи колец лежали две биконические золотые бусины с узорами в виде насечек (рис. 10, *4*), также типа найденных в дольмене ст. Новосвободной [43] и ши-

[40] ОАК за 1898 г., стр. 34 и 38, табл. I, *5*, IV, *43*.
[41] Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Ук соч., стр. 24, рис 9.
[42] Там же, стр. 41.
[43] ОАК за 1898 г., стр. 34, табл. I, *11*; Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 40, табл. II, *6*, XX, *1—4*.

роко распространенных от Средиземного моря до Индии (Сирия, Палестина, Двуречье, западная Индия) [44]. У груди и запястья погребенного собраны 263 мельчайшие золотые бусинки (рис. 10, *2—3*), аналогичные найденным в большом Майкопском кургане [45], а также напоминающие мелкие бусы из раскопок древнего Ура (Месопотамия) и Мохенджо-Даро (западная Индия) [46]. На бедренных костях его лежали вместе три тончайшие золотые пластинки удлиненно-листовидной формы (рис. 10, *1*); на поясе обнаружена тонкая фольговидная золотая лента, свернутая в спираль из пяти витков (длина в свернутом виде 8 *см*), и напротив этой ленты (за спиной) — конусовидный наконечник из такой же пластинки (рис. 11, *15*). Не исключена возможность, что две последние находки украшали несохранившуюся деревянную трость — посох. Во всяком случае размеры и взаиморасположение их невольно напоминают погребения более позднего (кобанского) времени у с. Тли в Южной Осетии, где в нескольких случаях при костяках найдены посохи с бронзовыми наконечниками, обмотанные бронзовыми лентами [47]. И в данном случае нет ничего неожиданного, если вспомнить хотя бы о посохах — «пастушьих палках», изображенных на стелах эпохи ранней бронзы в Причерноморье (Новочеркасск, Натальевка) и Южной Франции [48].

В 60 *см* от костей черепа погребенного, вдоль юго-восточной стены гробницы лежала спираль длиной до 50 *см*, также свернутая из тончайшей золотой ленты (рис. 10, *6*); вторая такая же спираль длиной около 100 *см* обнаружена близ восточного угла. Этими лентами, очевидно, обматывались деревянные прутья. По всей центральной части гробницы собраны 63 тончайшие золотые пластинки длиной от 2 до 12 *см* и шириной от 0,4 до 1,7 *см*. Во взаиморасположении и распределении пластинок никакой закономерности не прослеживается, если не считать, что в 20—30 *см* к северо-востоку от второго погребенного их найдено особенно много. Возможно, что пластинки украшали матерчатую основу какого-то шатрообразного сооружения, которая поддерживалась де-

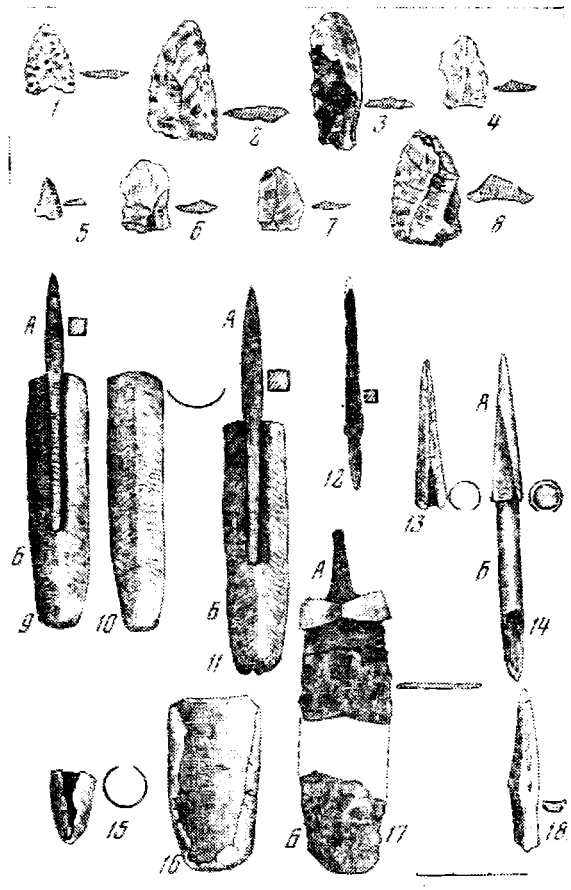


Рис. 11

1, 2 — наконечники стрел; *3, 4, 6* и *7* — ножевидные пластины; *8* — скребок; *9—11* и *12* — шилья; *10* — пластинчатая обкладка ручки шила; *13* и *14* — стрелы; *15* — конусовидный наконечник; *16* — пластинчатая обкладка ножен; *17* — двулезвийный ножик; *18* — проколка (*1* — обсидиан; *2—8* — кремень; *9А, 11А, 12* — медь; *9Б, 10, 11Б, 13, 14А, 15, 16, 17А* — золото; *14Б, 18* — кость)

[44] Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, 1, стр. 39; Т. Б. Попова, Ук. соч., стр. 40, табл. XX, *8—10*; Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 277.

[45] Хранятся в Гос. Эрмитаже, ОАК за 1897 г., стр. 4.

[46] Г. Чайльд. Ук. соч., стр. 246 и 277, табл. XXVI, *в*, XXXI, *а*.

[47] Пользуюсь случаем поблагодарить Б. В. Техова, ознакомившего меня с фотографиями погребений с посохами.

[48] А. А. Формозов. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР. ВИМК, 6, 1961, стр. 111; его же. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 180—181.

ревянными прутьями, обмотанными отмеченными выше золотыми лентами. Напомним, что на полу погребальных камер Майкопского кургана также «попадались тонкие полоски серебра», а над основным погребением был возведен шатер, поддерживаемый шестью серебряными трубками [49].

К северо-востоку от погребенных обнаружена золотая пластинчатая обкладка ножен (рис. 11, *16*), два отполированных обломка кабаньего клыка и костяная проколка из стенки трубчатой кости (рис. 11, *18*). Последняя аналогична проколкам из поселений Мешоко, Хаджох III, Луговое, Каякентское и др. [50] Большой интерес представляет найденный здесь же обломок круглой в сечении костяной стрелы с втульчатым наконечником из тонкой золотой пластинки; еще один такой же наконечник с костяным обломком внутри лежал в 95 *см* к востоку от второго погребенного (рис. 11, *13*, *14*). Прямые аналогии этим стрелам нам неизвестны.

Вблизи северо-западной стены гробницы найдены обломки плоского двулезвийного ножа — кинжала с тупым округлым концом клинка (рис. 11, *17*), изготовленного из какого-то сплава серого цвета (высоконикелевая бронза?), а юго-восточнее него — массивный медный кинжал с продольным ребром посередине; кончик клинка последнего был раздроблен свалившейся перекрывающей плитой (рис. 2, *3*). Лезвия обоих клинков почти параллельны, оба черенковые, перекрестия их окольцованы золотыми пластинками. Первый из них определенно близок малым ножам-кинжалам без продольных ребер, найденным в курганах у с. Бамут [51], хутора Новый Аршти [52], станиц Костромской и Новосвободной [53], а также во впускном погребении большого Майкопского кургана [54]. Что касается медного кинжала из гробницы, то близких аналогий ему в кавказских комплексах раннебронзового века нам не удалось подобрать; по форме, размерам, а также по четко выраженному продольному ребру он в какой-то степени напоминает кинжалы переднеазиатского типа досаргоновского периода (Ур, Библ, Сиалк, Хиссар) [55].

В восточном углу гробницы лежали два медных четырехгранных шила. Ручки их были обложены золотыми пластинками (по две пластинки на каждом черенке шила), на которые сверху накладывались пластинки меньшего размера из светло-серого сплава, прикрепляемые к деревянной основе миниатюрными гвоздиками из такого же сплава (рис. 11, *9—11*). Третье четырехгранное шило (рис. 11, *12*) почему-то лежало вне гробницы, напротив первых двух шильев, на вымостке из гальки. Четырехгранные шилья в комплексах эпохи бронзы Кавказа и Крыма, как известно, составляют наиболее распространенный тип [56]. И хотя периодизация их весьма затруднительна, А. А. Иессен все же отмечал меньшую удлиненность форм

---

[49] ОАК за 1897 г., стр. 4—6, 10.

[50] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 112, рис. 55, *6—10*; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, стр. 62—64, рис. 14—15.

[51] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 194—195, рис. 11, *2*.

[52] Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 78, рис. 33, *6*.

[53] ОАК за 1897 г., стр. 34, табл. II, *25—28*; Т. Б. Попова, Ук. соч., стр. 33, табл. X, *2*, *4—8*.

[54] См. А. А. Иессен. К хронологии «больших Кубанских курганов», СА. XII, 1950, стр. 165, 172, табл. III, *3*.

[55] Г. Чайльд. Ук. соч., стр. 243, 293, 334, табл. XXI, *а*, XXIX.

[56] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 34, табл. VIII, *6—10*; А. Д. Столяр. Мешокопоселение майкопской культуры, «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II. Майкоп, 1961, стр. 80, рис. 6, *2*; Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 194, рис. 11, *3*; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Ук. соч., стр. 75, рис. 33, *5*; его же. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 99, рис. 27, *13*; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, 4, стр. 21, рис. 5, *3—5*; А. А. Щепинский. Культура энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 12, 18, рис. 3, *22—23*, рис. 7, *8*.

шильев майкопского периода (каковыми являются и нальчикские экземпляры), чем найденных в «среднекубанских» курганах [57].

Близ северного угла гробницы прослежены четкие отпечатки и остатки циновки, на которой до 1966 г. стоял упомянутый медный котел (рис. 2, *1*), а также найдены обломки красноглиняного сосуда, извлеченного тогда же. Здесь же в беспорядке лежали фрагменты какого-то предмета из листовой меди (миска — ?) и сдвинутые с мест медные вещи — плоское тесло (рис. 2, *6*), круглое желобчатое долото с четырехгранной насадкой (рис. 2, *2*) и массивный проушный топор весьма архаичной формы; округлая втулка и обух с продольным гребнем у топора почти параллельны его хорошо прокованному лезвию (рис. 2, *4*). В 1,5 *м* к югу от последнего найден второй топор, меньшего размера, но также довольно массивный; его обух с продольным гребнем и втулка расположены под небольшим углом к совершенно непроработанному лезвию. Втулка второго топора была прикрыта золотой пластинкой сферической формы, а место соединения с топорищем окольцовано также золотой пластинкой (рис. 2, *5*).

Разновидности древнейших медных плоских тесел, желобчатых долот и проушных топоров найдены на огромной территории — в Передней Азии, в Закавказье, в бассейнах Дуная, Дона и Волги [58]. Ближайшие же аналогии нальчикским экземплярам имеются в комплексах новосвободненского этапа майкопской культуры (Новосвободненская, Воздвиженская, Костромская, Махошевская, Андрюковская, Бамут и др.) [59].

К юго-востоку от места расположения медного котла в гробнице обнаружены обсидиановый наконечник стрелы с выемчатым основанием и с пильчатой ретушью (рис. 10, *1*), кремневый наконечник дротика (рис. 11, *2*), четыре кремневые ножевидные пластины (рис. 11, *3—4, 6—7*) и обломок точила или лощила. Несколько скребков и отщепов и одна кремневая проколка (рис. 11, *5* и *8*) найдены близ северо-западной стены и в средней части гробницы. Все отмеченные кремневые предметы, как и обсидиановый наконечник стрелы, имеют многочисленные аналогии в комплексах майкопской культуры [60].

Таким образом, как по погребальному обряду (мегалитическое сооружение в периферии кургана, окрашенность стен красной краской, булыжная забутовка вокруг гробницы и т. д.), так и по инвентарю нальчикская гробница наибольшее сходство имеет с дольменами ст. Новосвободной. И хотя от последних она отличается некоторыми существенными конструктивными особенностями (например, отсутствием перегородки и отверстия — лаза), в чем, возможно, проявляются центральнокавказские локальные особенности, все же ее следует причислить к кругу погребальных памятников новосвободненского этапа майкопской культуры, датируемых по последней периодизации А. А. Иессена 2300—2100 гг. до н. э. [61] Причем

---

[57] А. А. Иессен. Ук соч., стр. 173.

[58] Г. Чайльд. Ук. соч., рис. 30, 83, 88, 99, 104; Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 29—31; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 136—139, 141—143; Ф. А. Мэхмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Ук. соч., стр. 21—22, рис. 5, *1, 2*; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, 1941, стр. 12, рис. 10а; Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 5, рис. 1, *2*.

[59] ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 59—60; ОАК за 1898 г., стр. 34—35, 37—38, табл. I, *12—14*, II, *23*, III, *35—40*, IV, *51—53*; А. И. Иессен. Ук. соч., стр. 171—173, табл. II, *1—2, 6*; Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 28—31, 34, табл. VIII, *1—5*, IX, XVII, *32—3*, IX, XVII, *2—3*, XIX, *4—5*, XXI, *2—4*; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Бамутские курганы эпохи бронзы, стр. 96, рис. 27, *55*.

[60] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 110, рис. 54, *1—8*; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, стр. 109—112, рис. 63; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 174—181, рис. 22; Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 179, рис. 1.

[61] Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность, стр. 38.

вполне допустимо, что гробница сооружена в самом начале этого этапа, поскольку в ней прослеживается ряд признаков, не характерных для дольменов ст. Новосвободной, но отмеченных в большом Майкопском кургане, а именно: юго-западная ориентировка погребальных камер, коллективное погребение, циновка под медными предметами, выложенные галечником полы, архаичность форм некоторых предметов, полное отсутствие жемчужного орнамента на находках, наличие пластинок из золота или серебра и т. д.

Несомненно, что стелы, использованные для сооружения нальчикской гробницы вторично, бытовали еще раньше. В то же время вряд ли они древнее ранних погребений известного Нальчикского могильника, в свою очередь синхронного Майкопскому кургану [62]. Ведь Нальчикский могильник, расположенный вблизи гробницы,— памятник самой начальной стадии знакомства с металлом на Центральном Кавказе. А характер обработки стел неоспоримо свидетельствует об интенсивном использовании эффективных металлических орудий труда с довольно высоким коэффициентом полезного действия. Иными словами, время изготовления нальчикских стел хронологически вклинивается между майкопским и новосвободненским этапами и определяется в пределах 2400—2200 гг. до н. э.

Выше отмечалось, что, не имея прямых аналогий на Кавказе, антропоморфные стелы и орнамент на стелах Нальчикской гробницы проявляют наибольшее сходство с соответствующими памятниками Причерноморья. И в этом нет ничего неожиданного, если вспомнить о контактах и взаимовлияниях носителей ямной культуры и племен Северного Кавказа [63]. Следует полагать, что эти связи и даже инфильтрация носителей ямной культуры на юг не ограничивались степным Предкавказьем и Прикубаньем, но охватывали и центральную часть Кавказа. Иначе трудно объяснить происхождение некоторых предметов [64] и особенно обряд погребения в отдельных курганах Центрального Кавказа, чуждый для местных племен и характерный для ямной культуры. Здесь мы имеем в виду захоронения на спине, с согнутыми в коленях ногами, найденные в подкурганных ямах у ст. Суворовской близ г. Ессентуки [65], с. Верхний Акбаш в КБАССР [66], у хутора Новый Аршти [67] и с. Бамут [68] в ЧИАССР. В этой связи хочется обратить внимание также на ряд ранних погребений Нальчикского могильника (кстати, синхронного древнеямным памятникам) с захоронениями на спине, с согнутыми в коленях ногами (погр. № 7, 29, 36, 38, 79, 84, 86, 99, 105, 117 и 120) [69]. Следует напомнить, что среди всех отмеченных погребений Центрального Кавказа преобладает восточная ориентировка с отклонениями на север и реже на юг, что свойственно и для подавляющего большинства древнеямных могил. Думается, что это сходство в погребальном обряде не случайное явление, как не случайно и сходство антропо-

---

[62] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 146—147.

[63] Там же, стр. 139—143; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 41—42; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 43—44; И. В. Синицын. Раскопки в долине восточного Маныча. АО, 1967, М., 1968, стр. 69—70.

[64] Например, круглодонный сосуд и костяная проколка типа ямной культуры из курганов у ст. Усть-Джегутинской в КЧАО; см. Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Ук. соч., стр. 148, 150.

[65] А. А. Нечитайло. Раскопки курганов у ст. Суворовская. АО, 1966, М., 1967, стр. 69.

[66] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Уч. зап. КНИИ, V, Нальчик, 1950, стр. 210—212, рис. 15.

[67] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 188—189.

[68] Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г., стр. 180.

[69] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, Могильник в г. Нальчике, стр. 70—94.

морфных стел и орнамента на стелах Нальчикской гробницы с погребальными памятниками Северного Причерноморья и Крыма.

Нальчикскую гробницу, как отмечалось, с некоторыми оговорками можно причислить к дольменообразным (мегалитическим) сооружениям новосвободненского типа. И тот факт, что антропоморфные и орнаментированные плиты были установлены вниз головой, а все стелы были использованы исключительно как строительный материал, указывает, что для носителей культуры, первоначально изготовивших нальчикские стелы, последующие строители самой гробницы явились носителями иной, и, по-видимому, чуждой (новосвободненской?) культуры. Этому соответствует и тот факт, что для Северо-Западного Кавказа, где зарегистрировано около 1700 дольменов [70], антропоморфные стелы не характерны. И, наоборот, стелы распространены там, где нет настоящих дольменов (т. е. в Северном Причерноморье и Крыму) [71]. В свете этого наглядного факта нам непонятна попытка А. М. Лескова (вслед за А. Хойслером и др.) безоговорочно связывать антропоморфные стелы «с мегалитическими постройками и в первую очередь с дольменами» [72]. Мы не беремся судить, насколько правомерно такое суждение относительно Передней Азии и Западной Европы, но что касается Причерноморья нашей страны, то ни генетической, ни территориальной связи антропоморфных стел с дольменами не прослеживается. Ведь при наличии этой связи наибольшее количество стел было бы найдено в зоне наиболее интенсивного распространения дольменов, т. е. на Северо-Западном Кавказе; а их, как указывалось, там нет. Поэтому стремление связывать появление стел в Крыму, а затем и на Северном Причерноморье под влиянием дольменной культуры Северо-Западного Кавказа [73] является недоразумением.

При решении вопроса, откуда распространилось умение воспроизводить в камне монументальный человеческий образ, пока мало оснований, которые могли бы заставить «нас склониться к признанию воздействия запада на Причерноморье», ибо факт распространения стел «на очень узкой приморской полосе» [74], приводимый А. А. Формозовым как аргумент для обоснования этой мысли, мало о чем говорит. Да и сам тезис о том, что стелы распространены только «на очень узкой приморской полосе», после обнаружения таковых в г. Нальчике (т. е. в 400 *км* от моря) требует уточнения.

Учитывая, что стелы распространены не по всему ареалу раннебронзовых культур Причерноморья и Северного Кавказа и что подавляющая часть их найдена во вторичном использовании, следует полагать, что они не являются генетически неотъемлемой частью ни ямной, ни так называемой кеми-обинской, ни дольменной, ни майкопской культур. Вероятнее всего, речь может идти лишь о путях их распространения на территорию нашей страны.

Думается, что нальчикские стелы представляют важнейший источник для установления путей, связывающих Юго-Восточную Европу с цивилизациями древнего Востока и через центральную часть Кавказа, а не только

---

[70] Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, Сухуми, 1960, стр. 103; В. И. Марковин. Исследование кавказских дольменов. АО, 1968, стр. 101.

[71] На Северном Кавказе наиболее восточной границей распространения дольменов является район Пятигорья; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 22—23; Л. И. Лавров. Ук. соч., стр. 101—164; поэтому вызывает недоумение существующее мнение о том, что дольмены «начиная почти от Осетии... тянутся группами на запад...;» Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 64.

[72] А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 6—7. А. М. Лесков необоснованно приписывает А. А. Формозову эту же мысль, но, насколько нам известно, А. А. Формозов никогда не связывал антропоморфные стелы с дольменами.

[73] А. М. Лесков. Ук. соч.

[74] А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 181.

по приморской полосе. Напомним, что Дарьяльский проход также был освоен с древнейших времен.

Следует надеяться, что более интенсивные археологические изыскания в Центральном Кавказе будут значительно способствовать освещению этого сложного, но интересного вопроса.

I. M. Tchétchénov

UN TOMBEAU DE L'AGE DU BRONZE ANCIEN DANS LA VILLE DE NALTCHIK

Résumé

A Naltchik on a découvert sous un tumulus un tombeau monumental se rapportant à la deuxième moitie du III-e millénaire avant notre ère, constitué de stèles, de dalles de tuf utilisées une seconde fois. Toutes les stèles sont minutieusement travaillées; certaines d'entre elles sont anthropomorphes ou ornées de rainures. Elles ont une grande affinité avec les sculptures de pierre provenant du Sud de l'Ukraine et de l'Europe occidentale. Au fond du tombeau pavé de cailloux on a trouvé deux squelettes ainsi qu'une grande quantité d'objets d'or, de cuivre, de silicium et d'os. Les murs du tombeau, les os des personnes ensevelies et une partie des objets sont abondamment teints en rouge. D'après les particularités de construction ce tombeau est unique en son genre pour le Sud de notre pays. Mais le mode de sépulture et ses éléments ont plusieurs traits communs avec les ensembles les plus anciens de la période dite novosvobodnensky de la culture de Maïkop.

Les matériaux du tombeau et notamment ses particularités de construction pris en rapport avec les données concernant les autres monuments de la même époque donnent lieu d'affirmer que les stèles anthropomorphes du type Naltchik ne peuvent être rapportées à aucune culture actuellement connue de l'Age du Bronze ancien du Caucase ou même du Sud de la partie européenne de notre pays.

А. В. ВИНОГРАДОВ, Е. Е. КУЗЬМИНА

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ИЗ ЛЯВЛЯКАНА

В 1966 г. во время работ Южно-Кызылкумского отряда Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР в районе соленых Лявляканских озер (Внутренние Кызылкумы) в одной из песчаных дефляционных котловин, условно названной «стоянка Лявлякан 506», был найден разновременный археологический материал.

Котловина расположена в 5—6 *км* к югу от оз. Лявлякан, на гребне крупной песчаной гряды, за пределами южного прибрежного массива. Она неправильно овальной формы (80 × 50 *м*, с длинной осью, направленной примерно СВ—ЮЗ), глубиной не менее 3 *м* на северо-западном склоне; на уровне в 80—120 *см* от дна котловины хорошо выражен невысокий карниз, образовавшийся в результате разрушения уплотненного горизонта погребенной почвы (рис. 1).

Археологические находки образуют три очень компактных скопления (I—III). Скопления I и II располагаются на поверхности карниза и на песчаном склоне ниже его. Скопление III — в восточной части котловины, на песке у основания склона.

Основную массу находок на последних двух скоплениях составляют обломки лепных (из грубого теста) плоскодонных сосудов. Здесь же найдены отдельные обломки ремесленных средневековых сосудов. Среди материалов скопления III имеется также несколько фрагментов сосудов типа, встречающегося на степных памятниках эпохи бронзы. Оба скопления являются, вероятно, остатками кратковременных стоянок небольших групп скотоводов.

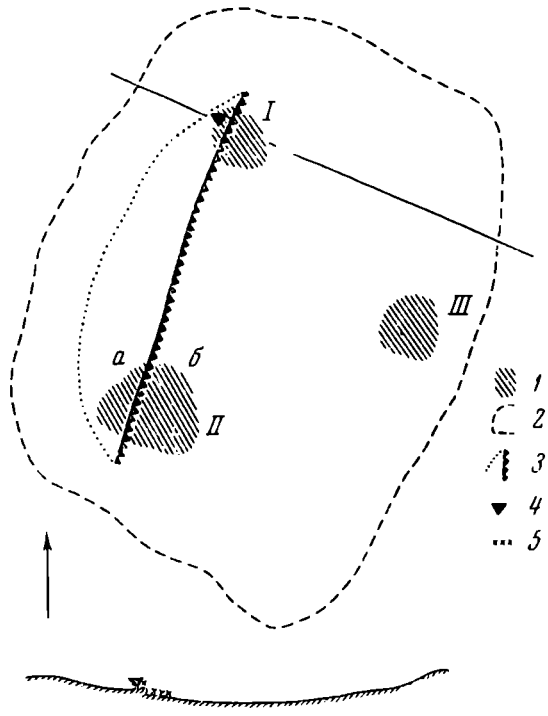


Рис. 1. Стоянка Лявлякан 506. Схематические план и разрез песчаной котловины, в которой собраны находки.

1 — скопления находок (I, II, IIIа, IIIб); *2* — границы котловины по гребню перемычек; *3* — границы карниза погребенной почвы; *4* — основное скопление обломков литейных форм; *5* — мелкие обломки форм, кусочки шлаков

Наиболее интересны материалы скопления I. Здесь, на поверхности карниза, в северной части котловины найдены обломки двух литейных форм. Целые их части и наиболее крупные из обломков собраны на участке площадью не более четверти квадратного метра. Мелкие обломки форм найдены в 2—3 *м* южнее и, в частности, за пределами карниза, на примыкающем к нему песчаном склоне. При внимательном осмотре песчаной поверхности удалось обнаружить

очень мелкие кусочки руды и шлаков, а также капельки меди. На склоне ниже карниза найдены, кроме того, кремневый отщеп и два-три обломка грубой лепной керамики того же типа, что и на скоплениях II и III.

Совместные находки литейных форм, кусков руды и шлака дают все основания предполагать, что на поселении Лявлякан 506 находилась литейная мастерская и было развито металлообрабатывающее производство. Для решения вопроса о том, к какому времени относится Лявляканский комплекс, необходимо рассмотреть литейные формы.

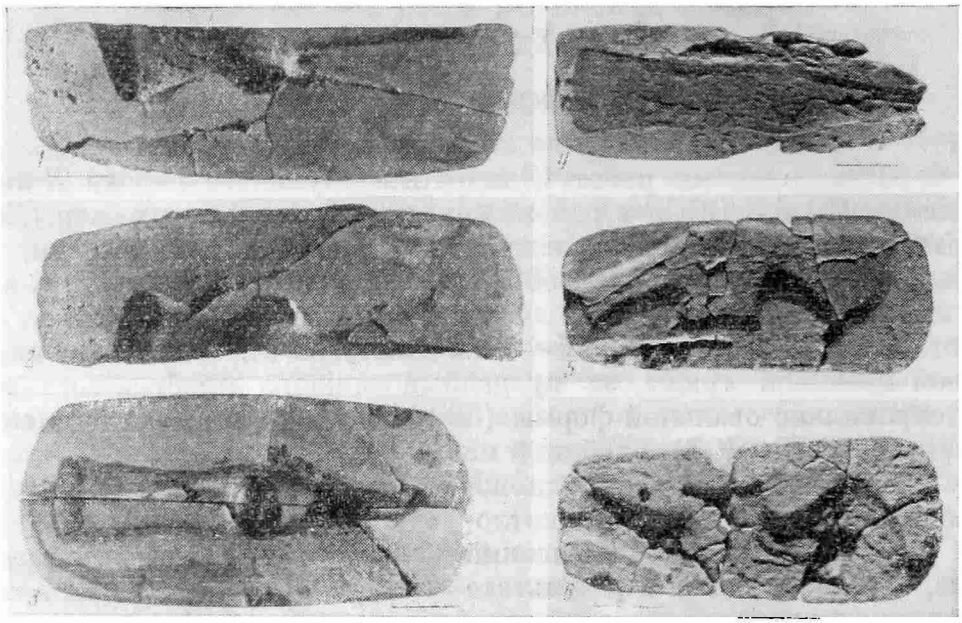


Рис. 2. Литейные формы со стоянки Лявлякан (*1—4* — топор-тесло; *5—6* — топор-молот)

Первая форма предназначена для отливки топора-тесла. Она сделана из крупнозернистого коричневато-серого песчаника и состоит из трех створок; на двух вырезаны зеркальные отображения орудия, третья служит крышкой. Части формы тщательно обработаны и плотно прилегают друг к другу; наружные поверхности подтесаны, для удобства скрепления снаружи пробит желобок для обвязки. Металл, видимо, наливался сверху (рис. *2*, *1—4*). Размер створок: 24,8×7—7,5×5—5,8 *см*.

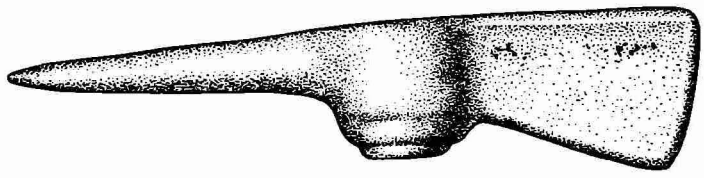


Рис. 3. Отливка топора-тесла

Отливка, получавшаяся в этой матрице (рис. 3), имела длину 19,5 *см*; длина топора 11,5 *см*, ширина лезвия топора 4,8 *см*, тесла — 4 *см*, втулка, круглая, диаметром 3 *см*, выступает наружу со стороны тесла на 1,8 *см*, а со стороны топора на 0,6 *см*.

Это орудие принадлежит к категории топоров-тесел, широко распространенных в эпоху энеолита и бронзы на территории Старого Света (рис. 4).

Три топора-тесла известны среди находок в Средней Азии [1]: два из слу-

[1] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ В4-9, М., 1966, стр. 14—16, табл. 1, *6—8*.

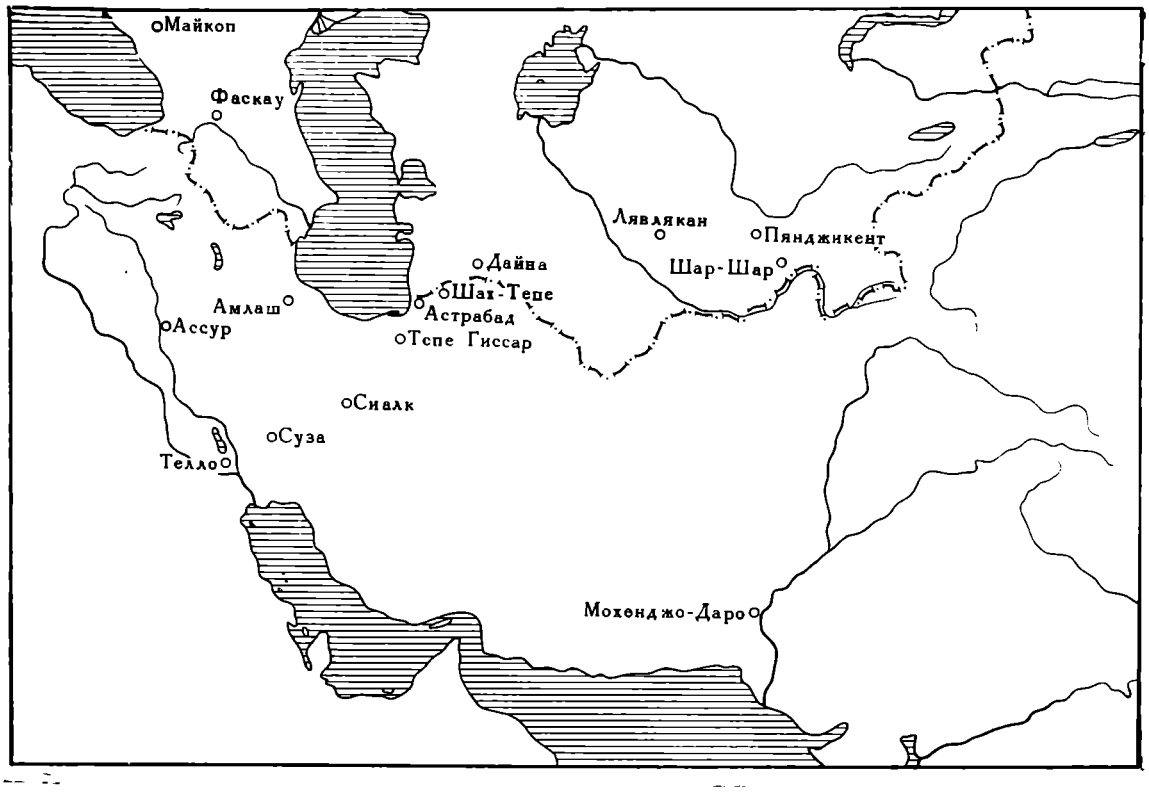


Рис. 4. Находки топоров-тесел в Средней Азии и соседних областях

чайных находок в Таджикистане [2]; один из комплекса с керамикой шахтепинского типа, обнаруженного у пос. Дайна в Туркмении [3]. Широкое распространение имели топоры-тесла в Иране: один топор-тесло входит в состав Астрабадского клада [4], два экземпляра происходят из тепе Гиссара из слоев III B и III C, в слое III B найдена также литейная матрица, а в слоях III B и C — миниатюрные имитации топора-тесла [5]. Точно такой же предмет встречен в Шах-Тепе во II слое [6]. Наконец, две миниатюрные ритуальные копии топоров-тесел обнаружены в некрополе В тепе Сиалка [7]. Самой восточной находкой орудий этой категории является топор-тесло, найденный в Мохенджо-Даро (Индия) в позднехараппском слое [8].

Большая коллекция топоров-тесел происходит из Амлаша (район северо-западного Ирана у юго-западного побережья Каспия) [9].

---

[2] М. Е. Массон. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. «Бюллетень среднеазиатского геологоразведочного управления», 2, Ташкент, 1930, стр. 4, рис. 1; А. И. Тереножкин. Археологические исследования в Таджикистане. КСИИМК, XX, 1948, стр. 75, рис. 37; Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела в Таджикистане и других республиках Средней Азии. Душанбе, 1954, стр. 23; его же. О топорах эпохи бронзы в Таджикистане, Изв. ООН АН ТаджССР, 1 (24), 1961, стр. 59, рис. 1,2.

[3] А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. Изв. АН ТуркмССР, 1953, 5, стр. 14—19, рис. 1.

[4] M. Rostovtzeff. The Sumerian Treasure of astrabad. «The Journal of Egypt archaeology», 1920, VI, стр. 1, табл. III. *13*; H. Bonnet. Die Waffen der Völker des Alten Orient. Leipzig, 1926, стр. 21, рис. 9; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, рис. 41.

[5] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphie, 1937, стр. 185, 205, табл. XLIV, H *3577*, *LII*, H *2710*, H *2793*, f *120*, H *3247*.

[6] T. Arne. Excavations at Shah-Tepe, Stockholm, 1945, стр. 305, рис. 663.

[7] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, Paris, Louvre, II, 1938, стр. 47, табл. XCIII.

[8] Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 91, рис. 4; E. Mackay. Farther Excavations at Mohenjo — Daro. New-Delhi, 1938, стр. 457, табл. CXX, 27.

[9] J. Deshayes. Les outils de bronze de l'Indus au Danube. Paris, 1960, I, стр. 445—446; II, табл. LIII, *4—10*, *12*, LXVII, *1—5*.

По плану / По профилю			A	B	C	D
I	1			Трансильвания Позднее Триполье Ариушт Крит [x] РМ II Бодрогкерестур Крит СМ I Греция ДЭП	Сузы Шар-Шар Пянджикент	Крит СМ
	2			Трансильвания Гумельница (Видра) Бодрогкерестур Троя II	Трансильвания Кукутени В Бодрогкерестур Крит Кавказ	
II	1			Греция Телло [xi] Эгейский бассейн Майкоп Эутрезис Луристан Крит СМП		Крит СМ II Эгейский бассейн
	2			Греция Эгейский бассейн	Троя УП В	
III	1		Суза	Астрабад Лявлякан [xx] Дайна Амлаш Гиссар III В [xx] Фаскау	Мохенджо-Даро Гиссар III С	
	2				Гиссар III В	
	3			Шах-Тепе II [x] Сиалк В [x] Гиссар III В [x] Ассур [x] Гиссар III С [x]		
	4			Амлаш Луристан		
IV				Амлаш	Амлаш	

Рис. 5. Классификация топоров-тесел

Пунктирной линией обозначена область массового распространения подтипа; крестиком — модель; двумя крестиками — литейная форма; ДЭ — древнеэлладский; РМ — раннемикенский; СМ — среднемикенский. В таблицу включены все известные нам находки топоров III типа. Для I, II и IV типов указаны области массового распространения и только те отдельные находки, которые имеют принципиальное значение для выяснения границ распространения, хронологии и генезиса типа

Один топор-тесло, привлекший всеобщее внимание, входит в состав комплекса [10]. С Кавказа, из Фаскау, происходит еще один топор-тесло. Два архаичных экземпляра найдены в Сузах [11].

На территории Месопотамии находки топоров-тесел нам не известны [12], но здесь в Телло представлена глиняная модель этого орудия [13].

---

[10] ОАК за 1897 г., стр. 2—11; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, М.— Л., 1935, стр. 1—90; его же, К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 173, табл. 1, 8.

[11] J. Deshayes. Haches-herminettes iraniennes. «Syria», XL, 1963, стр. 273—276.

[12] Если не считать 8 миниатюрных ритуальных имитаций из храма в Ассуре XI в. до н. э.

[13] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, рис. 60; A. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949. стр. 85.

Население Малой Азии, видимо, не употребляло широко топоров-тесел, во всяком случае до сих пор известны только два экземпляра из Троп (из слоев II и VII B), судя по всему, импортированных с Запада [14].

Серия топоров-тесел обнаружена на памятниках Эгейского бассейна, в материковой Греции и на Крите [15]. Другим районам широкого распространения данной категории являются Балканы и все Подунавье [16], а так-

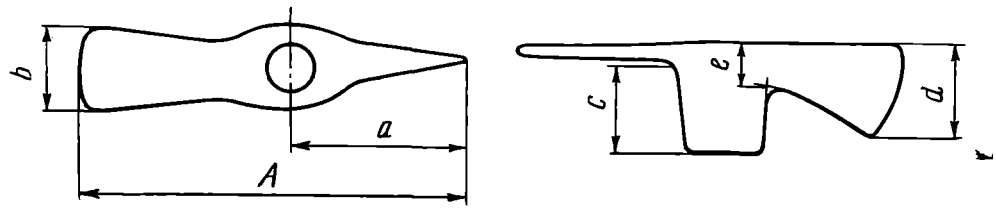


Рис. 6. Схема определения пропорций топора-тесла

же исторически связанные с этими территориями Поднестровье и правобережье Днепра [17].

Топоры-тесла могут быть классифицированы по форме профиля и плана орудия [18] (рис. 5). По профилю удается объективно выделить четыре основных типа, разделяющихся на несколько подтипов: 1 — топоры-тесла клиновидные: I, *1* гладкие, I, *2* со слабо выступающим проухом; II топоры-тесла с проухом, слитным с лезвием топора: II, *1* гладкие; II, *2* со слабо выступающих проухом; III, *1* топоры-тесла с трубчатым, сильно выступающим проухом: III, *1* с гладким проухом, III, *2* с валиком по нижней части проуха, III, *3* миниатюрные, иногда черешковые имитации подтипов III, *1* и III, *2*; III, *4* топоры-тесла с резко удлиненной трубкой проуха, часто орнаментированной валиками; IV топоры-тесла с проухом, слитным с лезвием топора и спускающимся вниз. По плану топоры-тесла могут быть разделены на четыре группы [19]: А — простые клиновидные гладкие; В — с округлыми выступами вокруг проуха; С — с изогнутой линией лезвия тесла и остроугольными выступами у проуха; Д — с овальным проухом. Исходными являются подтипы I, *1*; II, *1* и III, *1*.

---

[14] H. Schmidt, H. Schliemann's Sammlung Trojanischer Altertümer. Berlin, 1902, No. 6479, 6481.

[15] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 56, рис. 11. *3*, *4*; O. Montelius, La Grèce prèclassique. I. Stockholm, 1924, I, стр. 155, рис. 488; H. Goldman. Excavations at Eutresis in Boeotia. Cambridge (Mass.), 1931, стр. 216, рис. 287, *2*; C. Hawkes. The Prehistoric Foundations of Europe to the Mycenian Age, London. 1940, стр. 225.

[16] Г. Чайлд. У истоков..., стр. 162, 182, рис. 53; F. Pulszky. Die Kupferzeit in Ungarn. Budapest, 1884, стр. 69; G. Childe. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929, стр. 204, рис. 112; В. Миковь. Предисторически селища и находки вь България. София, 1933. «Издания на народния археологически музей», 30, обр. 48, 50; Д. Гарашанин. Каталог металла. Београд, 1954, стр. 48; F. Schubert. Zu den Südosteuropaischen Kupferaxten. Germania, 1965, 2, стр. 274—295; J. Deshayes. Les outils de bronze, I, стр. 280—291; II, табл. XXXVIII—XXXIX. В работе Ж. Дейе учтены некоторые экземпляры из России, а также последние находки в комплексах в Причерноморье и Подунавье. Сводка новых данных и литература вопроса о топорах Юго-Восточной Европы содержится в исследовании В. Г. Збенович. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе, СА, 1969, 3.

[17] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique d'apres l'introduction du metaux. ESA, II, 1926, стр. 172—173, рис. 98, *8*, 99, *6*; В. Г. Збенович. Ук. соч.

[18] Детальная классификация топоров-тесел была проведена Ж. Дейе, выделившим основные типы по территориальному принципу, в результате чего сходные по формальным признакам вещи оказались отнесенными к разным типам (например, майкопский топор объединен в один тип с иранскими, от которых он отличается сильнее, чем от эгейских). Это заставляет нас предложить свою схему классификации топоров-тесел.

[19] Каждая группа далее может быть расчленена по степени выступания лезвийной части и местоположению проуха, выражаемому отношением A : a. Членение всех топоров-тесел по этому признаку выходит за рамки данной работы.

Картографирование топоров-тесел приводит к выводу, что орудия I типа известны по всему ареалу (единичные находки сделаны в Сузах, Таджикистане, Греции, на Крите), но преимущественное распространение получают в Подунавье.

Наиболее архаичен экземпляр подтипа I, *1* с из Суз, откованный из чистой меди [20], что позволяет отодвигать время его появления вплоть до IV тысячелетия до н. э., поскольку позднее в Эламе распространяется техника отливки (в формах) орудий из искусственных сплавов на медной основе. Очень архаичны также экземпляры орудий подтипа I, *1* из Трансильвании, выкованные из меди [21]. Этот подтип продолжает существовать вплоть до начала II тысячеления до н. э., что доказывается находкой в комплексе бодрогкерестурской культуры.

Сложение подтипа I, *2* вызывалось необходимостью придать большую прочность орудию и предохранить рукоять от поломки в процессе работы. Дата появления подтипа I, *2* определяется по находкам в Трое II и в комплексе Кукутени В срединой — третьей четвертью III тысячелетия до н. э.

Находки в комплексах культур Гумельница и Бодрогкерестур показывают, что расцвет этого подтипа падает на вторую половину и, главным образом, конец III — самое начало II тысячелетия до н. э.

Картографирование орудий II типа показывает, что они распространены на широкой территории, включающей Месопотамию (откуда происходит глиняная модель), Луристан (откуда известна одна случайная находка), Кавказ, где топор-тесло подтипа II, *1* найден в Майкопе, Грецию и весь Эгейский бассейн, где концентрируется основная масса орудий подтипа II, *1*.

Подтип II, *1* складывается в конце IV тысячелетия до н. э., что устанавливается по находке глиняной модели, имитирующей металлическое орудие, обнаруженное в Месопотамии, в теллоубейдском комплексе.

Находки в комплексах Майкопа и Греции позволяют относить время расцвета этого подтипа ко второй половине — концу III и первым векам II тысячелетия до н. э. Что касается орудий подтипа II, *2*, у которых рационализация формы выразилась в укреплении проушины литым валиком, то они доживают вплоть до эпохи поздней бронзы (Троя, VII B, Кипр).

Орудия III типа локализуются в восточной части ареала топоров-тесел, концентрируясь в районе юго-восточного Прикаспия (Астрабад, Дайна, Шах-Тепе, Гиссар). Экземпляр из Мохенджо-Даро безусловно должен быть признан импортом именно из этого основного центра их производства. Единичные находки в Аламше и в Сузах позволяют включить в область распространения этого типа также северо-западный Прикаспий и Элам.

Подтипы III, *1*, *2*, *3* появляются в последних веках III тысячелетия до н. э., что доказывается находками в синхронных комплексах Астрабада, Дайна, Шах-Тепе II и Гиссара III B, и бытуют в первой четверти II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют находки в комплексах Гиссара III C и Мохенджо-Даро. Вычурные экземпляры подтипа III, 4 доживают, видимо, до эпохи поздней бронзы [22]. Наконец, IV тип топоров-тесел, возникший, по-видимому, в результате комбинации топоров-тесел подтипов II, *1* и III, *1*, распространен в Амлаше. Ж. Дейе датирует амлашскую серию топоров-тесел третьей-второй четвертью II тысячелетия до н. э. [23].

---

[20] J. Desphages. Haches — herminettes iraniennes, стр. 273—276.

[21] H. Coghlan. Some Problems Concerning the Manufacture of Copper Shoulder axes, «Archaeologia Austriaca», 29, Wien, 1961.

[22] Находки этих орудий в четко датированных комплексах мне не известны. Вопрос о времени изготовления орудий подтипа III, 4, являющийся частью спорной проблемы хронологии луристанских и амлашских бронз, остается открытым.

[23] J. Deshayes, Les outils, I, стр. 445. Поскольку находки в комплексах не известны, датировка остается предположительной.

В каком отношении с выделенными типами находится топор-тесло из Лявлякана, являющийся объектом нашего рассмотрения? У него лезвие топора у проуха опущено несколько ниже, чем лезвие тесла, что роднит его с IV типом, однако пропорции сближают его с III типом. Чтобы объективно оценить степень близости лявляканского экземпляра к топорам-теслам III и IV типов, особенности топоров выражены рядом отношений (рис. 6, табл. 1) [24]: длины топора-тесла (A) к длине топора (a), A — к ширине лезвия (b), A к величине выступания втулки (c), A к длине лезвия топора (d), и A к ширине топора у проуха (e).

Таблица 1

Тип	Место находки	A : a	A : b	A : c	A : d	A : e
III	Лявлякан	1.7	4.9	10.8	3.9	6.5
	Астрабад	2.1	?	3.7	3.7	7.5
	Дайна	2.1	4.7	3.9	4.7	7.7
	Гиссар IIIB	1.8	3	3.2	2.5	5.0
	Гиссар IIIC	2.1	5.2	5.2	5.5	7.2
	Мохенджо-Даро	1.8	3.8	?	3.5	6.4
	В среднем:	1.9	4.2	4.0	3.9	6.8
IV	Амлаш № 3125 *	1.7	2.5	3.7	2.1	4
	№ 3131	2	3	5.5	3	4.3
	№ 3123	2.4	3	8.5	3	5.4
	№ 3127	1.9	2.5	3.6	2.9	4.8
	№ 3126	1.8	2.5	5	2.5	4.2
	В среднем:	1.9	2.7	5.3	2.7	4.5

* № указывает номер предмета в работе J. Desbayes. Les outils, I, стр. 445. № 3122 и 3124 не включены нами в таблицу, так как относятся к III типу.

Сопоставление данных приводит к выводу, что A : a не имеет диагностирующего значения, A: в у топоров-тесел III типа колеблется от 3 до 5,2, причем средняя величина равна 4,2, а у IV типа от 2,5 до 3 при средней 2,7. A : c в иранской серии составляет в среднем 4,0, а в амлашской — 5,3, A : d у иранских топоров-тесел III типа находится в границах от 2,5 до 5,5, составляя в среднем 3,9, а у амлашских от 2,1 до 3, в среднем 2,7. Наконец, A: e для III типа составляет от 5 до 7,7, в среднем 6,8, для IV — от 4 до 5,4, в среднем 4,5. Таким образом, по всем особенностям формы лявляканский топор безусловно относится не к амлашскому IV типу, а к иранскому III типу [25]. Доказанная близость лявляканского топора-тесла к серии иранских позволяет перенести дату иранских экземпляров на лявляканский топор и датировать его последними веками III — первыми веками II тысячелетия до н. э.

Вторая литейная форма из Лявлякана, сделанная из коричневато-серого крупнозернистого песчаника, предназначена для отливки топора — молота. Она состоит из двух створок (рис. 2, *5* и *6*). На обеих створках вырезаны зеркальные изображения половинок орудия. Литник расположен у молоточной части. Отливка имела длину 18 *см*, длина лезвия то-

[24] Методика классификации рабочих и боевых топоров разработана Ф. Роем для топоров Англии (F. Roe. The Battle-Axe Series in Britain. PPS. for 1966, нов. сер. XXXII) и В. А. Сафроновым для топоров Кавказа (Тезисы доклада на заседании сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР от 10. VI. 1968 г. «Классификация и датировка кабардино-пятигорских топоров». Архив ИА).

[25] Особенность среднеазиатского экземпляра — малое выступление втулки — объясняется тем, что в Средней Азии орудия с трубчатой втулкой вообще не получили распространения.

пора 9 *см*, ширина 6,5 *см*. Обушок (длина 9 *см*, ширина молоточной части 3 *см*) опущен по углом 30°. Трубчатая втулка проушины круглой формы диаметром 4,6 *см* выступает снизу на 1,3 *см* со стороны обушка, 1,9 *см* со стороны лезвия. Нижняя часть втулки проуха усилена небольшим валиком (рис. 7).

Топоры-молоты разных типов были известны из находок на территории Старого Света. Материалом для подавляющего большинства из них служил камень (таковы, например, топоры-молоты третьей четверти III тысячелетия до н. э. из клада L Трое[26], из царского погребения в Дораке[27]. Древнейшим свидетельством появления этой формы в металле является глиняная имитация топора-молота, найденная в Месопотамии в комплексе убейдского времени[28]. Единичные металлические топоры-молоты встречаются по всему ареалу топоров-тесел. Один топор-молот, датирующийся третьей четвертью III тысячелетия до н. э., найден в могиле № 5 в Аладжа-Эйюк в Анатолии[29]. Одно такое орудие найдено в кургане конца III тысячелетия до н. э. у ст. Воздвиженской на Кавказе[30]. С Кавказа происходит также ряд случайных находок[31] и топор-молот из ст. Андрюковской[32]. В трансильвании топоры-молоты происходят из случайных сборов и в комплексе погребения бодрогкерестурской культуры, датирующейся концом III тысячелетия до н. э.[33]. Из Трансильвании, видимо, привезен топор-молот, найденный в кургане № 11 могильника Ходосовичи на Днепре[34]. Дата этого изделия конец III — первая четверть II тысячелетия до н. э.— определяется по комплексу предметов из курганов № 11 и 10, где найден импортный топор кавказского типа[35]. Индивидуальные особенности топоров-молотов можно выразить отношением длины топора (А) к длине лезвийной части (а) и обушка (в), а также соотношением а : С (длине лезвия). Топоры различаются также по степени выступания проушной трубки и по углу, под которым опущен обушок (табл. 2). Рассмотрение табл. 2 показывает, что топоры-молоты не составляют четко оформленного типа и ни один из них не является полной аналогией лявляканской отливке. Хотя топоры-молоты различаются по ряду существенных признаков и не составляют единого типа, находки в датированных комплек-

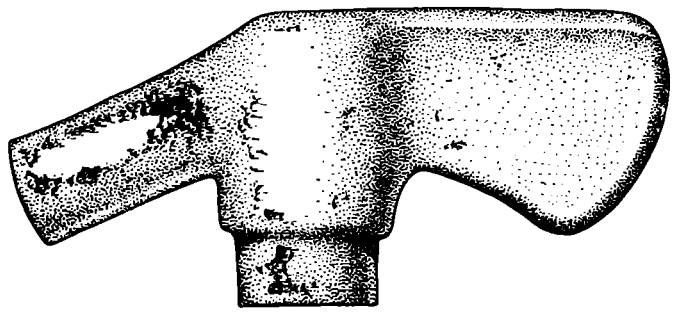


Рис. 7. Отливка топора-молота

---

[26] H. Schmidt. H. Schliemann's sammlung Trojanischer altertümer № 6055, 6057.

[27] J. Jadin. The Art of Warfare. Jerusalem, 1963, стр. 142, 143; J. Mellaart. The Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, стр. 151—155.

[28] Г. Чайлд. Древнейший Восток, стр. 184, рис. 60.

[29] R. Arik. Les fouilles d'Alača Hoyuk. Ankara, 1937, табл. CLXVI.

[30] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», табл. 1; Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 44, табл. XXI.

[31] В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, 1, рис. 3, его же. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, МИА, 93, 1960, стр. 106.

[32] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, рис. 55.

[33] Г. Чайлд. У истоков, стр. 161—162, рис. 52.

[34] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 65, рис. 38, № 593.

[35] И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, М., 1967, стр. 30, рис. 20, *3*.

сах позволяют утверждать, что эта категория предметов употреблялась преимущественно в последних веках III и начале II тысячелетия до н. э., причем по всему ареалу топоры-молоты встречаются в единых культурных горизонтах с топорами-теслами [36].

Совместная находка на Лявлякане форм орудий обеих категорий подчеркивает закономерность прослеженной совместной встречаемости по всему ареалу и дает основание датировать и среднеазиатской топор-молот

Таблица 2

Место находки	A : a	A : b	A : c	Угол, под которым ощущена молоточная часть
Венгрия	2,07	1,9	2,8	3°
Ходосовичи	1,83	2,2	2	6°
Воздвиженская	1,4	3,5	2,08	10°
Лашкуты	1,56	2,8	2,13	—
Нальчик	1,66	2,5	2,69	30°
Андрюковская	1,93	2,1	2,14	28°
Аладжа Эйюк	1,1	2,3	2,0	20°
Лявлякан	2	2	1,38	30°

последними веками III — первыми веками II тысячелетия до н. э., т. е. временем расцвета обеих категорий предметов на территории Старого Света.

Бронзовые топоры-молоты и топоры-тесла не были строго специализированы и употреблялись: первые — и как топор с рубящей функцией, и как молот с ударной функцией; вторые — в качестве топора и тесла. Несомненно также, что оба орудия служили символами власти. На это указывают, во-первых, находки их в составе клада в Трое, в царских погребениях в Дораке, в богатых могилах Аладжа-Эйюк, Майкопа, тепе Гиссара, Ходосовичей; во-вторых — наличие парадных богато украшенных экземпляров; в-третьих — изготовление миниатюрных ритуальных моделей (Иран, Месопотамия, Крит). Повсеместное употребление топоров-молотов и топоров-тесел в качестве царской инсигнии дает основание предполагать, что и лявляканские отливки служили не только для удовлетворения хозяйственных нужд, но могли восприниматься и как символы власти. Это дает основание предполагать, что в среде населения сренеазиатских степей уже с конца III — начала II тысячелетия до н. э. начался процесс социальной дифференциации.

Распространение в далеких среднеазиатских степях этих орудий, характерных для зоны культур производящего хозяйства Евразии, связано с тем, что в III тысячелетии до н. э. спорадические контакты, существовавшие между земледельцами юго-восточного Прикаспия и соседними северными племенами, упрочились, и под их прогрессивным влиянием группы населения среднеазиатских степей стали осваивать навыки земледелия, скотоводства и металлургического производства. Шедшие с юга импульсы способствовали убыстренному развитию среднеазиатских племен. К концу III тысячелетия до н. э. в Средней Азии сложились культуры типа заманбабинской, носители которой перешли к производству металлических изделий, по форме подражавших заимствованным южно-прикаспийским

[36] Позднее в Передней Азии и Трансильвании топоры-молоты выходят из употребления. На Кавказе, наоборот, эта форма получает дальнейшее развитие и здесь распространяются вычурные парадные богато декорированные изделия. Развитие идет по двум направлениям: у одной группы происходит грацилизация формы и удлинение обушка (вариант эпохи поздней бронзы представлен в кургане № 7 ст. Андрюковской), у другого появляется выступающий проух и развивается обушковая часть (топор из г. Нальчика).

образцам, но изготовленных на месте. Причем постепенно на основе южных прототипов стали создаваться новые типы изделий, вырабатывавшиеся под влиянием местных условий и производственных традиций. Этот переход к самостоятельному производству является началом второго этапа в развитии металлургии и металлообработки в Средней Азии и знаменуется сложением самостоятельных металлургических центров[37]. Один из таких центров локализовался в районе Лявлякана. Совместные находки на стоянке № 506 двух литейных форм, кусков руды, шлаков и капель меди[38] с несомненностью доказывают, что здесь была металлообрабатывающая мастерская.

Сложная техника отливки орудий в специальных составных формах дает основание предполагать существование на Лявлякане специальных мастеров-литейщиков. Рудная база лявляканских металлургов находилась, по-видимому, в близлежащих горах.

О месторождениях меди и связанных с ними древних выработках в горах Внутренних Кызылкумов известно давно[39]. В последние годы эти разрозненные сведения были систематизированы партией по изучению древней горной деятельности Ревизионно-тематической экспедиции Министерства геологии УзССР. Сотрудниками партии проведено обследование большинства древних выработок. Некоторые из них изучались также Южнокызылкумским отрядом ХЭ ИЭ АН СССР.

Во Внутренних Кызылкумах известно сейчас более десятка древних горных выработок на медь. Большая часть их сосредоточена в районе Букантау. Это месторождения и разработки Оразалы I, II, Ирлир, Кырбукан, Аркар, Каскыртау, Джюскудук II. На каждом из них имеется по нескольку, обычно небольших, сильно заплывших древних выработок. Дальнейшими исследованиями этих мест несомненно будут открыты новые пункты разработок. Об этом, в частности, свидетельствует обилие в районе Букантау мест плавок медных руд и остатков меднолитейных мастерских. Количество их явно не соответствует количеству известных нам разработок и их масштабам.

Древние выработки известны и в других островных возвышенностях Внутренних Кызылкумов. В горах Тамдытау это месторождение и выработки Джамантау, в Ауминзатау — одноименные выработки, в Джетымтау — выработки Коктау, в Казахтау — выработки Аяккудук.

По данным анализов образцов руды из отвалов древних выработок, содержание меди в них не превышает 3—3,5%. Образцы из большинства выработок показывают также примесь никеля и кобальта (сотые и тысячные доли процента), реже — свинца и цинка.

Многочисленные в районе Лявлякана остатки меднолитейных мастерских (в ряде случаев, по-видимому, и места плавок руды), связаны, возможно, с древними разработками Аяккудук.

Последние расположены в 20 *км* севернее Лявлякана, на небольшом полиметаллическом месторождении (с содержанием меди от 0,53 до 1,38%; имеются также железо, кобальт, свинец, сурьма, мышьяк, серебро

---

[37] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия, стр. 86, 89—90, табл. XVIII.

[38] Руда, шлаки и медь из лявляканской мастерской переданы в лабораторию естественных методов ИА АН СССР на спектральный анализ.

[39] А. Ф. Соседко. Геохимическая экспедиция в Кызыл-Кумах. Экспедиции Всесоюзной Академии наук, 1931, Л., 1932, стр. 172; его же. Основные результаты Казыл-Кумской геохимической экспедиции АН СССР, 1931. Тр. Совета по изучению производительных сил, I, Л., 1933, стр. 28; его же. Находки неолита в Центральных Кызыл-Кумах в Средней Азии. «Природа», 11, 1931, стр. 1129—1130; М. Е. Массон. Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. Тр. Таджикско-Памирской экспедиции, XXXVII, М.—Л., 1936, стр. 5; Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душанбе, 1954; М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3, МХЭ, 5, М., 1961, стр. 83—84.

и др.). На месторождении имеются три округлой формы выработки, сильно заплывшие. Диаметр наибольшей из них не превышает 10—12 *м*.

Таким образом, находки на стоянке № 506 на Лявлякане шлаков, руды и двух литейных форм позволяют сделать ряд принципиально важных выводов.

I. На Лявлякане открыта древнейшая в степной зоне литейная мастерская, датирующаяся концом III — началом II тысячелетия до н. э., работавшая, по-видимому, на базе близлежащего месторождения Аяккудук.

II. Открытие этой мастерской доказывает, что население степной зоны Средней Азии уже в конце III— начале II тысячелетия до н. э. освоило самостоятельное металлургическое производство, начался II период развития металлургии.

III. Анализ литейных форм показывает, что навыки металлургического производства в Средней Азии возникли в результате контактов с высокоразвитыми земледельческими общинами юго-восточного Прикаспия, явившимися посредниками в передаче на север достижений древневосточной цивилизации.

A. V. Vinogradov, E. E. Kouzmina

MOULES DE FONDERIE TROUVÉS À LIAVLIAKAN

Résumé

A la station de Liavliakan (Kysyl Koumes Centrales) un atelier de traitement des métaux avec du minerai, des scories et des moules de fonderie a été mis au four. Cet atelier est le plus ancien de la zone des steppes de l'Asie Centrale.

En definessant les caractéristiques numériques des différents types de hachettes à tailler les arbres, l'auteur a démontré que le moule de Liavliakan appartient au type iranien et date de la fin du III-e — du début du II-e millénaire avant notre ère. La comparaison faite entre le moule de fonderie pour hache-marteau et l'outillage trouvé en territoires limitrophes montre que le moule en question appartien à la même époque.

L'analyse des matériaux permet de faire la conclusion que, dans la zone des steppest de l'Asie Centrale la production métallurgique locale a lieu déjà fin III-e — début II-e millénaire avant notre ère. Les tribus agricoles très évoluées de l'Iran et du Turkménistan méridional servaient d'intermédiaires pour la prolifération des connaissances en métallurgie et de l'usinage des metaux.

В. И. МАМОНТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПЯТИМОРСКОЙ СТОЯНКИ

В 1966 г. Волгоградский археологический отряд провел осмотр четырех островов Пятиморской стоянки[1]. Известно, что в этих районах в связи со строительством Волго-Донского канала, а также по плану своих изысканий работали на протяжении многих лет различные археологические экспедиции. Но район Пятиморской стоянки остался в стороне.

Объем статьи не позволяет опубликовать весь подъемный материал стоянки. Ниже приводятся только наиболее яркие находки, характерные для определенной группы вещей. Материал, относящийся к раннему железному веку и средневековью, не рассматривается.

На стоянке собрано около 500 кремневых орудий. Наряду с кремневыми и кварцитовыми отщепами, иногда со слабой ретушью на одной из сторон, встречены орудия прекрасной отделки. Это кремневые микролитические вкладыши, находящиеся в зоне распространения неолитической керамики, о которой будет сказано ниже. Часть вкладышей (сравнительно крупные экземпляры) трапециевидной или прямоугольной формы со струганной спинкой. Другие, меньших размеров, самой различной формы: сегментовидные, трапециевидные, подтреугольные (рис. 1, *1, 2, 6—8*).

Известно, что такой вид орудий был широко распространен в мезолите и неолите. Они встречаются на многих стоянках, причем процесс их изготовления, область применения и форма, несмотря на далекое расположение стоянок друг от друга, видимо, одинаковы к Западном Казахстане[2]. Прикубанье[3], на Урале[4], в Северо-Западном Прикаспии[5], Крыму[6], на Кавказе[7] и даже в одном погребении II Бережновского могильника[8] Волгоградской области (кург. 9, погр. № 17). И. В. Синицын считает это фактом бытования их в период ямной культуры[9].

Скребки — самая частая находка на Пятиморской стоянке. По форме и величине их можно разделить на ряд групп, не равных по количеству.

---

[1] Пятиморская стоянка находится в Калачаевском районе Волгоградской области у рабочего пос. Пятиморский. Представляет собой группу островов, омываемых водами Цимлянского водохранилища. Ранее это были возвышенные места по берегу р. Карповки. Стоянка открыта в 1964 г. Находки хранятся в фондах Волгоградского областного краеведческого музея.

[2] И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК. XXXVII. 1951, стр. 98, рис. 33, *17—22*.

[3] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 50, рис. 20, *1—15*.

[4] Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. Сб. «Памятники каменного и бронзовых веков Евразии». М., 1964, стр. 25, рис. 2, *1, 2, 5, 6*.

[5] И. В. Синицын. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. Тр. СОМК, 3. Саратов, 1960, стр. 141, табл. 11, *1—18*.

[6] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 94, рис. 1, *6—8*, стр. 99, рис. 3, *14—20*.

[7] Там же, стр. 133, рис. 18.

[8] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 14, рис. 3, *1*.

[9] Там же, стр. 146.

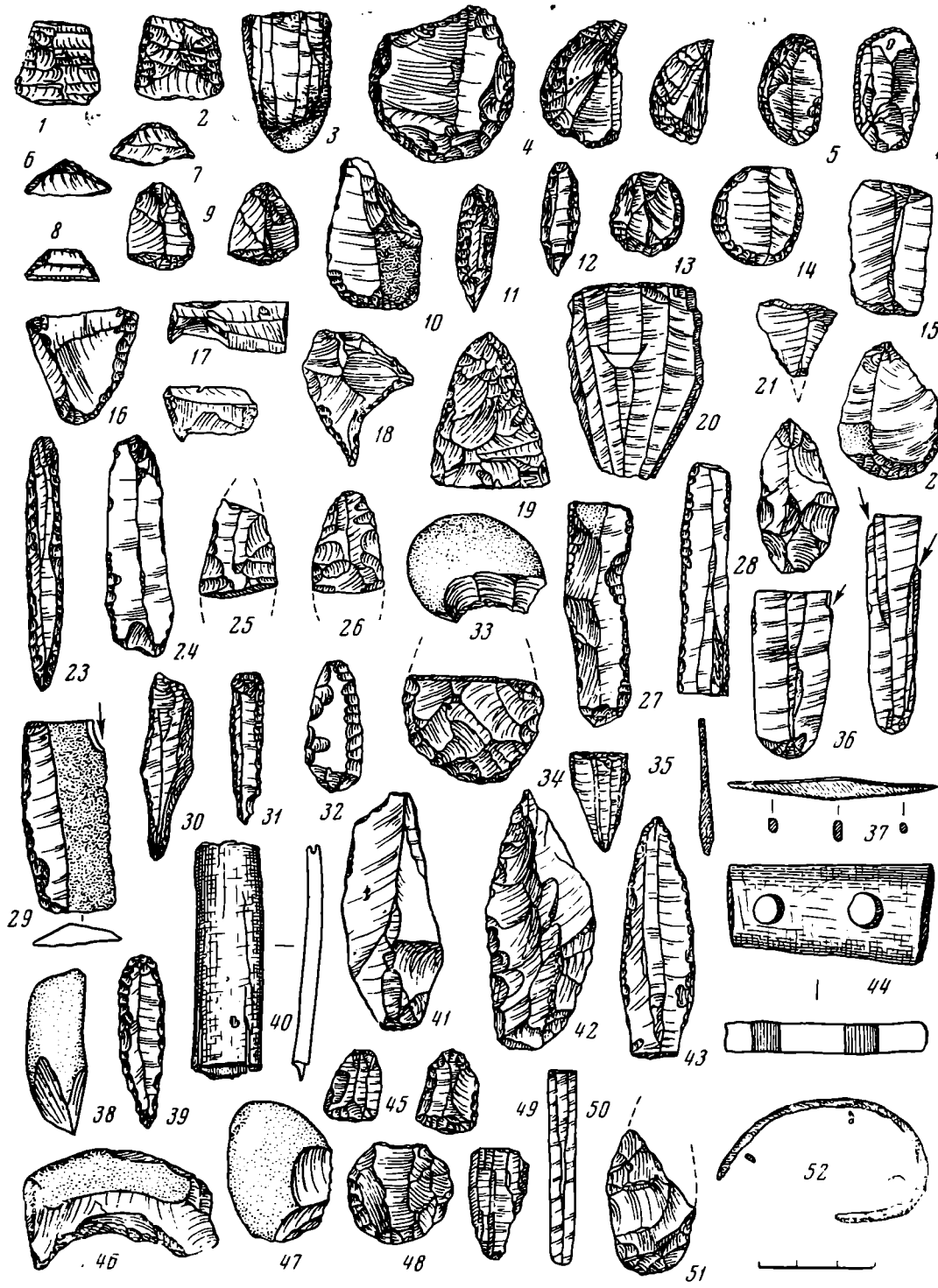


Рис. 1. Подъемный материал Пятиморской стоянки

1, 2, 6—8 — вкладыши; *3, 20, 34, 49* — нуклеусы; *4—5, 9, 10, 13—16, 22, 45, 48* — скребки; *11, 12, 18, 21, 23, 39* — острия; *17, 36* — резцы; *19, 25, 26, 28, 32, 41—43, 51* — фрагменты, заготовки наконечников стрел, дротиков; *24, 27, 50* — ножевидные пластинки; *33, 38, 47* — гальки; *30, 31* — сверла; *46* — скребло; *35, 37* — бронзовые шилья; *40* — костяная рукоять ножа; *44* — костяная деталь крепления узды или одежды; *52* — бронзовый браслет

Крупные скребки с грубыми сколами по сторонам с последующим нанесением ретуши (рис. 1, *4*). Такие скребки, по мнению И. И. Ляпушкина, можно отнести к позднему неолиту, судя по его сборам у хут. Жукова на Дону [10].

Скребки небольшого размера: округлые (рис. 1, *13*, *14*, *48*), овальные (рис. 1, *5*), подтреугольные (рис. 1, *16*), сегментовидные (рис. 1, *4*), скребки на отщепах каплевидного очертания, концевые (рис. 1, *9*, *22*, *45*), концевые скребки на короткой пластинке с наклонным боковым сколом в верхней части (рис. 1, *10*), а также двусторонние скребки на коротких пластинках треугольного сечения (рис. 1, *15*).

Найдена большая группа ножевидных пластинок, часть из них имеет притупляющую ретушь на боковых сторонах (рис. 1, *24*, *27*, *50*).

На стоянке были собраны нуклеусы, которые, как отметила М. З. Паничкина, получают большое распространение на мезолитических и неолитических стоянках [11]. Можно выделить микронуклеусы (рис. 1, *3*, *34*, *49*) и более крупные ядрища с хорошо выделенными негативами сколов узких пластинок (рис. 1, *20*).

Среди сборов на островах значительное место занимают кремневые проколки или острия: с треугольным основанием без ретуши (рис. 1, *21*) и подтреугольной формы с ретушью по сторонам острия (рис. 1, *18*). Возможно, одновременно они выполняли роль выемчатого скребка. Собрана серия острий листовидного очертания (рис. 1, *11*, *12*, *39*). Возможно, они использовались и как наконечники стрел. Такого рода орудия — довольно частая находка на древних стоянках [12]. К остриям можно отнести и изящную ножевидную пластинку с притупляющей ретушью по краям и острым концом (рис. 1, *23*).

Далее следует отметить группу резцов, сделанных на углу ножевидной пластинки (рис. 1, *17*), и боковые резцы в виде крупной пластинки треугольного сечения с зубчиком-сколом на шероховатой поверхности, оставшейся от желвака. Другая ее сторона имеет притупляющую ретушь (рис. 1, *29*). Короткие ножевидные пластинки трапециевидного сечения имеют на одном из концов аналогичные сколы, причем одна из них является двойным орудием с двумя зубчиками-сколами на противоположных сторонах пластинки (рис. 1, *36*).

Из других кремневых орудий найдены следующие.

Скобели, выполненные на грубом отщепе, сохраняющем поверхность желвака (рис. 1, *46*) со слегка вогнутым рабочим краем. Несомненно, что подобного рода орудия использовались при обработке деревянных изделий, в частности для придания гладкой поверхности древку стрелы, дротика, копья и т. д. [13].

Группа кремневых орудий с выделенным концом, покрытым с боковых сторон ретушью. Возможно, использовались в качестве сверла (рис. 1, *30*, *31*).

На островах стоянки были собраны в большом количестве гальки, поверхность которых имела явные следы использования человеком. Назначение их, видимо, самое различное. Возможно, они использовались в качестве ядрища для получения отщепов с режущим краем, в качестве своеобразного долота или скобеля (рис. 1, *33*, *38*, *47*).

На Пятиморской стоянке обнаружены кремневые и кварцитовые наконечники стрел, их обломки и заготовки. Среди них: фрагмент наконечника стрелы (рис. 1, *32*), на наш взгляд имеющий аналогии в некоторых

---

[10] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, 62, 1958, стр. 237, рис. 9.

[11] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. АСГЭ, 1, Л., 1959, стр. 57.

[12] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья..., стр. 50, рис. 20, *16—20*; И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 237, рис. 9.

[13] И. И. Артеменко, И. М. Тюрина. Неолитическое поселение в урочище Стрелица. КСИА, АН СССР, 106, 1966, стр. 39.

мезолитических комплексах (дер. Елин Бор, с. Джангала) [14]; грубый (возможно, заготовка) наконечник стрелы (рис. 1, *28*); асимметричный наконечник дротика листовидной формы — одна сторона имеет ряд грубых сколов к острию, по другой проходит слегка изогнутый выступ, от которого к ребрам идут грубые сколы (рис. 1, *42*); тонкая пластинка, возможно заготовка для наконечника, у которой черенок выделен двумя боковыми сколами (рис. 1, *41*); фрагменты кремневых наконечников стрел (рис. 1, *25, 26, 51*); наконечник стрелы с тонкой кремневой пластинки с трапециевидным сечением (рис. 1, *43*); основание дротика с ретушью от спинки к краю основания (рис. 1, *33*); наконечник дротика с ретушью по боковым сторонам и двусторонним стесом к основанию (рис. 1, *19*), аналогии которому в изобилии есть в материалах из поселений Прикамья [15], большой наконечник копья листовидной формы из серого песчаника со сколами от спинки к краям, брюшко плоское, с небольшой выемкой в центре (рис. 2, *15*).

Кремневым и кварцитовым наконечником стрел имеются аналогии в погребениях и на поселениях Поволжья (Быковы хутора, Николаевский грунтовый могильник) [16].

Каменных орудий встречено значительно меньше, среди них два терочника. Один из них из продолговатой гальки с тремя рабочими плоскостями (рис. 2, *8*); другой терочник округлый (рис. 2, *4*). Среди изделий из кости найдены проколки, сделанные из трубчатой кости животного (рис. 2, *11*); из лопатки животного сделано костяное лощило (?) (рис. 2, *17*).

Костяная поделка, найденная среди керамики срубной культуры, имеет два сквозных отверстия; возможно, она являлась или деталью конской узды, или части крепления на одежде (рис. 1, *44*). Встречена также костяная накладка рукояти ножа (рис. 1, *40*).

Из бронзовых изделий можно отметить миниатюрные шильца. Одно тонкое, прямоугольное в сечении, с слегка расширяющимся ромбовидным острием (рис. 1, *35*), другое — с ромбовидным утолщением в центре (рис. 1, *37*). В песке обнаружен бронзовый браслет в один оборот, сегментовидного сечения (рис. 1, *52*). Здесь же рядом найден конец лезвия массивного ножа (рис. 2, *12*). Все эти предметы не раз встречались в погребениях эпохи бронзы Нижнего Поволжья и Придонья. В песке островов были обнаружены капельки застывшей бронзы. Возможно, это отходы производства элементарной металлургии, распространенной среди местных племен.

Много собрано и обломков глиняных сосудов. Состав теста нескольких обломков неолитической посуды одинаков: темная в изломе глина с обильным вкраплением мелкоизмельченной ракушки. Орнаментальные мотивы разнообразны, его детали нанесены способом «отступающей лопаточки или острия» (рис. 2, *1, 2, 6*). Встретился один фрагмент сосуда с накольчатым орнаментом (рис. 2, *5*). Орнамент и способы его нанесения характерны для ряда неолитических стоянок, например Челябинской области [17] и северо-востока Башкирии [18].

Найден небольшой обломок сосуда, орнаментированного плотными рядами крупных вдавлин концом палочки. Тесло темное в изломе, хорошо

---

[14] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор. МИА, 126, 1966, стр. 182, рис. 2, *3*; И. В. Спицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане..., стр. 98, рис. 33, *26—28*.

[15] О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 74, рис. 43, *2*; В. А. Сафронов. К вопросу о Турбинском могильнике. Археологический сборник. Л., 1964, стр. 45, табл. 1, *8*, стр. 47.

[16] Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково. МИА, 78, стр. 273; Николаевский грунтовый могильник. Сборы Н. Божко. Фонды ВОКМ, 1967.

[17] Г. Н. Матюшин. Ук. соч., стр. 29, рис. 4.

[18] Л. Я. Крижевская, Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, 79, 1960, стр. 275, 276, рис. 19.

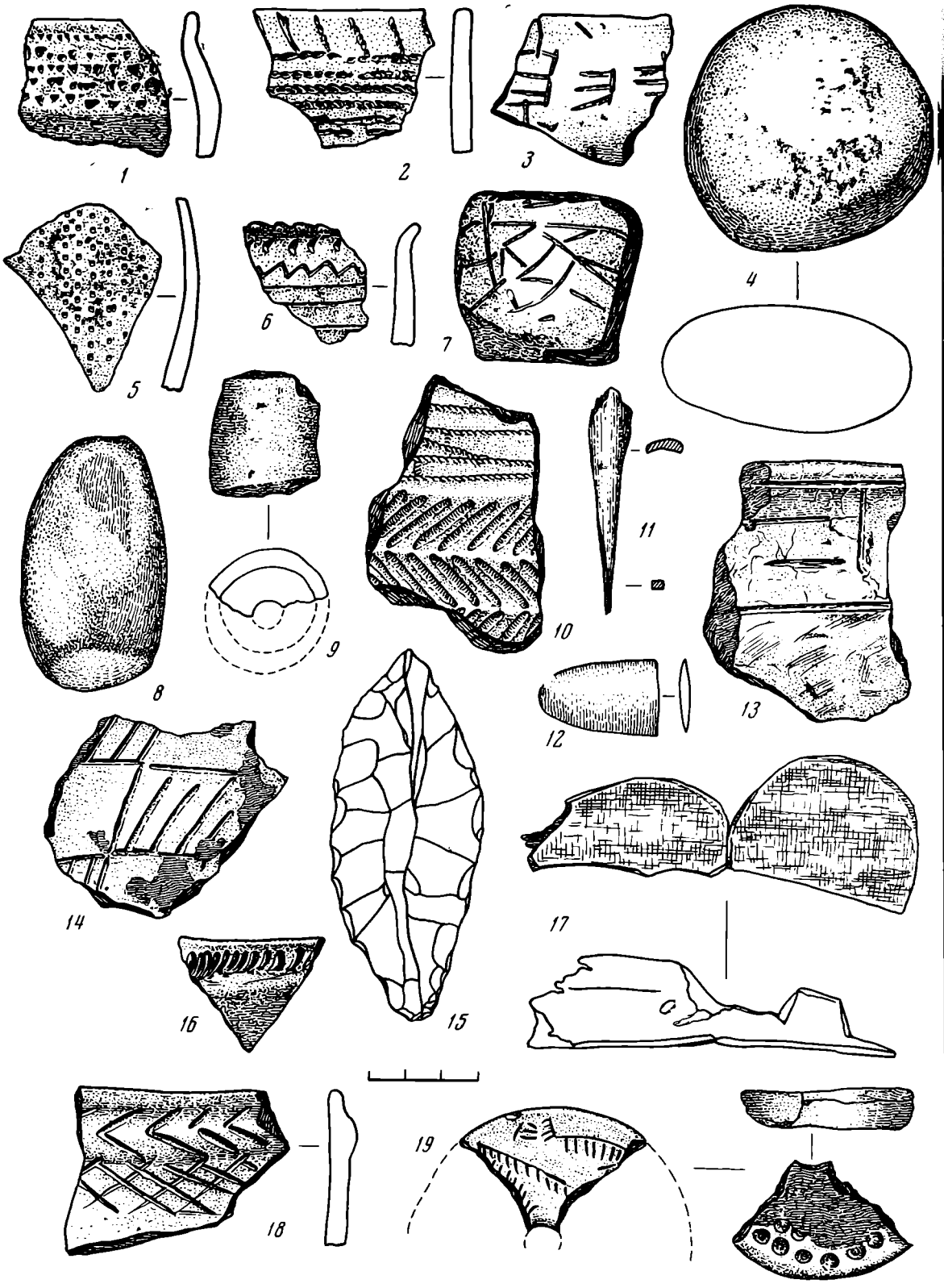


Рис. 2. Подъемный материал Пятиморской стоянки

1, 2, 5, 6 — фрагменты неолитической керамики; *3, 10, 13, 14, 16, 18* — фрагменты керамики эпохи бронзы; *7* — сосудик с рисунком; *9, 19* — фрагменты пряслиц; *4, 8* — терочники из гальки; *15* — наконечник копья; *10* — костяная проколка; *12* — фрагмент бронзового ножа; *17* — шило из лопатки

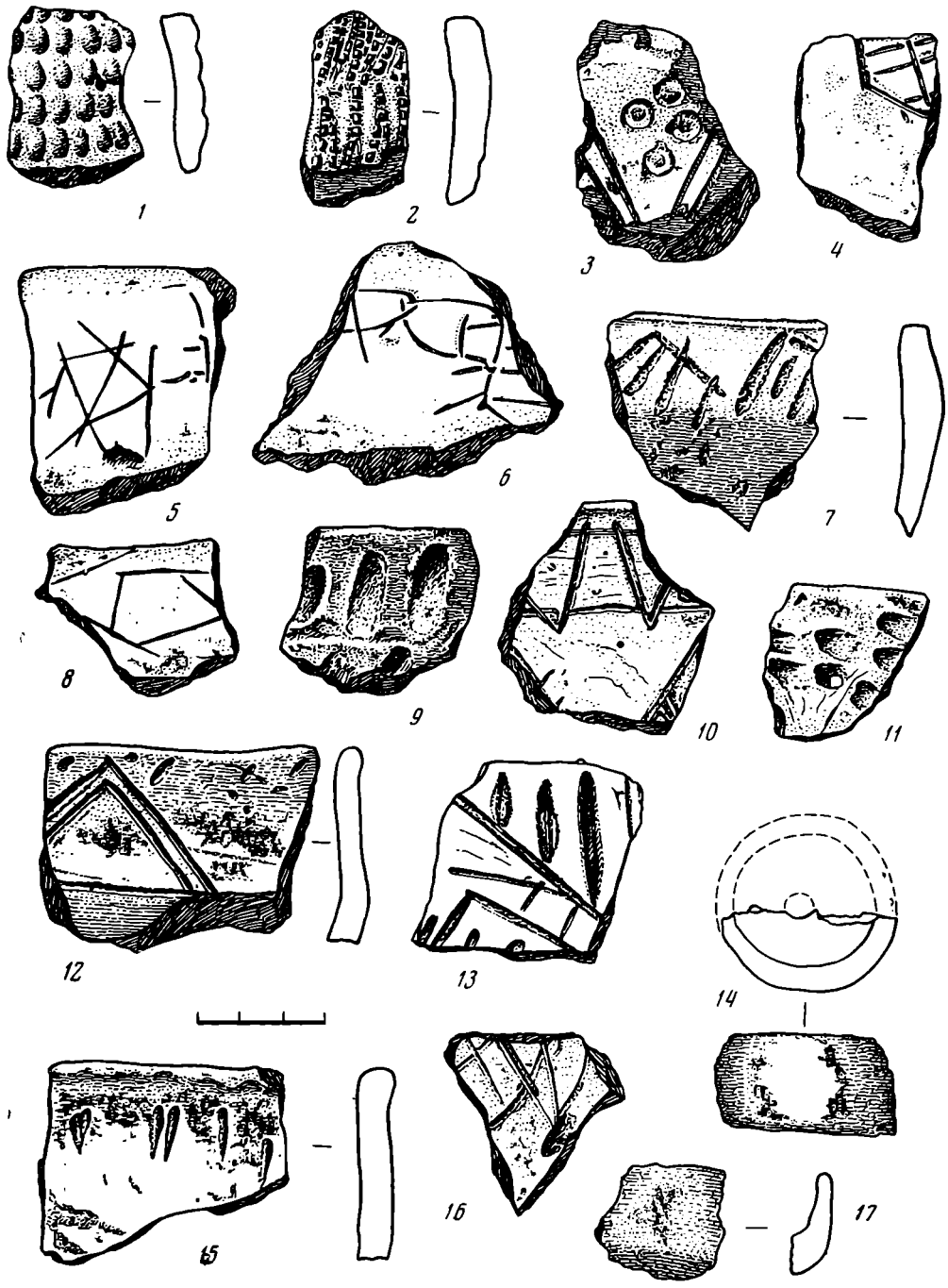


Рис. 3. Подъемный материал Пятиморской стоянки

1—13, 15—17 — фрагменты керамики; *14* — фрагмент глиняного пряслица

обожжено. Сосуды ямной культуры, встреченные в Придонье и Нижнем Поволжье в ряде погребений, имеют орнамент, аналогичный нашему (рис. 3, *1*). Это отмечается и Н. Я. Мерпертом в работе «Энеолит степной полосы Европейской части СССР» [19]. Керамику с таким орнаментом он относит к IV этапу развития энеолита, т. е. к концу III тысячелетия до н. э. [20].

Обломки сосудов, покрытых «елочкой», нанесенной мелкозубчатым штампом и «веревочкой»,— частая находка в погребениях катакомбной культуры. Именно такого рода орнамент встречен на некоторых обломках и нашей стоянки (рис. 2, *10*; 3, *2*) [21].

[19] Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. Actos du Symposium consacre'aux problémes du Néolithique europeen, Praha, 1961, стр. 168.

[20] Там же, стр. 169.

[21] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 66, рис. 14.

Острова Пятиморской стоянки усеяны обломками сосудов срубной культуры. Видимо, здесь в течение продолжительного времени располагались в середине — конце II тысячелетия до н. э. большие группы населения.

Состав глины всех сосудов почти одинаков: глина темная в изломе с включением частиц битой ракушки, песка или извести. Как правило, фрагменты относятся к сосудам больших размеров, широко распространенных в хозяйстве древних племен Подонья. Диаметр сосудов колеблется от 15 до 36 *см*.

У остроребериых сосудов ребро не всегда подчеркнуто — на его месте иногда имеется плавный переход. Орнаментирована, как правило, верхняя часть сосуда над ребром, у венчика.

Баночные сосуды редко орнаментированы или на них простой орнамент в виде насечек или защипов. Такого рода сосуды появились в конце II тысячелетия до н. э. и бытовали до рубежа с эпохой железа [22].

Орнаментация сосудов срубной культуры Пятиморской стоянки разнообразна. Для нанесения орнамента использовались различные штампы: крупнозубчатый, круглый или острый конец палочки,— иногда кончиками пальцев или ногтем наносились вдавления или делались защипы. Все собранные обломки от сосудов по орнаментальным мотивам можно разделить на отдельные группы.

I. В орнаменте керамики этой группы углы прочерчены концом острия, палочки. Кроме углов, занимающих основное место в орнаментальном поясе, нанесены иногда добавочные детали орнамента в виде параллельно прочерченных полос, ряда вдавлин ногтем или концом палочки. Внутренняя сторона угла иногда заполнена параллельными прямыми (рис. 3, *3, 7, 10, 12, 13, 16*). Углы, треугольники, пожалуй, самый распространенный сюжет в орнаменте племен срубной культуры. Аналогии орнаментации на наших сосудах можно найти не только на стоянках Нижнего Поволжья и Придонья [23]. Угол прочерченный концом острия,— частый мотив орнамента, например, андроновских сосудов [24].

II. Наиболее многочисленная группа керамики — с орнаментов в виде глубоких вдавлин, нанесенных кончиком пальца, ногтя (рис. 2, *16;* 3, *9*), насечки концом острой палочки или расщепленным концом (рис. 3, *11, 15*). Орнамент в виде выемок, защипов по сырой глине довольно широко распространен в Придонье [25], встречается в Поволжье [26]; несколько случаев отмечено в могильниках Калмыкии [27].

III. В эту группу входят керамика, украшенная взаимно перекрещивающимися прямыми, группой прямых или линий. Иногда клетки, образовавшиеся после пересечения прямых в шахматном порядке, заполнены короткими параллельными черточками (рис. 2, *14*). Такой сюжет хорошо

---

[22] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1948, стр. 153; В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. АСГЭ, 6, 1964, стр. 100.

[23] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 32, рис. 14, *14*; стр. 33, рис. 15, *9*, *13*, стр. 53, рис. 25, *2*; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. МИА, 60, 1959, стр. 299, рис. 35, *18*; Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры..., стр. 279, рис. 7, *12—14*, *19*; И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 233, рис. 4, *16*.

[24] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 133, *6*, *8*.

[25] П. Д. Либеров. Уч. соч., стр. 30, рис. 13, *2*, *4*, *5*; сл; И. И. Ляпушкин. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. КСИИМК, L. 1953, стр. 129.

[26] Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. М.— Л., 1923, табл. 15; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 419, рис. 36, *7*; И. В. Синицын. Древние памятники Еруслана..., стр. 61 сл.; В. П. Шилов. Проблемы освоения степей..., стр. 89, рис. 1, *5*.

[27] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. 2, Элиста, 1966, стр. 149, табл. 17, *5*.

известен абашевским племенам, северным соседям племен срубной культуры Поволжья [28].

IV. На фрагментах высоких венчиков сосудов этой группы есть изображения меандра, прочерченного концом острия сплошной линией или из отдельных коротких отрезков (рис. 2, *13*). Такой орнаментальный мотив довольно част у андроновских племен, граничащих со срубными племенами Поволжья, Прикаспия на востоке [29]. Находки в Придонье единичны [30].

V. От данной группы посуды срубной культуры найдены обломки сосудов с валиком на венчике (рис. 2. *18*). Их можно датировать концом II — началом I тысячелетия до н. э. [31].

VI. К последней группе мы относим фрагменты от сосудов с рисунками, которые трудно расшифровать, но они имеют какой-то смысл [32]. Возможно, это изображение животных или предметов или данным знаком мастер изобразил какое-то понятие (рис. 2, *3, 7; 3, 4—6, 8*). Во всяком случае, эти несколько знаков можно добавить к тому, что было уже встречено в Поволжье [33]. Это крайне необходимо для изучения пиктографического письма, которое, возможно, зарождалось среди племен поздней бронзы.

Из керамических поделок можно отметить фрагмент миниатюрного сосудика (детского?) с уплощенным дном (рис. 3, *17*); часть плоского округлого предмета, возможно пряслице, на одной стороне которого имеется своеобразный растительный орнамент (линии с отходящими короткими черточками — ветви с листочками?), на другой стороне — круглые вдавлины, выполненные концом полой палочки (рис. 2, *19*); фрагменты пряслиц, имеющих форму усеченного конуса (рис. 2, *9*) и плоского диска (рис. 3, *14*). Эти предметы относятся к срубной культуре.

Рассмотрение материала из сборов на островах Пятиморской стоянки позволяет сделать некоторые предварительные выводы о том, что благоприятное географическое положение и природные условия привлекали внимание древних племен к этому участку Дона в период неолита, эпохи бронзы, раннего железа и средневековья.

Думается, что вряд ли здесь в ранний период происходила резкая смена населения. Находки фрагментов керамики, типичной для абашевской и андроновской культур, позволяют предполагать, что позднее, в эпоху бронзы, возможны случаи проникновения в эти края отдельных групп восточных и северо-восточных соседей.

Занятия жителей, судя по находкам, довольно обширны. Заливные луга поймы Карповки и ее притоков благоприятствовали земледелию и скотоводству, обилие птицы и рыбы создавало условия для занятий охотой и рыболовством. Местные мастера занимались производством посуды, ткачеством и, видимо, в какой-то степени изготовлением бронзовых орудий труда (элементарная металлургия).

Пятиморская стоянка дала новые материалы, позволяющие судить о жизни древних племен Волгоградского Придонья.

---

[28] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, 97, табл. VI, *7, 8*.

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.; М. Ф. Косарев. Раскопки Десятовского поселения. Сб. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 89.

[30] И. И. Ляпушкин. Из полевых изысканий..., стр. 129, рис. 54, *1*.

[31] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 246.

[32] В. В. Гольмстен. Об элементах орнаментации керамики родового общества юга СССР. Тр. ОИПКЭ, 1, Л., 1941, стр. 4.

[33] И. В. Синицын. Археологические памятники у села Пролейки. Уч. зап. СГУ, XLVII. Саратов. 1956, стр. 232, рис. 33, 34; И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане.., стр. 105, рис. 37.

V. I. Mamontov

LES MATÉRIAUX DE LA STATION DE PIATIMORSKOIÉ

Résumé

Lors des travaux de prospection dans la région du réservoir d'eau de Tsimlianscaïa une équipe de fouille de Volgograd a exploré les iles de la station de Piatimorskoié. La couche de civilisation étant détrempée cela a permis de recueillir d'assez riches matériaux imméduatement à la surface de la terre. Les outils en silex du Néolitique et de l'Age du Bronze: grattoires de diverses formes dents, lames, nucléus, perçoirs, pointes, burins, rabots, pointes des flèches et des dards. Leurs analogues ont été trouvés dans le cours inférieur de Volga aussi bien que sur le Don, au Caucase et à l'Oural. Les fragments de céramique des tribus locales y trouvés par son ornement aussi bien que par la manière de son application sont caractéristiques pour cette époque. Leur quantité assez considérable a permis de les grouper d'appès les motifs ornementaux. Malgré que par la suite de l'affouillement de la couche de civilisation un certain nivellement des trouvailles ait eu lieu, ce qui ne permet par la datation plus précise du monument, son importance pour l'étude des époques antérieures des régions de Volga et de Don est incontestable.

А. Л. НЕЧИТАЙЛО

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ БЛИЗ СТАНИЦЫ СУВОРОВСКОЙ

В 1966 г. по поручению Ставропольского Краевого музея мною близ станицы Суворовской Предгорного р-на Ставропольского края были раскопаны 10 курганов, находившихся на территории, отведенной под строительство Кубань-Калаусской оросительно-обводнительной системы.

Эти раскопки консультировала на месте доцент Ставропольского педагогического института Т. М. Минаева.

Предварительным обследованием территории, отходящей под орошение, мы обнаружили большое количество курганов, широко разбросанных на протяжении 14 *км* на водоразделе между балкой Горькой на севере и реками Тамлык и Кумой на юге (рис. 1). Водораздел представляет собою плоскую, наклонную с запада на восток, равнину.

Курганы сохранились в виде сильно расплывшихся земляных насыпей разных размеров. Большинство из них были высотой до 1 *м*, но некоторые

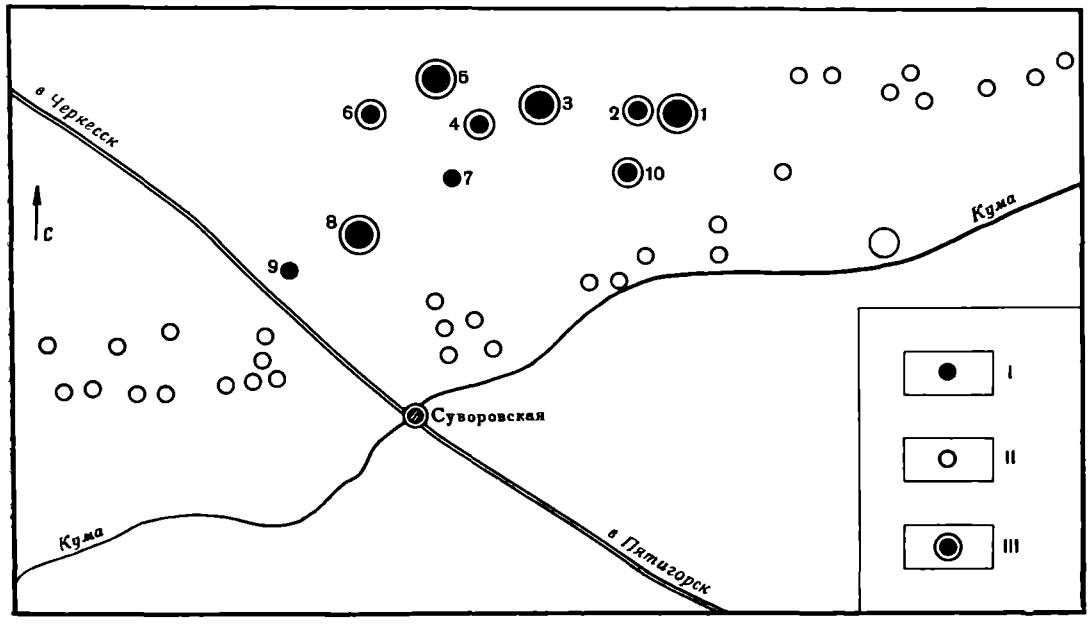


Рис. 1. Карта расположения курганов у станицы Суворовской Ставропольского края

I — раскопанные курганы, *II* — нераскопанные курганы, *III* — курганы с катакомбами

достигали 3—4 *м*. Среди них встречалось много еле заметных насыпей высотой 0,3—0,5 *м*. Северные склоны насыпи, как обычно для степных курганов, резче обозначались по сравнению с южными. Одна из насыпей, до 12 *м* высотою, называется у местных жителей «Суворов курган».

В раскопанных нами курганах обнаружены 72 погребения, из которых подавляющее большинство относится к эпохе бронзы. В них получен

большой материал по разным периодам северокавказской культуры, вскрыты также одно погребение киммерийского времени и четыре впускные могилы сарматского времени. В данной статье мы публикуем материалы из погребений в катакомбах. В восьми из десяти исследованных курганов находились 32 катакомбы.

Устройство катакомб было довольно однообразным, в каждую из них с поверхности вела входная яма. Все они имели вид прямоугольного или овального колодца с отвесными стенками. В трех катакомбах прослежены ступеньки в виде вырубок, высеченных в узкой стене колодца через 0,5—0,65 *м*, они представляют собою небольшие углубления, по которым удобно спускаться на дно колодца, упираясь руками в стенки (рис. 2, *3*).

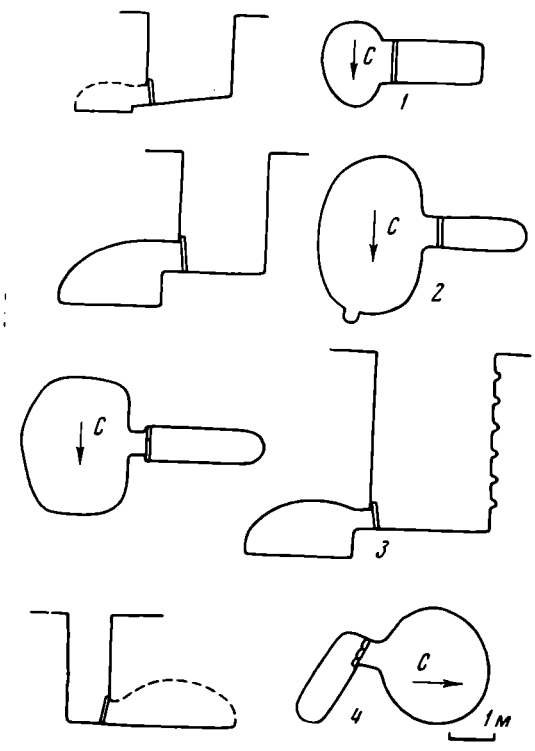


Рис. 2. Станица Суворовская. Планы и профили катакомб

1 — кург. № 3, погр. № 4; *2* — кург. № 5, погр. № 9; *3* — кург. № 3, погр. № 5; *4* — кург. № 1, погр. № 12

Почти во всех случаях подбои делались в узких стенках колодца. Вход в камеру вырезался в виде овальных, округлых, полукруглых, или арочных отверстий. Во всех катакомбах входы заставлялись одной или несколькими каменными плитами и все щели, через которые могла бы попасть земля в погребальную камеру, тщательно забивались глиной с примесью мелкой гальки. У большинства катакомб между входным отверстием и камерой имелся простенок шириной 0,2—0,5 *м* (рис. 2). Катакомбы имели длину 1,7—3,5 *м* и ширину 1—3,3 *м*.

В плане катакомбы были овальной, трапециевидной, круглой или квадратной с закругленными углами, формы. Потолки камер сводчатые или куполообразные. У большинства катакомб дно ниже уровня входного отверстия, но у некоторых дно было на одном уровне со входным колодцем (рис. 2, *4*). Большинство катакомб, раскопанных нами, оказались впущенными в уже готовый курган и только три из них являлись центральными могилами. Все катакомбы вырыты в материке. Дно большинства катакомб посыпалось мелом, затем покрывалось растительной (древесной, камышовой, травянистой) подстилкой, на которую полагались погребенные. Две трети катакомб имели пятна охры на дне могилы и на костях скелетов.

Положение костяков в катакомбах обычно вытянутое, с руками, положенными вдоль туловища. В трех могилах погребенные лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Ориентировка погребений в основном южная (14 на юг, 4 на ЮВ, 2 на ЮЮВ, 2 на ЮЗ), но одно было обращено головой на север, одно на восток, одно на северо-восток и четыре на запад.

Наряду с индивидуальными мужскими, женскими и детскими погребениями имеются случаи парного захоронения. Встречаются и вторичные захоронения. Кости первоначально погребенного сдвигались в угол и на освободившееся место полагалось вторичное погребение.

Могильный инвентарь богат и разнообразен. Располагается он обычно у изголовья погребенного или у плечей. Почти в каждой катакомбе стояли по одному, по два, а иногда и по три горшка, часто сильно закоп-

ченных. Остатки пищи (может быть, просяной каши) находились на дне пяти сосудов в пяти катакомбах в виде пористого желтовато-коричневатого вещества. Во многих могилах обнаружены остатки мясной пищи. В одних случаях это была грудинка коровы, в других — бараньи кости, в третьих — бычьи черепа, а иногда одновременно были положены куски мяса разных животных. В одном случае три бычьих черепа лежали над плитами, закрывавшим вход в камеру, в другом случае четыре бычьих черепа лежали слева от входа в камеру. Иногда мясная пища лежала в особой нише, высеченной в стене катакомбы (рис. 2, *2*).

В катакомбах находилось много глиняной посуды. Всю ее по форме, технике и орнаменту можно разделить на шесть групп (рис. 3). К первой группе мы относим крупные лепные сосуды с раздутыми боками, узким дном и горлом, с прямостоящим бортиком, с плоско срезанным краем или слегка отогнутым наружу. Формовка правильная, черепок в изломе грубый с различными примесями или, напротив, из хорошо отмученной глины. Сосуды имеют по одной ручке в виде петли или в виде четырех ушек для подвешивания. Поверхность сосудов черная, кирпичная или серая. Сосуды этого типа бывают без орнамента и с орнаментом (рис. 3, *1—5*). Узор составлялся из резных заштрихованных треугольников, из вдавленных двусторонних уголков, разделенных шнуровидными линиями, из елочных вдавлений, отпечатков веревочки. На одном сосуде налеплен узор в виде очковидной привески (рис. 3, *3*). Такие бронзовые очковидные привески встречались в катакомбах Дагестана[1]. В трех случаях тулово сосудов этого типа имеет выступающее ребро; на некоторых донъях имелись отпечатки грубой ткани (рис. 3, *2*).

Вторую группу представляют собой горшки желтоватого цвета с выпуклым плечем, широким горлом и узким дном. Орнамент располагался, как правило, по плечам сосуда (рис. 3, *6—11*). Это вдавления мелкой веревочки, двойные угольчатые вдавления, вдавления треугольничков и острой палочки.

Третью группу составляют невысокие горшки с расширенной верхней частью со слегка стянутым внутрь краем, без горловины (рис. 3, *12—18*). Некоторые из них снабжены небольшой уплощенной ручкой или четырьмя ушками со сквозными дырочками (ри. 3, *12*) или имеют валикообразные налепы (возможно, имитирующие ручки). Диаметр отверстия этих сосудов больше, чем диаметр дна. Орнамент на верхней части тулова нанесен резными линиями, составляющими и заполняющими треугольники вершинами вниз, вдавлениями округлой или острой палочки, угольчатым чеканом, вдавлениями шнура или тростинки, есть также налепные шишечки и дугообразные выступы (рис. 3, *13*). На плоских донъях большинства горшков имеются отпечатки грубой плетенки или рогожки (рис. 3, *15—17*).

В четвертую группу керамики мы выделяем маленькие горшочки, встречавшиеся только с детскими погребениями. Это сосудики неровного обжига, кирпично-желтого цвета, с одной небольшой петлевидной ручкой; украшены они отпечатками шнура или веревочки (рис. 3, *19*, *20*).

К пятой группе мы относим два сосуда с раздутыми плечиками, сильно отогнутым наружу венчиком и узким дном. Один из них кирпично-желтого цвета из хорошо отмученной глины (рис. 3, *21*), другой серо-черный из грубого теста (рис. 3, *22*).

Шестую группу составляет ритуальная посуда — курильницы. Находились они в большинстве катакомб по одному или по два экземпляра, были поставлены у изголовья, у плеча погребенного или в углу катакомбы. Только в одной курильнице, не имеющей внутреннего отделения, замечены следы охры (рис. 3, *34*). Все остальные жаровни были заполнены

---

[1] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, рис. 3*а*, *15*, стр. 180, рис. 5, *16*, *20*.

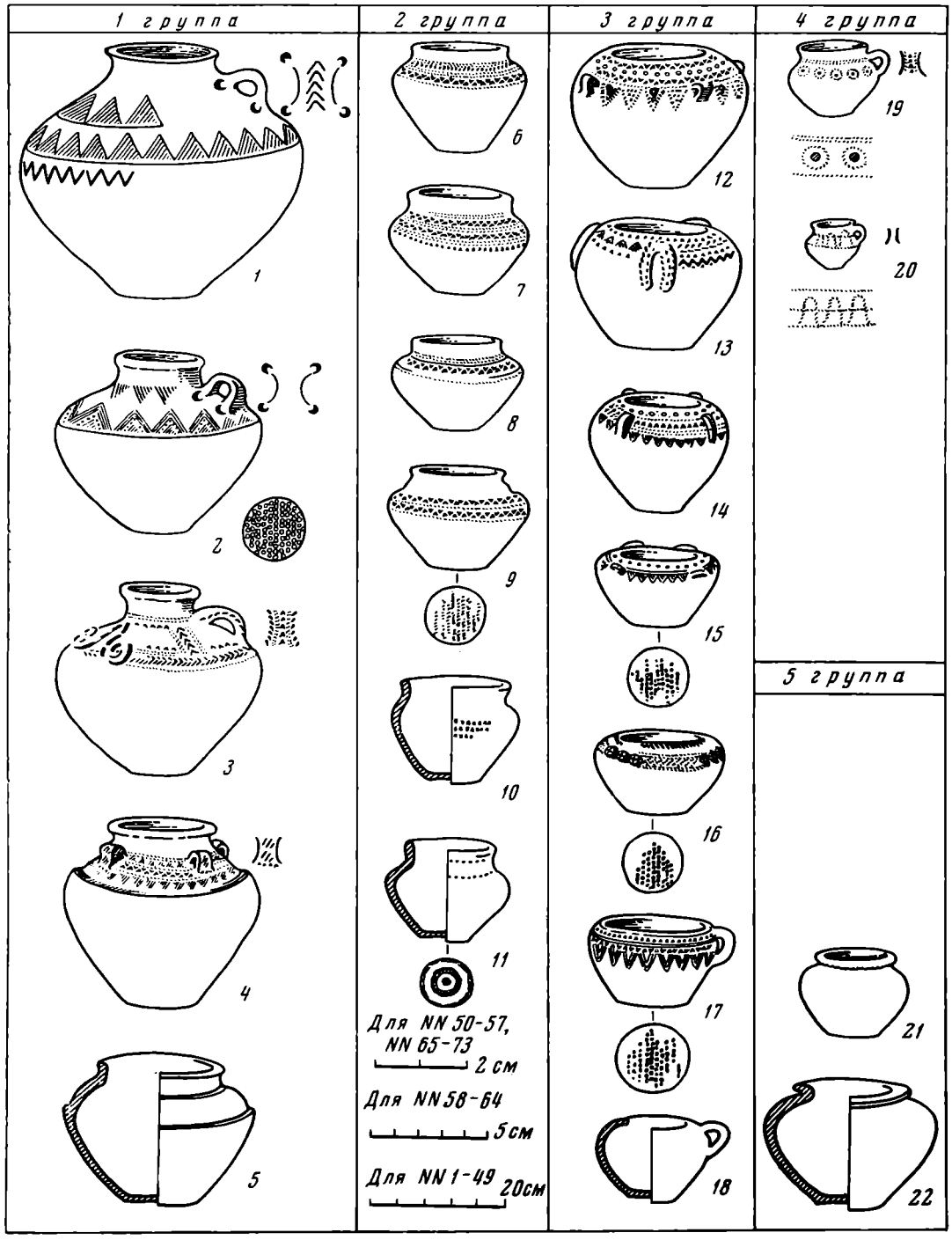
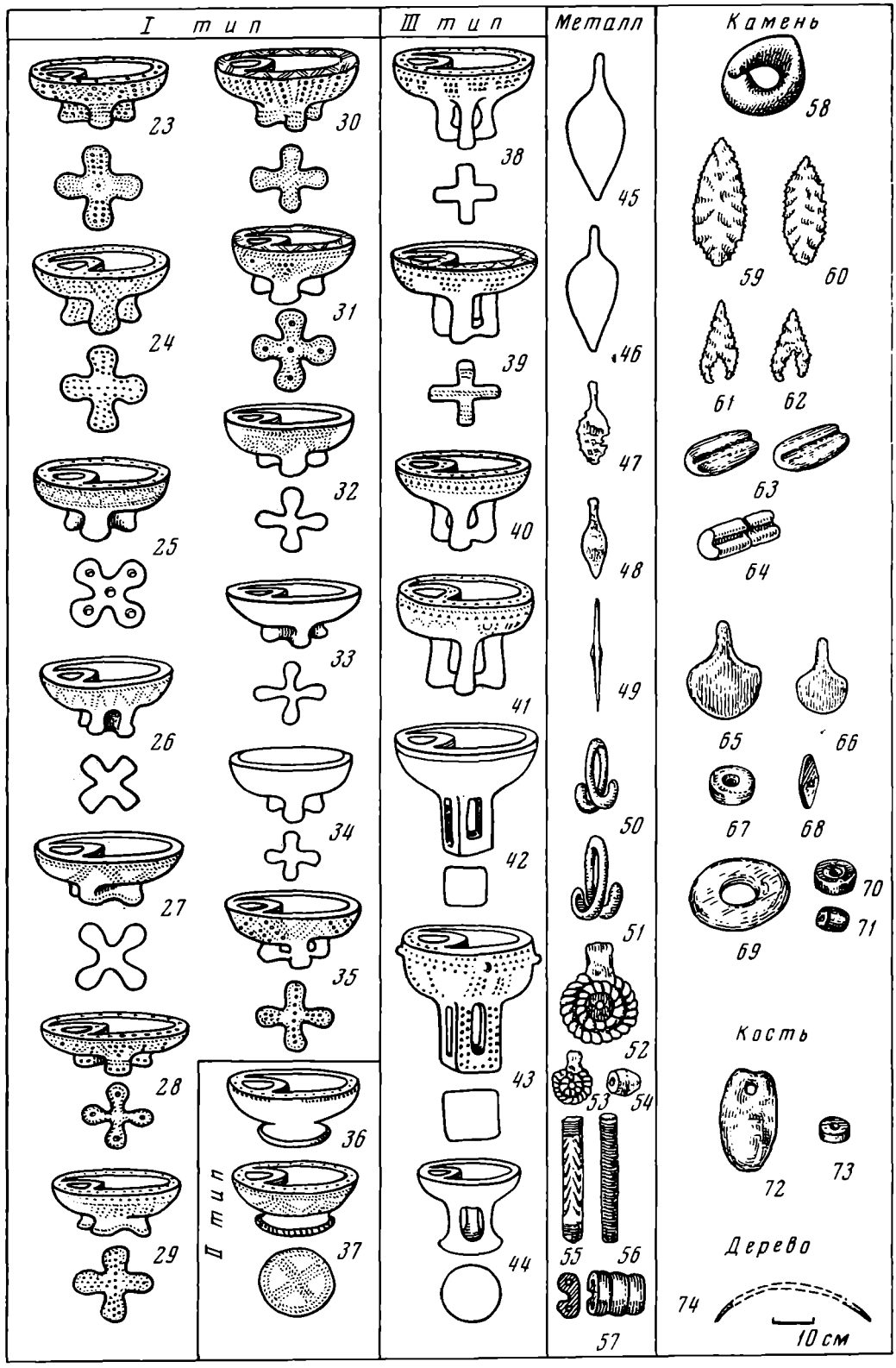


Рис. 3. Станица Суворовская. Инвентарь погребений из катакомб в курганах у станицы Суворовской

1, 4, 5 — кург. № 2, погр. № 3; *2, 12, 13, 43, 47* — кург. № 3, погр. № 8; *3, 38, 46, 58* — кург. № 5, погр. № 9; *6, 8, 16, 32* — кург. № 3, погр. № 3; *7, 24, 26, 61—64* — кург. № 1, погр. № 12; *9* — кург. № 10, погр. № 4; *10, 36* — кург. № 8, погр. № 5; *11, 23* — кург. № 5, погр. № 3;



14 — кург. № 4, погр. № 3; *15, 44* — кург. № 3, погр. № 7; *17, 50* — кург. № 3, погр. № 4; *18, 59, 60* — кург. № 10, погр. № 6; *19, 72* — кург. № 8, погр. № 6; *20* — кург. № 6, погр. № 2; *21, 34, 69, 70, 71, 73* — кург. № 6, погр. № 5; *22, 42* — кург. № 3, погр. № 5; *25* — кург. № 7, погр. № 4; *27* — кург. № 5, погр. № 8; *28, 37* — кург. № 1, погр. № 9; *29* — кург. № 4, погр. № 4; *30* — кург. № 1, погр. № 13; *31* — кург. № 5, погр. № 5; *33, 52—57* — кург. № 1, погр. № 8; *35* — кург. № 3, погр. № 9; *39, 48, 49, 51, 65—68* — кург. № 2, погр. № 1; *40, 41, 45, 74* — кург. № 1, погр. № 15

древесным углем. Только одна курильница помимо обычного отделения имела внутри чаши налепной рельефный круг (рис. 3, *30*).

Курильницы можно разделить на три типа.

I тип, наиболее многочисленный, характеризуется цельной крестовидной подставкой (рис. 3, *23—34*), и только одна из них имеет сквозное отверстие внутри подставки (рис. 3, *35*). Курильницы этого типа украшены шнуровым орнаментом, отпечатками раковины, вдавлениями тростинки (рис. 3, *23—32*). Две курильницы не орнаментированы (рис. 3, *33—34*).

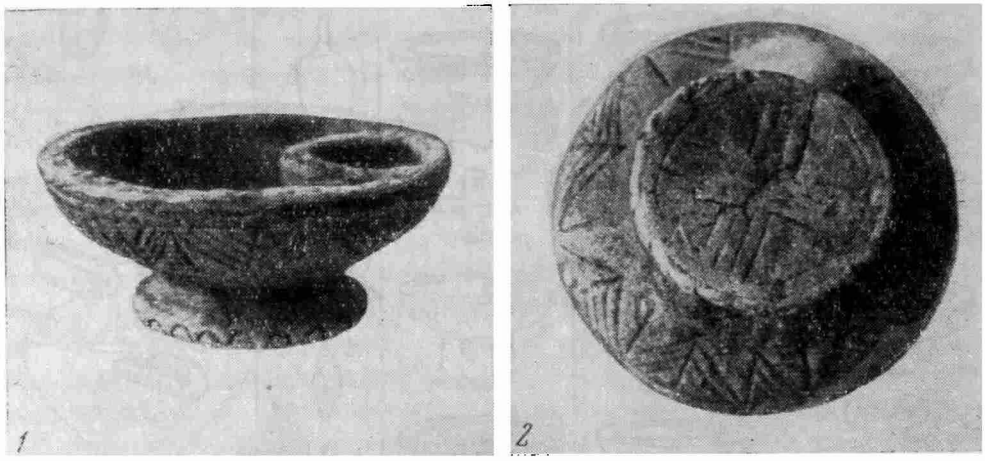


Рис. 4. Станица Суворовская. Кург. № 1, погр. № 9, курильница

Рис. 5. Станица Суворовская

Курильницы: *1* — кург. № 1, погр. № 15; *2* — кург. № 3, погр. № 8

II тип характеризуется цельным круглым поддоном (рис. 3, *36—37*). На круглом поддоне одной из курильниц нанесен крестовидный орнамент, образованный отпечатками веревочки (рис. 4).

К III типу мы относим курильницы на четырех отдельных ножках, объединенных снизу крестовидным или квадратным поддоном (рис. 3, *38—43*). Одна курильница имела три ножки, объединенных круглым поддоном (рис. 3, *44*). Орнаментированы курильницы оттисками веревочки, угольчатыми вдавлениями, резными треугольниками, отпечатками тростинки, выступающими шишечками (рис. 5). На поддоне одной из курильниц есть отпечатки грубой ткани или рогожки (рис. 3, *39*).

В четырех могилах обнаружено по одному бронзовому кованому ножу (рис. 3, *45—48*). Все они листовидные с едва заметным ребром на одной

стороне и с четко выраженным черенком. Так же как в катакомбах под Черкесском[2], эти ножи лежали на костях животного, мясо которого было положено в могилу. В одной могиле вместе с ножом обнаружено бронзовое четырехгранное шило (рис. 3, *49*).

В одной из катакомб обнаружены обломки простого лука с суживающимися концами (рис. 3, *74*). Мы знаем только один лук, найденный в катакомбе кургана в долине р. Молочной, исследованного А. И. Тереножкиным[3]. Тот лук был положен между устьем катакомбы и погребением, наш лук лежал в углу катакомбы.

В другой камере на мезинце левой руки погребенного было надето кольцо из белого мрамора, служившее для натягивания тетивы лука (рис. 3, *58*). Подобные кольца из сердолика, перламутра, нефрита хранятся в Государственном Эрмитаже и происходят из курганов у ст. Бѣлореченской, раскопанных Н. И. Веселовским в 1896 г.

В двух могилах найдено по паре кремневых наконечников стрел, причем два из них с черешками, что до сих пор не встречалось в памятниках катакомбной культуры (рис. 3, *59*, *60*); два другие, типичные для катакомбной культуры[4], треугольные, продолговатые, с глубокими выемками у основания (рис. 3, *61*, *62*). Вместе с последними оказались три абразивных инструмента из крупнозернистого песчаника (рис. 3, *63*, *64*), один из которых совершенно сработанный. Ранее эти предметы считались литейными формочками[5], ныне многие исследователи считают их выпрямителями древков стрел[6]. Работами С. А. Семенова доказано, что эти орудия служили для выравнивания и заточки тонких круглых деревянных и костяных предметов (шил, древков, стрел)[7].

В двух катакомбах обнаружено по височной серьге в полтора оборота; одна из них бронзовая (рис. 3, *50*), другая серебряная (рис. 3, *51*). В погр. № 8 кург. № 1 найдены три бронзовые круглые подвески (рис. 3, *52*, *53*), украшенные шнуровым орнаментом. В этом же погребении и в погр. № 3 из кург. № 5 найдены бронзовые трубочки, одни как бы из скрученной проволоки (рис. 3, *56*), другие четырехгранные с имитацией шнура или елочки (рис. 3, *55*). В этих же катакомбах у запястьев рук погребенных лежали бронзовые браслеты из пластинок с завернутыми концами (рис. 3, *57*). В четырех катакомбах найден мелкий плоский кольцевидный бисер розоватого, зеленоватого и белого цветов.

Найдены также сердоликовые подвески в виде лопаточки с ушком (рис. 3, *65*, *66*), ромбовидной формы (рис. 3, *68*) или в виде колесика (рис. 3, *67*). В погребениях встречаются гешировые бусы (рис. 3, *70*, *71*) и костяные подвески (рис. 3, *72*).

Описанный инвентарь погребений характерен и един только для катакомбных погребений. Могилы другого типа (под Суворовской, а также

---

[2] Материалы этих катакомбных погребений готовятся к публикации.

[3] О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. АП УССР, VIII, Київ, 1960, стр. 12, стр. 52, рис. 36 и стр. 58, рис. 43.

[4] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 163, рис. 31, *5—12*; Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, 3, стр. 100, рис. 3, *10*; стр. 108—109; Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур. СА, 1962, 2, стр. 36.

[5] ОАК за 1904 г., стр. 95, рис. 162; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 193—194, табл. V, *1—5, 7*; Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 24; ее же. Племена катакомбной культуры..., стр. 161, табл. VII, *2, 3*.

[6] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л., 1950, стр. 363—364; А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 году. КСИИМК. 53, 1954, стр. 63, рис. 31, *9*, *10*; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 57, табл. XIVII, *34*; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 83 и 153.

[7] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 174; его же. Происхождение абразивной техники и ее назначение в древнем хозяйстве. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 7, рис. 1 и 3.

под Черкесском на р. Овечке и у ст. Усть-Джегутинской), содержащие подобный инвентарь или соблюдающие описанный ритуал, мы пока не обнаружили. Таким образом, на указанной территории мы встречаемся только с катакомбами своеобразных форм, подобных донецким [8]. В этом отношении территорией классических катакомб является Калмыцкая АССР [9], в катакомбных памятниках которой мы находим много общего.

Для характеристики погребального обряда большое значение имеет положение костяков в могилах и их ориентировка. В 26 катакомбах (не считая разрушенных) у ст. Суворовской и в 9 случаях в могильнике под Черкесском покойники лежали вытянуто на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища. Такое положение не типично для Калмыкии, Маныча, Нижнего Дона, Астраханских степей, хотя и там оно встречается. Как исключение, вытянутость отмечена в катакомбах Лолинского могильника в Калмыкии (кург. № 4, погр. № 5 и кург. № 5, погр. № 5), где, как правило, скелеты лежали скорченно на левом боку [10]. Вытянутые погребения имелись в катакомбах Манасских курганов в Дагестане [11].

Ориентировка погребений у ст. Суворовской, как показано выше, выдержана не строго. Преобладает южная, как у катакомбного населения Предкавказья, где, по подсчетам В. А. Фисенко, большая часть костяков была ориентирована головой на юго-восток, юг и юго-запад [12]. В катакомбах Манасских курганов некоторые погребенные лежали головой на юго-запад [13].

Если Суворовские катакомбы ничем не отличаются от классических катакомб по своему устройству, то инвентарь погребений имеет глубокое отличие. Прежде всего формы наших сосудов (рис. 3) ничего общего не имеют с формами сосудов Донца, Среднего Дона, Нижнего Днепра, Северного Приазовья [14], но они напоминают северокавказскую керамику. Выделенная нами первая группа (рис. 3) близка сосудам из Гатын-Кале [15], Гуни (б. Веденский округ) [16], с. Соломенки [17]. Подобные сосуды встречались также в Калмыкии в Архаринском и Лолинском могильниках [18].

Сосуды, выделенные нами во вторую группу, имеют общие черты с посудой катакомбных погребений в курганах близ хутора Веселого [19], с горшками из курганов в урочище «Три брата» [20] и с сосудами из Лолин-

---

[8] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 189—190; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Тр. XIII АС, 1, М., 1907, стр. 221; Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. СА, 1961, 2, стр. 54; его же. Катакомбные памятники..., стр. 32—33.

[9] В. А. Фисенко. Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока. «Археологический сборник». Саратов, 1966, стр. 65.

[10] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Тр. ККМ, 1, Элиста, 1963, стр. 6.

[11] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 190.

[12] В. А. Фисенко. Погребальный обряд..., стр. 74.

[13] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 171, 176, 180.

[14] С. Л. Клейн. Катакомбные памятники..., стр. 34—35.

[15] В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 61—62, рис. 7, *3*; стр. 64, 66, рис. 10, *1*; стр. 74—76, рис. 16, *2*.

[16] А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 145, рис. 70, *5*.

[17] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 193—194, табл. XI, *6*.

[18] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Тр. ККМ, 2, Элиста, 1966, стр. 158, табл. 26, *3*; стр. 163, табл. 31, *4*; стр. 174, табл. 42, *1*; стр. 182, табл. 50, *4*.

[19] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 году. СА, XI, 1949, стр. 311, рис. 7, *3, 4*.

[20] П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 118—119, рис. 1; стр. 124—125, рис. 4; стр. 125—127, рис. 5.

ского [21], Архаринского [22], Элистинского [23], Чограйского [24] курганных могильников.

Третья группа посуды по форме и технике изготовления близка сосудам из Комбулты и Донифарса [25]. Орнамент их также украшает верхнюю часть горшков и состоит из налепных выступов и шишечек, треугольных вдавлений, наколов острого орудия; дно сосудов имеет отпечатки плетенки из сучьев [26].

Подобные сосуды имеются в Нальчикском могильнике (погр. № 28, 31) [27], в погр. № 10 и 16 могильника Верхняя Рухта [28]. Сосуды этого типа встречаются и в других памятниках Северо-Восточного Кавказа, только там они меньших размеров. Таковы сосуды из района с. Ведено (коллекция Н. В. Орлова) [29]. В качестве аналогии можно еще привести широкие сосуды с обращенным внутрь краем с гладкой поверхностью из погр. № 2, 7 и 8 могильника Гатын-Кале [30].

Приведенные примеры говорят о местном северокавказском происхождении керамики Суворовского могильника. Вместе с тем эта группа сосудов близка керамике Калмыкии, которую И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев рассматривают, как результат влияния племен Северного Кавказа [31]. Таковы сосуды из жертвенного места кург. № 12, расположенного близ поселка Лолы [32]; из погр. № 3 кург. № 38 Архаринского могильника [33]; из погр. № 4 кург. № 13 II Лолинского могильника [34]; из нескольких погребений Элистинского могильника, исследованного в 1964 г. [35].

Находка в катакомбах кавказской керамики не является новостью, так керамика Манасских катакомб ничего общего с катакомбной керамикой не имела, будучи чисто местной, кавказской [36]. В Дагестане совершенно новыми явились только те катакомбы, которые авторы связывают с проникновением сюда «отдельных групп населения из степей Волго-Донского междуречья и Астраханщины через Северо-Западный Прикаспий» [37].

Для маленьких горшочков четвертой группы есть близкие аналогии среди горшочков курганов в «Садках» хранящихся в собраниях Нальчикского музея [38], из погребений Архаринского могильника Калмыкии [39].

[21] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки..., стр. 26, стр. 57, рис. 27, *3*; они же. Новые археологические памятники..., стр. 40, стр. 140, табл. 8, *3*.

[22] Там же, стр. 157, табл. 25, *3*; стр. 165, табл. 33, *3*.

[23] И. В. Синицын. Доклад на археологической сессии в Баку в 1965 году. Сосуд происходит из погр. № 9, кург. № 14.

[24] Материалы были любезно представлены нам У. Э. Эрдниевым и И. В. Синицыным, за что приношу им искреннюю благодарность (сосуды из погр. № 6 кург. 52, погр. № 6 кург. № 15, погр. № 2 кург. № 8, погр. № 4 кург. № 53 и др.).

[25] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 208—209, табл. LXXXV, *11*, *12*; табл. XCIX *4—7*.

[26] Там же, рис. 180.

[27] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, табл. III, *1, 2* и табл. VII, *1, 2*.

[28] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 47, рис. 11, *6*, *5*; стр. 52, рис. 15, *3*, *5*; стр. 53, рис. 16, *1—6*; стр. 58, 60, рис. 27.

[29] А. П. Круглов. Уч. соч., рис. 70, *1. 2, 3*.

[30] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 61, 66, рис. 7, *12* и 10, *3;* стр. 64, рис. 8, *2, 5*, рис. 33.

[31] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки..., стр. 6.

[32] Там же, стр. 52, рис. 22, *1*.

[33] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники..., стр. 176, табл. 44, *3, 4*.

[34] Там же, стр. 182, табл. 50, *3*.

[35] Материалы были любезно нам представлены У. Э. Эрдниевым в 1966 г.

[36] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы..., стр. 193—198.

[37] Там же, стр. 193.

[38] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, табл. IX, *5, 6*.

[39] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники..., стр. 148, табл. 16, *4*; стр. 147, табл. 15, *2*.

К сосудам пятой группы (рис. 3, *21—22*) ближе всего стоит сосуд с красной поверхностью, отогнутым венчиком и плоским дном из кургана у ст. Казанской, по мнению В. И. Марковина, до некоторой степени напоминающий майкопские сосуды [40]. Много общего с нашими сосудами имеют сосуды из погр. № 6 кург. № 13 Лолинского могильника [41], из погр. № 2 кург. № 33 Архаринского могильника [42].

Особое место среди керамического материала занимают ритуальные курильницы. Их у нас 22 экземпляра. Курильницы являются постоянным элементом в наших катакомбах. Если отсутствовали курильницы, их заменяли обломки от сосудов (5 случаев), так же как и чаши курильниц, наполненные древесными углями. Поэтому с предположением Л. С. Клейна о том, что «курильницы на самом деле были сосудами для культового кормления воображаемых или реальных птиц, в которых мыслились души умерших», мы согласиться не можем [43]. Ритуальное назначение этих керамических изделий подтверждается находками в них углей, золы или следов охры.

Выше мы охарактеризовали три типа курильниц. Т. Б. Поповой учтено 60 экз. курильниц, бóльшая часть которых имеет сходство с нашими курильницами первого типа [44]. Подобные курильницы были найдены также в курганах у ст. Мекенской [45] и сел. Бамут [46] Чечено-Ингушской АССР. Очень много курильниц, соответствующих нашему первому типу, происходит из Лолинского и Архаринского могильников Калмыцкой АССР [47].

Второй тип курильниц связывается с курильницей из центрального погребения кург. № 9 группы «Три брата» [48], имеющей круглый поддон со сплошным шнуровым орнаментом, почти повторяющим узор на нашей курильнице (рис. 3, *37* и рис. 4). Наблюдается сходство курильниц II типа с курильницей из Чограя (кург. № 10, погр. № 1) из раскопок 1965 г. И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева, любезно предоставивших нам этот еще не опубликованный материал.

Для III типа курильниц аналогий очень мало. Среди них одна курильница из раскопок И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева на левом берегу Маныча (кург. № 1, погр. № 5, 1965 г.). У нее отдельно стоящие ножки, объединенные снизу крестовиной, с отпечатками веревки и вдавлениями тростинки по чаше. Другая курильница, близкая третьему типу, найдена вместе с двумя сосудами, совершенно сходными с сосудами, выделенными нами в третью группу керамики. Она найдена близ Большого Соленого

[40] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 107, рис. 47, *2;* стр. 108.

[41] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки..., стр. 25, стр. 55, рис. 25, *5*.

[42] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники..., стр. 104, табл. 42, *3*.

[43] Л. С. Клейн. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. «Археологический сборник 17», 8, Л.— М., 1966, стр. 12.

[44] Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». СА, 1957, 1, стр. 161—177.

[45] Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. Древности Чечено-Ингушетии, стр. 12, рис. 2, *2, 3;* стр. 19, рис. 5; Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, 3, стр. 108, рис. 9, *1, 2*.

[46] Р. М. Мунчаев. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1968, стр. 94, рис. 2, *1;* Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Батумские курганы эпохи бронзы. КСИА, АН СССР, 98, 1964, стр. 99; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, АН СССР, 100, 1965, стр. 44—45, рис. 17, *4*.

[47] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки..., стр. 49, рис. 19, *3*, стр. 55, рис. 25, *4*, стр. 59, рис. 29; их же. Новые археологические памятники..., стр. 134, табл. 2, *5*; стр. 141, табл. 9, *4*; стр. 151, табл. 19, *2, 3*; стр. 165, табл. 33, *4*, стр. 168, табл. 36, *4*.

[48] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 154, 155, рис. 20; Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах..., стр. 175, рис. 10, *2*; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 36, рис. 1, *46*.

озера на трассе Кубань-Калаусского канала и хранится в Черкесском музее [49]. Ее четыре высокие ножки, объединенные снизу, украшены угольчатыми вдавлениями, абсолютно идентичными уголкам на наших курильницах. Очень близка нашим курильницам курильница на четырех отдельно стоящих ножках без орнамента и отделения из-под г. Армавира [50]. А. А. Иерусалимская относит курильницы этого типа к третьей группе предкавказского варианта катакомбной культуры периода поздней бронзы [51]. Такая датировка этого типа курильниц противоречит нашим данным. Так, в 1963—1965 гг. нами в катакомбах окрестностей г. Черкесска в комплексах, датируемых приблизительно серединой II тысячелетия до н. э., были найдены 10 курильниц на четырех отдельных ножках, объединенных квадратным дном. Эту же дату подтверждают и комплексы Суворовских курганов. Курильницы этого типа под Суворовской найдены вместе с бронзовыми листовидными ножами. Особенно много подобных ножей имеется в погребениях северокавказской культуры, где они бытуют на протяжении всего II тысячелетия до н. э. [52] и особенно широко распространены с середины II тысячелетия до н. э. Десятки бронзовых листовидных ножей, так же как и четырехгранных бронзовых шильев (у нас одно такое шило) обнаружены в катакомбных погребениях Калмыкии [53].

Бронзовые круглые подвески, височные серьги в полтора оборота, бронзовые бусы и браслеты из бронзовых пластинок, обнаруженные в наших катакомбах, имеют аналогии среди бронзовых украшений племен Северного Кавказа, по мнению В. И. Марковина, относящихся ко II этапу северокавказской культуры.

Во время обзора инвентаря из катакомб у ст. Суворовской, мы неоднократно отмечали много общих черт с инвентарем погребений так называемой северокавказской культуры, хотя известно, что для северокавказской культуры эпохи бронзы катакомбные сооружения совершенно не характерны. Выделенные нами пять групп сосудов имеют прямые аналогии в северокавказской посуде II тысячелетия до н. э. Вместе с тем свыше двух десятков курильниц указывают на существование тесной связи погребенных в Суворовских катакомбах с племенами Волго-Манычского междуречья и Калмыкии во II тысячелетии до н. э.

Можно полагать, что катакомбы, исследованные нами в курганах у

---

[49] Сведения и фотографии были любезно присланы Евгенией Павловной Алексеевой, которой выражаем глубокую благодарность.

[50] А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. «Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа». 1, Л., 1940, стр. 42, 43, табл. XV, *3*.

[51] А. А. Иерусалимская. Курильницы бронзового века из Предкавказских степей в собрании Эрмитажа. СГЭ, XII, Л., 1957, стр. 47; ее же. О предкавказском варианте..., стр. 37, рис. 1, *47*.

[52] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 92, рис. 42; его же. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, 1, стр. 4, рис. 39, 59; его же. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году. КСИА, АН СССР. 84, 1961, стр. 52, рис. 15, V, *5*, *6*; его же. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. Древности Чечено-Ингушетии, стр. 63, рис. 9, *2*, стр. 66, рис. 11, *2*; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 172, табл. III, *3*, табл. IV. *3*; его же. Археоологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, *3*, 1941, стр. 41, табл. I, *7*; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел Карабудахкент. МИА, 68, 1958, стр. 150, рис. 3, *5*; И. Е. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 45, рис. 9, *5*, стр. 51, рис. 14, *5*, стр. 45, рис. 9, *3*, *6*, *7*; его же. Погребение эпохи бронзы в Северной Осетии. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938, стр. 44, рис. 2; Б. Е. Дегеи. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, табл. XIV, *1*; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. МИА, 23, 1951, стр. 255, рис. 144; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. CXVI *5*.

[53] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки..., стр. 43, рис. 13, *1* и *3*; стр. 51, рис. 21, *4* и *5*; их же. Новые археологические памятники..., стр. 136, табл. 4, *4*, *5*; стр. 140, табл. 8, *5*; стр. 141, табл. 9, *3*; стр. 146, табл. 14, *2*, стр. 152, табл. 20, *1*; стр. 173, табл. 41, *1*, стр. 144, табл. 12, *5*, стр. 148, табл. 16, *3*, стр. 164, табл. 32, *2*.

ст. Суворовской, оставлены степными предкавказскими племенами, продвинувшимися на Северный Кавказ и в тесном общении с аборигентами последнего, создавшими особый вариант предкавказской катакомбной культуры. Пока мы еще не имеем достаточного материала для определения времени каждой из раскопанных катакомб. В будущем, при накоплении новых материалов, возможно, это удастся сделать. Пока при наличии имеющихся данных, взяв за основу курильницы по схеме А. А. Иерусалимской, у нас получается следующая картина: мы отметили факт синхронности курильниц I и II типа, так как курильница с цельным поддоном крестовидной формы была обнаружена вместе с курильницей с круглым поддоном в кург. № 1, погр. № 9 (рис. 3, *28* и рис. 4). Курильницы III типа на четырех ножках сопровождались тем же инвентарем, что и курильницы со сквозным отверстием в крестовидном поддоне. Такой же факт наблюдался и в катакомбах под г. Черкесском. Курильницы III типа на нашей территории встречены с бронзовыми ножами листовидной формы и четырехгранными бронзовыми шильями, широко встречающимися на территории Калмыкии в сочетании с курильницами I типа. Кроме того, курильницы I и III типов встречаются с одними и теми же формами сосудов. Таким образом, формы курильниц не могут служить опорой для датировок катакомб. Пока только одно погр. № 8 из кург. 1, где находились круглые бронзовые подвески, аналогичные подвескам из галиатского могильника «Фаскау», можно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э.[54], остальные погребения предварительно мы относим к середине II тысячелетия до н. э.

Из обзора погребений близ ст. Суворовской выяснилось, что они тесно связаны с катакомбными погребениями Калмыкии, хотя в их керамике и наблюдается различие. По всей вероятности, они принадлежат одной и той же культуре, а некоторые особенности керамики можно объяснить локальными различиями и связанными с этим влияниями соседних культур.

A. L. Nétchitailo

LES TUMULUS DE L'ÂGE DU BRONZE PRÈS DE LA STANITZA SOUVOROVSKAÏA

Résumé

En résultat des fouilles de la sépulture sous tumulus près de la stanitza Souvorovskaïa, territoire de Stavropol, ont été décelées plusieurs dizaines de catacombes, dont la plupart se sont trouvées collectives. La position des squelettes, à quelques exceptions près est allongée, orientée vers le sud. La plus grande partie du mobilier est représentée par la ceramique, au nombre de laquelle on a éliminé trois types de cassolettes. Ont été découverts des couteaux foliformes en bronze, des alènes tétraédriques, des boucles temporales, des bracelets, des pendants ronds, des insruments en abrasion, des pointes de flèches en silex, des perles en cornaline.

Les sépultures dans les catacombes examinées sont detées préalablement du milieu du II millénaire avant notre ère. Nous croyons qu'elles appartiennent aux tribus de steppes précaucasiennes, qui se sont avancées jusqu'aux pays situés au pied des monts de Caucase; à la suite de leurs relations étroites avec les aborigènes du Caucase Nord, ces tribus ont créé une variante à part de la civilisation de catacombes précaucasienne.

---

[54] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 39, рис. 7, *2*.

С. А. ЕСАЯН, А. О. МНАЦАКАНЯН

НАХОДКИ НОВЫХ БРОНЗОВЫХ СТАТУЭТОК В АРМЕНИИ

В последние годы в Армении обнаружено большое количество бронзовых статуэток людей и различных животных. Находки подобных статуэток, известных и ранее, вызывают большой интерес, поскольку они являются не только прекрасным произведением искусства, но и ценным источником для изучения обычаев, ритуалов и культовых верований древних жителей. В настоящей работе мы останавливаемся на двух группах изделий, найденных в разрушенных при земляных работах погребениях близ железнодорожной станции Айрум Ноемберянского района и села Паравакар Шамшадинского района Армянской ССР.

Происходя из близких районов, рассматриваемые изделия имеют много общих черт и входят в один и тот же культурный круг, состоящий из ряда локальных производственных центров северо-восточной Армении.

Паравакарские статуэтки

В апреле 1967 г., в местности Лезги-дзор, в 8 *км* севернее с. Паравакар Шамшадинского района АрмССР при выравнивании участка для посадки виноградников бульдозером был срезан земляной бугор в 1,5 *м* высотой. По сообщению тракториста Н. А. Цатуряна, под бугром было обнаружено несколько бронзовых статуэток, находившихся в бронзовом сосуде, ряд глиняных сосудов и одна бронзовая чаша. Все они были в погребении, обложенном небольшими плитами известняка. Большинство сосудов было разбито и оставлено в земле, сохранилась лишь небольшая чаша и кувшинчик. По словам Н. А. Цатуряна, бронзовый сосуд имел форму котла, венчик которого был обтянут бронзовой проволокой. При последующем досмотре места находки никаких следов погребения обнаружить не удалось [1]. По словам Н. А. Цатуряна, в этой местности были и другие погребальные сооружения из известняка, но в них встречались лишь обломки сосудов.

Найденные предметы делятся на следующие группы.

Первая группа состоит из четырех бронзовых статуэток воинов (рис. 1. *2, 3;* рис. 2, *1, 2*).

Статуэтки изображают фигуры высоких, хорошо сложенных воинов, с широкой грудью и четко отмеченными фаллами, стоящих на квадратных подставках или небольших штырях. Два воина (рис. 1, *2, 3*) вооружены длинными копьями. Один из них в левой руке держит щит с расширенной нижней частью и округлым верхним краем. По всей вероятности, такой же щит был и у второго воина, в левой руке которого имеется отверстие для

[1] Статуэтки были взяты секретарем Шамшадинского райкома КП Армении тов. А. Т. Паландузяном для организации краеведческого музея в Шамшадине и любезно предоставлены одному из авторов настоящей статьи (С. Есаяну) для публикации. Сосуды были взяты С. Есаяном при осмотре местности у Н. А. Цатуряна. Пользуясь случаем, авторы приносят им свою глубокую благодарность.

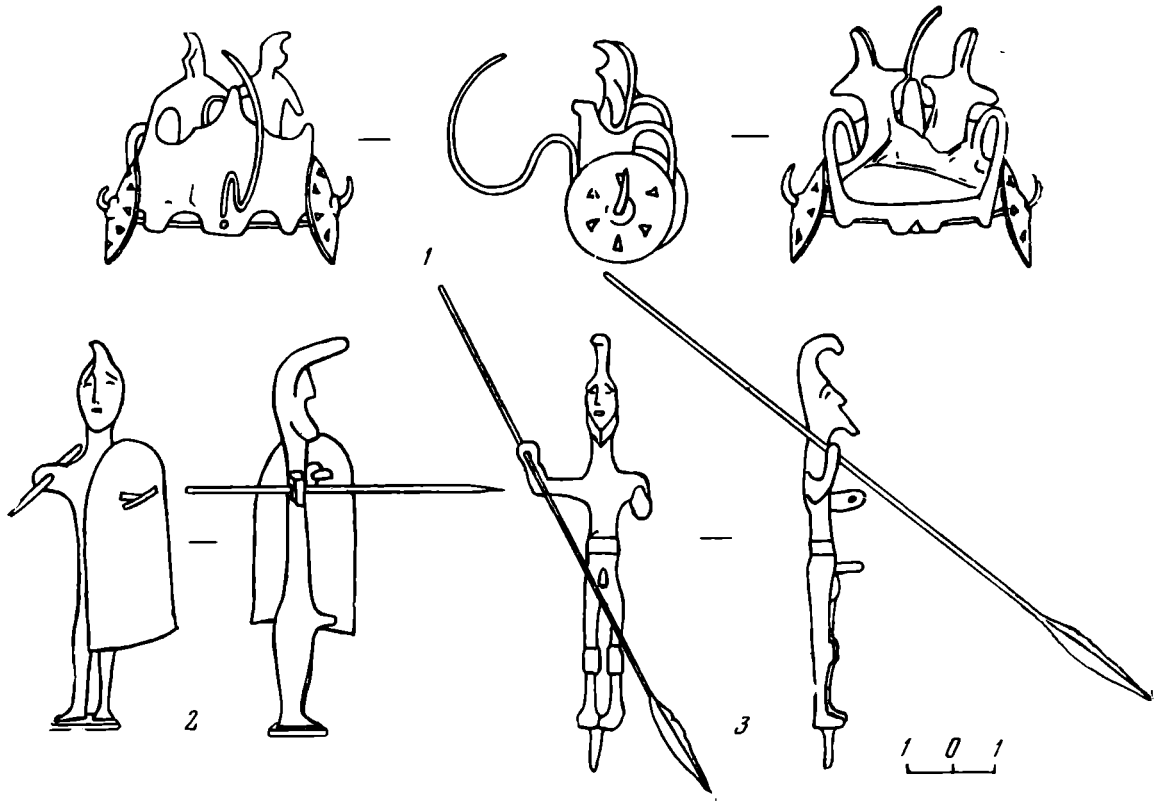


Рис. 1

1 — модель боевой колесницы из Паравакара, *2, 3* — фигуры воинов из Паравакара

закрепления щита. Два других воина (рис. 2, *1, 2*) вооружены небольшими круглыми щитами, а в правой руке держат нечто вроде рога или ритона. Лица всех воинов плоские, с прямыми носами; глаза и рот отмечены выемками. На головах у всех гребенчатые шлемы с роговидными выступами в передней части. Две фигуры (рис. 1, *3* и рис. 2, *1*) снабжены широкими поясами, причем у второй от пояса отходит небольшой выступ, напоминающий кинжал.

Датирующим предметом этого комплекса является полуцилиндрический щит у одной из фигурок, аналогией которому в Армении служит щит, изображенный на поясе X в. до н. э. из Степанавана [2]. Подобные щиты в большом количестве известны по изображениям на ассирийских рельефах конца II — начала I тысячелетия до н. э. [3]

Статуэтка мужчины с таким же плоским лицом известна из Восточной Грузии; она обнаружена в с. Мелаани (Кахетия), в пограничном с Арменией районе. Ноги ее широко расставлены, руки растопырены, в одной — роговидный предмет, другая сжата в кулак; на шее — тройная гривна, через плечо надета широкая перевязь с подвешенным листовидным кинжалом. В этом же пункте найдено большое количество мечей, стрел и копий, характерных для памятников Закавказья конца II — начала I тысячелетия до н. э. [4]

Статуэтки мужчины и женщины были найдены в селе Ибрагимгаджили Таузского района АзербССР. Описавший их З. И. Ямпольский касается лишь их культового назначения, связывая эти статуэтки с остатками

[2] С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, стр. 91.

[3] R. D. Barnett. Assyrische palastreliefs, табл. 90—93, 109—113 и др.

[4] К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро — Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, стр. 155, табл. XVI—XXX (на груз. языке). Как нам любезно сообщил К. Н. Пицхелаури, после выхода книги в Кахетии были новые находки статуэток — десять женских бронзовых и глиняных фигурок были обнаружены в святилище в слое, датируемом XIV—XII вв до н. э., и две мужские фигурки — в слое, датируемом первой половиной I тысячелетия до н. э.

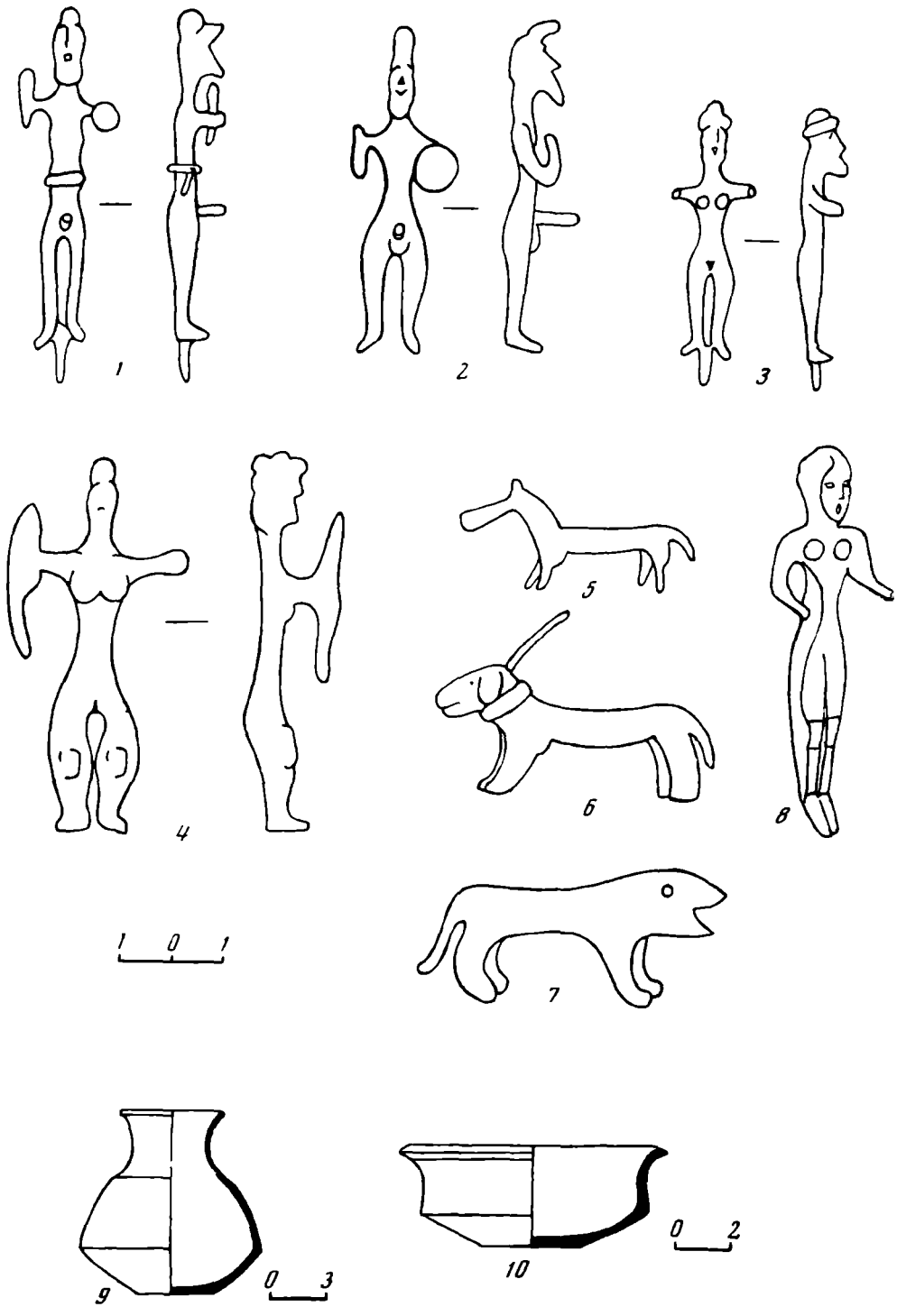


Рис. 2

1, 2 — фигуры воинов из Паравакара, *3, 4* — женские статуэтки из Паравакара, *5, 6* — статуэтки коня и собаки из Паравакара, *9, 10* — глиняные сосуды из Паравакара, *7, 8* — статуэтка собаки и женская фигурка из Навура

первобытно-магической партиципации оплодотворения, не затрагивая вопросов их хронологического и культурно-исторического определения [5]. Нам кажется, что это мнение З. Я. Ямпольского слишком суживает назначение статуэток, и они, как и другие фаллические статуэтки, скорее связаны с культом плодородия в целом.

Ко второй группе паравакарских статуэток мы относим две женские фигурки. Первая из них — невысокая стройная женщина с узкой талией, голова крупная с большим носом, маленький рот отмечен выемкой, глаза подчеркнуты двумя выпуклыми точками, волосы уложены вокруг головы и возвышаются в виде тюрбана; статуэтка стоит на небольшом штыре (рис. 2, *3*).

Вторая фигурка — женщина с узкой талией, широкими бедрами и с длинными полными ногами, руки вытянуты в стороны, крупная голова заканчивается высокой прической. В правой руке женщина держит вертикальный предмет, несколько напоминающий рыбу. Фигурка, по-видимому, была припаяна к прямоугольной подставке (рис. 2, *4*).

В этом же комплексе были обнаружены фигурки животных — сильно стилизованной лошади (рис. 2, *5*) и собаки в ошейнике; проволока изображает поводок (рис. 2, *6*).

Кроме указанных статуэток, в Шамшадинском районе в с. Навур были найдены еще две, одна — фигурка женщины (рис. 2, *8*), вторая — собаки с раскрытой пастью (рис. 2, *7*). Обе фигурки найдены бесспорно в одном месте, хотя доставлены в Ереван в разное время [6]. Несмотря на некоторые различия деталей, они, без сомнения, принадлежат к тому же культурно-хронологическому кругу, что и паравакарские статуэтки.

Наиболее интересной находкой рассматриваемого комплекса является модель боевой колесницы (рис. 1, *1*) со стоящими в ее кузове двумя воинами. Колесница имеет широкий кузов, с глухим передком и полукруглыми арочными стойками по краям; сзади кузов открытый. На неподвижную ось, проходящую через ушки под центром кузова, надето два свободно вращающихся колеса с шестью спицами. Ось сделана из круглой проволоки с завернутыми концами. У дышла конец сломан и завернут кверху, что, к сожалению, лишает нас возможности установить способ запряжки. Через специальное ушко на передке (аналогичное ушкам оси) дышло проходит под центром кузова и вдето в такое же ушко на задке кузова. Способ закрепления дышла аналогичен лчашенским деревянным колесницам, но отличается большей прочностью [7].

В кузове колесницы стоят две схематические фигурки воинов, припаянные к передку. Грудь их выступает над передком, тулово сзади прослеживается до пояса. На головах у них гребенчатые шлемы с роговидными выступами. Правый воин правой рукой держится за ажурную стойку кузова, его левая рука вытянута, ею, по-видимому, он управляет вожжами. Левый воин правой рукой держится за конический выступ в центре передка, свободная левая рука вытянута вперед.

Модели бронзовых боевых колесниц в Армении известны лишь из лчашенских курганов, где обнаружено три экземпляра [8]. Этим ограничиваются находки бронзовых моделей колесниц не только в Армении, но и на территории СССР (мы не учитываем глиняных моделей), хотя изображений колесниц на бронзовых изделиях известно большое количество.

---

[5] З. Я. Ямпольский. Статуэтки мужчины и женщины эпохи бронзы из с. Ибрагимгаджили Таузского района и начальные формы религии. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 94. Г. П. Кесаманлы, З. Я. Ямпольский. Историко-археологический комплекс из села Ибрагимгаджили Азербайджанской ССР. СА, 1966, 1, стр. 275.

[6] Инвентарь Гос. музея Армении, 2081, 2210/107.

[7] С. А. Есаян. Оружие и военное дело Древней Армении, стр. 138.

[8] А. А. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, 2, рис. 8; С. Есаян. Ук. соч., стр. 139.

Шлемы паравакарских колесничих резко отличаются от шлемов колесничих лчашенских моделей, датируемых XIV—XIII вв. до н. э. Последние также гребенчатые, но гребни у них охватывают шлем с обеих сторон [9].

Не похожи они и на урартские шлемы времен царя Арама, гребень которых отходит от центра к затылочной части шлема. Гребни паравакарских шлемов проходят по всей затылочной части и, приподнимаясь над центром, выступают вперед. Подобная форма шлемов, насколько нам известно, не встречается в памятниках Кавказа и Передней Азии и, по-видимому, представляет локальный вариант гребенчатых шлемов.

Известно, что гребенчатые шлемы с середины II тысячелетия до н. э. бытовали на территории Передней Азии (например, хеттский шлем XIV в. до н. э. из Богазкея) и Армении (лчашенские гребенчатые шлемы XIV—XIII вв. до н. э.). Однако уже к IX в. до н. э. вооружение Урарту отходит от хеттских образцов и сближается с асирийскими. В числе других предметов вооружения меняется также форма шлемов — вместо гребенчатых применяются конические. Этот процесс, по-видимому, охватывает все Армянское нагорье и Кавказ. По крайней мере можно сказать, что известные нам образцы шлемов начала I тысячелетия до н. э.— конические. К числу их относятся шлемы из Фаскау, Приморского и Триалети [10].

Таким образом, рассматриваемые шлемы не могут датироваться позднее VIII в. до н. э. и, скорее всего, должны быть отнесены к началу I тысячелетия до н. э. Вопрос об их датировке подкрепляется также анализом сосудов, найденных в паравакарском комплексе. Один из них, небольшой черный, лощеный кувшинчик с вздутым туловом и высокой шейкой (рис. 2, *9*), второй — небольшая серая мисочка (рис. 2, *10*). Кувшинчику (по его форме) мы находим аналогии в назрванском, кармирблурском, урартском и такийском комплексе конца II — начала I тысячелетия до н. э. [11]. Напомним, что этим же периодом датируются и остальные находки паравакарского комплекса.

Айрумские статуэтки

При строительстве дороги близ железнодорожной станции Айрум (Ноемберянский район АрмССР) весной 1962 г. в случайно открытом погребении был обнаружен кувшин, в котором, по рассказам очевидцев, находилось около 200 бронзовых статуэток; часть из них впоследствии поступала в Гос. исторический музей Армении [12].

Эта коллекция литых статуэток представляет собой чрезвычайно богатый клад изделий, свидетельствующих о высокой культуре древней Армении. По своему виду они делятся на ряд групп. Первую образуют семь скульптурных фигурок людей, из них шесть женских и одна — воин в в шлеме и со щитом (рис. 3, *1—7*). Люди изображены голыми, с четко обозначенными атрибутами пола. У всех (кроме одной женской статуэтки) руки вытянуты вперед; в левой руке кувшин грушевидной формы, а в правой — роговидный предмет. Создается впечатление, что они переливают из кувшина в рог какую-то жидкость. Это особенно четко наблюдается на

---

[9] С. А. Есаян. Ук. соч., табл. XVI.

[10] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, V, 1905, стр. 276, рис. 211; Л. П. Семенов. Шлемы из Северной Осетии. КСИИМК, 57, 1955, стр. 61; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X; Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, Ереван, 1955, стр. 144—147; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. X.

[11] А. А. Мартиросян. Город Тейшебани. Ереван, 1957, стр. 47; А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян. Комплекс изделий из могильника Такия. Изв. АН АрмССР, 1—4, 1959, стр. 95; С. А. Есаян. Погребение VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина. СА, 1965, № 3, стр. 329; С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, II. Ереван, 1967, стр. 64, табл. VIII—X.

[12] Прибывшему на место находки А. О. Мнацаканяну удалось собрать около 45 предметов и доставить в Гос. ист. музей Армении. Инв. № 2225/1-45.

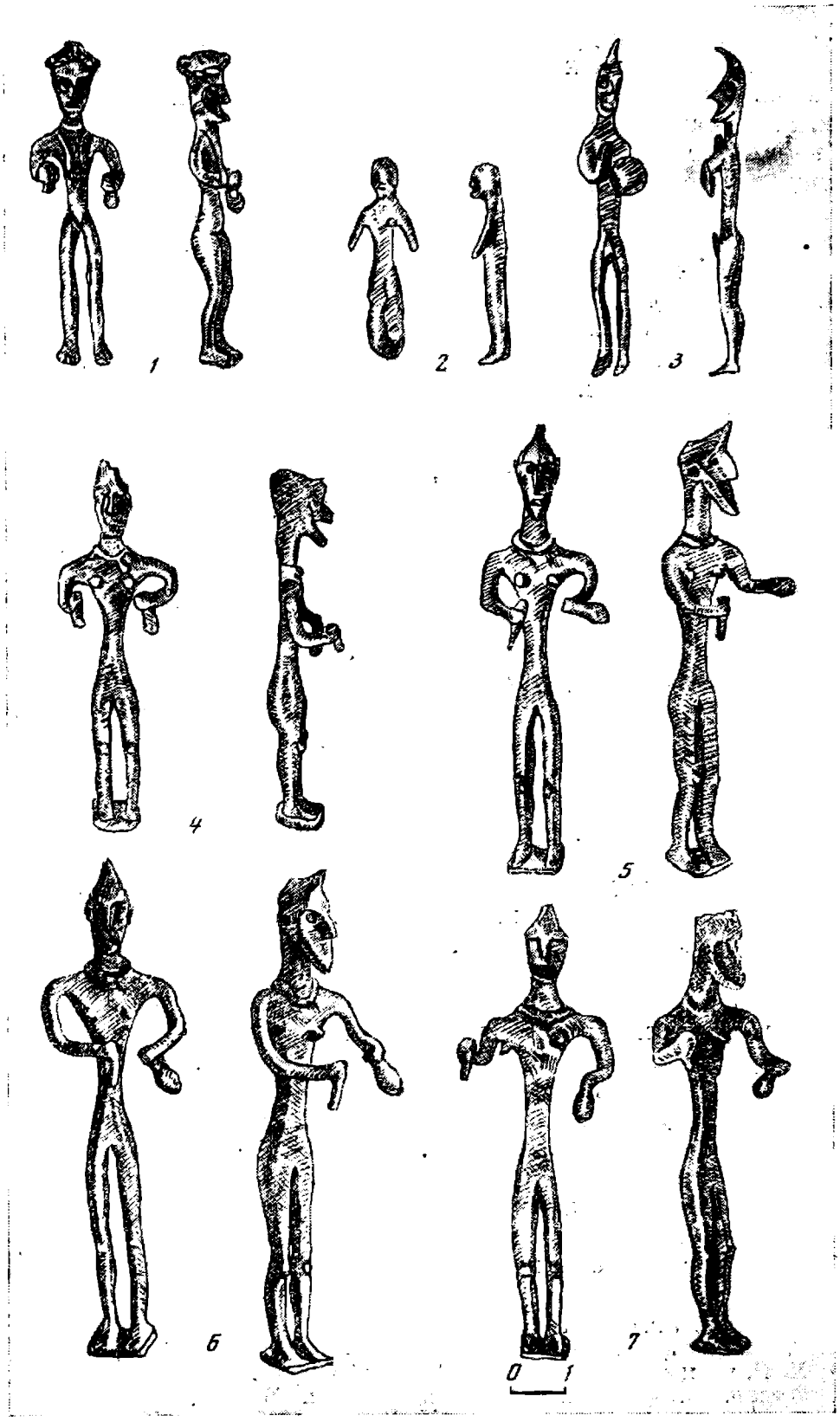


Рис. 3

1, 2, 4—7 — женские статуэтки из Айрума, *3* — статуэтка воина из Айрума

двух фигурах (рис. 3, *5—6*). Другие как бы предлагают кому-то наполненный рог. Все женские фигуры (кроме изображенной на рис. 1 и 2) стоят на небольших квадратных плитках-подставках. Несмотря на общее сходство (они отличаются прической, украшениями и размерами), каждая фигура имеет ряд характерных черт.

Во вторую группу выделяются фигурки хищных и травоядных животных. Хищники представлены 12 статуэтками собак и волков. По своему назначению они делятся на две подгруппы. К первой относятся фигурки-подвески с петелькой для подшивания (рис. 4, *2—6;* рис. 5, *1, 5*). Ко второй — фигурки в виде статуэток (рис. 4, *1*; рис. 5, *3, 7, 9, 11*).

Травоядные животные представлены 11 фигурками лошадей и одного быка. Фигурки лошадей также либо подвешивались (рис. 5, *2, 4;* рис. 6, *1—4*), либо служили статуэтками (рис. 5, *6, 8, 10, 12*).

Особенно интересна фигурка быка, спина которого покрыта нарядным покрывалом (рис. 4, *7*).

Здесь же было найдено несколько украшений: двулезвийная секира (рис. 4, *10*) и пять булавок. Три из них с массивными грушевидными головками (рис. 4, *8, 9, 13*), а две с небольшой круглой шляпкой, под которой проходят два рельефных пояска (рис. *4, 11, 12*).

Датировка айрумского клада вызывает определенные затруднения, так как находившиеся в нем предметы явно разновременны. А. А. Мартиросян, исходя из форм булавок второй группы, которые имеют большое сходство с аналогичными изделиями из Хртаноца, и шейных гривен на женских фигурках, датирует клад VI—V вв. до н. э. Дополнительным доводом автору служат ритоны или рога и кувшины в руках статуэток характерной для VI—V вв. до н. э. формы [13]. Нам кажется, что подтверждением этой датировки может служить также женская статуэтка (аналогичная изображенной на рис. 3, *2*), найденная в 1967 г. в храмовом помещении Астхиблурской крепости близ села Енокаван Иджеванского района АрмССР. Она происходит из слоя, датируемого VI—V вв. до н. э.[14]

Напомним, что в айрумском коплексе имеется ряд более древних предметов, в том числе и рассматриваемая фигура быка. Близкая по форме головка быка украшает навершие жезла из толорского погребения начала I тысячелетия до н. э. [15]. Подобное навершие известно также из раскопок Э. Реслера в 1893 г. в Арчадзорском кургане [16]. В урартских памятниках много бронзовых котлов, украшенных скульптурными изображениями быков. Подобные головки известны из Вана, Алишара, Гущи (оз. Урмия) и ряда других мест [17].

Аналогичные бронзовые головки, также без сомнения служившие украшениями котлов или каких-либо иных сосудов, известны из лчашенских курганов XIV—XIII вв. до н. э. [18] Две подобные головки быков были переданы в Гос. музей Армении из бывшего Эчмиадзинского музея [19].

В этой связи интересно отметить, что в древности бык служил символом мощи и плодородия и связан с астральным культом [20]. Не случайно в урартском пантеоне богов бык выступает вместе с богом войны, бури, непогоды и водной стихии — Тейшебой. Изображение бога Тейшебы, стоящего на быке, сохранилось на бронзовом поясе из Камирблура. На рельефе

---

[13] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 275.

[14] С. А. Есаян. Астхи-блурский могильник. ВАН АрмССР, 3, 1968.

[15] А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в селении Толорс. КСИИМК, 54, 1954, рис. 41.

[16] ОАК за 1894 г., стр. 17—18; рис. 12; МАК, 6, стр. 135—136.

[17] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 58—60.

[18] Инвентарь Гос. музея Армении 2007/23.

[19] Инвентарь Гос. музея Армении 215 и 716.

[20] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 97.

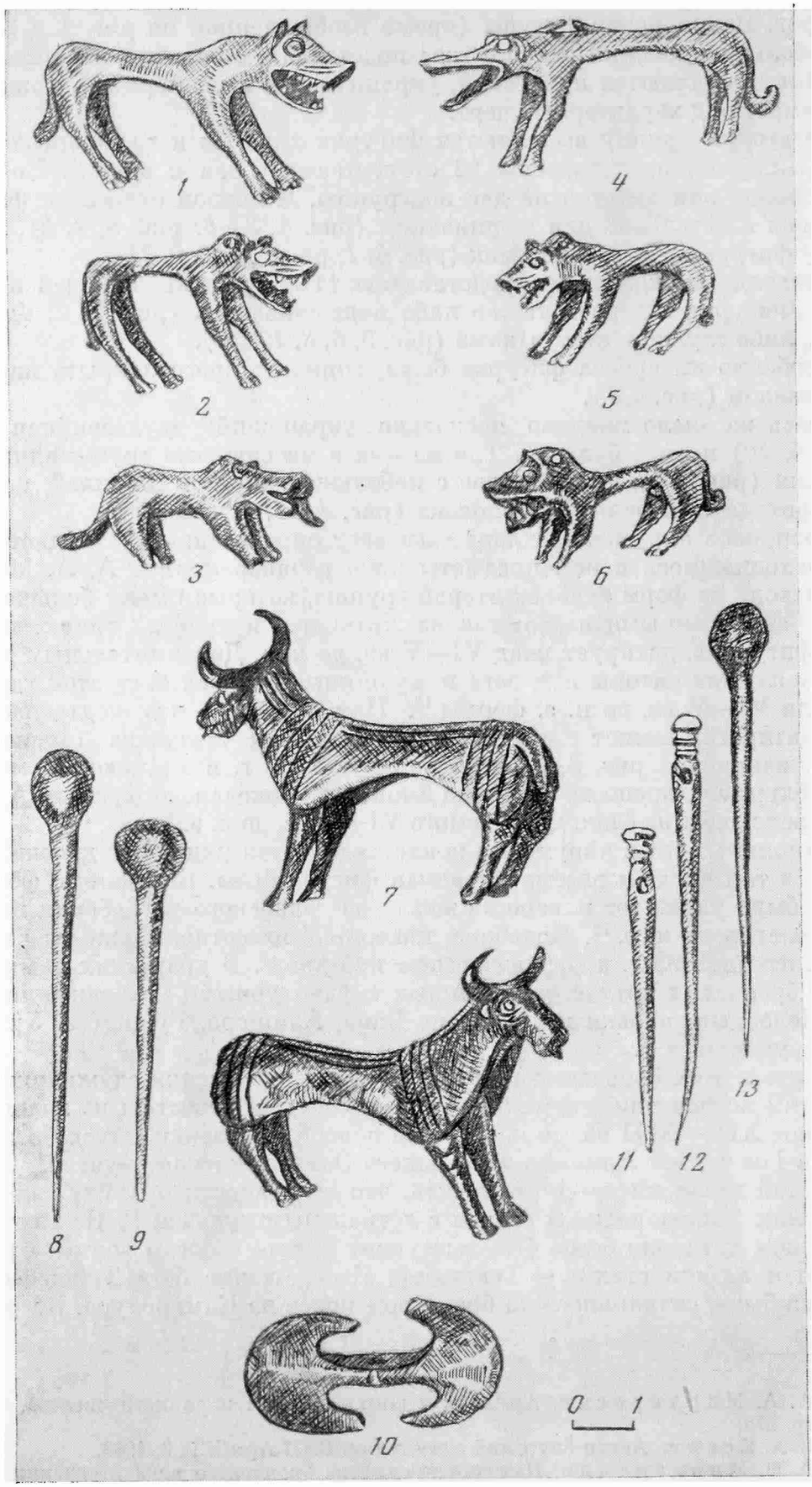


Рис. 4

1—6 — фигурки собак из Айрума, *7* — фигурка быка из Айрума, *8—9, 11—13* — бронзовые булавки из Айрума, *10* — секирка из Айрума

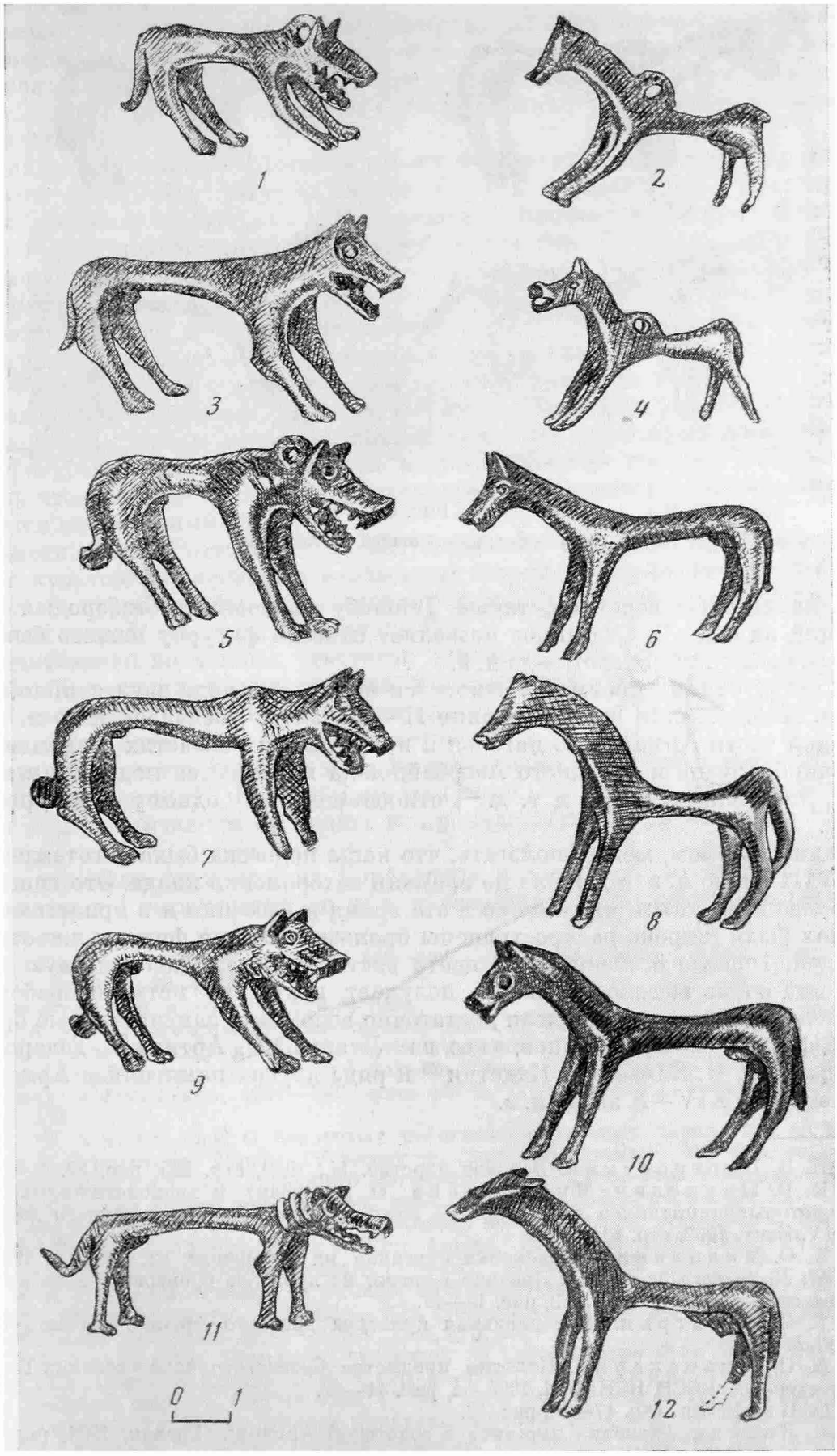


Рис. 5

1, 3, 5, 7, 9, 11 — фигурки собак и волков из Айрума, *2, 4, 6, 8, 10, 12* — фигурки лошадей из Айрума

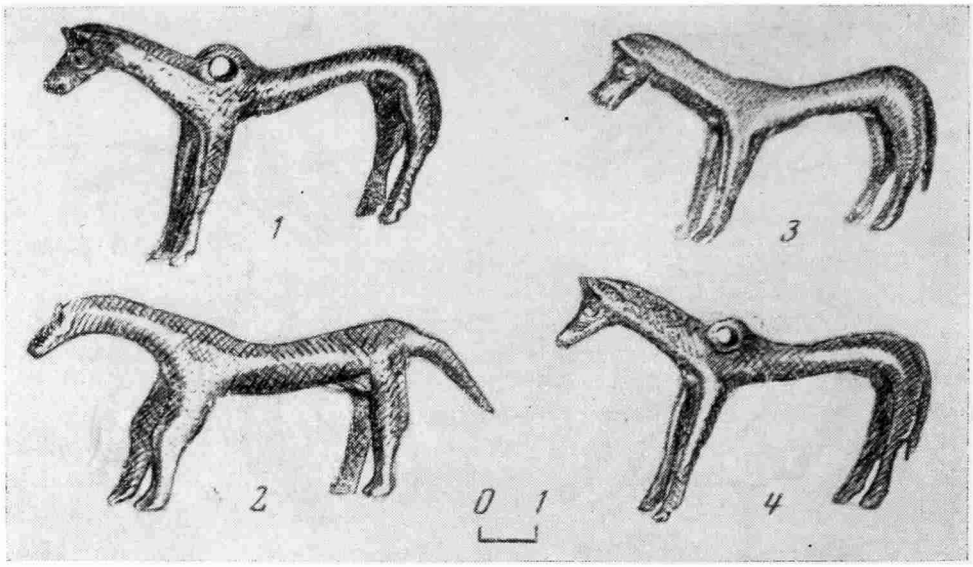


Рис. 6

1—4 — фигурки лошадей из Айрума

из Адильджеваза вероятно, также Тейшебу изображает безбородый бог, стоящий на быке [21]. Сказанное позволяет отнести фигурку нашего быка к первым векам I тысячелетия до н. э.

К числу ранних предметов относится подвеска в виде двулезвийной секирки. Именно в это время, в конце II — начале I тысячелетия до н. э., в северной части Армянского нагорья и прилегающих областях современной восточной Грузии и западного Азербайджана появляются подвески в виде лиры, ложечек, секирок и т. д. [22], относящиеся к одному культурному кругу.

Таким образом, можно полагать, что наша подвеска была изготовлена в IX—VIII вв. до н. э. и дожила до времени захоронения клада. Это кажется тем более вероятным, что именно в это время в Армении и в прилегающих странах были широко распространены бронзовые литые фигуры животных и людей. Первые особенного расцвета достигают в позднебронзовую эпоху, когда очень высокое развитие получает искусство металлообработки. Для подтверждения этой мысли достаточно вспомнить замечательные бронзовые фигуры оленей, быков, коз из Лчашена [23], Артика [24], Толорса [25], Арчадзора [26], Н. Баязета [27], Кахетии [28] и ряда других памятников Армении и Закавказья XIV—X вв. до н. э.

---

[21] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 225, рис. 69.

[22] Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. МКА, IV, Баку, 1962, стр. 131.

[23] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2, рис. 13; его же. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2, рис. 15—17.

[24] Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, табл. 30, *5*.

[25] А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) АрмССР, КСИИМК, 1954, 54, рис. 41—42.

[26] ОАК за 1894 г., стр. 17—18, рис. 12.

[27] Е. Л'алаян. Раскопки курганов в советской Армении. Ереван, 1931, рис. 197 (на арм. яз.); А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, табл. X.

[28] Бронзовая статуэтка оленя с клеймом в виде свастики на задней ноге и фигурки птицы на якореобразном штиве, датируемые XIII—XII вв. до н. э., были найдены Р. Абрамишмили в с. Новая Ульяновка Лагодехского района. Авторы приносят свою благодарность Р. Абрамишвили за любезное предоставление материала.

Нужно отметить также, что в начале I тысячелетия до н. э. на Армянском нагорье и в сопредельных областях продукция скульпторов-литейщиков, по-видимому, становится массовой и в связи с этим выпускаемые изделия уменьшаются в размерах, приобретая при этом сильно стилизованные черты. Подобные явления может быть объясняются массовым спросом на эти изделия.

Описанные предметы в Армении имеют мало аналогий. К числу их надо отнести небольшие фигурки оленей Лценского комплекса. Известны они и из раскопок Е. Лалаяна в Н. Баязете [29]. Бронзовая фигурка оленя найдена также в с. Казанчи Ленинаканского района [30]. Кроме того, две бронзовые фигурки коз были найдены в погребении № 54 близ Кедабека [31].

Интересно отметить, что в Урарту, Каппадокии, Иране и Закавказье встречаются двойные изображения лошадей, на которых часто сидит женская фигурка, опирающаяся обеими руками на головы животных. По мнению М. Ростовцева, на геральдическом коне должна быть изображена богиня плодородия, владычица лошадей, чей культ был распространен в странах древнего Востока и, особенно, Малой Азии. На некоторых животных вместо фигуры всадника помещается подковообразный выступ [32]. Примечательно, что в центре двухголовой статуэтки из раскопок Е. Лалаяна также имеется аналогичный выступ.

Развивая мысль Ростовцева, М. Ш. Хидашели подобные изделия связывает с культом плодородия и владычицы зверей. Изображения и статуэтки оленей, туров и собак автор считает зооморфными образами великой владычицы зверей — богини плодородия [33].

Замечательная коллекция статуэток животных, представленная фигурами оленей, лошадей, быков, баранов, известна также из Талыша, Ленкорани и Северо-Западного Ирана, где они датируются X—VIII вв. до н. э. [34]. Большое количество таких статуэток встречено в Дагестане [35].

Статуэтки людей в Армении и на Кавказе были известны и ранее (Сарикамыш, Арцвеник, Н. Баязет, Дагестан и др.) [36]. Однако они по своим формам резко отличаются от наших и принадлежат к другой локальной группе.

Рассмотренные статуэтки из Паравакара и Айрума были широко распространены в I тысячелетии до н. э. и связаны с культовыми обычаями

---

[29] Е. Лалаян. Ук. соч., рис. 165—166; Инвентарь Гос. музея Грузии 20—05/IV—26, 40, 41; 20—05/I—11.

[30] Инвентарь Гос. музея Армении № 1009.

[31] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, 6, М., 1911, стр. 126, табл. VI.

[32] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1950, стр. 61, André Parrot. Nineven and Babylon. Thames and Hudson, 1961, рис. 148; «7000 Years of Irania art», 1964—1965, рис. 42; R. Ghirshman. Perse. München, 1964, рис. 358.

[33] М. Ш. Хидашели. О некоторых религиозно-культовых параллелях между Кавказом и Луристаном. Тезисы IV сессии по Древнему Востоку. М., 1968, стр. 67.

[34] J. de Morgan. La Préhistoire Orientale. III, Paris, стр. 279, рис. 264; W. Cylican. The Medes and Persians, табл. 13, 15; R. Ghirshman. Ук. соч., рис. 39—43; P. Calmever. Altiranische Bronzen der Sammlung Bröekelchen, Berlin, 1964, табл. 7—10; 39—42; 62—63;Alt Iranien Ancien. Bruxelles, 1966, табл. 106, 293; G. Conténeau. D'Archeologie Orientale, IV, Paris, 1947, рис. 1202.

[35] А. А. Иессен. Работы на Сулаке. ИГАИМК, 110, стр. 29; А. П. Круглов. Культовые места Дагестана. КСИИМК, XII, 1946, стр. 31; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, XV, 1954, стр. 281.

[36] С. В. Бессонов. Бронзовые статуэтки из Сарикамыша. Изв. Ин-та наук и искусств ССР Армении, Ереван, 1930, 4, стр. 57—74; А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Тр. САРАНИНН, II, М., 1928, стр. 34—36; С. Бархударян. Страна Великухи. Тр. Ин-та истории культуры, Ереван, 1935, стр. 184—185 (на арм. яз). Х. Самвелян. Культура древней Армении, II, Ереван, 1941, стр. 108 (на арм. яз.); Ш. Я. Амиранашвили. Ук. соч., табл. 17 (при издании не указано место находки); Г. Гоян. Театр древней Армении. I, М., 1952, стр. 236, и прим. 117—120 на стр. 489—496; А. А. Иессен. Работы на Сулаке, стр. 29; А. П. Круглов. Культовые места Дагестана, стр. 31; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо, стр. 281.

племен Армянского нагорья. Приведенные аналогии свидетельствуют о том, что их производство развивалось не обособленно в Армении, но было развито в Передней Азии, Иране, Закавказье и Северном Кавказе. Этот вид искусства своими корнями уходит в глубь веков [37]. Подобные скульптуры изготовлялись в эпоху поздней бронзы, где они были более крупного размера; в I тысячелетии до н. э. размеры их в связи с массовым спросом значительно уменьшились.

Глиняные статуэтки и наскальные изображения известны еще с неолитического периода. Женские глиняные статуэтки энеолитической поры имеют то же культовое назначение, обозначая воспроизводство и плодородие, как и аналогичные бронзовые статуэтки железного века, хотя, без сомнения, ритуальные обряды здесь уже не могут быть общими. То же значение приобретают мужские фаллические статуэтки, связанные с культом плодородия и символом мощи.

Это же осмысление получают и скульптурные изображения быка, выступающего как символ мощи, плодородия, бури и водной стихии, что в конечном счете тоже связано с плодородием.

Культ лошади был также связан с плодородием. Лошадь, судя по этнографическим материалам многих стран, символизирует культ Солнца [38], что, в свою очередь, связано с культом плодородия. Возможно, что часть фигур животных (собак, волков, оленей, лошадей и др.) имеет и тотемическое значение.

Указанные группы изделий разновременны. Паравакарская группа датируется на основании формы щита, шлемов, модели боевой колесницы, сосудов X — IX вв. до н. э.

Хотя время захоронения Айрумского клада относится к VI—V вв. до н. э. в этом комплексе имеется ряд более ранних предметов, к числу которых должны быть отнесены статуэтка быка, двойная секирка и часть животных, особенно крупные фигуры лошадей, которые датируются IX—VIII вв. до н. э.

S. A. Essaïan, A. O. Mnatsakanian

LES TROUVAILLÉS DE STATUETTES DE BRONZE EN ARMÉNIE

Résumé

L'auteur de l'article donne la description de deux groupes de statuettes de bronze trouvées en Arménie prés du village de Paravakar (district de Chamchadinsky) et pres de la gare d'Aïroume (district de Noémbérianski).

Le groupe de Paravakar concernant une sépulture comprend 4 statuettes de guerriers, 2 statuettes représentant des femmes, une figurine de cheval, celle d'un chien et un modéle de char de combat avec deux guerriers. L'ensemble date de la fin du II-e et du début du I-e millénaire avant notre ère.

Le groupe d'Aïroume comprenait initialement près de 200 statuettes dont une partie seulement se trouve au Musée historique de l'Arménie. Six d'entre elles représentent des femmes, une-un guerrier, douze-des chiens et des loups, onze-des chevaux, une-un boeuf. Font partie de cet ensemble un pendentif en forme de hâche à deux lames et 5 épingles.

Une partie de ces objets (la figurine du boeuf, le pendentif et autres) se rapportent aux IX-e — VIII-e siècles avant notre ère, une autre au VI-e siècle avant notre ère, c'est-à-dire à l'époque de l'enfouissement du trésor.

[37] Можно вспомнить фаллические статуэтки воинов и женщин, датируемых концом IV— началом III тысячелетия до н. э., из Джудейды (Северная Сирия). См. R. Braidwood and Linda S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch, Chicago, 1960, стр. 307, рис. 240—245. Как несколько более поздние, можно указать статуэтки из Тепе Гисара III, датируемые концом III — началом II тысячелетия до н. э. См. F. Schmidt. Excavation at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. XLVII.

[38] А. А. Миллер. Элементы неба на вещественных памятниках. ИГАИМК, 100, М.— Л., 1933, стр. 130.

А. П. УМАНСКИЙ

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

За последние годы в Алтайском краевом музее составилась небольшая коллекция предметов скифо-сарматской эпохи. Эти случайные находки, большей частью происходящие из мало исследованного степного левобережья Оби, представляют несомненный интерес для археологов.

1. В 1959 г. из с. Штабка (пригород Барнаула) в музей поступили бронзовые удила и предметы, известные в археологической литературе как навершия (рис. 1).

Село Штабка протянулось по обоим берегам одноименной речки, впадающей в р. Барнаулку (левый приток Оби). Часть села стоит на распаханном курганном могильнике. В прошлом здесь не раз находили древние предметы, типичные для степных курганов скифо-сарматского времени. Так, по словам М. П. Гулидовой (жительницы Барнаула), в первой четверти нашего века около мельничной плотины на р. Штабке были найдены «чудские» древности: бронзовые наконечники стрел, кинжал, наременные бляхи и большой «медный» котел, впоследствии безвозвратно утраченные. Удила и навершия были найдены при вспашке огорода. Они лежали в одном месте, причем внешнее кольцо одного из звеньев удил было продето в прорезь трубки навершия. Сохранность предметов сравнительно хорошая. Их поверхность покрыта тонким слоем патины голубовато-зеленого цвета. Внутри трубки левого (на рис. 1) навершия сохранился шаркунец. Удила отлиты в составной форме, соединительного кольца — круглые, одно из них несколько вытянуто. Внешние кольца удил стремевидной формы с подтреугольными отверстиями.

Навершия парные полые, отлиты из бронзы. Каждое из наверший представляет собой суживающуюся кверху четырехугольную в сечении трубку (толщина стенок до 0,2 *см*), увенчанную полой фигуркой стоящего лося.

В широких боковых гранях каждого навершия имеются прямоугольные отверстия (3,0×1,0 *см*), располагающиеся строго одно против другого. На задних гранях, перпендикулярно их плоскостям, прилиты круглые кольца диаметром около 3 *см*. Фигурки сохатых состоят из половинок, соединенных в нескольких местах — на груди, на морде и у рогов (спереди перемычкой, а сзади т-образной стойкой).

Животные изображены в спокойной позе. Хорошо подчеркнуты характерные особенности сохатых: горбоносая морда, лопатистые рога, бородка, массивный торс, короткий хвост, своеобразная постановка ног. Круглые вырезы схематично передают ветвистость рогов, серповидные прорези подчеркивают мощь торса. Губы, ноздри и уши лосей выпуклые. Круговыми валиками выделены глаза и копыта зверей. Несмотря на статичность и некоторый схематизм, фигурки лосей отличаются жизненной правдивостью и экспрессией.

Датировка штабской находки не вызывает особого затруднения. Бронзовые удила со стремевидными внешними кольцами известны на обширной территории от Енисея до Венгрии[1]. Появившись в VIII—VII вв. до

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 150; 2; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 103—110; П. Д. Либеров. Хронология па-

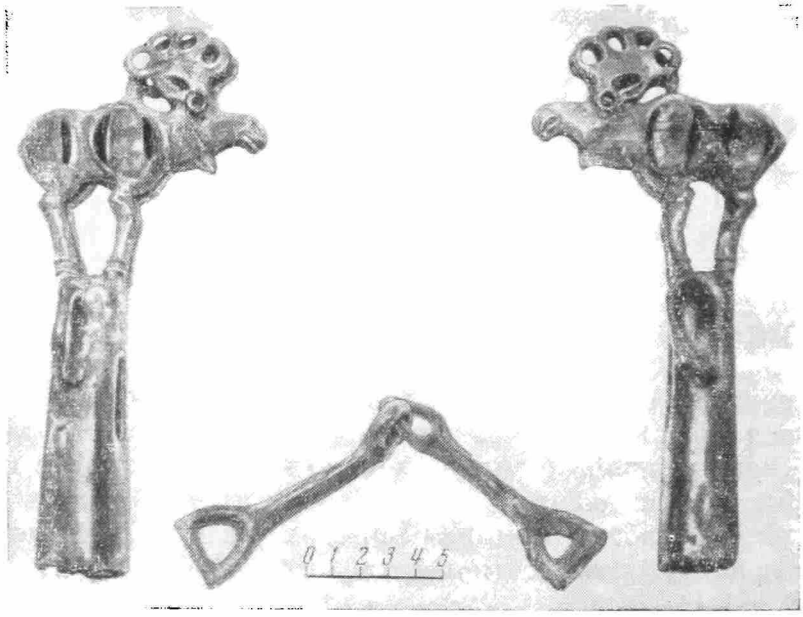


Рис. 1. Бронзовые удила и псалии-навершия из с. Штабки

н. э.[2], они особенно широко распространились в первой половине VI в. до н. э.[3]. В Южной Сибири такие удила типичны для майэмирских и раннетагарских комплексов, датируемых VII—VI вв. до н. э.[4]. Сводка находок удил со стремевидными кольцами на Алтае приведена в работе М. П. Грязнова, их немного: 1) удила, найденные А. В. Адриановым во втором кургане под Солонечным белком на р. Бухтарме; 2) две пары удил неизвестного местонахождения, хранившиеся в Семипалатинском музее и ныне утраченные; 3) обломок удил, поступивший в XIX в. в Барнаульский музей из Змеиногорского рудника (также утраченный)[5].

Удила из Штабки следует датировать второй половине или даже концом VI в. до н. э. по наиболее близким им аналогиям на западе[6].

Что касается наверший, то аналогии им прежде всего надо искать на востоке, в частности на Енисее. В изобразительном искусстве Минусинско-Хакасской котловины еще в карасукское время зародился мотив стоящего животного. На раннетагарской стадии он становится одним из ведущих мотивов: фигурки стоящего козла или медведя украшают навершия боевых значков, топоров, клевцов, кинжалов. Эти сюжеты проникают на западе до Прикамья, на юго-востоке — до Ордоса[7]. Но любопытно, что, хотя рукоятки ножей карасукского и красукско-тагарского времени нередко увенчаны головками лосей или лосих, тагарская художественная бронза не знает, насколько нам известно, сюжета, стоящего лося. Не знает такого сюжета и искусство современного ей Ордоса. Зато и на Енисее и в Ордосе, равно как и в других районах степного «скифского» мира, встречаются изображения стоящего оленя. Н. Л. Членова в одной из своих работ приводит

мятников Поднепровья скифского времени. ВССА, М., 1954, стр. 149—150, и др.; S. Gallus et T. Horyath. Un peupel cavalior prescythique en Hongrie. Diessertationes Pannonicae. II. 9. Budapest, 1939, табл. XLVI, *6*, LI, *10*.

[2] А. И. Тереножкин. Предскифский период в Днепровском степном правобережье. Автореф. докт. дис., М., 1958.

[3] П. Д. Либеров. Ук. соч., 150; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 150 и, др.

[4] М. П. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 14.

[5] М. П. Грязнов. Ук. соч., 10—13.

[6] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени, табл. 26 и 27 (бронзовые удила из кург. Старшая могила). См. также: А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 103—110 и табл., и др.

[7] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 134—146.

полную их сводку [8]. Изучая изображения оленя, происходящие из Сибири, Н. Л. Членова приходит к выводу, что жители Южной Сибири, лучше знавшие фактуру лося, чем благородного оленя, нередко придавали последнему «некоторые черты лося» [9]. В штабской находке мы, по-видимому, впервые встречаемся с сюжетом стоящего лося в художественной бронзе народов Южной Сибири (да и всего «скифского мира» вообще).

Для датировки наверший важны не столько сюжет, сколько художественная манера, особенности стиля, в котором выполнены фигурки лосей, и конструктивные особенности этих поделок. В этом плане близкой аналогией нашим навершиям служит навершие с фигуркой стоящей лошади, хранящееся в Минусинском музее [10]. В инвентарной книге оно записано как оковка. На слепом конце длинной (18 *см*) полой трубки в спокойной позе, но с чутко торчащими ушами, стоит лошадь. Сбоку, ближе к нижнему концу трубки, помещено приливное кольцо с продетой в него цепочкой из двух крупных звеньев, а ниже кольца — два овальных отверстия, одно против другого (рис. 2). В отличие от наших лосей, фигурка лошади выполнена в технике круглой скульптуры, что типично для тагарских поделок, украшенных фигурками стоящих животных. Минусинское навершие отличается и в других отношениях — здесь иные пропорции фигурки коня и трубки, овальные формы сечения трубки и отверстий в ней, наличествует цепочка из двух колец и др., но это все несущественные детали. Основные особенности конструкции, техники изготовления наверший и художественной трактовки животного те же, что и на штабских навершиях.

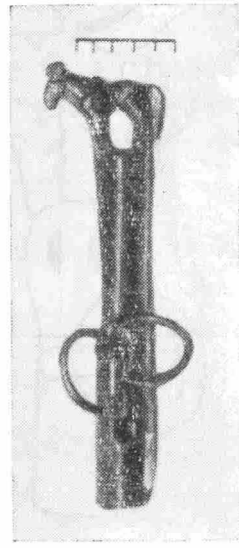


Рис. 2. Бронзовое навершие из Минусинского музея

Близкими аналогиями последним являются изображения стоящего оленя, происходящие из Сибири и Ордоса [11]. Многие из них выполнены в той же технике полого литья [12]. Животные в ряде случаев изображены в спокойной позе [13]. У некоторых рога сзади соединяются со спиной такой же стойкой, как и у штабских наверший [14], иногда также схематично выполнены рога (круглыми вырезами) [15], совершенно та же манера исполнения ушей, глаз, губ, хвоста [16].

Наиболее близки штабским навершия из Ордоса, особенно опубликованное A. Salmony (рис. 3, *1*) [17]. Оно отличается от штабских горизонтальных положением приливного кольца, наличием массивного кольца, продетого в приливное, прорезями в верхней части трубки, а также трактовкой рогов в виде отростков. Еще одно навершие из Ордоса (рис. 3, *2*), наоборот, обнаруживая полное сходство в изображении рогов, отличается позой животного, отсутствием трубки и др.

Ордосские навершия позволяют датировать штабские находки VI в. до н. э. Н. Л. Членова, определяя этим временем ордосские навершия, имеет в виду такие признаки архаичности их облика, как статичная поза,

---

[8] Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, 1962, стр. 185—193, а также табл. IV.

[9] Там же, стр. 191.

[10] Инв. № 703. Благодарю администрацию музея за фотографию навершия.

[11] Н. Л. Членова. Ук. соч., табл. IV.

[12] Там же, табл. IV, *14, 15* (фигурки оленей на навершиях).

[13] Там же, табл. IV, *21, 22* и др.

[14] Там же, табл. IV, *12, 18, 21, 22.*

[15] Там же, табл. IV, *12, 20.*

[16] Там же, табл. IV, *12, 14, 15* и др.

[17] Alfred Salmony. Sino-Siberian Art in the collection of C. T. Loo. Paris, 1933, табл. V, *1.*

массивность фигур и рога-колечки [18]. Характерными чертами архаической стадии в развитии скифо-сарматского звериного стиля М. П. Грязнов считает статичность и схематизм [19]. Архаические скульптуры тагарской культуры, по С. В. Киселеву, отличает статичность, монументальность, трактовка «в тяжелых реалистических формах с энергически подчеркнутой мускулатурой» [20]. С. В. Киселев отмечает далее, что при последующем развитии скульптуры тагара утрачивают эти черты, приобретая в то же время типичную для ранней Скифии кольчатую ажурность [21]. Лоси из Штабки, на наш взгляд, могут служить иллюстрацией начального этапа этой эволюции «звериного стиля»: они еще сохраняют «тяжелые реалистические формы», статичность и монументальность, но уже приобрели черты схематизма и условности (ажурно-кольчатая трактовка рогов, прорезные отверстия и др.). Итак, и удила и навершия можно датировать VI в. до н. э., причем, видимо, навершия несколько старше удил. Встает вопрос: какое отношение имели навершия к удилам? Почему одно из внешних колец удил было продето в прорезь навершия? По нашему мнению, первоначально обе трубки с лосями наверху были парными навершиями, а затем в них были прорублены отверстия для продевания внешних колец удил, после чего навершия использовались в качестве псалиев. Это мнение, конечно, не бесспорно. Есть ряд аргументов против нашего предположения. Рассмотрим их.

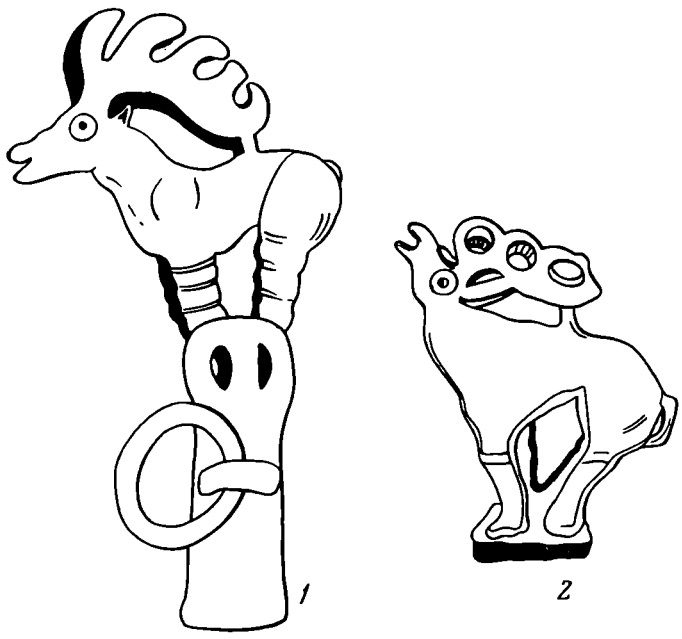


Рис. 3. Бронзовые навершия из Ордоса

1. Трубки с лосями из Штабки являются типичными навершиями скифского времени как по конструкции, так и по художественному оформлению. Это, конечно, так. Но нельзя не отметить и некоторые отличия штабских находок от типичных наверший: а) последние нередко имеют цепочку из двух и более звеньев, либо 1—3 отдельных кольца-звена, продетых в приливное кольцо; б) отверстия в стенках трубок типичных наверший обычно круглые или овальные; в) размеры таких отверстий сравнительно невелики (во всяком случае, в них нельзя продеть внешние кольца удил).

2. Другим аргументом против нашего предположения могла бы быть необычная конструкция узды, когда не псалии пропускаются через внешние кольца удил, а наоборот, эти кольца продеваются сквозь псалии. Но после находок М. К. Кадырбаевым в курганах ранних кочевников Казахстана нескольких удил такой конструкции этот аргумент можно считать отпавшим [22], тем более что удила, найденные М. К. Кадырбаевым, имеют стремевидные внешние кольца, т. е. подобны удилам из Штабки (рис. 4).

3. Если внешние кольца пропустить сквозь отверстия в трубках, то часть удил, заключенная между трубками, окажется слишком узкой для пасти

[18] Н. Л. Членова. Ук. соч., стр. 187.
[19] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 14.
[20] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 142.
[21] Там же, стр. 142.
[22] Приношу благодарность М. К. Кадырбаеву за устное сообщение о раскопках могильника Тасмола и за фотографию удил.

коня, а это исключает возможность употребления наверший в качестве псалиев. Но нам представляется, что, во-первых, совсем необязательно, чтобы внешнее кольцо проходило сквозь трубку, оно могло оставаться и действительно оставалось внутри трубки, так как само по себе кольцо свободно проходит через отверстия, но если к нему привязать ремень, то оно не пройдет через ту же прорезь. Во-вторых, с давних пор у ряда народов Южной Сибири (карагасы, тувинцы) в качестве верхового животного использовался не конь, а олень, пасть которого уже лошадиной. Правда, при верховой езде олень управляется недоуздком [23], но в то время, когда шло освоение этого вида транспортного животного и велись поиски наиболее рациональных средств управления верховыми животными, из этого правила могли быть исключения.

К этим соображениям следует добавить еще три факта. 1. Отверстия в трубках наверший несомненно прорублены после отливки: об этом свидетельствует четкость иногда неправильных по форме прорезей, ровная плоскость срезов, чего не бывает при отливке. 2. По рассказу находчика, внешнее кольцо одного из звеньев было продето в прорезь трубки. 3. Края внутренних прорезей обмяты стержнями звеньев, на внешних прорезях таких вмятин нет, но здесь их и не могло быть: ремни повода и чумбура не могли оставить таких следов на бронзе.

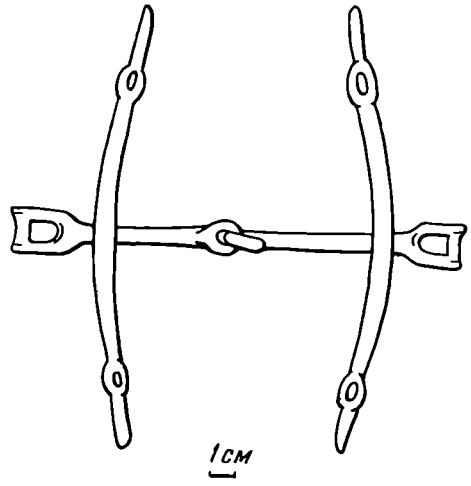


Рис. 4. Казахстанский вариант ранней узды (с продетыми сквозь псалии удилами)

Таким образом, мы склонны полагать, что навершия из Штабки выполняли при удилах роль псалиев. Если это так, то закономерен вопрос: как же крепились к удилам и псалиям ремни оголовья?

Ранний тип узды (датированный М. П. Грязновым VII—VI вв. до н. э.) для этой цели имел щечный ремень-тройчатник, причем крайние ремешки крепились к псалию, а средний — к внешнему кольцу удил, одетому либо на этот ремешок (при трехдырчатом псалии), либо на крючок псалия, заменяющий его среднее отверстие [24]. В тасмолинской узде (а ее мы считаем вариантом раннего типа узды) разделение щечного ремня на три полосы и описанный выше способ соединения удил с недоуздком сохраняется.

В нашем случае этот способ, по-видимому, следует, исключить, ибо верхний ремешок тройчатника пришлось бы привязывать за передние ноги лося (а на них незаметно следов особой вытертости ремнем) и для крепления нижнего ремешка... в торцевое отверстие трубки вставлять деревянный стержень. Все это невероятно, так как слишком громоздко, закрывает часть фигурки животного.

По-видимому, каноны классической для этого времени узды здесь просто неприемлемы, так как при таких псалиях в ремне-тройчатнике нет особой нужды. Ведь основное назначение верхнего и нижнего ремешков тройчатника заключается в том, чтобы удерживать псалий в вертикальном положении, а в штабкинской узде вертикальное положение псалиев было устойчивым и без этих ремней: 1) вращению их на стержнях удил препятствовали фигурки сохатых, почти касавшиеся друг друга над храповиной коня; 2) щечный ремень, крепившийся к приливному кольцу, и переносье,

[23] С. И. Руденко. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 223.

[24] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 9, 10; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 81, 87 и др.

соединявшее эти кольца псалиев, также удерживали их в заданном положении; 3) помогали этому также повод и чумбур, привязанные к внешним кольцам удил и продетые через приливные кольца. Характер изношенности приливных колец (внизу сильно изношена обращенная к морде коня сторона колец, а вверху наоборот) дает указания на наличие переносья (верхняя часть колец) и на пропускание повода и чумбура через эти кольца. В то же время стремевидные кольца удил, к «подножкам» которых крепились повод и чумбур, ограничивали движения псалиев по горизонтали, так как кольца не могли «вырваться» из трубок ни в ту, ни в другую сторону. Наша реконструкция штабской узды представлена на рис. 5. В таком виде штабская узда являет собою редкую (возможно, единственную) вариацию ранней узды с проникающими сквозь псалии удилами, о причинах появления

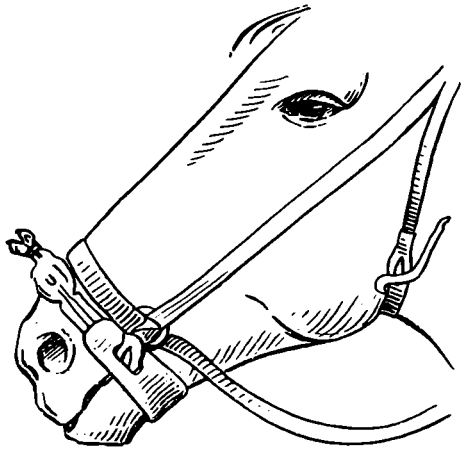


Рис. 5. Реконструкция узды из Штабки

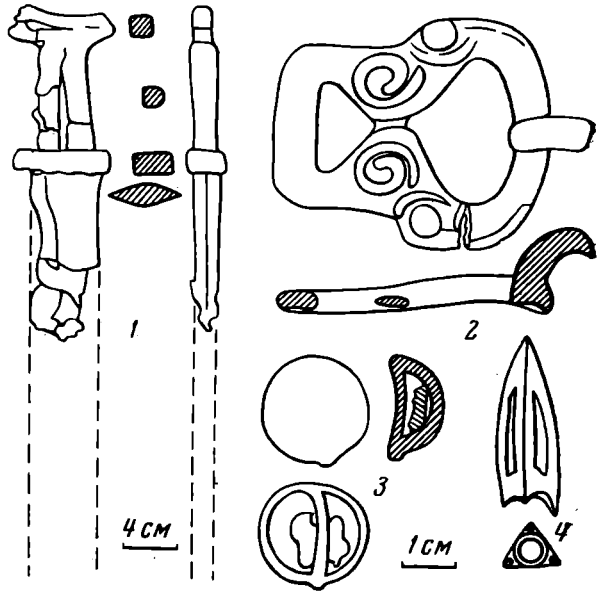


Рис. 6. Находка из ст. Калистратихи

1 — кинжал, *2* — пряжка, *3* — бляха, *4* — наконечник стрелы. Все, кроме *1*,— бронза

на свет которой можно строить различные догадки (поиски новой конструкции узды и др.). В принципе конструкция узды с проникающими сквозь псалии удилами имела некоторое распространение в степном мире VII—VI вв. до н. э., об этом говорят несколько находок такого типа из Казахстана, но штабский вариант ввиду громоздкости и тяжести псалиев оказался бесперспективным. В V—III вв. до н. э. найдено было иное решение вопроса: псалии стали продевать сквозь внешние кольца удил, при этом щечный ремень стали раздваивать [25]. Этот тип узды вытеснил все варианты архаического типа, в том числе и вариант с проникающими удилами.

В заключение хотелось бы добавить, что с точки зрения конструктивных особенностей штабская узда явно тяготеет к восточноказахстанским уздам с проникающими удилами. Впрочем, любопытно, что большая часть удил раннего типа, найденных в пределах бывшего Алтайского округа, приходится на юго-западный Алтай, включающий в себя наряду с юго-западными районами Алтайского края юго-восточные районы Казахстана (см. выше).

На юго-запад от Барнаула локализуются и другие находки скифо-сарматского времени, поступившие в Алтайский краевой музей. В 1962 г. на выезде из с. Калистратиха (Топчихинский район) по дороге в Барнаул дорожные строители-бульдозеристы Г. М. Кунгурцев и Г. Н. Александров при выборке глубокого кювета на склоне лога обнаружили скелеты людей, лежавшие, по словам находчиков, в «колодах». Глубина захоронений до-

[25] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 10; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 81, 87, и др.

стигала 2,5—3,0 *м*. Кости изрядно истлели, в погребениях были найдены кусочки войлока и несколько предметов. 1. Четыре фрагмента железного двулезвийного кинжала с почти прямым навершием из согнутой вдвое пластины, прямым брусчатым перекрестьем и рукоятью из двух стержней. Массивный обоюдоострый клинок кинжала большей частью не сохранился (рис. 6, *1*).

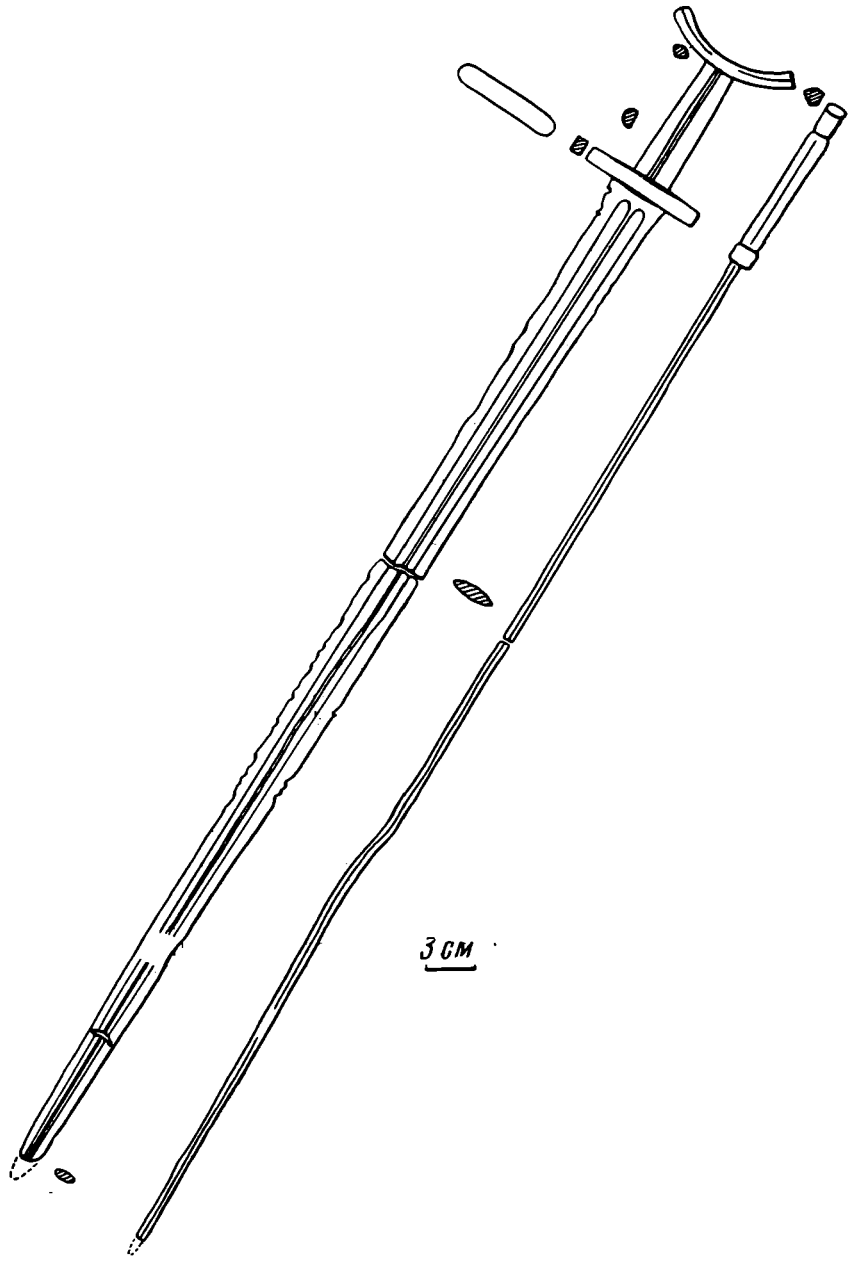


Рис. 7. Железный меч из с. Ключи

2. Бронзовая литая пряжка с крючком на дужке. В пряжке и в щитке — прорези подтреугольной формы. По поверхности дужки и щитка — спиралеобразные выпуклости (рис. 6, *2*).

3. Бронзовая полусферическая бляшка с перемычкой на оборотной стороне, под перемычкой сохранился кусочек сыромятного ремня (рис. 6, *3*).

4. Бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы. Ребра заточены с обеих сторон, острые шипы их входят за втулку (рис. 6, *4*).

В том же Топчихинском районе при вспашке поля близ с. Ключи трактторист В. А. Горбунов нашел железный обоюдоострый меч с серповидным навершием, рукоятью из двух стержней, овальным брусчатым перекрестьем и постепенно сужающимся книзу клинком (рис. 7).

Длина меча 81,5 *см* (самый кончик клинка обломан). Концы навершия имеют сечение в виде неправильного ромба, а около рукоятки сечение принимает форму овала. Длина рукоятки 8,2 *см*. Оба ее стрежня в сечении образуют полуовал, так как внутренняя сторона каждого стержня плоская. Перекрестье представляет собою овальный в плане и квадратный в сечении брусок. Длина сохранившейся части клинка 70,1 *см*, ширина вверху 3,8, внизу — всего около 1,2 *см*, а толщина — 0,55—0,7 *см*.

Клинок несколько изогнут (деформирован, по-видимому, плугом), сломан почти пополам, надломлен недалеко от конца, а самый конец, как уже

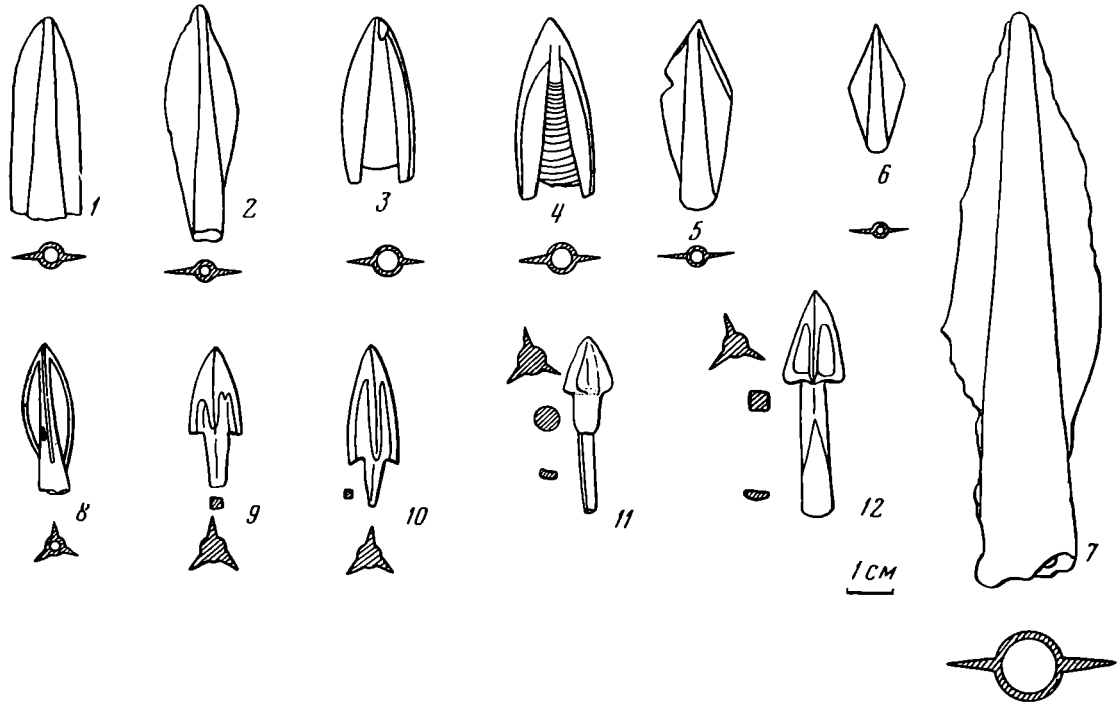


Рис. 8. Бронзовые наконечники стрел и дротика:

1, 3 — Степной Кучук; *2, 12* — Урлапово; *4* — Змеиногорск; *5* — Усть-Балыкса; *6* — Новиково; *8, 9, 11* — Киприно; *10* — точное местонахождение неизвестно; *7* — Барнаул
2, 4, 5, 7, 10—12 — хранятся в Алтайском краевом музее; *1, 3* — фонды Родинского краеведческого музея; *6* — фонды Бийского краеведческого музея; *8, 9* — коллекция Барнаульского пединститута

сказано, утрачен. Форма сечения клинка напоминает линзу. На обеих сторонах клинка по всей его длине проходят по два мелких, постепенно сужающихся книзу желобка. Клинок был сломан еще в годы пользования им (в 16 *см* от нижнего конца), затем его сварили, но в месте сварки желобки не были восстановлены. Оба лезвия меча сохранили несомненные следы пользования оружием: на одном лезвии мы насчитали 5, а на другом — 11—13 вмятин-зазубрин.

В 1956 г. в черте Барнаула при рытье траншеи на глубине около 2 *м* рабочим И. Р. Москаленко был найден бронзовый втульчатый наконечник дротика длиной 11,5 *см*. Наконечник двухлопастный, перо листовидной формы. По-видимому, этот наконечник является литейным браком: втулка его не вылилась — в стенке ее оказалась дыра и трещина, края перьев неровные, на втулке, по линии литейных швов двухстворчатой формы — приливы. Очевидно, после отливки наконечник не стали проковывать, его просто выбросили (рис. 8, 7).

Кроме этого наконечника в краевом музее и в археологической коллекции Барнаульского пединститута хранится серия бронзовых наконечников стрел разных типов (на рис. 8, наряду с ними, учтены три наконечника из других музеев Алтая): четыре из них — черешковые, остальные — втульчатые. Среди последних есть и двух-, и трехлопастные с овальными, листо-

видными и подромбическими очертаниями пера. Любопытен наконечник с ребристой втулкой (рис. 8, *4*), весьма редок в этих местах и № 8.

На выдуве многослойной Кипринской стоянки найден нож из красноватой бронзы, хранящийся в учебной коллекции Барнаульского пединститута. Асимметричный в разрезе, он, по-видимому, отлит в одностворчатой форме. Плоский обушок его плавно закругляется к концу острия. Рукоять незаметно переходит в одностороннее лезвие, в ее верхней части — овальное отверстие (рис. 9, *1*).

Другой нож поступил в краевой музей из с. Чинета Чарышского района, в 2 *км* от которого он был найден местным жителем Н. А. Шмидтом. Этот нож отлит из бронзы в двустворчатой форме. Он несколько деформирован (изогнут). У ножа толстый выпуклый обушок, рукоять немного уже лезвия: по-видимому, она была обмотана тканью или обернута кожей (рис. 9, *2*).

При проведении шоссейной дороги Барнаул — Калманка, у с. Бураново, в насыпи ограбленного кургана вместе с разрозненными костями человека был найден небольшой круглодонный горшок, основательно закопченный на костре. Его орнамент составляет рядок выпуклостей под прямым округлым венчиком, выдавленных изнутри горшка (горшок хранится в фондах краевого музея).

Все описанные выше вещи относятся к скифо-сарматской эпохе, но в хронологических рамках последней датировка каждой из этих находок может быть уточнена.

Меч из с. Ключи и кинжал из с. Калистратиха имеют многочисленные аналогии как на востоке, так и на западе.

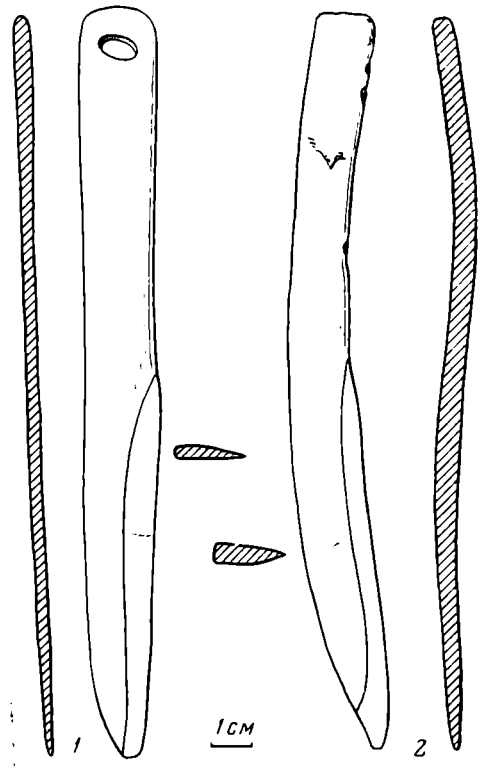


Рис. 9. Бронзовые ножи из сел Киприно и Чинета

1 — Киприно, хранится в коллекции Барнаульского пединститута; *2* — Чинета, хранится в фондах Алтайского краевого музея

Из сибирских аналогий кинжалу из Калистратихи назовем кинжал с брусковидным перекрестьем и навершием в виде сплющенной петли или кольца — у В. В. Радлова[26]. Таково же, видимо, происхождение и навершия калистратихинского кинжала (кольцо, которым заканчивалась рукоять, было сплющено и приняло форму слабо изогнутого бруска). Кинжалы с серповидными навершиями и брусчатыми перекрестьями встречаются и за пределами Сибири, в частности в раннекочевнических курганах Восточного Казахстана[27]. Но на западе (в Южном Приуралье и в Нижнем Поволжье) в IV в. до н. э. был выработан так называемый прохоровский тип кинжалов и мечей, отличительными чертами которого были серповидное навершие и прямое брускообразное перекрестье[28].

Этот тип мечей и кинжалов господствовал здесь в III—II вв. до н. э.[29], хотя тогда же, на раннесарматском этапе, появился (в этом же районе) тип кинжалов и мечей с прямым перекрестьем, но с кольцевидным навершн-

---

[26] В. В. Радлов. Сибирские древности, т. 1, в. III (МАР, 3, 1888), табл. XIV, *3*.
[27] С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952 г.). КСИИМК, в. 64, 1956, стр. 43—60, рис. 22, *1* (два кинжала из кургана 4 у Кызыл-Ту).
[28] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 286.
[29] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 30.

ем [30], широко распространившийся уже на сусловском этапе (I в. до н. э.—II в. н. э.) [31].

В памятниках материальной культуры ранних сарматов мы и находим множество аналогий нашему кинжалу и мечу [32].

Но наши находки отличаются от своих сарматских аналогов прорезными рукоятями. Правда, в Сибири кинжалы с такими рукоятями известны еще с конца эпохи бронзы [33], а потому эта специфическая особенность сибирских кинжалов [34] не может быть взята в расчет при датировке наших находок, решающее слово в этом принадлежит формам навершия и перекрестья. Судя по ним, меч из Ключей можно датировать прохоровским временем, а точнее (с учетом относительной архаичности прорезной рукояти) [35]— концом IV—III в. до н. э.

Вещи из Калистратихи датируются IV в. до н. э.: 1) короткое, слегка изогнутое навершие кинжала, характерно, по К. Ф. Смирнову, для переходных мечей IV в. до н. э. [36]; 2) наиболее близкие параллели наконечнику стрелы встречаются также в комплексах IV в. до н. э.[37]; 3) пряжка благодаря вырезам и спиралеобразным выпуклостям выглядит несколько архаичнее большинства аналогичных пряжек, датируемых тем же прохоровским временем [38], а ее орнамент прямо перекликается со спиралевидными завитками, которыми украшены сосуды из курганов горного Алтая [39].

Что касается серии бронзовых наконечников стрел, то двухлопастные датируются VII—VI вв. до н. э.[40], а наиболее ранний из них (рис. 8, *1*), возможно, даже VIII—VII вв. до н. э.[41]. Тем же временем надо датировать наконечник дротика [42] и трехперый втульчатый наконечник стрелы [43]. Дата

---

[30] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда 1951—53 гг. МИА, 60, 1959, стр. 198.

[31] Там же, стр. 200.

[32] Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Тр. САРАНИОН, IV, М., 1928, рис. 1; К. В. Сальников. Сарматские курганы близ р. г. Орска, МИА, 1, 1940, рис. 5; см. также: Памятники Нижнего Поволжья. МИА, 60, 1959; И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 97, рис. 29, *5, 7* (Бережновка), стр. 131, рис. 44, *9*, стр. 136, рис. 46, *5* (Молчановка) и др; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, стр. 271, рис. 25, *5* (кург. № 12 у Политотдельского); В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 431, рис. 40, *1—7, 9, 10;* М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. ИА, 115, стр. 264, рис. 2, *2, 8, 9, 11, 12* и др.; ее же. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. АЭБ, Уфа, 1962, стр. 93, табл. III, *11, 13;* стр. 106, табл. IX, *3, 8, 14* и др.

[33] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 73, табл. XIII, *4, 5* и др.

[34] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 11.

[35] Там же, стр. 11, 12 и др. Железные кинжалы с прямым брусковидным перекрестьем и рукоятью в виде цельного стержня на Алтае появились, видимо, несколько позже: в 1965 г. в кург. № 4 (урочище Раздумье близ г. Камня на Оби) нами был найден железный кинжал. Курган датирован III в. до н. э.

[36] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 31.

[37] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 331, рис. 37, *20*, стр. 336, рис. 42, *2;* стр. 337, рис. 43, *1а*: стр. 338; рис. 44, *2* и др.

[38] И. В. Синицын. Ук. соч., стр. 89, рис. 25, *2, 3* и др.; В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 433, рис. 41, *2;* М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки, стр. 113, табл. XII, *4*; стр. 118, табл. XIII, *1* и др. На Алтае пряжки такой конструкции известны в курганах, которые большинством исследователей датируются Пазырыкским временем (по М. П. Грязнову — V — III вв. до э. н.). См., например, С. И. Руденко. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, табл. CIX, *5*, табл. LXIV, *4*, а также деревянные и роговые пряжки близких форм на других таблицах.

[39] С. И. Руденко. Ук. соч., табл. XVII, *3* и *4*.

[40] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. 1; С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 27, табл. X, стр. 47, рис. 6, *1—4, 7, 10*.

[41] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 183—184; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 162.

[42] С. С. Черников. Загадка золотого кургана, стр. 49 и др.; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, табл. XVIII, *1, 2*.

[43] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. II, тип I, *1* и др., а также стр. 44; С. С. Черников. Загадка золотого кургана, стр. 51, 52.

черешковых наконечников стрел укладывается в рамки V—III вв. до н. э., судя по совершенно идентичным экземплярам из Казахстана [44]. Аналогии горшку мы находим в памятниках Бийского этапа большереченской культуры (лесные племена правобережного Верхнеобья), датируемого V—III вв. до н. э.[45].

Наконец, аналогии бронзовым ножам известны в майэмирских и раннетагарских комплексах Южной Сибири [46].

Здесь мы публикуем лишь часть случайных находок, хранящихся в основном в фондах Алтайского краевого музея. Подобные же коллекции древностей скифо-сарматского времени есть в Каменском, Бийском, Горно-Алтайском музеях, в краеведческих музеях многих сельских школ Алтая.

Наряду с материалами, полученными нами во время раскопок 1959—1965 гг. курганов степного и лесостепного Алтая, они пополняют наши представления об истории верхнеобских племен в эпоху раннего железа и позволяют по-иному ставить и решать некоторые ее вопросы.

A. Oumansky

LES TROUVAILLES FORTUITES DATANT DES SCYTHES ET DES SARMATES DANS LES RÉGIONS DE L'OBI SUPÉRIEUR

Résumé

L'article est consacré à la publication de certaines trouvailles fortuites faites dans les régions de l'Obi supérieur qui se trouvent dans les musées régionaux de la Contré de l'Altaï.

Les plus intéressantes sont les mors de bronze dont les tiges verticales de retenue fixées à leurs éxtrémités se composent, selon l'auteur, de pointes paires couronnés de figurines creuses représentant des élans debout. Les particularités structurales et stylistiques des mors et des pointes permettent de les rapporter au VIe siècle avant notre ère.

Parmi les autres trouvailles sont considérés comme intéressants un poignard de fer avec poignée ajourée provenant du village de Kalistratikha et un glaive à garde droite et à pointe en forme de demi-lune trouvés au village de Klioutchi. Leurs analogies sont bien connues parmi les anciens objets sarmates des régions de la Volga inférieure et de celles voisines du Sud de l'Oural. L'auteur date les objets du village de Kalistratikha du IVe siècle avant notre ère et le glaive du village de Klioutchi de la fin des IVe — IIIe siècles avant notre ère.

---

[44] М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ, Алма-Ата, 1959, 7 стр. 192 и табл. 1, *2—9*.

[45] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. XXII, *8* и *9*.

[46] М. П. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, стр. 12, рис. 5, *7* и *8;* его же. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, стр. 10, табл. 70; Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения Тагарской культуры Южной Сибири. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 279—283 и табл. 84, *113, 114, 117;* С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXIII, *4* и др.; F. R. Martin. L'age du bronze au Musée de Minoussinsk, Stockholm, 1893, табл. 18, 20.

Э. А. РИКМАН

ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРВЫХ СТОЛЕТИЙ НАШЕЙ ЭРЫ СОБАРЬ В МОЛДАВИИ

(о связях черняховцев с античным миром)

Исследованное нами поселение расположено в 2 *км* к северо-западу от с. Собарь Сорокского района МолдССР. Оно занимает северо-западный склон долины Болата[1] и противоположный склон, по долине протекает ручей. На селище, вытянутом вдоль склона (750 × 250 *м*), выявлены скопления обломков обожженной глины, оставшиеся от наземных построек, расположенных вдоль склона двумя рядами и составлявших некогда извилистую улицу[2] (рис. 1, *а*).

В настоящей статье мы публикуем результаты раскопок этого поселения. Вскрытое нами жилище 1 (рис. 1, *б*, раскоп VII) находилось в южном ряду на горизонтальной площадке, выровненной на склоне. Развалины этого наземного дома с южной стороны в нижней части склона выступают на поверхность земли, а выше по склону находятся на глубине до 0,6 *м*.

Развалины стен в плане приближались к прямоугольнику размером 16×10 *м*, вытянутому длинной осью по направлению запад — восток. Толщина слоя обожженной глины от развалин дома 20—40 *см*. Обломки глиняных стен, твердые как кирпич, не имели правильной геометрической формы, они были «взвешены» в черном слое и залегали бессистемно. Цвет коричневый, иногда красный, желтый и серый. Глина замешивалась для прочности с соломой, судя по отпечаткам последней на глине. Попадались также отпечатки веток, жердей, стволов деревьев, досок, брусков. Глиняные стены жилища опирались на каркас из вертикальных столбов и переплетавших их веток.

Характер развала стен позволяет предположить наличие отдельных камер дома. Так, в центре незаполненное обломками пространство было камерой площадью 4,6×2,8 *м*, в западной части дома — два таких же пространства тоже, вероятно, остались от камер.

Обнаружено пять ям, вероятно от столбов, поддерживавших каркас стен: одна — у западного края развалин дома, остальные — у северо-восточного края. Ямы заполнял материал из культурного слоя селища черняховского типа. Сверху они перекрыты культурным слоем того же характера.

В яму, находящуюся на длинной оси дома (в его восточной трети), по всей вероятности, был врыт столб, поддерживавший потолок или конек кровли. Под развалом стен вскрыты сооружения. Большинство их груп-

[1] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, № 194 по археологической карте.

[2] Раскопки в 1962, 1965 и 1967 гг. проводил раннесредневековый отряд Молдавской археологической экспедиции Института истории АН МолдССР и Института археологии АН СССР. Начальник отряда — Э. А. Рикман. Сотрудники: Г. Ф. Никитина, И. Т. Никулицэ, И. Вирский, В. Ганя, М. Наринский, А. Иванченко, С. Марин, П. Параска, Е. Флока и другие. Вскрытая площадь составляет 593 *м*².

пируется в восточной половине дома. Очаги 1 и 2 вскрыты на длинной оси здания, а четыре ямы попарно размещены симметрично по сторонам оси. Значит, сооружения внутри развала расположены закономерно, а осевая линия развала выявлена правильно, как и контур дома, расположенный симметрично по отношению к этой линии.

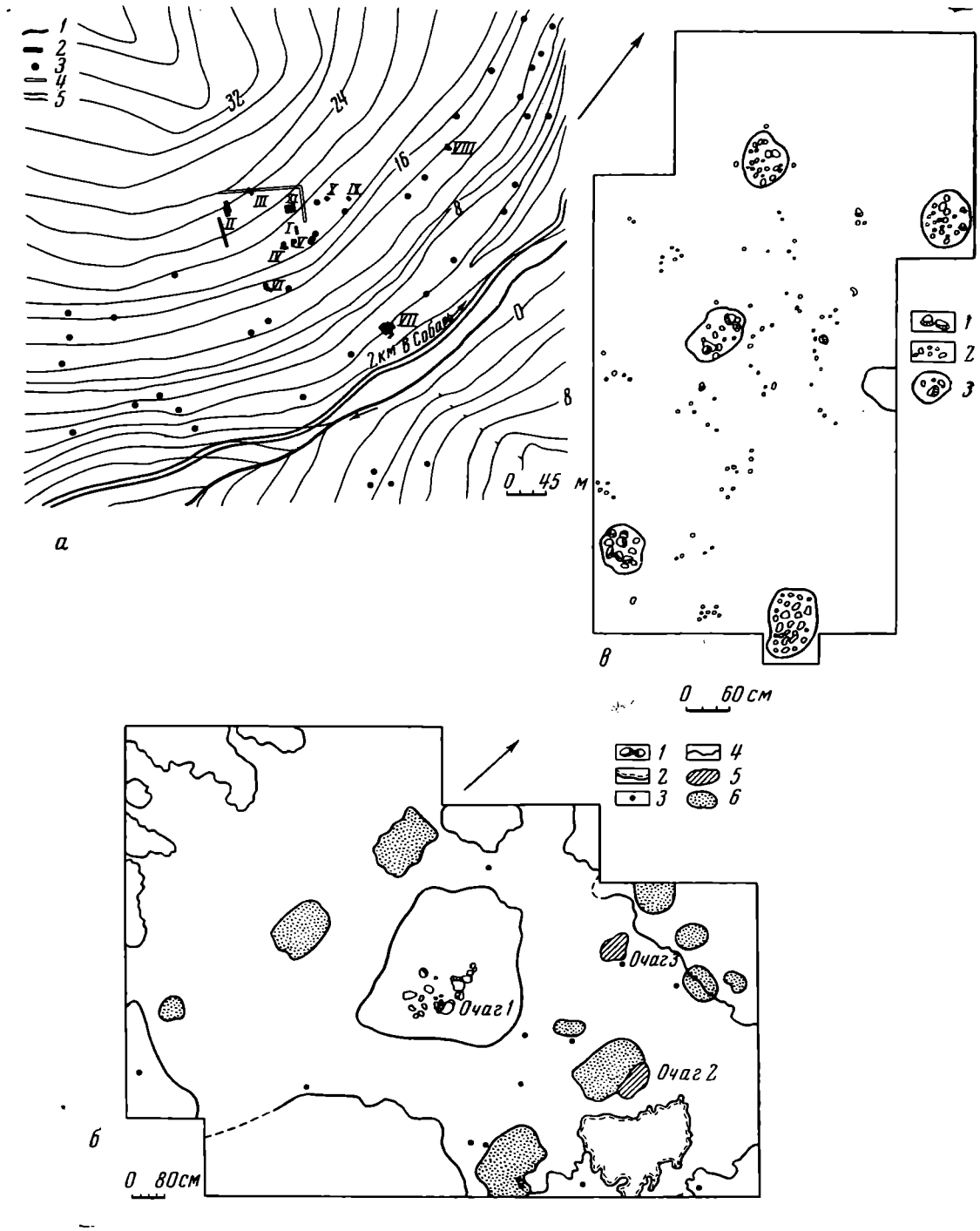


Рис. 1

а — план селища с указанием раскопов и остатков построек. *1* — ручей; *2* — раскоп; *3* — остатки постройки; *4* — канава на месте укрепления; *5* — дорога
б — жилище 1 из раскопа VII. *1* — камни; *2* — граница глиняного пола; *3* — находка; *4* — граница развалин жилища; *5* — очаг; *6* — яма
в — план постройки 1 из раскопа VI. *1* — камни; *2* — обломки обожженной глины; *3* — яма с заполнением

Очаг 1 в восточной части дома представлял собой овальное скопление крупных плит известняка, лежавших на площади 2,1×1,3 *м*. Очаг расположен в центре незаполненного обломками глины пространства и был основным местом сбора семейной общины.

Очаг 2, сложенный из камней на песчаной подсыпке, находился от очага 1 в 5 *м* и был прямоугольным в плане (0,9×0,45 *м*). С юго-западной торцовой стороны очага возвышался бортик из двух кубических камней. Сохранился глиняный под. Очаги с бортиками обнаружены в жилищах селищ Делакеу, Загайканы [3] и т. д.

Очаг 3, находившийся в северо-восточной оконечности жилища, представлял собой горизонтальную вымостку из кусков известняка и черепков серых шероховатых сосудов (длина — 0,9 *м*, ширина —0,6 *м*). По наличию и размещению трех очагов жилище селища Собарь похоже на жилище 2 селища Будешты [4].

Рис. 2. Находки из жилища 1

1 — сосуд для зерна (реконструкция по аналогиям); *2* — обломок горла светлоглиняной амфоры; *3* — днище серолощеного сосуда с отпечатком оси гончарного круга (?); *4, 5* — краснолощеные миски

Под развалинами стен, в юго-восточном углу жилища обнаружен фрагмент пола из обожженной глины толщиной до 6 *см* на площади 2,8×1,5 *м*. Сохранившийся участок пола представлял собой плитчатые куски сильно обожженной глины малинового цвета. Вскрытый нами пол напоминает пол в жилище 3 селища Загайканы [5]. На полу обнаружены обломки сосуда для хранения зерна и тонкостенного горшка. С юго-западной стороны к полу примыкало кольцеобразное сооружение из плотно пригнанных друг к другу обломков обожженной глины. Наружный диаметр сооружения — 30 *см*, внутренний — 8—13 *см*, высота около 10 *см*. Обломки глины, составляющие это сооружение, того же характера, какой раньше считался обычным для стен домов. Это сооружение напоминает цилиндрическое сооружение из обожженной глины, открытое в жилище 3 селища Загайканы. Возникает вопрос, не были ли эти сооружения жертвенниками?

Очаги, фрагмент пола, предполагаемый жертвенник, а также две большие ямы располагались в восточной половине дома, где найдено преобладающее число бытовых и хозяйственных предметов: красный шероховатый прокаленный в пожаре и деформированный сосуд для хранения припасов — зерновик (рис. 2, *1*), две краснолощеные миски (рис. 2, *4, 5*); обломки плужного лемеха (в яме-погребе 3), железного ножа, горла светлоглиняной амфоры (рис. 2, *2*), днища сосуда с отпечатком оси гончарного круга (рис. 2, *3*) и т. д. В западной половине дома вскрыты две крупные хозяйственные ямы.

---

[3] Э. А. Рикман. Селища первых веков нашей эры у сел Загайканы и Делакеу (Молдавия), КСИА, АН СССР, 90, 1962, стр. 61.

[4] Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 10.

[5] Э. А. Рикман. Селища первых веков н. э. у сел Загайканы и Делакеу, стр. 61.

Рассматриваемое сооружение, очевидно, представляет собой большой дом черняховцев с западной (хозяйственной) и восточной (обитаемой) половинами.

Раскопанные нами в северном ряду скоплений обожженной глины остатки строений мы описываем последовательно с запада на восток.

К северо-западу от жилища 1, несколько выше по склону, в раскопе VI находились остатки наземной хозяйственной постройки 1 (рис. 1, *в*),

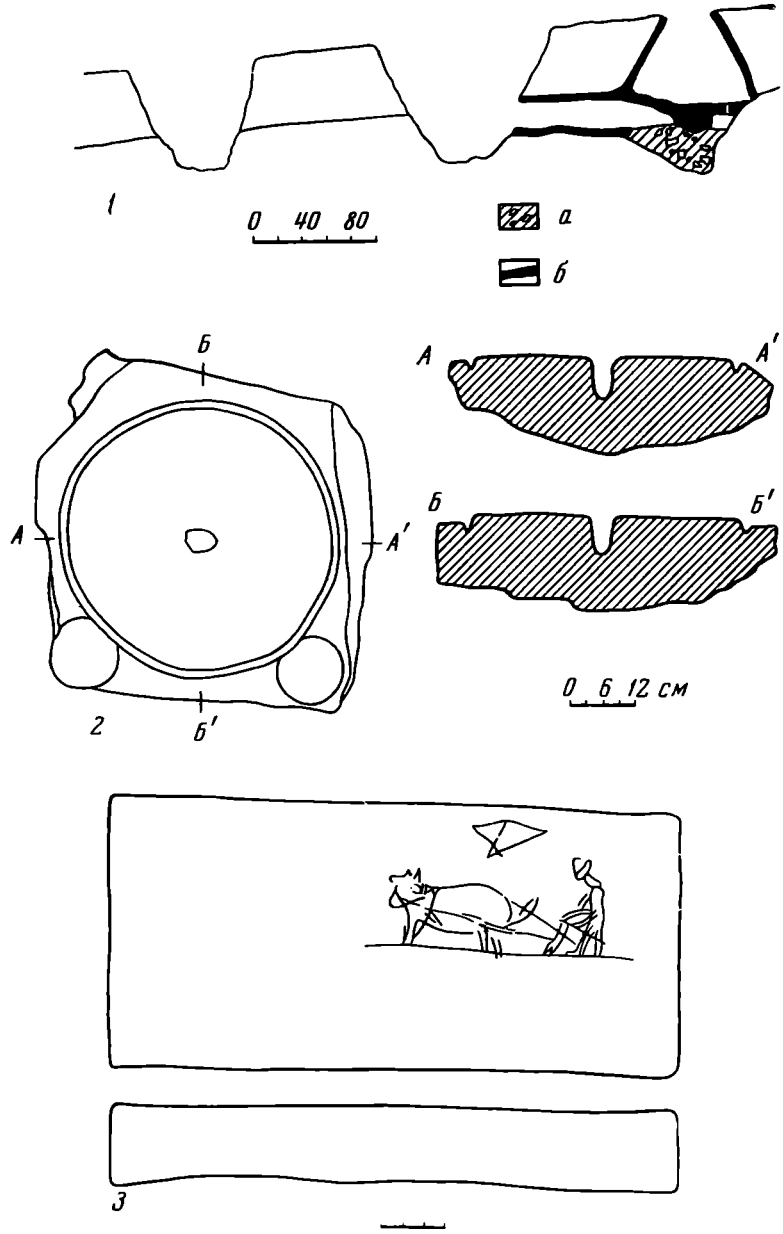


Рис. 3

1 — реконструкция гончарной печи из раскопа V; *а* — черный культурный слой с обломками обожженной глины, *б* — глиняная обмазка в разрезе; *2* — база известняковой колонны; *3* — кирпич с процарапанным рисунком из кладки каменного здания

прямоугольной в плане (6 столбовых ям расположены по ее периметру), площадью 6×3 *м*. Она ориентирована длинной стороной по склону, приблизительно в направлении север — юг. После гибели помещения ямы заплыли культурным слоем с обломками обмазки стен. Очага не было. Стены постройки сооружены так же, как и у жилища 1. Среди развалин постройки найден обломок стенки сосуда — зерновика с отпечатком ткани.

В раскопе IV обнаружены слабые следы наземной постройки 2 в виде скопления обломков обожженной глины, камней, керамики и керамического шлака.

В раскопе V найдены следы наземной постройки 3, остатки гончарной печи и предпечной ямы. Рядом была яма. Эти объекты располагались по одной линии, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Печь представляла собой две ямы, соединенные подземным каналом — устьем топки. От печи сохранилась топочная камера в виде овальной в плане чашеобразной ямы размерами 0,75×0,85 *м*. Высота топки примерно равна высоте (20 *см*) сохранившегося «козла» — столба, подпиравшего крышу топки (дно обжигательной камеры). К «козлу» примыкал сохранившийся участок этой перегородки площадью 40×30 *см*, толщиной 30 *см*, лишенный жаровых отверстий. «Козел» в центре топки — цилиндрический из глины диаметром 0,35 *м*, стоял на плотном фундаменте, под ним в материковой глине находилась цилиндрическая яма, плотно забитая обломками сильно обожженной глины (остатками стен разрушенных наземных жилищ), керамического шлака и плотной массой обожженной глины с включениями культурного слоя. С юго-западной стороны к топке примыкал канал для усиления тяги (0,9×0,55 *м*). Высота канала равнялась, видимо, толщине заполнявшего его оскопления обломков обожженной глины, около 0,5 *м*. К каналу примыкала овальная яма, в которую опускался гончар, когда загружал печку топливом и поджигал его. Можно предположить, что высота обжигательной камеры равнялась 0,75 *м*, считая от уровня пода до древней дневной поверхности, примерно соответствующей современной поверхности земли. Стенки обжигательной камеры были обмазаны глиной, найден обломок обмазки от свода печи.

Печь из этого жилища типична для некоторых черняховских селищ (Будешты[6], Слободзея Душка и т. д.), отличаясь от них небольшими размерами (рис. 3, *1*) и, по-видимому, отсутствием продухов. Полагают, что гончары строили печи на окраинах поселений. На селище Собарь, где печь окружена постройками, это наблюдение не подтверждается.

В раскопе I обнаружены остатки стен наземной постройки в виде скопления обломков обожженной глины.

В раскопе XI (на территории «четацуи») обнаружены остатки жилища 2 (рис. 4). Следовательно, каменные сооружения, о которых ниже пойдет речь, находились на территории черняховского селища. Развал дома представлял собой типичное для селищ черняховской культуры скопление обломков обожженой глины, керамического шлака, сосудов черняховских типов, а также известняковых необработанных камней. Обломки залегали на склоне горизонтально и это позволяет определить, что жилище располагалось на специально выровненной горизонтальной площадке, глубина которой в северной стороне (выше по склону) больше (30—40 *см*), чем с южной стороны (ниже по склону —20—25 *см*). Судя по контуру развалин, жилище 2 имело площадь 12×9 $м^2$ (южный и западные края постройки еще не вскрыты). В этой постройке наблюдались два параллельных ряда столбовых ям, имевших конструктивное значение, расстояние между рядами около 7 *м*. В восточной части постройки у северной длинной стены находились 2 очага на расстоянии 1,5 *м* один от другого. Очаг 2 расположен под обломками глиняной обмазки и представлял собой прямоугольную вымостку из плоских необработанных известняковых (белых) и песчаниковых (красных) камней. Размеры очага 0,9×0,6 *м*. Камни размером 17×11×1 *см*; 27×20×1 *см* лежали одним слоем. Преднамеренный выбор цветных камней для кладки очага ранее не встречался. Своей особенностью очаг 2 напоминает вымостки IV—III вв. до н. э. в Ольвии, выложенные из гальки четырех цветов[7].

Очаг 3 сложен из крупных плитчатых обломков известняка.

---

[6] Э. А. Рикман. Раскопки у с. Будешты. МИА ю-з СССР и РНР, Кишинев 1960, стр. 202.

[7] Л. М. Славин. Наслідки археологічних досліджен. Ольвійскої экспедиції в 1947 і 1948 рр. АП УРСР, IV, Київ, 1952, стр. 50, 51.

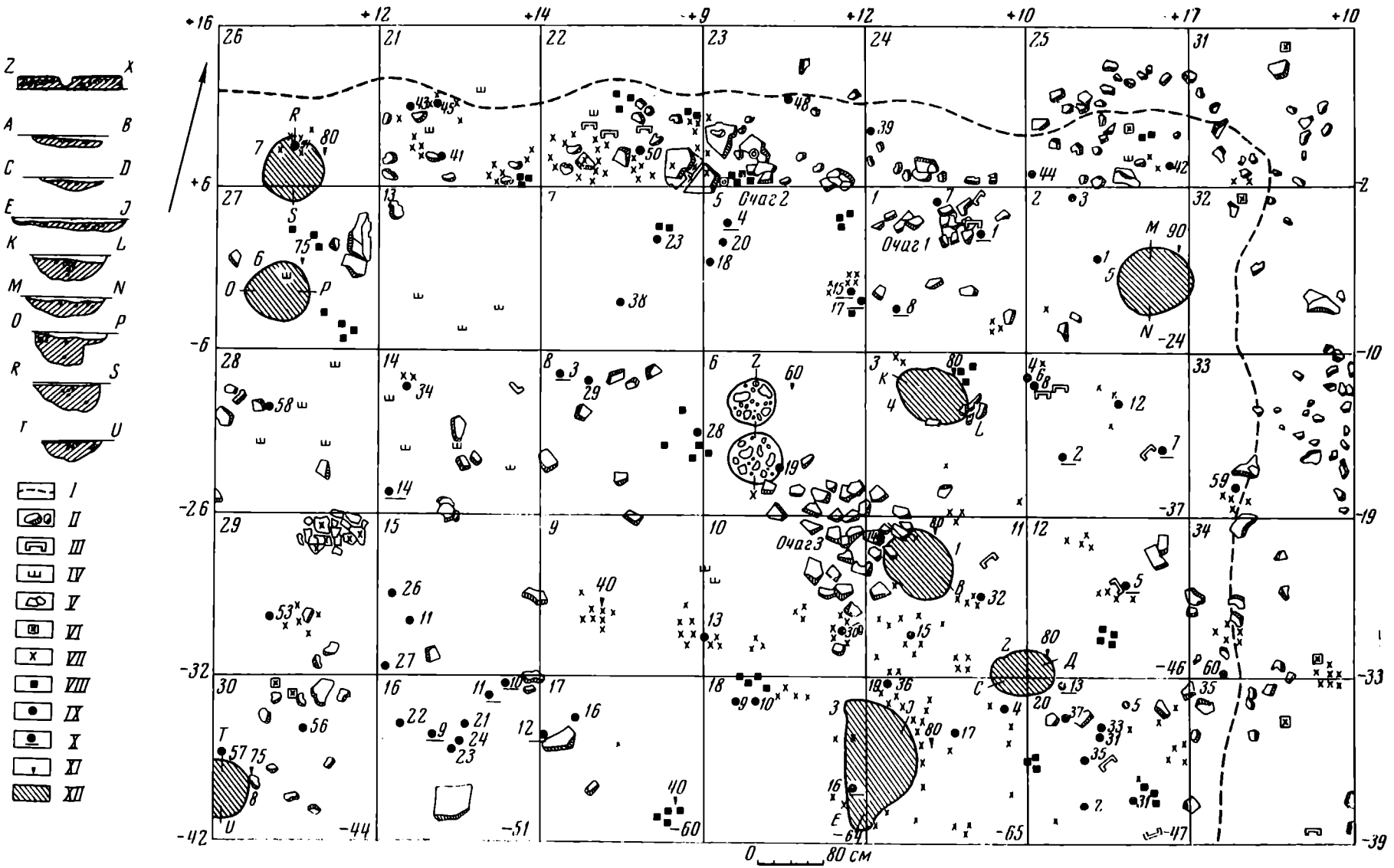


Рис. 4 План вскрытой части жилища 2 (раскоп XI, штыки 1—4)

I — граница развалин глинянной обмазки; *II* — камни; *III* — черепица; *IV* — шлак; *V* — обломки обожженной глины; *VI* — кости животных; *VII* — фрагменты керамики; *VIII* — уголь; *IX* — находка в 1965 г.; *X* — находки в 1967 г.; *XI* — глубина от верхнего края раскопа; *XII* — черный культурный слой

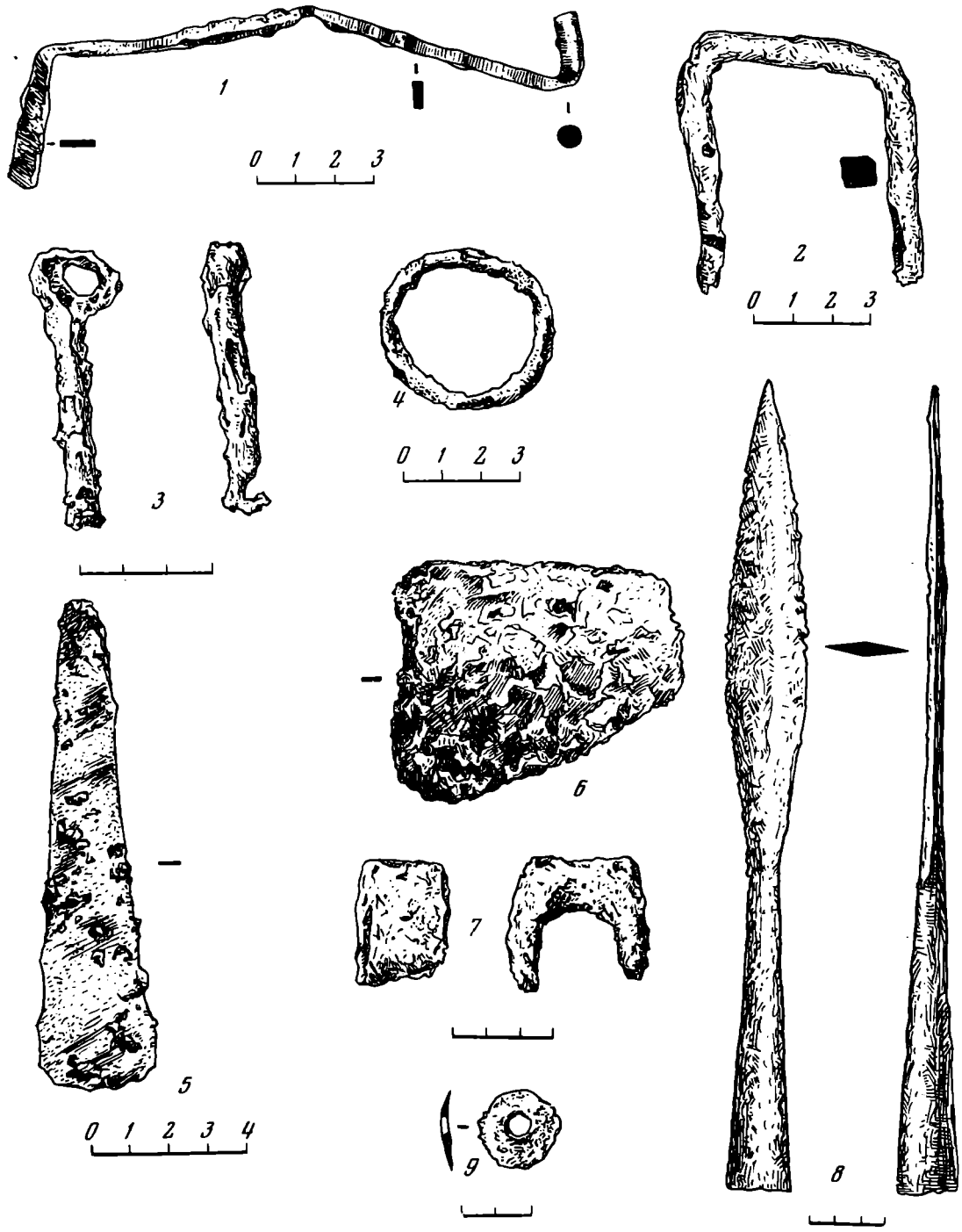


Рис. 5. Железные предметы из селища Собарь

1 — ключ; *2* — скоба; *3*, *4* — детали удил; *5* — инструмент; *6* — обломок плужного лемеха; *7* — топор (подъемный материал); *8* — наконечник копья (из канавы, вырытой на месте укрепления); *9* — колечко; *1—5* — из жилища 2; *6*, *9* — из жилища 1

У южного края дома найдены железный ключ (рис. 5, *1*) и скоба (рис. 5, *2*) от запора. Именно с этой стороны находились, видимо, двери, обращенные к склону, ручью. Восточная камера здания освещалась. Там найден глиняный лепной однорожковый краснолощеный светильник, форма которого воспроизводит позднеантичные.

В постройке находился богатый ассортимент посуды, которой единовременно пользовались обитатели: светлоглиняная широкогорлая амфора IV в. н. э., горшки, миски и кувшины. Особенно примечательна сковорода с двумя ручками (рис. 6, *1—15*). Кроме того, найдены железные предметы: стержень с кольцом от удил (рис. 5, *3*, *4*), нож, костыль, пластинчатый инструмент (рис. 5, *5*), а также обломок стеклянного кубка. Почти

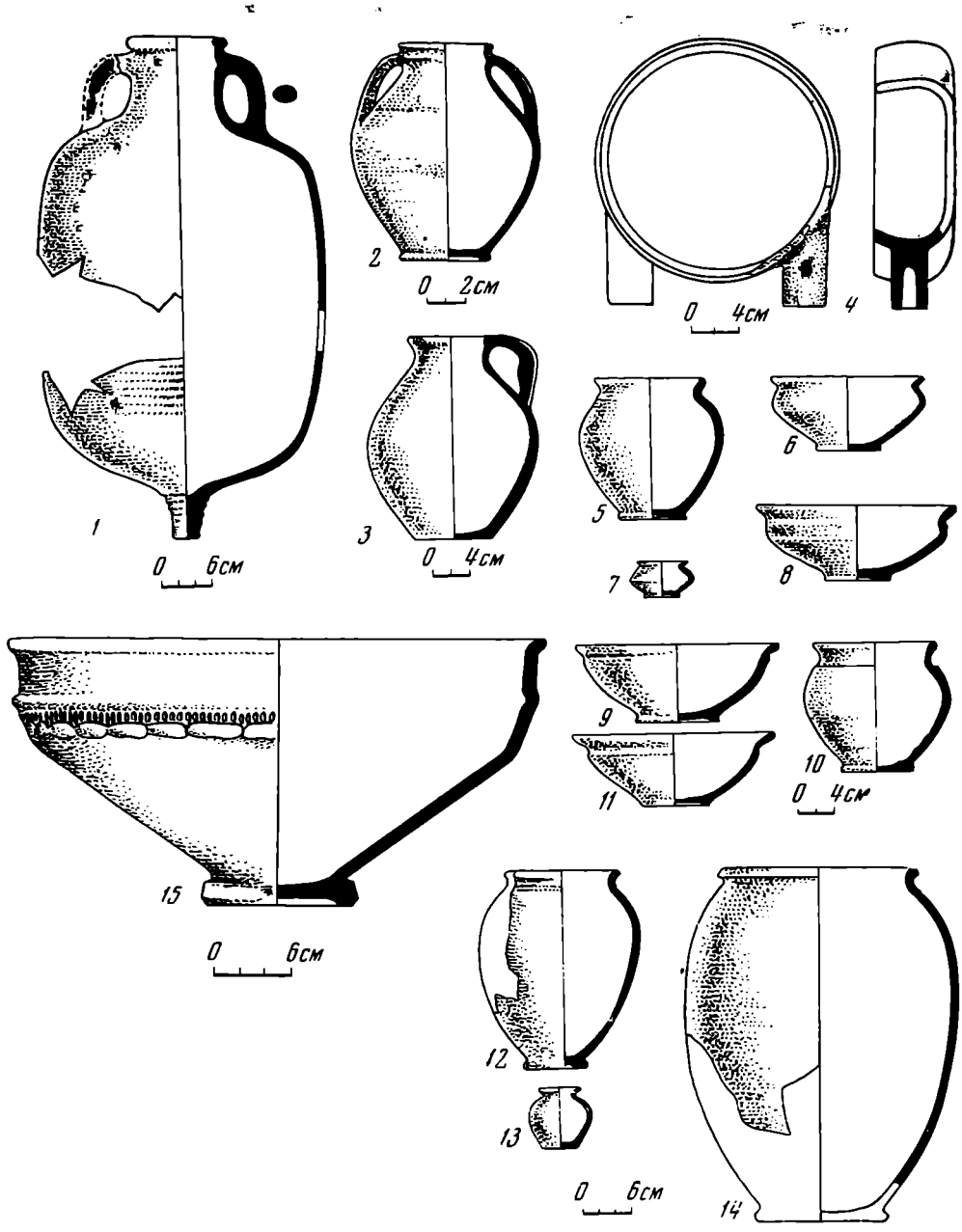


Рис. 6. Посуда из жилища 2

1 — амфора светлоглиняная; *2, 3* — кувшины «серые гладкие»; *4* — сковорода «красная шероховатая»; *5, 12* — горшки «серые шероховатые»; *6, 7, 11* — миски «серые гладкие»; *8* — миска «серая шероховатая»; *9* — миска «красная гладкая»; *10* — горшок «красный гладкий»; *13* — горшок «красный шероховатый»; *14* — горшок «серый гладкий»; *15* — ваза «серая гладкая»

все эти предметы тяготеют к восточной половине жилища, подтверждая предположение, что вскрыт дом с восточной отапливаемой, обитаемой частью. Под обмазкой стен обнаружены: скопление угля толщиной в несколько сантиметров — признак сгоревших деревянных конструкций, шлакированные обломки глины. В восточной стороне жилища найдены обломки шлакированных и деформированных при пожаре сосудов. Все это признаки пожара, уничтожившего постройку.

Приблизительно над центром вскрытой части жилища (ближе к востоку) обнаружен овальный очаг 1 из плитчатых необработанных известняковых и песчаниковых камней, залегавших, не составляя кладки, одним слоем. Очаг 1, перекрывший развалины жилища 2, относится к послечерняховскому времени.

В остатках жилища найдены обломки черепиц — «соленов» и оконного стекла того же характера, что были встречены в развалинах каменного здания. Эти строительные материалы, хотя и найдены среди глиняной обмазки, чужды зданию и занесены при земляных работах, они рассеяны по склону.

В раскопе X обнаружено компактное скопление глиняной обмазки, вытянутое в направлении север — юг, представляющее собой остатки сильно разрушенной стены постройки 5. Ее длина — 9 *м*; ширина — 0,30—0,50 *м*, толщина — 0,10—0,50 *м*. На одном из обломков обожженой глиняной обмазки сохранились отпечатки зерен культурных злаков.

В раскопе IX были прослежены следы слабо сохранившейся наземной постройки 6.

В раскопе VIII обнаружены скопления обожженной глиняной обмазки обычного характера и три ямы — следы наземной постройки 7. Примечательны обломки глины, треугольные в сечении с двумя соединяющими плоскостями. В развалинах найдены: каменная терка, обломки краснолакового сосуда, кругового сосуда с орнаментальными каннелюрами, железного серпа и точильный брусок.

Таким образом, раскопки селища Собарь дали дополнительный материал по домостроительству и планировке построек у племен черняховской культуры. На новом материале подтверждаются выводы о наличии «больших» домов у черняховцев и данные об их планировке [8]. Отдельными особенностями планировки и конструкции дома черняховцев перекликаются с дакийскими домами из Пятра Рошие: двухкамерностью, устройством стен, каркас которых состоял из дерева, переплетенного ветками, и был обмазан глиной, перемешанной с соломой и половой. Показательно, что в развалинах черняховских и упомянутых дакийских домов находят обожженную обмазку.

В отличие от черняховских, некоторые дакийские дома были крыты черепицей [9].

На поселении Собарь, расположенном среди пахотных земель и лугов, жили земледельцы, занимавшиеся также скотоводством. Из земледельческих орудий упомянем обломок железного массивного плужного лемеха — передний режущий край наконечника. Массивная пластина утолщена до 5 *мм* на продольной оси, а по краям сходит на нет (рис. 5, *6*). На глиняной обмазке стен были заметны отпечатки зерен мягкой пшеницы, колоса полбы и колосковых пленок овса, что пополняет сведения о составе земледельческих культур, известных у черняховцев [10]. На обломках глиняной обмазки стен имеются отпечатки соломы. Железное орудие, напоминающее серп, представляет собой пластину толщиной до 2,5 *мм* (возможно, рукоять орудия), суженный конец которого образовывал колечко (ныне обломанное) для привязывания к поясу. Состав стада на поселении Собарь тот же, что и в других поселках черняховцев: крупный (33,3%) и мелкий (33,3%) рогатый скот, свинья (11,1%), лошадь (11,1%). Были найдены также кости собаки (11,1%) [11].

На поселении Собарь существовала гончарная мастерская. Соотношение черняховской керамики различных групп, выделяющихся по цвету (красная, серая) или по наличию или отсутствию примесей в тесте (шероховатая, гладкая), видно из приводимой ниже таблицы. Особенности ке-

---

[8] Э. А. Рикман. К вопросу о «больших» домах на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, 3.

[9] C. Daicoviciu ci col. Studiul traiului dacilor în munitii Orâştiei. SCJV, I. anul I, Bucuresti, 1950, стр. 144 сл.

[10] Э. А. Рикман, З. В. Янушевич. Земледелие у племен черняховской культуры. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964, Кишинев, 1966, стр. 78.

[11] Остеологический материал определил В. И. Цалкин.

рамики селища Собарь определяются сравнением с керамическими комплексами селищ Будешты и Делакеу.

На селище Собарь представлены те же группы посуды, выделяющиеся по технологии производства, что и на двух других упомянутых селищах. Из табл. 1 также видно, что керамика селища Собарь отличается от кера-

Таблица 1

Наименование группы керамики	Собарь		Будешты		Делакеу	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Обломков красн. глад. сос.	983	25,3	343	5,5	87	0,8
» » шерох. »	782	20,1	304	4,9	212	1,96
Обломков серых глад. сос.	859	22,1	2792	45	3387	31,4
» » шерох. »	898	23,1	2637	42,5	6742	62,5
» лепных » »	7	0,1	81	1,3	241	2,2
» амфор	345	9,1	34	0,54	116	1,17

мики селищ Будешты и Делакеу большим процентом красной посуды; выше процент обломков амфор; сравнительно меньше лепной посуды. Формы посуды свойственны черняховской культуре. Это краснолощеные миски на кольцевых днищах, горшки, зерновики, кувшины, вазы. Орнамент пролощенный состоит из зигзагов, волн, сетки из перекрещивающихся линий; особенно интересно «рулевое колесо» под венчиком горлышка. Есть и рельефный орнамент: валики (на зерновиках) с глубокими овальными вдавлениями. У сосудов с примесью песка в тесте наблюдаются характерные для керамики черняховской культуры поры и царапины от выпадения песка при дополнительной правке низа сосудов после их формовки. На одном из днищ от сосуда серого цвета с примесью песка в тесте наблюдаются следы нитки, срезавшей сосуд с ножного гончарного круга. На серолощеном кольцевом днище виден отпечаток оси, на которой был укреплен диск гончарного круга. На некоторых стенках сосудов имеются отверстия, показывающие, что посуду ценили и ремонтировали.

Своеобразие керамического материала из раскопок поселения Собарь заключается, как указывалось выше, в наличии значительного процента посуды красного цвета и круговых горшков вытянутых пропорций, почти яйцеобразных, встреченных также на памятнике Будешты [12], но не известных среди памятников черняховской культуры Поднепровья и Карпато-Дунайских земель.

Довольно отчетливо на селище Собарь прослеживаются следы производства ткани. В развалинах построек и на территории селища найдены пряслица обычного для черняховцев типа: биусеченноконические с вогнутыми основаниями. Симметричность и четкость формы свидетельствует об их формовке на гончарном станке. В тесте обычна примесь шамота. Цвет пряслиц, как правило, серый (от восстановительного полного сквозного обжига), поверхность гладкая. Некоторые пряслица выточены из обломков амфорных стенок, причем им придана дискообразная форма. Грузило от ткацкого станка — глиняное, обожженное, небольшое конусообразное с отверстием небольшого диаметра, через которое можно продеть только нить. Такие грузила, широко распространенные на черняховских поселениях и в античных городах Северного Причерноморья [13], не пригодны для рыбацких сетей, вопреки утверждению, высказанному некоторыми

[12] Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов в Молдавии, 96. рис. 10, *9*.

[13] А. В. Бураков. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії АП УРСР, XI, Київ, 1962, стор. 57.

авторами [14]. Особенно ценны находки отпечатков грубой, по всей вероятности шерстяной ткани простого («крест накрест») переплетения на глиняном обломке и стенке сосуда-зерновика.

На селище Собарь найдены также изделия из камня. Среди них бруски с глубокими бороздами, оставшимися после точки шильев, некоторые из них расширены с одной стороны. Из хотинского буровато-серого песчаника сделаны точильные бруски, найденные в развалинах жилища 1 и подъемном материале. Брусок из развалин постройки 1 сделан из бурого алевритового пелита. Плитчатый отшлифованный брусок из беловатого песчаника и полусферическая терка из песчаниковой гальки, сцементированной кальцитом [15], найдены в развалинах постройки 7. Таким образом, для изготовления брусков применялись местные породы камня, но залежи буровато-серого песчаника и алевритового пелита находятся у Хотина, отстоящего довольно далеко от поселения Собарь. Бруски — частая находка в Будештах, Делакеу.

В развалинах жилищ и на селище среди подъемного материала найдено довольно много изделий из железа: обломки ножей или кинжалов, костыли и гвозди, обломок удил, обломок железного топора (подъемный материал, рис. 5, *7*), типичного для черняховской эпохи. Аналогичные орудия найдены на селищах Будешты, Яблонова и Калиновка [16]. Железный наконечник копья (рис. 5, *8*), найденный местными колхозниками [17], довольно близок по форме наконечнику из селища Ольштин [18].

Для датировки селища Собарь служат обломки амфор рубежа II—III, III в. н. э., красного, кремового и желтоватого цвета. Среди них — стенки с рифлением, невысокие цилиндрические днища, горловины кремового и красного цвета. Форма этих амфор известна благодаря находкам целых экземпляров ь памятниках у сел Балцаты, Первомайск, Олонешты, Парканы в Молдавской ССР и в античных городах Северного Причерноморья. Амфоры яйцевидные с рифленой поверхностью, с двумя ручками, соединяющими невысокое горло и плечи, их днища невысокие, цилиндрические. Амфора из жилища 2 относится к IV в. н. э. [19]. Селище Собарь по сделанным на нем находкам относится к рубежу II и III вв. до IV в. н. э. Обильные следы пожара в жилищах показывают, каким образом погибло поселение Собарь.

На северной окраине селища черняховской культуры находятся остатки каменных построек и сооружение, которое местные жители-молдаване именуют «четэцуя», т. е. «крепость». Крестьяне, выбирая из сооружения камень тысячами кубических метров, вырыли на месте «крепости» канаву, которая, повторяя форму сооружения, имеет в плане форму буквы «П», ее длинные стороны ориентированы по направлению север — юг. Длина западной, северной и восточной канав равна последовательно 38, 90 и 45 *м*. Местные жители рассказали, что на месте выборки камня они наблюдали каменную стену высотой до одного метра.

---

[14] Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, 57, 1956, стр. 154—160.

[15] Определение минералов сделано кандидатом геолого-минералогических наук В. С. Саяновым.

[16] Коллекции ОГАМ.

[17] Коллекции историко-краеведческого музея г. Сороки.

[18] М. Ю. Брайчевьский. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, рис. 84, *3*.

[19] І. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, табл. XXXVII, *91* и стр. 135; И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 30—33, рис. 6. С; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, стр. 56, 57.

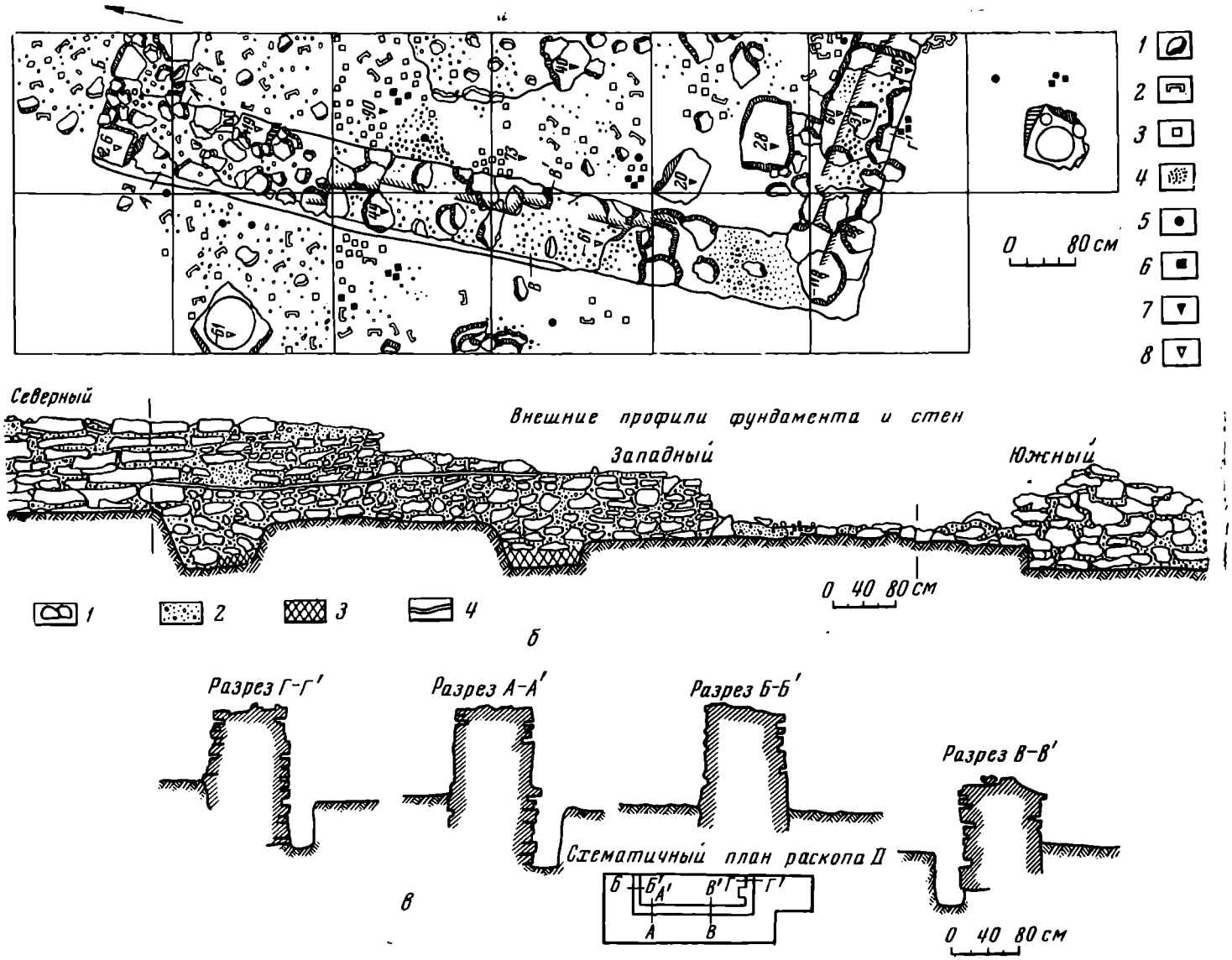


Рис. 7.

а — план каменно-кирпичного здания. *1* — камни; *2* — обломки черепицы; *3* — обломки кирпича; *4* — известняковый раствор; *5* — индивидуальная находка; *6* — уголь; *7* — глубина от поверхности; *8* — глубина от нуля.
б — внешние профили фундамента и стен. *1* — камни; *2* — раствор; *3* — культурный слой в траншее для фундамента; *4* — граница стен и фундамента.
в — разрезы фундамента и стен

Южную стену «крепости» мы безуспешно пытались найти, заложив раскопы I, IV и V на месте ее предполагаемой южной периферии. Северная стена «крепости» исследована с помощью перерезавшего ее раскопа III, где обнаружены развалины стены шириной 4,7 *м*, толщиной до 0,6 *м*. Регулярная кладка не сохранилась. Камни — необработанные известняковые и гранитные плиты. Крупные плиты лежали с северной и южной сторон развала, налегая на более мелкие камни (одна плита, например, имеет размер 80 × 40 × 20 *см*). Вероятно, в прошлом крупные плиты стояли вертикально, составляя панцирь стены, заполненный более мелкими камнями. Видимо, истинная ширина стены была гораздо меньше, чем теперь. На больших плитах имеются следы известки со включениями толченого кирпича и мелких камешков.

В 1962 и 1965 гг. внутри «крепости» была вскрыта западная оконечность каменного здания, контуры которого полностью видны на поверхности земли благодаря тому, что и здесь местные жители выбирали камни. По периметру здания образовалась траншея, замыкающая прямоугольник площадью 19,8×18 *м*, торцовыми сторонами обращенный к западу и востоку (рис. 7, *а*). Северо-западный угол постройки почти выходит на поверхность, будучи прикрыт гумусом толщиной 10—15 *см*.

В раскопке II вскрыты фундамент и стена, сложенные одинаково из необработанных или слегка подтесанных с лицевой стороны плитчатых обломков известняка, подогнанных и подобранных друг к другу. Довольно тщательно подтесаны камни северо-западного угла здания: они почти прямоугольной формы. Стены и фундамент состояли из двух боковых продольных панцирей из камней, образующих ряды. Камни связаны известкой с толченым кирпичем и черепицей и мелкими камешками (размеры камней: 15—40 × 10—15 *см*; 15—40 × 20 *см*; 40—50 × 20 *см*). Между панцирями в массе раствора были заключены камни, расположенные менее систематично.

Западная сторона здания сохранилась в длину на 9,8 *м*. Она состоит из остатков собственно стены и фундамента. Ширина стен 0,9—1 *м*. С западной стороны постройки сохранилась ступенька цоколя шириной 10—15 *см* на границе фундамента и стены. С остальных сторон цоколь не выступает, выдвинуты лишь отдельные камни. От уровня цоколя фундамент углублен на 1 *м*, причем в материк фундамент заглублен на 40—50 *см*. Стена над цоколем лучше всего сохранилась у северо-западного угла здания на высоту до 90 *см*, где осталось 6 рядов камней. Изнутри остатки стены и фундамента здания того же характера, что снаружи (рис. 7, *б* и *в*).

У западной стены здания снаружи обнаружены развал камней и строительного мусора на глубине до 50 *см*. Непосредственно у стены его толщина до 40 *см*, а в отдалении тоньше. Это обвалившаяся на уровень древней поверхности стена постройки. Аналогичные развалины обнаружены у северной части, раскрытой на длину 1,9 *м*. Южная стена вскрыта на длину 3,7 *м*. Сохранилась главным образом кладка фундамента высотой до 1 *м* ниже цоколя. От стены остался участок высотой до 30 *см*. К югу от южной стены обнаружен ее развал, легший на дневную поверхность возле здания, соответствующую верхнему уровню слоя черняховского селища.

В юго-западном углу вскрытой части постройки обнаружено внутреннее помещение площадью 1,2×0,9 *м*. Оно ограничено с восточной стороны стеной, сложенной впритык к южной стене, параллельно западной стене, на расстоянии 0,7 *м* от нее. Подошва этой перегородки лежит приблизительно на уровне дневной поверхности здания. Длина ее от южной стены в северном направлении всего 1 *м*. Перегородка завершается с северной стороны камнем размерами 65 × 55 × 50 *см*, которому грубыми сколами придана форма, близкая к прямоугольной. С северной стороны границу помещения создает камень размером 0,8×0,5×0,45 *м*, помещенный у западной стены. Подошва камня лежала приблизительно на дневной

поверхности здания. Возле здания найдены базовые камни известняковых колонн, отмечающие его дневную поверхность.

К югу от здания найдена прямоугольная, слабо обработанная каменная плита. В ее средней части вырезано круглое возвышение, в его центре — ямка для вертикального штыря. На двух углах плиты вырезаны два выпуклых диска декоративного назначения (рис. 3, *2*).

Другой камень, найденный к западу от здания, представляет собой квадр известняка размерами 0,8 × 0,7 × 0,25 *м*. На этом камне вырезан аналогичный круг, выступающий над остальной поверхностью. Верх камня, лежавшего на материке в культурном слое, соответствовал поверхности слоя черняховской культуры и цоколя дома.

Пол в постройке был земляной и прослежен в профилях раскопа, пересекавших внутреннее пространство здания. Так, в восточном профиле на черный суглинистый культурный слой (черняховского селища) налегла углистая прослойка — признак сгоревших на земляном полу деревянных конструкций здания. Выше залегали прослойки обожженной глины, видимо от провалившейся на пол обмазки крыши или потолка. Аналогично расположенная глинистая прослойка наблюдалась в северном (промежуточном) профиле. Наличие прослоек угля показывает, что гибель каменного дома, как и селища черняховской культуры, сопровождалось пожаром. На сохранившиеся стены здания упали остатки рухнувших конструкций, повторявшие в плане в увеличенном виде контур постройки: обломки кровли, кладки стен, разбитых окон и т. д. Образовалась плотная масса битого кирпича, черепицы, стекла, камней из кладки, кое-где прослежен и строительный раствор. В этой массе, на границе между слоями черняховского селища и строительного мусора, имелись прослойки, отмечающие уровень земли, на которую обвалилась крыша развалившегося здания (черепица), а на последнюю упали затем кирпичи и камни от стен.

Все кирпичи из раскопок этого здания насквозь обожжены. Цвет красный или желтоватый. В тесте — зерна шамота. Кирпичи не стандартны, имеют форму параллелепипеда. Были промерены 445 прямоугольных кирпичей, в том числе 30 целых. Длина кирпичей 25—27 *см*[20], ширина 12—14 *см*, толщина 3—5 *см*. Средний размер, следовательно, равен 26 × 13 × × 4 *см*. Зачастую ширина и толщина с разных сторон различна, значит, кирпичи формовались в примитивных формах с неодинаковыми ячейками. Грани довольно четкие, далеки от геометрически правильных. На нескольких экземплярах видны следы дополнительной правки щепкой. Кирпичи перед обжигом просушивались под открытым небом, причем они лежали плашмя, поэтому на одном из них имеется отпечаток куриной лапы, а на другом — детской ножки. На ряде кирпичей прилип раствор: известка с толченым кирпичом. На одном кирпиче мы обнаружили граффити: пахарь с двузубым ралом, влекомом лошадью (рис. 3, *3*).

Прямоугольные кирпичи, подобные найденным при раскопках каменного дома, в первых столетиях нашей эры довольно широко применялись при строительстве в городах Северного и Западного Причерноморья. Они найдены в Тире, на Боспоре, в Ольвии, Херсонесе, Хараксе[21]. По размерам кирпичам с поселения Собарь наиболее близки кирпичи из Харакса: 23 × 11 × 3,5 *см*, Херсонеса: 25 × 15 × 4 *см* и римской крепости Бэрбош в нижнем Подунавье: 24—26 × 14—16 × 3,5 *см*. На кирпичах из поселения Собарь, так же как и на кирпичах из Бэрбош, Оливии и Херсонеса, имеются желобки, проведенные пальцами для более прочного скрепления кирпичей раствором.

Строительный материал из рассматриваемого здания исследован археомагнитным методом в лаборатории Института археологии АН СССР.

---

[20] Есть кирпичи длиной 28,5 *см*.

[21] Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ, Г1—20, М., 1966, стр. 36, 44, 49, 51, 60, табл. 43, 15.

По заключению Т. Б. Нечаевой, 10 образцов продолговатого кирпича относятся либо к рубежу III и IV вв. н. э., либо к рубежу VI и VII вв. н. э.[22]

Кроме того, найдено несколько обломков квадратных кирпичей, одна сторона которых равна 26 *см* при толщине 4 *см*. Кирпичи аналогичных размеров, относящиеся к первым столетиям нашей эры, найдены при рас-

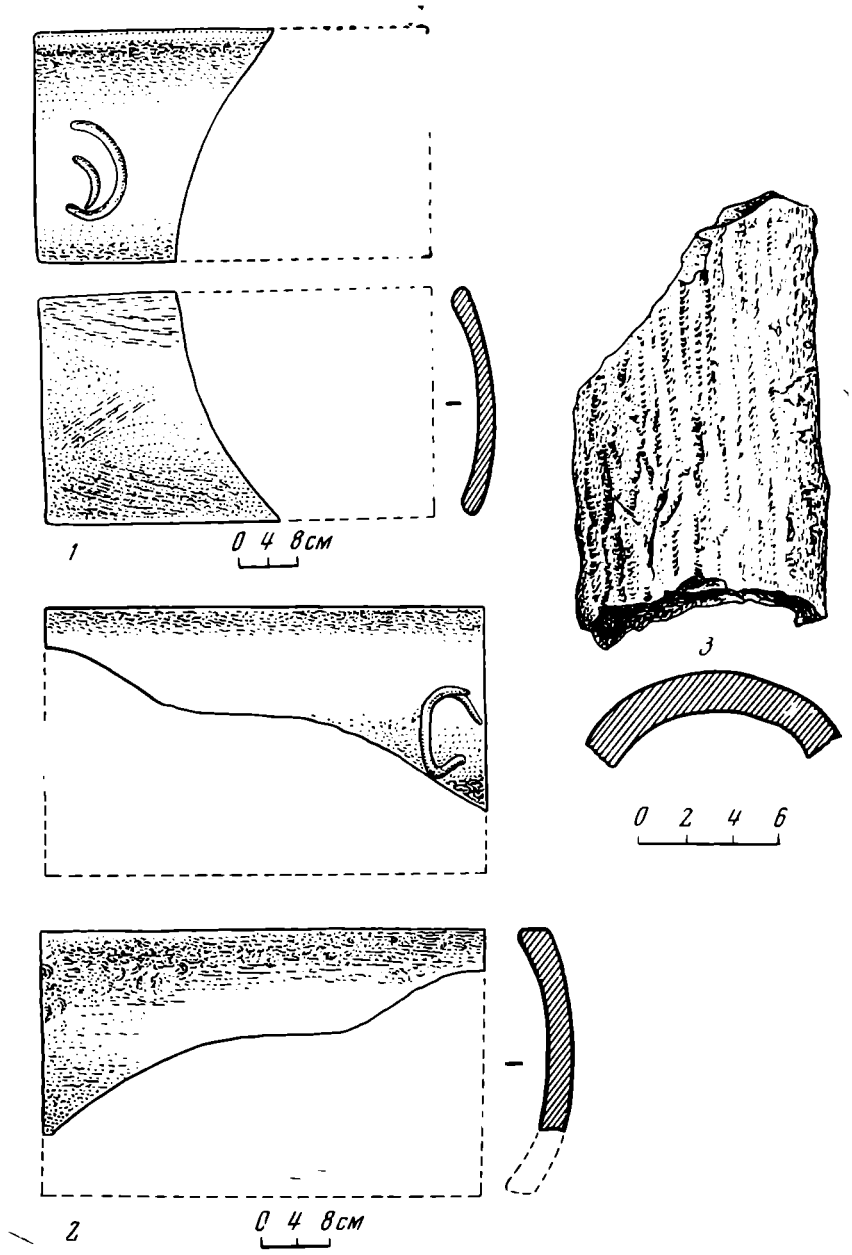


Рис. 8. Черепица из каменно-кирпичного здания

копках Тиры (27 × 27 × 4,5 *см*) и Бэрбош (23—26 × 26—27 × 5 *см*)[23]. Среди исследованных археомагнитым методом пять образцов квадратного кирпича относятся к началу нашей эры[24].

Судя по находкам кирпича, кладка стен в верхней их части могла состоять из чередующихся рядов (по нескольку) камня и кирпича. Быть может, кирпич использовался для перегородок внутри здания. Такого рода кладка на растворе из известки с толченым кирпичом появляется в рим-

[22] Т. Б. Нечаева. Отчет об археомагнитных исследованиях датировок памятников черняховской культуры. Рукопись, архив ИА АН СССР, стр. 27.

[23] Сведения о кирпичах и черепице из Бэрбош, относящихся к 106—271, 247—271 гг. и нач. IV в. н. э., мне сообщил Н. Гостар (Яссы), за что я приношу ему глубокую благодарность.

[24] Т. Б. Нечаева. Ук. соч., стр. 28.

ское время [25] и продолжает существовать в византийское время и в средневековое. Так, в Истрии смешанная кладка и подобный раствор появляются в конце III в. н. э. [26]. Аналогичного характера кладка и раствор зафиксированы в Новиодуне на правом берегу Нижнего Дуная и отнесены к римско-византийской эпохе [27]. Здания II—III вв. н. э. с применением кирпичной кладки на известковом растворе обнаружены в окрестностях Ольвии на городище Козырка [28].

Крыша постройки была покрыта черепицей, ее обломки, найденные в развалинах здания, показывают, что она изготовлена из глины высокого качества, хорошо очищенной и отмученной, обжиг равномерный, горновой, изделия очень твердые. К первому типу черепицы относятся крупные плитки со слегка отогнутыми вверх краями длинных сторон (рис. 8, *1*, *2*); цвет красный или желтый. На некоторых черепицах, на верхней заглаженной стороне с торцового края, пальцем нанесены овальные углубленные фигуры. Обращенная к крыше сторона неровная, с многочисленными выбоинами. Размеры целых черепиц (судя по сохранившимся обломкам) 54×30—33×3,5 *см*. Эти черепицы идентичны по форме и близки по размерам вогнутым соленам I—III вв. н. э. из Пантикапея, Ольвии и Тиры [29]. Показательно, что и на черепицах из античных центров с краю имеются углубленные полукружия. Размер ольвийских «соленов»: 66 × 40 *см*; размер «соленов» из Тиры: 60 × 39,6 × 2,5—2,8 *см*; размер «соленов» из Бэрбош 51—52 × 36,5 × 2,5 *см*. Они отличаются от собарьских более четкими бортиками.

Наши поиски аналогий для «соленов» из с. Собарь на средневековых памятниках территории советской [30] и румынской [31] Молдовы, а также на Руси почти не дали положительных результатов. Можно указать только на черепицу от кровли Десятинной церкви (X в., Киев), которая по форме и размеру (63 × 35 *см*) довольно близка собарьской. На черепице из Киева имеются даже характерные овальные углубленные фигуры [32], которые так часты на плитках из селища Собарь. В памятниках римского времени, как мы видели, для собарьской черепицы имеется гораздо больше аналогий.

Ко второму типу относится черепица в сечении полукруглой формы, расширяющаяся книзу (рис. 8, *3*). Цвет, как правило, красный. Многие экземпляры покрыты мелкими продольными желобками. Черепицы второго типа найдено меньше, чем первого. Размеры сохранившихся фрагментов: 25 × 10 × 1,5 *см*; 16,5 × 9,5 × 2 *см*. Эта черепица аналогична античным калиптерам, прикрывавшим стыки между плитками. Черепица и кирпичи не отличаются друг от друга цветом, глиной, характером обжига, твердостью.

Калиптеры из селища Собарь аналогичны соответствующей черепице первых веков нашей эры из городов Боспора [33]. Даже продольные желобки, характерные для калиптеров из селища Собарь, наблюдаются на калиптерах из Бэрбош, Тиры и Ольвии. Впрочем, аналогичные калиптеры существовали в период средневековья и доживают до наших дней. Подоб-

---

[25] Сведения о времени появления раствора сообщены автору В. Д. Блаватским.

[26] Gr. Florescu. Sisteme constructive romane la Histria. SCJV, anul IV, 3—4, Bucureşti, 1953, p. 600, 601, 603 и 605.

[27] J. Barnea, B. Mitrea Şi N. Anghelescu. Săpăturile de salvare la Noviodunum, MCA, IV. Bucureşti, 1957, стр. 161; J. Barnea şi B. Mitrea. Săpăturile de salvave de la Novi odunum (Isaccea), MCA, V. Bucureşti, 1959, стр. 461.

[28] А. В. Бураков. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії. АП УРСР, т. XI, Київ, 1962, стор. 59.

[29] Керамическое производство и античные керамические материалы. Табл. 31, *5*, *10*; табл. 42, *5*.

[30] По этому вопросу меня консультировали Л. Л. Полевой и Г. Д. Смирнов.

[31] Консультация получена у А. Андроника.

[32] М. К. Каргер. Древний Киев, I, М.—Л., 1958, стр. 462, рис. 129.

[33] Там же, табл. 42, *4*; табл. 31, *11*.

ная черепица найдена также на черняховском селище «Великий Берег» в районе г. Смелы [34], что усиливает вероятность отнесения черепицы из селища Собарь к черняховскому времени. Д. Б. Шелов и И. Б. Зеест усматривает сходство кирпичей и черепицы из поселения Собарь с соответствующими материалами из слоев римского времени Аполлонии (северо-запад Балканского полуострова).

13 образцов черепицы, исследованные археомагнитным методом, отнесены к IV—V вв. н. э. [35].

Окна постройки были остеклены. В развалинах здания найдено большое количество обломков оконного плоского полупрозрачного стекла толщиной 2—3 *мм*, в том числе края с невысокими бортиками. Стекло низкого качества, слоистое, с пузырьками, отлитое в плоских формах. Спектрографический анализ 22 образцов стекла, проделанный Ю. Л. Щаповой, показал, что в 20 образцах состав не имеет специфических особенностей, а в двух полностью схож с составом стекла (примесь глины), произведенного в мастерских северо-восточных провинций Римской империи (Майнц, Кельн и т. д.) [36]. Н. П. Сорокина усматривает сходство стекла из поселения Собарь со стеклом IV в. н. э. из античного Херсонеса. Следовательно, распространенное в III—IV вв. н. э. в северном Причерноморье (Пантикапей, Тиритака, Херсонес) [37], оконное стекло проникло на поселение Собарь, в отдаленный от античных центров район.

При раскопках каменного здания найдены кованные четырехгранные гвозди с крупными шляпками, скреплявшие конструкции постройки. Металлографический анализ, произведенный в лаборатории Института археологии АН СССР Г. А. Вознесенской, установил сходство железа гвоздей и остальных изделий из селища Собарь с другими изделиями черняховских памятников.

Среди строительного мусора найдены обломки известняковой чаши [38], черняховской посуды (например, сосуда-зерновика) и часть красноглиняной ручки амфоры.

На обломке чаши процарапаны буквы R и V. Очертания первой — обычны для эпиграфических памятников II—III вв. н. э., например для букв штемпелей и граффити на светильниках из римской Дакии. Начертанию V имеется довольно близкая аналогия в клейме на светильнике, где оттиснуто имя TITVS [39].

Каменный дом, задуманный с колоннами, должен был быть капитальной постройкой из камня и кирпича, но вместе с тем ряды кладки, камни слабо обработаны, стены не оштукатурены, пол земляной. Однако здание было крыто черепицей, окна были застеклены. Недоделанность деталей колонн, наличие земляного пола служат свидетельствами в пользу предположения, что здание не было достроено, как и южная сторона в стене, ограждавшей усадьбу (крепость).

Здание построено на селище черняховской культуры. Фундамент здания прорезает слой селища. Толщина слоя 20—110 *см*. Внутри пространства, ограниченного фундаментом, толщина слоя около 20 *см*. Земляной пол постройки находится на верхнем уровне слоя черняховской культуры.

Вне фундамента слой селища сохранился целиком. Яма для фундамента вырыта с поверхности черняховского селища, причем на ее краях образовались скосы. Эти скосы заметны на профилях, где фундамент пересе-

---

[34] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 163.

[35] Т. Б. Нечаева. Ук. соч., стр. 28.

[36] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956.

[37] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея, 1945—1959 гг. МИА, 103, 1962, стр. 234, 235.

[38] В раскопе II, штыке 1, квадрате 2.

[39] N. Gostar. Inscripţiile de pa lucernele din Dacia Romana. AM, I, Bucureşti, 1961, стр. 194—195, рис. 10, 15.

кает слой черняховского селища. Все вышеизложенное показывает, что в момент начала строительства площадь была занята селищем черняховской культуры. Именно на поверхность селища, на которой возводили сооружение (она определяется совпадающими глубинами залегания деталей колонн, цоколя, скосов ям фундамента, пола внутри постройки), упали строительные остатки в момент гибели здания. Культурный слой послечерняховского времени, стерильная прослойка или слой, связанный с жизнью обитателей здания, отсутствуют. Изложенное свидетельствует в пользу предположения, что здание выстроено в период, близкий времени существования селища черняховской культуры, и не было достроено или просуществовало короткое время.

Каменное здание могло возникнуть на позднем этапе существования селища черняховской культуры Собарь. Существование разновременных сооружений на селищах черняховской культуры известно, например, в Будештах и Делакеу [40].

Довольно близкое по конструкции каменное здание (характер кладки, наличие боковых панцирей) известно только на селище Комаров, относящемся к III—IV вв. н. э. Для покрытий этой постройки также использовалась черепица. Плитки ее имели только более выраженные боковые бортики. На некоторых экземплярах черепиц с обоих памятников имеются вдавленные окружности. Показательно, что каменное здание было углублено в слой поселения приблизительно того же времени. Таким образом, по стратиграфии поселения Собарь и Комаров близки между собой, что также говорит в пользу вывода об отнесении каменного здания поселения Собарь к черняховской эпохе [41].

Однако есть факты, противоречащие подобному предположению. При возведении каменной постройки частично был срыт слой черняховского селища. Внутри, в северо-западном углу здания, в строительном мусоре были найдены фрагмент венчика и плоской ручки красного цвета от кувшина, который датируется не ранее чем XVII в. Таким образом, дата здания еще не бесспорна, хотя большинство доводов в пользу принадлежности к черняховской эпохе.

E. A. Rikman

UN SITE DATANT DES PREMIERS SIÈCLES DE NOTRE ÈRE PRÈS DU VILLAGE DE SOBAR

Résumé

L'article donne le bilan de trois saisons de fouilles du site de la culture de Tcherniakhova dans les environs du village de Sobar (district de Soroki en République Socialiste Soviétique de Moldavie). Les constructions du site sont disposées par rangs. On a mis au jour de «grandes maisons» et on a établi leur plan. On a trouvé une dépendance économique et une four de poterie ainsi que des matériaux ayant trait à l'histoire de l'agriculture: le fragment d'un soc de charrue et des graines de céréales culturales carboniseés. Un flambeau en argile et une coupe en calcaire gravée de deux lettres latines sont d'un intérêt tout particulier. Ces trouvailles temoignent des relations avec l'antiquité. Enfin, des fortifications de pierre et les vestiges d'une coustruction de prierre et de brique autrefois couverte de tuiles sont à signaler.

---

[40] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, 82, 1960, стр. 304; его же. Черняховское селище Делакеу (Молдавия). МИА, 139, 1967, стр. 167, 168.

[41] М. Ю. Смішко. Поселения III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 5, Київ, 1964, стр. 71, 72, рис. 4 и 7.

А. П. РУНИЧ

КАТАКОМБЫ РИМ-ГОРЫ

Бургусант-Кала, или Рим-Гора, является самым крупным из известных в настоящее время исторических памятников в районе Кавказских Минеральных вод.

Это место издавна привлекало к себе внимание путешественников и исследователей.

Первое упоминание о Рим-Горе, относящееся к 1785 г., мы находим у Афанасия Уракова, где он пишет: «Гора Бургусант, о которой жители объявляют, что тут в древние времена был город, который они поныне именуют (Бургусант-Кала). При подошве оной (горы) видны многие кладбища и несколько каменных крестов. Кабардинцы утверждают, что тут жительство имели венгерцы» [1].

Позднее это место посетили и частично описали Дюбуа-де Монперэ, А. В. Фиркович, Н. Е. Макаренко, В. Ф. Смолин и в последние годы В. А. Кузнецов.

Все описания были сделаны на основании кратковременных (обычно однодневных) поверхностных осмотров без раскопок. Вполне понятно, что за такое короткое время не представлялось возможным не только изучить, но даже подробно осмотреть этот большой и сложный памятник. Таким образом, Рим-Гора фактически оставалась неисследованной.

Из-за невозможности в небольшой статье описать все собранные материалы по Рим-Горе мы кратко остановимся только на катакомбах и связанных с ними сооружениях, так как без этого многие выводы и соображения могут оказаться необоснованными.

Рим-Гора находится в 17 *км* к западу от города Кисловодска на территории Малокарачаевского района у впадения р. Эшкакон в Подкумок.

Весь массив этой горы и ее отроги состоят из глинистых песчаников желтоватого цвета, в которых в основном и устроены катакомбы. Сверху песчаники прикрыты продуктами выветривания этой горной породы и растительным слоем толщиной от 10 до 50 *см*.

Первая группа катакомб

Первоначально первая группа катакомб была известна на восточном отроге Рим-Горы, так называемой Куэсте. Однако наблюдения и исследования, проведенные нами с 1936 по 1967 г., показали, что катакомбы есть еще и в основном массиве Рим-Горы, ее юго-восточном отроге, и занимают значительную часть ложбины между этими возвышенностями (на рис. 1 территория могильника заштрихована).

Таким образом было установлено, что общая площадь, занятая могильником, составляет около 16—17 *га*, где несомненно находится несколь-

---

[1] Н. А. Смирнов. Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура накануне Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Приложения. «Сборник по истории Кабарды», 1. Нальчик, 1951, стр. 117.

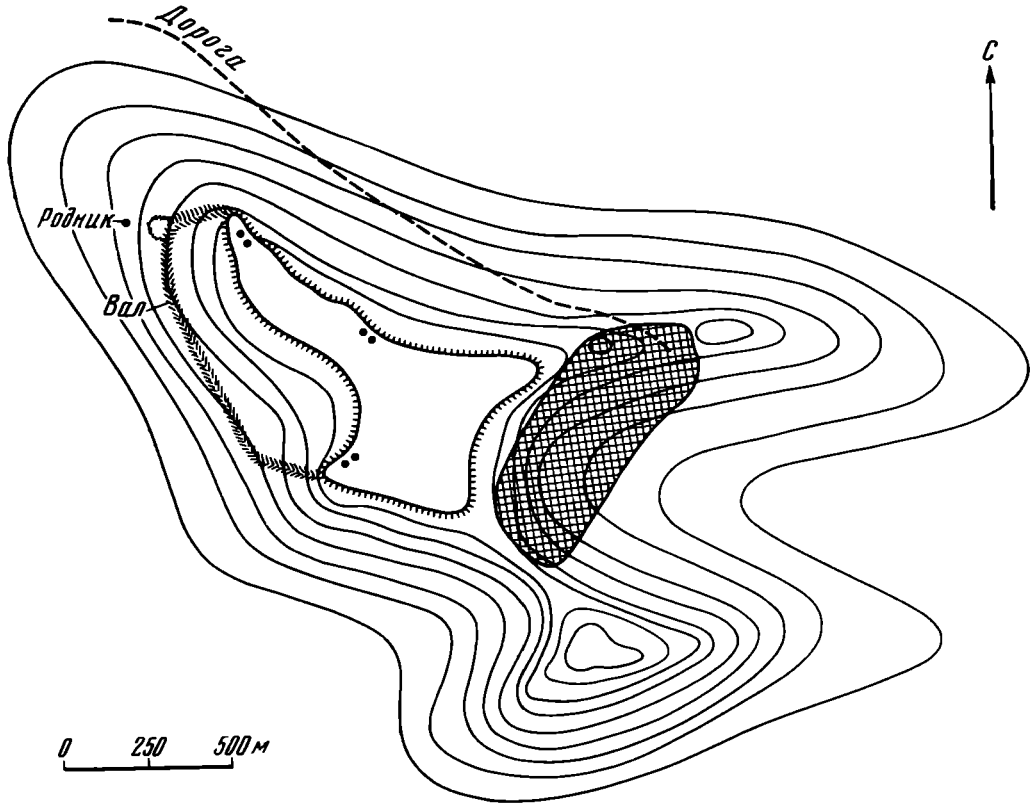


Рис. 1. Рим-Гора. План. (Площадь, занятая могильником заштрихована)

ко сот усыпальниц (в настоящее время только на «Куэсте» их уже обнаружено 127).

И сейчас хорошо видны остатки грунтовой дороги — «Дороги мертвых», довольно круто поднимавшейся по травянистому северному склону от места поселения на «Куэсту», в центральную часть могильника Рим-Горы.

На запад от места, где эта дорога выходит на гребень «Куэсты», имеется горизонтальная площадка около 800 *м*^{2}. По ее южному краю в один ряд уложены 10 массивных каменных глыб со следами грубой обработки. Длина этих камней от 125 до 146, ширина около 60 и толщина 35—50 *см*.

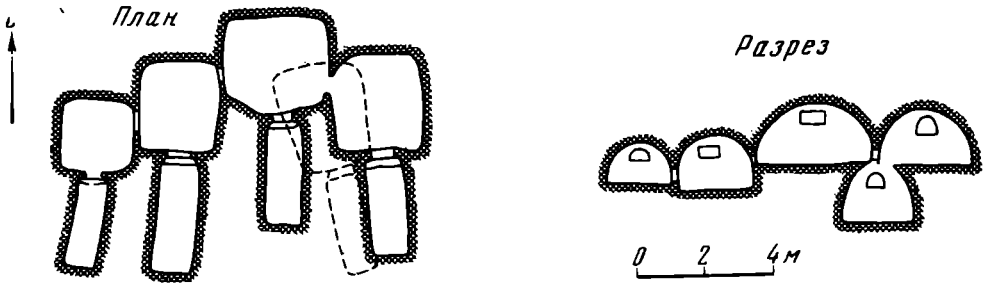


Рис. 2. Рим-Гора. Катакомбы. Группа соединенных между собой камер

Расположение ряда камней, уложенных по краю площадки, создает впечатление, что она была связана с могильником и имела какое-то ритуальное назначение.

Как выяснилось, особенно южный склон «Куэсты» буквально насыщен катакомбами и их нередко разделяют только очень тонкие стенки.

Очень часто такие рядом расположенные катакомбы соединены между собой отверстиями, размеры которых достаточны, чтобы в них мог пролезть взрослый человек. Эти отверстия, пробитые киркой или ломом, на-

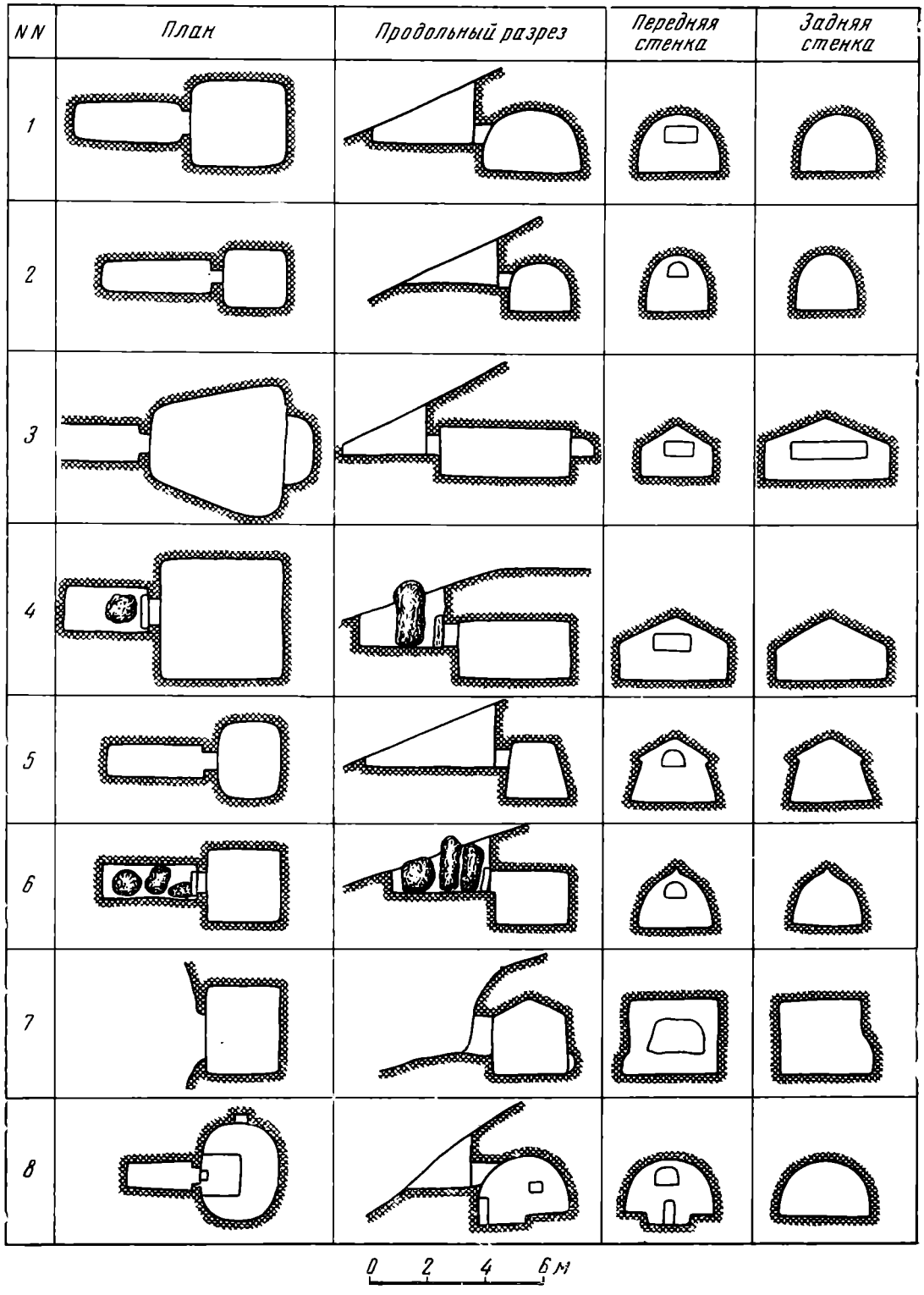


Рис. 3. Рим-Гора. Катакомбы. Планы и разрезы

ходятся в разных местах камер (включая и потолки) и только там, где толщины стенок между камерами не превышают 5—8 *см*. Все такие соединенные между собой камеры имеют самостоятельные дромосы и входные отверстия. Очевидно, эти отверстия были грабительскими ходами.

Действительно, простукивая стенки катакомб, легко определить, что рядом находится следующая, а пробить дыру в тонкой стенке было гораздо проще, чем откапывать дромос глубиной до 3 *м*. Эти грабительские ходы, видимо, и ввели в заблуждение В. Ф. Смолина, разделившего катакомбы

на «Куэсте» на «однокамерные», «двухкамерные» и «трехкамерные» [2]. Наиболее характерная группа таких соединенных между собой камер (№ 10—14) показана на рис. 2.

Камеры этого могильника в плане в большинстве имеют вид трапеций, прямоугольников и квадратов с резко выраженными или закругленными углами площадью от 3 до 15 $м^2$ (рис. 3). Потолки в основном куполообразные (рис. 3, *1*, *2*), но есть в виде двухскатной крыши (рис. 3, *3*—*5*), стрельчатого свода (рис. 3, *6*) и почти плоские.

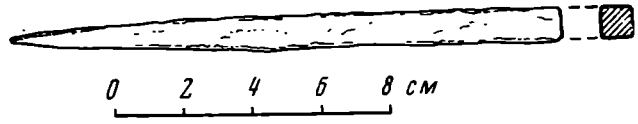


Рис. 4. Рим-Гора. Орудие, которым долбили катакомбы

Пол всех вскрытых и зачищенных камер ровный без углублений под входом. В задней стенке трех камер находятся большие ниши в виде лежанок (рис. 3, *3*). Дромосы хорошо выражены. Входные отверстия делятся на два типа: широкие прямоугольные (обычно 85×40 *см*) и узкие полукруглые, в основном 50×50 *см* (рис. 3, *2*, *5*, *6*).

Судя по характеру следов инструмента, сохранившихся на стенках и потолках камер, удалось выяснить, что орудие забивали в породу и таким образом откалывали ее пласты; им не рубили, как это делается киркой, кайлом или теслом, при работе которыми неизбежно получаются так называемые затесы. На основании следов и сломанных орудий, оставшихся в стенках двух камер, выяснено, что этот инструмент представлял собой прямой, квадратный в сечении, заостренный к одному концу железный стержень длиной 15—20 *см* и сечением 9×9 или 10×10 *мм* (рис. 4.).

Для выяснения вопроса, сколько времени нужно затратить, чтобы таким инструментом в скальном грунте выдолбить усыпальницу общим объемом до 25 $м^3$, был проведен эксперимент. Аналогичным инструментом, повторяя приемы древних могильщиков, я произвел опытное долбление камеры. В процессе работы стало очевидно, что наиболее трудоемким было долбление «штольни» — входа в камеру, имевшего сечение 50×50 *см* и длину около 1 *м*. За один час удалось вынуть не более 0,0135 $м^3$ песчаника. Расширение и скалывание шло значительно скорее, тогда выработка достигала 0,03 $м^3$ в час. За час ведром в среднем из камеры удавалось удалить 0,5 $м^3$ породы.

В результате обмера камер и соответствующих расчетов получены довольно интересные данные. Оказалось, что на устройство среднего размера камеры в песчанике объемом 10 $м^3$ затрачивалось 399 часов. При 12-часовом рабочем дне это составляло 33 дня, а на бо́льшую камеру, объемом 25 $м^3$— 939 часов, или 78 дней, т. е. более 2,5 месяцев. Нужно сказать, что при расчетах было сделано предположение, что в работе принимали участие два человека. Один вел долбление, а второй выполнял подсобные работы (подправка инструмента, вынос породы и т. д.), и только в конце, когда позволяли размеры камеры, он подключался к долблению.

На основании этого эксперимента можно предположить: 1) катакомбы в песчанике, которые, очевидно, были семейными, делались при жизни их «хозяев»; 2) стоимость камер в песчанике из-за большой трудоемкости их выработки была довольно велика и доступна только состоятельным людям;

---

[2] В. Ф. Смолин. Катакомбы на Рим-Горе близ Кисловодска. Сб. «Краеведение на Северном Кавказе», 1—2. Ростов-на-Дону, 1928.

3) поскольку катакомбы делались при жизни владельцев, их изготовлением, очевидно, занимались специальные могильщики.

Описывая свои исследования на Рим-горе, Авр. Фиркович сообщал, что в пещерах вокруг горы находятся человеческие кости; там найдены части лука, серебряные подвески, род серебряного браслета «простой работы», сердолик из перстня и хрустальное ожерелье [3].

Вскрытая на «Куэсте» В. Ф. Смолиным одна катакомба оказалась ограбленной, и инвентарь в ней не сохранился. На основании этих раскопок им

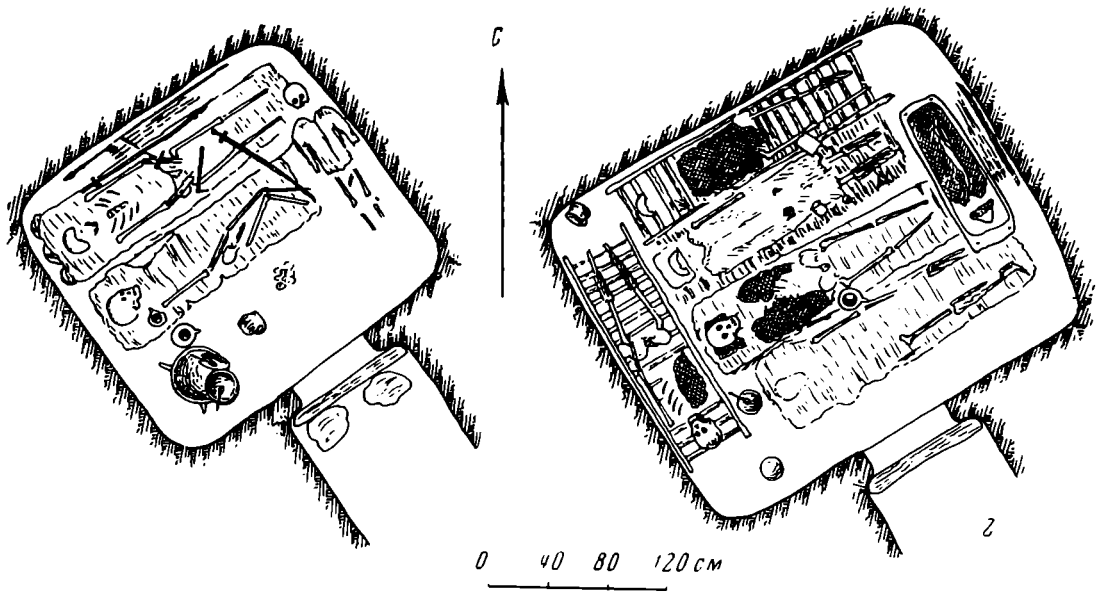


Рис. 5. Рим-Гора. Катакомбы № 48 и № 49

был описан рим-горский катакомбный могильник на «Куэсте» [4]. Краткие сведения по рим-горским катакомбам приведены в сводной работе В. А. Кузнецова [5].

В 1962—1966 гг. нам удалось вскрыть нетронутые катакомбы и исследовать еще ряд усыпальниц, которые дали большой и интересный материал. Из 58 вскрытых нами камер, где не было никаких внешних признаков раскопки, всего 7 оказались нетронутыми кладоискателями. Только благодаря этим семи катакомбам нам, наконец, удалось выяснить и изучить погребальный обряд и инвентарь, сопровождавший умерших.

Наиболее характерными и интересными оказались катакомбы № 48, 49 и 52.

Катакомба № 48

Камера выдолблена в песчанике и имеет вид квадрата с закругленными углами; потолок сферический. Расстояние от низа входного отверстия до пола камеры 52 *см*.

В усыпальнице находилось три очень плохо сохранившихся человеческих костяка, два из них лежали головами на юго-запад и один на северо-запад (рис. 5, *1*). В южном углу камеры стоял круглый дубовый столик на трех ножках (рис. 6, *1*), на нем — деревянная чашка (рис. 6, *2*), в которой были пять грецких орехов, остатки от яблок, деревянная ложка (рис. 7, *12*) и овальный деревянный сосуд (рис. 6, *4*) с такой же ложкой внутри. Третий керамический сосуд (рис. 6, *6*), очевидно упавший со столика, лежал возле

[3] Авр. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. ЗАО, IX, 2, СПб., 1857.

[4] В. Ф. Смолин. Ук. соч.

[5] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 28.

него на боку. Здесь же стоял грушевидный красноглиняный сосуд с клеймом на дне и ручке (рис. 6, *5*).

Против входа, у погребальной доски, на которой на подстилке из бересты лежал первый скелет, находился еще один небольшой керамический сосуд, полностью разбитый глыбой песчаника, оторвавшейся от потолка камеры.

Около черепа костяка № 1 стоял деревянный сосуд с ручкой и носиком-сливом (рис. 6, *3*). В области грудной клетки находились стеклянная боро-

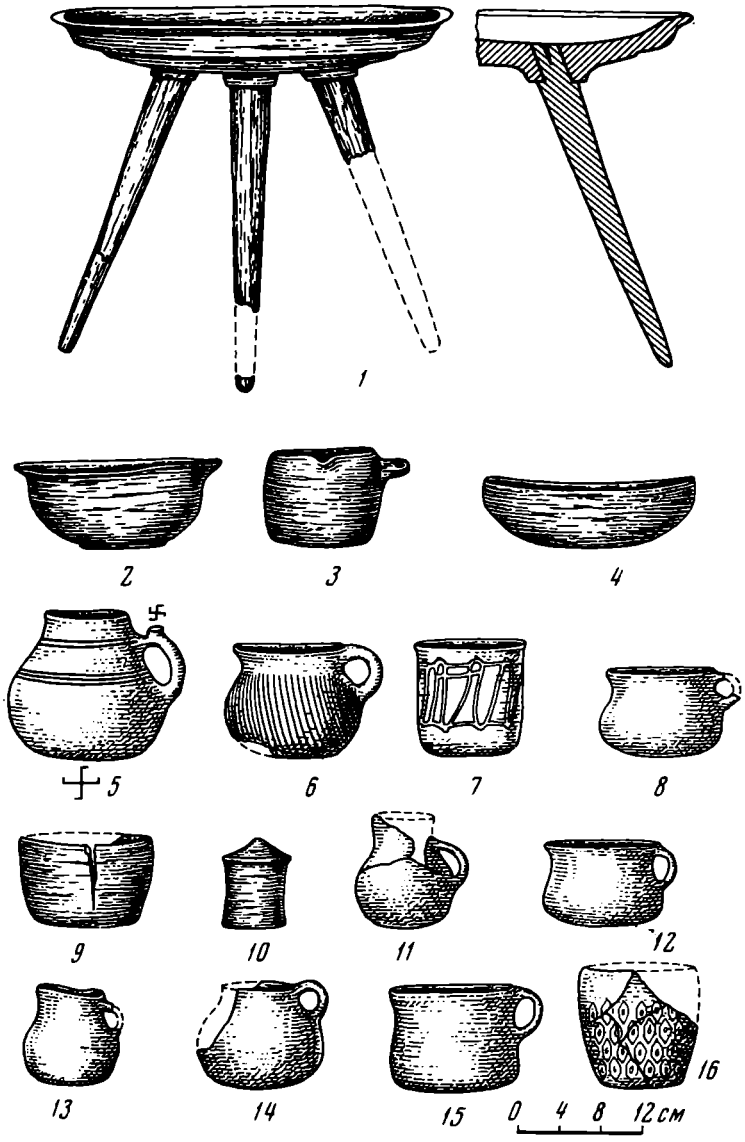


Рис. 6. Рим-Гора. Катакомбы. Посуда из погребений

давчатая буса (рис. 8, *1*) и четыре бронзовых бубенчика, а у тазовых костей — прямой железный нож длиной 25 *см*, бронзовая пряжка (рис. 7, *9*) и бронзовый перстень с вставкой из желтого стекла (рис. 8, *2*).

Под погребальной доской, уложенной на подкладках из тесаных камней, были обнаружены остатки от деревянной шкатулки. В ней находились бронзовое зеркало (рис. 7, *13*) и деревянный гребень (рис. 7, *14*).

Второй скелет, мужской, лежал на таком же ложе с подкладками из камней. Около кисти правой руки находилось железное тесло (рис. 7, *8*) с деревянной рукояткой длиной 39 *см*, а у левой руки — железная секира (рис. 7, *11*) с рукояткой такой же длины. У тазовых костей найден железный нож. Параллельно левой руке лежала слабоизогнутая сабля длиной 87 *см* с

крестообразной рукоятью (рис. 7, *7*), а за ней прослежены остатки кожаного колчана, в котором находилось 12 стрел с различными железными наконечниками (рис. 7, *1*, *2*, *5*) (длина древков от 70 до 73 *см*). Здесь же находились остатки от лука и какого-то деревянного предмета. У самой северной стенки камеры лежал дротик длиной 135 *см* с железным наконечником (рис. 7, *6*). На ногах этого костяка была положена еще одна сабля

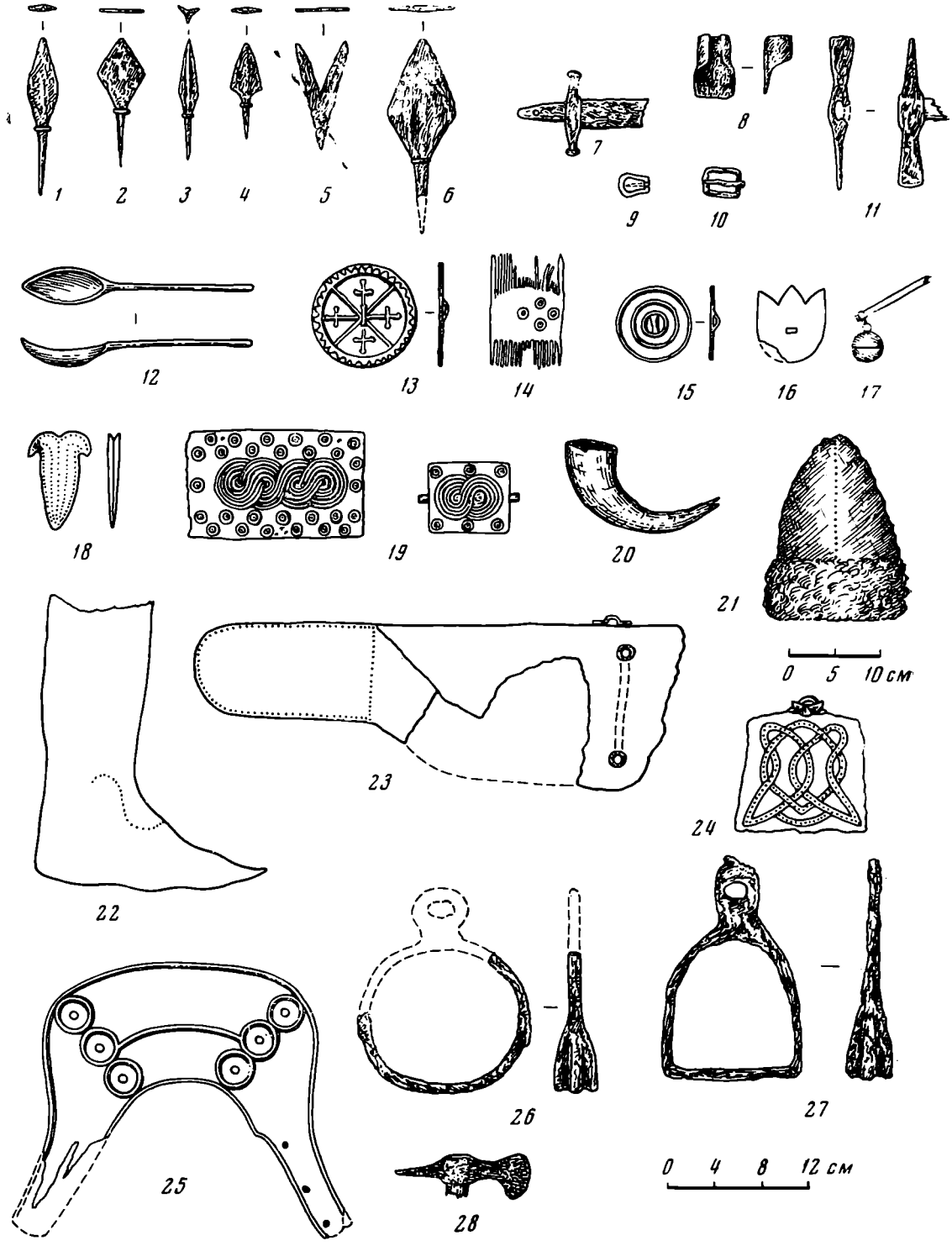


Рис. 7. Рим-Гора. Катакомбы. Инвентарь погребений

длиной 83 *см* с такой же рукоятью. У ног этих погребенных, без следов подстилки, расположен костяк подростка. На нем частично сохранилась кожаная куртка. В области поясницы найден железный нож и железная пряжка (рис. 7, *10*).

Катакомба № 49

Форма камеры и устройство ее потолка аналогичны камере № 48. В катакомбе были погребены шесть человек (рис. 5, *2*), кости которых почти полностью истлели.

Под самым входным отверстием на подстилке из бересты лежал первый костяк. На пояснице найдены железный нож, железная пряжка и бронзовая пластинка, а на грудной клетке пять бронзовых бубенчиков. На ногах

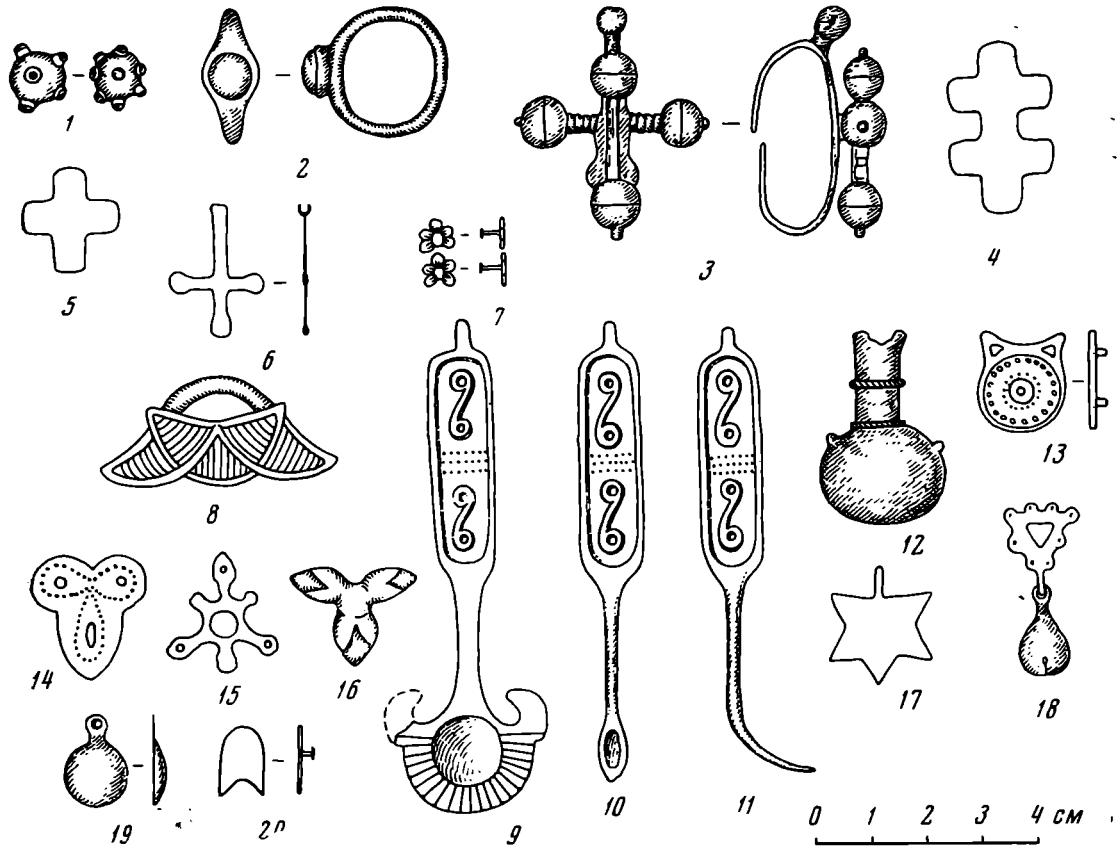


Рис. 8. Рим-Гора. Катакомбы. Инвентарь погребений

частично сохранились ноговицы, доходящие до коленных суставов. Около головы этого костяка стоял деревянный сосуд (рис. 6, *9*), в котором находились два грецких ореха и деревянная ложка (как на рис. 7, *12*). Почти в самом южном углу катакомбы стоял стеклянный кубок желтоватого цвета с накладным рисунком (рис. 6, *7*).

Вплотную к первому на погребальной доске, покрытой берестой, лежал второй костяк; под доской находился слой древесного угля. На погребенном частично сохранилась одежда, под головой лежала подушечка, набитая лепестками хмеля, а под нижней челюстью обнаружена глазчатая пастовая буса. Между этими скелетами стоял красноглиняный сосуд (рис. 6, *8*), в котором лежали 38 лесных орехов (лещина) и 2 буковых.

Третий скелет лежал на подстилке из прутьев (видимо, на носилках, плетенных из хвороста). Под головой вместо подушки лежал плоский камень. Остатки истлевшей одежды доходили до колен, ее ворот украшали мелкие бронзовые бляшки. На груди были найдены пастовая буса и семь бронзовых бубенчиков, а на пояснице — бронзовый «трезубец» (рис. 7, *16*) и бронзовый амулет-складень (рис. 7, *18*) с тканью внутри[6]. Около кисти правой руки находился деревянный сосуд с крышкой (рис. 6, *10*) и бронзовое зеркало (рис. 7, *15*) в шелковом футляре.

[6] У стариков карачаевцев и сейчас встречаются подобные предметы, которые охраняют от «дурного глаза».

Четвертый и пятый костяки лежали на носилках, сделанных в виде лестницы (пятый находился «в головах» у первых костяков). Около коленного сустава костяка № 4 находилась резная деревянная шкатулка (рис. 7, *19*), в которой лежали два деревянных гребня, две кисточки из щетины дикого кабана и два съедобных каштана. Около головы стоял керамический сосуд (рис. 6, *11*). Шестой костяк, детский, лежал в деревянном долбленом гробу, поставленном на ногах костяков № 2 и 3. Ребенок был завернут в небольшой коврик. На остатках черепа довольно хорошо сохранилась шапка, отороченная мехом (рис. 7, *21*). В гробу лежала погремушка в виде палочки, к которой прикреплен крупный бронзовый бубенчик (рис. 7, *17*). У шеи найдены мелкие пастовые и стеклянные бусы.

Крышка гроба состояла из одной доски и была прибита четырьмя деревянными гвоздями. За гробом, у самой восточной стенки, лежала плохо сохранившаяся сабля и прослежены остатки колчана, в котором находилось восемь стрел с железными наконечниками.

Катакомба № 52

В этой камере находилось пять погребенных. Как и в камере № 48, четыре костяка лежали головами на запад, а костяк № 5, у их ног, головой на север. Один скелет находился в долбленом гробу, один на лестниценосилках и три на возвышениях, сложенных из плоских камней, покрытых слоем бересты. В юго-западном углу также стоял круглый столик на трех ножках, на нем были чашка (такая же, как на рис. 6, *2*) и керамический сосуд (аналогичный рис. 6, *5*, но без клейма). Здесь погребенных сопровождали: остатки седла без стремян, рог крупного рогатого скота (рис. 7, *20*), крестообразные бронзовые серьги (рис. 8, *3*) и довольно хорошо сохранившиеся ноговицы (рис. 7, *22*). Интересно отметить, что здесь умершим были положены только ножны от сабли.

Во вскрытой в 1963 г. камере № 5 захоронения были совершены в гробах и на носилках. На плоских крышках гробов, состоявших из одной доски, были прикреплены бронзовые крестики (рис. 8, *4*, *5*). В этой камере найдены обычные бронзовые бубенчики, стеклянный браслет черного цвета, стрелы (рис. 7, *2—4*), кожаный футляр (горит) для лука (рис. 7, *23*) и кожаная сумочка, украшенная шитьем и мелкими бляшками (рис. 7, *24*) [7]. В одной из ограбленных камер с захоронением в гробу был найден нательный бронзовый крестик (рис. 8, *6*).

Для более полного представления об инвентаре этого могильника мы перечислим предметы, найденные в других вскрытых камерах, а также происходящие из катакомб, поврежденных грабителями: керамические сосуды (рис. 6, *12—15*), стеклянный сосуд (рис. 6, *16*), деревянные луки, седла, украшенный резьбой и обложенные листовой бронзой (рис. 7, *25*) [8], стремена для мягкой обуви без подошвы типа ноговиц (рис. 7, *26*) [9], стремена (рис. 7, *27*), аналогичные славянским VII—VIII вв.[10], железная секира (рис. 7, *28*), туалетный набор: копоушка (рис. 8, *10*), ногтечистка (рис. 8, *11*), туалетная ложечка (рис. 8, *9*) и бронзовый флакончик (рис. 8, *12*), бронзовые подвески и украшения, которые были прикреплены к коже и тканям (рис. 8, *7*, *14—20*), золотое украшение, прикрепленное к ремню (рис. 8, *13*).

---

[7] А. П. Рунич. Отчет в Институт археологии за 1936 г. Архив ИА Р — 1, д. 2694.

[8] А. П. Рунич. Отчет в Институт археологии за 1962 г. Архив ИА Р — 1, д. 2454.

[9] Аналогичное стремя найдено в Змейском могильнике. В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, 114, 1963, табл. II, *3*.

[10] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, рис. 39.

Очень многочисленны и разнообразны здесь бусы, сделанные из янтаря, различной пасты, стекла, халцедона, горного хрусталя и сердолика.

Как видно из приведенного краткого описания могильника, основной его особенностью являются своеобразные оформления камер и разнообразие погребального обряда.

В камерах с небольшими полукруглыми входами (обычно 50×50 *см*) погребенные лежат на подстилке из бересты, древесного угля, кошмы и на погребальных досках с отверстиями у их концов, а в катакомбах с прямоугольными входами, размерами 85×40 *см*, в гробах (с бронзовыми крестиками на крышках) и на носилках.

Характерное для этого могильника разнообразие погребального обряда проявляется в том, что в ряде камер в одной катакомбе наряду с захоронением в гробах мы встречаемся с погребениями на носилках, погребальных досках, бересте и древесном угле.

Нет здесь единства и в оформлении потолков камер. В преобладающем большинстве (70%) катакомбы имеют куполообразные потолки, 25% составляют камеры с потолками в виде двухскатной крыши, а остальные в виде стрельчатого свода или почти плоские (рис. 3). Потолки всех этих типов встречаются как в камерах с захоронениями в гробах, так и в чисто языческих катакомбах с погребениями на древесном угле. Было ли различное оформление потолков вызвано только желанием «заказчика» или связано с различными религиозными культами, пока остается неясным.

Особенность этого могильника заключается и в том, что в дромосах многих камер кроме плит, тесаных камней и в одном случае жернова, закрывавших входы в усыпальницы, перед плитой еще стоят массивные глыбы камня со следами грубой обработки, выступающие над поверхностью склона на 20—60 *см* (рис. 3, *4*, *6*). Можно полагать, что эти глыбы являлись своеобразными надгробиями или опознавательными знаками, чего не было замечено в других известных катакомбных могильниках.

Интересно отметить, что в камере № 8 (рис. 3, *6*), вскрытой М. И. Рыбенко и мною, в дромосе стояли три такие глыбы, число которых совпало с числом погребенных.

В этом могильнике довольно хорошо сохраняется деревянная посуда и другие предметы, сделанные из дерева, а также ткани и кожа (наряду с этим кости погребенных почти полностью истлевают).

Гробы и кресты, обнаруженные в катакомбах, указывают на наличие христианства, которое, очевидно, здесь было очень нестойким и переплеталось с чисто языческими обрядами.

Гробы и носилки в катакомбах отмечены в могильниках у Кисловодской мебельной фабрики, около горы «Кольцо» и в других могильниках вокруг Кисловодска [11]. В них найдены стеклянные браслеты, сабли с крестообразными рукоятями, секиры, бубенчики и т. д., сходные с рим-горскими.

Луки седел, наконечники стрел (рис. 7, *1—5*), типы сабель и их рукоятки, бубенчики, ряд керамических и стеклянных сосудов из рим-горского могильника очень близки, а иногда и тождественны таким же предметам из Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии, который датируется XI—XII вв.[12]. Отдельные предметы из рим-горского могильника имеют аналогии в Усть-Тебердинском могильнике X—XII вв.[13]. Наиболее ранняя и хорошо датируемая из вскрытых на Рим-Горе камера № 55, в которой найдена византийская золотая монета Константина VII и Романа II (945—959 гг.).

---

[11] А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска, СА, 1963, 3, стр. 241—244.

[12] В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 62—136, рис. 8, табл. III, *1*; VI; XII, *6*.

[13] Т. М. Минаев. Могильник в устье реки Теберды. Материалы по истории Ставропольского края. 7, Ставрополь, 1955, рис. 3, *1*, *3*; 4, *5*, *9*; 5, *5*, *6*, *7*; 6, *6*, *10*, *11*.

Все это в целом дает основание считать, что захоронения во вскрытых катакомбах совершались в X—XII вв. Значение исследованного могильника, самого крупного из известных могильников этого времени, состоит в том, что он дает новый и очень интересный материал еще слабо изученной позднеаланской культуры Северного Кавказа.

При сопоставлении могильника Рим-Горы с синхронными могильниками Кисловодска и катакомбами станицы Змейской обнаруживается не только их общность, но и своеобразные отличия в погребальных обрядах. Обращает на себя внимание довольно широкое применение в Кисловодских и рим-горских катакомбах гробов и других деревянных погребальных конструкций, не встречавшихся в Змейских катакомбах, а также наличие «опознавательных камней» в дромосах. То же следует сказать и о плоских камнях, положенных под головами некоторых погребенных, в катакомбах Рим-Горы и в катакомбах этого же времени в районе Кисловодска.

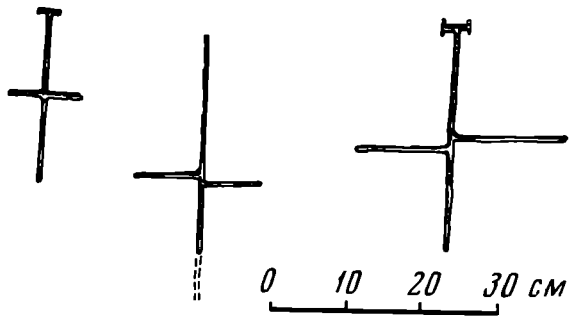


Рис. 9. Рим-Гора. Знаки, высеченные на стенке камеры

Очень своеобразно, что в катакомбах Рим-Горы встречается незначительное число сосудов, а в некоторых камерах они совсем отсутствуют. Совсем не обнаружено керамики в катакомбах этого же времени в районе Кисловодска, в то время как в Змейских катакомбах ее очень много, но там нет деревянных столиков.

Все эти факты говорят о локальных различиях в быте племен, не только живших на территории теперешней станицы Змейской и в Кисловодской котловине, но и о племени, оставившем рим-горский могильник, расположенный всего в 17 *км* от Кисловодских катакомбных могильников.

Вторая группа катакомб

Эта группа камер расположена выше лестниц, ведущих на Рим-Гору. Все они вырублены в обнаженных выступах песчаника, вдоль которых по карнизу шириной около 3 *м* проходят верхние части дорог. Таким образом, чтобы попасть в эту естественную крепость, нужно было подняться по лестницам, высеченным в скале, миновать ворота, от столбов которых теперь сохранились только углубления в скале, пройти по карнизу мимо этих камер и только после этого выйти на вершину.

Из шести имевшихся здесь камер, доступных для осмотра, осталось только три — остальные обрушились и об их существовании свидетельствуют только правильной формы ямы в песчанике (в основном круглые, диаметром 3—4 *м*).

Одна из камер, расположенная у самой южной лестницы, имеет вид прямоугольника, ее потолок в виде двухскатной крыши (рис. 3, 7). Особенно на потолке отчетливо видны следы инструмента, которым крыша вырубалась (таким инструментом делались и катакомбы первой группы). На северной стенке камеры обнаружены высеченные знаки в виде трех крестов (рис. 9).

Вторая камера, состоящая как бы из двух соприкасающихся кругов, находится у северной лестницы. Из сравнения плана и вида этой камеры с рисунком № 110, приведенным у Н. Е. Макаренко, становится очевид-

ным, что это одна из тех «пещер», которые он описал, но кресты и знаки, им отмеченные, здесь уже не сохранились [14].

Путем шурфования установлено, что дно всех этих «пещер» находится на 30—70 *см* ниже уровня скалы. Это позволяет сделать вывод, что они не могли образоваться от выветривания песчаника, а сделаны искусственно. У дна этих камер найдены обломки керамики и разбитые кости животных (в основном баранов, изредка свиньи и крупного рогатого скота).

Эти камеры не были пещерами, как писал Н. Е. Макаренко, они сделаны рукой человека и, очевидно, были своеобразными караульными помещениями, служившими для укрытия стражи от ненастной и холодной погоды. Об этом свидетельствует также их расположение у ворот при входе в «крепость», где должна была находиться стража, но никак не могильные или другие сооружения.

Третья группа катакомб

Третья группа камер обнаружена нами в 1939 г. на западном склоне Рим-Горы. Эти катакомбы расположены в один ряд с юга на север и выдолблены в обнаженном выступе песчаника. Вследствие этого дромосы и входные отверстия всех 12 камер открыты и хорошо просматриваются. Этим они резко отличаются от остальных катакомб, которые хорошо скрыты и обнаруживаются только при земляных работах или в результате случайных провалов.

В 30—40 *м* по склону ниже камер находится скала высотой около 7—8 *м*, она, выступая из склона в виде естественного бастиона, господствует над ниже расположенным колодцем, выдолбленным в песчанике.

Примерно на середине склона между этими катакомбами и родником (колодцем) проходят остатки вала. Следы этого оборонительного сооружения прослеживаются на протяжении 750—800 *м* вдоль западного склона Рим-Горы. По наружной стороне этого вала местами сохранились остатки каменной обкладки, служившей для его укрепления. У северного и южного окончания вал поворачивает на восток и, поднимаясь по склону, подходит к отвесным скалам, преграждающим доступ на вершину Рим-Горы (рис. 1).

Таким образом, оказывается, что третья группа катакомб находится в черте первого оборонительного рубежа, который связывает с плоской вершиной Рим-Горы три лестницы из четырех имеющихся в этой естественной крепости. Кроме общего оборонительного значения этот вал и особенно «бастион» играл большую роль, так как с него можно было контролировать подступы к единственному питьевому источнику, а в случае необходимости прикрывать стрелами спускавшихся из крепости для пополнения запасов воды.

Все камеры этой группы в плане имеют вид почти правильного круга или овала (рис. 3, *8*). Потолки куполообразные. Стены и потолки отесаны теслом и только на стенках дромосов видны следы остроконечного инструмента.

Под входами в эти камеры оставлены выступы в виде столбиков или сделаны небольшие ниши. Эти «ступеньки» стерты, что свидетельствует о длительном их использовании. В стенах многих камер устроены небольшие ниши размерами 24×27 *см* и глубиной 20—25 *см*. В большинстве камер под входом сделано углубление, а остальная часть пола несколько приподнята и имеет вид лежанки (рис. 3, *8*).

Расчистка пяти камер № 4, 5, 8, 11, 12 (считая с севера) дала интересные результаты. В то время как в первой группе даже в ограбленных камерах мы находим обломки человеческих костей и остатки инвентаря (бубен-

[14] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 121—125.

чики, бусы, обломки досок, угли и т. д.), здесь не было найдено ни одного обломка человеческой кости и следов инвентаря. Вместо этого тут обнаружены в значительном количестве разбитые кости животных, сохранивших на себе следы варки (кости баранов, свиньи и крупного рогатого скота). Кроме костей здесь встречались обломки керамики того же типа, как на склонах Рим-Горы и на самом поселении. Среди этих обломков найдены части керамического котла с внутренними ручками, часто встречающиеся на самой Рим-Горе, ее склонах и на поселении.

Ниже камер опять обнаружены разбитые кости животных и черепки от сосудов, чего нет на могильнике.

Около этих камер нами обнаружены еще остатки цистерны, выдолбленной в этом же обнажении песчаника.

Все это указывает, что и эти камеры, видимо, также не были могильными сооружениями, а были специально предназначены для стражи, охранявшей в основном питьевой источник [15].

A. P. Rounitch

LES CATACOMBES DE L'ÉPOQUE DES ALAINS SUR LE MONT — RIME (RIME-GORA)

Résumé

Les vestiges de la ville de Rime-gora est un monument important de l'aube du moyen âge au Caucase Nord. Les catacombes qui y existent se subdivisent en deux types. Au premier type se rapportent les cellules qui servaient de locaux de garde. Le deuxième représente des sépultures pratiquées dans le grès. La superficie occupée est près de 16—17 hectares. Les dimensions de ces cryptes atteignent 16—17 mètres carrés. Les plafonds sont surtout sphériques, mais on en rencontre aussi sous la forme de toit à deux égouts ou d'une voûte en ogive. Les inhumés sont disposés sur une couche de charbon, sur l'écorce de bouleau, sur des échelles-brancards et dans des cercueils en bois. Le mobilier est varié: des vases en céramique, en bois et en verre, des bracelets en bronze et en verre, de petites tables en bois, des sabres en fer, des pointes de flèches, des couteaux, des outils à tailler, des miroirs, des assortiments de toilette, des grelots, des parures de toutes sortes, des perles, etc.

La sépulture est datée des X—XII ss.

---

[15] Рим-горские находки хранятся в Пятигорском краеведческом и в Кисловодском народном музеях.

За активную помощь при исследовании рим-горского могильника приношу благодарность краеведу города Кисловодска Н. Н. Михайлову, научным сотрудникам Пятигорского краеведческого музея Е. Е. Ивашневу и М. И. Рыбенко, студентам Г. Е. Афанасьеву и Э. В. Ртвеладзе, а также членам Кисловодской археологической секции А. Агачеву, М. Гуськову, В. Лученкову, В. Козлову, В. Пронину, С. Пьянкову и В. Ценцера.

Заметки

М. Н. ПЕТРОВ

СТОЯНКИ РАЗВИТОГО НЕОЛИТА В СЕВЕРНОМ ПРИИЛЬМЕНЬЕ

Долгое время о неолитических памятниках на северном побережье оз. Ильмень было известно лишь по работам новгородского любителя-краеведа В. С. Передольского, исследовавшего в 1888 г. стоянку Коломцы, и Г. П. Гвоздилова, описавшего стоянку на Рюриковском городище [1]. В 1961—1962 гг. рекогносцировочные раскопки на Коломцах произвела Н. Н. Гурина [2]. В течение последних лет северное Приильменье обследовалось силами студентов и преподавателей кафедры истории Новгородского государственного педагогического института и сотрудниками Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством проф. С. Н. Орлова. В 1964 г. автором были проведены работы на неолитической стоянке Стрелка [3].

Осенью 1967 г. отряд экспедиции по изучению древних шахт (Н. Н. Гурина) подверг сплошному обследованию северное побережье оз. Ильмень, в результате чего был выявлен ряд стоянок эпохи развитого неолита [4].

Абсолютная высота оз. Ильмень при низком уровне вод 16 *м*, при высоком — до 23 *м* [5], в среднем же современная высота озера — 19 *м*. К югу от Сиверсова канала начинается область Ильменской поймы, сложенной глинистым аллювием. По ней вьются узкие речки, имеется множество мелких озер. Километра на два от берега тянется задернованная пойма (19—20 *м* абсолютной высоты), которая местами круто обрывается к воде, образуя иногда песчаные отмели. Надпойменная терраса выражена довольно отчетливо и имеет высоту до 26 *м* над ур. моря, понижающуюся по мере удаления от поймы.

Культурный слой стоянок представляет массу темной гумусированной глины с раковинами Unio [6], перекрытой отложениями Ладожской трансгрессии, которую принято относить к началу II тысячелетия до н. э. Трансгрессия Ладоги привела к затоплению приильменских стоянок [7].

[1] В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893; Г. П. Гроздилов. Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхов. БКИЧП, 6—7, М.—Л., 1940, стр. 36—38.

[2] Н. Н. Гурина. Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, 144, 1967, стр. 188—189.

[3] М. Н. Петров. Неолитическая стоянка «Стрелка» в Новгородской области. СА, 1966, 3, стр. 212—215.

[4] До наших работ часть побережья была обследована бывшим сотрудником Новгородского музея-заповедника М. М. Аксеновым, но письменный отчет в музей представлен не был, собранный подъемный материал разрознен, часть стоянок, возможно, пришлось переоткрывать заново.

[5] Л. Прасолов. Почвы заливных лугов по берегам р. Волхова и оз. Ильменя. Материалы по обследованию реки Волхова и его бассейна. IV, Л., 1925; Н. Н. Соколов. Геоморфологический очерк района р. Волхова и оз. Ильменя. Материалы по обследованию р. Волхова и его бассейна, VII, Л., 1925.

[6] В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников...

[7] Г. Н. Лисицына. Вопросы палеогеографии неолита районов Северо-Запада Европейской части СССР. Стр. 575. Приложение к монографии Н. Н. Гуриной «Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР». МИА, 87, 1961.

Над культурным слоем постепенно накопился слой аллювия. На Коломцах он достигал мощности до 2 *м* (по В. С. Передольскому), от 0,5 до 2 *м* (по А. А. Иностранцеву), свыше 1,5 *м* (по Н. Н. Соколову) [8].

Этот слой представляет собой темные илистые глины, богатые растительными осадками, с ржавым налетом, близким к красному цвету. Состав и богатство растительными остатками указывают на лагунный характер отложений глины (по-видимому, они отлагались в тихих заросших заливах) [9]. В настоящее время весенние паводки заливают пойму, размывают стоянки. Над многими из них уже не существует наносов Ладожской трансгрессии.

Все известные неолитические стоянки северного Приильменья обнаружены на песчаном пляже берега самого оз. Ильмень; многочисленные речки и озерки поймы совершенно заросли у берегов болотной травой и не пригодны для внешнего осмотра. Стоянки расположены у самой воды, чуть отступая или находясь около бровки поймы (высота которой 50—70 *см*). Они сильно размыты. Можно выделить следующие долговременные и сезонные стоянки.

1. Рюриково Городище. Стоянка находится в верховьях р. Волхов, на мысу, образованном берегами Волхова и Сиверсова канала. Исследовалась Г. П. Гроздиловым [10].

2. Коломцы. Впервые найдена и изучена В. С. Передольским [11]. К сожалению, коллекция была утеряна во время войны. Собранный в послевоенное время многочисленный подъемный материал хранится в Новгородском музее-заповеднике и учебном музее Новгородского пединститута. Из находок 1967 г. обращают на себя внимание долота четырехугольных очертаний из темного шлифованного сланца (рис. 1, *1—3*), подчетырехугольные скребки на отщепах с двумя-тремя рабочими краями, обработанными отжимной ретушью (рис. 1, *4*).

Керамику по характеру орнаментации и примесям в тесте можно разделить на пять групп. Фрагменты сосудов с глубоким ямочным орнаментом (I группа) составляют 41% общего числа, с гребенчатым (II группа) — 28%, ямочно-гребенчатым (III группа) — 20%. Толщина стенок 7—11 *м*, в тесте — примесь крупного песка или шамота Венчик скошен внутрь и нередко орнаментирован мелкой гребенкой. Такая керамика аналогична посуде прибалтийских и приладожских стоянок [12].

Четвертую группу составляет керамика с орнаментом из сдвоенных ямок (около 2% от общего числа фрагментов). Толщина стенок 6—7 *мм*, в качестве примеси использован мелкий песок, шамот, растительные волокна, оставившие после себя пустоты. Подобная керамика известна в инвентаре ряда Валдайских стоянок [13]. Наконец, особо выделяется керамика с примесью раковин Unio, составляющая около 10% общего числа фрагментов, тонкостенная с очень поверхностным ямочным орнаментом.

3. Стрелка [14]. На ней найдена керамика с примесью раковин Unio в общем близкая нарвской.

4. Ящерово. Стоянка расположена в 600 *м* к востоку от протоки, соединяющей оз. Ильмень с оз. Ящерово, в 800 *м* к западу от мыса между

---

[8] В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников..., стр. 21; А. А. Иностранцев. Отчет о поездках в местность «Коломцы», ИАК, 17, 1905, стр. 129; Н. Н. Соколов. Геоморфологический очерк, стр. 27.

[9] Н. Н. Соколов. Геоморфологический очерк..., стр. 280; Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 563.

[10] Г. П. Гроздилов. Неолитическая стоянка у с. Городище...

[11] В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников...

[12] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959, стр. 219, рис. 28; Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 368—369.

[13] Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, 3.

[14] М. Н. Петров. Неолитическая стоянка «Стрелка».

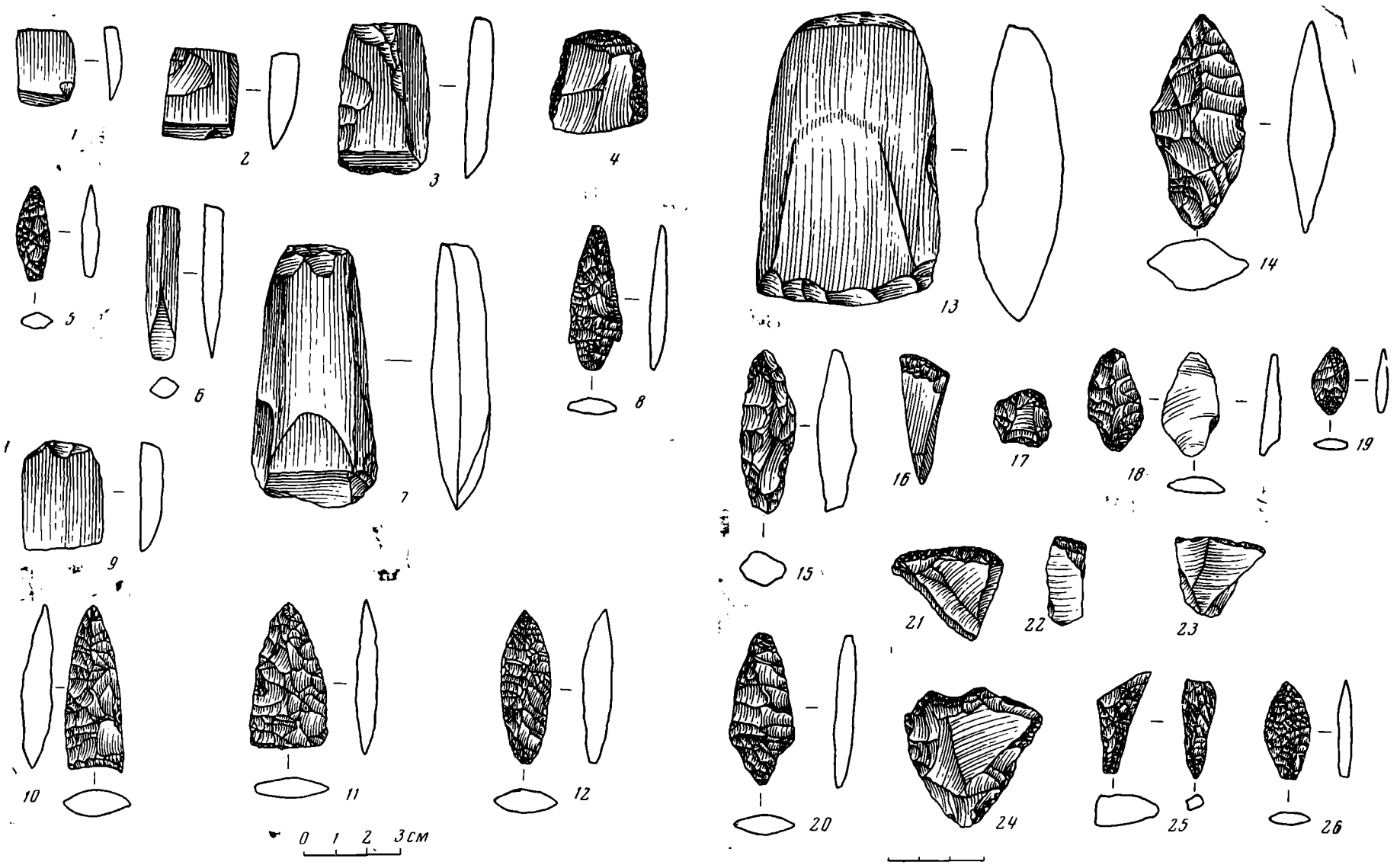


Рис. 1. Каменный инвентарь неолитических стоянок Северного Приильменья

оз. Ильмень и Малым Аркадским заливом. Собран многочисленный подъемный материал: наконечники стрел черешковой и листовидной формы (рис. 1, *5*), фрагменты наконечников дротиков, скребки подчетырехугольных очертаний с округлым рабочим краем или одним-двумя ретушированными краями, керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом или узорами из сдвоенных ямок. Интересна шиферная стамеска, сделанная на шлифованном, уплощенном на одном конце стержне ромбовидного сечения (рис. 1, *6*). Маленькая площадь (не более 40 *м*^{2}); незначительное число фрагментов керамики и отщепов говорят о временном характере стоянки.

5. Красная Рель I. Расположена в 500 *м* к западу от восточного мыса о. Красная Рель. Находки рассеяны на значительной площади. Встречены наконечники стрел листовидной формы с двусторонней обработкой и черешковые, на ножевидных пластинках; крупные шлифованные орудия из темного сланца (рис. 1, *7*), близкие по форме прибалтийским [15], скребки на отщепах и ножевидных пластинках с двумя-четырьмя ретушированными рабочими краями, скобель на отщепе с полукруглым рабочим краем, отщепы и ножевидные пластины с частичной сработанностью по краям. На то, что орудия частично изготовлялись на месте, указывают нуклеусы призматической формы, грубо оббитые куски кремня, несколько сот различной величины отщепов и чешуек кремня. Немногочисленные фрагменты керамики с примесью песка и шамота украшены поверхностным узором из ямок, гребенки и сдвоенных ямок.

6. Красная Рель II. Расположена в 250 *м* к востоку от стоянки Красная Рель I. Немногочисленные находки, в основном скребки и отщепы, указывают на временный характер стойбища.

7. Городские Ворота I. Расположены в 600 *м* к западу от восточного мыса острова, напротив оз. Колоденского, в проливе Городские Ворота между оз. Ильмень и Большим Аркадским заливом. Находки — наконечник стрелы, близкий сейминскому (рис. 1, *8*) [16], долото шлифованное, четырехугольных очертаний из серого сланца (рис. 1, *9*), несколько грубо оббитых кусков кремня. Отщепы и чешуйки разбросаны на площади около 300 *м*^{2}.

8. Городские Ворота II. Расположены в 150 *м* к востоку от стоянки Городские Ворота I. Площадь ее около 400 *м*^{2}. Найдены наконечники стрел треугольной формы с асимметричным вогнутым основанием (рис. 1, *10*) [17], треугольной формы с широким прямым насадом (рис. 1, *11*) [18], листовидные с тщательной двусторонней обработкой (рис. 1, *12*); тесло из зеленовато-серого сланца четырехугольной формы, с почти симметричной рабочей частью (рис. 1, *13*) [19], на изготовление орудий на месте указывают заготовки наконечников стрел (рис. 1, *14*), более 30 грубо оббитых кусков кремня, около двухсот отщепов. В то же время найден только один фрагмент керамики — черепок со слабо оттиснутым гребенчатым штампом.

9. Бельская. Расположена в 100 *м* к западу от восточного мыса острова, между Бельским заливом и проливом у Воецкого острова. Находки состоят из фрагмента наконечника стрелы листовидной формы, заготовок наконечников стрел, обработанных крупной ретушью (рис. 1, *15*), скребков подтреугольных и подчетырехугольных очертаний, с одним-двумя рабочими краями, обработанными отжимной ретушью (рис. 1, *16*, *17*); несколько грубо оббитых кусков кремня и отщепов.

---

[15] Л. Ю. Яницс. Поселения эпохи неолита и раннего металла..., стр. 223, рис. 30.

[16] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА. 110, 1963, стр. 91.

[17] И. В. Гаврилова. Типы наконечников стрел Костромского Поволжья. МИА, 131, 1965, стр. 210.

[18] Там же.

[19] Л. Ю. Яницс. Поселения эпохи неолита и раннего металла..., стр. 210, рис. 23.

10. Наволок. Находится в 600 *м* к югу от дер. Наволок, на берегу пролива, между деревнями Наволок и Войцы [20]. Узкой и длинной полосой стоянка вытянута вдоль берега пролива, занимая площадь около 2 тыс. *м*^{2}.

Найдены наконечники стрел ромбовидной и черешковой формы на ножевидных пластинах с одной тщательно ретушированной, а другой гладкой сторонами (рис. 1, *18*, *19*) [21], черешковые с двусторонней обработкой (рис. 1, *20*), скребки на отщепах с одним-двумя рабочими краями (рис. 1, *21—23*), скобели на отщепах с полукруглым ретушированным рабочим краем (рис. 1, *24*), резец, сверло с тщательно ретушированной округлой рабочей гранью, аналогичное сверлу с Усть-Рыбежны I (рис. 1, *25*) [22].

Керамика по характеру орнаментации делится на три группы: с гребенчатым (43% общего числа фрагментов), ямочным (41%) и смешанным ямочно-гребенчатым орнаментом (16% общего числа). Вся она толстостенная, до 10 *мм*, орнамент глубокий, в качестве примесей использованы песок и шамот; венчик прямой, неорнаментированный, с утолщением внутри. Обращает на себя внимание необычное обилие мелких отщепов кремня и чешуек (от 7 × 11 до 25 × 27 *мм*), которых собрано около 1,5 тыс. экз. Такого обилия отщепов и чешуек на других стоянках северного Приильменья не наблюдается.

11. Нильский ручей I,— в 150 *м* к северу от устья впадающего в Воецкую губу Нильского ручья. Найдены скребок на ножевидной пластинке, подчетырехугольный, с четырьмя рабочими краями, и отщеп кремня средних размеров.

12. Нильский ручей II. Расположен в северной части Воецкой губы. Отсюда происходят две находки — наконечник стрелы листовидной формы (рис. 1, *26*) [23] и отщеп кремня средних размеров.

13. Телятник. Отдельная находка нескольких отщепов кремня на северном мысу о. Телятник в заливе Воецкая губа.

14. Воецкий остров. На южном берегу найдены два каменных наконечника стрел листовидной формы. Хранятся в учебном музее Новгородского пединститута.

Судя по описаниям В. С. Передольского, на Коломцах была найдена керамика с примесью толченой раковины Unio. Это дало основание Н. Н. Гуриной предположить наличие в Приильменье поселений, аналогичных стоянке Нарва III [24]. К сожалению, все сборы В. С. Передольского с Коломцов погибли, рекогносцировочные раскопки Н. Н. Гуриной на Коломцах в 1961—1962 гг. не дали подобной керамики, однако нам известен один фрагмент, найденный С. Н. Орловым на Коломцах (хранится в учебном музее Новгородского пединститута). Это довольно тонкостенный черепок черного цвета с обильной примесью толченой раковины Unio в тесте, без орнамента. В 1967 г. автором также были найдены несколько десятков небольших фрагментов керамики с примесью раковин (см. выше). Эта очень близкая к нарвской керамика периферийных стоянок Коломцы и Стрелка.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. северное Приильменье подвергалось заселению пришлого населения и стало местом обитания в основном племен прибалтийской неолитической культуры; некоторые элементы в материальной культуре говорят о несомненном влиянии валдайской неолитической культуры.

---

[20] Впервые стоянку открыл С. Н. Орлов, собранный подъемный материал хранится в учебном музее Новгородского пединститута.

[21] Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура..., стр. 36—37.

[22] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 345, 352.

[23] Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Сб. «Древние поселения и городища». I, Таллин, 1955, табл. XXXV.

[24] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 78; ее же. Из истории древних племен..., стр. 192.

В начале II тысячелетия до н. э. в результате Ладожской трансгрессии пойма оказалась затопленной водами Ильменя. Население вынуждено было селиться на высокой надпойменной террасе или на дюнных всхолмлениях в пойме, на высоте не менее 26 *м* над ур. моря, т. е. на 6—7 *м* выше, чем ранее.

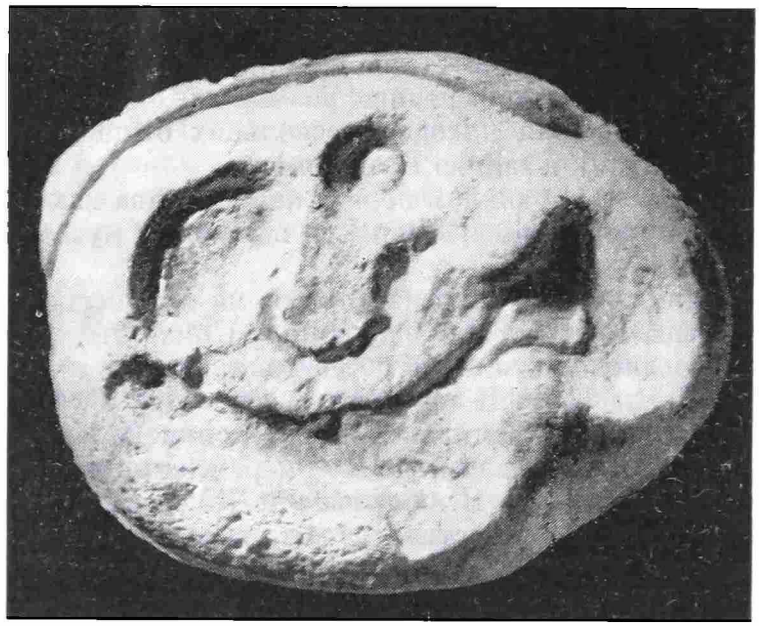
По развитию материальной культуры эти племена можно отнести к эпохе позднего неолита — раннего металла. К сожалению, такие стоянки найдены и выделены в самостоятельную группу недавно, подъемный материал немногочисленный, и лишь последующие исследования помогут ответить на многие вопросы, связанные с этой эпохой в истории северного Приильменья.

Н. А. ЧЕРНИЦИН

ТОТЕМНЫЙ ЗНАК НА ГАЛЬКЕ

Весною 1968 г. ученик Тотемской школы № 2 Колычев Володя на бичевнике р. Сухоны в районе Черняковской стоянки поздней поры неолита [1] среди речного галечника нашел камень (кремнистый известняк) с изображением (рисунок).

Камень имеет овальную форму, длина его 18,3, ширина 14,2, толщина 3 *см*. На верхней обработанной поверхности имеются многочисленные



следы насечек, мелких углублений, следы ударов орудий, при помощи которых был создан весь рисунок. Рисунок окаймлен ободком от 1 до 4 *мм* глубины при разной ширине.

Изображение, по-видимому, совы, напоминает наскальные изображения, в частности глаза «Бесова носа» [2]. На тотемской находке глаза разделены расширяющимся к низу носом. Верхняя часть его выражена четко, а нижняя сохранилась плохо. Этот памятник связан, вероятно, с религиозными тотемистическими представлениями обитателей Черняковской стоянки, которые своим родовым тотемом, по-видимому, считали сову. Находка эта — их тотемный знак.

[1] Н. А. Черницин. Черняковская стоянка. Тотьма, 1928.

[2] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. 1, Л., 1936, табл. 29, рис. 42.

Б. А. ШРАМКО

ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ЗОЛОТЫХ УКРАШЕНИЙ РЕМЕСЛЕННИКАМИ СКИФИИ

Вопрос об изготовлении золотых украшений местными ремесленниками Скифии изучен слабо, хотя сами золотые украшения и, в частности, нашивные бляшки разных типов часто встречаются в богатых погребениях лесостепной и степной Скифии. Часть этих бляшек с изображениями людей, животных, мифологических существ или геометрических узоров является продукцией мастерских в античных городах Северного Причерноморья, где техника изготовления их была хорошо освоена и где найдены соответствующие штампы [1]. Важную роль в производстве этих украшений играли, видимо, города Боспора [2].

Часть золотых украшений, несомненно, производилась местными мастерами в лесостепной и степной Скифии, где использовали для этого привозное сырье или перерабатывали металлический лом. На это обстоятельство исследователи не обращают должного внимания, хотя оно важно для правильного понимания общего уровня развития хозяйства и культуры племен Скифии. О деятельности этих местных ремесленников скифской эпохи свидетельствуют прежде всего орудия в виде бронзовых штампов, обнаруженных в ряде пунктов. Так, штамп для тиснения золотых бусин был найден у с. Стайки на Киевщине [3], штамп для тиснения бляшек обнаружен на селище у с. Большая Даниловка под Харьковом [4] и, наконец, штамп для тиснения бляшек в виде львиной лапы имеется в собрании И. П. Грязнова среди вещей, происходящих с Каменского городища [5]. К сожалению, из всех этих орудий удовлетворительно опубликован лишь штамп Каменского городища. Остальные в настоящее время утеряны, а в литературе о них имеются лишь краткие упоминания. Поэтому каждая новая находка таких орудий вызывает особый интерес и заслуживает тщательного изучения.

Одним из очень ранних и, несомненно, крупных ремесленных центров в лесостепной Скифии уже во второй половине VII — начале VI в. до н. э. было Бельское городище в Полтавской области. На Западном и Восточном поселениях Бельского городища, а также в Большом Бельском городище зафиксировано немало остатков, свидетельствующих о наличии местной обработки черных, цветных и благородных металлов [6]. Здесь найдены слитки меди, бронзы, олова и золота; куски железной и медной руды; шлаки, связанные с добычей железа, меди и бронзолитейным производством; обломки литейных форм, тиглей и льячек, бракованные изделия, полуфабрикаты и плавильная печь, которую использовали мастера-бронзолитейщики.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, т. VI, 1940, стр. 298—306; И. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 163, рис. 2, 7—8; Л. П. Харко. К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье. МИА, 96, 1961, стр. 223—224.

[2] Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 159—176.

[3] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. III. Киев, 1900, Прилож. стр. 7.

[4] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 209.

[5] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 134, рис. 13, 5.

[6] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г., Тр. XIV АС, III, М., 1911, стр. 110, 121—125 и др.; Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 42—47; Б. А. Шрамко. Исследования лесостепной полосы УССР. АО, 1966, М., 1967, стр. 199; его же. Исследования Западного и Восточного Бельских городищ. АО, 1968, М., 1969, стр. 273—274.

Рис. 1

1 — нижняя часть бронзового штампа для тиснения золотых бляшек, вид сверху. Бельское городище; *2* — то же, вид снизу; *3* — бронзовый штамп для тиснения золотых бляшек, вид сбоку. Каменское городище; *4* — изображение на рабочей части штампа из Каменского городища

Однако даже среди этих разнообразных находок выделяется своей уникальностью и важностью для характеристики технологического процесса предмет, который был обнаружен при раскопках на Восточном Бельском городище в 1968 г. Этот предмет (рис. 1, *1—2*; 2, *1*) представляет собой довольно массивное бронзовое изделие, отлитое в двухстворчатой литейной форме, о чем ясно свидетельствуют хорошо заметные с двух сторон литейные швы. Длина изделия 91 *мм*, ширина 27 *мм*. Поперечное сечение треугольное. В плане изделие имеет форму, напоминающую прямоуголь-

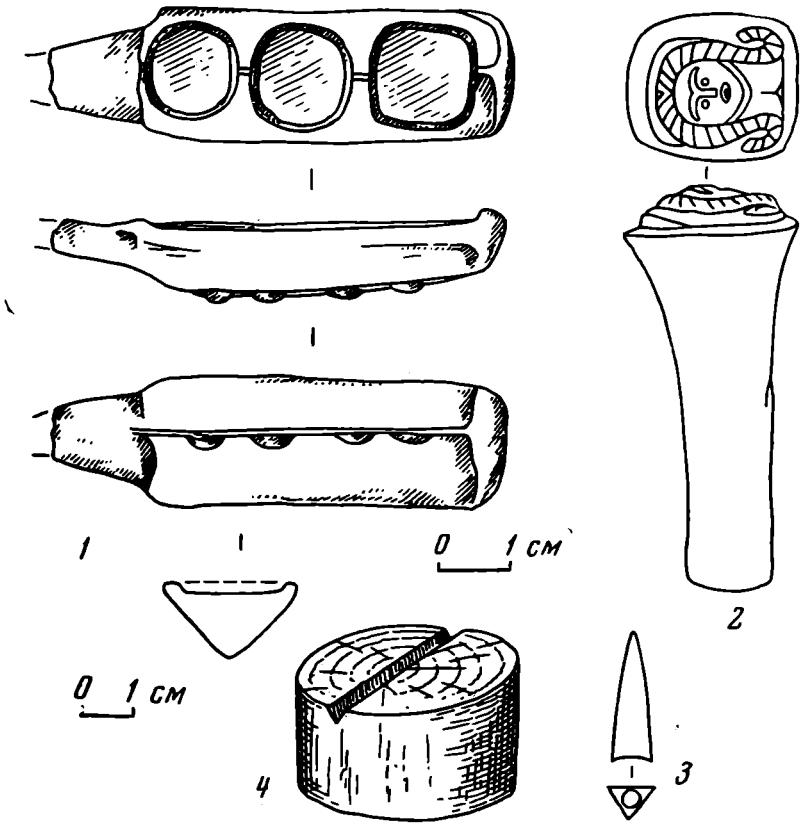


Рис. 2.

1 — нижняя часть бронзового штампа для тиснения золотых бляшек. Бельское городище; *2* — бронзовый штамп для тиснения золотых бляшек, найденный на Каменском городище; *3* — бронзовый наконечник стрелы из раскопа № XVI. Восточное Бельское городище; *4* — схематический рисунок деревянной подставки для нижней части бронзового штампа

ник с закругленными углами, от одной из малых сторон которого отходит отросток длиной около 17 *мм* со следами старого излома на конце. Вдоль длинной оси основной части предмета имеется три различных по величине и по форме углубления. Наименьшее из них, расположенное вблизи упомянутого отростка, имеет форму не совсем правильного круга, диаметр которого колеблется в пределах 19—19,5 *мм*. Среднее углубление имеет диаметр 19,5—20 *мм*. Наконец, последнее сделано в виде прямоугольника с закругленными углами. Расстояние между противоположными сторонами этого прямоугольника 21,5 и 20 *мм*. Глубина этих углублений колеблется от 1,8 до 2,5 *мм*. Вдоль ребра нижней части предмета расположены четыре небольших шипа, выступающих на 1,5 *мм*. Ширина шипов 4,5—5 *мм*.

Предмет покрыт темно-зеленой эмалевидной патиной, но в трех округлых углублениях основной части предмета патина более тусклая и имеет сероватый оттенок. Для того чтобы выяснить причину этого явления, был, сделан химический анализ двух проб. Первая проба взята с боковой части предмета, а вторая из округлого углубления в верхней части изделия. Анализ первой пробы показал, что предмет сделан из оловянистой бронзы, содержащей 11,7% Sn с незначительной примесью Sb и Ni, которые попали

в металл из руд. Второй анализ показал, что проба, взятая из округлого углубления, в отличие от первой имеет в своем составе свинец (около 1,8%).

Эти данные позволяют уверенно говорить о том, что обнаруженный на Восточном Бельском городище предмет представляет собой нижнюю часть бронзового штампа для тиснения золотых бляшек. Технологию изготовления бляшек в данном случае можно представить себе в следующем виде. Рассматриваемый предмет, игравший роль своеобразной фигурной наковаленки, клали на какую-либо подставку в виде деревянного чурбака с выемкой треугольного сечения (рис. 2, *4*). Слегка приподнятый вверх боковой отросток (конец которого, видимо, обломан) служил рукояткой, за которую мастер удерживал нижнюю часть штампа. В округлые углубления вставлялись свинцовые прокладки, смягчавшие удар верхнего штампа, который без этого мог разорвать тонкий золотой листок. Примечательно и наличие шипов в нижней части изделия. Гребень с шипами предотвращал скольжение нижней части штампа по деревянной подставке во время удара верхним штампом и тем самым обеспечивал получение четкого изображения на бляшке. Такое приспособление позволяло довольно быстро штамповать бляшки трех разных типов, т. е. было рассчитано на массовое ремесленное производство.

Описанная нижняя часть штампа найдена на Восточном Бельском городище в чистом культурном слое скифской эпохи раскопа № XVI на глубине 40 *см*, рядом с бронзовым наконечником стрелы (рис. 2, *3*). Наконечник этот относится к числу трехгранных пирамидальных наконечников со скрытой втулкой, которые обычны в комплексах IV—III вв. до н. э.[7]. В этих пределах, а по общему характеру культурного слоя скорее всего IV в. до н. э., следует датировать и найденную рядом часть бронзового штампа.

Прекрасным дополнением к этой находке служит другое орудие, которое в марте 1969 г. подарил Археологическому музею Харьковского университета С. Н. Коновалов. Это верхний бронзовый штамп, предназначенный для тиснения золотых бляшек (рис. 1, *3—4*; 2,*2*). Найден он случайно при сборе подъемного материала на песчаных дюнах степного Каменского городища на левом берегу Днепра. Он несколько напоминает по общей форме найденный здесь ранее штамп для тиснения бляшек в виде сильно схематизированной львиной лапы[8], но все же имеет ряд отличий. Новый штамп имеет не конусовидно-цилиндрическую, а пирамидальную форму и почти в полтора раза больше первого. Общая длина нового штампа 53 *мм*, ширина четырехугольной верхней площадки, по которой били молотком, 11 *мм*. Прямоугольное основание штампа имеет размеры 20××22,5 *мм*. Над этим основанием выступает до 8 *мм* выпуклое изображение женской головки в головном уборе типа калафа. Из-под головного убора по обе стороны головы симметрично опускаются длинные волосы в виде двух кос с загнутыми вверх концами. Выпуклые полукружия бровей плавно переходят в слабо выступающий нос. Глаза круглые. Рот имеет форму овала. Чуть намечено углубление в верхней части груди. Размер изображения 16,5×18,5 *мм*. Таким образом, бляшки, для которых предназначался этот верхний штамп, вполне можно было изготавливать с помощью нижней части штампа такого же типа и размера, который был найден на Бельском городище. Видимо, технология изготовления подобных украшений была на этих двух городищах очень близка, несмотря на большие различия в культуре степных скифов и лесостепного нескифского населения.

Химический анализ показал, что новый штамп, найденный на Каменском городище, сделан из оловянистой бронзы, содержащей около 22%

---

[7] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1—4, М., 1964, стр. 25, табл. 9.
[8] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 134, рис. 13, *5*.

Sn с небольшой примесью Pb (0,63%), Ni (0,11%) и со следами Zn и Sb. Такой сплав имел достаточную твердость, которая обеспечивала хорошую сохранность орудия и получение четких изображений при многократном его использовании.

Среди золотых скифских бляшек нам пока неизвестны такие, на которых имелось бы изображение, точно соответствующее этому штампу, хотя стилистически близкие изделия имеются. До сих пор мы могли уверенно говорить о местном производстве ремесленниками Каменского городища лишь золотых бляшек, оформленных в зверином стиле. Сейчас ясно, что здесь изготавливались и бляхи совсем другого типа с изображением людей. В данном случае изображена была, видимо, какая-то скифская богиня.

А. В. БОДЯНСКИЙ

НАХОДКА РАННЕСКИФСКИХ ВЕЩЕЙ В ДНЕПРОВСКОМ НАДПОРОЖЬЕ

В 24 *км* к северу от г. Запорожья, на береговом мысу Днепра, между балками Квитыной и Канцеркой автором обнаружены следы раннескифского поселения и могильник III в. до н. э. Среди находок есть несколько металлических предметов, видимо, относящихся к поселению.

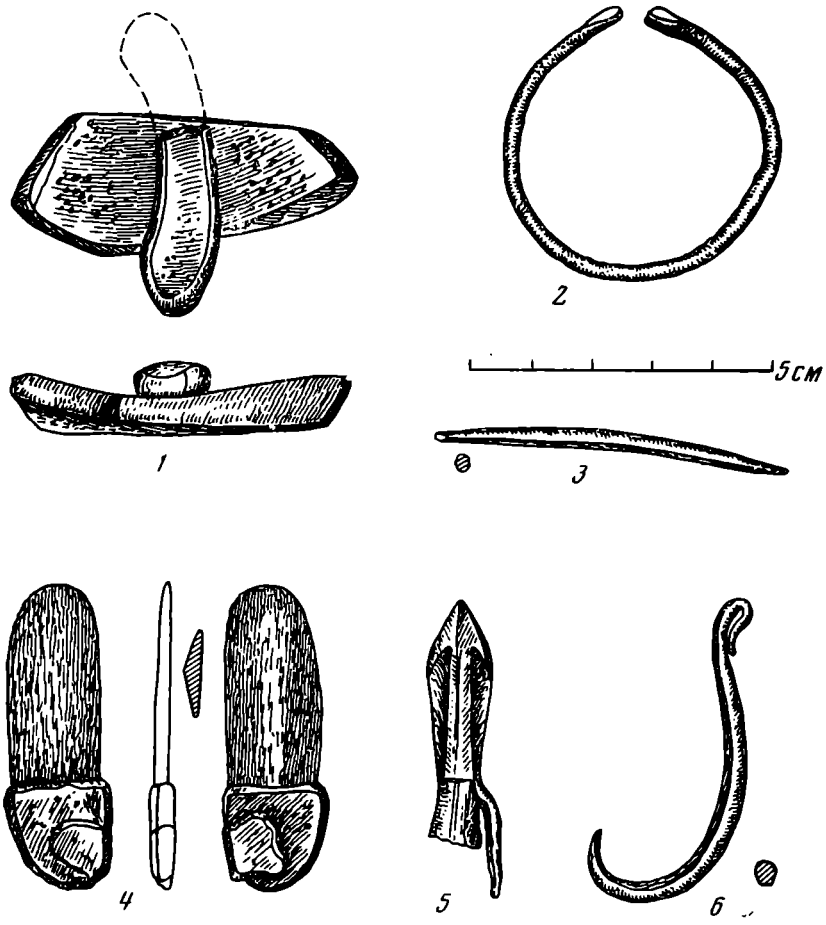


Рис. 1

1. Миниатюрная, вероятно вотивная, зернотерка (рис. 1, *1*), отлитая из пористой меди. Состоит из двух частей: основания и верхней части — куранта. Основание вытянутой формы, с сильно сточенными под углом концами, один из которых сужен. Наружная сторона вогнута и покрыта

пористыми углублениями, слегка сточенными точилом. Внутренняя поверхность тоже пористая. Кое-где обработана небрежной заточкой, которая не могла ликвидировать углубление с неровностями литья. Особенно старательно заточены бока и края, чем достигнута нужная форма. Основание копирует большие каменные зернотерки, типичные для скифских поселений и могильников Днепра.

Курант в древности был сломан. Имеет дуговидную форму с немного расширенным концом. Покрыт темно-зеленой патиной. Поверхность тщательно обработана точилом. В нижней части видны следы поперечных царапин, которые, возможно, свидетельствуют о совершении каких-то обрядов, символизирующих процесс трения зерна.

Размеры основания — 5,5×2,4×0,6—1,0 *см*, курант — 3,2×1,0—1,4 *см*. Вес основания — 40, куранта — 12 *г*.

2. Браслет медный, кованый, с несомкнутыми концами (рис. 1, *2*). Диаметр 4,6 *см*.

3. Шилья медные, кованые. Одно игловидное длиной 6 *см* (рис. 1, *3*), второе прямоугольного сечения, с ромбовидной нижней частью. Длина 8,2 *см*.

4. Нож с коротким закругленным лезвием, выкованным из железа. Одна сторона лезвия плоская, другая имеет двускатную поверхность (рис. 1, *4*). Основание ножа оправлено маленькой медной рукоятью. Длина орудия 5,1 *см*.

5. Наконечник стрелы — медный, двулопастный, с выступающей втулкой и шипом у основания (рис. 1, *5*). Лезвие лопастей хорошо заточено. На наконечнике имеются метки: круговой надрез у основания и по две риски на лопастях. Длина наконечника 5 *см*.

6. Крючок рыболовный, кованный из меди (рис. 1, *6*). Имеет ушко для привязывания.

На поселении найдены также обломки амфоры с раздутым горлом и фрагменты тонкостенных кубков с гладкой шейкой и округлым туловом, украшенным каннелюрами или чеканным зубчатым орнаментом. Фрагмент амфоры относится к концу VI — началу V в. до н. э.

Обломки кубков могут быть датированы по имеющимся аналогиям VII — началом VI в. до н. э. Металлические предметы скорее всего тоже ранние. Определенно VII — началом V в. до н. э. датируется только наконечник стрелы. Медные и бронзовые шилья описанных типов существовали с эпохи бронзы до раннескифского времени. Вотивной зернотерке аналогий пока нет.

Находка вотивной зернотерки, по-видимому, свидетельствует о существовании культа земледелия у архаических скифов Надпорожья.

С. А. БУЛАТОВИЧ

КЛАД КИЗИКИНОВ ИЗ ОЛЬВИИ

В 1965 г. в Ольвии, у Северной балки, был случайно обнаружен клад кизикских электровых монет. Условия находки, а также количество монет и состав клада остались неизвестными. В дальнейшем удалось определить только восемь статеров. Из них пять монет поступили в собрание музея «Сокровища Украины» в Киеве, остальные попали в частные руки и известны по рисункам и слепкам очаковского краеведа С. В. Страшного.

Все ставшие известными статеры клада принадлежат II хронологической группе Фритце[1] (550—475 гг. до н. э.). Внутри группы они распре-

[1] H. V. Fritze. Die Elekcronprägung von Kyzikos. «Nomisma», VII, 1912.

делятся на две подгруппы таким образом[2]: II *а* группа (550—500 гг. до н. э.) — 2 экземпляра, II *вс* группа (500—560 гг. до н. э.) — 6 экземпляров. Все монеты клада представлены известными в литературе типами, однако некоторые из них являются редкими (№ 4, 5, 6)[3]. Статер с изображением орла, несущего в лапах тунца, ранее был известен лишь по одному экземпляру из коллекции Бостонского музея[4]. Этат статер особенно интересен в связи с предположением о заимствовании типов ольвийских ассов с кизикинов[5]. Учитывая редкость типа, особенно примечательна находка его именно в Ольвии.

Монета с изображением головы Афины (№ 2) не поддается точному определению, так как известна по недостаточно четкому рисунку, на котором трудно различить детали (характер шлема в расположение тунца), отличающие два сходные типа. В любом случае статер из клада относится ко II группе. Заслуживает внимания сам факт находки статера этого типа в Ольвии, где изображение Афины на монетах появляется в самом начале V в. до н. э.[6]. Кизикины с головой козла известны в большом количестве экземпляров как статеров, так и его фракций. Присутствие статера этого типа в составе клада интересно с той точки зрения, что такие монеты уже встречались ранее в Ольвии[7] и на Боспоре[8]. Хорошо известен этот тип и по кладам кизикинов из Греции[9]. Значительно более редкими являются статеры № 5 и 6. Остальные монеты клада (№ 3, 7, 8) дают типы, известные по многочисленным экземплярам. Один из них, статер с изображением быка с человеческой головой, встречался ранее в районе, близком Ольвии.[10]

Таким образом, с типологической стороны клад интересен прежде всего тем, что впервые в Ольвии найдены кизикины, типы которых связываются с происхождением типов литой ольвийской меди. Во-вторых, примечательно присутствие в кладе типов, уже известных на территории Ольвии.

В хронологическом отношении монеты Ольвийского клада примыкают к другим кизикинам, происходящим из случайных находок в Ольвии и принадлежащим в основном ко II группе[11]. Самые ранние монеты клада (1 и 2) имеют еще ясно выраженный линейный крест, отличительный признак подгруппы «а» II группы, и потому могут быть датированы только в широких пределах этой подгруппы — второй половиной VI в. до н. э. Это наиболее ранние кизикины в составе кладов в Северном Причерноморье. Статеры № 7 и 8 выпущены не позднее середины V в. до н. э. В целом все ольвийские находки кизикинов дают более раннюю группу, чем находки на Боспоре. Мелкие фракции раннего кизикского электра продолжают встречаться в Ольвии. В 1966 или 1967 гг. здесь случайно найдена еще одна гемигекта II группы[12].

Видимо, в самом начале V в. до н. э. кизикины уже прочно утвер-

---

[2] Подгруппы «а» и «вс» II-й группы Фритце соответствуют II (550—500 гг. до н. э.) и III (500—460 гг. до н. э.) группам Бретт (A. Brett. Catalogue of Greek Coins. Museum of Fine Arts. Boston, 1955, стр. 187, 191).

[3] Номера монет в тексте соответствуют номерам списка, приведенного в конце заметки.

[4] A. Brett. Ук. соч., № 1454; этот же экземпляр издан Фритце (H. V. Fritze, Ук. соч. № 94) и Бабелоном (E. Babelon. Traité des monnaies grecques et romaines. II, 2, № 2792).

[5] П. О. Карышковский. Об обращении кизикинов в Ольвии, НЭ, 1961, II, стр. 10, 11, табл. 2.

[6] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 123, табл. XXX, *3*, *4*.

[7] Г. Д. Штейнванд. Кизикський гект Одеського Історично-археологичного музею. ВОКК, 4—5. Одеса, 1930, стр. 7, рис. в тексте.

[8] A. Sibirsky, Catalogue des médailles du Bosphore Cimmerien, СПб., 1859, стр. 72, табл. XXVIII, прим. 4.

[9] W. Greenwell. Electrum Coinage of Cyzicus. NC, 1887, No 134.

[10] Collection R. Jameson. Monnaies grècques antiques, III, 1924, № 2189.

[11] П. О. Карышковский, Ук. соч., табл. 1.

[12] Поступила в музей «Сокровища Украины». Тип. см. у Фритце — H. V. Fritze. Ук. соч., № 53, табл. II, *3*.

Список монет

№	Описание монет	Группа по Фритце	Вес, г	Место хранения	Издание типа
1	Голова козла влево; снизу тунец влево	II а	16,04	К., № 1173	Fr., стр. 5, № 48, табл. I, *49*.
2	Голова Афины влево; справа тунец вертикально	II а	?	?	Fr., стр. 6, № 53 или 64, табл. II, *16, 17*.
3	Лев, грызущий добычу, влево; снизу тунец влево	II вс	16,13	К., № 1177	Fr., стр. 7, № 83, табл. III, 2.
4	Орел с поднятыми крыльями на тунце влево	II вс	16,07	К., № 1172	Fr., стр. 8, № 94, табл. III, 13
5	Орлиноголовый грифон, сидящий на тунце, влево	II вс	16,08	К., № 1175	Fr., стр. 8, № 101, табл. III, 20.
6	Европа, сидящая на быке, влево; снизу тунец влево	II вс	16,02	К., № 1176	Fr., стр. 9, № 108, табл. III, 27.
7	Ника, бегущая, влево, в правой руке тунец	II вс	?	?	Fr., стр. 9, № 121, табл. IV, 7.
8	Бык с человеческой головой, идущий по тунцу, влево	II вс	?	?	Fr., стр. 10, № 125, табл. IV, 10.

дились на ольвийском рынке, и не только как заменитель местного серебра [13], но и в качестве общепонтийской торговой монеты. Такая роль кизикинов в денежном обращении Причерноморья засвидетельствована многочисленными кладами этих монет на Боспоре и Северо-Западном Причерноморье [14]. Публикуемый клад служит доказательством, что Ольвия в этом смысле не была исключением.

О дате зарытия Ольвийского клада кизикинов нельзя сказать ничего определенного. С одной стороны, кизикины находились в обращении длительный промежуток времени — известны совместные находки монет II (550—460) и IV (400—330) групп [15]. С другой стороны, в кладе могли быть более поздние монеты, оставшиеся нам неизвестными. Следует, однако, отметить, что публикуемая часть Ольвийского клада напоминает клады кизикинов из Греции, где половина монет принадлежит II группе [16].

В. Е. МАКСИМЕНКО

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ДЕЛЬТЕ ДОНА

На левой надпойменной террасе Дона, в дельте, на территории овощного совхоза у пос. Койсуг находится обширный курганный могильник, состоящий из нескольких групп. Одна из них, расположенная на краю террасы и известная у местного населения под названием курганы «Три брата», состоит из трех больших и значительного количества маленьких курганов, многие из которых настолько разрушены, что едва заметны по распаханным выкидам из могильных ям. Сильно разрушены и насыпи трех больших курганов.

В 1962 г. во время археологической разведки здесь был собран материал, относящийся к различным эпохам. Значительную часть его составляли фрагменты лепной посуды эпохи бронзы и раннего железа, обломки амфор эллинистического и римского времени, фрагменты серолощеной сарматской керамики и краснолаковых сосудов.

---

[13] П. О. Карышковский, Ук. соч., стр. 9 сл.

[14] Т. Герасимов. Находки от електропови монети на гр. Кизик от България. ГНАМ, VII, 1942 (1943), стр. 72—88, Д. Б. Шелов. Кизикские статеры на Боспоре. ВДИ, 1949, 2 стр. 93—98; А. А. Кравченко. Клад кизикских статеров из Одесской области, СА, 1969, 1, стр. 274—277.

[15] См., например, клад из Клазомен (W. Greenwell. Ук. соч., стр. 42).

[16] W. Greenwell. Ук. соч., стр. 42.

Таблица

№№ погр.	Форма могильной ямы	Поза погребенного	Ориентировка	Пол	Жертвенная пища	Особенности ритуала	Инвентарь	Дата	Примечания
Погребения раннесарматского времени									
28		Вытянут на спине	Ю				Лепной сосуд, бронзовые стрелы	IV—III в. до н. э.	Разрушено
3	Продолговатая с округлыми углами	Вытянут на спине					Лепной сосуд, бусы	III—II вв. до н. э.	Кенотаф. Яма ориент. С—Ю
6	Прямоугольная 2,30 × 0,80	Вытянут на спине	Ю	Жен.	Баранья лопатка	Шлак, угли, зола в заполнении	Бронзовое зеркало, бисер	То же	Деревянные конструкции В перекрытии
11	Прямоугольная		ЮЮЗ		Баранья лопатка		Лепной сосуд	То же	Под погр. № 6
19	Подбой	Вытянут на спине	Ю	Жен.	Нога барана с половиной тазовой кости	Два куска мела	Лепной сосуд, железный нож, пряслице	То же	Подстилка из камыша, войлочное покрытие
32	Подбой	Вытянут на спине	ЮЮВ	Муж.	Баранья лопатка		Меч, стрелы железная пряжка, крюки	II в. до н. э.	Перекрыт камышом
40		Вытянут на спине	З					IV—II вв. до н. э.?	
46			З				Бусы, железный нож	IV—II вв. до н. э.?	
Погребения среднесарматского времени									
2	Продолговатая с округлыми углами	Вытянут на спине	Ю		Бараньи кости	Куски мела,	Красноглиняный кувшинчик, бусы	I в. до н. э. —I в. н. э.	
26		Вытянут на спине, кисть правой руки на тазе	Ю				3-х лопастная стрела, бусина стеклянная рубчатая	То же	
10		Вытянут на спине, кисть левой руки на тазе	Ю В					То же ?	

Продолжение табл.

№№ погр.	Форма могильной ямы	Поза погребенного	Ориентировка	Пол	Жертвенная пища	Особенности ритуала	Инвентарь	Дата	Примечания
Погребения среднесарматского времени									
12		Кисти рук под головками бедренных костей	Ю					То же ?	Над погребением № 19
13	Продолговатая с округлыми углами		Ю З			Галька в ногах		То же	
Погребения позднесарматского времени									
7		Вытянут на спине	ССВ			Меловая подсыпка	Лепной сосуд	II—III вв. н. э.	
16	Узкая продолговатая	Вытянут на спине	ССВ	Жен.		Меловая подсыпка под головой	Лепные сосуды у головы и в ногах	То же	
22		Кисть на тазе	СВ				Краснолаковая чашечка	II в. н. э.	Погребение разрушено
23							Дно сероглиняного гончарного сосуда	II—III вв. н. э.	Погребение разрушено.
24	Узкая продолговатая		С	Муж.					Деформированный череп
35			СВ				Кинжал, нож, бронзовая пряжка, кувшин лепной, миска лепная	II—III вв. н. э.	
45			С					То же ?	Разрушено
						25 астрагалов		То же ?	Детское

В 1966 г. экспедиция Ростовского-на-Дону университета[1] раскопала курган № 4 из курганной группы «Три брата». При нивелировке оказалось, что его максимальная сохранившаяся высота 0,4 *м* при диаметре 30—36 *м*. Было вскрыто 45 погребений, 23 из которых относились к эпохе бронзы и 22 к эпохе раннего железа. Из них два погребения — 42 и 43— настолько сильно разрушены, что не поддаются точному определению.

Погребения, относящиеся к эпохе раннего железа, можно условно разделить на группы, соответствующие трем периодам развития сарматской культуры: раннесарматскому (IV—II вв. до н. э.), среднесарматскому (I в. до н. э.— I в. н. э.) и позднесарматскому (II—IV вв. н. э.) (см. таблицу).

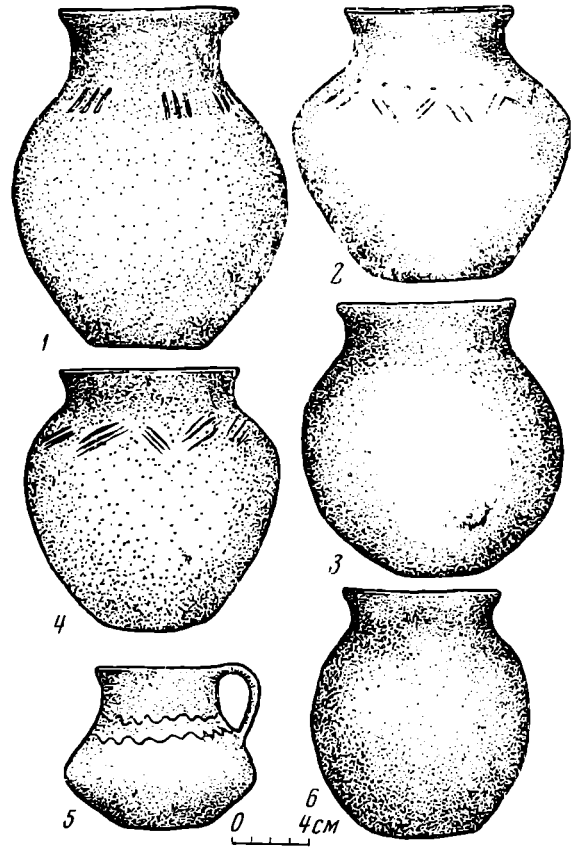


Рис. 1. Керамика из погребений кург. № 4 раннесарматского (*1—4, 6*) и среднесарматского (*5*) времени

1 — погр. № 11; *2* — погр. № 19; *3* — погр. № 3 (кенотаф); *4* — погр. № 32; *5* — погр. № 2; *6* — погр. № 28

Погребения IV—II вв. до н. э. (раннесарматские). Рассматривая погребения первой группы кургана № 4, можно выделить ряд характерных особенностей, позволяющих отнести их к прохоровскому этапу сарматской культуры. В пяти случаях из восьми отмечена южная ориентировка погребенных с небольшими отклонениями к востоку или западу, в двух случаях (погр. № 40 и 46) — западная ориентировка. Все погребенные лежали вытянуто на спине. Могильные ямы прослежены двух типов. Первый тип — прямоугольные со слегка закругленными краями, второй — подбойные могилы с довольно широким входным колодцем и подбоем в восточной стенке (погр. № 19 и 32). В могилах № 6, 11, 19, 32 обнаружены остатки жертвенной пищи — задней или передней ноги барана с лопаткой. Подобные жертвоприношения присущи прохоровским погребениям Поволжья и Приуралья[2]. В погр. № 6 и 11 в заполнении могильной ямы в обилии встречались угольки, шлак, зола, что также типично для раннесарматских погребений. Мел найден лишь в могиле № 19. Следы деревянного перекрытия отмечены в погр. № 6. В погр. № 32 дно входного колодца и костяк были покрыты толстым слоем камыша, и под покойником прослеживались следы циновки из тонких прутьев. В погр. № 19 дно входной ямы также было покрыто камышом, а на костях сохранились остатки покрытия из войлока (?); подбой был закрыт довольно большой деревянной доской.

Инвентарь представлен в основном керамикой, небольшим количеством оружия и других вещей. Сосуд из погр. № 11 (рис. 1, *1*) яйцевидной формы, с плоским дном и плавно отогнутым венчиком, украшен тремя вертикальными желобками — орнаментом, типичным для керамики про-

---

[1] Начальник экспедиции Ю. П. Ефанов. Начальник отряда В. Е. Максименко. В работе экспедиции принимали участие студенты исторического факультета Ростовского университета.

[2] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д 1—10 М., 1963, стр. 24.

хоровских погребений Поволжья[3]. В остальных случаях сосуды из погребений первой группы кург. № 4 имеют слегка вытянутое или шаровидное тулово, округлое дно и короткий, отогнутый наружу венчик (рис. 1, *2—4, 6*). Сосуд из погр. № 32 орнаментирован двойными косыми насечками (рис. 1, *4*). Горшок из могилы № 19, помимо насечек, украшен небольшими ямками (рис. 1, *2*). Все сосуды темно-серого цвета с рыжеватыми пятнами от плохого обжига. Глина в изломе черная. Подобная керамика часто встречается в раннесарматских курганах Нижнего Поволжья[4]. В погр. № 28 вместе с сосудом найдены бронзовые трехлопастные стрелы IV—III вв. до н. э. (рис. 2, *10*).

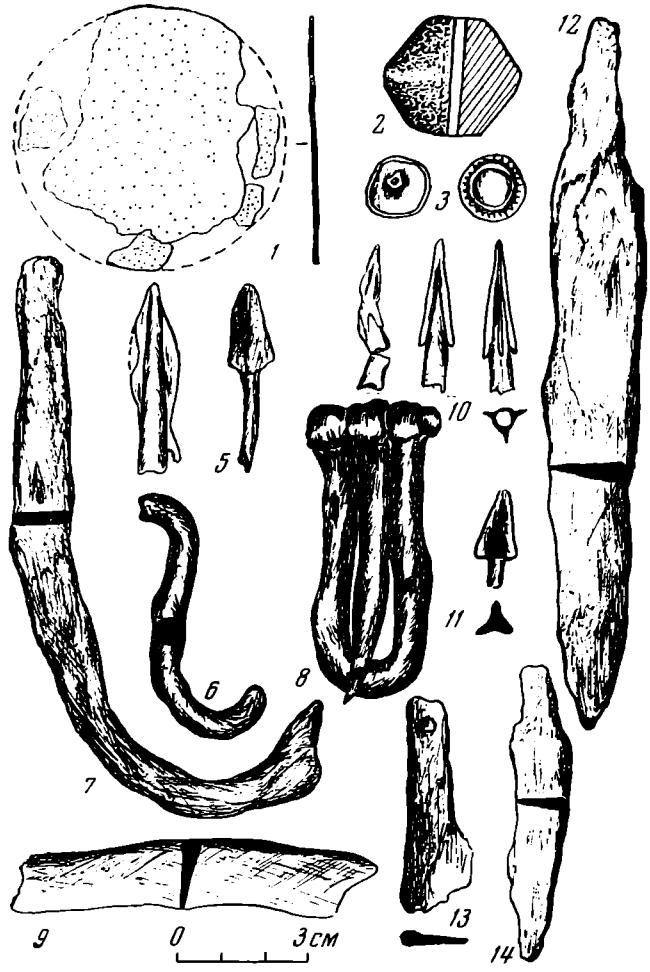


Рис. 2. Инвентарь погребений раннесарматского (*1—10, 13, 14*) и среднесарматского (*11, 12*) времени

1 — погр. № 6; *2, 12* — погр. № 19; *3, 10* — погр. № 28; *4—9* — погр. № 32; *14* — погр. № 46

В погр. № 3 (кенотаф) вместе с сосудом шаровидной формы (рис. 1, *3*) найдены бусы позднеэллинистического времени из стекла зеленого и голубого цвета, с желтыми глазками (рис. 3, *1*). В могиле находились также стеклянные бусы с внутренней позолотой, имевшие широкое распространение в среднесарматское время, но встречающиеся и в прохоровских погребениях[5]. В этом же наборе имелись граненые бусы из темно-синего стекла и мелкие шаровидные коричневого стекла. В могиле № 6 кроме мелких голубых стеклянных бисеринок найдено плоское тонкое зеркало из бронзы (рис. 2, *1*). Подобной формы зеркала известны по памятникам прохоровской культуры III—II вв. до н. э.[6].

Интересен инвентарь погр. № 32. Наряду с вышеописанным сосудом в нем найдены: железный кинжал с прямым перекрестием (навершие отсутствовало; рис. 4, *1*), два крюка (рис. 2, *6*, *7*), стрелы (рис. 2, *4*, *5*) и железная пряжка (рис. 2, *8*). Одна из стрел — бронзовая, листовидная, с шипом архаичного типа (V—IV вв. до н. э.), вторая — железная с маленькой трехгранной головкой и довольно длинным черешком. Стрелы подобной формы характерны для погребений III—II вв. до н. э. Поволжья и Приуралья[7]. В погребениях на Нижнем Дону эта находка является пока единственной. В данном районе для IV—II вв. до н. э. характерны втульчатые железные трехлопастные стрелы, лишь в среднесарматское время появляются трехлопастные черешковые. Стрела с трехгранной головкой и длинным черешком из погр.

[3] Там же, табл. 6, *2*, *7*, *32*, *36* и др.; табл. 7, *7 25*, *34* и др.
[4] Там же, стр. 24—28.
[5] Там же, стр. 45.
[6] Там же, стр. 41, табл. 27, *3—6*.
[7] Там же, стр. 32, табл. 17 (отдел II, тип 3).

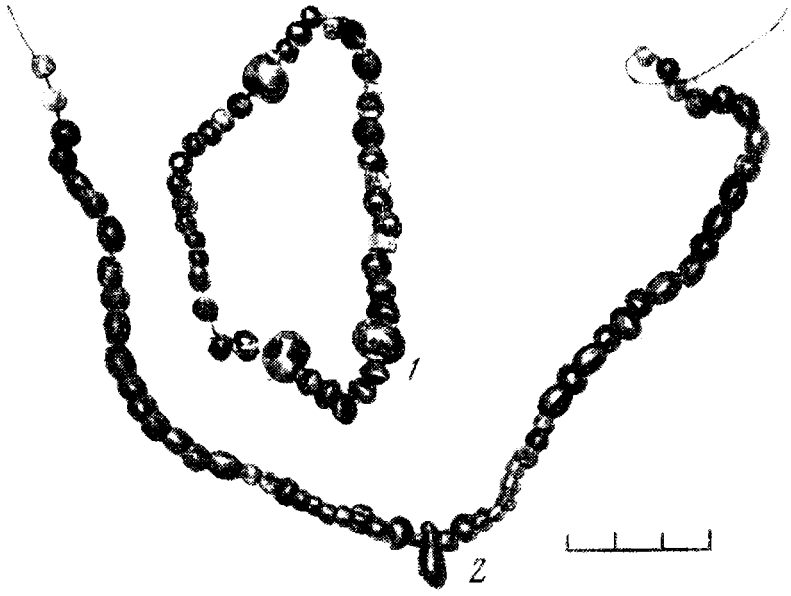


Рис. 3

№ 32 кург. № 4 является одной из ранних форм черешковых стрел III—II вв. до н. э. К этому же времени относится, вероятно, и меч с прямым перекрестием (рис. 4, *1*). Находки мечей с прямым перекрестием без навершия известны в прохоровских погребениях [8].

Железная массивная пряжка с подвижным язычком на шарнире (рис. 2, *8*) напоминает по форме и конструкции бронзовую пряжку из погр. № 12 в кург. № 20 у с. Политотдельское [9].

Данное погребение датируется II в. до н. э. Вероятно, что к этому же времени следует отнести и погр. № 32 кург. № 4 рассматриваемого могильника. Находка архаичной скифской стрелы не может служить препятствием для датировки более поздним временем, так как находки ранних стрел в поздних погребениях не единичны.

Из других находок следует отметить клиновидный, довольно большой нож (рис. 2, *12*) и биконическое пряслице (рис. 2, *2*) из погр. № 19. К раннесарматскому времени, возможно, относятся и погр. № 40 и 46, хотя от всей группы их отличает западная ориентировка. В первом случае (погр. № 40) покойник лежал вытянуто на спине, без вещей. Во втором случае погребение (№ 46) оказалось нарушенным, но среди инвентаря найден маленький железный ножичек с горбатой спинкой (рис. 2, *14*) и стеклянные бусы красного и синего цвета с белыми полосами.

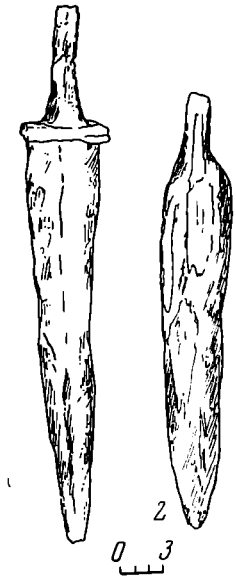


Рис. 4

Погребения I в. до н. э.— I в. н. э. (среднесарматские). Группа погребений среднесарматского времени менее выразительна. Форма могильных ям и южная ориентировка сохраняются от раннесарматского времени. Новым в обряде является положение кисти левой или правой руки на таз или под бедро, что не отмечено для погребений первой группы. Остатки жертвенной пищи (кости

[8] М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 19, *20*, *21*, *23*.

[9] К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. МИА, 60, 1959, стр. 291, рис. 32 (12).

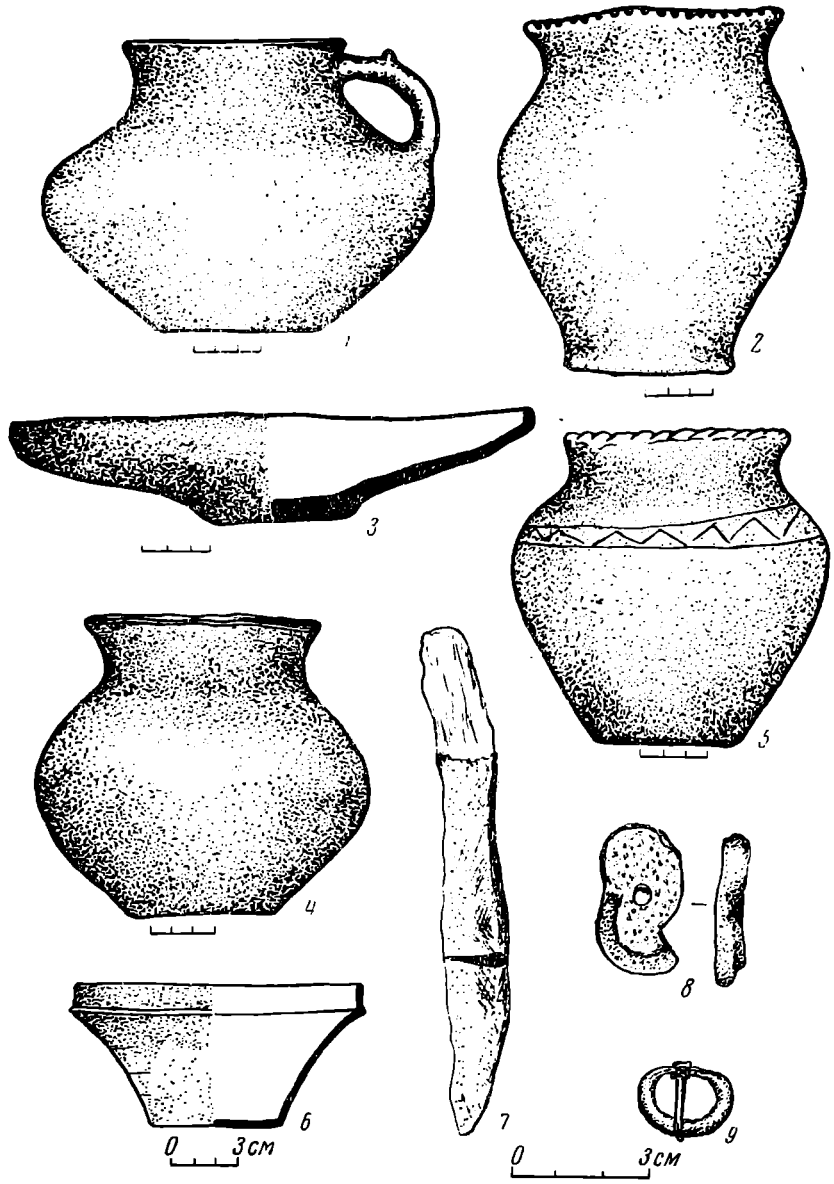


Рис. 5. Инвентарь погребений позднесарматского времени

1, 3, 7—9 — погр. № 24; *4, 5* — погр. № 16; *2* — погр. № 7; *6* — погр. № 22

барана) обнаружены лишь в погр. № 2, там же найдены куски мела и шлак. В погр. № 13 в ногах покойного лежала плоская галька. Положение гальки в могилу типично для меотских погребений Прикубанья, Пашковского [10] и Усть-Лабинского [11] могильников, но встречается и в сарматских погребениях Поволжья, например в Калиновском могильнике [12]. Инвентарь данной группы беден, что, естественно, затрудняет датировку комплексов. Лишь для двух погребений — № 2 и 26 — довольно точно можно определить дату: I в. до н. э.— I в. н. э. В первом случае (погр. № 2) основанием для датировки может служить набор бус, типичных для сусловского этапа. Среди бус бочковидной формы коричневого стекла попадаются стеклянные бусы с внутренней позолотой и стеклянные рубчатые (рис. 3, *2*). Красноглиняный гончарный кувшинчик (рис. 1, *5*) из этого же погребения сходен по форме с кувшинчиками, найденными в погребениях сре-

[10] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 297—299, табл. 2.

[11] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 170.

[12] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 458.

днесарматского времени Калиновского могильника [13], хотя форма данных сосудов более типична для Кубанских могильников [14]. В погр. № 26 найдена маленькая черешковая трехлопастная стрела (рис. 2, *11*), по форме и размерам близкая сарматским стрелам первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры.

Погребения II — III вв. н. э. (позднесарматские). Группа погребений позднесарматского времени резко отличается от двух предыдущих. Для этой группы характерно изменение ориентировки с южной на северную (с отклонениями к востоку или западу). Из семи погребений пять находились в насыпи кургана, и характер могильной ямы выявить не удалось. Но в двух случаях погребения оказались в очень узких и глубоких могильных ямах, впущенных в материк. Наличие очень узких и глубоких ям характерно для позднесарматского периода. Все погребенные лежали вытянуто на спине. В одном случае (погр. № 22) кисть руки находилась на тазовых костях.

В погр. № 7 и 16 отмечено наличие довольно густой меловой подсыпки, столь характерной для сарматских погребений первых веков нашей эры [15]. В погр. № 45 найдено 25 необработанных астрагалов, которые также являются частой принадлежностью сарматских, особенно детских погребений.

Керамика погребений данной группы представлена сосудами различных типов. В погр. № 22 найдена краснолаковая чашечка II в. н. э. (рис. 5, *6*), а в погр. № 23 — дно серолощеного гончарного сосуда с плоским дном, близкого по характеру теста и лощению сосудам Нижнедонских городищ первых веков нашей эры. Лепной горшок из погр. № 7 (рис. 5, *2*) находит аналогии среди сосудов Танаиса [16]. Сосуды из погр. № 16 по форме и орнаменту сближаются с керамикой поволжских погребений позднесарматского времени (рис. 5, *4, 5*). Аналогичные сосуды встречены, например, в Калиновском могильнике [17]. Кувшинчик из погр. № 24 (рис. 5, *1*), приземистой формы с налепом на ручке, также аналогичен сосудам из позднесарматских погребений Нижнего Поволжья. Миска из этого же погребения повторяет формы сарматских серолощеных мисок первых веков нашей эры, но изготовлена довольно грубо — без применения гончарного круга (рис. 5, *3*). Цвет миски снаружи рыжеватый, глина в изломе черная. Железный кинжал, без перекрестия и навершия, из погр. № 24 принадлежит к типам сарматских кинжалов, имевших широкое распространение во II—IV вв. н. э. (рис. 4, *2*). Массивное широкое лезвие, отсутствие перекрестия и навершия, плавный переход от черенка к лезвию характерен для позднесарматских кинжалов и мечей. Аналогичной формы кинжалы известны на Нижнем Дону из находок в Кобяковском некрополе (погр. № 15, раскопки 1958 г.) [18]. Подобные кинжалы очень часто встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья [19]. Бронзовая пряжка из погр. № 32 (рис. 5, *9*) типична для позднесарматских могильных комплексов. Находки пряжек подобной формы известны в сарматских погребениях Кавказа [20]. Встречаются они даже в памятниках черняховской культуры [21].

---

[13] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 480, рис. 54.

[14] Там же, стр. 477.

[15] К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. ДОСИФ, V, М., 1947, стр. 77.

[16] Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 89, рис. 31.

[17] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 504.

[18] С. И. Капошина. Отчет о работах Кобяковской экспедиции за 1958 г. Хранится в Ростовском-на-Дону областном музее краеведения.

[19] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 498.

[20] Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965; 2, рис. 3, *3*.

[21] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. МИА, 139, 1967, стр. 110.

Погребения раннежелезного века из кург. № 4 Койсугского могильника являются первыми в данном районе, принадлежность которых к сарматам-кочевникам, по крайней мере с III в. до н. э., не вызывает сомнения. Сходство по погребальному обряду и инвентарю с сарматскими погребениями Нижнего Поволжья позволяет говорить о единстве материальной культуры данного района с сарматской культурой Поволжья — Подонья. Дальнейшее исследование Койсугского могильника является очень перспективным, так как новый материал поможет разрешить те спорные проблемы, которые возникают в связи с изучением вопроса об этническом составе населения Нижнего Дона.

Г. К. ШАМБА

ПОГРЕБЕНИЕ II в. ИЗ МАЦЕСТЫ

В феврале 1966 г. в 11 *км* южнее Сочи, недалеко от знаменитых мацестинских целебных источников[1], землекопы С. Иванов и В. Булат при рытье траншеи на глубине 40—50 *см* наткнулись на следы древнего погребения, в состав которого входили: кувшин (разбитый рабочими тут же на месте), три монеты, обломки серебряного сосуда и стеклянного бальзамария, остатки человеческого костяка, конское ребро. Находки были доставлены в Сочинский музей. Последним был организован в срочном порядке небольшой поисковый отряд с участием автора этих строк[2] (от Абхазского института ЯЛИ им. Гулиа АН ГрузССР).

По прибытии на место мы осмотрели выброшенную из траншеи землю, откуда были извлечены не замеченные рабочими обломки упомянутого выше кувшина, корпус, ручки и ножка серебряного сосуда; фибула и другие предметы. Затем заложили небольшие раскопы размером 1,90×2,50 и 3,15 × 3,20 *м*, ориентированные по сторонам света, которые, к сожалению, не дали положительных результатов. Характер всего комплекса, а также опросы рабочих, непосредственно принимавших участие при выявлении памятника, позволяют говорить, что мы имеем дело с индивидуальным погребением представителя знати через трупоположение, по-видимому, ориентированное головой на ЮЗ, с признаками конского захоронения (костный материал, большой железный меч и т. д.), как это практиковалось вообще в древнем погребальном обряде, в частности у древнеабхазских племен[3].

Переходим к анализу обнаруженных предметов.

1. Кувшинчик (рис. 1, *3*) с приземистым туловом и вертикальным венчиком. Кувшин имеет ручку с тремя жгутиками и круглый кольцевидный поддон. Шейка и предплечье сосуда украшены идущими параллельно друг другу резными поясками. Кувшин изготовлен из равномерно обожженной, светлой в изломе глины без примесей и покрыт плохо сохранившимся лаком шоколадного цвета. Высота 23 *см*, наибольший диаметр тулова 20 *см*, толщина стенки 0,4 *см*. Сосуд полностью восстановлен. По форме венчика ближайшие аналогии засвидетельствованы среди керамики Себа-

---

[1] В связи с этим небезынтересно отметить, что название «Мацеста» (Маца-пста) в переводе с абхазского буквально означает «огненное ущелье» или «огненная вода». Х. С. Бгажба. Некоторые вопросы энтонимики и топонимики Абхазии. Тр. АИЯЛИ, XXVII, Сухуми.

[2] Приношу благодарность директору Сочинского краеведческого музея Б. А. Шарапову и старшему научному сотруднику М. И. Ивановой за их любезное приглашение принять участие в выявлении памятника и предоставлении мне права публикации добытого материала.

[3] М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962, стр. 21—22, рис. 4; его же. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Тр. АИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 259.

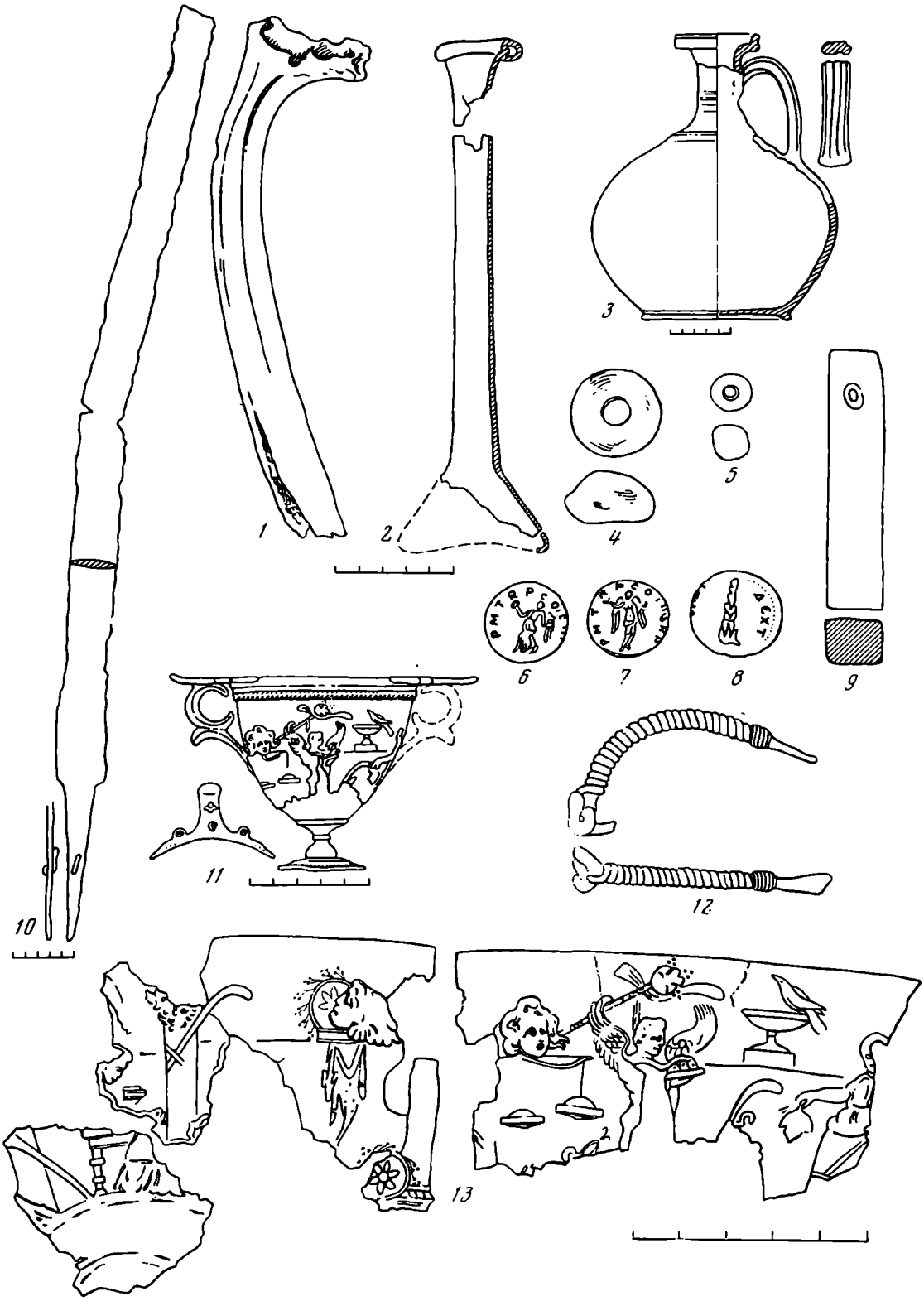


Рис. 1. Инвентарь погребения (*1—13*)

стополиса, датируемой суммарно II—III вв.[4], и в Мирмекии, где ее относят ко времени не раньше I в.[5] По составу глины кувшин следует отнести к импортным изделиям.

[4] А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса. Тр. АИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, стр. 232, табл. IX, *3*; М. М. Трапш. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. Там же, стр. 245.

[5] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг., МИА, 25, 1952, стр. 305—307, рис. 5, *5—6*.

Рис. 2. Серебряный канфар

2. Стеклянный сосуд — бальзамарий (рис. 1, *2*) с туловом пирамидальной формы, вогнутым дном, с длинным трубчатым горлом и небрежно отогнутым наружу венчиком. Стекло зеленоватого цвета. Толщина стенки колеблется от 0,1 до 2 *мм*. Этот вид стеклянной посуды, предназначенный для содержания благовоний, встречается в погребениях первых веков нашей эры на юге СССР — в Танаисе, Пантикапее, Тузле, Мцхете и других местах [6].

По любезному сообщению Н. П. Сорокиной, лично ознакомившейся с мацестинским комплексом, сосуд следует отнести к I — первой половине II в.

[6] Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 82, 146—147, рис. 55; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 220—228, 229, рис. 9—10; ее же. Тулузский некрополь. Тр. ГИМ, XXVI, 1957, табл. 12, *2*; ее же. Стеклянные сосуды из Танаиса. В кн. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 220—221; Мцхета. I, Тбилиси, 1958, стр. 116—117, табл. I—XXII, *2*; в экспозициях Абхазского государственного музея им. Д. И. Гулиа хранятся два аналогичных бальзамария, происходящие из Сухумской крепости, а в Сочинском музее три экземпляра. Все они найдены случайно, при земляных работах.

3. Канфар (рис. 1, *11*; 2) — серебряный, с рюмкообразной ножкой, с двумя вертикальными ручками (одна не найдена) и двумя щитами от них, охватывающими своими концами края канфара. На щитках имеются по два пучковидных выступа, поверхности которых украшены трехлепестковыми цветами и шишечками. По сохранившемуся экземпляру нижняя часть вертикальной ручки имеет форму несомкнутого кольца с утолщенной средней частью и со сплюснутыми концами, доведенными до стенок канфара. Сверху ручка припаяна к щитку, а снизу — к дуговидной подпорке.

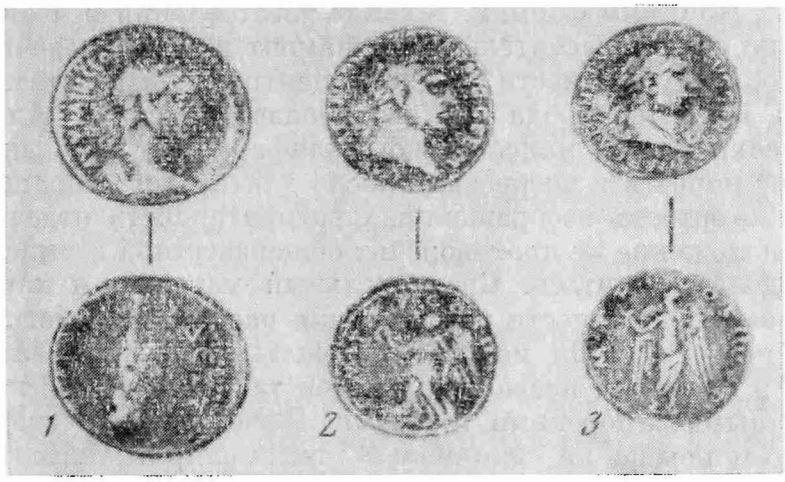


Рис. 3. Серебряные монеты (*1—3*)

Снаружи венчик сосуда, как и покатая ножка, украшен равномерно расположенными вдавленными точками и нечеткими овами. Края канфара тонко обработаны и слегка округлены. Корпус полуяйцевидный, литой, покрыт тонким серебряным листом. Обшивка украшена рельефными изображениями, расположенными в следующем порядке: справа — стоящая вакханка в хитоне; талия ее перехвачена поясом. Обнаженная правая рука вытянута вперед и держит лист (виноградный?). На уровне плеч — ваза на постаменте с сидящей на ней птицей. Под вазой — верхняя часть изогнутого предмета (трость?). На противоположной стороне изображена атлетически сложенная фигура безусого молодого человека с расчесанными назад волосами, с двумя приподнятыми орлиными крыльями (Эрот? Гений?). Левой рукой он держит поднос, наполненный яствами, а правую протягивает к ним; позади него — голова змеи с раздвоенным жалом. Над крылатой фигурой — тирс Диониса — посох, обвитый лентой, увенчанный еловой шишечкой. У основания тирса расположена маска сатира с пышными волосами. Ниже два свисающих весообразных предмета. Затем колонна с базой у основания, украшенная косыми насечками. К нему прислонен круглый щит с изображением шестилепестковой розетки в центре и цветами вокруг (венок?). Далее слева, на выступе, положена маска безбородого мужчины, касающаяся второго щита с розеткой, подобного описанному выше. Под маской — шкуры пантеры. Следующая колонна увенчана бородатой маской с двумя скрещенными тростями. И наконец, правее изображен молодой человек (Дионис?), восседающий на троне, облаченный в длинное одеяние, с вытянутыми вперед руками, а позади него — часть еще одной колонны с двумя скрещенными тростями.

Высота канфара 8,3 *см*, диаметр устья 7,8 *дм*, подставки дна — 3,7 *см*; вес 165 *г* 25 *мг*. В нижней части сосуда образовалась пробоина с изломом. К сожалению, фрагментарность серебряного листа не позволяет полностью воспроизвести эту замечательную композицию, в которой древний художник передал один из популярнейших сюжетов античной мифологии, связанный с культом Диониса — бога растительности, виноделия и виногра-

дарства (тирс, маски и другие атрибуты Диониса). Изображения выполнены с большим искусством. Особенно удачно переданы мужские лица. Насколько нам известно, подобных хорошо сохранившихся сосудов на территории Закавказья еще не найдено. Но можно предполагать, что найденные в погребениях I—II вв. в Тагелони (АбхАССР) и в упомянутом выше Лоо [7] ручки, щитки и другие фрагменты серебряных сосудов являются остатками подобных изделий. Они известны также из Прикубанья и отнесены К. Ф. Смирновым к рубежу нашей эры [8]. Наш канфар близко стоит к серебряным изделиям известного Гильдесгеймского клада I в. (Германия) [9]. По своим формам, технике изготовления и мотивам росписи (дионисовские сцены, растительный орнамент и т. д.) перечисленные сосуды, видимо, следует отнести к одному центру производства. Существует мнение, что подобного рода сосуды производились в Александрии [10].

Степень сохранности мацестинского канфара дает основание говорить, что сосуд мог попасть в погребение после длительного обращения в быту (частичная потертость изображений, фрагментарность отдельных частей и т. д.). Это положение не противоречит общеизвестной истине, что ценные вещи могут долго храниться. Сравнительный материал и характер всего комплекса позволяют отнести изготовление рассматриваемого канфара ко времени не позже I в. Он мог принадлежать человеку со значительным положением в обществе, позволявшим себе такую роскошь, как пользование драгоценными заморскими товарами. Поскольку мацестинский сосуд, как было сказано выше, не единичный экземпляр в наших краях, то правомерно считать, что подобные изделия попадали к нам главным образом в результате торгового обмена местных племен с городами Римской империи.

4. Монеты (рис. 1, *6—8*; 3) 3 экз., серебряные [11]. По словам находчиков, они были найдены на дне рассмотренного выше кувшина.

1. Траян (101—102 гг.) Римский монетный двор. Р=3,14 *г*. Д=18/18 (рис. 3, *3*).

Av: Изображение головы Траяна, увенчанной лавровым венком вправо. Вокруг: IMP CAES NERVA TRAIAN AVG GERM.

Изображение по пояс обнаженной крылатой Виктории, с повернутой влево головой. В правой руке — венок, в левой — закинутая на плечо пальмовая ветвь. Вокруг: PM TRP COS IIII P. P.

2. То же. Р=3; Д=18 (рис. 3,*2*).

Av: то же.

Rv: Изображение задрапированной крылатой Виктории, в правой руке которой — венок, в левой — закинутая на плечо пальмовая ветвь. Вокруг: P. M. TR P COS IIII [P. P.].

3. Император Траян (98—117 гг.). Кесарийская дидрахма. Р = 6,20; Д=21/20 (рис. 3,*1*).

Av: Изображение увенчанного лавровым венком бюста Трояна, вправо. Вокруг: AYT KAI NEPOYAC TRAIANOC [CEBAC ГЕРМ]?

Rv: В центре монеты — палица Геркулеса, по обе стороны надписи. Слева — ΔEYT, справа — YΠAT.

5. Фибула (рис. 1, *12*) — бронзовая, одночленная, круглопроволочная, со слегка утолщенной ножкой, дуговидной спинкой, обмотанной сплошной тонкой проволокой. Фибула частично фрагментирована. Подобная фибула

[7] А. Амиранашвили. Новая находка в низовьях р. Ингура. Тифлис, 1935, табл. VIII, 1*а*—2*б*; М. И. Иванова, П. М. Голубев. Находки в Лоо. СА, 1961, 3, рис. 3.

[8] К. Ф. Смирнов. Северский курган. Тр. ГИМ, XI, 1953, стр. 9, рис. 10.

[9] Der Hildesheimer silberfund herausgegeben und erläutert von Erich Pernice und Franz Winter. Berlin, 1901, табл. X и др.

[10] Der Hildesheimer..., стр. 32; И. В. Яценко. Тарелка царицы Гипепери из Неаполя Скифского. Историко-археологический сборник, посвященный В. А. Арциховскому. М., 1962, стр. 108.

[11] Монеты определены нумизматом Г. Ф. Дундуа.

известна нам из позднеантичной Цебельды (некрополь Абгыдзырхва погр. № 37, раскопки М. М. Трапш, 1960 г. Хранится в Абхазском инст.). Фибулы интересующего нас типа обнаружены в могильниках первых веков нашей эры Западной Грузии (Клдети [12], Чхороцку [13]) и Южного Поволжья [14].

По своей форме мацестинский экземпляр напоминает фибулы, выявленные в восточном участке некрополя Неаполя Скифского с хорошо датирующими предметами II в. н. э. [15]

По классификации А. П. Калитинского, мацестинская фибула приближается к 1-му типу 2-го варианта [16], а по А. К. Амброзу — к пятому варианту [17]. Но, учитывая дуговидную форму спинки мацестинской фибулы, а также единую датировку всего нашего комплекса (канфар, монеты, стеклянный сосуд и др.), мы считаем, что рассматриваемую фибулу следует отнести к неизвестному нам до сих пор более раннему варианту лучковых подвязных фибул, и дата ее не выходит за рамки первой половины II в.

6. Бусы. 2 экз., кварцевые (рис. 1, *4—5*).

1. (рис. 1,*4*) круглая в сечении, матового цвета, с хорошо шлифованной поверхностью. Диаметр отверстия 4 *мм*.

2. (рис. 1, *5*) округло-четырехугольная, молочного цвета; диаметр отверстия 2 *мм*.

7. Меч (рис. 1, *10*) — из цельного железного листа, двулезвийный, плоско-овальный в сечении, с умышленным изломом посредине и фрагментированным концом. Клинок переходит к черенку под косым углом. На рукояти сохранился железный гвоздь, служивший для прикрепления планки. Общая длина сохранившейся части 81,5 *см;* наибольшая ширина лезвия 4 *см;* аналогичные мечи широко представлены во многих памятниках позднеримской эпохи на юге нашей страны — в Абхазии [18], в Западной Грузии [19], в Северном Причерноморье [20], в Южном Поволжье [21]. Н. И. Сокольский, посвятивший специальное исследование древним мечам Северного Причерноморья, аналогичные изделия датирует I—II вв. [22]

8. Оселок (рис. 1, *9*) — удлиненно-четырехугольной формы, квадратный в разрезе, со сквозным отверстием, по-видимому, служившим для подвешивания к поясу [23]. Длина 4,3 *см*.

Канфар, монеты и бальзамарий позволяют отнести рассматриваемое погребение ко времени, не позднее середины II в. Публикуемый материал может послужить определенным вкладом в разработку истории и материальной культуры населения позднеантичной эпохи Западного Закавказья и освещает его связи с внешним миром.

---

[12] Г. А. Ломтатидзе. Клдетский могильник. Тбилиси, 1957, стр. 146—147, рис. 3, 15, 18.

[13] Н. В. Хоштария. Чхороцку, могильник с трупосожжением (захоронение в урнах) и отстатки поселений. МИГК, II, Тбилиси, 1941, стр. 72, табл. II.

[14] И. В. Спицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 79.

[15] Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, 4, стр. 144, рис. 7, 8.

[16] А. П. Калитинский. О некоторых формах фибулы из Южной России. Прага, 1927, стр. 201—202, табл. XVI, *23*.

[17] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. Д 1—30, М., 1966, стр. 51, табл. IX, *11—13*.

[18] М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Тр. АИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, стр. 266, рис. 5, *1*; Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА, 1965, 2, стр. 264, рис. 2, *6*.

[19] Г. А. Ломтатидзе. Ук. соч., стр. 132, рис. 26; Н. В. Хоштария. Ук. соч., тр. 82, табл. VII.

[20] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 150, табл. V, *2*.

[21] И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник», 2, Гос. Эрмитаж, Л., 1961, стр. 153, рис. 8, *1*.

[22] Н. И. Сокольский. Ук. соч., стр. 165, рис. 2.

[23] По нашим личным наблюдениям во время раскопок цебельдинских позднеантичных могильников, оселки, как правило, находились у костяков в области таза — живота.

И. С. ВИНОКУР

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ МЕЛЬНИЧНОГО СООРУЖЕНИЯ III—IV ВВ. Н. Э.

При раскопках 1959—1961 гг. на поселении черняховской культуры у с. Иванковцы Любарского района Житомирской области были выявлены остатки мельничного сооружения, которое находилось в наземной постройке. Основные материалы этого производственного комплекса уже опубликованы [1]. В этой заметке мы рассматриваем реконструкцию иван-

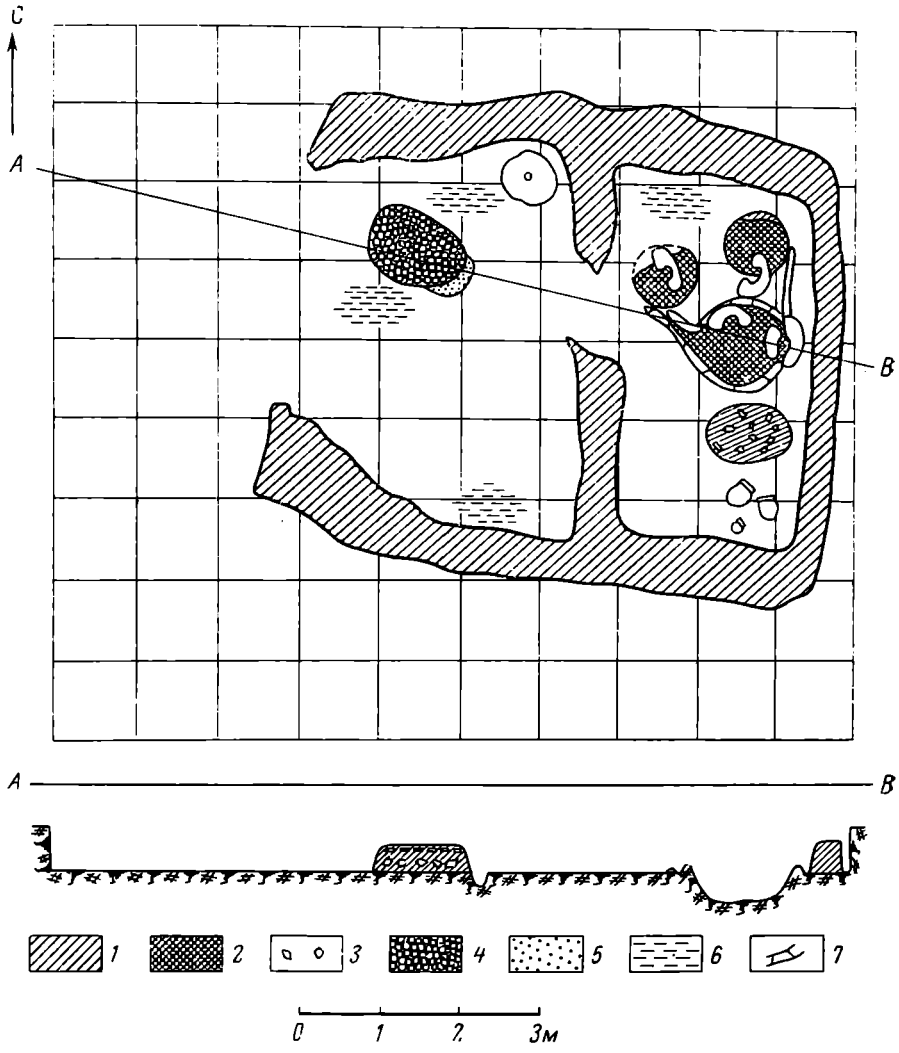


Рис. 1. План помещения с мельничным сооружением
1 — глиняная обмазка стен; *2* — сильно обожженная глина; *3* — камни; *4* — под печи; *5* — зола; *6* — уголь; *7* — бортики из глины, ограничивающие канавки

ковецкого мельничного сооружения и его значение для изучения истории земледельческих племен Юго-Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.

Наземная постройка, в которой находилось мельничное сооружение, была двухкамерной. В одной половине помещения был расчищен под глинобитной печи, а неподалеку от внутренней стены-перегородки — нижний круглый камень от жерновов из гранита, с небольшим углублением в центре. Диаметр жернова 0,60 *м*, толщина — 0,18 *м* (рис. 1).

Во второй половине постройки в ее углу и было обнаружено интересующее нас сооружение (рис. 1) — два возвышения в форме усеченных

[1] И. С. Винокур. Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы. МИА, 116, 1964, стр. 180—181.

конусов, сооруженные на подсыпке и обмазанные глиной. Поверхность их сильно обожжена. Диаметр возвышений 0,6—0,7 *м*; высота — 0,35—0,40 *м*. Они отстояли друг от друга на 0,7 *м*. На стенках возвышений прослежены следы частой подмазки, вследствие чего их поверхность как бы каннелирована. Перед возвышениями расчищено углубление округлой формы, также подмазанное глиной, с обожженной поверхностью (ди-

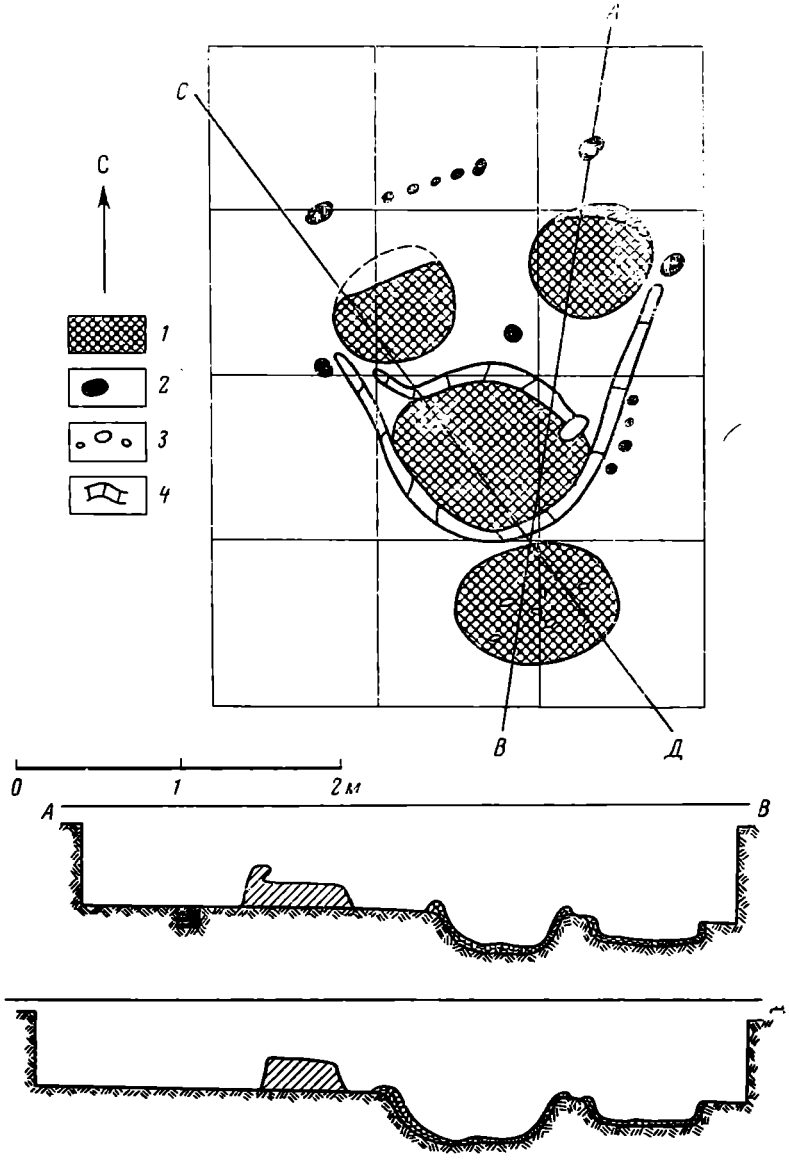


Рис. 2. План и разрезы мельничного сооружения

1 — обожженная глина; *2* — ямки от столбов; *3* — камни; *4* — глиняные бортики

аметр углубления 1,2 *м*; глубина — 0,35 *м*). Рядом находилась выгребная яма овальной формы. Основание ее было выложено камнем и обмазано глиной (продольная ось ее — 0,9 *м*; глубина — 0,20 *м*); (рис. 2).

На возвышениях и в углублении перед ними лежали обломки двух пар круглых каменных жерновов из гранита, размеры которых в общем соответствуют величине круглого камня от жерновов из первой камеры. Жернова были сдвинуты со своего первоначального места в момент гибели всей постройки от пожара, следы которого четко прослежены. Такому положению жерновов способствовала и наклонная поверхность всего сооружения, резко опускающаяся в сторону округлой и выгребной ям (рис. 3).

Вокруг глиняных возвышений выявлены ямки с остатками обгорелых деревянных столбов (диаметр их 7—10 *см*). Остатки этих деревянных деталей (рис. 2), как нам кажется, не случайны. Предполагать, что две пары каменных жерновов находились непосредственно на глиняных возвышениях, нельзя, так как движение жерновов привело бы к быстрому разрушению этих возвышений.

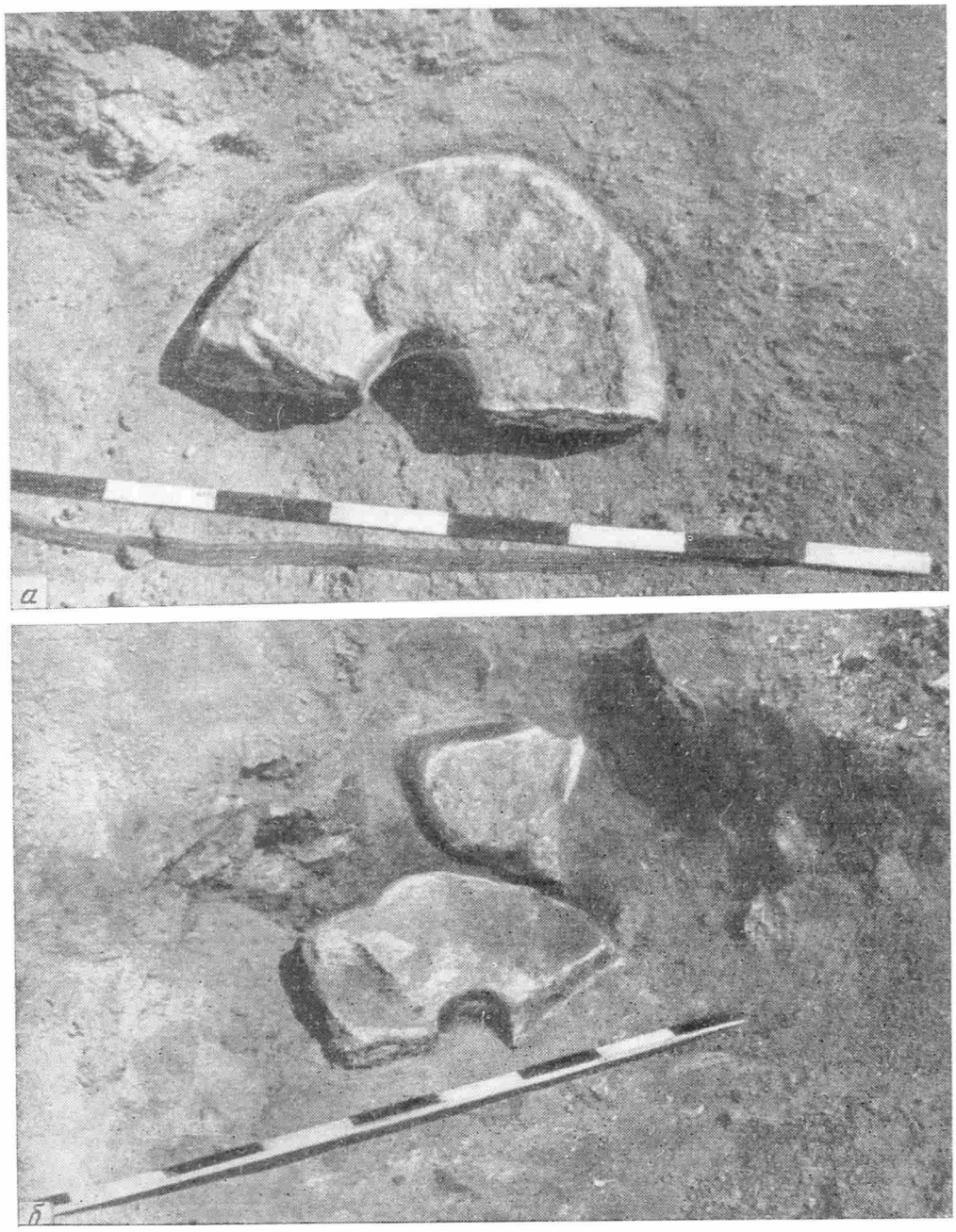


Рис. 3. Расчистка обломков жерновов на месте мельничного сооружения

Остатки оснований обгорелых вертикально вкопанных столбов дают, по нашему мнению, возможность предполагать наличие деревянного настила, покоившегося на столбах и находившегося над конусовидными возвышениями. Тогда станет понятным местоположение частей круглых каменных жерновов, а также назначение глиняных возвышений и находящегося перед ними вымазанного глиной углубления.

Поверхность конусовидных глиняных возвышений имела следы подправки и подмазки глиной. Это также не случайно и дает возможность предполагать, что от деревянного настила, расположенного над возвыше-

ниями, были опущены вниз деревянные штыри каркасов, в которых находились жернова.

Предполагаемая нами реконструкция мельничного сооружения учитывает наблюдения, сделанные при исследовании объекта, а также данные среди аналогичных материалов черняховской культуры Побужья [2] и Поднестровья [3]. В реконструированном виде мы имеем две пары каменных жерновов, вмонтированные в деревянный настил на столбах. Под настилом, точно под жерновами, находится два глиняных возвышения в форме усеченных конусов, к которым опущены от настила деревянные штыри, оконтуривающие возвышения. При вращении жерновов смолотая мука ссыпалась, очевидно, в пределах деревянных штырей и попадала на глиняные возвышения, а оттуда, благодаря наклонной плоскости возвышений и всего сооружения, частично самотеком, а частично с помощью человека попадала в вымазанную глиной яму (рис. 4).

Мельничное сооружение хорошо датируется. Под обвалом стены в юго-восточном углу помещения найдено три раздавленных гончарных сосуда (рис. 1). Это типичные горшки черняховской культуры (рис. 5, *1—3*). На территории постройки найдена также железная фибула с прямоугольной в сечении высоко поднятой спинкой, с пластинчатым приемником. За пределами помещения найден обломок еще одной железной фибулы арбалетовидной формы, характерной для III—IV вв н. э.[4] Что же касается первой фибулы, то она может быть отнесена к концу IV — началу V в. н. э.[5] (рис. 6, *1—2*).

В свете наших наблюдений заслуживают специального рассмотрения и отдельные важные для технологии мукомольного производства детали. Все жернова, известные на черняховских поселениях Волыни и других смежных территорий, имеют в основном правильную круглую форму. Нижние камни, как правило, имеют хорошо сработанную поверхность. В центре рабочей поверхности нижнего жернова всегда имеется коническое круглое углубление, диаметр которого в среднем составляет 3—4 *см*, глубина — 1,5—3 *см*. Из нижних жерновов на Волыни мы не знаем ни одного со сквозным отверстием. Верхние жернова ручных мельниц III—IV вв н. э. всегда имеют отверстия в центре. Последние бывают круглой или квадратной формы. Диаметр отверстий в среднем 8—10 *см*.

Принцип действия жерновов состоит, как известно, во вращении верхнего камня на неподвижном нижнем. Зерно, несомненно, должно было засыпаться через центральное отверстие верхнего жернова и, попадая меж камней, смалываться на муку. Опыт реконструкции мельничного сооружения в Иванковцах показывает, что круглые каменные жернова при работе ими должны были находиться на деревянном настиле.

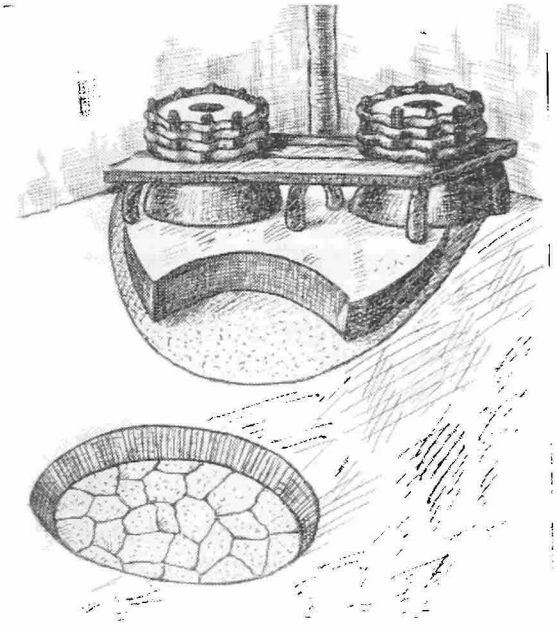


Рис. 4. Опыт реконструкции мельничного сооружения

---

[2] Е. О. Симонович. Спроба реконструкції млина перших століть нашої ери. Нариси з історії техніки. 6, Київ, 1960, стр. 151—157.

[3] Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища. МИА, 82, 1960, стр. 311.

[4] O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibel-jormen. Leipzig, 1923.

[5] J. Kovrig. Die Haupttypen der Kaiserzeitlichen Fibeln in Pannonien. Dissertationes Pannonicae, cep. II, 4, 1937, XII—131.

Удерживание верхнего камня во время вращения на нижнем всегда осуществлялось при помощи деревянных деталей плетенки, составлявшей как бы кожух или каркас цилиндрической формы [6]. При этом интересно отметить, что конструктивные особенности известных в настоящее время круглых каменных жерновов с поселений черняховской культуры не предполагают обязательной необходимости наличия центрального стержня, вокруг которого бы вращался жерновой камень. Углубление, имеюще-

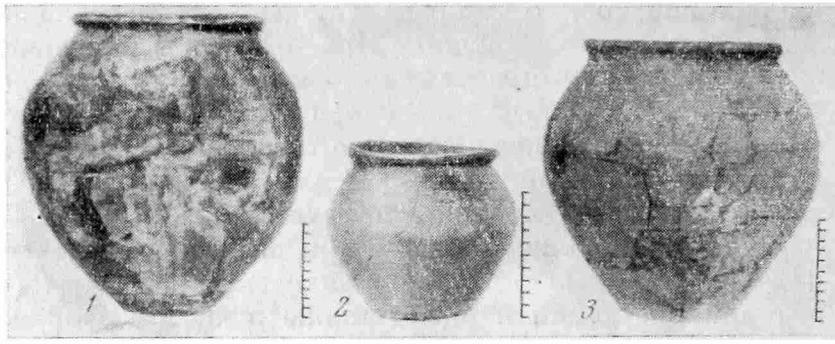


Рис. 5.

1, 2, 3 — гончарные сосуды из постройки с мельничным сооружением

еся в центральной части рабочей поверхности нижнего жернова, не могло служить гнездом для железной, например, оси. Эти углубления, как указывалось, имеют коническую форму и недостаточно глубоки для того, чтобы можно было закрепить в них железный стержень. И, самое главное, конструктивные особенности жерновов не предусматривают необходимости наличия центральной оси. Дело в том, что верхний камень таких жерновов хорошо удерживался на нижнем благодаря деревянным конструкциям [7]. Кроме того, сама форма некоторых экземпляров каменных жерновов говорит о хорошем сцеплении верхнего камня с нижним. Так, многие верхние камни имеют слегка вогнутую рабочую поверхность, тогда как нижние в такой же мере — выпуклую [8].

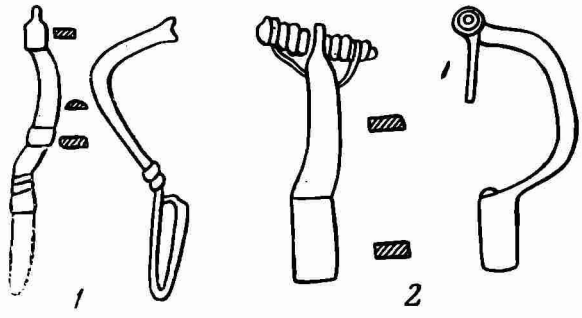


Рис. 6.

1, 2 — железные фибулы

Для чего же служили углубления, имеющиеся в центральной части нижних камней жерновов? Ответ на этот вопрос дает форма указанных углублений. В самом деле, засыпавшееся через квадратное или круглое отверстие верхнего жернова зерно попадало в коническое углубление в центре нижнего камня. Во время вращательного движения в силу действия центробежной силы

---

[6] На Будештском селище в Молдавии Э. А. Рикман также обнаружил остатки ручной мельницы в жилище. Причем расположение жерновов привело его к выводу, что они должны были находиться при работе на деревянном настиле.

[7] Такие деревянные конструкции присутствуют во всех жерновах, известных по этнографическим данным. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 319, рис. 74. На территории Волыни по этнографическим материалам также прослежено использование деревянных каркасов в ручных жерновах.

[8] Особенно интересны в этом плане формы и детали круглых каменных жерновов, найденных на поселениях III—IV вв. н. э. в Молдавии (Балцаты, Кобуска Веке, Лопатна и др.). Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, 89, 1960, стр. 322.

зерно равномерно поступало из конического углубления под верхний жернов. Многие параллели в этнографических материалах Волыни, Поднестровья и других районов Украины указывают на пользование ручными жерновами, не имеющими центральных осей и находящихся в деревянном ящике. Польский исследователь И. Виеловейский также свидетельствует об известных ему случаях нахождения круглых каменных жерновов с остатками деревянных деталей (Турбии, Вроцлав-Партинице) [9].

Таким образом, тип ручных жерновов, представленных на поселениях черняховской культуры Волыни и других смежных районов, не предусматривал обязательной необходимости наличия стержня в центре. Жернова этого типа могли с успехом использоваться, будучи помещенными в деревянные каркасы. Об этом свидетельствуют остатки мельничного сооружения в Иванковцах, а также другие данные, о которых мы уже говорили [10].

Не исключено, однако, что в жерновах других типов могла быть центральная ось. Так, в приведенной И. Виеловейским паре жерновых камней из Новой Гуты [11] сквозное отверстие имеется не только в верхнем, но и в нижнем камне (причем диаметр отверстия в нижнем камне несколько меньше, чем у верхнего).

По имеющимся археологическим материалам трудно установить, каким образом приводился в движение верхний жернов. Большинство известных каменных жерновов с черняховских поселений не имеют сбоку никаких отверстий, в которые могли бы вставляться деревянные рукоятки. Правда, в Молдавии, например, известны верхние жернова с вырезами или гнездами [12]. Для выяснения вопроса о способах приведения в движение верхних камней жерновов мельничного сооружения Иванковцев и других аналогичных пунктов, где на селищах III—IV вв. н. э. также прослежены остатки ручных мельниц в виде обломков нижних и верхних камней жерновов, мы обратились к этнографическим параллелям. Оказалось, что на территории Волыни, Поднестровья и других районов Правобережной Украины ручные каменные жернова приводились в движение при помощи заостренной палки, иногда заканчивающейся железным наконечником. Палка, приводящая в движение верхний жерновой камень, всегда свободно подвешена на перекладине. При работе на таких жерновах острие палки упирается в бугристую (плохо обработанную) поверхность на краю верхнего жернова, центральное же квадратное или круглое отверстие, лишенное оси стержня, служит для засыпки зерна [13]. Такой же принцип приведения в действие жерновов известен по этнографическим материалам на территории Польши и Чехословакии [14].

Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э. из Иванковцев показывает, что оно функционировало продолжительное время. Использование этого сооружения предполагало необходимость работы минимально 3—4 человек (два на вращении ручных жерновов, один-два — для засыпки зерна, выгребания и ссыпания смолотой муки в тару). Вместе с остатками ручных мельниц III—IV вв. н. э. других районов распро-

---

[9] J. Wielowiejski. Przemiany gospodarzo-społeczne u ludnosti południowej Polski w okresie poznałatenskih i rzymskih. Materialy starozytne, VI, Warszawa, 1960, стр. 37—40.

[10] Если бы железные оси были необходимым атрибутом ручных мельниц указанного типа, то они обязательно были бы найдены в Иванковцах, где помещение с мельничным сооружением сгорело в древности и поэтому все детали остались на месте.

[11] J. Wiełowiejski. Ук. соч., стр. 37—40.

[12] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья, стр. 322.

[13] Такие ручные жернова мы наблюдали на Волыни в селах Иванковцы, Стрижевка, Слободище и др. (т. е. непосредственно в районе, связанном с подобными находками с селищ черняховской культуры).

[14] Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 318—319.

странения черняховской культуры [15] мельничное сооружение Иванковецкого селища, имевшее хорошую сохранность, указывает на значительное по тому времени развитие механизации процесса размола зерна. Это значительно увеличивало производительность труда. Внедрение жерновых поставов находилось в прямой зависимости от усовершенствования техники земледелия, следствием чего явилась потребность размола большого количества зерна [16].

Г. Б. Федоров сделал интересные наблюдения, касающиеся топографии остатков ручных мельниц на селищах черняховской культуры в Молдавии. Интересно, что жернова или их обломки найдены на некоторых поселениях в одном месте или на очень небольшой площади, обычно на окраине селищ [17]. Последнее, как полагает Г. Б. Федоров, указывает на то, что помол зерна, по кайней мере на некоторых селищах, происходил в одном месте, т. е. был делом общественным [18]. Иванковецкое мельничное сооружение также расположено на окраине селища, на его юго-восточной оконечности, вероятно, имело не домашний характер. В самом деле, две пары каменных жерновов, на которых производился помол зерна в специальной камере, нижний запасной камень от жерновов, лежавший на полу у стены второй камеры,— все это фиксирует обстановку цельного производственного комплекса, действие которого, несомненно, было рассчитано на непрерывность размола большого количества зерна. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то обстоятельство, что, говоря об общественной атрибуции мельничного сооружения в Иванковцах, можно предполагать здесь наличие элементов рабства [19]. В условиях общества, оставившего памятники черняховской культуры на территории Юго-Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э. и переживавшего период начавшегося классообразования, элементы домашнего рабства вполне допустимы.

[15] Е. О. Симонович. Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі. Археологія, VI, Київ, 1952; Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища.

[16] J. Wiełowiejski. Ук. соч., стр. 406.

[17] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья, стр. 106.

[18] Там же.

[19] Мы глубоко признательны Б. А. Рыбакову за это указание (выступление Б. А. Рыбакова на секции славяно-русской археологии пленума Института археологии АН СССР, М., 1961).

В. Б. ВИНОГРАДОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК У СЕЛЕНИЯ ХАРАЧОЙ В ГОРНОЙ ЧЕЧНЕ

Селение Харачой расположено в юго-восточной части Чечни, именуемой Ичкерией, на берегу р. Хулхулау, вблизи перевальной дороги, ведущей в Дагестан. Оно уже давно известно своими памятниками древности, среди которых особое место занимает могильник конца бронзового — начала раннего железного века, давший вместе с могильником у дагестанского с. Каякент имя каякентско-харачоевской культуре [1]. Однако вплоть до недавнего времени в этом районе, как и во всей горной Чечне, не были открыты памятники раннего средневековья.

Теперь положение изменилось. В марте 1966 г. в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт поступило сообщение от первого секретаря Веденского РК КПСС тов. А. С. Ибриева о том, что на южной окраине Харачоя местными жителями открыт неизвестный прежде могиль-

[1] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958; Восстановление на картах правильного звучания названия селения Харачой (вместо ошибочного Хорочой) побуждает внести соответствующее изменение и в название археологической культуры.

ник. Вместе с научным сотрудником С. Т. Умаровым я выехал на проверку сигнала. Действительно, у подножия крутого мыса, исследованного в прошлые годы В. И. Марковиным [2], оказался каменный ящик, разрушенный сельчанами.

По словам харачоевцев, подобные могилы часто обнажаются в отвесных берегах русла небольшой горной речушки, притока Халхулау. Очевидцы утверждали, что в погребениях бывает много различных предметов, однако никто ими не интересовался и, как полагали присутствовавшие, они были утеряны [3]. К счастью, это оказалось не так. Во время беседы в сельской школе выяснилось, что семиклассник Магомед Базаев уже около года посещает место могильника и собрал большую коллекцию вещей из нескольких могил, размытых бурным потоком. Почти все предметы, найденные М. Базаевым, относятся к категории украшений. Исключение составляют гончарный горшок серо-черного цвета (рис. 1, *1*) и железный обоюдоострый кинжал с вырезами у основания лезвия (рис. 2, *21*). Все остальные металлические вещи сделаны из бронзы.

Три фибулы с горизонтальными приемниками представляют собой тип арбалетовидных застежек. Их железные язычки не сохранились (рис. 1, *2—4*). Массивные браслеты (четыре штуки) имеют утолщенные концы (рис. 2, *1—3*), а один из них снабжен валиком в центральной части (рис. 2, *2*). Четыре подвески представляют собой различную степень стилизации (от легко трактуемого изображения до голой схемы) одного мотива — ухо и рога горного козла (рис. 1, *13*; 2, *4*, *5*). Этот мотив оформляет и концы треугольной поясной пряжки с подвижным язычком (рис. 1, *5*). Есть фигурная пряжка и другого типа (рис. 1, *6*), а также подвески в виде кольца с 14-гранником на нем (рис. 1, *12*; 2, *7*), четыре спиралевидных накосника (рис. 2, *17*), две пряжки со следами железного язычка (рис. 2, *6*), фрагмент зеркала с ручкой-выпуклиной в центре тыльной части (2, *20*) и тяжелая 6-лепестковая бляха с бессистемно напаянными на нее капельками бронзы (рис. 1, *8*), Особого упоминания заслуживают литые подвески в виде морды медведя (рис. 1, *9*), головы быка (рис. 1, *11*) и фигурки вепря (рис. 1, *10*), а также круглая плоская бляха с шестью «лучами» — полумесяцами, имитирующими, возможно, бычьи рога (рис. 1, *7*).

В богатом наборе разнообразных бус преобладают мелкие стеклянные бусины синего, голубого, зеленого и коричневого цветов. Несколько крупных бусин тщательно выточены из халцедона и опала (рис. 2, *8*, *11*, *16*), а также агата (рис. 2, *9*, *18*). Шесть стеклянных бусин имеют форму 14-гранников синего цвета (рис. 2, *13*, *19*), плоскости одной зеленой бусины той же формы инкрустированы желто-красными глазками из пасты (рис. 2, *12*). Одна синяя пастовая бусина имеет белые глазки (рис. 2, *16*), другая (голубая) — рифленая (рис. 2, *10*).

Материал, переданный нам М. Базаевым, был настолько интересен и нов для этого района Чечни, что было решено провести здесь раскопки. В августе 1966 г. четвертый отряд Северокавказской археологической экспедиции прибыл в Харачой для обследования нового могильника (руководитель экспедиции К. И. Крупнов, начальник отряда — В. Б. Виноградов). Исследование погребений было затруднено тем, что они, находясь на глубине 1,2—1,6 *м*, перекрыты мощным наносом крупных булыжных камней и валунов. Отряд произвел расчистку тех могил, которые были уже затронуты руслом потока и частично обнажились в обрывах его берегов.

---

[2] См. Научные отчеты СКАЭ за 1959 и 1961 гг., а также: В. И. Марковин. Материалы по археологии горной части восточной Чечни. Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966, стр. 120—139.

[3] Возможно, что из этого могильника происходят немногочисленные раннесредневековые предметы из бронзы (браслеты, подвеска), переданные Б. Дукузаевым в 1961 г. В. И. Марковину. Находки, однако, не повлекли за собой даже разведок местонахождения нового памятника (См.: В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 132—133, рис. 5, *4—5*).

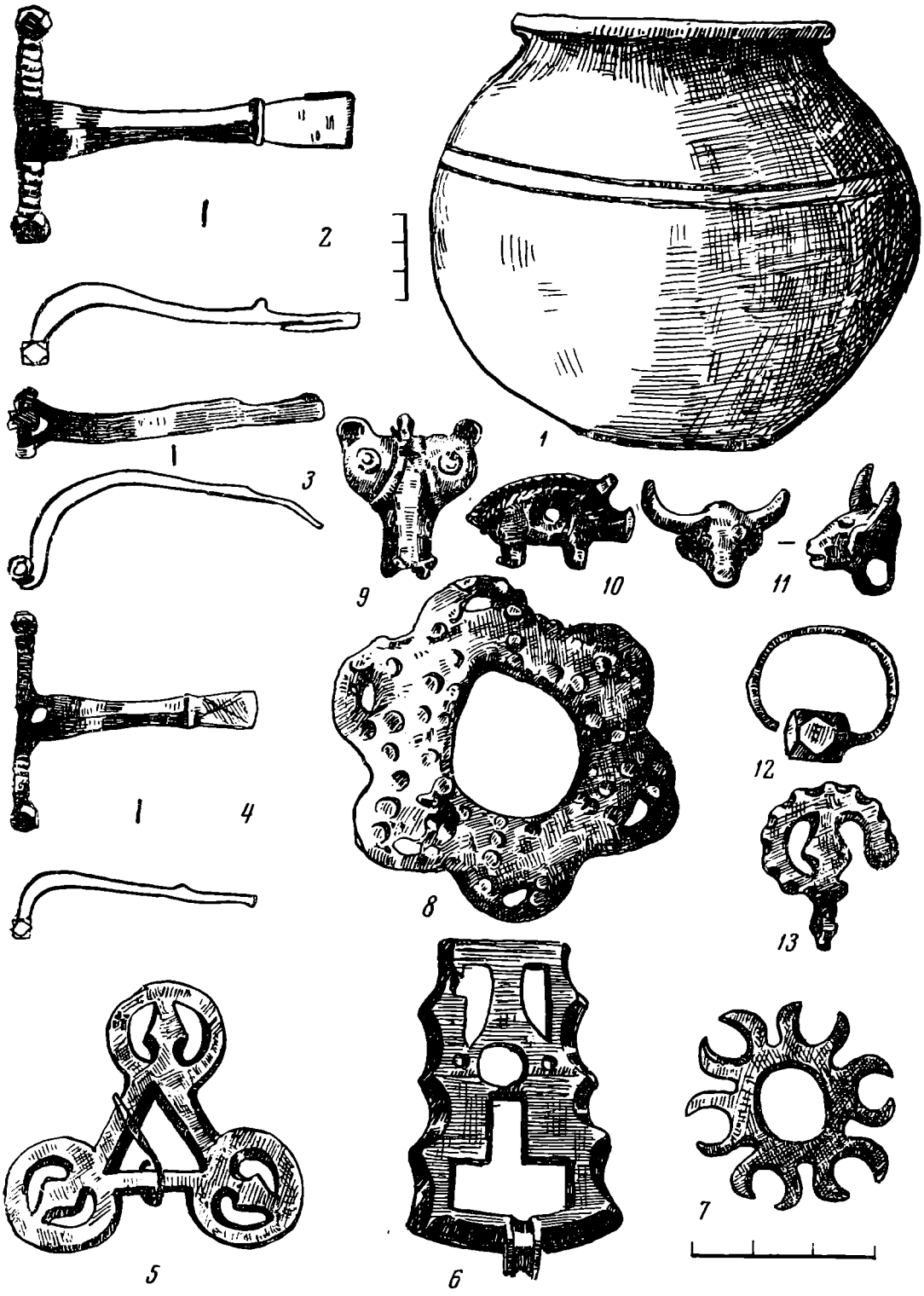


Рис. 1. Вещи из разрушенных погребений Харачоевского могильника

1 — гончарный горшок, *2—4* — фибулы, *5—6* — поясные пряжки, *7—8* — бляхи, *9* — подвеска в виде морды медведя, *10* — подвеска в виде фигурки вепря, *11* — подвеска в виде головы быка, *12—13* — височные подвески (*1* — глина, *2—13* — бронза)

Погребение № 1. Оно было совершено на глубине 1,21 *м* и представляло собой захоронение в каменном ящике, сложенном из тщательно обработанных плит (нижняя часть снесена потоком). Прямоугольная гробница ориентирована широтно. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад (рис. 3, *1*). Южнее черепа были найдены: бронзовая подвеска в виде коровьей головы (рис. 3, *3*) и две бусины (агатовая и пастовая) (рис. 3, *4*, *5*). У локтя правой руки лежала бронзовая ложечка (рис. 3, *2*).

Погребение № 2 (глубина 1,54 *м*). Прямоугольный каменный ящик сложен из вертикально поставленных плит и ориентирован с северо-во-

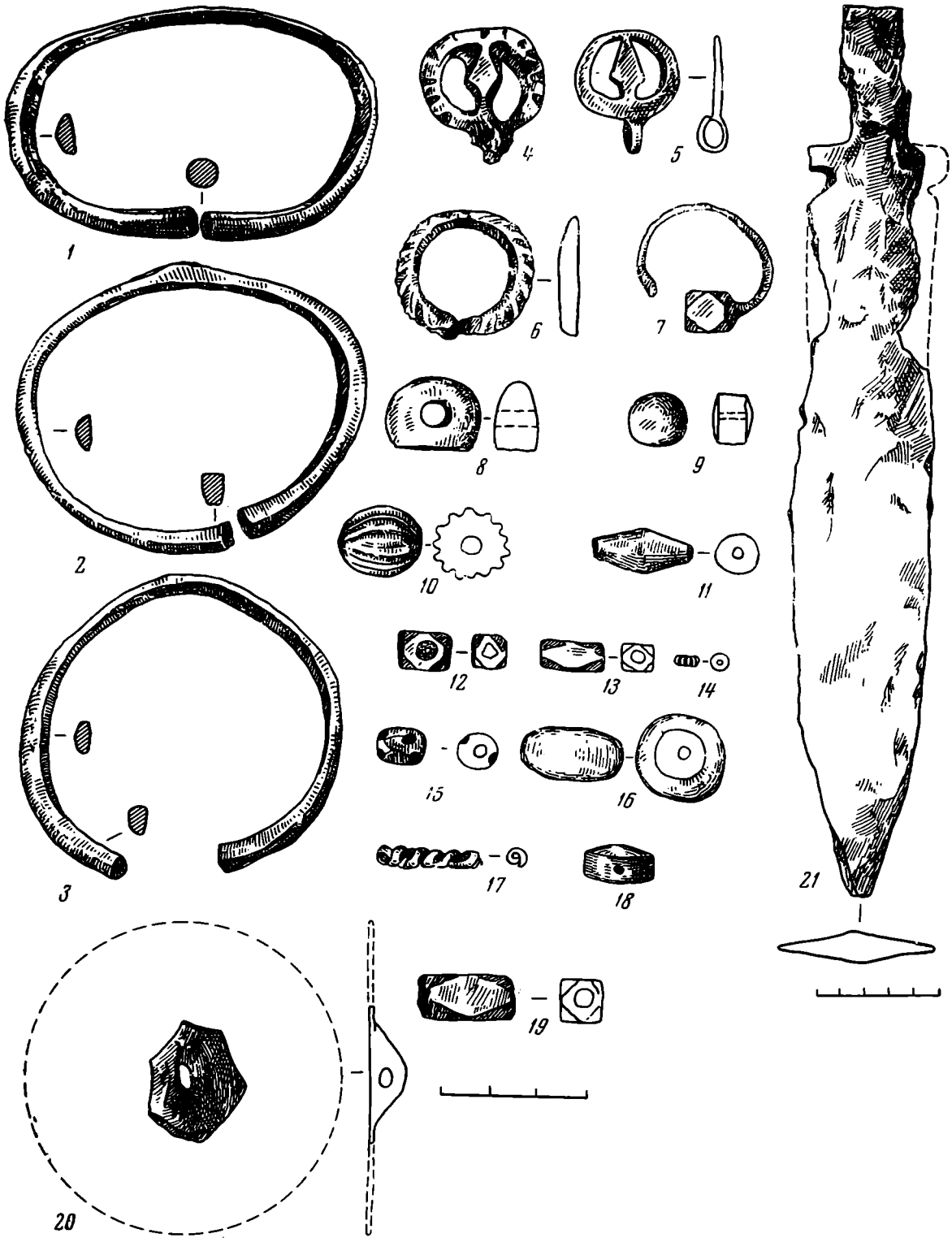


Рис. 2. Вещи из разрушенных погребений
1—3 — браслеты, *4—7* — подвески, *8—16, 18—19* — бусы из различных материалов, *17* — накосник, *20* — обломок зеркала, *21* — кинжал (*1—7, 17—20* — бронза, *21* — железо)

стока на юго-запад (рис. 3, *6*). В гробнице оказались плохо сохранившиеся кости скелета, создающие впечатление скорченного положения костяка. В западной половине могилы найдены бронзовая большая подвеска с 14-гранником, бронзовая сережка с гроздью и набор бус (рис. 3, *7—12*). Складывается впечатление, что погребение было потревожено в древности.

Погребение № 3 (глубина 1,2 *м*). Сохранившаяся часть каменного ящика, ориентированного с запада на восток, сложена из вертикально поставленных плит (западная часть гробницы снесена потоком). Костяк со-

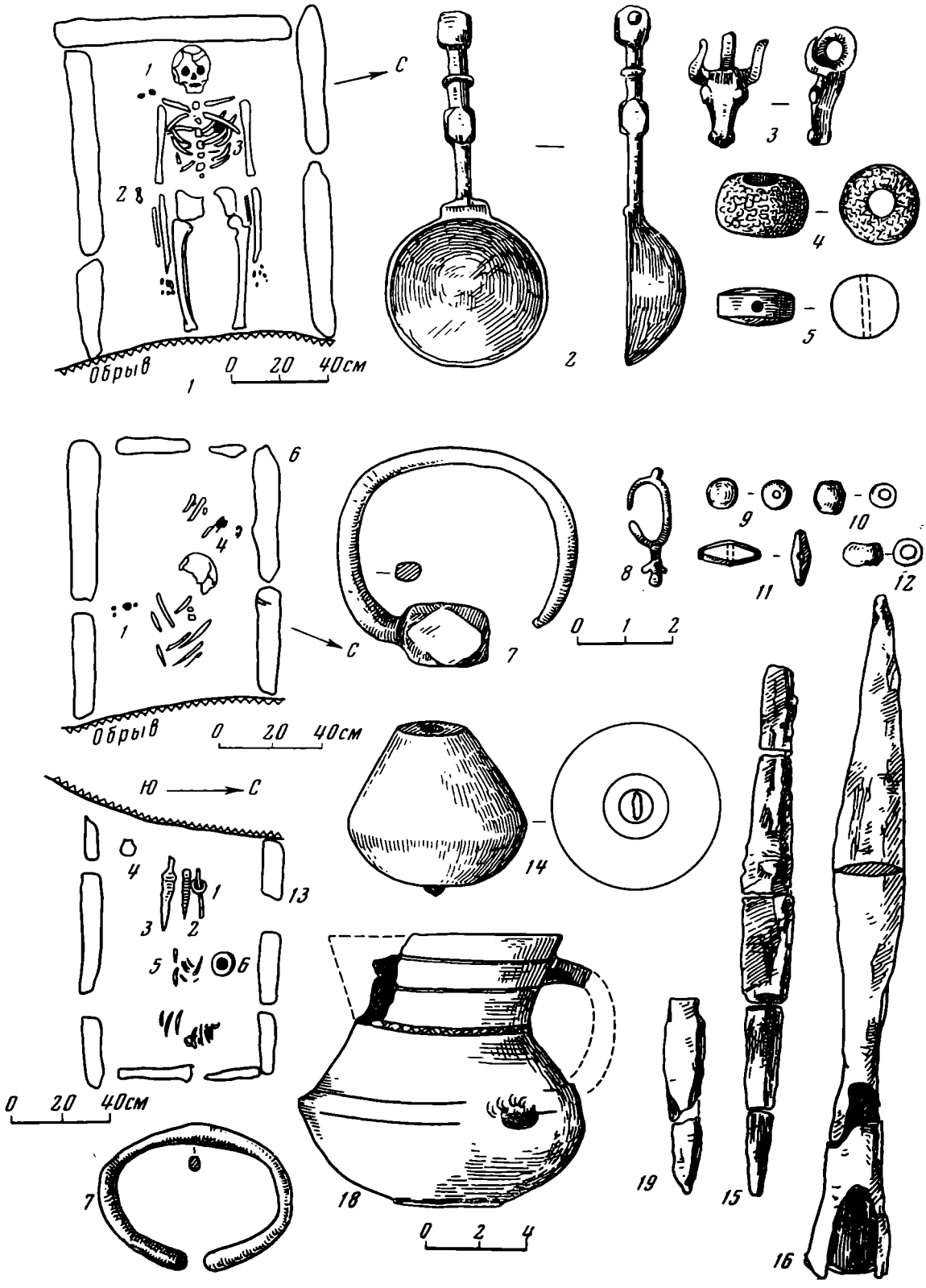


Рис. 3. Материалы погр. № 1—3

1 — чертеж погр. № 1, *2* — бронзовая ложка, *3* — бронзовая подвеска в виде головы коровы, *4—5* — пастовая и агатовая бусины (все из погр. № 1), *6* — чертеж погр. № 2, *7—8* — бронзовые подвески, *9—12* — стеклянные бусы (все из погр. № 2), *13* — чертеж погр. № 3, *14* — гранитная булава с железным клинышком, *15* — железный нож, *16* — железное копье, *17* — бронзовый браслет, *18* — глиняный кувшинчик, *19* — обломок железного ножа (все из погр. № 3)

хранился чрезвычайно плохо (рис. 3, *13*) и позу покойника установить не представляется возможным.

Это погребение воина. Близ восточной стенки найдено скопление костей барана и неподалеку от него — гончарный серый сосуд с одной ручкой, и сосцевидными выпуклинами и линейным орнаментом на тулове

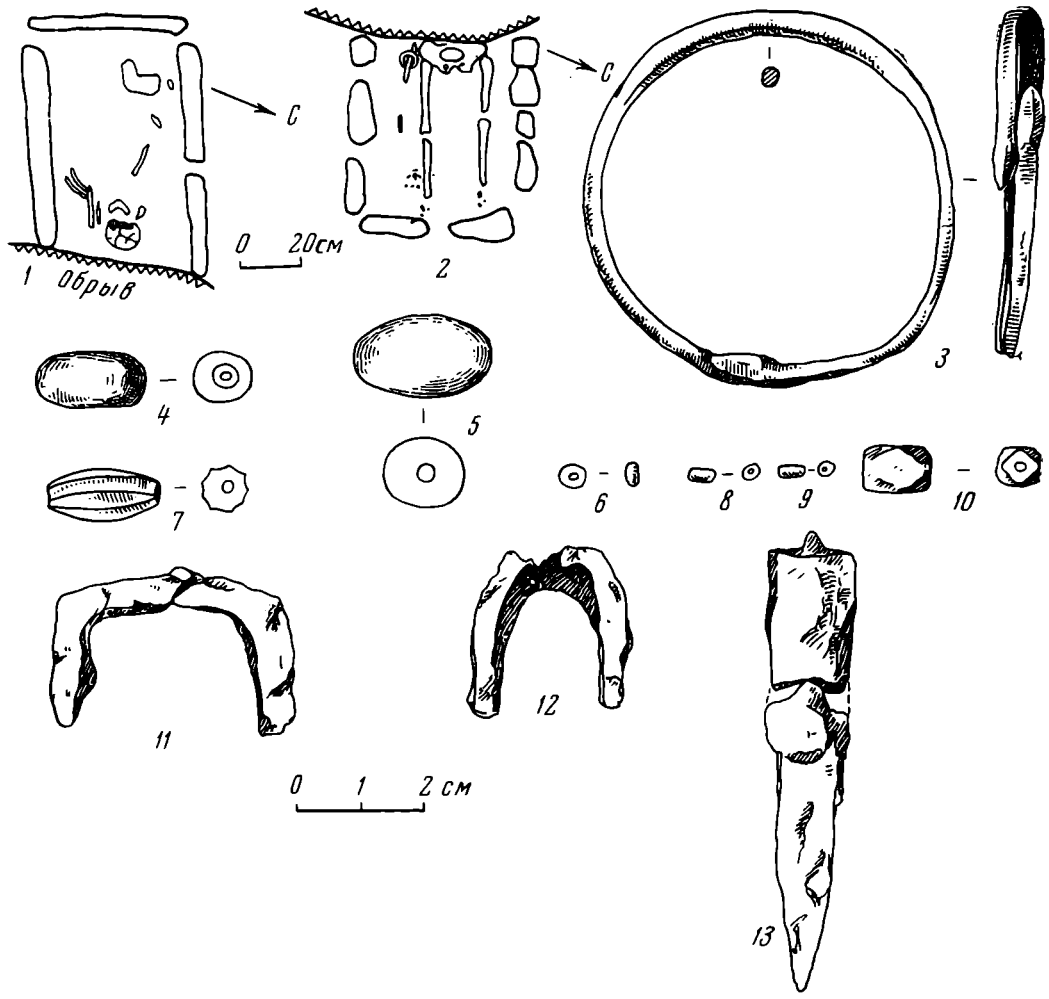


Рис. 4. Материалы погр. № 4, 5

1 — чертеж погр. № 4 (без находок), *2* — чертеж погр. № 5, *3* — бронзовый браслет, *4—10* — янтарная, халцедоновая и стеклянные бусы, *11—12* — железные обоймицы, *13* — ножичек (все из погр. № 5)

(рис. 3, *18*). В центральной части погребения лежали железный наконечник копья ланцетовидной формы (длина 28 *см*), нож (длина 22 *см*) и маленький ножичек, остриями к востоку (рис. 3, *15*, *16*, *19*). Тут же находился бронзовый браслет, надетый на лучевую кость руки (рис. 3, *17*). В юго-западной части гробницы поднята прекрасно отполированная булава из красного гранита с железным клинышком во втулке (рис. 3, *14*).

Погребение № 4 (глубина 1, 3 *м*). Каменный ящик прямоугольной формы сложен из вертикально поставленных плит, ориентирован по линии северо-восток — юго-запад (северо-восточная часть разрушена рекой) (рис. 4, *1*). Могила явно потревожена: находок нет, кости скелета сложены бесформенной кучей в центральной части ящика.

Погребение № 5 (глубина 1,37 *м*). От могилы, обложенной камнями, сохранилась нижняя половина. Могила была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. От костяка, лежавшего вытянуто на спине головой на юго-запад, сохранилась нижняя половина (рис. 4, *2*). На лучевой кости правой руки оказался бронзовый браслет с концами в виде змеиных головок (рис. 4, *3*). В ногах — железный ножичек, янтарная, хрустальная и несколько стеклянных бусинок и обломки двух железных обоймиц (рис. 4, *6—13*).

Материалы нового Харачоевского могильника сразу же выводят его в число незаурядных источников по местной истории, так как он на сегодняшний день единственный памятник такого типа, исследованный в горной зоне Чечни.

Прежде всего следует обосновать датировку могильника. Она представляется мне в пределах конца IV—VII вв. Именно в этот хронологический диапазон укладывается в основном весь комплекс вещевых находок в погребениях.

Оба сосуда (рис. 1, *1*, 3, *18*) представляют собой весьма распространенные типы керамики в аланских древностях Северного Кавказа конца IV—VI в.[4]. Формы оружия из могилы № 3, наконечник копья, длинный нож, граннтная булава (рис. 3, *14—16*), достаточно неопределенны по времени своего бытования (скифо-сармато-аланская эпоха), но кинжал из коллекции М. Базаева (рис. 2, *21*) входит во все увеличивающуюся группу характерных кинжалов с выступами под пяткой клинка, бытующую во II—VI вв.[5]. Набор арбалетовидных фибул (рис. 1, *2—4*) и поясных пряжек (рис. 1, *5*, *6*; 2, *6*) представляется типичнейшим для IV—VII вв., что подтверждается массовыми аналогиями в твердо датируемых памятниках Предкавказья (от Прикубанья до Дагестана)[6].

То же самое можно сказать о браслетах[7] и разнообразных височных подвесках из могильника[8]. В памятниках V—VII вв. находят аналогии и такие предметы, как бронзовая ложка (рис. 3, *2*)[9], подвески в виде голов коровы и быка (рис. 1, *11*; 3, *3*)[10] и морды медведя (рис. 1, *9*)[11], не говоря уже о зеркале (рис. 1, *20*) и великолепном наборе бус, обычном для памятников аланской культуры[12]. Несколько уникальных предметов, аналогии которым мне неизвестны (рис. 1, *7, 8, 10*), не меняют общей картины, согласно которой наличный состав погребального инвентаря Харачоевского могильника укладывается в рамки конца IV—VII в. Правда, отдельные категории находок (например, височные подвески, браслеты) бытуют и позднее (вплоть до X в.), но весь комплекс предметов не позволяет, пожалуй, говорить о более широком хронологическом диапазоне этого могильника[13].

---

[4] См., например: В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, рис. 15, 24, 27.

[5] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1957, табл. VIII. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 33, *2*; 41; 2—*4*; В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 гг. ИАК, 56, Пг., 1914, стр. 125, 126, рис. 16 и др.

[6] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д 1—30, 1966, табл. 16; Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века. Тр. КЧНИИ, IV, Ставрополь, 1964, табл. III, IV*а*; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XV, *27*; XXII, *24*; XXXI; *28*; CIV, *7*, *10*; В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений. МИА, 114, 1963; Д. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира). Уч. зап. ДагИИЯЛ, VI, Махачкала, 1959, табл. I, *19*; III, *1*; Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, I, Махачкала, 1961, рис. 10, *2*; В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 5, *6—9* и др.

[7] Ср.: Е. П. Алексеева. Ук. соч., табл. III*а*; В. Б. Деопик. Ук. соч., рис. 2, *10—13*; Д. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, I, рис. 25; Н. Д. Путинцева. Ук. соч., рис. 10; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. Там ж., рис. 4.

[8] Аналогии см.: В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 131—132, рис. 2, *1—3*; В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 25, *6*; Д. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, рис. 8, *9*; 10, *2*; 22*а*, *2*; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., рис. 3, *3—5*.

[9] См.: МАК, VIII, табл. CIII, *16*; Д. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, рис. 25, *7, 10, 11*.

[10] См.: М. П. Абрамова. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане. Археологический сборник. Тр. ГИМ, 40, М., 1966.

[11] Д. Атаев. Ук. соч., рис. 8, *22*. Подвески в виде голов быка, коровы, морды медведя, фигурки кабана, найденные в Харачоевском могильнике и синхронных памятниках Дагестана, живо напоминают подобные подвески середины I тысячелетия до н. э., отличаясь от последних большей тщательностью отливки и некоторыми стилистическими деталями. Они продолжают исконную местную традицию, зародившуюся ранее всего в среде племен кобанской культуры.

[12] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 135—147.

[13] На первый взгляд, необычны находки в раннесредневековом могильнике ланцетовидного железного наконечника копья и каменной булавы, более характерных

Характер аналогий убедительно доказывает близость рассматриваемого памятника одновременным археологическим объектам Северного Кавказа. При этом преобладающая часть параллелей ведет к древностям аланской культуры Предкавказья, а также к могильникам горного Дагестана, в инвентаре которых переплетаются и сосуществуют исконно местные и заимствованные (в частности от тех же алан) традиции.

Погребальный же обряд могильника (каменные ящики, могила, обложенная камнями, случаи скорченного положения костяков — погребение № 2 и некоторые гробницы, разрушение которых наблюдал М. Базаев), не имея ничего общего с аланским и будучи генетически связанным с более древними местными обрядами, позволяет со всей уверенностью говорить о том, что памятник оставлен аборигенным этническим коллективом горцев. Большое сходство наблюдается при сопоставлении Харачоевского могильника с синхронными погребальными памятниками горной Чечни [14] и соседней Аварии [15].

И если близость к дагестанским древностям определяется непосредственным соседством, традиционными связями, общностью происхождения раннесредневековых племен юго-восточной Чечни и горного Дагестана — потомков носителей каякентско-харачоевской культуры, то очевидная насыщенность Харачоевского магильника IV—VII вв. предметами степного аланского типа должна объясняться конкретной обстановкой тех веков.

Как известно, в 372 г. гуннские орды разгромили алан. Мощное нашествие тюркоязычных степняков привело к значительному притоку алан в горы, особенно в районы Дарьяльского прохода и верховий Кубани [16]. Вполне вероятно, что какая-то часть аланского населения равнинной зоны Чечено-Ингушетии искала своего спасения и в лесистых ущельях Ичкерии. Отсутствие в обширном списке памятников материальной культуры юго-восточной Чечни собственно аланских погребальных памятников (катакомб) [17] может свидетельствовать о сравнительной малочисленности пришельцев, а также о том, что они были быстро ассимилированы местными племенами. Как бы то ни было, но названные события дали ощутимый импульс активизации горско-аланских связей, что и получило свое отражение в характере материалов из Харачоевского могильника, расположенного в глубине гор, на границе Чечни и Дагестана, на том пути, по которому в раннее средневековье осуществлялись интенсивные связи между царством Серир и Аланией.

для предшествующих эпох. Аналогии среди памятников аланского времени им подобрать нелегко. Возможно, тут мы имеем дело с вторичным использованием предметов вооружения, хотя вероятнее все-таки другое: отсутствие параллелей есть следствие слабости наших знаний о раннесредневековых культурах Северо-Восточного Кавказа. Во всяком случае, тождественный харачоевскому наконечник копья известен мне в погребении II—IV вв. у с. Агишбатой (в 13 *км* к северу от Харачоя), а каменная булава найдена в слое V — XII вв. на городище Алхан-Кала (раскопки 1967 г.). Как бы то ни было, обе эти вещи не меняют дату могильника в целом.

[14] Могильники у с. Рагета (раскопки В. Б. Виноградова 1965 г.) и Дай (раскопки С. Т. Умарова 1967 г.).

[15] Д. Атаев. Нагорный Дагестан в раннее средневековье. Махачкала, 1963.

[16] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. канд. дисс. Л., 1956; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962; Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

[17] В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, стр. 95—102.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛИЙ НА ГОРКЕ В ПСКОВЕ

Враг да огонь
бесхрамят
(старинная поговорка)

«Биографии» памятников архитектуры, как и биографии людей, иногда бывают несложны, а иногда, наоборот, запутанны, изломаны крутыми поворотами, темны и полны загадок. Так же как по внешности человека трудно составить верное представление о том, что ему удалось перенести в жизни, так и по поверхностному виду здания порой нелегко бывает угадать его прошлое.

В самом центре Пскова, посреди небольшого зеленого сквера на невысокой горушке стоит, белея своими стенами, древний храм. В старину его называли храмом Василия Кесарийского или Василия Великого «на Горке», или «на Усохе», или, иногда, «в Среднем городе». Теперь псковичи забыли о том, что Василий этот не просто Василий, а Василий Кесарийский, забыли о том, что такое «Усоха» и называют его просто Василием «на Горке».

В формах и очертаниях сохранившейся древней части этого здания, в его пропорциях и общем характере столько спокойствия и уютной домашней простоты, что у каждого человека при взгляде на него невольно появляется склонность представлять себе прошлое этого памятника, если и не совсем безмятежным, то все же мирным и несложным. Известно, правда, что в древности у самого храма проходила крепостная стена Среднего города, а на башне рядом с ним, висел «сполошный» колокол, призывавший к оружию защитников Пскова во время нападения врага.

Колокольня храма не древняя — это сразу видно по ее формам, которые выдают ее принадлежность к XVIII в. Значит, в XVIII в. храм был потревожен переделкой. А наметанный взор специалиста видит еще и признаки переделок, относящихся к более раннему времени — концу XVII в. Переделки XVII в. кажутся, на первый взгляд, не столь уж и значительными. К тому же их в Пскове не избежал ни один из древних храмов, и к ним относятся как к чему-то совершенно обязательному и почти не замечают. Более всего бросается в глаза изменение крыши. По обработке верха стен видно, что первоначально храм был покрыт по трем полукружиям с каждой из его четырех сторон, т. е. «позакомарно».

Псковские летописи, служащие для нас основным источником письменных данных о памятниках древнепсковской архитектуры, сообщают о том, что в 1377 г. Василий на Горке был расписан. А под 1413 г. в них внесена запись о «свершении» храма, т. е. об окончании его постройки, начатой тогда же. Кроме того, в руках самых первых исследователей псковской старины было еще какое-то, неизвестное нам свидетельство, вероятно письменное, о постройке храма Василия на Горке в 1337 г. Ученые без колебания приняли эти данные за полное отражение всех перипетий жизни храма. Ее течение представлялось ясным и простым: в 1337 г. был построен первый храм Василия на Горке, который в 1377 г. расписали, он существовал 75 лет до 1413 г., когда построили новое здание, дошедшее до нас и немного измененное в конце XVII и в XVIII в. А первый храм, решили ученые, так мало простоял потому, что был деревянным. Все это казалось вполне убедительным и Василий на Горке и теперь еще слывет как памятник, имеющий точную дату постройки — 1413 г. Он входит в число тех немногих памятников древнепсковской архитектуры, которые, благодаря их определенной датировке, служат как бы опорными вехами в построении важнейших выводов, относящихся к истории архитектуры древнего Пскова.

Однако такая датировка казалось надежной лишь до тех пор, пока в результате трудов советских исследователей Пскова не начал выясняться

ся путь развития псковской церковной архитектуры. По мере того как изучение памятников позволило все более определенно различать некоторые из главных контуров истории архитектуры Пскова, все яснее становилось, что храм Василия на Горке не принадлежит XV в. Сперва пришло сомнение в правильности его датировки 1413 г., а потом полная уверенность, что этот памятник — создание середины XVI в.

До недавних пор исследователи архитектуры древней Руси могли сказать про тот или иной псковский храм, что формы его «типичны для Псковской церковной архитектуры XIV—XVI веков». Даже К. К. Романов, отдавший себя изучению древнепсковского зодчества и поставивший задачу найти те черты, которые позволили бы различать по архитектурным особенностям памятники древнепсковского зодчества разного времени, писал в одной из самых последних своих статей, в 1939 г., что «основным типом церковного сооружения XIV—XVI столетий была в Пскове четырехстолпная церковь, с тремя апсидами и одной главой» [1], и находил лишь, что восьмискатные покрытия и соответствующая им обработка фасадов отличали памятники XV—XVI вв. от более древних.

Когда выяснилось, что памятник Псковской церковной архитектуры, бесспорно относящийся к XV в.,— церковь Успения в селе Мелетове, датируемая одновременно и летописным сообщением и надписью, сделанной на самом храме, 1462—1463 гг., имела первоначально не восьмискатное, а тридцатидвухскатное покрытие, подобное тому, какое было изображено на старинном рисунке псковского Троицкого собора 1365—1376 гг. [2], исследователи были очень удивлены. Н. Н. Воронин решил, что Мелетовский храм есть подражание Троицкому собору и даже высказал определенное предположение относительно причины воспроизведения форм центральной святыни псковской земли в небогатой деревенской церкви, а Троицкий собор он считал постройкой, необычной для Пскова не только по величине, но и по архитектуре [3].

Однако исследования храма Козьмы и Дамиана с Примостья — памятника, совершенно бесспорно датируемого 1462—1463 гг., а затем раскопки в Довмонтовом городе, открывшие основания еще трех храмов XV в., со всей очевидностью показали, что храм типа Мелетовского — с закругленной средней и прямоугольными боковыми апсидами, с главой, поставленной на четыре столпа при посредстве ступенчато повышенных подпружных арок, с шестнадцатискатной крышей и с восьмигранным постаментом под барабаном главы, образованным верхними ступенями сводов и покрытым тоже на шестнадцать скатов,— не исключение для Пскова XV в., а распространенное явление. Вскоре удалось установить, что единственный древнепсковский храм, считавшийся памятником XV в. и в то же время имевший закругленные боковые апсиды и восьмискатную крышу,— храм в Кобыльем городище, в действительности был построен в XVI в. [4]

Оказалось, таким образом, что все дошедшие до нас псковские храмы с главою на столпах, достоверно принадлежащие XV в., относились к типу храмов в селе Мелетове и Козьмы и Дамиана с Примостья в Пскове и что только с 90-х годов этого века их сменил новый тип храма — с закругленными боковыми апсидами, без постамента под барабаном и с восьмискатной крышей.

И только датированный 1413 г. храм Василия на Горке составлял исключение. Но разве исключений не могло быть?

---

[1] К. К. Романов. Этапы развития русской архитектуры. «Архитектура Ленинграда», 1939, 1, стр. 57—66.

[2] Рисунок этот был обнаружен в 30-х годах нашего века А. И. Некрасовым и опубликован в его работе. А. И. Некрасов. «Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв.», М., 1936, стр. 167.

[3] «История русского искусства», II, М., 1954, стр. 310—339.

[4] Ю. П. Спегальский. Вариант псковского храма XVI века. Церковь Ильи пророка в бывшем погосте Торошино. Сб. «Древнерусское искусство». Художественная культура Пскова. М., 1968, стр. 200.

Ведь могли же строиться храмы не одного, а двух типов? Тем более, что храм Василия считался памятником самого начала XV в., а Мелетовский и Козьмодемьянский — второй половины его. Можно было думать, что Василий на Горке продолжал еще старую традицию, зародившуюся в Пскове в XII в., когда строились церкви с позакомарными покрытиями, и сохраненную еще в XIV в. Храм Михаила архангела в Городце в Пскове (1339), судя по тому, что от него осталось, был первоначально покрыт позакомарно, по трем полукружиям с каждой стороны его четвертика, т. е. в самых общих чертах так же или почти так же, как и Василий на Горке. Однако в построении плана и в компоновке архитектурных форм со всей определенностью выступала существенная разница.

Зодчего Храма Василия на Горке отнюдь нельзя было признать продолжателем самых древних традиций архитектуры Пскова. Совсем другое обращало на себя внимание: то, что при сопоставлении Василия на Горке с памятниками 60-х годов XV в. последние оказались гораздо более архаичными. Это прослеживалось и в технических приемах, более совершенных у Василия на Горке, и в общей компоновке и ее основных принципах, в частности, в построении плана здания, в деталях, в системе декора. Однако для того, чтобы объявить неверной датировку одного из наиболее известных памятников древнерусской архитектуры, не менее ста лет не вызывавшую никаких подозрений, одних сомнений было мало, нужны были какие-то положительные основания. Они обнаружились через некоторое время.

Давно уже автор этих строк присматривался к храму Василия на Горке, стараясь приметить следы его первоначальной архитектуры. В первые годы после Великой Отечественной войны, когда храм был поврежден и стоял в запущенном состоянии, с разрушенной северной пристройкой XVII в., с отпавшей кое-где штукатуркой, стали заметными признаки некоторых из его утраченных первоначальных частей и их особенностей. Внизу северной стены придела можно было видеть следы примыкания часовни-усыпальницы, аналогичной той, которую только что тогда открыли из-под позднейшей постройки у южной апсиды церкви Николы на Усохе. Следы эти свидетельствовали и о том, что часовня была одновременна всему храму, а не пристроена позднее. А на западной стене того же придела, вверху, там, где к приделу подходила стена второго яруса галереи, обнаружилась, тоже первоначальная, пята арки большого пролета — свидетельство того, что верхний ярус галереи в свое время открывался наружу большими проемами.

Уже тогда показалось странным, что здание, датируемое 1413 г., имело такую же часовню, как и храм Николы на Усохе, построенный в 1535 г. А вывод, что галерея Василия на Горке представляла собой аркаду, был совершенно неожиданным — ведь остатки такой галереи пока что известны в Пскове только при церкви Ильи на Запсковье — памятнике XVII в.

Автор, основываясь на всех этих наблюдениях, попробовал сделать реконструкцию Василия на Горке в первоначальном виде. Правда, для полной реконструкции недоставало данных о южной стороне, где, возможно, был второй придел, о крыльце, по которому поднимались в храм, высоко поднятый на подцерковье, да и о звоннице, которая могла быть не только на башне, но и при самом храме. Реконструкция, таким образом, получалась далеко не окончательной, требующей еще большей доделки, в будущем, но, несмотря на это, работа над ней принесла пользу. Я осмотрел чердак храма и убедился, что предположения ученых, будто верхние ступени сводов первоначально выражались в этом здании снаружи — ошибочны. Оказалось, что никакого постамента, или дополнительных закомар под барабаном главы Василия на Горке не было, древнее покрытие не лежало на сводах, а было приподнято над ними и скрывало их формы.

Это наблюдение весьма существенно. Такое устройство покрытия — важный признак, позволяющий судить о времени постройки здания. Псковские зодчие долго держались обычая крыть крыши непосредственно по сводам и компоновать наружные формы здания в полном соответствии с его конструкцией, т. е. повторять покрытиями внешние очертания сводов. Принцип совпадения конструкции и архитектурной формы послужил псковским каменщикам XIV — XV вв. одной из главных опор, на которых они основали свое архитектурное творчество. Он был блестяще выражен в компоновке самого выдающегося из всех произведений древнепсковского зодчества — Троицкого собора 1365—1367 гг. и других храмов XIV в. и не менее ясно проявлялся в XV в., о чем свидетельствует Мелетовская церковь.

Но с течением времени некоторые приемы творчества псковских каменщиков изменились, практика доказала псковичам, что формы покрытий, близко следовавшие формам лежащих под ними сводов, вступали в противоречие как с назначением самих покрытий, так даже и с архитектурно-художественными задачами широкого масштаба. Шестнадцатискатные покрытия не защищали в должной мере кладку верха храма от намокания и были сложны в исполнении. Самое же главное, что к концу XV в. с укрупнением обычных городских жилых строений, тридцатидвухскатные верхи храмов оказались излишне измельченными и потому не могли в той степени, в какой это требовалось художественными соображениями, господствовать в архитектурном пейзаже города. И в 90-х годах XV в. такие крыши уступили место восьмискатным. Переход был быстрым, решительным и бесповоротным. Псковские зодчие пришли к новому для них приему в компоновке верха храма. С конца XV в. крыши псковских храмов уже не укладывали на своды, а приподнимали выше их, скрывая под ними перепады и выступы сводов и арок. Это отличало не только восьмискатные, но и позакомарные покрытия, после перерыва вновь вошедшие в Пскове в строительную практику с середины XVI в. Устройство крыши Василия на Горке было характерно для XVI в. и совершенно не отвечало основным принципам псковской архитектуры XIV—XV вв.

Да это и не должно нас удивлять. Ведь жизнь вокруг Васильевской церкви была полна событий не только, мирных, но и грозных и разрушительных. Заглянем в псковские летописи, познакомимся с описаниями пожаров, испепелявших псковский Средний город и окрестности Усохи после 1413 г.[5]. В то время, за исключением подавляющей части церквей и сравнительно немногих гражданских зданий, вся застройка была деревянной, рубленной из толстого смолистого леса, преимущественно соснового, крыта тесом с прокладкой берестой в несколько слоев. Застройка эта была тесной и не такой уж низкой — жилища тогда в Пскове редко бывали одноэтажными, а бóльшей частью в два — три этажа. Не только сами здания, но и ограды дворов, колодцы и дворовые уличные мостовые делались из толстых бревен и плах. Можно себе представить какой характер имели бушевавшие здесь пожары и насколько удивительно было бы, если бы до нашего времени сохранилось здание Васильевской церкви, построенное в 1413 г.

Псковская архитектура продолжала интенсивно развиваться и в XVI в. В 40-х годах XVI в. она, не теряя своих основных черт, обогатилась рядом приемов, взятых из среднерусского зодчества. К этому ее приводили и собственные обстоятельства развития — город чрезвычайно вырос, архитектурно обогатился и стал требовать значительно бóльшего разнообразия в формах архитектурных доминант, и, как, можно полагать,— влияние новых заказчиков — московской администрации и представителей тех трехсот семейств, которые были водворены на место высланных в 1510 г. наиболее богатых и влиятельных старых псковичей.

Когда все этапы исследования были пройдены, стало очевидно, что церковь Василия на Горке — памятник середины XVI в.

---

[5] Например, в 1466 г. ...«Посла бог казнь на град Псков: загорелося на Усосе (т. е. на Усохе) у старой стены... И погоре весь Псков и церкви огореша». См. также пожары 1454, 1460, 1471, 1478, 1539, 1556 гг., ПЛ, 2, М., 1955, стр. 162 и др.

Х. П. АБДУЛЛАЕВ

О БЕШБАРМАКСКОМ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ СООРУЖЕНИИ В СВЯЗИ С КОЛЕБАНИЕМ УРОВНЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

От подошвы Бешбармака до старого берега Каспийского моря тянутся на расстоянии 240 *м* остатки двух древних стен [1]. Они прослеживаются в виде двух длинных параллельных валов из сырцового кирпича и глины, высотой до 1,2 и шириной до 10 *м* (рис. 1). В 1330 *м* восточнее железной дороги они соединились поперечной стеной, длина которой равняется 240 *м*. В результате понижения уровня Каспийского моря после 1930 г. из-под воды вышли остатки продолжения оборонительных стен. Выяснилось, что в связи с понижением уровня Каспийского моря в прошлом бешбармакское оборонительное сооружение было достроено вслед за отступающим морем, и там имелась еще одна поперечная стена.

Побережье в районе Бешбармака у береговой черты имеет две морские террасы, из которых одна — нижненовокаспийская высотой 20—21 *м* (6—7 *м* над уровнем Каспия), другая — самая молодая — верхненовокаспийская высотой 26 *м* (2 *м* над уровнем Каспия), содержащая современную фауну, включая Mytilaster lineatus Gmel [2].

Старый берег, на котором были построены оборонительные стены, в том числе и первая поперечная стена, на 4 *м* выше современного уровня Каспийского моря. На всем протяжении валы оборонительного сооружения покрыты новокаспийским отложением [3].

Это обстоятельство говорит о том, что стены бешбармакского оборонительного сооружения часто находились под водой. В результате действия морской воды и волн стены были разрушены и на их местах остались валы.

В настоящее время море отошло от первой поперечной стены на 0,6 *км*, хотя еще в 1925 г. нижняя часть восточной стороны первой поперечной стены находилась под водой. Особенно разрушены стены, обнаруженные после падения уровня моря (на плане показаны пунктирами, рис. 1); от них остались только бугры под песком. По сравнению с южной и второй поперечной стенами, хорошо сохранились остатки северной стены. Высота северной стены, обнаруженной после падения уровня моря, местами доходит до 1 *м*. В трех местах на ней имеются возвышения, поднимающиеся на 15—20 *см* над гребнем вала, по-видимому, это остатки башен. Южная стена разрушена сильнее, и поэтому о ее конструктивных деталях говорить трудно.

В 50 *м* к северо-западу от северной стены находятся два курганообразных холма. Диаметр одного из них 56 *м*. На вершине холма в двух местах имеются впадины. Высота его в западной части 1 *м*, в восточной 2 *м*. На вершине холма встречаются обломки керамических изделий, куски обожженных кирпичей и камней. Такие же куски камней и керамических изделий встречаются на современном пляже.

На песчаном пляже, к востоку от второй поперечной стены бешбармакского оборонительного сооружения расположены морские дюны высотой 0,5—0,8 *м* и береговые валы-бары, параллельные друг другу, высотой 1—1,5 *м*. Первая поперечная стена на 4 *м*, а вторая поперечная стена на 2 *м* выше современного уровня Каспийского моря. Таким образом, перед нами ясная картина колебаний уровня моря: когда была построена первая поперечная стена, высота уровня Каспийского моря была не менее 3 и не

---

[1] Е. А. Пахомов, Гора Бешбармак и ее древности. Изв. Азерб. археолог. комитета, Баку, 1926, 2, стр. 10—19.

[2] Д. А. Лилиенберг. Рельеф южного склона восточной части Большого Кавказа. М., 1962, стр. 48.

[3] П. В. Федоров. Об абсолютном возрасте новокаспийской трансгрессии. Докл. АН СССР, 1951, 78, 5, стр. 993.

выше 4 *м*, а во время постройки второй поперечной стены уровень моря был не меньше одного и не больше двух метров выше современного. Когда море отступало от первой поперечной стены, оборонительное сооружение достраивалось, пока не достигло предела отступления вод.

На территории бешбармакского оборонительного сооружения найдены обломки керамических изделий и куски обожженных кирпичей. Бытовыми остатками богат расплывчатый бугор между северной и южной стенами

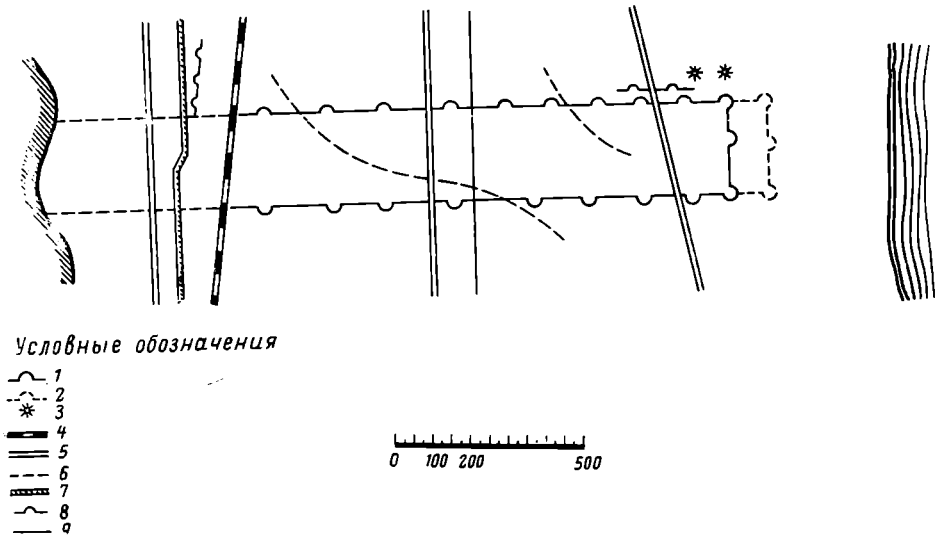


Рис. 1. Схематический план Бешбармакских оборонительных стен

1 — стены (валы), *2* — стена, обнаруженная после падения уровня моря, *3* — курганообразный холм, *4* — железная дорога, *5* — шоссейная дорога, *6* — сельские дороги, *7* — канал, *8* — водопровод, *9* — газопровод

Бешбармака. Особо выделяются черепки толстостенных кувшинов большого размера. На большинстве этих черепков имеется орнамент в виде выпуклого пояска шириной до 2 *см* (рис. 2, *5*, *6*,). Попадаются обломки с двумя поясками. Керамические изделия в основном изготовлялись из красной глины, обжиг неравномерный. В составе глины много песка, выделка грубоватая. Такие керамические изделия, найденные в Мингечауре и Кабале, относятся к IV—VII вв.[4] Много обломков керамических изделий встречаются вокруг курганообразных холмов и на них. На курганообразных холмах встречаются также обломки глазурованной керамики с подглазурным рисунком и гравировкой по ангобу. Эти черепки покрыты или зеленой (рис. 3, *1*), или слегка желтоватой глазурью (рис. 3). Такие изделия относятся к XI—XII вв.[5]. Обломки сосудов также встречаются на современном пляже; в результате продолжительного действия солей морской воды поверхность их стала шероховатой (рис. 2, *1*). Один обломок был слеплен с куском железа (рис. 3, *2*). Вокруг холмов и на берегу моря встречаются куски обожженных кирпичей из красной глины с примесью песка. Обжиг качественный, равномерный. Размеры 32×32×8 *см*. Такие же обожженные кирпичи, найденные в 2 *км* к югу от селения Хизы, датируются V—VII вв.[6].

Стены бешбармакского оборонительного сооружения частью глинобитные, частью построены из сырцовых кирпичей, размерами 42×42×14 и 42×42×12 *см*. Кладка стен хорошо видна в разрезе северной стены. Во время постройки дороги часть северной стены была прорезана и нам удалось

[4] Р. М. Ваидов. Мингечаур в III—VII веках. Баку, 1961, стр. 33 (на азерб. яз.); Р. Гею,пев. Пути развития керамических изделий гор. Кабала в I—X вв. Докл. АН АзербССР, 1963, XIX, 12, стр. 64.

[5] А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Оренкала). (По материалам раскопок 1953—1955 гг.) МИА, 67, 1959, стр. 229; Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957, стр. 21.

[6] Е. А. Пахомов. О некоторых памятниках Хизинского района. Изв. АН АзербССР, 1946, 7, стр. 24.

уточнить ее структуру. Кладка из сырцовых кирпичей сохранилась на четырех рядах, выше которых сырец разрушен. Кирпич уложен правильными горизонтальными рядами, швы заполнены глиной. Ширина основной стены 6 *м*. Кирпичи сделаны из хорошо промешанной глины, с примесью измельченной соломы.

Сырцовые кирпичи аналогичных размеров найдены при раскопках в Азербайджане, Грузии и Средней Азии. Сырцовые кирпичи размером

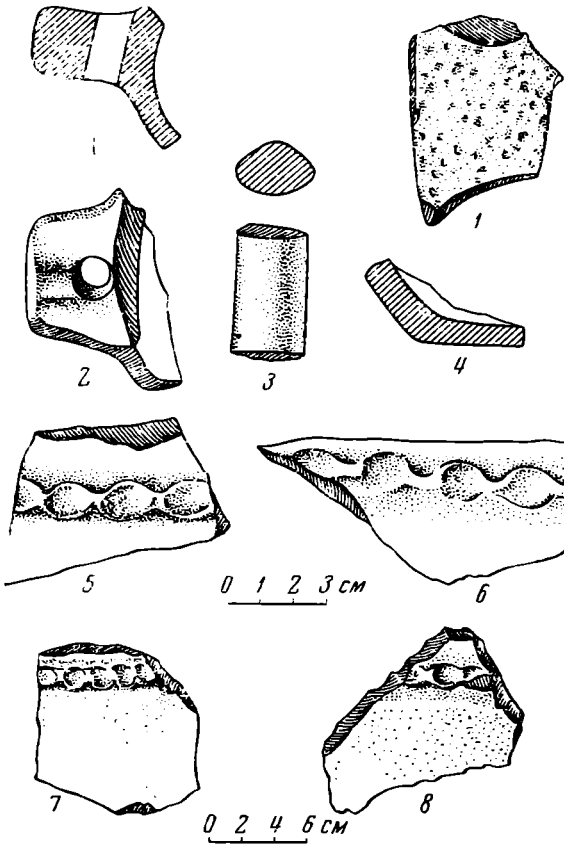


Рис. 2.

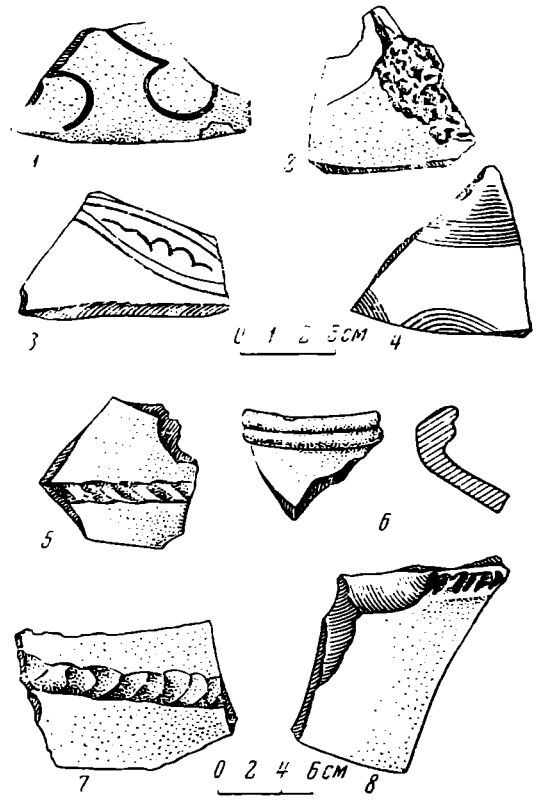


Рис. 3.

Рис. 2. Керамика, найденная у Бешбармакских стен (*1—8*)

Рис. 3. Керамика, обнаруженная у Бешбармакских стен (*1—8*)

42×42×14 и 42×42×12 *см* обнаружены также в стенах постройки на холме Кара-Тепе в Мильской степи[7]. Однако нельзя забывать, что сырцовый кирпич такого размера употребляется в Азербайджане с I тысячелетия до н. э. до IX в. н. э. Строительная техника и материалы бешбармакской оборонительной стены имеют близкие аналогии в древней городской стене Оренкалы, где первоначальная городская стена была построена из больших сырцовых кирпичей и относится к раннему средневековью, не позднее III—VII вв.[8]

В источниках о бешбармакском оборонительном сооружении остались очень скудные сведения. В «Армянской географии VII века» упомянута оборонительная стена под названием Ходс-Вэм[9]. На карте, составленной С. Т. Еремяном и приложенной к этой книге, оборонительная стена Бешбармака указывается между Каспийским морем и одноименной скалой.

[7] О. Ш. Исмизаде. Итоги археологического исследования поселения на холме Кара-Тепе. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане», Баку, 1965 стр. 76.

[8] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки на городской стене Оренкала в 1953—1954 гг. (раскоп. II). Тр. Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции, I М.— Л., 1959, стр. 173.

[9] С. Т. Еремян. Армянская география VII века. Ереван. 1963, стр. 56 (на арм. яз.).

С. Т. Еремян полагает, что стена, упомянутая в «Армянской географии» под названием Хорс-Вэм, отделяла от Ширвана страну Хурсан и отождествляет ее с бешбармакской оборонительной стеной [10]. Арабский писатель А. Баладзори сообщает, что после сопротивления лакзов Марван назначил управлять ими араба — суламита Хашрама, а сам отправился к замку владетеля «Шарван», называемому Хурс и расположенному на берегу моря, после чего (хозяин крепости) подчинился и спустился на равнину [11]. Во времена халифа Мансура (754—775) Хурс упоминается как место, куда под натиском хазар временно отступили мусульмане [12]. Масуди (X в.) упоминает о каменной стене «Бармаки» Он пишет: «Имеется много известий об ... удивительных сооружениях, которые Кубад-бин Фируз, отец Кирсы Ануширвана воздвиг ... о стенах, которые он построил в Ширване, известных как Сур-ат-тин; о каменной стене, известной как Бармаки» [13] В 1636 г. на горе Бешбармак побывал А. Олеарий. Он сообщает, что крепость является древним сооружением из больших тесаных камней, образующих четырехугольник, с круглыми башнями по углам и с сводчатыми воротами [14]. Но про оборонительные стены, построенные в низине около скалы и остатки которых хорошо были видны в XVII в., в его произведении ничего не говорится, только на приложенном к тексту рисунке у самого берега моря показаны два курганообразные холма. На основании этого рисунка можно судить о том, что в первой половине XVII в. уровень Каспийского моря был на уровне 1925 г., т. е. восточный край первой поперечной стены бешбармакского оборонительного сооружения находился в воде Каспия. Такая картина наблюдалась и в конце XVII в. В 1683 г. на горе Бешбармак был Кемпфер. Он дает подробные сведения о Каравансарае, о скале, которая имеет форму пальцев, об источнике, о пещерах и остатках оборонительных стен: «Эта гора является выступом Кавказского хребта, обращенного к морю; с одной стороны, она чрезвычайно высока, а с другой — чрезвычайно близко подходит к морю. По этой причине древнее племя Мидяне, пользуясь природными удобствами, укрепило это место, а именно, проведены от подошвы хребта до берега две стены, с промежутком в триста шагов, так что (по примеру Дербента) здесь возможно поместить целый городок или даже дать жителям страны убежище на случай войны» [15]. Но в тексте Кемпфера ничего не говорится о поперечных стенах. Наверняка первая поперечная стена в 1683 г., когда в Бешбармаке был Кемпфер, омывалась морем, а вторая поперечная стена полностью находилась под водой Каспия. Б. А. Аполлов указывает, что в 1636 г. уровень Каспийского моря по сравнению с уровнем Черного моря был —27 *м*, а в 1683 г. —25,3 *м* [16].

Как уже было сказано выше, подъемный археологический материал, найденный на территории Бешбармака, в основном охватывает период IV—XII вв., а строительная техника и форматы сырцовых кирпичей Бешбармака имеют близкие соответствия в таком хорошо датированном памятнике Азербайджана, как древняя городская стена Оренкала. В 1963 г. на участке VI в древней стене «Большого города» найдена сасанидская печать. Этот факт свидетельствует о том, что древняя стена Оренкала из крупных сырцовых кирпичей построена в Сасанидское время [17]. Сырцовые

[10] С. Т. Еремян. Сюния и оборона Сасанидами Кавказских проходов. Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, 7, стр. 35.

[11] А. Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 29.

[12] Якуби. История Пер. В. Ф. Минорского; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, стр. 115.

[13] Масуди. Мурудж Ад-Дзахаб (россыпи золота). Глава XVIII, § 30, пер. В. Ф. Минорского; В. Ф. Минорский. Ук. соч., прилож. III, стр. 213.

[14] А. Олеарий. В кн. «Путешественники об Азербайджане». I. Баку, 1961, стр. 266.

[15] Описание горы Бешбармака у Кемпфера. Изв. Азерб. Археолог. Комитета, стр. 16—18.

[16] Б. А. Аполлов. Каспийское море и его бассейн. М., 1956, стр. 83, 84.

[17] Г. М. Ахмедов. Некоторые итоги археологических раскопок городища Оренкала в 1959—1963 гг. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане», стр. 136—137.

кирпичи, аналогичные бешбармакским, обнаружены в стенах крепостей Эрк-Кала, Чичанлык-Тепе, Дурналы, Топрак-Кала, Хароба-Кошук и других памятников Средней Азии. Как в Азербайджане, так и в Средней Азии крупные сырцовые кирпичи применялись до VIII в. В. Воронина пишет: «Кирпич древних памятников характеризуется крупными размерами. В ранних постройках Хорезма встречаются кирпичи со стороной 40—42 *см*, в V—VIII вв. кирпич обычно не превышает 38 × 38 *см*» [18].

На основании сравнительных материалов Бешбармакские оборонительные стены датируются IV—VI вв. Наша датировка сходится с сообщением арабского писателя Масуди о том, что стены из глины, так называемые Сур-ат-тин и каменная стена Бармаки в Ширване были построены сасанидским шахом Кубадом бин Фируза (488—531) [19], а постройка добавочных оборонительных стен Бешбармака, обнаруженных после спада уровня Каспийского моря 1930 г., относится к концу VI в., когда абсолютная отметка Каспия была —29,8 *м* [20]. Это находится в соответствии с наблюдениями М. И. Артамонова. «Дербентская стена»,— пишет он,— со всей очевидностью показывает, что уровень Каспийского моря в VI в. был значительно ниже не только современного, но и уровня X в., когда приморская часть стены, как и ныне, находилась в воде» [21].

Основной целью возведения бешбармакских оборонительных стен была защита северных границ страны и местных населений от нападений кочевников и иноземных захватчиков. Эти стены перегораживали узкий проход, оставшийся у горы Бешбармака вдоль берега Каспия, но когда море отступало от берега, уровень понижался, оборонительные стены были удлинены за отступающим морем. Бешбармакские оборонительные стены, так же как и Дербентская оборонительная стена, с ясностью показывают, что уровень Каспийского моря в исторический период подвергался систематическим колебаниям.

---

[18] В. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство». М., 1953, стр. 7.

[19] Масуди, Ук. соч., гл. XVIII, § 30.

[20] Б. А. Аполлов. Доказательства прошлых низких стояний уровня Каспийского моря. Сб. «Вопросы географии» 24, М., 1951, стр. 137.

[21] М. И. Артамонов. Предисловие к книге: Л. Н. Гумилева. Открытие Хазарии. Историко-географический этюд. М., 1966, стр. 5.

Критика и библиография

РАСКОПКИ МАРЛЫК-ТЕПЕ

(Обзор публикаций)

Хотя археологические исследования территории Ирана проводятся уже более семидесяти лет, собственно иранские археологи начали принимать в них участие лишь с конца 40-х — начала 50-х годов XX в. Долгое время монопольное право на проведение археологических раскопок в Иране принадлежало Франции (1897—1930 гг.). Французская археологическая миссия в основном сосредоточила свои исследования на юго-западе Ирана в районе Сузианы, тогда как другие районы этой страны подвергались лишь археологическим разведкам; исключением явился лишь пограничный с Россией район Северо-Западного Ирана, где небольшая экспедиция Французской археологической миссии под руководством Ж. де Моргана вскрыла ряд дольменов позднего бронзового и раннего железного веков.

В 1930 г. правительство Ирана приняло так называемый «Закон о древностях», открывающий (на определенных условиях) территорию Ирана для научных археологических экспедиций всех стран. Своих археологических кадров в Иране в то время не было, и даже созданную при Министерстве образования Службу древностей Ирана возглавлял известный французский археолог А. Годар. Участие иранской Службы древностей в раскопках ограничивалось наблюдениями над работой иностранных археологических экспедиций, которые в 1930-х годах развернули бурную деятельность по исследованию районов Центрального, Западного и Северо-Восточного Ирана (раскопки Тепе-Гияна, Тепе-Сиалка, Тепе-Гисара и других памятников).

После второй мировой войны Археологическая служба Ирана в лице иранских археологов (М. Рад, А. Хакими и др.) начинает принимать непосредственное участие в раскопках (Хасанлу в 1947 г., Хурвин в 1950 г., Гармабак в 1954 г.). Однако эти раскопки, как правило, были непродолжительными и носили разведочный характер, а затем их продолжали иностранные экспедиции.

Первой крупной иранской археологической экспедицией явилась экспедиция Археологической службы Ирана и Тегеранского университета под руководством доктора Изата О. Негахбана, работавшая в 1961—1962 гг. в долине р. Гохар Руд (провинция Гилян на севере Ирана).

В течение 1950-х годов на антикварных рынках Ирана появилось множество древностей так называемого амлашского типа (по имени г. Амлаш в Северном Иране, где эти древности чаще всего покупались у кладоискателей). Повторялась история «луристанских бронз»; кладоискательство в течение долгих лет было бедствием Ирана, как и многих других стран. Бороться с ним было настолько трудно, что долгое время Археологическая служба Ирана шла на компромисс, выдавая лицензии на «коммерческие раскопки» при условии контроля над полученным материалом; однако это условие чаще всего не соблюдалось, и в 1960 г. выдача лицензий была прекращена. Тем не менее нелегальные грабительские раскопки продолжались.

Археологическая служба Ирана должна была срочно обследовать территорию, ставшую ареной деятельности кладоискателей, и провести научное исследование найденных памятников. Экспедиции под руководством И. Негахбана удалось обнаружить памятник, совершенно ускользнувший от внимания кладоискателей. Таким памятником явился Марлык-Тепе («Змеиный холм»), расположенный в долине р. Гохар-Руд, в 14 *км* к СВ от г. Рудбара.

Первые сообщения о раскопках Марлык-Тепе появились в 1962 г.[1] В 1964 г. был опубликован краткий отчет д-ра Негахбана о раскопках этого памятника и расположенного рядом с ним холма Пиле Кале[2]. Несколько позже предварительный отчет о работе этой экспедиции вышел отдельным изданием на персидском и английском

[1] E. O. Negahban. The Wonderful Gold Treasures of Marlik ILN, 1962, April 28; его же. Further Finds from Marlik. ILN, 1962, May 5.

[2] E. O. Negahban. A Brief Report on Excavation of Marlik Tepe and Pileh Qalén. «Iran», II, 1964.

языках[3]. Небольшая заметка о находках на Марлык-Тепе была опубликована в 1965 г.[4].

Марлык-Тепе (или Чераг-Али Тепе) — скалистый холм размером 135×80 *м*, расположенный в долине р. Гохар-Руд. Экспедиция обнаружила здесь некрополь; погребения совершались в каменных гробницах. И. Негахбан делит найденные погребальные камеры (их раскопано 53) на четыре типа: 1) Большие (приблизительно 5×3 *м*) гробницы неправильной формы, сооруженные путем использования естественных выходов скалы с добавлением кладки из рваного камня на глиняном растворе; судя по инвентарю, эти гробницы принадлежали мужчинам-воинам. 2) Гробницы меньшего размера, прямоугольной формы, сооруженные частично из рваного камня, а частично из плит желтоватого известняка, месторождение которого находится в 4-х часах ходьбы от холма. Стены этих гробниц покрыты глиняной обмазкой. Инвентарь позволяет предполагать, что здесь хоронили женщин и детей. 3) Подквадратные (3×3 *м*) гробницы, более глубокие, чем все другие (около 2 *м* глубиной) построенные очень тщательно из того же материала, что и гробницы второго типа. Инвентарь их сравнительно небогат. И. Негахбан считает, что этот тип погребений относится к несколько более раннему времени, чем все остальные. 4) Небрежно сооруженные из рваного камня гробницы размером 1×2 *м*, содержащие предметы конской сбруи, а иногда также лошадиные зубы. По-видимому, здесь погребались кони воинов (или какие-либо части их туш). О костном материале, к сожалению, ничего нельзя сказать, так как скелеты не сохранились. Лишь в четырех гробницах найдены очень разрушенные фрагменты скелетов: судя по ним, погребения совершены на боку, с подогнутыми или скорченными ногами; в одной из камер (XV G) найдены следы двух скелетов.

Погребальный инвентарь некрополя чрезвычайно богат и разнообразен. Он включает различные виды оружия (мечи, наконечники копий и стрел — последние встречаются в количестве до тысячи в одном погребении; навершия булав, шлемы, щиты), украшения (бусы и подвески из гипса, раковин, фритты, сердолика, золота; бронзовые, золотые и серебряные браслеты, серьги, золотые перстни и нашивные бляшки; бронзовые и золотые диадемы и булавки); превосходно лощеные красно-, серо- и черноглиняные сосуды, в том числе своеобразные зооморфные и антропоморфные «амлашского типа»; металлические сосуды — бронзовые, серебряные и золотые, часто украшенные рельефными изображениями различных животных, в том числе фантастических, а изредка и людей. Помимо фигурных сосудов, встречаются также антропоморфные и зооморфные статуэтки из глины, бронзы и золота.

Найдено несколько цилиндрических печатей, две из них — с надписями; они датированы Дж. Кэмероном (Мичиганский университет) временем не позднее XI — X вв. до н. э.

Очень интересны маленькие модели упряжек быков, тянущих плуг; они явно свидетельствуют о том, что местное население занималось не только скотоводством, но и земледелием.

Рядом с Марлыком расположен холм Пиле-Кале. При зачистке участков его склона выяснилось, что он содержит остатки мощного здания (по мнению И. Негахбана — крепости), прослеживаемого на протяжении трех строительных периодов. В западном склоне холма при разведочных раскопках обнаружены 17 слоев, причем семь нижних дали хронологически предшествующий Марлыку материал, а слои 8—13 содержали фрагменты керамики, синхронной марлыкской; к слою 8 относится первоначальная постройка крепости, а в 13 слое крепость была восстановлена после пожара. Верхние слои Пиле-Кале относятся, возможно, к позднесасанидскому времени. К сожалению, экспедиция ограничилась установлением стратиграфии этого памятника.

Некрополь Марлыка, из-за поразительного богатства его инвентаря называемый И. Негахбаном «царским», по-видимому, действительно принадлежал племенным вождям, перерастающим в мелких царьков, и их семьям.

Даже предварительные сообщения об этом памятнике вызвали целый ряд вопросов. Первым из них является вопрос о датировке Марлыка. Материал его находит аналогии в Сиалке (некрополи A и особенно B), Хурвине, Талыше, на Кавказе, в Луристане. И. Негахбан датирует некрополь концом II — началом I тысячелетия до н. э. К сожалению, опубликованный материал представляет лишь незначительную часть найденного и недостаточен для уточнения датировки. Вызывает удивление тот факт, что в Марлыке, судя по предварительным публикациям, отсутствуют изделия из железа. Это, а также аналогии с Хурвином, могут свидетельствовать в пользу предположения Т. Янга о принадлежности основной части Марлыка к выделенному им и Р. Дайсоном периоду Iron I, т. е., собственно говоря, к позднему бронзовому веку, так как памятники этого периода не содержат или почти не содержат железных предметов[5]. В таком случае дата Марлыка отодвинется к концу

[3] E. O. Negahban. Marlik. A Preliminary Report on Marlik Excavation. Tehran, 1964.

[4] E. O. Negahban. The Treasures of Marlik. Archaeology, 18, 2, 1965.

[5] T. C. Young, Jr. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B. C. «Iran», III, London, 1965.

II тысячелетия до н. э. Однако следует учесть, что определение датировки исключительно на основании типологии сопряжено с большими трудностями: так, при раскопках иранскими археологами в середине 1960-х годов погребений, расположенных вдоль границы Ирана и СССР (Дешт-и Моган), были обнаружены керамические статуэтки быков марлыкского типа, но одно из погребений с такой статуэткой содержало также две парфянские монеты [6]. Поэтому очень важны были бы раскопки стратифицированного памятника Пиле-Кале.

Судя по количеству погребений, некрополь Марлыка мог использоваться в течение двухсот-трехсот лет.

Этническая принадлежность носителей культуры Марлыка не вызывает у исследователей особых разногласий: по-видимому, это ираноязычные племена, хотя трудно сказать, какие именно. Тем более важен вопрос о происхождении этой культуры, связанный с проблемой заселения иранцами территории Ирана. И. Негахбан считает, что центр этой культуры находился в районе Марлыка: «Марлыкское царство», по его мнению, контролировало район от Каспийского побережья до Кашана и части Загроса, включая Северо-Западный Иран, южный и северный склоны Эльбурзских гор и территорию современных провинций Гилян и Мазандеран. Позднее же носители этой культуры под натиском западных соседей (урартов или ассирийцев) ушли в районы Сиалка и Луристана. Т. Янг придерживается другого мнения: он считает, что центр этой культуры (или, скорее, культурно-исторической области.— *И. С.*) находился в Северо-Восточном Иране, а носители ее двигались на запад — сначала в район Сиалка, а позднее одна из ветвей этого передвижения достигла Марлыка [7].

Особое внимание ряда исследователей привлекли произведения искусства, найденные в Марлыке, в частности золотые и серебряные сосуды. На основании стилистического анализа их изображений Э. Порада считает, что сосуды эти изготовлялись в различное время и, возможно, в различных районах — от Элама до Азербайджана [8]. И. Негахбан же считает их продуктом местного производства, оказывавшего влияние на все соседние страны.

Окончательное решение этих спорных вопросов невозможно без привлечения всех материалов некрополя и дальнейших раскопок памятников этого района. Интенсивное развитие иранской археологии позволяет надеяться, что скоро в научный оборот будет введен весь материал Марлыка, а также синхронных памятников севера Ирана.

И. Л. Станкевич.

A. Snodgrass. Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964.

В последние годы заметно оживился интерес к кругу вопросов, связанных с изучением военного дела и истории оружия в древности. Выходит все больше и больше статей и монографий, в центре внимания которых стоит военное дело древних народов. К числу их следует отнести и монографическое исследование молодого шотландского оружиеведа — сотрудника Эдинбургского университета доктора А. Снодграсса.

Важность выбранной им темы заключается прежде всего в том, что единственная обобщающая работа по военному делу древнего Средиземноморья — монография В. Рейхеля — была написана еще в начале этого века и сейчас уже безнадежно устарела [1]. За первые 50 лет, прошедшие после написания этой работы, приток новых материалов по вооружению народов, населявших Средиземноморье в эпоху бронзы, был незначителен. Даже в вышедшей в 1950 г. большой работе Х. Лоример вопрос о военном деле и оружии занял очень немного места [2].

Только за последние два десятилетия археологические работы дали много новых материалов. К ним следует отнести замечательные находки древнейших панцирей и поножей в некрополе Дендр и Энкоми, уникальный набор защитного вооружения в Аргосе [3], шлемов, мечей, кинжалов, наконечников стрел и копий. После этих находок можно было по-новому систематизировать и обобщать имеющиеся в распоряжении археологии данные. Интересно, что если бы эта работа писалась несколько десятилетий назад, то основным источником был бы гомеровский эпос и памятники искусства. Новые находки позволили поставить в центре исследования археологические материалы, широко используя письменные материалы уже не как основной, а как вспомогательный источник.

---

[6] T. C. Young, Jr. The Iranian Migration into the Zagros. «Iran», V, London, 1967.

[7] T. C. Young, Jr. The Iranian Migration into Zagros. «Iran», V.

[8] E. Porada. Ancient Iran. New York, 1965, стр. 90—105.

[1] W. Reichel. Homerische Waffen. Wien. 1901.

[2] H. Lorimer. Homer and the Monuments, London, 1950.

[3] G. Daux. Chronique des Fouilles 1960, BCH, LXXXV — 1961 — II, Paris, стр. 671—673, рис. 1—2; H. W. Catling. A Bronze Greave from a 13-th Century Tomb at Encomi. «Opuscula Atheniensia», II, 1956; P. Courbin. Une tombe d'Argos. BCH, LXXXI — 1957 — II, Paris.

Территория, с которой происходят памятники, рассматриваемые А. Снодграссом, обширна. Это не только собственно материковая Греция, но и острова Средиземноморья, в частности Крит и Кипр. Иногда привлекаются материалы Пиринейского полуострова и Малой Азии, а для позднего времени — и Северного Причерноморья.

Значителен и хронологический охват — от середины II тысячелетия до н. э. до конца VI в. до н. э. Основное внимание в работе уделено памятникам VIII—VI вв. до н. э. И это не случайно — ведь для этого времени есть больше всего материалов.

Как уже отмечалось, хотя в центре внимания стоят вещественные находки, в работе широко использованы памятники изобразительного искусства, эпос. Это подчеркивается самой структурой монографии. Основные ее главы посвящены ведущим типам оборонительного (шлемам, щитам, панцирям, поножам) и наступательного вооружения (мечи, копья, лук и стрелы). В отдельных главах рассматриваются вопросы, связанные с появлением и использованием колесниц, с зарождением конницы. Специальные главы выделены для разбора письменных источников и освещения вопросов о развитии вооружения в целом.

Большой заслугой А. Снодграсса является то, что он исследует вооружение народов Средиземноморья не изолированно, а в тесной связи с древневосточным. Особенно ясно влияние древневосточного оружия заметно на самых ранних этапах. Это убедительно показано на примере развития форм шлемов (стр. 11, рис. 1).

Интересна глава о панцирях. Характеризуя появление и развитие этого вида оружия, А. Снодграсс верно показал связь громоздких очень архаичных панцирей второй половины II тысячелетия до н. э., известных по памятникам искусства и недавним находкам в Дендрах, с совершенным, развитым доспехом конца VIII в., найденным П. Коробиным в Аргосе (стр. 73). Автор безусловно прав, отмечая связь панцирей этого типа с кирасами архаической и классической Греции.

А. Снодграсс собрал и обобщил ценные данные по древнейшим пластинчатым панцирям Средиземноморья (стр. 72, 84—86). Он справедливо связывает их с египетскими времени Нового царства, где доспехи такого рода имеют большую древность [4]. К сожалению, автор не учел некоторые другие находки. К ним относятся панцирные пластинки из Трои [5], дающие точную дату применения панцирей этого типа. Характеризуя подобные панцири, следовало бы учесть и возможные варианты их частичной реконструкции, предложенные А. Вестхольмом и вслед за ним И. Ядиным [6] и египетские фрески, позволяющие в какой-то мере представить их внешний вид [7].

Но если для характеристики защитного вооружения А. Снодграсс имел возможность использовать уже имеющиеся работы своих предшественников (Б. Шредера, Е. Кукана, А. Хагемана, Г. Мюллер-Карпе, Г. Катлинга и др.), то для выяснения особенностей наступательного вооружения — мечей, копий, луков и стрел таких работ практически не было. В анализе этого материала А. Снодграсс в полной мере проявил талант исследователя. Главы, посвященные этим видам оружия, — одни из лучших в книге. Правда, не все положения автора могут быть безоговорочно приняты. Если предложенное им деление наконечников стрел эпохи бронзы на определенные типы (стр. 144, сл.) не вызывает особых возражений, то вряд ли можно согласиться с делением на типы и варианты наконечников раннего железного века (стр. 150, сл.).

В главах о наступательном вооружении четче, чем в остальных частях монографии, подчеркиваются особенности вооружения эпохи бронзы и раннего железа, выясняются различия между оружием этих двух периодов.

Работа не свободна и от некоторых недостатков. Они отчасти вызваны обширным кругом проблем, в ней затронутых, значительным территориальным и хронологическим охватом источников, отсутствием специальных разработок по многим общим и частным вопросам. В работе не учтены многие материалы по территории Восточной Европы и Закавказья, автор вынужден часто пользоваться устаревшими изданиями, не дающими верного представления о проблеме. В работе такого типа хотелось бы видеть побольше иллюстраций, так как использованные автором материалы разбросаны в десятках музейных собраний и во многих редких и труднодоступных публикациях. Следовало бы привести более четкие таблицы важнейших предметов материальной культуры, разделив их на типы. Прежде всего это касается наступательного оружия. Наряду с превосходными фотографиями важнейших находок, помещены не совсем удачные графические воспроизведения оружия, дающие нечеткое, а иногда и не совсем верное представление о предмете.

К числу недостатков работы следует отнести и то, что увлекшись описанием различных типов и видов оружия, А. Снодграсс не всегда дает комплексное описание всего набора оружия, характеризующего определенные исторические эпохи.

---

[4] Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев. 1968, стр. 131.

[5] K. W. Blegen. J. L. Caskey, M. Rawson. Troy. The Sixth Settlement. London. 1953, табл. 297, *34—389, 34—400, 35—368*, стр. 297.

[6] A. Westholm. Cypro-Archaic Splint Armour. AARh. IX. 1—2, Kobenhavn, 1938; Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical lands. London, 1963, стр. 14.

[7] N. G. Davies. The Tomb of Kenamun at Thebes. New York, 1930, табл. XVI.

В целом же работа безусловно удалась и заслуживает самой высокой оценки. Рецензируемая работа, удачно дополненная другой монографией того же автора о вооружении и военном деле более позднего времени [8], дает полное представление о развитии военного дела и оружия Средиземноморья в эпоху бронзы и раннего железа.

Е. В. Черненко

---

[8] A. Snodgrass. Arms and Armour of the Greeks. London, 1967.

О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Изд-во «Наука». М., 1967, 196 стр.

Дифференциация верхнеднепровских городищ эпохи раннего железа на несколько культур в общих чертах наметилась в 20—30-х годах XX в. в результате активных полевых изысканий белорусских археологов во главе с А. Н. Лявданским. Городища южной Белоруссии были классифицированы А. Н. Лявданским в особую культурную группу (южнобелорусскую), отличную от соседних с севера и востока групп поселений со штрихованной керамикой и деснинских городищ. В начале 50-х годов полевыми работами П. Н. Третьякова, Ю. В. Кухаренко и О. Н. Мельниковской в эту дифференциацию внесена существенная поправка. Оказалось, что напластования южнобелорусских городищ не однородны, а относятся к двум различным культурам — зарубинецкой и более ранней, названной исследователями милоградской. За короткий срок стараниями, главным образом, О. Н. Мельниковской поселения милоградской культуры были подвергнуты серьезным раскопочным исследованиям. Были открыты и раскапывались также погребальные памятники милоградского населения.

Рецензируемая книга подводит итоги работам археологов над милоградскими древностями на территории Белорусской ССР. Членение милоградских древностей в зависимости от современных государственных границ с археологической точки зрения не оправдано. Поэтому было бы целесообразно милоградские древности и Белоруссии и Украины анализировать в одной монографии. Однако О. Н. Мельниковская производила раскопки исключительно в белорусском Поднепровье, в силу чего милоградские памятники здесь оказались более изученными по сравнению с украинскими, которые еще ждут исследователя. Хотелось бы, чтобы милоградские памятники Украины (или подгорцевские, как их именуют для Киевщины) поскорее привлекли внимание специалистов, ибо цельная картина жизни и истории носителей этой культуры может быть реконструирована лишь после изучения милоградских древностей на всей территории их распространения.

Необходимость монографического описания отдельных верхнеднепровских культур раннего железного века к настоящему времени вполне очевидна. Недавно материалы древнейших городищ Смоленского Поднепровья были обстоятельно изучены и анализированы П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом [1]. Теперь археологи получили еще одну монографию, в которой весьма квалифицированно дана общая и детальная характеристика южнобелорусских древностей эпохи раннего железа. Нельзя не приветствовать оперативность О. Н. Мельниковской, сумевшей за сравнительно короткое время проанализировать и обобщить все материалы, полученные как в результате раскопок и разведок двух последних десятилетий, так и сведения, собранные белорусскими археологами в 20—30-х годах XX в.

Книга О. Н. Мельниковской состоит из четырех глав и карты с перечнем милоградских памятников южной Белоруссии. В первой главе автор очерчивает ареал милоградских древностей, коротко знакомит читателя с археологическими культурами предшествующего времени, распространенными на той же территории, а основное внимание концентрирует на характеристике милоградских поселений с их оборонительными, жилыми и хозяйственными сооружениями, а также на материале могильников. Вторая глава книги посвящена описанию и анализу вещевого инвентаря и керамического материала милоградских памятников. Следующий раздел характеризует различные стороны хозяйственно-культурной жизни милоградского населения и его социальные отношения. В четвертой главе рассматриваются вопросы хронологии милоградских древностей и этнической принадлежности южнобелорусского населения в изучаемое время.

Монография О. Н. Мельниковской проигрывает в сравнении с книгой П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта, где публикация материалов выполнена на высоком уровне и сопровождается необходимыми чертежами (планы, разрезы), полевыми фотографиями и рисунками вещей, что дает исчерпывающее представление о произведенных полевых работах и позволяет разобраться во всех деталях исследованных памятников. Этого нельзя сказать о книге О. Н. Мельниковской.

Автор рецензируемой монографии вместо индивидуального описания памятников со всеми частностями и деталями предпочел дать хотя и развернутую, но сум-

---

[1] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963.

марную характеристику исследованных памятников, вещевого и керамического материала. В результате в ряде мест отсутствует крайне необходимая полевая документация, без которой читатель не может составить целостного представления о работах, проведенных на том или ином археологическом объекте. В монографии нет ни одного плана с указанием места произведенных раскопок. На рис. 11 помещены изолированные планы только четырех жилищ из разных памятников (из каких именно, О. Н. Мельниковская почему-то не сообщает), хотя в тексте говорится, что было «исследовано не менее 50 следов жилых построек» (стр. 34), в том числе 20 жилищ в Горошковском городище. В связи с этим в книге необходимо было бы поместить планы раскопов, из которых было бы видно, какую часть городищенской площадки занимали жилища, как плотно примыкали они друг к другу, каким образом жилища разных типов соотносятся между собой на одном и том же памятнике, каково взаимоотношение жилых и хозяйственных построек. Лишь один раз исследователь поместила «план одного вскрытого участка на Горошковском городище» (рис. 13). Но на этом участке как раз нет ни одного жилища и опять-таки неизвестно, какое место занимает вскрытый участок на площадке городища.

Совсем без чертежей остались оборонительные сооружения исследованных милоградских памятников. Их словесное описание не всегда убедительно. На стр. 32 сообщается, что в устройстве большого вала на городище в Горошкове прослежено три строительных периода. На фотографиях, помещенных в книге, следов этих строительных периодов не видно, а разрезов вала автор не поместил. Неизвестно также, в каком месте были сделаны разрезы вала,— в нескольких или в одном. В рецензируемой книге нет ни одного разреза культурного слоя, поэтому многие вопросы, возникающие при чтении монографии, остаются без ответа. В частности, невозможно понять, в каком отношении три строительных периода большого вала Горошковского городища находятся с культурными отложениями на городищенской площадке, являются ли 20 жилищ, открытых на городище, одновременными или тоже распределяются на несколько строительных периодов.

Вряд ли справедливо утверждение О. Н. Мельниковской, что внешний вал Горошковского городища был насыпан первоначально, а затем уже появился малый (внутренний) вал. Такой вывод сделан исследователем на том основании, что внешний вал насыпан на чистом материковом грунте, а внутренний — на темной прослойке культурных напластований. Но ведь культурного слоя вообще нет на площадке, разделявшей первый и второй валы этого городища. Следовательно, внешний вал мог быть сооружен на материке как в ранний, так и в поздний период существования горошковского поселения. В равной степени это замечание относится и к укреплениям Милоградского городища. Здесь также недостаточно оснований для заключения о первоначальном сооружении внешнего земляного вала.

Вещевой материал, изданный на рисунках рецензируемой книги, в значительной части депаспортизован. Рисунки 23 (1—8), 24 (1—11), 26 (1—10), 29 (1—33), 30 (1—8), 31 (1—24), 34 (1—18), 36 (1—29); 37 (1—27), 39 (1—35), 40 (1—19), 49 (1—19), 52 (1—20), 53 (1—48), 54 (1—36), 56 (1—16), 58 (1—15), 60 (1—8) и 61 (1—22) имеют подписи: «те или иные вещи из милоградских памятников». Правда, места находок некоторых из этих вещей названы в тексте книги. Но последние составляют меньшую часть изданных предметов. Из какого именно памятника происходит большинство вещевого материала, изданного в рисунках, читателю остается неизвестным, не говоря о том, что было бы интересно узнать не только название памятника, в котором найдена та или иная вещь, но и условия находки и комплекс, в котором она встречена. В разделах, посвященных датировке милоградских памятников и дифференциации керамического материала на хронологические группы, О. Н. Мельниковская несколько раз говорит о комплексах вещей. Но что представляли собой эти комплексы и из каких вещей они состояли, автор не сообщает. Поэтому читатель не может ни проверить правильность предлагаемых датировок, ни высказать свои соображения по тем или иным вопросам хронологии. Остается неизвестным, каким образом определялся комплекс — то ли это группа вещей и керамики, найденные в однородной прослойке, то ли группа находок, происходящая из заполнения полуземлянок и т. п.

Из обширной территории расселения милоградских племен для раскопочных изысканий была избрана исключительно узкая полоса по берегам Днепра. В этой связи возникает вопрос — отражает ли группа исследованных памятников поречья Днепра картину жизни и быта всей территории милоградской культуры. Имеются некоторые основания в пользу отрицательного ответа на этот вопрос.

О. Н. Мельниковская отмечает, что специфической особенностью милоградских городищ является присутствие на них двух площадок — внутренней жилой и дополнительной, более значительной по площади, расположенной между первым и вторым рядами укреплений. В этой особенности автор усматривает один из признаков отличия милоградской культуры от синхронных балтских древностей Верхнего Поднепровья. Однако подобное строение имеют лишь немногие милоградские городища, расположенные исключительно в поречье Днепра или на Соже около Гомеля. Эта особенность устройства городищ специфична только для поселений, расположенных на участке Днепра от устья Березины до устья Припяти. В то же время городища, расположенные в других районах милоградского ареала, ничем не отличаются от

лесных городищ других верхнеднепровских культур. Например, такие городища как Холопеничи и Большая Слива, причисляемые О. Н. Мельниковской к милоградской культуре, по своей топографии и устройству оборонительных сооружений совершенно идентичны ряду городищ культуры штрихованной керамики Припятского левобережья. Милоградские городища бассейна Сожа по всем своим данным тождественны с юхновскими городищами.

На основе изучения городищ в поречье Днепра О. Н. Мельниковская делает вывод, что основным видом хозяйства милоградского населения было пашенное земледелие. Спорность этого вывода очевидна уже при сопоставлении ареала милоградской культуры с почвенной картой днепровского бассейна. Основная часть милоградской территории занимает области, мало пригодные для земледелия. Это — дерново-подзолистые, заболачиваемые или торфяно-болотные почвы, развивающиеся на травянисто-осоковых или осоково-древесных торфах, а во многих местах взбугренные и развеваемые пески. И только по берегам Днепра и в некоторых местах поречья Припяти имеются сравнительно широкие полосы плодородных пойменно-луговых почв, к которым иногда примыкают слабоподзоленные супесчаные почвы, пригодные для возделывания сельскохозяйственных культур. Однако и для этих районов весьма спорно предположение О. Н. Мельниковской, что первое место в хозяйстве милоградских племен занимало земледелие, а не скотоводство. Прав П. Н. Третьяков, отметивший, что этот тезис О. Н. Мельниковской остается недоказанным [2]. Данные о земледелии и скотоводстве, полученные при раскопках, несоизмеримы и не дают оснований для того или иного вывода. Ямы колоколовидной формы, предназначенные для хранения зерна и широко распространенные в скифскую эпоху в лесостепной полосе, на милоградской территории характерны в основном для зарубинецкого времени. В напластованиях милоградской культуры подобные ямы встречаются редко, видимо, свидетельствуя о том, что в это время земледелие не имело господствующего значения.

Своеобразные глиняные грузики О. Н. Мельниковская относит к числу специфических предметов милоградской культуры. Однако эти находки встречаются далеко не по всей милоградской территории. Почти все они происходят из поселений, расположенных в поречье Днепра. Лишь несколько грузиков найдены на городище в Чечерске на р. Соже. На поселениях милоградской культуры, расположенных в припятском бассейне, таких грузиков не встречено вовсе. Фигурки животных, вылепленные из глины, которые О. Н. Мельниковская относит к числу признаков, «отличающих памятники милоградской культуры Белоруссии от других культур лесной зоны» и сближающих их с южными лесостепными культурами, тоже встречены исключительно в поречье Днепра. Милоградские городища поречья Днепра выделяются среди прочих и некоторыми другими находками среднеднепровского происхождения. Таковы, в частности, гвоздевидные булавки, характерные для скифских памятников, которые на территории, исследованной О. Н. Мельниковской, встречены исключительно по берегам Днепра.

Таким образом, даже при беглом сравнении среди милоградских памятников выделяется группа поселений, расположенных в поречье Днепра (форма отдельных городищ, распространение земледелия, некоторые находки, связанные со скифскими лесостепными культурами). Выводы, полученные в результате изучения поднепровских поселений милоградской культуры, распространять на весь ареал милоградцев, по крайней мере, преждевременно.

Нельзя с уверенностью говорить, что жемчужный орнамент, который О. Н. Мельниковская относит к числу признаков, отличающих раннюю милоградскую керамику от более поздней, был распространен по всему ареалу изучаемой культуры. Во всяком случае, на керамике из дубойских курганов, принадлежащих к ранним милоградским памятникам, эта орнаментация отсутствует [3]. На юхновских поселениях керамика с жемчужным орнаментом встречена в основном в зоне контакта с лесостепными племенами. Не исключено, что на милоградской территории жемчужная орнаментация не составляет характерную особенность всей ранней посуды, а получила распространение лишь в районах соприкосновения милоградских племен с обитателями лесостепной Скифии и севернее поднялась только по Днепру. По всей вероятности, как и на юхновских памятниках, распространение жемчужной орнаментации на милоградской керамике является отражением балто-иранского контакта в Поднепровье, о котором все настойчивее говорят данные языкознания и топонимики [4].

Вопрос о происхождении милоградской культуры пока далек от разрешения. Здесь, прежде всего, ощущается слабая изученность как самой милоградской куль-

[2] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.—Л., 1966, стр. 180.

[3] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961, стр. 11, 12.

[4] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 231; В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 133, 134; О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. Сб. «Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам». М., 1967, стр. 12—20.

туры, так и древностей предшествующего времени. Очень вероятна генетическая связь милоградской культуры с сосницкой через посредство памятников эпохи поздней бронзы так называемого лебедовского типа. На это обстоятельство обратили внимание киевские археологи В. Н. Даниленко и С. С. Березанская. О вероятном генезисе милоградской культуры из сосницкой пишут П. Н. Третьяков и О. Н. Мельниковская. Но если это так, то не может быть принята гипотеза О. Н. Мельниковской о передвижении милоградского населения с юга-запада на северо-восток, из районов, расположенных южнее Припяти, в области Гомельского Поднепровья.

В нескольких местах О. Н. Мельниковская повторяет, что милоградская культура в южной Белоруссии не имеет генетических корней, а возникает почти одновременно чуть ли не в готовом виде. Это утверждение является одним из аргументов для предположения о переселении милоградцев в Белорусское Поднепровье с юго-запада. Однако в белорусской части милоградской территории известно несколько десятков пунктов с материалами сосницкой культуры. В том числе такие материалы встречены и на местах, позднее занятых милоградскими поселениями и могильниками: Горошков, Мохов, Чаплин, Асаревичи, Проскурни, Леваши на Днепре, Ворновка (Лядцы), Любны, Присно, Старое Село — на Соже, Кимборовка — на Припяти. Следовательно, один из доводов в пользу миграции милоградских племен в Белорусское Поднепровье с Волыни отпадает.

Хронология милоградских древностей также говорит не в пользу происхождения милоградцев южной Белоруссии из Волыни. Милоградские поселения на территории южнее Припяти функционировали по V—IV вв. до н. э. Между тем, в Белорусском Поднепровье известны милоградские городища уже в VI—V вв. до н. э. И что самое важное, в Южной Белоруссии в это раннее время известны грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, в то время как в юго-западных районах милоградского ареала им синхронны курганные захоронения (кремация и ингумация). В последнее время в западной Волыни И. К. Свешниковым исследованы грунтовые могильники с милоградскими сосудами древнейших форм, но погребения здесь совершались по обряду трупоположения, тогда как в Белорусском Поднепровье с самого начала господствует кремация умерших.

Попытку исследователя подтвердить свою точку зрения о миграции милоградского населения из Волыни ссылкой на повторяемость речных названий явно древнерусского (или более позднего) происхождения (Броница, Глушица, Дубровка, Железница, Крапивна, Криница, Млинок. Судиловка, Черная и другие) в области правобережной части припятского бассейна, с одной стороны, и в районах к северу от Припяти, с другой, нельзя признать серьезной. К тому же эта повторяемость гидронимов иллюстрирует отнюдь не связи Волыни с Гомельским Поднепровьем. Поводом для гипотезы О. Н. Мельниковской о передвижении носителей милоградской культуры с юго-запада на северо-восток послужили совсем не данные археологии, а, по всей вероятности, сообщение Геродота о миграции невров, с которыми исследователь отождествляет милоградцев. Прав Ю. В. Кухаренко, отмечая, что «никакого передвижения милоградской культуры с юга или юго-запада на север не было. Имело место лишь сокращение территории, занимаемой ею, и прежде всего это сокращение затронуло южные, точнее юго-западные окраины этой территории» [5].

Мнение О. Н. Мельниковской, согласно которому она отождествляет геродотовых невров с носителями милоградской культуры, не подкреплено достаточными конкретными фактами. Рецензенту представляется более приемлемым предположение М. Гимбутас об отождествлении невров Геродота с днепровскими балтами — носителями нескольких археологических культур эпохи раннего железа (в том числе и милоградской) [6]. М. Гимбутас оперирует теми же самыми сведениями Геродота и других античных авторов, что и О. Н. Мельниковская. Трудно представить, чтобы Геродот, перечисляя племена и народы Восточной Европы, назвал бы носителей высоцкой или милоградской культур и оставил без внимания огромный массив днепровских балтов, соседствовавших с севера со скифами-пахарями. Скорей всего, невры Геродота — древняя этническая группа, а не одно из племен этого этнического массива.

Для подкрепления догадки об отождествлении милоградцев с неврами О. Н. Мельниковская составила список и карту топогидронимов, предположительно связанных с этнонимом невры. Этот материал не выдерживает критики уже в силу крайней неполноты. Географические названия, аналогичные тем, которыми оперирует исследователь, на территории Восточной Европы известны не только в области расселения милоградских племен или вблизи их ареала, как это изображает О. Н. Мельниковская на рис. 65, но и далеко за пределами Среднего Поднепровья. Так, на территории Литвы только среди водных названий насчитывается не менее десятка с апеллятивом нор-/нур- (три названия Norupis, Noruta, Norušas, Norūnu

---

[5] Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье. Автореф. докт. дис. М., 1965, стр. 15. П. Н. Третьяков, указывая на полную неисследованность древностей предмилоградского времени в Гомельском Поднепровье, считает догадку О. Н. Мельниковской о миграции милоградских племен преждевременной (П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 160, 161).

[6] M. Gimbutas. The Balts. London, 1963, стр. 97—101.

ežerėlis, Norušiškių upėlis и др.) [7]. Есть такие же названия среди гидронимов Латвии, северной Белоруссии (например, озеро Норино), Московской области (например, река Понора) и других местностей. Карта О. Н. Мельниковской дает искаженную картину распространения названий с элементами нор-/нур-, поэтому не может быть использована для каких-либо выводов.

Несколько слов необходимо сказать о карте и списке памятников милоградской культуры на территории южной Белоруссии, помещенных в конце рецензируемого издания. Хотелось, чтобы картографические значки были дифференцированы, разграничивая памятники вполне достоверные и памятники, отнесенные к милоградским предположительно. Число последних велико, особенно на северных окраинах ареала, намеченного для милоградской культуры О. Н. Мельниковской. Это ставит под сомнение правильность северной границы милоградской территории. Так, в результате разведок и шурфовки А. Рынейского на городище Холопеничи памятник был отнесен к культуре штрихованной керамики [8]. Здесь был найден обломок глиняной поделки, по форме напоминающий так называемые грузики дьякова типа. Такие находки совсем не характерны для милоградских древностей, но обычны на поселениях культуры штрихованной керамики. Ю. В. Кухаренко классифицирует городище Холопеничи, как поселение культуры штрихованной керамики [9]. В 1957 г. памятник посетила О. Н. Мельниковская и собрала фрагменты лепной керамики со штрихованной и гладкой поверхностью [10]. Среди единичных венчиков сосудов этого памятника, по мнению О. Н. Мельниковской, есть такие, которые напоминают милоградские. Это позволило исследователю нанести Холопеничское городище на карту милоградских памятников. К подобным же памятникам относятся городища Большая Слива и Селище в бассейне Случи, Радутичи на Птичи, ряд поднепровских поселений выше устья Березины. Все эти поселения характеризуются штрихованной керамикой и венчиками, близкими к милоградским сосудам. Однако, по-видимому, этого мало для классификации этих поселений, как памятников милоградской культуры. Дело в том, что четкой границы между ареалами культуры штрихованной керамики и милоградской культуры провести нельзя. Мне уже приходилось писать, что между этими ареалами наблюдается довольно широкая переходная зона, в которой элементы милоградской посуды сочетаются с элементами штрихованной керамики [11]. Именно такими переходными по культурному облику и являются городища Холопеничи, Большая Слива, Селище, Радутичи и другие, относить которые к милоградской культуре также ошибочно, как причислять к памятникам собственно культуры штрихованной керамики.

Обращаясь к вопросу об этнической принадлежности милоградских племен, О. Н. Мельниковская, хотя и отмечает недостаток материалов для решения этой проблемы, всеми силами стремится подвести читателя к выводу об их славянской атрибуции. По представлениям О. Н. Мельниковской, в пользу славянской принадлежности носителей милоградской культуры свидетельствуют мнения некоторых языковедов, которые размещают славянскую прародину в Среднем Поднепровье. Если лингвисты, рассуждает исследователь, локализуют ранних славян где-то в Среднем Поднепровье, то и археологи вслед за ними должны поместить славянскую прародину здесь, объявив славянской какую-либо среднеднепровскую археологическую культуру. Такой подход к решению проблемы славянской прародины неверен в методологическом отношении. В научной литературе неоднократно отмечалось, что совпадения каких-либо археологических ареалов с лингвистическими, топонимическими или какими-либо иными еще ни о чем не говорят. Такие сведения часто объясняются случайными мотивами. Поиски соответствий между ареалами не есть научный метод решения того или иного вопроса. Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны лишь при том условии, если выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навеяны данными смежной науки.

Вопрос о славянстве милоградских племен может быть решен положительно только в том случае, если древности этого населения генетически увязывались бы с бесспорно славянскими материалами раннего средневековья. Однако генетическая преемственность между милоградскими и славянскими древностями второй половины I тысячелетия н. э. отсутствует. Это вполне очевидный и бесспорный факт. В настоящее время наиболее ранними достоверно славянскими памятниками в областях Среднего Поднепровья являются поселения и могильники, характеризуемые керамикой пражского типа. Руководствуясь археологическими критериями, вполне закономерно памятники, предшествующие славянским и генетически не связанные с ними, классифицировать как дославянские. Таковыми являются и зарубинецкие, и предшествующие им милоградские древности. Но даже, если допустить, что зару-

[7] Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, стр. 110.

[8] А. Рынейскі. Археалагічныя разьведкі по р. Пціч. Працы сэкцыі археолёгіі. III, Мевск, 1932, стр. 211.

[9] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, рис. 6 на стр. 15.

[10] Архив ИА, ф. Р-1, д. 1664.

[11] В. В. Седов. Поселения культуры штрихованной керамики. Acta Universitatis Wratislaviensis. 56, Wrocław, 1967, стр. 180, 181.

бинецкая культура оставлена славянами [12], то и в этом случае невозможно говорить о славянской атрибуции милоградских племен. Работами П. Н. Третьякова и О. Н. Мельниковской убедительно показано, что зарубинецкая культура не эволюционирует из милоградской, а сменяет последнюю, унаследовав отдельные ее элементы [13]. Отсюда неизбежен вывод, что при распространении зарубинецкой культуры имело место расселение какой-то новой этноязыковой единицы. Следовательно, носители милоградской культуры, исходя из археологических материалов, должны быть отнесены к дославянскому населению Поднепровья [14].

В настоящее время топонимика неоспоримо свидетельствует, что области верхнеднепровского бассейна, начиная с самой отдаленной древности, доступной лингвистическому анализу, и до расселения славян принадлежали различным балтским племенам. В области милоградской культуры дославянская гидронимика оставлена балтами, следовательно эта культура, наряду с днепро-двинской, юхновской и культурой штрихованной керамики, должна быть приписана балтоязычному населению.

Водные названия балтского происхождения известны почти на всей территории расселения милоградских племен. В работе О. Н. Мельниковской выводы К. Буги относительно южной границы балтов в древности и заключение В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева по тому же вопросу противопоставляются. Читатель может подумать, что это отличные мнения разных авторов. Однако расхождение в выводах этих исследователей объясняются исключительно историографическими мотивами. К. Буга работал в первой четверти XX в. и имел в своем распоряжении недостаточную сумму материалов. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев завершили исследование в 60-х годах XX в., и полученные ими выводы основаны на более обширных материалах и на новейших исследовательских приемах. Пока ни одному исследователю не удалось поколебать вывод В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о том, что гидронимы балтского происхождения опускаются южнее Припяти. Наоборот, полевыми изысканиями киевских топонимистов в районах Украинского Полесья выявлены как новые топонимические балтизмы, так и следы балтского словосложения на славянском ономастическом материале. Стало очевидным, что районы Украинского Полесья являются южной периферией балтов [15].

О. Н. Мельниковская обращает внимание на то, что в милоградском ареале названия балтского происхождения встречаются реже, чем на территории других верхнеднепровских культур. Можно возразить, что число балтских гидронимов на исследуемой О. Н. Мельниковской части милоградского ареала не уступает количеству водных названий балтского происхождения на юхновской территории. Но в целом, действительно, плотность балтской гидронимики уменьшается в направлении с севера на юг. Ее больше на севере Белоруссии, чем на юге, густота балтских гидронимов в северной части милоградского ареала большая, чем в его южных районах. Это наблюдение важно для изучения такого вопроса, как плотность балтского населения в Поднепровье, как проблема частичного отступления балтов в процессе славянской колонизации, темы взаимоотношения славян и балтов и ассимиляции последних, но не имеет какого-либо существенного значения для этнического определения древнего населения. Известно, например, что иранская гидронимика несколько плотнее сохранилась в днепровском лесостепном левобережье. Однако это не повод для сомнений в иранской принадлежности скифо-сарматского населения причерноморских степей.

Ни археология, ни топонимика, ни лингистика не располагают данными, которые противоречили бы отнесению милоградской культуры к балтам. Если автор считает, что археологические материалы противоречат балтской принадлежности милоградских племен, то это лучше было бы показать в диспуте не с краткими тезисами моего доклада, прочитанного в Минске в 1963 г., где нет места для достаточной аргументации, а с исследованиями, в которых собраны сведения в пользу балтоязычности милоградцев [16].

---

[12] В. В. Седов. Рец.: П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. СА, 1967, 3, стр. 307—310.

[13] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА, АН СССР, 81, 1960, стр. 43—48; О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в южной Белоруссии. СА, 1963, 1, стр. 32—41.

[14] Отдельные исследователи, на что в одном месте обращает внимание О. Н. Мельниковская, думают, что археологические культуры не соответствуют этноплеменным единицам, поэтому языковые связи и преемственность в археологических культурах не равнозначны. То есть, иными словами, археология не располагает материалами для решения этногенетических вопросов. Но в таком случае спрашивается, зачем же было О. Н. Мельниковской писать раздел об этнической принадлежности милоградской культуры?

[15] А. П. Непокупный. Словосложение как балтийский элемент в топонимии Украинского Полесья. Конференция по топонимике Северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966, стр. 100—102; его же. Балтійські елементи в географічних назвах України, Київ, 1968.

[16] Иногда О. Н. Мельниковская допускает вольное изложение моих положений, высказанных в тезисах, в таких случаях спорит уже не с моими мыслями. В част-

Всесторонний анализ материальной культуры милоградского населения позволяет вполне отчетливо определить ее место среди других синхронных культур Восточной Европы. Вполне очевидны яркие различия милоградской культуры от скифских культур южнорусской лесостепи. Поэтому милоградское население невозможно считать ираноязычным. Зато имеются основания включить милоградские памятники в группу северных, верхнеднепровских древностей. Отнесение милоградских древностей к числу верхнеднепровских культур балтов не означает, что милоградская культура тождественна другим культурам Верхнего Поднепровья. Заметное различие между милоградской культурой и культурой штрихованной керамики проявляется и в керамике, и в формах домостроительства, и в вещевом инвентаре, и в погребальном обряде. О. Н. Мельниковская постоянно сосредотачивает внимание на этих различиях. Но не следует забывать, что кроме различий имеются элементы, объединяющие милоградскую культуру с синхронными культурами Верхнего Поднепровья. Так, верхнеднепровские и милоградские городища в целом однотипны (кроме больших милоградских городищ, отражающих не специфику этой культуры, а культурное воздействие Северной Скифии): «Состав и формы железных орудий, происходящих из милоградских городищ,— замечает П. Н. Третьяков,— в основных чертах те же самые, что и в других верхнеднепровских культурах» [17]. Заключая раздел об украшениях белорусской части милоградской культуры, О. Н. Мельниковская отмечает, что их специфику составляет сочетание гальштатто-латенских и южных типов с типично балтскими формами. Широкая переходная полоса, наблюдаемая между ареалом культуры штрихованной керамики и милоградской территорией, могла сложиться только на рубеже расселения родственных этнических групп. Наконец, милоградская и одна из бесспорно балтских культур — юхновская имеют единые корни — обе они сформировались на основе сосницкой культуры.

Согласно новейшим данным по балтской диалектологии, распад балтов относится ко II тысячелетию до н. э. [18]. Следовательно, в эпоху раннего железа балтские племена должны быть представлены несколькими археологическими культурами, одни из которых близки друг к другу, а другие заметно отличаются от первых. Таким образом, лингвистические сведения отнюдь не мешают отнесению к балтам и культуры штрихованной керамики, и днепро-двинской, и милоградской и других культур, хотя эти древности и обнаруживают между собой более или менее существенные различия.

Наука пока не располагает надежными материалами для локализации славян эпохи милоградской культуры в области Припятского Полесья и Среднего Поднепровья. Из обширнейшей литературы по проблеме славянской прародины О. Н. Мельниковская выбрала лишь три работы сторонников приднепровской локализации ранних славян (С. Б. Бернштейна, К. Мошинского и Ф. П. Филина), оставив без внимания все те материалы, которые противоречат такому размещению славянской прародины.

Сразу необходимо заметить, что польский этнолог К. Мошинский был сторонником не приднепровской, а азиатской прародины славян [19]. Исследователь исходил из предположения, что праславяне находились в контакте с тюрками и до VII—VI вв. до н. э. жили где-то в Азии (их соседями на востоке были тюрки, на западе — угры, на юге — скифы). Гипотеза К. Мошинского вызвала серьезнейшие возражения ученых и, прежде всего, тюркологов, указавших на невероятность ранних праславяно-тюркских контактов. В последней своей работе К. Мошинский много внимания уделил тезису о более раннем (по сравнению с Повисленьем) заселении славянами приднепровских областей, надеясь этим подтвердить положение об азиатском происхождении славян. Славяне, по К. Мошинскому, пришли в Поднепровье за несколь-

---

ности она считает, что основным моим аргументом в пользу балтской принадлежности милоградской культуры является совпадение балтского гидронимического ареала с археологической территорией этой культуры. Об ошибочности этого «метода» говорилось выше (см. также В. В. Седов. Гидронимика и археология. Конференция по топонимике Северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений, стр. 14). В докладе в Минске речь шла о посоховидных булавках (с навершием в виде петли с *S*-видным завитком), которые на территории Восточной Европы в эпоху раннего железа были характерными для балтских племен. Чтобы ослабить этот тезис О. Н. Мельниковская упрекает меня в том, что были не приняты во внимание находки подобных булавок на территории днепровской лесостепи и в Средней Европе. Конечно, в тезисах доклада не нашлось места для перечисления находок посоховидных булавок. Несправедливость упрека О. Н. Мельниковской очевидна при знакомстве со статьей, посвященной этим булавкам и являющейся частью минского доклада (В. В. Седов. Булавки восточных балтов эпохи раннего железа. Acta Baltico — Slavica, V. Białystok, 1967).

[17] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 180.

[18] В. Мажюлис. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.

[19] K. Moszyński. Badania nad pochodzeniem i pierwotna kultura słowian. Krakow, 1925: его же. Pierwotny zasiag języka prasłowianskiego. Wrocław — Krakow, 1957.

ко веков до н. э. откуда-то из пограничья Европы и Азии и только позднее расселились в бассейне Вислы. Из положений К. Мошинского О. Н. Мельниковская использовала лишь ту часть, где говорится о том, что Приднепровье было заселено славянами раньше, чем Повисленье, полностью умолчав об остальных взглядах автора. Это недопустимо в научных исследованиях. Что касается положения К. Мошинского о раннем славянском заселении Поднепровья, то это ему доказать не удалось. Исследователь не показал, что славянская гидронимия Среднего Поднепровья древнее повиселенских названий славянского происхождения (что нужно было бы сделать для обоснования этого тезиса), а пишет лишь о том, что в Среднем Поднепровье славянских названий больше, чем в бассейне Вислы. Последнее положение отнюдь не свидетельствует в пользу локализации праславян в Поднепровье. На территории Восточной Европы известны области очень поздней русской колонизации с богатой славянской топонимикой.

С. Б. Бернштейн, отметив ненадежность зооботанической аргументации и невозможность решения вопроса по данным топонимики (при современном состоянии знаний), локализует славянскую прародину в Припятском Полесье и на Волыни «методом исключения». «Мы не знаем,— пишет он,— иных этнических групп, которые с полной уверенностью можно было бы поселить здесь. Балтийские племена жили к северу от Припяти. Венеты обитали к западу от данной территории. Никогда не жили на этой территории кельты, фракийцы и иранцы — юго-западные, южные и юго-восточные соседи славян, не было на этой территории в I тысячелетии до н. э. и финнов» [20]. Такой метод определения славянской прародины не надежен, тем более, что, как теперь установлено, в древности балты заселяли и южные районы Припятского Полесья.

Анализ праславянского лексического материала позволил Ф. П. Филину заключить, что прародина славян находилась вдали от моря, в лесной, равнинной полосе, изобиловавшей болотами и озерами. Однако подобный ландшафт весьма распространен и в центральной и в восточной Европе. Для более точного определения места расселения праславян исследователь привлекает мало надежные зооботанические аргументы, в результате западная граница прародины намечается в юго-восточной части бассейна Вислы, а северная и восточная границы, что отмечает и автор, остаются весьма неопределенными [21].

Учитывая сказанное, ни о каком соответствии милоградского ареала с территорией славянской прародины говорить не приходится. Не буду говорить о всех тех весьма многочисленных материалах, которые противоречат размещению славян на милоградской территории. Достаточно сказать об одном факте. Праславяне находились в ближайшем контакте не с восточными, а с западными балтами (прусо-ятвяго-галиндами). Ряд изоглосс объединяют праславян с западнобалтскими племенами и, наоборот, общие древние славяно-восточнобалтские изоглоссы отсутствуют. Это подчеркивают и сторонники припятско-волынской прародины славян (С. Б. Бернштейн). В языковедческой литературе в связи с этим поднят вопрос о формировании праславянского языка на основе окраинного западнобалтского диалекта [22]. Но если совсем недавно наука не располагала достаточными критериями определения племенной принадлежности приднепровских балтов, то ныне вполне очевидно, что верхнеднепровские земли в эпоху раннего железа принадлежали отнюдь не западным балтам. С археологической точки зрения бесспорно, что северные соседи милоградцев — носители культур штрихованной керамики не имеют какого-либо отношения к этногенезу западнобалтских племен. То же можно говорить об юхновской и днепро-двинской культурах. Археологические выводы совпадают с лингвистическими — древняя гидронимика Верхнего Поднепровья имеет восточнобалтский характер (распространение форманта — esa/— asa). Значит праславяне в эпоху раннего железа не могли быть соседями обитателей городищ со штрихованной или юхновской керамикой, а жили где-то по соседству с западнобалтским миром. Ныне можно определенно говорить, что славяне не были южными соседями балтов, разграничивая их от иранцев, как казалось совсем недавно, а примыкали к балтскому ареалу с юго-запада. Для более раннего времени, как показал анализ славянской ремесленной лексики, носители праславянского языка или, может быть, носители древнеевропейского диалекта, ставшего потом славянским, занимали еще более западное положение, находясь в контакте с германцами и италийцами, т. е. с индоевропейцами центральной Европы [23].

В. В. Седов

[20] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 64.

[21] Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962, стр. 7—151. Автор говорит о возможном распространении славянской прародины до Десны и Березины, поскольку, по его мнению, это славянские гидронимы. На это можно возразить: название реки Великой на Псковщине — более бесспорный славянский гидроним, однако это не значит, что славяне в I тысячелетии до н. э. достигали бассейна Псковского озера.

[22] В. Н. Топоров. К проблеме балто-славянских языковых отношений. «Актуальные проблемы славяноведения». М., 1961, стр. 211—218.

[23] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

А. М. ХАЗАНОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СЛОЖНЫХ ЛУКОВ

В истории сложных луков, их происхождении и соотношении различных типов много неясного. К тому же и у нас и за рубежом не так уж много работ, специально посвященных этой теме. Поэтому определенного внимания заслуживает монография шведского исследователя Г. Раузинга «Лук. Заметки по поводу его происхождения и развития» [1]. Поскольку основное место в ней уделяется сложным лукам, мы в своем разборе наиболее обстоятельно остановимся именно на этом вопросе.

Во введении автор справедливо сетует на то, что всеобщий обзор луков с доисторического времени еще не написан (стр. 14). Однако он также исключает из своего исследования все районы, где, как ему кажется, развитие этого вида вооружения оставалось изолированным от Старого Света (т. е. Европы, Азии и Средиземноморского побережья Африки). К таким районам Раузинг с бóльшим или меньшим основанием относит Америку, Австралию, Океанию, Африку южнее Сахары, арктическую Азию, Индию (за исключением нескольких попутных замечаний, что уже совсем необоснованно) и Индонезию. Таким образом, по охвату материала его работа заметно проигрывает по сравнению с известной работой Д. Н. Анучина [2]. Стрелам и наконечникам стрел посвящено всего несколько страниц (стр. 162—166).

Краткий раздел (стр. 16—20) посвящен терминологии, что вполне обоснованно, так как общепринятая терминология для обозначения луков различных типов и даже их отдельных частей до сих пор еще не выработана. В соответствии с принятыми сейчас в науке критериями, Раузинг классифицирует луки по конструкции (луки простые, соединенные, усиленные и сложные) и форме. На наш взгляд, следует разделять луки составные — изготовленные из единой деревянной основы и других материалов, и сложные, основа которых сделана из нескольких соединенных друг с другом кусков дерева. В принципе можно было бы выделять еще сложносоставные луки, но вряд ли в этом есть необходимость, практически все сложные луки одновременно являются и составными.

Собственно исследование состоит из двух основных частей: исторического обзора, в котором дается описание находок и изображений лука в Европе и Азии с палеолита по средневековый период включительно, и суммарного описания различных типов луков, выделенных автором, с упором на их генезис. Впрочем четкого разделения тем не получилось, да оно и вряд ли возможно.

Раузинг допускает наличие лука уже у ориньякцев (стр. 32), хотя и отмечает, что больше доказательств имеется лишь для мадленской эпохи, а наиболее ранние находки простых луков относятся только к мезолиту (стр. 33). Появление сложного лука в Центральной Европе он датирует началом II тысячелетия до н. э. (стр. 39) и связывает его с носителями культур боевых топоров. Однако вплоть до средних веков Западная и Центральная Европа были областями преимущественного распространения простых луков. Составные и сложные луки, как правило, проникали сюда извне.

Особенно сильно эти влияния ощущались в римское императорское время и документально засвидетельствованы находками костяных накладок от сложных луков на военных укреплениях первых веков нашей эры (перечень находок дается на стр. 65—67). Справедливо отмечая, что находки костяных накладок на луки встречаются в Западной Европе в течение всего императорского времени, исследователь связывает наиболее ранние из них с вспомогательными частями сирийских лучников, а более поздние — с гуннами. По его мнению, сирийцы имели на вооружении луки типа Yrzi с прямой выступающей вперед рукоятью и негнущимися концами, снабженными костяными накладками.

Его предположение может быть верным, но лишь отчасти. Луки типа Yrzi в своем позднем варианте, с костяными накладками на концах, бытовали на Переднем Востоке и в первые века нашей эры, примером может служить находка из некрополя Багуз, давшая название всему типу [3]. Однако не меньшее распространение на Переднем Востоке в первые века нашей эры имели различные варианты «скифских» луков. Поэтому было бы весьма маловероятным, чтобы римские наемники не принесли его с собой в империю со своей родины.

Распространение сложных луков в Европе эпохи великого переселения народов Раузинг связывает исключительно с гуннами (стр. 68—69, 110—111), полностью следуя в этом вопросе за Альфёльди и Вернером [4]. Нам уже приходилось возражать против подобного, чрезмерно одностороннего подхода к вопросу о распространении лу-

---

[1] Gad Rausing. The Bow. Some Notes on its Origin and Development. AAL, ser. 8, 6, Bonn-Lund. 1967.

[2] Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. Тр. V АС, М., 1887.

[3] F. E. Brown. A Recently Discovered Compound Bow. SK, ILX, Praha, 1937.

[4] A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. AH, IX, 1932; J. Werner. Bogenfragmente aus Carnuntum und der unteren Wolga. ESA, YII, 1932; его же. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

ков «гуннского» типа [5], и поэтому сейчас мы не будем останавливаться на нем подробнее.

Следует только заметить, что советская археологическая литература использована исследователем явно недостаточно, а ее подбор производит впечатление случайности. В результате отдельные страницы его работы написаны поверхностно, на весьма низком уровне. Так, незнакомство с превосходным исследованием раннесредневековых луков, проделанным А. А. Гавриловой и далеко выходящим по своему значению за территориальные рамки Сибири [6], привело его к целому ряду ошибок и неточностей.

Довольно тщательно учтены и описаны луки древнего Египта и Северной Африки (стр. 70—81). Пожалуй, наиболее интересно здесь место, посвященное угловатым лукам, которые в литературе считают то простыми [7], то сложными [8]. Раузинг весьма обоснованно полагает, что, несмотря на всю схожесть их внешнего вида, подобные луки представлены двумя различными типами — простыми, местного происхождения, и составными, которые он считает заимствованными от хеттов. Что касается другого типа сложных луков — сегментовидных, то автор, как и другие исследователи, считает его также заимствованным, но в отличие от них — из областей, населенных хурритами.

Древнемесопотамские и малоазийские луки описаны довольно суммарно (стр. 81—87, 91—94). По мнению Раузинга, очень спорному, уже с периода Джемдет-Наср в Месопотамии распространены различные виды сложных луков. Пока более убедительной кажется точка зрения, по которой наиболее раннее изображение сложного лука происходит со стелы Нарамсина [9]. Удачно аргументирована принадлежность сегментовидных и угловатых луков к сложным.

Хорошо описаны различные типы луков, бытовавших в Греции, Риме и Византии (стр. 95—103). Однако трудно согласиться с автором, когда он считает сегментовидные луки, изображенные на колонне Траяна [10] дериватом «скифских». Такие луки являются всего лишь одним из вариантов луков типа Yrzi. Речь идет не только о вариациях в положении рукояти, как это кажется исследователю, а о различных конструктивных принципах, положенных в их основу, исключающих возможность происхождения одного от другого.

При описании луков Ирана (стр. 103—107) главное внимание Раузинга естественно обращено на луки типа Yrzi и «скифские». Он правильно рассматривает лук типа Yrzi как поздний вариант луков, издревле бытовавших на Переднем Востоке, хотя его мнение о том, что такие луки были впервые принесены туда индоевропейскими племенами, обосновывается очень слабо и вызывает сомнения.

Еще более сомнительно предположение Раузинга, хотя и высказанное в довольно осторожной форме, что костяные накладки на негнущиеся концы луки типа Yrzi получили от шумерских. Не говоря уже об очень значительном хронологическом разрыве, само наличие костяных накладок на некоторых типах шумерских луков является не более чем очень сомнительной гипотезой самого автора. Куда обоснованнее предполагать, что костяные накладки на луках типа Yrzi появились под влиянием северных степных луков. Заодно отметим, что со скифскими луками в Иране познакомились и приняли их на вооружение не позднее VII в. до н. э., если судить по рельефам гробницы Кызкапан [11] и свидетельству Геродота [12], а не к V в. до н. э., как полагает автор.

Недавно Б. А. Литвинский необоснованно попытался отождествить находку в Багузе с луком сасанидского типа [13]. Дело не только в том, что в отличие от последнего лук типа Yrzi не имел срединных накладок — их наличие на сасанидских луках, в свою очередь, является дискуссионным и оспаривается Раузингом — и даже не в том, что, вопреки мнению Б. А. Литвинского, луки типа Yrzi бытуют на Переднем Востоке с раннего времени [14]. Отнюдь не наличие или отсутствие костяных накладок определяет характерные особенности луков типа Yrzi и отличает его от

[5] А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степеней и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. В сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.

[6] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. —Л., 1965, стр. 87 и сл.

[7] E. Buland a. Bogen und Pfeil bei den Volkern des Altertums. Wien, 1913, стр. 152; A. Bonnet. Die Waffen der Volker des alten Orients. Leipzig, 1926.

[8] F. E. Brown. Ук. соч., стр. 3 сл.; W. E. Mcleod. An Unpubliched Egyptian Composite Bow in the Brooklyn Museum. AJA, 62, 4, 1958 стр. 398 и др.

[9] Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical Lands. Jerusalem — Ramat Gan, 1963, стр. 63.

[10] C. Cichorius. Die Reliefs der Trajanssäule. Berlin, 1896, табл. L.

[11] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York. 1941, рис. 313.

[12] Геродот, I, 73.

[13] Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. СА, 1966, 4, стр. 65—66.

[14] Соответствующие материалы см. в статье Броуна, в нашей статье и в рецензируемой работе.

скифских и сасанидских, а особое расположение гибких и негнущихся частей. Прямая негнущаяся рукоять у луков типа Yrzi, как ранних, так и более поздних, в противоположность скифским и их дериватам в натянутом состоянии выступает вперед, а плечи плавно отогнуты назад.

Позднепарфянские и сасанидские луки Раузинг правильно производит от скифских образцов. Однако у нас нет его уверенности в том, что эти луки никогда не имели центральных костяных накладок. Ссылки на находки в Западной Европе ничего не решают, потому что, как мы уже отмечали, обнаруженные там накладки на лук могли принадлежать типу Yrzi.

Раздел, посвященный скифским и сарматским лукам (стр. 107—111), никак нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительным. Он не только не полон, но и изобилует неточностями и ошибками. Так, можно согласиться с Раузингом, когда он пишет, что лук «скифского» типа был на вооружении киммерийцев (мы бы добавили, что такие луки или их прототипы, вероятно, были известны уже в эпоху бронзы), однако его аргументация не состоятельна. Раузинг ссылается на опубликованный М. И. Ростовцевым предмет конской сбруи с изображением лука, относящийся к числу луристанских бронз [15], и считает его принадлежащим киммерийцам. Не говоря уже о спорности подобного утверждения, изображенный на предмете лук имеет мало общего со скифским.

Нет также никаких оснований полагать, что родиной скифского лука была Западная Азия, а в Европу он проник уже в сформировавшемся виде. Скорее всего скифский лук формировался на широком пространстве евразийских степей.

Сарматов же Раузинг вообще считает плохими лучниками, употреблявшими этот вид оружия только под влиянием скифов и гуннов.

Хочу обратить внимание еще на одну ошибку, хотя и не существенную, но довольно распространенную у западных исследователей [16]. При описании золотых обкладок лука из Печюсега и Якушовиц (стр. 111, 123) Раузинг вслед за Вернером и Ласло сопоставляет их в находкой из Борового [17]. Это неверно и, вероятно, вызвано знакомством с ней лишь по публикации. Тому, кто видел обкладку из Борового воочию, легко убедиться, что к лукам она никакого отношения не имеет.

Специальный раздел посвящен китайским лукам (стр. 112—119). По мнению исследователя, сложные луки бытуют на этой территории с глубокой древности, по крайней мере со II тысячелетия до н. э., но не являются оригинальным изобретением, а заимствованы с Запада или из сибирских районов.

Сибирские, среднеазиатские и центральноазиатские луки автор объединяет в один общий раздел (стр. 119—128). И здесь отрицательным образом сказывается недостаточное знакомство автора с советской археологической литературой. Так, ему остались неизвестными многочисленные находки луков и костяных накладок на лук в Средней Азии. Вероятно, отсюда же проистекает его явно ошибочное утверждение, что в Сибири неизвестны луки «скифского» типа [18].

Во втором разделе своей работы автор рассматривает происхождение и генезис выделенных им типов луков. Поскольку в значительной степени этот раздел является резюме уже сделанных им ранее выводов, остановимся лишь на двух, имеющих, на наш взгляд, принципиальное значение для истории сложных луков.

По мнению Раузинга, сложный лук был изобретен лишь однажды, «возможно и вероятно на обширной территории к северу от Анау» (стр. 138, 145—151). Для столь ответственного вывода нет пока достаточных оснований. Правда, исследователи давно уже обращали внимание на таежную полосу Евразии или Азии как на возможную родину сложных луков [19]. Однако должны ли мы считать, что вся первоначальная история сложных луков сводится лишь к диффузии исходного типа? Кажется, что при нынешнем состоянии наших знаний не менее, если не более допустимо и иное предположение — наиболее ранние типы сложных луков, как и простых, могли возникнуть в разных местах самостоятельно [20]. Во всяком случае мнение Раузин-

---

[15] M. Rostovzeff. Some Remarks on the Luristan Bronzes. Jahrbuch für Prehistorische und Ethnographische Kunst. Berlin, 1931.

[16] J. Werner. Beiträge zur Archäologe.., стр. 49—50; G. Laslo. The Significance of the Hun Golden Bow. AA, 1, 1—2. Budapest, 1951.

[17] А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. СМАЭ, XIII, 1951, рис. 1.

[18] См. сибирские изображения скифских луков: М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница. СА, 1965, 3, стр. 133; ее же. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии. КСИА АН СССР, 107, 1966.

[19] См., например, H. Balfour. On the Structure and Affinities of the Composite Bow. Journal of the Anthropological Institute, XXVI, London, 1897; Д. Н. Анучин. Ук. соч.

[20] В этой связи позволим себе привести слова другого этнографа, Б. Адлера: «Нельзя предположить, что родина «сложного» лука была тесно ограниченная территория, так как такое совершенное оружие не могло сразу создаться и не могло быть разнесено населением, занимающим небольшую страну» (Б. Адлер. Лук и стрелы Северной Азии. РАЖ, 3—4, М., 1903, стр. 193).

ла, связывающего появление и распространение сложных луков в Передней Азии с появлением там арийских племен, принесших эти луки с собой с севера (стр. 137—138), не кажется убедительным ни с точки зрения хронологии, ни с формально-типологической точки зрения.

Еще более решительные возражения вызывают взгляды Раузинга на происхождение луков «гуннского» типа, которые он называет по месту одной из находок луками кум-дарьинского типа. По мнению Раузинга (стр. 143), подобные луки произошли от сложных сегментовидных, а их родиной был Северный Китай и восточные районы Центральной Азии. Гунны заимствовали этот лук из Китая и явились его распространителями на западе. Тем самым Раузинг полностью порывает со старой традицией, искавшей родину гуннских луков [21] в Восточной Сибири, которая подкреплена довольно значительным археологическим материалом. Сам же он почти не приводит аргументов в пользу своей гипотезы, если не считать изображений на гадальных костях из Аньяна, весьма схематичных и уже потому не могущих служить убедительным доказательством.

Всякую генетическую связь между луками «скифского» типа и «гуннского» Раузинг отрицает, потому что концы первых изогнутые, а вторых прямые, а также потому, что плечи «гуннских» луков шире, а размеры их больше (стр. 116). Все это никак не убеждает. Ясно, что по мере совершенствования «скифского» лука он претерпевал определенные изменения. Не случайно Аммиан Марцеллин и Клавдий Клавдиан, видевшие гуннские луки воочию, называют их скифскими.

По нашему мнению, исходным вариантом для луков «гуннского» типа послужили «скифские» луки. Под влиянием общих побудительных причин — распространения оборонительных доспехов — формирование луков «гуннского» типа происходило во второй половине I тысячелетия до н. э. на широком пространстве евразийских степей, в результате чего они представлены большим количеством сходных вариантов. На формировании их, безусловно, сказалась длительная восточносибирская традиция употребления костяных накладок на лук. Позднепарфянские и сасанидские луки по существу являются разновидностью луков «гуннского» типа. Открытым остается вопрос, был ли их генезис в основном самостоятельным или же здесь мы имеем дело с сильным степным влиянием, возможно, дошедшим до Ирана через Среднюю Азию [22].

Мы осветили лишь основные положения монографии Раузинга, более подробно остановившись на тех, которые представляются неверными или слабо аргументированными. Было бы несправедливо, однако, видеть в его работе только недостатки. Уже одно то, что в ней собран воедино большой материал, зачастую разрозненный по многочисленным изданиям, делает ее небесполезной для советского археолога. Многие мысли ее автора свежи и оригинальны. Даже те его гипотезы, которые кажутся нам недостаточно продуманными, во многом являются следствием современного состояния проблемы.

Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута, вып. 1, Кемерово, 1967 *

За последние 10—15 лет местными организациями — краеведческими музеями, Уральским и Томским университетами, Кемеровским пединститутом проведены в Сибири значительные археологические работы, в результате которых был накоплен большой материал. Поэтому можно только приветствовать инициативу издавать местные археологические сборники и пожалеть, что их издается пока так мало. Разумеется, эти издания должны осуществляться на достаточно высоком научном и полиграфическом уровне. В этом отношении имеется уже ряд бесспорных удач: «Краеведческий сборник» Хакасского музея краеведения (Абакан, 1956), «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края» (Красноярск, 1963), «Сибирские археологические сборники» № 1 и 2 Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск, 1962 и 1967) и др.

[21] Гуннские луки — луки, бытовавшие у исторических гуннов (хунну, сюнну); луки «гуннского» типа — особый тип сложных луков. Последний термин, вероятно, не очень удачен, но зато широко распространен в литературе. В конечном счете все термины условны, поэтому о них не дискутируют, а условливаются.

[22] Впервые эти положения были развиты нами в статье «Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху». К близким выводам вскоре пришел Б. А. Литвинский в своей работе «Сложносоставной лук в древней Средней Азии».

* Следует указать, что Лаборатория археологических исследований в Кемеровском пединституте не была утверждена Комитетом по науке и технике при Совете Министров СССР, куда Кемеровским пединститутом было направлено ходатайство об открытии этой лаборатории. Комитет по науке и технике отклонил это ходатайство по отзыву Института археологии АН СССР, где было указано, что в Кемерове нет квалифицированных специалистов для работы в исследовательской лаборатории археологического профиля.

Рецензируемый первый выпуск «Известий лаборатории археологических исследований» Кемеровского пединститута (под редакцией А. И. Мартынова) неплохо издан, снабжен вполне удовлетворительными рисунками и фотографиями. В сборнике имеется ряд интересных работ — статья А. П. Окладникова и В. А. Владыкина «Древнее поселение на р. Куюме (Алтай)», где публикуются новые позднепалеолитические материалы; статья В. А. Дремова «Этнические связи племен Среднего Приобья»; статья М. Г. Елькина и А. П. Уманского об андроновских памятниках в Кузбассе и на Алтае и некоторые другие публикации. Однако, к сожалению, не они определяют лицо сборника. В сборнике есть статьи, написанные на крайне низком уровне, где применены приемы исследования и полемики ,совершенно недопустимые в нашей науке. Речь идет о работах А. И. Мартынова «К вопросу о происхождении тагарской культуры», В. В. Боброва «Из области искусства и идеологии населения тагарской культуры», Б. Н. Пяткина «Датировка карасукских изогнутых ножей» и Г. А. Максименкова «Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири».

В статье «К вопросу о происхождении тагарской культуры» А. И. Мартынов взялся за неразрешимую задачу — выяснить происхождение и создать свою периодизацию тагарской культуры, одной из богатейших культур Евразии, на материале нескольких раскопанных им тагарских курганов, преимущественно Большепичугинского могильника. Автор совершенно незнаком с колоссальнейшим материалом по тагарской культуре, накопленным многочисленными исследователями за последние сто лет и хранящимся в музеях Москвы, Ленинграда, Минусинска, Красноярска и других городов; он, по-видимому, плохо знает и публикации по этой культуре, не говоря уже о сравнительном материале по другим культурам. Одно это уже должно было предопределить неудачу. Но дело не только в этом. А. И. Мартынов решил заново «доказать» вывод Н. Л. Членовой о большой роли в сложении тагарской культуры андроновской культуры северо-западных окраин Минусинской котловины [1]. во-первых, повторив давно уже высказанные в печати положения об отсутствии связи между большинством предметов карасукской и тагарской культур, о сходстве некоторых тагарских сосудов с андроновскими, о локализации андроновских и карасукских памятников в разных частях Минусинской котловины и др., не находя нужным сообщить читателю, что эти мысли были заимствованы им в чужих работах, во-вторых, утверждая, что андроновская культура непосредственно переходит в тагарскую на территории Больше-Пичугина, где в андроновских могилах были встречены тагарские вещи: бронзовые зеркала, наконечники стрел и некоторые другие предметы (стр. 26, стр. 31, рис. 9). Пора, однако, сказать о том, что материал Большепичугинского могильника недоброкачественный и пользоваться им для столь ответственных выводов вообще нельзя. Могильник этот раскапывался в 1957 г. студентами Кемеровского пединститута в отсутствие руководителя экспедиции А. И. Мартынова. Почти все студенты участвовали в археологических раскопках впервые и потому, естественно, не сумели зафиксировать наблюдающуюся в этом интереснейшем памятнике стратиграфию: перекрывание андроновских могил тагарскими курганами. Впоследствии вещи из андроновских и тагарских могил, находившихся под этими курганами, были записаны как происходящие из одного комплекса, чем и объясняется «присутствие» тагарских вещей в андроновских могилах. А. И. Мартынову не раз сообщали об этом и, судя по первой публикации, посвященной андроновским памятникам, он вначале сделал попытку разобраться в материале, указав, что в Большепичугинском могильнике некоторые андроновские могилы были разрушены или перерезаны тагарскими [2]. Именно в таком разрушенном погребении (кург. № 2, мог. № 1) было найдено два дисковидных зеркала обычного тагарского типа. Об одном из них А. И. Мартынов прямо пишет, что оно относится к тагарскому погребению, а о другом — что оно было найдено «среди костей ребенка». Культурную принадлежность второго зеркала А. И. Мартынов не уточняет [3], но найденные здесь же бусы относит к тагарской культуре (стр. 33, рис. 10, *10* рецензируемой статьи), стало быть и зеркало тагарское. В разбираемой статье 1967 г. эти зеркала фигурируют уже как андроновские и используются для сравнения с тагарскими (стр. 26 и стр. 31, рис. 9, 14). Ни в статье 1964 г., ни в статье 1967 г. ничего не говорится о находках бронзовых листовидных втульчатых стрел в андроновских погребениях Большепичугинского могильника (упоминаются только известные стрелы этой формы из

[1] Н. Л. Членова. О происхождении тагарской культуры Южной Сибири. Тезисы докладов на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, стр. 76—78; ее же. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 280—283; ее же. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, 3, стр. 55—59, 62—63; ее же. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Автореф. канд. дис. М., 1964, стр. 8, 10, 17, 22—24; ее же. Тагарская культура на Енисее. «История Сибири», I (Макет), Улан-Удэ, 1964.

[2] А. И. Мартынов. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. Сб. «Из истории Кузбасса», Кемерово, 1964, стр. 236, 237.

[3] Там же, стр. 236.

западноандроновских комплексов — Алексеевского поселения и Малой Красноярки, стр. 26). Это не мешает автору несколькими страницами позже показать эти стрелы в составе инвентаря андроновских могил Большепичугинского могильника (стр. 31, рис. 9—11). Эту вольность в обращении с археологическим материалом нельзя объяснить не чем иным, как желанием заставить читателя поверить, что тагарская культура непосредственно происходит из андроновской именно на месте Большепичугинского могильника.

В заключение статьи автор на полутора страницах излагает собственную периодизацию тагарской культуры, о которой трудно судить, так как ни в одном периоде не упомянут ни один конкретный памятник. Приводятся даты раннетагарского периода (X—VIII вв. до н. э.) и среднетагарского (VIII—IV вв. до н. э.), для обоснования которых не сказано ни единого слова. Они столь резко противоречат всему тагарскому материалу и материалу всей скифской эпохи, что не заслуживают критики.

Статья В. В. Боброва «Из области искусства и идеологии населения тагарской культуры» посвящена публикации нескольких бронзовых бляшек-оленей из Тисульского могильника тагарской культуры. Автор описал эти бляшки и высказал вполне правомерное соображение, что эти новые материалы позволяют говорить о том, что группа изображений оленей из СЗ части Кемеровской области при всей своей близости к тагарским оленям Минусинской котловины имеет и некоторые черты сходства с изображениями зверей с Алтая, что поможет уточнить классификацию «скифских оленей», предложенную Н. Л. Членовой [4]. К сожалению, статья в значительной мере обесценивается беспомощными, чтобы не сказать безграмотными рассуждениями о социальном строе племен тагарской культуры, о религиозных верованиях вообще и культе оленя в частности и т. д. Достаточно сказать, что, согласно В. В. Боброву, олень у тагарцев представлял собой верховное божество, «подобное Осирису в Египте, Иштару в Междуречье и т. п.» (стр. 122). Автор, по-видимому, не только имеет самое туманное представление о религиях Древнего Востока, но, судя по приведенной цитате, не знает даже, что Иштар — женского, а не мужского рода.

В предисловии к сборнику редактор его А. И. Мартынов пишет: «Было бы полезно объединить усилия ученых Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Томска и Кемерова, занимающихся археологией Западной Сибири. Эту скромную задачу и берет на себя лежащий перед читателем сборник» (стр. 4). Не вдаваясь в обсуждение вопроса, насколько скромной является задача объединения ученых Ленинграда, Москвы, Новосибирска и Томска вокруг лаборатории Кемеровского пединститута, заметим, что это «объединение» редактор понимает довольно своеобразно. В сборнике помещены статьи двух ленинградских археологов — Б. Н. Пяткина («Датировка карасукских изогнутых ножей»), отвергнутая редакцией «Кратких сообщений Института археологии» ввиду ее откровенной слабости, и Г. А. Максименкова («Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири»), недопустимый тон которой является беспрецедентным в истории отечественной археологической литературы.

Содержащиеся в статье Б. Н. Пяткина положения очень противоречивы. Так, рассмотрев «карасукообразные» ножи Китая и других районов и признав все их непригодными для датировки карасукских ножей (так как они отличаются некоторыми деталями), автор предпочитает датировать карасукские ножи по деталям карасукского обряда погребения и орнаментам карасукской керамики, что само по себе очень странно, так как приоритет металла перед обрядом погребения в вопросах датировки общеизвестен. Однако ввиду того, что трудно извлечь абсолютную дату из позы и ориентировки костяка, Б. Н. Пяткин в конце статьи датирует карасукские ножи по аньянским, хотя в середине статьи признал аньянские ножи непригодными для дат. В статье много положений, звучащих совершенно декларативно: об абсолютных датах разных типов китайских ножей, о происхождении культуры Дунбэя из Забайкалья, о генетической связи карасукского и андроновского инвентаря и т. п. Почти совершенно отсутствует аппарат, в частности, нет ни одной ссылки на китайские издания, необходимые в этой работе. В тех же случаях, когда приводятся цитаты, они бывают неверны. Так, Б. Н. Пяткин приписывает В. Е. Ларичеву отнесение культуры каменных ящиков Дунбэя к эпохе инь, в противовес Ань Чжи-мину, датирующему ее эпохой чжоу (стр. 55). В действительности в цитированной статье В. Е. Ларичева говорится: «Эта культура появляется в иньское время, переживает свой расцвет в начале чжоу и доживает вплоть до железа (эпоха чжаньго)» [5]. Наконец, полное отсутствие рисунков делает статью просто непонятной для большинства читателей.

В статье Г. А. Максименкова «Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири» разбираются работы трех исследователей — М. Н. Комаровой, В. И. Матющенко и М. Ф. Косарева. Причем работа М. Н. Комаровой названа, и, поскольку она только одна, то читатель может догадаться, что речь идет все время о ней; но о том, какие именно работы В. И. Матющенко и М. Ф. Косарева имеет в виду Г. А. Максименков, догадаться значительно труднее. Шесть работ

---

[4] Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, 1962.

[5] В. Е. Ларичев. Бронзовый век Северо-Восточного Китая. СА, 1961, 1, стр. 25.

М. Ф. Косарева перечислены суммарно на стр. 143, и в дальнейшем Г. А. Максименков не утруждает себя ссылками на ту или иную из них, не говоря уже о точных ссылках на страницы этих работ. Что же касается В. И. Матющенко, то не названа вообще ни одна его статья. Все это оставляет простор для самого вольного обращения с трудами критикуемых авторов.

Г. А. Максименков представляет дело таким образом, что В. И. Матющенко ничего не понял в типолого-хронологических соотношениях нижнетомской керамики и считает поселение Самусь IV единокультурным (стр. 141—142). В действительности, В. И. Матющенко поселение Самусь IV никогда единокультурным не считал. Кроме основного самусьского керамического комплекса, В. И. Матющенко выделил на этом поселении некоторое количество керамики андроноидного облика, которую он сопоставляет с сузгунской посудой, и комплекс ирменского типа [6]. Приписывание Г. А. Максименковым этого «открытия» себе по меньшей мере нескромно.

Далее, разбирая взгляды В. И. Матющенко, Г. А. Максименков сообщает, что «появление андроновских влияний началось еще в тот период, когда в лесостепи существовала самусьская культура» (стр. 143). Во-первых, самусьская культура в лесостепи неизвестна и даже самые южные из ее памятников расположены в лесной зоне — чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на ландшафтно-географическую карту СССР. Во-вторых, из этого высказывания Г. А. Максименкова следует, что проникновение андроновцев в низовья Томи началось еще в энеолите, так как самусьскую культуру он относит к энеолитической эпохе. При этом абзацем ниже Г. А. Максименков заявляет, что будто бы В. И. Матющенко тоже относит самусьскую культуру к энеолиту (и в то же время синхронизирует ее с андроновской культурой). В действительности во всех своих статьях, посвященных Самусьскому поселению, В. И. Матющенко относит этот памятник к бронзовому веку, а в абсолютной хронологии — ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Критикуя взгляды В. И. Матющенко, Г. А. Максименков излагает ряд соображений, которые не расходятся с положениями, высказанными М. Ф. Косаревым несколько лет назад (об одновременности основного самусьского комплекса и Окунева [7]; что самусьский и андроноидный комплексы Самуся IV характеризуют два разных культурно-хронологических этапа в истории Томского Приобья [8]; что андроноидные памятники Томской области — по М. Ф. Косареву, еловские — одновременны андроновским Южной Сибири [9]; что основной комплекс Самуся IV и материал Томского могильника характеризуют две разные культуры — самусьскую и томскую [10]; что ирменская культура в низовьях Томи возникла не на андроновской, а на пришлой «андроноидной» основе [11] и т. п.), и поначалу даже создается впечатление, что Г. А. Максименков согласен с М. Ф. Косаревым по всем основным вопросам. Однако далее Г. А. Максименков заявляет, что между его взглядами и взглядами М. Ф. Косарева нет абсолютно ничего общего и что его статья призвана прояснить ту «искаженную» картину, которая была нарисована в работах М. Ф. Косарева. Взявшись за эту задачу, Г. А. Максименков не затруднил себя изучением огромнейшего западносибирского материала, накопленного за последние 10 лет и не счел нужным просмотреть многочисленные статьи в публикации по урало-западносибирской тематике. Именно этим следует объяснять глубокую уверенность Г. А. Максименкова в том, что на Новокусковской стоянке найдено всего «два десятка мелких черепков», что все находки Лавровской стоянки «умещаются в спичечной коробке», что на Томи нет месторождений олова и самородной меди и т. д. и т. п. Слабое знание западносибирского материала не позволило Г. А. Максименкову рассмотреть материал Среднего Приобья на более широком территориальном фоне, да он и не видит в этом необходимости, считая, что томский материал следует рассматривать «с учетом памятников других территорий» только начиная с карасукского времени (стр. 145).

---

[6] В. И. Матющенко. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи. Автореф. канд. дис., Томск, 1960, стр. 9; его же. Датировка археологических памятников эпохи бронзы в низовьях р. Томи. Тр. Томск. ун-та, 165, 1963, стр. 92—95; В. И. Матющенко, Л. Г. Игольникова. Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века Средней Оби. Сибирский археологический сборник, 2, Новосибирск, 1966, стр. 193—194.

[7] М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2, стр. 244; ср. стр. 142 разбираемой статьи Г. А. Максименкова.

[8] М. Ф. Косарев. О происхождении ирменской культуры. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, рис. *1, 2, 11*. Ср. стр. 141 и сл. работы Г. А. Максименкова.

[9] М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени..., стр. 244, ср. стр. 142 статьи Г. А. Максименкова.

[10] М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 168. Ср. стр. 142 статьи Г. А. Максименкова.

[11] М. Ф. Косарев. О происхождении ирменской культуры. Ср. стр. 143 статьи Г. А. Максименкова.

Особенно удивляет недопустимая небрежность, проявленная Г. А. Максименковым в цитировании чужих работ. Цитаты из статей М. Ф. Косарева приведены без ссылок на конкретные работы (не говоря уже о страницах) и почти все искажены настолько, что полностью утратили свой первоначальный смысл. Так, если у М. Ф. Косарева сказано, что самусьские мастера-литейщики изготовляли свои орудия не столько для собственных нужд, сколько на обмен [12], он слово «изготовляли» заменил словом «изобрели» и критикует далее эту фразу с точки зрения неправомерности приписывания меркантильного стимула древнему изобретательству (стр. 149).

Нельзя считать допустимым с научной и этической точек зрения и другие приемы критики Г. А. Максименковым работ исследователей, с которыми он не находит возможным соглашаться. Так, совершенно игнорируя работы М. Ф. Косарева, посвященные вопросам палеогеографии Западной Сибири, особенностям среднеиртышских памятников бронзового века и т. д. [13], Г. А. Максименков считает более удобным обращаться не к этим статьям, а к автореферату кандидатской диссертации, где этим положениям посвящено всего по нескольку строк. Закрывая глаза на специфику автореферата, где тезисно излагаются основные положения диссертации и где для развернутой аргументации не остается места, Г. А. Максименков следует своей обычной «логической» формуле — объявляет эти положения «бездоказательными, а следовательно, неправильными».

Из содержания статьи Г. А. Максименкова следует, что основным руководством по западносибирской археологии надо по-прежнему считать работу М. Н. Комаровой «Томский могильник», опубликованную в 1952 г. (МИА, № 24, 1952). Отдавая дань заслугам М. Н. Комаровой и ее большому вкладу в изучение сибирской археологии, мы, тем не менее, не вправе игнорировать огромный новый материал, который далеко не всегда укладывается в рамки положений и выводов М. Н. Комаровой, которые она изложила почти 20 лет назад на основании нескольких погребений Томского могильника, раскопанных А. В. Адриановым в 80-х годах прошлого века.

Статья Г. А. Максименкова кончается беспримерным в истории археологической критики «обвинительным актом» против М. Ф. Косарева, состоящим из четырех пунктов и заслуживающим того, чтобы привести его целиком:

«1. Поверхностное отношение к материалу. М. Ф. Косарев не считает нужным глубоко и полно разобраться в фактах, их проанализировать, выяснить, что является несомненным, что сомнительно, что просто неверно, может быть ошибкой при наблюдении в поле, результатом неправильной фиксации, или же просто недоразумением. Он пользуется всем одинаково, выбирая то, что ему больше всего подходит для доказательства.

2. Сначала он по самым общим впечатлениям строит теорию, а затем подбирает наиболее удобные, с его точки зрения, факты, не считаясь с другими. Он не идет от фактов к выводам, а пытается подтвердить возникающие у него предположения непроверенными фактами, причем отрывочными.

3. Говоря о керамике, М. Ф. Косарев основное внимание обращает на орнаменты, считая, что они являются показателями этнической близости или различия. В известной степени он прав, так как орнаменты являются этнографическими показателями, но только без всего другого материала не могут рассматриваться как основные данные, ибо они же говорят и о хронологических изменениях.

4. Особо следует подчеркнуть неуважительное отношение к предшествующим исследователям и коллегам: выдуманное обвинение М. Н. Комаровой, М. П. Грязнова, В. И. Матющенко и отсутствие ссылок на чужие работы. В целом же создается впечатление, что работы М. Ф. Косарева построены на простом отрицании основных выводов предшествующих ему исследователей». И далее: «...Они не только не являются дальнейшим развитием, уточнением и детализацией отдельных этапов, но наоборот, затрудняют ее (истории района Томска.—*М. К., Н. Ч.*) изучение, создавая искаженную картину древней истории этого района» (стр. 151—152).

Помещая эту статью, А. И. Мартынов оказал плохую услугу не только Г. А. Максименкову и себе как редактору, но в первую очередь тем начинающим кемеровским археологам, которые впервые выступают со своими статьями и могут равняться на статью Г. А. Максименкова как на образец для подражания, думая что если так пишут в Ленинграде, то значит, это и хорошо. Нет, так не пишут и не должно писать ни в Ленинграде, ни в Москве, ни в Кемерове, ни в любом самом удаленном уголке нашей страны!

Самое печальное, что этот дурной стиль проявился сразу в нескольких статьях рецензируемого сборника. Крайне ограниченное знание материала и отечественной археологической литературы, почти полное незнание литературы иностранной, голословные утверждения, не подкрепленные доказательствами, приписывание себе многих достижений своих предшественников, искажение тех взглядов своих предшественников, с которыми авторы не согласны, наконец, в ряде случаев отсутствие

[12] М. Ф. Косарев. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4, стр. 24.

[13] М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3; его же. О происхождении ирменской культуры, рис. 2; его же. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. СА, 1966, 2, рис. 1.

элементарной грамотности — все это в изобилии встречается в статьях А. И. Мартынова, Г. А. Максименкова, Б. Н. Пяткина и В. В. Боброва.

Первый опыт издания «Известий лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута» следует признать явно неудачным. Хочется надеяться, что подготовка последующих выпусков сборника будет осуществляться более тщательно и под руководством более квалифицированного редактора. Эти меры необходимы новому изданию, если оно не желает окончательно оказаться за пределами науки.

М. Ф. Косарев, Н. Л. Членова

В. В. Пачулиа. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. Москва, 1968, 166 стр., 47 табл. иллюстр.

Вопросы, связанные с сохранением культурного наследия народов нашей страны, были подняты на уровень государственной важности уже в первые дни существования Советской власти. В последние годы как никогда повысился интерес широких слоев населения к познанию прошлого. Созданы государственные органы охраны памятников, в помощь им во всех республиках организованы массовые добровольные общества. В связи с развитием туризма проблемы охраны памятников культуры приобрели большое народнохозяйственное значение. Вопросы охраны памятников все чаще и чаще разбираются на страницах периодической печати, но научный подход к этим многогранным проблемам еще не достаточно отражен в специальных изданиях. Этот пробел частично восполняет рецензируемая работа.

Первая глава книги является как бы историческим фоном всей работы. В сжатой форме здесь изложена вся история края от каменного века до наших дней. Досадно, что эта небольшая глава содержит ряд неточностей. Например, здесь неверно сказано, что первые земледельческие поселения появляются в эпоху бронзы (стр. 8). Переход древнего населения, обитавшего на Черноморском побережье, от присваивающего хозяйства к производящему, от собирательства к земледелию произошел раньше, в неолитический период [1]. Л. Н. Соловьев прослеживает зачатки земледелия в материалах мезолитической стоянки Хупынпшахва, расположенной на берегу р. Кодор [2].

Не совсем удачна фраза, где говорится, что с появлением дольменов на Кавказе зарождаются элементы архитектуры (стр. 8). Не только элементы, но целые архитектурные сооружения — жилые и хозяйственные постройки — появляются на Кавказе более чем за тысячу лет до строительства первых дольменов. Достаточно указать на довольно сложную архитектуру построек энеолитических памятников Закавказья. Да и сама техника возведения дольменов свидетельствует о большом предшествующем опыте строителей этих удивительных циклопических сооружений.

Большое научно-познавательное значение имеет вторая глава книги «Охрана исторических памятников Абхазии». Здесь дана история краеведения в Абхазии. На интересных материалах, некоторые из которых публикуются впервые, автор показал, как еще в прошлом веке начинается изучение исторического прошлого края. В 70-х годах прошлого века при Сухумской городской школе создается первый краеведческий музей. Уже в 1881 г. был опубликован «Краткий список находящихся в Абхазии развалин монастырей, храмов, укреплений и других памятников», насчитывающий до 45 архитектурных памятников. Автор справедливо отмечает значение 5-го Всероссийского археологического съезда, проходившего в Тифлисе в 1881 г. Этот съезд и особенно работа его подготовительного комитета сыграли большую роль в развитии на Кавказе исторической науки, в приобщении к краеведческой работе местной интеллигенции. Уже в конце XIX и начале XX вв. в газетах и журналах появляются статьи Б. И. Чернявского, А. Н. Введенского, К. Д. Мачавариани, Л. Н. Дьячкова-Тарасова, С. Адлейба, М. Тарнава. Н. Джанашиа, К. Дзидзария с ценным материалом по этнографии Абхазии и памятникам старины.

Чтобы объединить усилия отдельных энтузиастов, стараниями местной интеллигенции в 1915 г. было организовано «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа», одной из заслуг которого являлось создание в 1917 г. краеведческого музея. К сожалению, сведения о дальнейшей судьбе первого краеведческого общества в рецензируемой книге читатель почерпнуть не сможет.

---

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней. 1, М., 1966, стр. 12, 40.

[2] Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы Советской власти. Сб. «Под знаменем Октября». Сухуми, 1968, стр. 162.

В 1919 г. в Сухуми создано еще одно «Сухумское общество любителей природы». Согласно уставу, оно должно было заниматься изучением не только флоры и фауны, но также истории, этнографии и памятников старины. Однако развернуть эту работу в условиях господства меньшевиков не удалось.

Автор подробно описывает, как в республике создаются научные учреждения, возглавившие изучение истории края. Упомянуты здесь некоторые экспедиции и отдельные специалисты, проводившие обследование памятников археологии на территории Абхазии. Но и здесь автор не избежал отдельных неточностей. К сожалению, не нашла отражения работа экспедиции Тбилисского университета под руководством О. М. Джапаридзе, проводившая исследования дольменов Абхазии в 1955—1956 гг., а также разведки и раскопки памятников каменного века экспедицией ИИАО под руководством Н. З. Бердзенишвили и некоторые другие работы. На стр. 23 сказано, что в 1935 г. экспедиция Академии истории материальной культуры под руководством акад. М. И. Мещанинова изучала дольмены с. Эшера. Очевидно, автор имел в виду экспедицию Абхазского НИИ, которой руководил М. И. Мещанинов в 1934 г.[3]. Что касается сухумской экспедиции ГАИМК, то ею руководил А. А. Иессен. Основной задачей этой группы являлось изучение памятников в зоне строительства Сухумской ГЭС. Кроме того, участник экспедиции Б. Б. Пиотровский провел разведочную поездку в район оз. Амткел для проверки состояния азантских дольменов[4]. Рассказывая об открытии наскальных рисунков в горном массиве Гуарап (стр. 30), стоило, на наш взгляд, отметить работу Ц. Н. Бжания, который первым из научных сотрудников часть из них осмотрел и сделал фотосъемку[5]. На стр. 26 есть такая фраза: «Вот уже 15 лет ведется изучение наземных памятников архитектуры». Здесь автор противоречит сам себе, так как выше он отмечал, что изучение некоторых памятников архитектуры началось еще в прошлом веке.

В нескольких местах второй главы (а на стр. 26 трижды) сказано, что различные экспедиции собрали значительные материалы для музеев Тбилиси, Сухуми, Нового Афона, Пицунды, Гагры. Поскольку автор не упоминает о главных задачах и основных результатах этих научных экспедиций, создается впечатление, что они работали исключительно для пополнения музейных фондов.

Основная часть второй главы посвящена анализу деятельности Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников истории и культуры. Грузинское республиканское общество охраны памятников культуры организовано в стране в числе первых, и, естественно, накопился опыт, который, по словам автора, «окажется полезным нашим коллегам по благородному делу охраны памятников культуры».

Здесь подробно изложена история организации общества, описаны главные мероприятия Абхазского совета по охране памятников. За последние семь лет Совет организовал 35 разведочных экспедиций, в результате которых было обнаружено около 150 новых памятников. За сравнительно короткий срок в газетах и журналах напечатано около 200 статей, заметок и репортажей. Несколько статей об абхазских памятниках опубликовано В. П. Пачулиа и в зарубежной прессе.

Третья глава книги — «Память веков и хозрасчет» посвящена проблеме использования памятников с целью получения материальной выгоды. Для этого, как пишет автор, «необходимо заняться их эксплуатацией». Поднятая тема заманчива и широко перспективна, о чем говорят примеры некоторых зарубежных стран, но подходить к ней следует весьма осторожно. Автор справедливо пишет: «Для того чтобы из памятников истории и культуры извлекать не только моральную, но и материальную выгоду, необходимо вначале вложить в них определенные средства». При этом надо иметь в виду, что эти средства должны быть затрачены не только на организацию туристического «сервиса», но главным образом на реставрацию, т. е. подготовку памятников к показу.

Интересный и поучительный пример приводит автор в третьей главе. Чтобы получить исходные средства, Абхазский совет Грузинского общества охраны памятников передал торговым организациям башню античной крепости на сухумской набережной. Этот эксперимент был совершен по примеру Чехословакии, где в аренду туристическим организациям было сдано 400 «поздних замков, которые имеют третьестепенную историческую ценность», в результате чего органы охраны памятников ЧССР получили большой доход и сохранили в целости сданные в аренду замки. Что же получилось с нашим памятником, который имеет не третьестепенное, а общесоюзное значение? На башне построен ресторан, и единственным напоминанием об уничтоженном памятнике осталось его название — «Диоскурия», а общество охраны памятников в 1961 г. получило «прибыль» 3 рубля (в год) за эксплуатацию квадратного метра площади.

«Для следующего экономического эксперимента (цитируем из книги) Абхаз-

---

[3] Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. Тр. Абхаз. НИИ, 32. Сухуми, 1961, стр. 117.

[4] А. А. Иессен. Сухумская экспедиция ГАИМК. СА, III, 1937.

[5] Ц. Н. Бжания. Отчет об исследовании памятников в р-не урочища Гуарап. Архив Абхаз. НИИ.

ским советом Грузинского общества охраны памятников культуры был избран Анакопийский историко-архитектурный комплекс, расположенный в Новом Афоне». Кроме выдающихся для своего времени (IV—XII вв.) фортификационных достоинств (памятник относится к числу объектов общесоюзного значения) он интересен и тем, что с Анакопией связана консолидация абхазских племен, становление народности, образования Абхазского княжества, а затем царства. Чтобы обслужить планируемые на каждый день четыре тысячи туристов, здесь намечается прокладка канатной дороги, организация этнографического комплекса с несколькими постройками, в одной из которых будет проводиться дегустация национальных блюд и напитков. Кроме того, в цитадели крепости будет оборудована сцена для выступления этнографических ансамблей и ряд других благоустройств по всей площади заповедника.

Эта привлекательная на первый взгляд картина при внимательном рассмотрении начинает пугать. Не потеряем ли мы ценнейший памятник? Ведь планируемые благоустройства могут исказить целостность ансамбля древних сооружений. Кроме того, ежедневное посещение четырех тысяч туристов обязательно скажется на сохранности памятника. Такая эксплуатация на износ обязательно приведет к его скорому разрушению. Нам кажется, что Обществу охраны памятников культуры не следует гнаться за сверхприбылью. У Абхазского совета в общем не плохой план благоустройства памятника, если исключить из него подведение канатной дороги, эстраду и различные заведения для дегустации блюд. И при минимальной реконструкции вполне достаточно будет дохода и от тех двух тысяч человек, которые ежедневно поднимаются пешком на Иверскую гору. Это будет рациональным использованием памятника и в конечном итоге принесет гораздо большую пользу. Нужно помнить, что Анакопийская крепость — не парк культуры и отдыха, здесь еще далеко не завершены научные исследования. Лейтмотивом к экономическому эксперименту на Иверской горе служит благородная идея — получить дополнительные средства, которые можно было бы использовать при реставрации и благоустройстве других исторических объектов. Но ныне большой нехватки денежных средств органы охраны памятников не испытывают. Более того, не используются имеющиеся резервы. Ежегодно государство отпускает на охрану памятников культуры большую сумму, между тем Министерство культуры Абхазской АССР до сих пор не практикует выделение средств на охранные раскопки гибнущих памятников. Не используются в республике и средства из новостроечных фондов.

В рецензируемой книге обращает на себя внимание отсутствие должной оценки деятельности Министерства административных органов культуры, в частности Абхазской АССР, в области сохранения культурного наследия. Несмотря на то что работа вышла под грифом Министерства культуры республики, в ней рассказывается в основном о деятельности общества. При этом Абхазский совет общества охраны памятников, явно преувеличивая свои полномочия, отдает памятники «на откуп», разрешает строительство на их территории и даже устанавливает некоторым статус заповедника. Все это относится исключительно к компетенции государственных органов, а объявлять исторические памятники заповедными имеет право только Совет Министров республики.

Треть книги занимает список выявленных памятников истории и культуры Абхазии. Количество перечисленных объектов наглядно свидетельствует о большой работе, проведенной органами охраны памятников республики. Если в 1888 г. было известно 45 архитектурных сооружений, а в 1959 г. 79, то в настоящее время список включает 419 памятников. Однако, несмотря на обширность списка, в нем отражены не все известные памятники. Имеются замечания и к структуре самого списка. Не следовало отводить две графы для нумерации памятников. Адреса памятников нужно дать после их наименования, а не наоборот. В настоящем виде получился список географических пунктов, в которых имеются памятники.

В ряде случаев в наименовании памятника не отражена его суть. Например, памятник, стоящий под № 3, именуется «2-й корпус санатория». И только в примечании указано значение памятника. В графе «наименование памятника» следовало бы написать: «Здание, в котором в 1918—1921 гг. помещался Гагрский уездный ревком». В списке часто не уточнены адреса памятников. Например, № 6: «Старая Гагра. Могильник». Найти объект по такому адресу будет трудно, тем более что на территории города может быть не один могильник. Не следовало включать в список Анакопийскую пропасть и пещеры, не содержащие следов деятельности человека. В некоторых местах списка в графе «наименование памятника» указывается мемориальная доска (№ 86), и получается, что памятником являются охранная доска, а не мемориальное место.

За списком в книге следуют аннотации на наиболее значительные архитектурные, археологические и исторические памятники, хотя в заглавии раздела все они названы архитектурными. Здесь даны справочные материалы на 47 объектов. К сожалению, в аннотациях и других разделах книги встречаются ошибки и опечатки, которые могли быть устранимы при более внимательном ее редактировании (редактор Ю. Н. Воронов). Так, например, в списке Цандрипшский храм датируется VI—VII вв., а в аннотации — VI—VIII вв.; храм Амбара в аннотации датируется XI—XII вв., а в списке — IX—XII вв. В книге часто склоняются местные фамилии,

тем самым создаются непривычные выражения — замок Маргании (№ 61), дворец Маршании (№ 240) и т. д. Имеются опечатки и неточности в некоторых подписях к иллюстрациям, а также в списке литературы. Например, в подписи к Эшерскому дольмену значится, что он с горы Гуарап; неправильно указаны год и место издания книги З. В. Анчабадзе. К книге Ш. Р. Инал-Ипа «Абхазы» дан год не последнего издания, искажена фамилия известного археолога С. Н. Замятнина и т. д.

В список литературы не включено несколько статей, где впервые вводится в научный оборот ряд исторических и археологических памятников Абхазии. Упущены также работы проф. А. Башкирова, который имел большие заслуги в деле охраны и изучения памятников Абхазии.

Несмотря на отдельные недостатки, книга В. П. Пачулиа представляет значительный интерес не только для работников, непосредственно занимающихся охраной памятников культуры, но и для самого широкого читателя. Это издание по сути дела подводит итог той благородной и трудной работе по сохранению культурно-исторического наследия абхазского народа, которую на протяжении многих лет вели абхазские, грузинские и русские ученые и краеведы.

В. Бажания, В. Егоров

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1969 г.

С 18 по 25 апреля 1969 г. в Ленинграде проходила сессия Отделения истории АН СССР, посвященная 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических исследований в 1968 г.[1] В работах сессии, пленума Института археологии АН СССР и секционных заседаниях приняли участие более 1000 археологов, этнографов, музейных работников, краеведов из всех союзных и автономных республик, из многих областей и краев, большая группа археологов и этнографов Москвы и Ленинграда.

Торжественное заседание сессии открыл академик-секретарь Отделения истории академик Е. М. Жуков, который отметил особое значение этой сессии не только как подведение итогов полевых работ истекшего года, но и как юбилейной для археологов, связанной с награждением Института археологии АН СССР орденом Трудового Красного Знамени. Е. М. Жуков подчеркнул, что учрежденная по ленинскому декрету Российская академия материальной культуры, преобразованная позднее в ГАИМК—ИИМК АН СССР—Институт археологии АН СССР, не стала ограничиваться раскопками археологических памятников и простым описанием материала, а совершенствуя постепенно методику исследований, превратила археологию в действительно историческую науку, изучающую ранние этапы истории человечества. Е. М. Жуков отметил роль археологии и других исторических наук в формировании мировоззрения человека будущего.

Академик Б. А. Рыбаков в своем выступлении подчеркнул прозорливость В. И. Ленина, предугадавшего роль археологии как науки в Советской России. Б. А. Рыбаков говорил, что в лице Института археологии АН СССР награждены все археологи Советского Союза и награда эта ими воспринимается как призыв к еще более плодотворным исследованиям. Он призвал археологов совершенствовать методику работ, вести необходимую работу по учету и охране исторических и археологических памятников, призвал воспитывать в современном человеке историческое мышление. Только повседневная забота и помощь партии дали возможность успешно развиваться археологии в СССР.

Сессионные заседания открылись выступлением М. К. Каргера, озаглавленном «Становление советской археологии», в котором он говорил об огромном научном наследстве, оставленном нам русскими археологами. Он показал процесс постепенного проникновения марксистской методологии в археологию и дальнейшего развития марксистской концепции археологической науки, рассматривающей историю человечества как закономерный и прогрессивный процесс, а социально-экономические формации как основные этапы этого процесса.

Ю. Н. Захарук в докладе «Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки» показал огромное значение творческой разработки теоретических основ археологии при помощи ленинского учения о взаимоотношении философии и науки.

В докладе В. М. Массона «Советская археология и мировая археологическая наука» шла речь о вкладе советских ученых в мировую археологическую науку. Советские археологи неизменно выступают против идеалистических построений в археологии, против всяких проявлений расизма и национализма, за подлинное научное изучение культурного наследия всех народов и национальностей.

Большой интерес и оживленное обсуждение вызвал доклад О. Н. Бадера «Охрана и пропаганда археологических памятников в СССР и их актуальные вопросы». В нем он показал, что памятники археологии и истории, памятники культуры — это наше научное богатство и мы должны совершенствовать систему их охраны, постоянно разъясняя значение их как культурного наследия, используя печать, радио и телевидение. О. Н. Бадер рассказал о работе Научно-методического совета Министерства культуры СССР по охране памятников культуры.

В докладе Б. А. Колчина и Я. А. Шера «Некоторые проблемы применения естественных методов в археологии» говорилось о процессе интеграции наук, ха-

[1] В информации дается отчет об археологической части сессии.

рактерном для нашего времени, и развертывании комплексных исследований археологических объектов при помощи методов разных дисциплин. Шла речь о новых методах исследований в археологии.

На пленарных заседаниях выступили П. И. Борисковский и Н. Н. Гурина с докладом «Изучение каменного века в Советском Союзе». В нем говорилось о том, что советская археология палеолита и неолита занимает достойное место в ряду других отраслей советской археологической науки. Ныне ликвидирован разрыв, существовавший между историей первобытной культуры и социологией, с одной стороны, и археологией палеолита и неолита — с другой. Советская наука о каменном веке развивается в борьбе с реакционной буржуазной наукой.

В докладе М. П. Грязнова «Эпоха бронзы в СССР» была дана общая характеристика культур эпохи бронзы на территории СССР, плодотворное изучение которых является одним из достижений советских археологов. Были продемонстрированы карты культур бронзового века, составленные докладчиком.

Доклад А. П. Смирнова «Исследования памятников железного века за 50 лет» продемонстрировал всю сложность работ по этой тематике, тесно связанной с разрешением важной проблемы этногенеза народов СССР.

В. Д. Блаватский в докладе «Античная археология (1918—1968 г.)» отметил, что с применением марксистского метода исследования особые успехи были достигнуты в изучении экономики античных государств Северного Причерноморья. В результате систематических и плодотворных исследований оказалось возможным на новых материалах разработать историю экономического, социального и культурного развития ряда северопричерноморских государств.

Доклад Б. Б. Пиотровского был посвящен культуре древнейших государств на территории Южного Кавказа, и в первую очередь культуре государства Урарту, изучение которой оказалось необычайно результативным. Успешные исследования советских археологов дали возможность воссоздать историю этого государства и определить его место среди древнейших цивилизаций Двуречья и Передней Азии.

Я. Г. Гулямов в кратком сообщении познакомил слушателей с успешными исследованиями городища Афрасиаб под Самаркандом, на котором были найдены новые интересные росписи и древние тексты.

Доклад А. М. Беленицкого касался генезиса и связей раннесредневекового искусства Средней Азии. Показав его самобытность, автор отметил оживленные связи с искусством Индии, Восточного Туркестана, Ирана и Византии.

Вопросу о происхождении славян был посвящен доклад П. Н. Третьякова, носящий название «Вопросы и факты археологии восточных славян». В нем автор дал классификацию восточнославянских древностей третьей четверти I тысячелетия и пытался наметить пути поисков восточнославянских древностей более раннего времени.

Доклад Б. А. Рыбакова «Изучение Киевской Руси советскими археологами» показал, как от изучения курганных древностей советские археологи перешли к изучению культурного слоя городов и сельских поселений. В результате этого на новом, неизмеримо большем материале были успешно решены такие важные исторические вопросы, как история земледелия, ремесел, торговли, и многие другие. Полученные материалы дали много нового для уяснения социальной структуры русских княжеств X—XIII вв. На основании новых источников советскими археологами написан ряд обобщающих трудов по истории народов СССР до XIII—XIV вв.

На заседаниях секций каменного века, бронзового века, раннего железного века, античной археологии, славяно-русской археологии, нумизматики, археологии Кавказа, археологии Средней Азии и Казахстана было прочитано более 250 докладов и сообщений.

Заседания подсекции палеолита открылись сообщением И. Г. Пидопличко (Киев) «Межерическое жилище из костей мамонта и его значение для познания культуры позднего палеолита». Ф. М. Заверняев (Брянск) познакомил слушателей с памятниками каменного века, открытыми за последние годы на территории Брянской области. Э. Е. Фрадкин (Ленинград) дал новую интерпретацию землянок «А» и «Б», открытых ранее на стоянке Костенки I. Вопросам абсолютной и геологической хронологии культурных слоев Костенковско-Боршевского района было посвящено сообщение А. А. Величко, А. Л. Деривца, Н. Г. Марковой и Ф. А. Чичаговой (Москва). А. А. Никонов и В. А. Ранов (Душанбе) рассказали о новых материалах по археологии каменного века и четвертичным отложениям Северного Афганистана. М. Б. Юмусалиев (Фрунзе) прочел сообщение «К вопросу о заселении пещер Киргизии человеком каменного века». В сообщении С. В. Смирнова (Киев) шла речь о двух группах позднепалеолитических памятников в степной зоне Европейской части СССР. В. Ф. Петрунь (Кривой Рог) сделал сообщение «О железисто-кремнистых породах как об одном из видов сырья в первобытной технике юга СССР». Было зачитано сообщение А. П. Окладникова (Новосибирск) «Палеолит Амура». В. И. Канивец (Сыктывкар) доложил о новых памятниках каменного века на р. Печоре (стоянки Крутая Гора и Топынд-Нюр). А. Д. Столяр (Ленинград) прочел сообщение «Археологический аспект происхождения искусств». Г. П. Григорьев (Ленинград) познакомил слушателей с проблемами изучения культуры леваллуа. Второе сообщение

В. Ф. Петруня было посвящено геологической позиции и материалу леваллуазских мастерских хребта Великий Шоллес. О геологических условиях залегания среднепалеолитических памятников в Ахштырской и Воронцовской пещерах на Кавказе и в гротах северо-западной Молдавии рассказал М. Н. Грищенко (Воронеж).

В подсекции неолита было заслушано сообщение Ю. В. Титова (Ленинград) «Неолитическая культура сперрингс в Карелии». А. А. Куратов (Архангельск) доложил об археологическом изучении Зимнего берега Белого моря в 1968 г. И. А. Лозе (Рига) рассказала об изучении неолита Лубанской низменности в Латвии Р. К. Римантене (Вильнюс) познакомила слушателей с результатами исследования неолитической стоянки в Швянтойи (Литовская ССР). Значительный интерес представило сообщение В. И. Маркевича (Кишинев) «Дикорастущая и одомашненная флора неолита Молдавии». В. Ф. Генинг (Свердловск) рассказал о памятниках каменного века, раскопанных у с. Чернозерье на р. Иртыше. В. В. Станко (Одесса) прочла сообщение «Типы памятников и археологические культуры в мезолите Северного Причерноморья». А. А. Куратов в повторном сообщении познакомил слушателей с экспериментом по сооружению каменных лабиринтов и сделал некоторые выводы по типологии лабиринтов. Несомненно интересным оказалось сообщение Н. А. Хотинского и А. Л. Деривца (Москва) «Некоторые вопросы построения хронологии неолита методом C^{14}» и особенно сообщение П. М. Долуханова, Г. М. Левковской, Е. Н. Романовой и С. А. Семенцова (Ленинград) «Абсолютная хронология и палеогеография неолита Европы».

А. Т. Синюк (Воронеж) познакомил слушателей с материалами Дармодехинской стоянки на Среднем Дону. Поселение это датируется временем неолита — раннего железа. Памятники неолита и бронзы Урала были характеризованы в сообщениях Ю. А. Морозова (Уфа) «Новые неолитические памятники в бассейне р. Аи», А. И. Россадович (Н. Тагил) «Сообщение о Кокшарове», В. Т. Юровский (Свердловск) «Неолитическое жилище со стоянки южного берега Андреевского озера». Д. Я. Телегин (Киев) прочел сообщение «Культурное своеобразие и относительная хронология неолита юго-западных районов Восточной Европы». Характеристика памятников Средней Азии и Сибири была отражена в сообщениях А. В. Виноградова (Москва) «Ранний неолит в Кызыл-Кумах». А. Юсупова (Душанбе) «Раскопки неолитического поселения Саед в Южном Таджикистане», И. В. Константинова (Якутск) «Каменный век Оленека», А. П. Хлобыстина (Ленинград) «Новое в археологии Таймыра». Н. Н. Дикова (Магадан) «Классификация пегтылынских петроглифов на Чукотке», С. Я. Зданович (Петропавловск) «Памятники каменного века у с. Явленка на р. Ишим». Н. А. Федюнева (Свердловск) доложила о памятниках неолита и раннебронзового времени в бассейне р. Ишима.

На секции бронзового века Н. А. Пелешишин (Львов) рассказал о раскопках энеолитического поселения у г. Берегово в Закарпатье. Затем Т. А. Попова (Ленинград) доложила о раскопках поселения у с. Раковец в Молдавии. В. П. Цыбесков (Одесса) сообщил об итоге исследований трипольского поселения у Березовской ГЭС. В. А. Круц (Киев) прочел сообщение «Чапаевская группа позднетрипольских памятников на Киевщине». Н. Н. Шмаглий, И. Т. Черников (Киев, Одесса) рассказали об итогах работ Днестрово-Дунайской экспедиции в 1968 г. О. Т. Шапошникова (Киев) прочла сообщение «Памятники эпохи меди — бронзы роглечского типа в Поднепровье». Д. Я. Телегин и В. А. Круц (Киев) познакомили слушателей с результатами раскопок курганов эпохи бронзы в степном Поднепровье, В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону) прочел сообщение «О взаимоотношении памятников бронзы правого и левого берега Дона».

А. И. Демченко (Ленинград) рассказала о результатах раскопок курганов эпохи бронзы в Ростове-на-Дону в 1967—1968 гг. В. П. Золотухин (Херсон) познакомил слушателей с методикой исследования палеопочв в связи с датировкой курганов. И. Н. Шарафутдинова (Киев) доложила о раскопках памятников эпохи поздней бронзы у хутора Компанийцы. Г. Ф. Чеботаренко (Кишинев) рассказал о результатах исследования кургана эпохи бронзы в Каушанах. В сообщении Ю. В. Деревягина (Саратов) шла речь о новом памятнике эпохи бронзы в Саратовском Заволжье. В. И. Мамонтов (Волгоград) познакомил слушателей с охранными раскопками, проведенными им в Волгоградской области. Г. Н. Шендаков (Камышин) рассказал об исследовании жилища срубной культуры на поселке Сидоров Родник.

А. Л. Нечитайло (Ставрополь) доложил о погребениях эпохи бронзы с трепанированным черепом. В. Ф. Генинг (Свердловск) познакомил слушателей с памятниками камня и бронзы, исследованными у с. Чернозерье на р. Иртыше. В. И. Матющенко (Томск) прочел сообщение «Итоги и задачи археологических исследований лесного и лесостепного Приобья». Е. И. Морев (Свердловск) рассказал о результатах раскопок могильника андроновской культуры у с. Миасское Челябинской области. Т. М. Потемкина (Курган) прочла сообщение «Поселение Язево на р. Тоболе». Т. Н. Чебакова (Свердловск) дала классификацию жилищ андроновской культуры в Зауралье. Г. Б. Зданович (Петропавловск) привел новые материалы по эпохе бронзы Северного Казахстана. Я. И. Сунчугашев (Абакан) доложил о новых данных, полученных за последние годы по истории металлургии меди в Хакасско-Минусин-

ской котловине. В сообщении В. А. Сафронова (Ленинград) содержалась классификация костяных молоточковидных булавок.

Г. А. Архипов (Йошкар-Ола) сообщил об исследовании ритуальных кострищ эпохи бронзы в Марийской АССР. А. Д. Пряхин (Воронеж) прочел сообщение «Памятники абашевской культуры зоны Воронежского водохранилища».

На секции раннего железного века несомненный интерес вызвал доклад А. И. Тереножкина (Киев) «Уздечные наборы из Мингечаура». В. С. Патрушев и А. Х. Халиков (Казань) познакомили слушателей с особенностями погребального обряда Старшего Ахмыловского могильника. В. Ф. Пешаков (Запорожье) сообщил о скифо-сарматских погребениях в курганах северо-восточной части Запорожской области. В. А. Ильинская (Киев) доложила об итогах работ Скифской степной экспедиции за 1964—1966 гг. Сообщение А. Х. Халикова (Казань) и И. Л. Членовой (Москва) «Киммерийские памятники среднего Поволжья» вызвало оживленное обсуждение.

Интересным было сообщение А. М. Лескова (Киев) «Скифские курганы под Складовском». А. А. Моруженко (Горловка) доложила о работе Лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета на городищах Поворсклья. А. И. Мелюкова (Москва) рассказала об интересных раскопках скифского курганного могильника у с. Николаевка. Н. М. Бокий (Кировоград) доложил о раскопках скифских курганов в бассейне рек Синюхи и Тясмина. И. Л. Алексеева (Одесса) прочла сообщение «Два скифских погребения из курганов Одесской области». К. Ф. Смирнов (Москва) познакомил слушателей с результатами исследований савроматско-сарматских памятников южного Оренбуржья. Е. К. Максимов (Саратов) доложил о сарматских погребениях в Новолиповских курганах. В. Г. Миронов (Саратов) поставил вопрос о характере связей раннегородецких племен с югом.

В. И. Ледяйкин (Саранск) рассказал о раскопках селища городецкой культуры у с. Андреевка Мордовской АССР. А. В. Циркин (Саранск) прочел доклад «Этнокультурные связи мордвы с племенами Прикамья в I тысячелетии н. э.». П. Н. Старостин и Е. П. Казаков (Казань) рассказали о новых памятниках пьяноборской культуры в нижнем Прикамье. Г. А. Панкрушев (Петрозаводск) сообщил о ранних железоделательных горнах в Карелии. Значительный интерес вызвало сообщение Е. А. Халиковой (Казань) «Об этническом составе населения верхнего Прикамья в ломоватовское время». Об исследованиях археологической экспедиции Башкирского университета в 1968 г. шла речь в сообщении Г. И. Матвеевой (Уфа). В. Д. Викторова (Свердловск) рассказала о раскопках поселения конца I тысячелетия на северо-западном берегу Андреевского озера. Р. Д. Голдина (Свердловск) познакомила слушателей с раскопками Неволинского могильника на р. Ирени. Е. П. Казаков (Казань) доложил результаты раскопок Танкеевского могильника в 1968 г.

Большая серия докладов и сообщений была посвящена проблемам археологии железного века Сибири. Особый интерес среди них вызвало сообщение М. П. Грязнова (Ленинград) «Работы Красноярской экспедиции в 1968 г.». Г. С. Мартынова (Кемерово) прочла сообщение «К вопросу о таштыкских жилищах». А. И. Мартынов (Кемерово) привел археологические данные, характеризующие мировоззрение людей тагарской культуры. Э. М. Медникова (Барнаул) рассказала о находках бронзовых котлов на Алтае. Н. В. Нащокин (Красноярск) доложил о находке новых памятников искусства в Хакасии.

Р. Н. Ступников (ст. Оловянная) привел новые материалы из памятников железного века юго-восточного Забайкалья. В. Ф. Старков (Москва) познакомил слушателей с интересными находками плоского литья в Приобье. П. В. Коновалов (Улан-Удэ) привел новые данные по погребальному обряду хуннов Забайкалья. Л. Р. Кызласов (Москва) прочел интересный доклад о писаницах у Подкаменного улуса.

Заседание секции античной археологии открылось выступлением Л. М. Славина (Киев) на тему «Раскопки ольвийских городских кварталов эллинистического времени в районе агоры». С исследованиями Ольвии были связаны и три других сообщения: А. Н. Карасева (Ленинград) «Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР», Л. Г. Копейкиной (Ленинград) «Архаический комплекс в северо-западной части ольвийской агоры» и Ю. И. Козуба (Киев) «Результаты раскопок западного района Ольвии».

К. С. Горбунова (Ленинград) доложила о некоторых результатах исследований на о. Березань в 1962 — 1968 гг., а С. А. Булатович (Одесса) — об археологических раскопках на о. Змеином в 1968 г. Серия докладов была связана и с изучением Херсонеса. В. Борисова (Севастополь) прочла сообщение «Раскопки в Херсонесе на территории цитадели», И. А. Антонова (Севастополь) — «Археологические исследования оборонительных сооружений Херсонеса». В. И. Кац (Саратов) говорил о вывозе херсонесского вина по данным керамической эпиграфики. Ю. А. Бабинов (Севастополь) прочел сообщение «Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического». И. М. Яценко (Москва) доложила о раскопках скифского городища близ санатория «Чайка». О работах Донузлавской экспедиции в 1968 г. говорилось в сообщении О. Д. Дашевской (Москва). О. Я. Савеля (Севастополь) рассказал об исследовании таврских поселений в низовьях Бальбекской долины. П. Н. Шульц (Ленинград) доложил об исследованиях одного из самых крупных керченских курганов — Кара-

Оба. С итогами работ Нимфейской экспедиции в 1968 г. познакомила слушателей Н. Л. Грач (Ленинград). Об очередном сезоне раскопок Михайловского городища в Крыму доложил Б. Г. Петерс (Москва). И. Г. Шургая (Ленинград) рассказал об исследованиях Илурата в 1966 и 1968 гг. Об исследованиях некрополя этого города сообщил М. М. Кубланов (Ленинград).

Е. Г. Кастанаян (Ленинград) прочла сообщение «Раскопки Порфимия в 1968 г.». И. Т. Кругликова (Москва) сообщила о раскопках в 1968 г. в Горгиппии. Результаты исследования некрополя Тирамбы в 1966 — 1968 гг. были отражены в сообщении А. К. Коровиной (Москва). Ю. С. Крушкол (Москва) познакомила слушателей с набором сельскохозяйственных орудий, найденных при раскопках в античном здании около хутора Рассвет, близ г. Анапы. Т. М. Арсеньева (Москва) доложила о результативных исследованиях Танаиса в 1968 г. И. Б. Брашинский (Ленинград) рассказал о новых раскопках Елизаветовского городища в 1967 — 1968 гг.

Б. Н. Аракелян (Ереван) сообщил об интереснейшем кладе (в состав которого входили два ритона), найденном на городище Эребуни. В. С. Драчук (Киев) прочел сообщение «К итогам исследований царских тамг Боспора Киммерийского». О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) сделал доклад «Эллинистическая культура Колхиды». Р. В. Путуридзе (Тбилиси) рассказал об античной керамической таре из Вани. Ю. Н. Воронов (Сухуми) доложил о раскопках Цибилиумского позднеантичного могильника и о вопросах хронологии цебельдинской культуры. Р. М. Рамишвили (Тбилиси) прочел сообщение «Результаты раскопок позднеантичных и раннесредневековых памятников в долине Эрдо». С. Д. Крыжицкий (Киев) остановился на проблеме реконструкции античных жилых домов Северного Причерноморья. А. Н. Щеглов (Ленинград) доложил об опыте реконструкции жилого дома в Калос Лимен, а С. С. Бессонова (Керчь) — о реконструкции деревянного саркофага из кургана «Три брата». В. И. Цехмистренко (Москва) прочел сообщение «О характере керамического клеймения в греческих полисах». К. К. Шилик (Ленинград) рассказал о палеогеографии березанского побережья. Г. Ф. Загний (Ленинград) доложил об опытах датирования античных памятников магнитным методом.

Объединенное заседание секции славяно-русской археологии открылось сообщением В. И. Бидзиля (Киев) «Основные этапы социального развития черной металлургии восточных славян». А. З. Винников (Воронеж) познакомил слушателей с классификацией лепной керамики городища боршевской культуры Титчиха. Ю. А. Липкинг (Курск) рассказал о памятниках VI — VII вв., найденных им у с. Лебяжье под Курском. В сообщении В. А. Булкина (Ленинград) «Исследования И. И. Ляпушкина в Гнездове в 1968 г.» шла речь о раскопках Гнездовского селища IX — X вв., изучение которого важно для определения этнического облика людей, оставивших Гнездовский могильник, и для выявления первоначального места размещения г. Смоленска. Сообщения П. Ф. Лысенко (Минск) «Изучение городов Туровской земли» и Г. Б. Штыхова (Минск) «Заславль в свете новых археологических исследований» познакомили слушателей с результатами раскопок древнерусских городов на территории БССР. В. К. Труммол (Тарту) доложил об исследовании культуры Води на территории Эстонии. Я. Ф. Апалс (Рига) рассказал о хорошо сохранившихся остатках поселения IX — X вв. на острове на оз. Арайши в Латвии. Прекрасная сохранность дерева позволила проследить планировку и строительные приемы. В. А. Уртан (Рига) сообщил о результатах исследования Даугмальского городища, расположенного около Риги. В сообщении Р. К. Куликаускене (Вильнюс) было рассказано о грунтовых могильниках I и II тысячелетий, расположенных у Литовского взморья. По материалам находок подвесок со знаками Рюриковичей Э. Ю. Тыниссон (Таллин) рассказал об их связях с ливской знатью. Е. А. Радзивиловайте (Вильнюс) познакомила слушателей со стеклянными бусами V — VII вв. на территории Литвы. Б. Таутавичене (Вильнюс) прочла доклад «Раскопки могильника XI — XII вв. в Бикавенай».

Ряд сообщений на секции касались памятников домонгольского времени на Украине. Среди них значительный интерес представило сообщение П. П. Толочко (Киев) «Об археологических исследованиях древнего Киева в 1963 — 1968 гг.». Слушателями была отмечена важность проведенных работ и необходимость продолжения их с привлечением широкого круга киевских археологов. А. А. Кравченко (Одесса) прочла сообщение «Поселение IX—X вв. в Сафьянах». Новые данные о скотоводстве и охоте в Среднем Поднепровье в эпоху Киевской Руси содержались в сообщении Н. Г. Тимченко (Киев).

И. П. Крупейченко (Тихвин) доложил о раскопках курганов у с. Чемихино Ленинградской области. Два сообщения были о древней истории Пскова. М. Х. Алешковский (Москва) рассказал об истории возникновения укреплений псковского посада, а В. Д. Белецкий (Ленинград) доложил результаты раскопок в Довмонтовом городе за последние годы.

А. Л. Монгайт (Москва) рассказал о раскопках Шатрищенского могильника, святилища на северном мысу Старорязанского городища и об исследованиях в Старой Рязани. А. Н. Кирпичников (Ленинград) доложил о раскопках в древнем Орешке в 1968 г. Два сообщения были построены на материалах раскопок последних лет в московском Кремле. Это доклад В. И. Федорова «Новое о топографии московского

Кремля» и сообщение Н. С. Шеляпиной (Москва) «Об археологических исследованиях в Успенском соборе московского Кремля». В последнем сообщении шла речь о древнейшем московском некрополе и остатках под современным собором постройки из белого камня, которая может датироваться XIII в. Е. М. Пламеницкая (Киев) доложила об исследованиях в Каменец-Подольской крепости XIII — XVIII вв. И. Г. Хынку (Кишинев) продемонстрировал находки из могильника XII — XIV вв. у с. Матеуцы в Молдавии.

На подсекции средневековой археологии Е. В. Веймарн (Бахчисарай) познакомил слушателей с новыми исследованиями на Мангупе в 1967—1968 гг. Л. Г. Колесникова (Севастополь) характеризовала восточное стекло из собраний Херсонесского музея. Н. И. Навротский (Армавир) рассказал о памятниках эпохи раннего средневековья в Новокубанском районе Краснодарского края. А. И. Романчук (Свердловск) прочел сообщение «Средневековые рыбозасолочные цистерны из Херсонеса». Р. Г. Фахрутдинов (Казань) дал представление об археологической топографии Биляра в свете раскопок последних лет. Е. А. Халикова (Казань) разбирала вопрос об этническом составе населения Прикамья в ломоватовское время, используя новые материалы, полученные при раскопках Танкеевского могильника. Б. Б. Овчинникова (Свердловск) рассказала об исследованиях 1968 г. на городище Искер.

М. Р. Полесских (Пенза) прочел сообщение «К вопросу о заселении в I тысячелетии некоторых территорий Среднего Поволжья и этногенез мордвы». М. Г. Магомедов (Махачкала) рассказал о раскопках в Беленджере. Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) сообщил новые данные о золотоордынских городах Нижнего Поволжья, полученные в результате раскопок 1967 — 1968 гг. Г. Ф. Чеботаренко (Кишинев) прочел сообщение «Раскопки в Сорокской крепости в Молдавии».

На подсекции зарубинецко-черняховской археологии было прочитано 9 сообщений. Р. Д. Бондарь (Одесса) рассказала о раскопках памятника гето-дакийского времени у с. Орловка. А. И. Кубышев (Киев) познакомил слушателей с результатами раскопок Пироговского могильника зарубинецкой культуры в 1968 г. И. С. Винокур (Каменец-Подольский) прочел сообщение «Некоторые орнаментальные мотивы в черняховской культуре». Е. В. Махно (Киев) прочла сообщение «О датировке черняховской культуры». Два последних сообщения послужили поводом для дискуссии по проблемам датировок черняховской культуры и смысловому значению орнаментики черняховской керамики. Проблемам черняховской культуры было посвящено и сообщение В. Д. Барана (Львов) «Некоторые итоги изучения поселений черняховского типа в верховьях Днестра и Западного Буга». Э. А. Сымонович (Москва) рассказал о находках керамики черняховского типа в Крыму.

А. Х. Моора (Таллин) прочел доклад «Роль природной среды в процессе заселения и в развитии экономики на территории Северной Эстонии в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.» М. М. Михельбертас (Вильпюс) рассказал о раскопках курганов II—V вв. у дер. Акменяй (ЛитССР). Е. А. Шмидт (Смоленск) ознакомил слушателей с результатами раскопок двух селищ середины I тысячелетия в Смоленском междуречье Днепра и Западной Двины.

Заседание секции нумизматики открылось выступлением И. Г. Спасского (Ленинград) «Нумизматика в Академии истории материальной культуры (1918—1929 гг.)». А. Г. Загинайло (Одесса) прочел сообщение «К вопросу о раннем серебряном чекане Истрии». П. О. Карышковский (Одесса) характеризовал медные монеты Ольвии с изображением Деметры и в связи с ними ольвийский клад 1907 г. А. М. Гилевич (Ленинград) рассказала о кладе ольвийских ассов. Д. Г. Капанадзе (Тбилиси) познакомил слушателей с новыми находками варваризованных ауресов в Грузии. В. М. Брабич (Ленинград) прочел сообщение «Ранняя Византия или поздний Рим (к методологии вопроса)». И. В. Соколова (Ленинград) рассказала о начале византийского монетного дела. М. П. Сотникова (Ленинград) дала расшифровку надписей на серебрянниках со спорными легендами. В. М. Потин (Ленинград) остановился на русских монетах XVI—XVII вв., изготовленных на западе, и на западных монетах того же времени, чеканенных на территории Русского государства. В. А. Калинин (Ленинград) рассказал о новгородском денежном чекане второй половины XV в. М. А. Львов (Москва) доложил о некоторых технических особенностях изготовления монетных штемпелей в Великом Новгороде. П. А. Шорин (Москва) рассказал о недавно найденном московском кладе новгородских денежных слитков. А. Молвыгин (Таллин) познакомил слушателей с составом Танзеского клада XIII в. Х. А. Мушегян (Ереван) прочел два сообщения: «Новые данные о характере Сарнакунского клада античных монет» и «К топографии армянских монет Сарнакунского клада». М. Е. Карапетян (Ереван) доложил о неизвестной монете князя Тороса Рубиняна. А. М. Раджабли (Баку) характеризовал денежное обращение на территории Азербайджана в первой половине XVIII в.

Нумизматика Средней Азии была представлена тремя сообщениями. Два из них: «Первые монеты из Усрушаны» и «Каталог согдийских монет» — были прочитаны О. И. Смирновой (Ленинград). Третье сообщение — «Монетные находки на Афрасиабе в 1965 г.» — было доложено Т. С. Ернезаровой (Ташкент). М. А. Добровольская (Ленинград) прочла интересное сообщение «Археология в значках и медалях».

На заседании секции археологии Кавказа было прочитано сообщение Г. Читая

(Тбилиси) «Кавказ и памятники его древней культуры (К вопросу культурного единства народов Кавказа)». Затем Б. В. Теховым (Цхинвали) было доложено о новых раскопках Тлийского могильника кобанской культуры. Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми) дал этническую характеристику дольменной культуры Абхазии. Л. Пашаева (Тбилиси) доложила об этническом составе триалетских урумов. Э. М. Гогадзе (Тбилиси) прочел сообщение «К вопросу о генезисе и периодизации триалетской курганной культуры». С. Умаров (Грозный) доложил о выявленных им локальных особенностях позднесредневековых чеченских боевых башен. Г. А. Балиашвили (Тбилиси) прочел доклад «Межплеменные связи Южной Грузии с Горным Крымом в первой половине I тысячелетия до н. э.». Г. Е. Арешян (Ереван) познакомил слушателей с материалами эпохи раннего железа из Артикского могильника. В. В. Джапаридзе и А. Антилаква (Тбилиси) рассказали о раскопках в Дманиси и его окрестностях в 1968 г. М. Г. Григорян (Ереван) познакомил слушателей с армянскими надписями в Крыму и на Северном Кавказе. Г. А. Джиди (Баку) рассказал о средневековых памятниках в окрестностях Шемахи. Г. А. Насидзе (Тбилиси) доложил об исследовании селищ в Восточной Грузии.

Чрезвычайно важным и интересным было сообщение Б. Н. Аракеляна (Ереван) «Клад серебряных изделий из Эребуни». Н. В. Анфимов (Краснодар) доложил о новых курганных находках эпохи раннего железа из Прикубанья. В. Л. Толордава (Тбилиси) рассказал о кувшинных погребениях Восточной Грузии. И. Голубкина (Баку) прочла сообщение об ажурных тканях кувшинного погребения Мингечаура. Об археологических раскопках в с. Эшери в Абхазии в 1968 г. сообщил Г. К. Шамба (Сухуми). Археологические раскопки в с. Цебеладзе, тоже в Абхазии, были отражены в сообщении М. М. Гунба (Сухуми). Ф. А. Османов (Баку) рассказал об албанском бронзовом шлеме из Ахсунского района Азербайджанской ССР. Т. Н. Чубинишвили, В. Николаишвили, К. Мацхенашвили (Тбилиси) подвели итоги раскопок поселения Арухло I в Южной Грузии. К. Д. Квижинадзе (Тбилиси) специально остановился на характеристике материалов верхнего слоя поселения Арухло I. Г. М. Гаджиев (Махачкала) познакомил слушателей с материалами Гагатлинского поселения эпохи бронзы в Горном Дагестане. Г. С. Исмаилов (Баку) подвел итоги археологических исследований многослойного поселения Гаракепек-Тепе. В. Алиев (Баку) доложил об археологических исследованиях памятников эпохи бронзы в Нахичевани. Л. А. Шервашидзе (Тбилиси) познакомил слушателей с неизвестным ранее храмом на горе Амбара у с. Хуан в Гудаутском районе. Несомненный интерес вызвало сообщение Л. Н. Соловьева (Сухуми) «Троя и Кавказское Причерноморье». В. И. Марковин (Москва) подвел итоги изучения дольменов Кавказа. А. К. Инаишвили и А. Ю. Кахидзе (Батуми) познакомили слушателей с итогами полевых работ Батумской археологической экспедиции в 1968 г. И. М. Чеченов (Нальчик) прочел сообщение «Подкурганная гробница майкопской культуры». Н. Н. Михайлов (Кисловодск) рассказал о раскопках могильника эпохи поздней бронзы в Кисловодском курортном парке. В. Г. Котович (Махачкала) прочла сообщение «К вопросу о локализации раннесредневековых городов на территории Дагестана». В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) рассказал об исследовании южного Зеленчукского храма X в. М. Г. Магомедов (Махачкала) прочел доклад «Беленджер в свете новых археологических раскопок». М. Н. Ложкин (хутор Ильич Краснодарского края) доложил об исследованиях раннесредневековых пещерных погребений в Отрадненском районе Краснодарского края. А. П. Рунич (Кисловодск) подвел итоги археологических разведок в окрестностях Кисловодска в 1968 г. А. В. Гадло (Ленинград) рассказал о раскопках городища Казар-Калы в Северном Дагестане. И. М. Мизиев (Нальчик) доложил о позднесредневековых каменных ящиках верховьев р. Черека.

Большое число сообщений было прочитано и на заседаниях секции археологии Средней Азии и Казахстана. Г. Н. Лисицына (Москва) познакомила слушателей с составом культурных растений на юге Средней Азии в VIII—III тысячелетиях до н. э. В. М. Массон (Ленинград) доложил результаты раскопок холма Алтын-Тепе в 1968 г. О. Бердыев (Ашхабад) рассказал о новых раскопках на поселениях эпохи неолита и энеолита в Южной Туркмении. Н. Г. Галочкина (Фрунзе) познакомила слушателей с исследованиями могильника эпохи бронзы Каракмат в долине Кетмень-Тюбе. Ю. А. Заднепровский (Ленинград) говорил о топографии и оборонительных сооружениях Дальверзина. А. Абетеков (Фрунзе) привел новые данные о культуре кочевых племен Алайской долины во II в. до н. э.— IV в. н. э. Б. Я. Ставиский (Москва) коснулся частного вопроса — «Капители кушанской Бактрии». Н. Г. Горбунова (Ленинград) рассказала о раскопках поселений первых веков нашей эры в Фергане. Е. Е. Неразик, Ю. А. Раппопорт (Москва) познакомили слушателей с новыми раскопками на городище и во дворце Топрак-Кала. Интересным было сообщение В. А. Лившица (Ленинград) «Хорезмийские документы из Топрак-Калы». Н. И. Крашенинников (Ташкент) доложил о раскопках древнего Кеша. Т. И. Зеймаль и Е. В. Зеймаль рассказали о возможности датировки слоев древних поселений по кушанским монетам. Я. Г. Гулямов и Ю. Ф. Буряков (Ташкент) прочли сообщение «Древний Самарканд в свете новых археологических данных». И. Ахраров (Ташкент) рассказал о раскопках городища Ахсикет. П. М. Байпаков (Алма-Ата) познакомил слушателей со средневековыми городами и поселениями Илийской долины.

В. А. Булатова (Ташкент) привела новые археологические данные по истории Ташкента. Ею также было прочитано и второе сообщение — «Поселение и храм VII в. в Куве». Ю. Ф. Буряков (Ташкент) ввел в оборот новые материалы по исторической топографии Чач-Илака. А. М. Беленицкий (Ленинград) рассказал о раскопках в Пенджикенте в 1968 г. Е. Бижанов, М. Мамбертуллаев, Т. Ходжанов, В. Н. Ягодин (Нукус) представили материалы из раскопок древнего Дарсана в 1968 г. В. И. Распопова (Ленинград) доложила о металлообрабатывающих мастерских Пенджикента. Б. Д. Качнов (Фрунзе) прочел сообщение «Средневековые мусалла». О. М. Ростовцев (Ангрен) рассказал о ремесле средневекового Илака по данным археологии. С. Б. Лунина (Ташкент) познакомила слушателей с техникой гончарного производства в средневековом Мерве. И. Ахраров, Л. И. Рempель (Ташкент) доложили о резном штуке Афрасиаба и реконструкции купольного зала эпохи Саманидов. Е. Атагарыев (Ашхабад) говорил о раскопках на средневековом городище Чугондор. Н. Н. Вактурская (Москва) рассказала о работах на средневековых поселениях Нижней Сырдарьи. Л. Б. Ерзакевич (Алма-Ата) привел новые сведения о южноказахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды. В. И. Спришевский (Ташкент) познакомил слушателей с пропагандистской работой Музея истории народов Узбекистана. Е. М. Сайко (Душанбе) прочла сообщение «К истории техники формовки и развития форм керамики». Н. И. Игонин (Москва), Н. Г. Горбунова (Ленинград) рассказали о результатах аэрофотосъемки археологических памятников Ферганской долины.

Р. Л. Розенфельдт

ТРЕТЬЯ ПОДОЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В г. Каменец-Подольске с 13 по 15 мая 1969 г. состоялась третья историко-краеведческая конференция, посвященная подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Конференция была созвана Каменец-Подольским педагогическим институтом им. В. П. Затонского и Хмельницким областным историко-краеведческим обществом. Две предыдущие конференции состоялись в 1965 и 1967 гг [1].

На пленарных и секционных заседаниях Третьей конференции было заслушано более 100 докладов по истории, археологии, фольклору, этнографии и лингвистике Подолии. В заседаниях принимало участие более 400 человек, в том числе около 150 научных сотрудников и краеведов, прибывших из Москвы, Киева, Кишинева, Львова, Черновиц, Тернополя, Хмельницкого, Винницы, Кременца и других городов, а также сел. Кроме того, на заседаниях присутствовали ученые из Польши и Румынии. Значительное место в работе конференции заняли историки, археологи, этнографы и краеведы Каменец-Подольского.

Общие сведения о большой работе по изучению истории Подолии, об охране памятников и научно-просветительской деятельности содержались в докладе председателя правления Областного историко-краеведческого общества С. К. Гуменюка. О современном развитии Каменец-Подольского, его экономической и научной жизни было доложено первым секретарем Каменец-Подольского горкома КП Украины А. Н. Лесовым. Богатство города и его окрестностей историко-археологическими и архитектурными памятниками, все возрастающий приток туристов заставляют со всей серьезностью отнестись к реставрации и наилучшему показу памятников.

Директор Института археологии АН УССР доктор исторических наук Ф. П. Шевченко сделал доклад «Ленинское теоретическое наследие и развитие исторической науки на Украине». Автор показал благотворное влияние ленинских идей на развитие исторических исследований в республике, наметил перспективу дальнейших работ по истории УССР.

Значительное место в работе конференции заняла археологическая тематика. На пленарных заседаниях и на секции археологии было прочитано и обсуждено 18 докладов, которые представляется возможным разделить на две группы. К первой группе относятся доклады, связанные с изучением памятников восточных славян; ко второй — доклады о древнейших культурах на территории Подолии.

Обобщающий доклад «Славянские древности Среднего Поднестровья» подготовили В. И. Довженок (Киев), И. С. Винокур (Каменец-Подольский), Б. А. Тимощук (Черновцы) и О. М. Приходнюк (Киев). Авторы прослеживают по археологическим материалам историческую преемственность, начиная от рубежа нашей эры вплоть до эпохи Киевской Руси. Особое внимание обращено на памятники зарубинецкой культуры типа Круглика-Бережанки, а также на памятники середины I тысячелетия типа поселения у с. Устья, где так же, как и на Верхнем Днестре,

[1] Л. А. Коваленко, І. С. Винокур. Хмельницьке історико-краєзначе товариство. УІЖ, 1964, стр. 154, І. С. Винокур, Л. А. Коваленко. Друга Подільська історико-краєзнавча конференция. УІЖ, 1967, 7, стр. 155—156; Н. Г. Думова. Первый слет краеведов Подолья, «История СССР», 1966, 1, стр. 244—246.

удается проследить взаимосвязь черняховских и послечерняховских памятников VI—VII вв.

В. В. Седов (Москва) прочитал доклад «Анты». Анализируя данные письменных источников и сопоставляя их с археологическими материалами Днестро-Днепровского междуречья, исследователь приходит к выводу что к ранним антским древностям могут быть отнесены некоторые памятники черняховской культуры. Впоследствии в силу того, что на юге Восточной Европы в первой половине I тысячелетия имели место значительные потрясения (миграция готов, гуннское нашествие), преемственность культурного развития между черняховской культурой и памятниками типа Пеньковки (VI—VII вв.) могла быть только частичной. Вследствие вторжений кочевников и историко-культурных перемен в лесостепи остались, по мнению В. В. Седова, лишь отдельные островки черняховской культуры.

Э. А. Сымонович. (Москва) выступил с докладом «Христианство и черняховская культура». На основании письменных и археологических источников автор ставит вопрос об элементах христианства в черняховской культуре. Контакты черняховского населения с античным миром должны были, по мнению исследователя, способствовать проникновению в черняховскую среду нового, христианского вероучения. Замена трупоположений с северной ориентацией почти безинвентарными погребениями с западной ориентацией и другие наблюдения подтверждают идею автора. Христианское вероучение, начавшее свое шествие со второй половины III в. н. э., не могло, однако, вытеснить старых языческих традиций и верований. Нарушение связей на поздних этапах развития культуры с подвергшимися христианизации южными областями, в результате походов кочевников более позднего времени, способствовало изменению хода культурного и идеологического развития общества.

И. С. Винокур (Каменец-Подольский) выступил с докладом «Черняховские могильники в междуречье Днестра и Южного Буга». Он отметил, что до последнего времени могильники черняховской культуры в указанном районе не были известны. В настоящее время здесь открыто несколько таких могильников. Стационарно изучен Ружичанский могильник (вскрыто 72 погребения), ведутся исследования на могильниках в Устье и Редкодубах. Интересно, что Ружичанский могильник дал материалы, которые датируются концом II—III в. н. э. Автор попытался проследить развитие лесостепного населения от зарубинецкой культуры к черняховской.

В докладе Л. В. Вакуленко (Киев) «К вопросу о хозяйстве племен культуры карпатских курганов» рассматривались новые материалы, происходящие с поселения у с. Глубокое Черновицкой области. Это первое хорошо изученное поселение. До последнего времени были известны только курганные могильники этой культуры. Автор выдвигает идею о том, что носители культуры карпатских курганов знали развитое земледелие, дополнявшееся оседлым скотоводством.

О. М. Приходнюк (Киев) прочитал доклад «Раннеславянские древности VI—VII вв н. э. на Подолии». До самого последнего времени памятники типа Корчак здесь не были известны. Теперь они зафиксированы в целом ряде пунктов. Стационарные исследования проведены на селище близ г. Городок Хмельницкой области. Сопоставление материалов Городецкого поселения с другими синхронными древностями (Корчак на Волыни, Пеньковка на Днепре и т. п.) показывает, что это памятники одного круга. Правда, в материалах Подолии имеются свои специфические моменты, что вполне соответствует географическому расположению указанного района.

Об этапах строительства Каменец-Подольской крепости рассказала архитектор Е. М. Пламеницкая (Киев). Археолого-архитектурные исследования в крепости показали, что самое древнее ядро фортификаций сложилось в конце XII — в начале XIII в. Выявлены отчетливые следы основных перестроек и расширения крепости в последующие эпохи. Это проливает свет на домонгольский и последующий периоды истории строительства Каменец-Подольской крепости.

О разведывательных раскопках на древнерусских памятниках в верховьях Южного Буга рассказал научный сотрудник В. И. Якубовский (Хмельницкий). Начатые им работы на городище неподалеку от с. Деражни Хмельницкой области принесли первые успехи и перспективы. Их следует продолжить.

Краевед С. К. Шкурко (Каменец-Подольский) сообщил о новых материалах по истории позднесредневекового Пановецкого замка. Б. А. Томщук (Черновцы) во время проведения экскурсии по Хотинской крепости ознакомил присутствующих с основными итогами ее археологического изучения и ведущимися реставрационными работами по сохранению этого интересного позднесредневекового памятника.

Член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибиков (Киев) сделал доклад на тему «Современные проблемы археологического изучения Среднего Поднестровья». Автор обратил внимание присутствующих на проблемы изучения раннего палеолита, развитого триполья, эпохи бронзы и раннего железного века на Среднем Днестре. Актуальные вопросы были поставлены докладчиком в связи с будущим строительством Могилев-Подольской ГЭС на Днестре и необходимостью изучения наиболее важных в научном отношении памятников в зоне будущего затопления.

Краевед Н. С. Борковский (Каменец-Подольский) рассказал о поселении развитого триполья Паюк-1 у с. Ходоровцы Хмельницкой области. Учитель

А. В. Козак (с. Бережанка Хмельницкой области) сообщил о новых памятниках трипольской культуры.

Интересный доклад об исследованиях на поселении развитого триполья в с. Жванец Хмельницкой области сделала Т. Г. Мовша (Киев). Ею открыты два гончарных полуразрушенных двухярусных горна. Найденные в горнах обломки трипольских сосудов позволяют автору доклада связывать открытые сооружения с энеолитическим временем. Задача дальнейших исследований состоит в том, чтобы выяснить характер и значение этого первого производственного гончарного центра IV—III тысячелетий до н. э.

Об исследованиях древних захоронений в каменных ящиках (III тысячелетие до н. э.) рассказали научные сотрудники И. П. Герета и Е. А. Харитонов (Тернополь).

Л. И. Крушельницкая (Львов) сообщила об исследованиях последних лет на памятниках поздней бронзы и раннего железного века в верховьях Днестра. Материалы, рассмотренные в докладе, находят свое логическое продолжение в синхронных памятниках Среднего и Нижнего Поднестровья.

Учитель К. И. Терещук (с. Коськив Хмельницкой области) рассказал о результатах археологической разведки в окрестностях с. Великая Шкаровка Шепетовского района.

Заслугой ученых и краеведов Подолии является то, что полученные в результате новых археологических исследований материалы сразу же становятся доступными для обозрения в историко-краеведческих музеях и археологическом кабинете при Каменец-Подольском педагогическом институте им. В. П. Затонского. Издание путеводителей по памятникам истории, археологии и архитектуры, открыток, памятных значков и т. п. способствуют популяризации знаний и вниманию к памятникам древности.

В решениях конференции как отрадный факт было отмечено участие широких слоев общественности (учителей, краеведов, студентов разных факультетов) в проведенных пленарных и секционных заседаниях. Материалы конференции, как и двух предыдущих [2], будут изданы специальным сборником.

И. С. Винокур, Э. А. Сымонович

Ю. А. КРАСНОВ, А. П. СМИРНОВ

УФИМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ БАШКИР

13—15 мая 1969 г. в Уфе проходила конференция по этногенезу башкир, организованная Отделением истории и Башкирским филиалом АН СССР. В ней приняли участие антропологи, археологи, этнографы, фольклористы и языковеды многих научных учреждений Советского Союза. Положительной чертой конференции явилось освещение этногенеза башкир в связи с историей соседних народов, с которыми башкиры и их предки находились в культурных или этнических связях. Было заслушано 26 докладов, из которых четыре были посвящены общим вопросам этногенеза.

Основными были доклады Н. Я. Мажитова «Происхождение башкир», А. Х. Халикова «Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья», В. Ф. Генинга «Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение», М. С. Акимовой «Этногенез башкир по данным антропологии». К этой же группе надо отнести и доклад этнографа Р. Г. Кузеева «Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX века», в котором был использован археологический материал.

В настоящее время, как это было отмечено и в резолюции, данную проблему нельзя считать решенной, хотя по ряду частных вопросов участники совещания пришли к единодушному мнению. Установлено, что процесс формирования башкир был весьма сложным, в нем приняли участие различные в этническом и хозяйственном отношении племена. Это положение, установленное еще С. И. Руденко, получило подтверждение и на настоящей коференции.

Археологи и антропологи пришли к единодушному мнению о большой роли в этногенезе башкир местного населения, которое с самого конца бронзового века и в период раннего железа обитало на этой территории. Эти племена относились к двум этническим общностям. Северную часть Башкирии занимали финно-угры ананьинско-пьяноборской общности, а южную — ираноязычные савроматские и, позднее, сарматские племена. Это население явилось субстратом, на котором сформировалось более позднее население края.

Н. А. Мажитов попытался в своем докладе затронуть все аспекты проблемы происхождения башкир, но этнические построения автора в значительной мере остались недоказанными. Им отмечена большая роль ираноязычных и финно-угорских

[2] «Тези доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції». Хмельницький, 1965; «Матеріали Подільської історико-краєзнавчої конференції», Львів, 1968.

племен, из которых последние были представлены двумя группами — финно-пермской и угорской. Докладчик подчеркнул роль сарматов, которая ощущалась не только в первую половину I тысячелетия, но и позднее, до VIII в. Он правильно рассматривает сарматов в качестве одного из компонентов в этногенезе башкир. Другим важным компонентом Н. А. Мажитов считает тюркские племена, обитавшие среди кочевников казахстанских и южноуральских степей эпохи раннего железа. Им. принадлежит часть археологических памятников. Он считает мнение о появлении тюрок на данной территории в послегуннскую эпоху упрощенным и неверным. Основываясь на изучении этнической истории народов Средней Азии, Урала, Поволжья и Кавказа, культура которых тесно связана с кочевым миром Алтая, Южной Сибири и Казахстана, он склонен думать, что вопрос этногенеза башкир не может быть решен, если не допустить, вслед за С. И. Руденко, наличие тюркоязычных племен в Приуралье с глубокой древности. С его точки зрения, большая роль тюркских племен подтверждается данными фольклора и топонимики Южного Приуралья. Однако докладчик не смог назвать ни одного памятника, принадлежащего тюркам, который бы относился к столь ранней эпохе. Большую роль он отводит финно-угорским племенам ананьинско-пьяноборской общности. Он склонен считать, что сложение племенных групп на основе пьяноборских не явилось результатом массового притока западносибирского населения и миграции пьяноборцев. Вместе с тем он полагает, что пьяноборцы не были однородны в языковом отношении, в частности, караабызские племена были угроязычными, что доказывается, по его мнению, топонимическими данными. Докладчик отметил сдвиги населения, вызванные гуннским нашествием. Он правильно отмечает сарматские корни турбаслинской культуры, однако без достаточных оснований считает ее тюркоязычной. Он отметил воздействие пришельцев на племена бахмутинской культуры, в сложении поздней стадии которой приняли участие пришлые тюркоязычные племена, хотя в целом она принадлежала уграм. V—VI вв. непосредственно предшествуют времени, когда на данной территории история знает башкир. В это время продолжается приток населения из юго-восточных районов страны, который привел к окончательному сложению башкирского народа. Культура этого населения, как правильно указано в докладе, представлена материалом курганных могильников, раскопанных преимущественно за последние годы. К этой же группе отнесен им и Левашовский могильник, с чем трудно согласиться, так как по основным показателям он восходит к группе салтовских памятников. Левобережную Башкирию населяли племена, оставившие памятники типа Кара-Якуповского городища, керамика которых близка кушнаренковской. По мнению докладчика, оставшемуся недоказанным, это население появилось около VI в. из северо-казахстанских степей. На севере Башкирии продолжали жить племена бахмутинской культуры, которые в качестве угорского компонента вошли в состав башкирского народа. Предположительно докладчик считает, что это население явилось ближайшими предками осинских, гайнинских башкир. Важнейшим периодом в сложении башкир, по мнению докладчика, было время V—VII вв., когда сложилась основа башкирского народа. Ко всем этим племенам он предлагает наименование прабашкир. Они вели комплексное хозяйство с земледелием и скотоводством. Характерным памятником этого времени является городище Уфа II. В заключение докладчик высказался против теории о приаральском происхождении башкир. Сходство ряда элементов культуры башкир с культурой народов Средней Азии он объясняет контактами позднего периода. В формировании мадьяр важным компонентом он считает племена бахмутинской угорской культуры.

В весьма интересном докладе «Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья» А. Х. Халиков осветил этническую историю края, начиная с эпохи мезолита. Он справедливо отмечает, что эта область с глубокой древности была заселена родственными племенами, входившими в состав племен Волго-Камской общности и испытавшими значительное воздействие населения степного Поволжья и Прикаспия. В эпоху бронзы, как справедливо указал Халиков, Башкирия являлась зоной срубно-андроновских контактов. Докладчик отмечает распространение на эту территорию племен приказанской культуры, к которой он относит и памятники типа курмантау в Башкирии. Едва ли можно так расширительно толковать приказанскую культуру, характерных черт которой мы еще, к сожалению, не знаем.

Позднее Башкирия, как и Татария, входит в область ананьинско- пьяноборских племен. Справедливо отвергая раннюю тюркизацию населения края, автор относит ее начало к гуннскому периоду, когда на этой территории распространились племена именьковско-романовского типа, родственные им кушнаренковские, турбаслинские и др., которые докладчик без аргументации считает тюркоязычными или тюрко-угорскими. Бахмутинские племена на севере и сармато-аланские на юге растворились в это время в тюркоязычной среде.

Докладчик выделяет второй этап тюркизации края, который захватил большую территорию и связан с тюркским каганатом. Бассейн р. Белой осваивают в это время кипчако-огузские племена, а в Приуралье — тюрко-угорские. Без всякой аргументации этому новому населению (судить о языковой принадлежности которого археологи не в состоянии, уже хотя бы по тому, что не могут применить ретроспективный метод) приписаны многие памятники. С этой целью автор привлекает восточ-

ные вещи (сасанидские и византийские), которые, конечно, не могут помочь в разрешении вопросов этнической истории. Границы распространения тюркских племен им доведены до Суры и даже Оки, где он отмечает такие тюркские, с его точки зрения, памятники, как Арцибашево, Зиновьевку, Кайбелы и Муранку. Нельзя не заметить, что в Кайбелах и Муранке были найдены колты VII в., этническая принадлежность которых не ясна и которые имеют распространение у племен различной этнической принадлежности. Зиновьевка по происхождению восходит к сарматской или салтово-маяцкой культуре. Арцибашевское погребение с керамикой салтовского типа принадлежит кочевнику и характеризует культуру населения хазарского каганата. Можно ли на основе одного погребального комплекса устанавливать западную границу распространения тюркских племен? Идя таким путем, можно было бы считать, что находка скифского комплекса в Фетерсфельде в Германии и ряд отдельных находок скифских стрел в Центральной Европе свидетельствует о широком распространении скифских племен в Центральной Европе, что едва ли верно и противоречит всем историческим сведениям. Докладчик забыл еще про один памятник — погребение кочевника под курганом близ Юрьева-Польского Владимирской области, которое обычно приписывают половчанину, находившемуся на службе русского князя. Упоминание этого погребения докладчиком усилило бы его определение западной границы тюркского мира. Докладчик остановился на роли булгар в этнической истории края, отводя им почему-то небольшую роль. Он отмечает принадлежность курганов X—XII вв. башкирам, а грунтовых могил тюркскому населению края, что в докладе осталось неаргументированным. Эти памятники он сопоставляет с Танкеевским могильником и снова подчеркивает, что именно это население составило основу населения Волжской Булгарии. В докладе отмечена известная близость курганных захоронений грунтовым, что, с его точки зрения, сказывается не только в инвентаре, но и в деталях погребального обряда, в частности в наличии частичных конских захоронений. Он необоснованно сближает их с могильниками Неволинским, Бродовским и Мыдлань-Шай бассейна Сылва и Чепцы, где, по его мнению, обитали родственные с населением Башкирии и Булгарии племена, составившие основу бартымско-гайнинских и чепецких татар, в культуре которых отмечается башкирская специфика. Так одним росчерком пера, без всякого обоснования расправился докладчик с предками удмуртов и пермяков, отнеся их к числу предков татар.

В докладе сказано, что в период Волжской Булгарии расходятся пути этнической истории башкир и татар Поволжья. У башкир сохраняется кочевничество, что ставит их в тесную связь с печенежско-половецким миром. В домонгольской Булгарии, в результате включения в ее состав преимущественно тюркского населения Поволжья и Прикамья от бассейна р. Оки на западе до бассейна Ика на востоке, и их феодализацией завершается сложение общебулгарской народности, в которой следует усматривать основу общетатарской народности. Это положение, продолжающее мысль докладчика о широком распространении тюркского мира, противоречит известиям письменных документов, этнографическим и археологическим данным. Огромная территория бассейна Оки, ее среднее течение, а также территория Чувашии в доболгарский период была занята финно-угорскими племенами. Есть неоспоримые данные о присутствии там мордовских и марийских племен. Границы домонгольской Булгарии распространялись не далее Суры. В нижнем течении Оки существовал торговый пункт булгар, на месте которого возник позднее город Нижний Новгород.

Золотая орда правильно определена как государство, сыгравшее большую роль в этногенезе башкир и сближении их с татарами Поволжья. Доклад А. Х. Халикова, несмотря на ряд несомненно ошибочных, волюнтаристских построений, представляет известный интерес. В нем освещены древнейшие пласты, раскрывающие субстрат, на котором сложилась башкирская народность.

В. Ф. Генинг в докладе «Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение» подробно остановился на методических вопросах, касающихся определения археологических культур и этногенетических построений на археологическом материале. Он справедливо отметил необходимость глубокого источниковедческого анализа, отсутствие которого приводит к ошибочным построениям. Доклад В. Ф. Генинга изобиловал спорными положениями, которые могут быть приняты в качестве рабочей гипотезы и несомненно сыграют положительную роль в дальнейшем изучении этногенеза башкир. В раннем железном веке он отмечает на севере Башкирии племена ананьинской культуры, а на юге — сарматские, которые позднее покинули эту территорию при движении на запад. В IV в. до н. э. появились новые племена — выходцы из Припарапья. В результате смешения пришельцев с аборигенами складывается ряд культур. В это время быстро развивается процесс объединения мелких племен в более крупные, завершившийся в III в. до н. э. сложением четырех союзов племен: гляденовского, осинского, чегандинского и кара-абызского, составлявших пьяноборскую этнокультурную общность. Отмечена сложность этнического состава населения в VI—VIII вв., наиболее полно отраженная в Кушнаренковском могильнике. При разборе этнического состава населения, главным образом по керамическому материалу, а в ряде случаев по погребальному обряду, было выделено 9 археолого-этнических типов, часть которых являлась пришлыми. Привле-

кая аналогии, многие из которых имели частный характер, докладчик указал, что пришлое население появилось в Башкирии из лесостепных районов Западной Сибири, Северо-Восточного Казахстана и Алтая. Появление новых этнических групп с востока В. Ф. Генинг связывает с передвижениями кочевников с IV по VI в. Вместе с тем докладчик вынужден был сделать оговорку: «Не имея пока достаточно точных данных о хронологии приуральских археолого-этнических типов, их нельзя с уверенностью сопоставить с каким-либо конкретным из этих племенных объединений, тем более, что, кроме аваров, все они почти не известны по археологическим данным» [1]. Автор привел некоторые данные по этнонимике башкир, близкие венгерским. Подытоживая свои соображения, докладчик отметил, что в I тысячелетии в местную среду пермского населения влились с востока племенные группы самодийского, угорского и древнетюркского происхождения. Этот этнический конгломерат и подвергся в дальнейшим тюркизации в процессе сложения башкирской народности. Нельзя не заметить, что археологические данные не подтверждают и не противоречат построениям В. Ф. Генинга. В настоящее время, несмотря на огромный материал, накопленный за последние 15 лет, все же не проведено монографических исследований памятников, которые бы дали возможность охарактеризовать большинство археологических культур края и их составные элементы. Общеисторические соображения докладчика, которые легли в основу разработанной им схемы, не могут вызвать возражений.

Общий характер имел и доклад Р. Г. Кузеева «Этническая история башкир с конца I тысячелетия до XIX века». Он указал на проникновение из восточных степей, начиная с VI—VII вв., тюркских кочевников, вышедших из недр западнотюркского каганата. Вместе с тем он отметил отсутствие хорошо документированного материала, который бы позволял делать выводы о масштабах раннетюркского проникновения и его роли в этногенезе башкир и татар. Большую роль в этнической истории сыграл приход булгар и родственных им племен, когда установилось булгаро-мадьярское взаимодействие и тюркизация местных племен. В этой этнической среде в VIII—IX вв. сформировался ранний этнический субстрат башкирского народа. В IX в. печенежские орды, в составе которых были и башкиры, продвинулись из Приаралья на запад и заняли территорию современной Башкирии. В докладе отмечена трудность решения вопроса о взаимодействиях местного смешанного населения с пришлым и отсутствие связей башкир с венграми, которые к IX в. покинули свою территорию. По осторожности в выводах и тщательности анализа доклад Р. Г. Кузеева должен быть отнесен к наиболее аргументированным и близким к правильному решению вопроса.

Очень хорошее впечатление оставил доклад М. С. Акимовой, посвященный анализу антропологического материала. По мнению М. С. Акимовой, основу башкир составил антропологический тип, характерный для пьяноборской культуры. Намечается связь пьяноборских племен с бахмутинцами и современными башкирами, особенно с северными. Можно говорить, что основу антропологического типа современных башкир составляют местные племена. С течением времени на эту основу наслоились пришлые группы, принадлежавшие европеоидной и монголоидной расам, которые, не изменив коренным образом состав местного населения, оставили определенный отпечаток. М. С. Акимова отметила, что черепа кара-абызской культуры идентичны пьяноборским. Она указала, что кушнаренковские черепа не имеют аналогий в сибирском материале и, вероятнее всего, кушнаренковские и турбаслинские племена связаны с югом. Нельзя не заметить, что многие взгляды, высказанные на конференции археологами, не получили подтверждения в антропологическом материале.

Ряд докладов касался частных тем. В их числе несколько далеко стоящий от темы конференции, но весьма содержательный доклад О. Н. Бадера «Первоначальное заселение и палеолит Башкирии и Южного Урала». Им отмечено заселение Западного Приуралья в ашельское время. В эпоху позднего палеолита Урал в южной и средней части представлял собой своеобразную промежуточную зону между Европой и Сибирью с преобладающими сибирскими элементами. Значительное внимание было уделено Каповой пещере.

Г. Н. Матюшин в докладе «Пути развития южного Урала в эпоху среднего и позднего каменного века» пришел к выводу, что южноуральский мезолит сложился на местной палеолитической основе. Им выделены две культуры времени мезолита, освещено своеобразие культур неолита, отмечены памятники энеолита. Остановился докладчик и на Давлекановском погребении, давшем костный материал, показывающий, что уже в эпоху неолита сложился коренной тип населения Урала.

Эпохе поздней бронзы был посвящен доклад В. С. Стоколоса «Локальные варианты алакульской культуры в Южном Зауралье». Докладчик считает, что установленные К. В. Сальниковым этапы развития андроновской культуры: федоровский, алакульский и замараевский в самом деле являются самостоятельными культурами со своими признаками и ареалом. Докладчик подробно остановился на характерных признаках алакульской культуры, ее локальных особенностях и хронологии.

---

[1] Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, стр. 17.

К. Ф. Смирнов посвятил свой доклад ранним кочевникам Южного Урала, осветив особенности культуры савроматского населения отдельных районов, формирование прохоровской культуры, контакт с населением Зауралья и Западной Сибири, вопрос о сарматских памятниках Башкирии, взаимосвязи с местным оседлым населением и инфильтрацию в их среду сарматов. Он остановился на поздних сарматских памятниках. По его мнению, связь турбаслинцев с поздними сарматами несомненна.

Периоду средневековья был посвящен ряд докладов: С. М. Васюткина «О периодизации истории населения Башкирии эпохи средневековья (III—XIII вв.)», Г. И. Матвеевой «Население Башкирии второй половины I тысячелетия н. э.», А. Х. Пшеничнюка «Об этническом составе населения Башкирии в эпоху раннего железа», А. П. Смирнова «Из этнической истории западного Приуралья в I тысячелетии н. э.». Эти доклады в значительной мере носили полемический характер. Различные точки зрения высказывались в отношении первого проникновения тюрок, по-разному определялась этническая принадлежность археологических культур. Различны были взгляды исследователей и на время прихода в Западное Приуралье башкир, хотя большинство относит этот факт к самому концу I тысячелетия.

Спорным остался вопрос о роли угров. Следует заметить, что выступавшие докладчики давали этническое определение культур и отдельных памятников, исходя из понимаемой ими исторической обстановки. Интересный доклад М. Х. Садыковой касался хозяйства башкир IX—XIV вв., реконструированного по археологическим данным. Ряд докладов был посвящен общим элементам в культуре населения Башкирии и Поволжья. В их числе — доклад П. Н. Старостина «Этнокультурные связи населения башкирского Приуралья и Нижнего Прикаспия в I тысячелетии н. э.», Е. П. Казакова «О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии», Е. А. Халиковой «Общий компонент в составе населения VII—X вв. Волжской Болгарии и Башкирии», Р. Г. Фахрутдинова «К вопросу о взаимоотношении Волжской Булгарии и Казанского ханства с Башкирией». В этих докладах были хорошо документированы общие этнические компоненты Башкирии и Татарии VIII—XI вв.

Группа докладов характеризовала этнические и культурные связи Средней Азии и Сибири с Башкирией: доклад И. Кожомбердыева касался культурных связей Тянь-Шаня с Поволжьем — Приуральем (I—V вв.), В. Н. Ягодина — связей Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия. Т. Н. Троицкая в докладе «Новосибирское Приобье в начале I тысячелетия» отметила общие элементы в культуре племен лесостепной Оби и населения Западного Приуралья. Небольшой доклад В. Б. Ковалевской был посвящен вопросу о поломской культуре, выделенной В. Ф. Генингом на основании раскопок главным образом Поломского могильника. В. Б. Ковалевская весьма аргументированно отметила необоснованность предложенной даты и сумела доказать, что могильник датируется в основном IX—X вв., т. е. относится к культуре могильников и городищ Чепецкого края, названной В. Ф. Генингом чепецкой.

Подводя итоги, можно отметить, что археологи не смогли прийти к хорошо обоснованным выводам по этнической истории края. Этому несомненно мешали нечеткость представления об археологической культуре, отсутствие хорошо выработанных методов реконструкции этнической истории по археологическому материалу, отсутствие глубокого источниковедческого анализа. Все это привело к появлению взглядов, исключающих друг друга. Тем не менее обмен мнениями и заслушанные доклады несомненно сыграют положительную роль в решении сложной проблемы этногенеза башкирского народа.

Л. С. КЛЕЙН, С. С. МИНЯЕВ, Ю. Ю. ПИОТРОВСКИЙ, О. И. ХЕЙФЕЦ

ДИСКУССИЯ О ПОНЯТИИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ПРОБЛЕМНОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В советской и иностранной археологической литературе стало уже почти правилом сопровождать каждое крупное исследование определением «археологической культуры» или рассматривать материал без разъяснения и определения этого понятия. Констатация того, что исследователи, оперируя термином «археологическая культура», зачастую разговаривают на разных языках, стала уже банальной. Поэтому в начале октября 1968 г. проблемный семинар при кафедре археологии ЛГУ занялся подготовкой дискуссии на эту тему. Дискуссии предшествовал ряд заседаний семинара, на которых были заслушаны подготовленные участниками семинара, рефераты статей, содержащих разработки определения «археологической культуры». Затем была составлена и распространена анкета, материалы которой легли в основу обсуждения на дискуссии.

В дискуссии (11 и 23 декабря 1968 г.) приняли участие преподаватели и студенты кафедры археологии, сотрудники ЛОИА АН СССР и Гос. Эрмитажа. В основном дискуссия развернулась вокруг нескольких проблем [1].

Как показала анкета, расхождения начинаются с общей оценки современного положения в археологической систематике и терминологии. Некоторые исследователи заявили, что стараются избежать применения термина «культура» в своих работах и не испытывают трудностей именно тогда, «когда термин удается обойти» (В. М. Массон). «Не всем археологам это понятие нужно,— сказал в своем выступлении Я. А. Шер.— Многие обходятся без него, изучая такие сложные явления как памятники Средней Азии. Если можно успешно изучать эти памятники, не пользуясь понятием «культура», то, может быть, рано все эти споры начинать? Получается, что без этого понятия... можно работать... Понятие приходит тогда, когда оно необходимо». С точки зрения П. М. Долуханова, разнобой в определении «доказывает невысокий уровень науки. Разве можно представить себе математиков, ведущих жгучую дискуссию на тему: а что такое интеграл?... Просто археология еще не поднялась до такого уровня», на котором определение станет возможным. В. А. Сафронов полагает, что «надо начать с выделения признаков... Как можно говорить о культуре, когда не разработаны основные понятия?... Нужна предварительная работа, нужно выработать какую-то базу, затем — несколько определений, затем вывести коэффициент перехода» от одного к другому, на этой основе — прийти к более общему определению. Л. С. Клейн сказал, что, по его мнению, «если археолог будет заниматься тщательным обследованием одного памятника с целью его публикации, то тогда ему понятие археологической культуры ни к чему. Если же археолог займется более широкой проблемой, синтезом, он вряд ли без этого понятия обойдется». Те, которые утверждают, что при этом обходятся без него, на деле обходятся лишь без этого термина, а не без этого понятия: они просто не применяют термина «культура», заменяя этот термин другим, иногда — описательными выражениями. Что же касается объяснения разнобоя отсталостью, то «совсем недавно этого разнобоя не было... Очевидно, здесь придется дать другое объяснение». Клейн предложил объяснить это явление не общим отставанием науки, а отставанием теоретических исследований от накопления материала.

Во многих выступлениях рассматривалась проблема объективности понятия «археологическая культура». Во всех определениях археологической культуры, по мнению М. Б. Щукина, есть один недостаток: «на археологическую культуру смотрят с археологической точки зрения». М. Б. Щукин предлагает опыт другого подхода. Любое общество — это «сложная структура: язык, происхождение, кровнородственные связи, антропологическая общность, религиозные или философские воззрения, традиции в одежде, в керамике или в чем-либо другом, культурные влияния соседей и т. д. ... Все эти компонеты взаимосвязаны и взаимодействуют. Какая-то часть их будет объединена в другую общность — это может быть этническая общность, она также состоит из многочисленных компонентов... Получается такая многоструктурная система... Все ее компоненты в той или иной степени находят отражение в материальной культуре — естественно, мы получаем неадекватное отражение: компоненты, проецируясь на материальную культуру, дают необычайно сложную картину. Но закономерностей этого отражения археолог не знает. Этим вопросом не занимались... Кроме того, все компоненты этой сложной структуры развиваются разными темпами, взаимодействуют, и здесь закономерность пока не всегда возможно установить».

Возражая против этого, А. Н. Румянцев предложил перевернуть схему М. Б. Щукина и рассмотреть все в обратном направлении — от археологического материала к обществу. Что мы можем сказать об общности людей, живущих в далеком прошлом? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего классифицировать материал — и для классификационного понятия у нас есть термин «археологическая культура». Каждую совокупность признаков мы должны учитывать. С помощью корреляции признаков мы выделим какие-то группы «и уже отсюда будем проецировать... При проецировании получим ли мы группу этническую или более широкую общность — это надо решать в каждом конкретном случае».

По мнению А. М. Микляева, «культура — это служебное понятие, это сумма данных, которыми мы оперируем».

В защиту служебного характера понятия «археологическая культура» выступил и Г. П. Григорьев. «Для меня является бесспорным,— сказал он,— что понятие «археологическая культура» — это что-то привнесенное нами в процессе научной работы... Действительно, все, чем мы занимаемся: каменные или железные орудия и т. п.— все они являются свидетелями жизни народов, но с жизнью народов их связывать нельзя. Единственное, что реально существующее вносится — это территория. Культура — это, по-моему, совокупность археологических типов, которые выдумываем мы

[1] Мы сочли более удобным изложить ход дискуссии, сгруппировав высказывания по этим нескольким проблемам и не всегда следуя очередности выступлений. Опускаем те положения Л. С. Клейна, которые были развернуто изложены им в статьях, специально посвященных проблеме археологической культуры (одна из них в этом номере СА)

сами, и это отделяет понятие культуры от конкретного понятия народности. Мы при помощи понятия «археологический тип» классифицируем вещи, и мы не страдаем, даже если не будем знать, как употреблялись эти вещи».

Исходя из этого, Г. П. Григорьев заключил: «нужно уточнение ряда понятий таким образом, как геологи уточняют свои понятия — например, границу между третичным и четвертичным периодами. Как делают геологи? Они созывают геологический конгресс, конгресс создает стратиграфическую комиссию, которая постановляет, что с 25 апреля граница проходит там-то. Все геологи должны следовать этому определению. Это вносит элемент диктатуры, но без этого нельзя обойтись. И далее — до следующего конгресса, когда потребуется пересмотр границы... Вы можете думать все, что угодно, но вы обязаны придерживаться решения... Мне кажется, что понятие «археологическая культура» должно быть доведено до уровня, если можно так сказать, партийной дисциплины».

Противоположную позицию занял М. П. Грязнов: «Культура — это воплощение чего-то определенного, реального, и наша задача заключается не в том, чтобы создавать новые культуры, а в том чтобы их открывать как факт, который был в действительности, и изучать». Возражая Г. П. Григорьеву, Л. С. Клейн говорил о том, что называя понятие чисто служебным, обычно имеют в виду его искусственность, условность, имеют в виду, что оно не является объективным отражением реального явления в материале. Можно, конечно, придавать другое значение слову «служебное» (в известном смысле — всякое понятие является служебным, раз оно служит), но спор идет не об этом слове, а о характере нашего понятия, о его объективности, о степени условности.

В чем-то можно условиться, в чем-то нельзя. Вот, говорят, геологи уславливаются о своих понятиях. О понятиях или о терминах? Они уславливаются о том, какой краской заливать на картах отложения разных периодов, какие отложения как называть, какой точно пункт шкалы считать границей между двумя периодами, но таким путем обходится спор лишь относительно точной локализации границы в пределах какого-то интервала, а сам этот интервал безусловен, бесспорен, он открыт в материале, а не придуман. То есть в материале открыто деление на периоды. Условное решение принимается там, где пока невозможно более детальное уточнение или где неясна группировка открытых общностей. И это условное решение действительно лишь в очень узкой сфере практических научных потребностей (в данном случае — обозначение на карте).

В применении к археологии, продолжал Л. С. Клейн, это выглядит так. Возьмем Минойский Крит. Предложенная Эвансом трехчленная периодизация (с 9 подпериодами) условна в том смысле, что на деле наиболее глубокие цезуры в колонке стратиграфических горизонтов проходят не там, где их провел Эванс. И число 9 и группировка по 3 — искусственна. Но схема правильно отражает наличие разнокультурных отложений, учитывает (с позднейшей детализацией) все границы между ними, верно отражает (с несколькими поправками) их общую последовательность — в этой части уже схема Эванса была объективной. Для суждения об истории Крита, о ходе развития его культуры, она не годится, построены другие (например, схема Платона), но для технического учета материала и установления абсолютной хронологии она пригодна. А так как изменение схемы потребовало бы огромной переделки каталогов, справочников, паспортов и т. п., то считается более целесообразным сохранять эту схему, несмотря на ее условность — но сохранять, конечно, только применительно к той сфере, в которой это допустимо. Археологическая культура — понятие иной сферы.

А. Д. Грач обратил внимание слушателей на то, к каким следствиям ведет на практике вольное обращение с понятием культуры как чисто служебным, искусственным. За последние годы, сказал он, археологи «наплодили уйму культур и культурочек. Что ни деревня — то культура. Исследователи, утратившие широкий взгляд на вещи, стали увековечивать свои имена в искусственно создаваемых дробных культурах. Новые культуры надо регистрировать в Полевом Комитете, как новые памятники!». Л. С. Клейн заметил, что при всем согласии с исходной позицией А. Д. Грача, он считает все же более плодотворным идти на риск излишнего дробления культуры (свести потом адекватные части воедино несложно), чем на риск недостаточной дифференциации (при которой чужеродные явления будут смешаны и усреднены).

Я. А. Шер предложил другой подход к проблеме. Вещи, собранные с территории, на которой достаточно полно раскопаны памятники, дают нам представление о памятниках. «Представление о памятниках — это явление реальное». Далее следует обобщение данных. «Признак, тип, культуру руками не потрогать, это — абстракции». Но, «каждое из этих понятий имеет исторический смысл. Если мы построим уравнение, величины которого выражены сами собой, то такое уравнение, не будет иметь смысла. Я думаю, что необходимым критерием понятия культуры должен быть определенный исторический смысл... Мы должны иметь перечень определенных вещей, которые за ним скрываются».

Таким образом, проблема объективности понятия «археологическая культура» тесно связана с проблемой исторической основы понятия и методов ее выявления. Другие сторонники объективности понятия «археологическая

культура» сочли необходимым внести существенные оговорки в трактовку, предложенную Я. А. Шером.

«На мой взгляд,— сказал В. С. Бочкарев,— это основное классификационное понятие... Это — емкое понятие... Тут два момента: а) археологическая культура как реально существующее явление и б) что можно из этой сущности извлечь. Это часто путается... Археологическая культура — это основное понятие археологической классификации, а не историческое».

«Уничтожить историчность понятия нельзя,— возразил А. Д. Грач,— это приведет к вещеведению».

А. М. Микляев напомнил, что именно в поспешном преждевременном стремлении реконструировать прошлое по культурам мы нередко отрываемся от фактов. Как пример он привел работы А. Я. Брюсова. «К этому приводит преждевременное введение историзма,— сказал он.— Может быть, в целом археологическая наука не доросла до историзма».

Г. С. Лебедев считает археологическую культуру классификационным понятием. «Значит ли это,— спрашивает он,— что за культурой не стоит историческая реальность? Нет, не значит, но культура — это понятие такого уровня исследования, на котором историческое содержание мы вскрыть не можем». Я. А. Шер: «При каком же условии понятие культуры раскроет историческое содержание?». Г. С. Лебедев: «В самом понятии «культура»... мы его не раскроем. На уровне культуры мы не вправе делать такие суждения. Следующий этап исследования и понятия этого следующего этапа дают возможность раскрыть историческое содержание». Я. А. Шер: «Что это за следующий уровень?, Р. С. Лебедев: «Интерпретационный». Л. С. Клейн· «Речь идет о том, что в основу единства понятия или группы понятий мы должны положить совокупность связей, корреляцию типов. Затем классификационный уровень сменяется интерпретационным, извлекаются определенные частные выводы. На этой базе становится необходимым сопоставление накопленного и сгруппированного материала с материалами других наук: этнографии, социологии, лингвистики и т. д., и только когда будут такие сопоставления, окажется возможной более полная историческая интерпретация материала — исторический синтез». Г. С. Лебедев: «Причем первая ступень — классификация — необходимое условие перехода к следующим этапам. Это особый этап, требующий своих понятий. Одно из них и есть — «археологическая культура». М. П. Грязнов: «Я бы с этим согласился, если бы тип и культура — это были термины чисто классификационные. Но тогда нам надо подыскать другие термины (дать названия) явлениям исторического процесса... У нас обычно бывает так: по одну сторону классифицируем горшки и обряды, по другую — изучаем исторический процесс... Термин «культура» все же лучше оставить за основными историческими делениями». Л. С. Клейн: «Для исторических общностей не надо подыскивать термины — они есть: народ, этнос, государство, церковь, язык, диалект и др.».

Острый спор возник по вопросу о том, является ли археологическая культура фундаментальным понятием археологической науки. А. И. Попов упрекнул археологов в том, что они используют термин «культура» для наименования совершенно разнородных общностей — различного объема, различных эпох, различных социальных укладов. М. П. Щукин высказался за необходимость разработки особых понятий для каждой крупной эпохи — палеолита, неолита, бронзового века и т. д., так как «единое понятие культура от палеолита до поздней бронзы... не имеет смысла». «Общего понятия быть не может, — поддержал его А. М. Микляев, — не может быть понятия, которое удовлетворило бы всех». Вместо того чтобы говорить о культурах в неолите, А. М. Микляев предложил говорить о «типах памятников». Г. П. Григорьев: «Чем отличается тип памятника от культуры?». Л. С. Клейн: «Не есть ли это замена термина, а понятие остается примерно тем же?» А. М. Микляев: «Тип памятника — более точное определение: территория нам еще неизвестна; ...мы не собираемся говорить об этносе и языке...; ограничиваемся сугубо техническими задачами сравнения памятников». Я. А. Шер: «Вы не соглашаетесь с определением В. С. Сорокина, но говорите о том же, только другими словами». Г. П. Григорьев отметил, что этнос тут не при чем, так как и в определении археологической культуры его сейчас не все вносят, а язык — все не вносят. «Вы неолитчик, я — палеолитчик. Но все мы археологи, — сказал Г. П. Григорьев, — и основные понятия у нас должны быть общие. Астрономы занимаются звездами, все — разными, но у них есть общее понятие «звезда». А. М. Микляев: «У нас разные источники. У вас, палеолитчиков, ничего, кроме кремешков и стратиграфии, нет, нет керамики, многих орудий труда». Г. С. Лебедев: «Когда вы классифицируете материал, ту же керамику, вы пользуетесь понятием тип?». А. М. Микляев: «Пользуюсь». Г. С. Лебедев: «Вы вкладываете в него другое содержание, чем палеолитчик, или нет? Нет. Почему же на более высоком уровне систематизации, когда встает вопрос о культурах, не сохранится то же соотношение?» Л. С. Клейн: «Конкретные вещи у вас разные, но абстракции — общие».

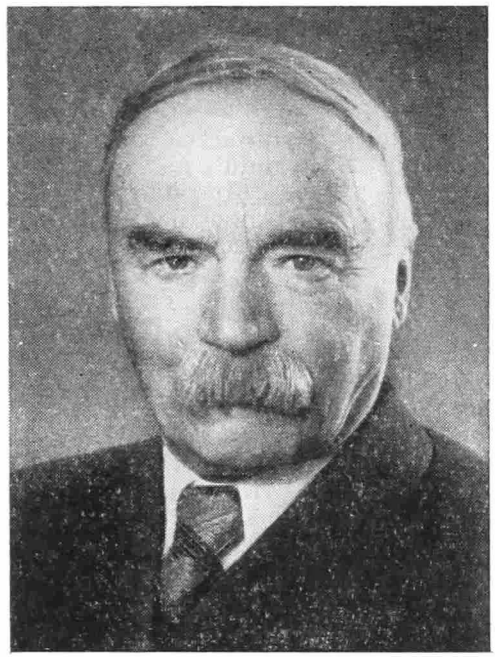
Рассматривая проблему границ понятия, М. П. Грязнов предложил вернуться к определению, которого, по его мнению, придерживались В. А. Городцов, А. А. Спицын, С. А. Теплоухов, и считать археологическую культуру «определенным периодом в истории развития того или иного общества, который характеризуется опре-

деленным уровнем общественного развития» и не вкладывать другое содержание в эти понятия. Л. С. Клейн, отвечая М. П. Грязнову, отметил, «что в свое время этот подход был исторически обоснован. Это было связано со слабой изученностью территории, на которой работали и В. А. Городцов и С. А. Теплоухов — небольших островков в океане неизвестности. И хотя ямная и катакомбная культуры были выделены по корреляции признаков, у них не было территориальных границ, и они воспринимались тогда как периоды в развитии культуры. Когда же стали накапливаться сведения с других мест и исчезать белые пятна, В. А. Городцов стал называть их культурами и рисовать карты культур. Так что возвращаться сейчас к первоначальному пониманию этого термина незачем.

По мнению П. М. Долуханова, «раньше, чем реально говорить о сущности понятия «культура», надо прежде всего сосредоточить внимание археологов на вопросах хронологии: для того, чтобы решить, что объекты 1 и 2 относятся к одной культуре, надо быть уверенным, что они одновозрастны. Тогда мы сможем сформировать хронологический пласт и говорить о сущности понятия. У нас будет основание говорить, что одновозрастные памятники формируют одновозрастную культуру. Если будет построена такая схема, опирающаяся на методы, на данные естественных наук, тогда понятие «культуры» для каждого этапа будет более определенно».

Л. С. Клейн: «Значит, если у вас имеются два сходных во всем памятника, при этом один из них имеет хорошо датированную фибулу, а другой имеет фибулу другого века (так бывает), вы не включите их в одну культуру?». П. М. Долуханов: «Каждая культура развивается во времени и в пространстве. Так вот, во времени это будут различные этапы одной культуры. Можно выделить и просто отнести к одной культуре памятники с фибулами, о которых говорил Клейн, но в таком случае мы игнорируем фактор времени... Важен и географический фактор». Л. С. Клейн: «Сначала мы должны выделить культуру, а потом выяснять, на сколько веков она простирается и на сколько квадратных километров. Сначала типология, потом — хронология и география».

Некоторые из участников дискуссии предлагали принять резолюцию и предусмотреть какие-то практические меры. «А то поговорили и разошлись». Но научные вопросы не решаются большинством голосов, возразил, подводя итог, Л. С. Клейн, председательствовавший на дискуссии. Вряд ли можно сейчас установить единомыслие в этом вопросе, переубедить одну часть участников или, более того, навязать ей мнение другой части. Задача дискуссии — выяснить для всех существующие точки зрения, проверить и сравнить их обоснованность, помочь отточить аргументацию, выявить узловые вопросы, перспективные для дальнейшей разработки, и тем самым способствовать появлению новых работ, которые и приблизят нас к решению проблемы.



СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ РУДЕНКО

16 июля 1969 г. умер один из крупнейших советских археологов — Сергей Иванович Руденко.

Имя С. И. Руденко уже давно стало широко известным в советской и мировой археологической науке. Его основные сочинения переведены на европейские языки. Находки и коллекции, собранные им,— украшения крупнейших музеев. Мысли, им высказанные, являются и еще долго будут оставаться предметом плодотворных дискуссий.

С. И. Руденко родился в 1885 г. в Харькове. Он окончил Пермскую гимназию. С 1904 по 1910 гг. учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Уже в студенческие годы и по окончании университета Сергей Иванович проводит ряд экспедиций, изучая этнографию и проводя антропологическое исследование народов Сибири. В 1908 г. во французском журнале выходит его первая работа — о традициях и сказаниях башкир. В 1913—1914 гг. по командировке университета Сергей Иванович предпринимает заграничное путешествие. Он посещает Турцию, Сирию, Палестину, Египет, Италию. В течение года он слушает лекции и проводит антропологические исследования в лабораториях Парижа. В результате этих работ появляется ряд статей во французских и русских журналах.

По возвращении в Россию С. И. Руденко читает лекции по антропологии и географии в Петроградском университете, на Бестужевских курсах. Он — один из первых преподавателей первого научно-учебного географического заведения в России — Географического института. В те же годы Сергей Иванович проводит раскопки прохоровских сарматских курганов в Оренбургской области. В 1916 г. выходит первая часть его магистерской диссертации «Башкиры. Опыт этнологической монографии» (вторая часть вышла в 1925 г.; переработанное издание в 1931 г). В 1918 г. Ученый совет Московского университета присуждает С. И. Руденко степень магистра географии.

В 1919—1921 гг. Сергей Иванович сперва доцент Новороссийского, затем профессор кафедры географии Томского университета. С 1921 г. он вновь в Петрограде, заведует кафедрой антропологии и этнографии университета и отделом этнографии Русского музея. Сергей Иванович активно участвует в работе Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, руководит комиссиями Академии наук: Алтайской, Четвертичной, Истории знаний, проводит ряд экспедиций.

В 1931 г., в связи с несправедливыми обвинениями, снятыми с него лишь в 1957 г., он был направлен в Беломорско-Балтийские исправительно-трудовые лагеря. В 1934 г. его досрочно освободили. В трудных условиях С. И. Руденко сумел поставить свои силы и разум на службу Родине. На строительстве Беломорско-Балтийского канала Сергей Иванович исследует элементы озерной волны и их влияние на оградительные сооружения, что имело большое народнохозяйственное значение. Переведенный в отдел гидрологии Беломорско-Балтийского комбината, а позднее в Институт гидрологии, С. И. Руденко исследует гидрологический режим р. Туломы и его расчеты ложатся в основу проекта Туломской ГЭС. В дни войны на должности начальника отдела Гидрометслужбы Ленинградского фронта Сергей Иванович составляет прогнозы ледового режима Дороги жизни — ледовой трассы Ладожского

озера. Гидрологические работы С. И. Руденко были обобщены в труде, посвященном проблемам испарений с поверхности больших водохранилищ. Эта работа была им защищена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук.

С 1942 г. С. И. Руденко вновь занимается археологическими исследованиями. В 1945 г. им проведена большая экспедиция на Чукотский полуостров. Написанная по материалам экспедиции монография («Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема». М.— Л., 1947 г., позднее изданная на английском языке в Торонто) стала настольной книгой как советских, так и американских исследователей древних культур Берингии.

В 1947—1950 и в 1954 г. С. И. Руденко провел ряд экспедиций в Горный Алтай (начало этим работам было положено еще в 1924 и 1929 гг.). В результате этих экспедиций, проходивших в исключительно тяжелых условиях, была открыта и раскопана большая группа курганов с каменной насыпкой. Так была выявлена богатая, мирового значения культура племен Алтая в скифское время («Культура населения Горного Алтая в скифское время». М.— Л., 1953; «Культура населения Центрального Алтая в скифское время». М.—Л., 1960). Одного этого открытия было бы достаточно, чтобы обессмертить имя ученого. В указанных монографиях С. И. Руденко всесторонне исследовал культуру и искусство алтайских племен, проследил их связи с культурами Древнего Востока и Восточной Европы. Продолжая изучение древних племен Центральной Азии, Сергей Иванович издает ранее неопубликованные коллекции Эрмитажа: Сибирскую коллекцию Петра I (САИ, Д3—9, М.— Л., 1962), Ноин-Улинские курганы (М.— Л., 1962). Переведенные на многие языки, эти труды стали достоянием мировой науки.

В 1954 г. С. И. Руденко по заданию дирекции Института археологии создает и возглавляет Лабораторию археологической технологии. В короткий срок были организованы лаборатории радиоуглеродного датирования, спектрального, химического анализов, палеогеографическая группа. Вышедшие под редакцией С. И. Руденко труды сотрудников лаборатории позволили широкому кругу исследователей ознакомиться с теми возможностями, которые открывают перед археологией методы точных и естественных наук.

Первобытная и скифо-сарматская археология, антропология, этнография, гидрология, искусствоведение — вот краткий перечень дисциплин, которыми приходилось серьезно заниматься С. И. Руденко на протяжении своей жизни. И во всех этих областях он проявил себя как неутомимый исследователь, всегда искавший и находивший новое.

П. М. Долуханов

Ю. КОСТШЕВСКИЙ

Польская наука понесла тяжелую утрату. 19 ноября 1969 г. в Познани на 84-м году жизни скончался профессор, доктор Юзеф Костшевский (Józef Kostrzewski), выдающийся ученый, создатель современной польской археологической школы и один из основателей Познаньского университета, действительный член Польской академии наук и бессменный председатель Польского археологического общества.

Ю. Костшевский родился 25 февраля 1885 г. в Вентлеве под Победзисками, недалеко от Познани. Учился во Вроцлавском и Краковском университетах, а затем в Берлинском, который окончил в 1914 г., получив ученую степень доктора философии. В том же году в Познани вышла его первая книга «Великопольша в доисторические времена», на долгие годы ставшая основной монографической работой по археологии Польши. По окончании университета Ю. Костшевский руководил археологическим отделом Познаньского музея, а в 1919 г., когда при его самом активном участии в Познани был создан польский университет, он становится его бессменным профессором и руководителем кафедры археологии (до 1956 г.). Одновременно с этим, начиная с 1923 г. и вплоть до 1958 г., Ю. Костшевский был директором Познаньского археологического музея.

Поистине всеобъемлющ диапазон научных исследований Ю. Костшевского. Кроме обобщающих работ по археологии Польши и ее отдельных областей (Великопольша, Силезия, Приморье), он занимался основными проблемами польского неолита и эпохи бронзы, вопросами происхождения, развития и этнической принадлежности лужицкой и поморской культур, позднелатенским и римским периодами, и, наконец, ранним средневековьем. Он руководил раскопками на известном Бискупинском городище, производил раскопки в Гнезно, Познани, Клецко, Одрах и во многих других местах. Материалы, добытые на Бискупинском городище, не только подтвердили мнение Ю. Костшевского о праславянском характере лужицкой культуры, высказанное им еще в 1913 г., но и позволили ему обосновать непрерывность развития самобытной и высокоразвитой культуры предков славян на территории Польши, начиная с середины II тысячелетия до н. э. вплоть до раннего средневековья, когда славяне выступают уже под собственными названиями. Доказательство автохтонности славян — основная научная заслуга Ю. Костшевского. Это же обстоятельство было причиной преследования Ю. Костшевского во время оккупации гитлеровцами, когда за голову укрывавшегося в подполье профессора была объявлена награда.

После окончания второй мировой войны Ю. Костшевский очень много сделал для организации польских археологических исследований в новых условиях. Кроме большой научно-педагогической и научно-организационной деятельности он занимался редактированием целого ряда периодических изданий, возглавлял Польское археологическое общество, переводил на польский язык наиболее ценные труды зарубежных археологов, а главное, писал, много писал.

Ю. Костшевский был не только выдающимся ученым. Как человек, он отличался необыкновенной добротой, справедливостью и гражданским мужеством, как учитель, воспитавший несколько поколений польских археологов,— большой терпеливостью; еще одна черта отличала Ю. Костшевского — необыкновенное трудолюбие. Он всегда работал. За 60 лет неустанных трудов Ю. Костшевский сделал столько, сколько под силу разве целому научному коллективу.

Память о Костшевском останется в сердцах всех знавших его.

Ю. В. Кухаренко

И. А. ГЗЕЛИШВИЛИ

В июне 1968 г. скончался Иосиф Александрович Гзелишвили.

И. Гзелишвили родился в 1910 г. в семье тбилисского педагога. В 1933 г., окончив геологоразведочный факультет Закавказского горно-металлургического института, стал работать в Тбилисском НИИ сооружений и гидроэнергетики — сперва младшим, а затем старшим научным сотрудником.

В 1944—1945 гг. И. Гзелишвили — старший геолог Грузинской конторы Союздорпроекта. В 1946 г. защитил диссертацию на звание кандитата геолого-минералогических наук.

Именно в это время усилились его контакты с грузинскими археологами, начавшиеся еще в довоенные годы, когда он периодически привлекался как консультант при раскопках древних сооружений в Колхидской низменности, на горе Багинети — Армазцихе (Мцхета) и т. д. С 1945 г. И. Гзелишвили переключился на работу по археологии. Долгое время он работал старшим научным сотрудником отдела археологии Института истории им. Джавахишвили АН ГрузССР, а в последние годы — средневекового отдела сектора археологии Института истории, археологии и этнографии им. Джавахишвили; в 1948—1955 гг. был ученым секретарем института, в 1959—1965 гг. руководил созданной им лабораторией археологической технологии.

В 1945 г. И. Гзелишвили провел небольшие, но результативные раскопки кремационного могильника в Цебельде (Абхазия) и затем участвовал в ряде важнейших историко-археологических экспедиций Института (Мцхетской, Нижне-Картлийской, Нацаргорской, Абхазетской, Триалетской, Ховлейской, Сагварджильской, Алазанской и др.). С 1953 г. руководил различным экспедициями в Тетри-цкаройском (1953—1956 гг.) и Болнисском (1957—1960, 1964—1966 гг.) районах, в старом Тбилиси (1956—1957 гг. и 1966—1967 гг.) и в Аджарии (1960—1961 гг.).

Раскопками И. Гзелишвили в Тетри-цкаройском районе было положено начало планомерному изучению средневековых селищ Грузии. Эта новая, почти не исследовавшаяся до тех пор группа памятников, относящаяся в основном к среднефеодальной эпохе, значительно обогатила представления о хозяйстве, быте и культуре одного из ведущих отрядов непосредственных производителей материальных благ в феодальной Грузии — крестьянства. За этим последовали раскопки в соседнем Болнисском районе, где был изучен ряд селищ средне- и позднефеодальной эпох. В настоящее время раскопки селищ, ведущиеся воспитанниками И. Гзелишвили, охватывают все бóльшую территорию.

Другой исключительно важной группой памятников, ставшей предметом пристального внимания И. Гзелишвили (1960—1967 гг.), стали остатки горнорудного и металлургического производства — в основном средневековой, а также более ранних эпох — в Нижнем Картли и Аджарии. Была очерчена первичная картина истории добычи и выплавки железа (частично и меди) в ряде уголков страны, славившихся исторически как «саркинети», т. е. места выделки железа, очаги металлургии. Раскопками И. Гзелишвили выявлены плавильные печи порой технически уникального устройства; добыты новые доказательства весьма раннего расцвета в Грузии металлургии железа; вскрыты древние горные выработки; изучены остатки поселений «людей железа», надежно датирующиеся и увязывающиеся с обычными селищами

и т. д. И. Гзелишвили первым поставил вопрос о координированном изучении истории древнего горного дела и металлургии по республикам Закавказья.

Особо следует отметить раскопки И. Гзелишвили в окрестностях древнего города Болниси, вскрывшие остатки весьма раннего монастырского комплекса со множеством каменных стел, крестов, грузинских надписей, портретом вельможи на одной из стел и т. д. (V—VIII и последующих веков).

Весомый вклад внесен И. Гзелишвили и в археологию столицы Грузии. Глубокие срезы культурных слоев на площади Ираклия II выявили остатки сооружений со множеством разнообразных находок почти всего средневековья — от IV—V вв. до XVIII в. включительно. Особо важным и качественно новым следует признать вскрытие раннесредневековых слоев с портретной интальей на каменной печатке, стеклянной и глиняной (в том числе ранней поливной) посудой и т. д. Слои среднефеодальной эпохи во многом дополняют данные раскопок других археологов — в 1948—1949 гг. (керамические и другие мастерские XIII в.), а слои позднефеодальной эпохи были зафиксированы научными раскопками впервые. Все это значительно обогатило «археологический фонд» истории средневекового Тбилиси.

Последние годы И. Гзелишвили был одним из руководителей Тбилисской экспедиции Института и городского Историко-этнографического музея, приступившей к систематическим раскопкам важнейшего памятника столицы — развалин главной крепости («деда цихе»), где уже достигнуты значительные результаты: внутри цитадели раскрыты остатки большого храма XII—XIII вв. и других сооружений дворцового комплекса, добыт обильный материал средне- и позднефеодальной эпох. На 1968 г. И. Гзелишвили планировались работы особого отряда экспедиции по раскопкам обнаруженного им на берегу Тбилисского моря поселения позднебронзовой — раннежелезной эпох, но это уже не осуществилось.

Таков кратчайший перечень археологических исследований, в которых участвовал и которыми руководил на протяжении двух десятилетий безвременно ушедший от нас товарищ — один из энергичнейших и инициативнейших работников советской археологии. Следуя свойственному ему весьма положительному правилу, И. Гзелишвили своевременно, оперативно публиковал как предварительные отчеты, так и обобщающие статьи и монографии. Он оставил около 50 печатных работ, посвященных рассмотренным выше памятникам, а также подготовил к печати две монографии: о селищах Грузии (на русском языке) и значительно переработанный и дополненный вариант изданной в 1964 г. книги «Железоплавильное дело в древней Грузии» (на русском языке). Последняя предназначалась для докторской диссертации, но автор не дожил до ее защиты.

Смерть И. Гзелишвили — тяжелая утрата для коллектива грузинских археологов. В его лице мы имели специалиста с многосторонней подготовкой и широкими интересами, успешно руководившего работами по использованию новейших достижений точных и естественных наук, без которых уже немыслима современная археология.

Деятельность Иосифа Александровича Гзелишвили на поприще археологической науки оставила неизгладимый след.

Г. А. Ломтатидзе

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО, 1966 — Сб. «Археологические открытия 1966 г.»
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Сб. «Археология и этнография Башкирии»
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАН Арм.ССР — Вестник Академии наук Армянской ССР
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВМГУ — Вестник Московск. гос. университета
ВОКК — Вісник Одеської комісії краезнавства
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры
ГНАМ — Годишник на народния археологически музей. София
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ДИСИФ — Доклады и сообщения исторического факультета Московск. гос. университета
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗОРСА РАО — Записки Отдела русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАН Арм.ССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИГАИМК — Известия Гос., академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
Изв. ООН — Известия Отделения общественных наук
ИИАО — Институт истории, археологии и этнографии (Сухуми)
ИРАО — Известия Русского археологического общества
КБН — Корпус Боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГПИ — Московск. гос. педагогический институт
МИАю-з СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики
МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси
МКА — Сб. «Материальная культура Азербайджана»
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МХЭ — Материалы Хорезмийской экспедиции
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский гос. археологический музей
ПГПИ — Псковский гос. педагогический институт
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПЛ — Псковские летописи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАЖ — Русский антропологический журнал
РГО — Русское географического общество
САИ — Свод археологических источников
СА РАНИОН — Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Сб. МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
СГАИМК — Сообщения Гос. академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СЭ — «Советская этнография»
ТПАО — Труды Псковского археологического общества
Тр. Абхаз. ИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы, истории
Тр. ГИМ — Труды Государств. Исторического музея
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Тр. ККМ — Труды Калмыцкого краеведческого музея
Тр. ОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинград. гос. университета

Уч. зап. КНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исслед. института
Уч. зап. МГПИ — Ученые записки Московск. гос. педагогического института
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского гос. университета
Уч. зап. ТувНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории
ФАН — Филиал Академии наук
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов
AA — Acta archaeologica
AAKbh — Acta archaeologica. København
AH — Archaeoligia hungarica
AAL — Acta archaeologica Lundensie. Sweden.
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
CAH — The Camdridge Ancient History
EAF — Ethnographisch archäologische Forschungen
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
DAI — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen instituts
ILN — Illustrated London News
Fr — H. v. Fritze. Die Elektronprägung von Kyzicos. Nomisma, VII, 1912.
MCA — Materiale şi cercetari archaeologica
NC — Numizmatic Chronicle
PPS — Proccedings of the Prehistoric Society
SA — Slovenskà archeológia
SCIV — Studii si cercetare de istorie veche
SK — Seminarium Kondakovianum
WA — Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

К столетию со дня рождения В. И. Ленина 3

Статьи

Ю. Н. Захарук (Киев). Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки 8
И. С. Каменецкий (Москва). Археологическая культура — ее определение и интерпретация 18
Л. С. Клейн (Ленинград). Проблема определения археологической культуры 37
А. М. Хазанов (Москва). Характерные черты сарматского военного искусства 52
Л. А. Ельницкий (Москва). Скифские легенды как культурно-исторический материал 64
Н. И. Сокольский (Москва). Виноделие в азиатской части Боспора . . . 75
И. К. Лабутина (Голунова) (Псков). Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова 93

Публикации

И. М. Чеченов (Нальчик). Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике 109
А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина (Москва). Литейные формы из Лявлякана 125
В. И. Мамонтов (Волгоград). Материалы Пятиморской стоянки 136
А. Л. Нечитайло (Ставрополь). Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской 145
С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян (Ереван). Находки новых бронзовых статуэток в Армении 157
А. П. Уманский (Барнаул). Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье 169
Э. А. Рикман (Москва). Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии 180
А. П. Рунич (Пятигорск). Катакомбы Рим-горы 198

Заметки

М. Н. Петров (Новгород). Стоянки развитого неолита в северном Приильменье 211
Н. А. Черницын (Тотьма). Тотемный знак на гальке 216
Б. А. Шрамко (Харьков). Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии 217
А. В. Бодянский (хут. Петрополь, Запорожской обл.) Находка раннескифских вещей в Днепровском Надпорожье 221
С. А. Булатович (Одесса). Клад кизикинов из Ольвии 222
В. Е. Максименко (Ростов н/Д). Сарматские погребения в дельте Дона . . 224
Г. К. Шамба (Сухуми). Погребение II в. н. э. из Мацесты 232
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э. 238
В. Б. Виноградов (Грозный). Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в горной Чечне 244
Ю. П. Спегальский. Церковь Василий на Горке в Пскове 252
Х. П. Абдуллаев (Баку). О Бешбармакском оборонительном сооружении в связи с колебанием уровня Каспийского моря 256

Библиография

И. Л. Станкевич (Москва). Раскопки Марлык-Тепе (обзор публикаций) . 261
О. В. Черненко (Киев). A. Snodgrass. Early Greek Armour and Weapous . . 263
В. В. Седов (Москва). О. Н. Мельниковская. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке 265
А. М. Хазанов (Москва). Некоторые спорные вопросы истории сложных луков 273
М. Ф. Косарев, Н. Л. Членова (Москва). Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Вып. 1. 276
В. Бжания, В. Егоров (Москва). В. В. Пачулиа. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана 281

Хроника

Р. Л. Розенфельдт (Москва). Сессия Отделения истории АН СССР и Пленум Института археологии АН СССР в 1969 г. 285
И. С. Винокур, Э. А. Сымонович (Каменец-Подольский, Москва). Третья подольская историко-краеведческая конференция 292
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов (Москва). Уфимская конференция по этногенезу башкир 294
Л. С. Клейн, С. С. Миняев, Ю. Ю. Пиотровский, О. И. Хейфиц (Ленинград). Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ 298
С. И. Руденко 303
Ю. Костшевский 305
И. А. Гзелишвили 306

SOMMAIRE

Vers le cetiéme anniversaire de V. I. Lénine 3

Articles

Yu. N. Zakharouk (Kiev). L'héritage théorique de Lénine et certains problémes du développement de la science archéologique 8
I. S. Kaménetsky (Moscou). Une culture archéologique, son définition et interpretation 18
L. S. Klein (Léningrad). Le problémе de la définition d'une culture archéologique 37
A. M. Khazanov (Moscou). Les traits caractéristiques de l'art militaire des Sarmates 52
L. A. Ielnitsky (Moscou). Les légendes scythiques comme matière culturelle et historique 64
N. I. Sokolsky (Moscou). L'industrie vinicole dans la partie asiatique de la Bosphore 75
I. K. Laboutina (Pskov). Les données des annales du XIVe siécle sur les fortifications de Pskov 93

Publications

I. M. Tchétchénov (Naltchik). Le tombeau de l'Age du Bronze ancien dans la ville de Naltchik 109
A. V. Vinogradov, E. E. Kouzmina (Moscou). Les moules de fonderie trouvés à Liavliakan 125
V. I. Mamontov (Volgograd). Les matèriaux de la station de Piatimorskoié 136
A. L. Nétchitailo (Stavropol). Les tumulus de l'Age du Bronze près de la stanitza Souvorovskaia 145
S. A. Essaián, A. O. Mnatsakanian (Erevan). Les trouvailles de nouvelles statuettes de bronze en Arménie 157
A. P. Oumansky (Barnaoul). Les trouvailles fortuites du temps des Scythes et des Sarmates dans les régions de l'Obi supérieur 169
E. A. Rikman (Moscou). Les site datant des premiers siècles de notre ére près du village Sobar 180
A. P. Rounitch (Piatigorsk). Les catacombes du temps alanien à la Rime-Gora 198

Notes

A. N. Pétrov (Novgorod). Les stations du Néolithique évolué dans les régions du Nord du lac Ilmen 211
N. A. Tchernitzyne (Totma). Le signe de totem sur les galets 216
B. A. Chramko (Kharkov). Sur la fabrications d'objets de parure en or par les artisans de la Scythie 217
A. B. Bodiansky (le Khoutor Pétropol de la région de Zaporojie). La trouvaille des meules votrives scythes à moudre grains dans la région en amont de Zaporojié sur le Dniepr 221

S. A. **Boulatovitch** (Odessa). Le trésor des monnaies de Cyziques provenant d'Olbia 222
V. E. **Maksiménko** (Rostov-sur-le Don). Les sépultures sarmates dans le delta du Don 224
G. K. **Chamba** (Soukhoumi). La sépulture datant du IIe siecle de notre ére de Matzesta 232
I. S. **Vinokour** (Kaméntz-Podolsky). L'expérience de la reconstruction du bâtiment du moulin datant des IIIe—IVe siécles de notre ère 238
V. B. **Vinogradov** (Gronzny). Le sépulcre du Haut Moyen Age près du village Kharatchoï sur le Territoire montagneux des Tchétchènes 244
Yu. N. Spégalsky. L'église Vassili-sur-le mont 252
Kh. P. Abdoullaïev (Bakou). A propos des fortifications de Béchbarmak en rapport aux oscillations du niveau de la Mer Caspienne 256

Bibliographie

I. L. **Stankévitch** (Moscou). Les fouilles de Marlyk-Tépé (revue des publications) 261
E. V. **Tchernénko** (Kiev). A. Snodgross. Early Greek Armour and Weapons . 263
V. V. **Sédov** (Moscou). O. N. Mélnikovskaya. Les tribus de la Biélorussie méridionnale dans le Premier Age du Fer 265
A. M. **Khazanov** (Moscou). Certains problèmes discutables concernant l'histoire des arcs composés 273
M. K. **Kossarèv, N. L. Tchlénova** (Moscou). Les communications du Laboratoire des recherches archéologiques de l'Institut pédagogique de Kémérovo. Fascicule 1 276
V. **Bjania, V. Egorov** (Moscou, Soukhoumi). V. V. Patchoulia. Les monuments historiques de l'Abkhazie, leur importance et protection 281

Chronique

R. L. **Rozenfeldt** (Moscou). La session de la Section de l'histoire de l'Académie des sciences de l'URSS et les séances plénières de l'Institut de l'archéologie de l'Académie des sciences de l'URSS en 1969 285
I. S. **Vinokourov, E. A. Symonovitch** (Kaménetz-Pidolsky, Moscou). La IIIe Conférence d'histoire et d'études régionales de Podolie 292
Yu. A. **Krasnov, A. P. Smirnov** (Moscou). La Conférence à Oufa sur la génèse éthnique des Bachkires 294
L. S. **Klein, S. S. Miniaïev, Yu. Yu. Piotrovsky, O. I. Khéifitz** (Léningrad). La discussion sur la notion «une culture archéologique» qui a eu lieu au Séminaire consacré aux problèmes archéologiques à l'Université d'Etat de Léningrad 298
S. I. Roudenko 303
Yu. Kostihévsky 305
I. A. Gzélichvili 306

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16/I-1970 г. Т-06718 Подписано к печати 10/IV-1970 г. Тираж 2655 экз.
Зак. 37 Формат бумаги 70×108 1/16 Уч.-изд. л. 30,2 Усл. печ. л. 27,3 + 1 вкл. Бум. л. 9 1/4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10